

UC-NRLF

SC 182 095

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

838

Kondakov, N. P.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИРИИ

И

ПАЛЕСТИНѢ

Н. П. КОНДАКОВА

СЪ 78 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И 72 ОТДѢЛЬНЫМИ ТАБЛИЦАМИ

Изданіе Императорской Академіи Наукъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1904.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Н. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ; Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; М. В. Ключкина въ Москвѣ; Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ; Е. П. Распопова въ Одессѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ; Г. Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Цѣна 6 руб. = Prix 15 Mk., 15 Fr.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1904 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

LOAN STACK

Оглавленіе.

СТРАНИЦЫ:

ВВЕДЕНИЕ. Отношенія палестинской археологіи къ общей исторіи искусства. Оригинальныя стороны древностей Сиріи въ архитектурѣ, орнаментикѣ, тканяхъ. Постановка вопроса объ источникахъ христіанскаго искусства въ сочиненіи проф. І. Стрыговскаго: «Orient und Rom». Новооткрытая крестовая базилика въ Херсонесѣ Таврическомъ. Результаты разбора «эллинистическихъ» основъ христіанскаго искусства въ книгѣ проф. Д. В. Айналова. Тракать о римской художественной промышленности А. Ригля. Взглядъ на древности христіанскаго Востока въ IV столѣтіи и значеніе памятниковъ Палестины въ исторіи образованія христіанскаго храма. Вопросъ о формахъ аканѳа въ греко-восточномъ христіанскомъ искусствѣ. Связи греко-восточной иконографіи съ Палестиною	1— 46
ГЛАВА I. Попутныя наблюденія памятниковъ христіанскаго искусства въ Константинополѣ, Аѳинахъ и Смирнѣ. Путешествіе изъ Бейрута въ Баальбекъ. Сассанидскій рельефъ въ Ферзулѣ. Вопросъ о времени и стилѣ построекъ Баальбека и значеніе его декоративной архитектуры. Дамаскъ. Общій характеръ мечети Омміадовъ и ея архитектурныхъ деталей	47— 69
ГЛАВА II. Путешествіе по Гаурану. Мусміе. Санаменъ. Эзра, ея церкви. Неджрапъ. Шухба. Шахка, ея базилики. Эль-Хитъ. Кенаватъ и его памятники христіанства древнѣйшей эпохи. Развалины Сіаха и вопросъ о ихъ значеніи и времени происхожденія. Атиль. Суведа, ея базилики. Босра, языческіе и христіанскіе памятники	70—109

Глава III. Путешествіе по Заіорданью. Развалины Пеллы. Деревни Аджлунъ и Суфъ. Памятники Герасы, ея шесть христіанскихъ базиликъ. Сальтъ. Пещеры и зданія Аракъ эль-Эмира. Общій характеръ древняго Раббатъ-Аммона или Филадельфіи и значеніе его отдѣльныхъ зданій. Дворецъ Эль-Казра, система и орнаментальныя детали его декораціи по отношенію къ сассанидскому періоду искусства и образованію арабскаго стиля. Стоянка экспедиціи въ Іерихонъ и археологическія развѣдки на мѣстѣ, принадлежащемъ Имп. Правосл. Палестинскому Обществу . . .	110—142
Глава IV. Іерусалимъ. Вопросы по исторіи храма Гроба Господня. Разборъ древнихъ свидѣтельствъ о храмѣ отъ Евсевія до крестоносцевъ; предположенія, извлекаемыя изъ древнихъ текстовъ, по вопросу о Константиновой базиликѣ Св. Гроба. Прописи базилики. Детали сѣвернаго нефа и церкви Св. Елены. Обзоръ развалинъ древнихъ храмовъ Іерусалима и капителей, сохранившихся въ Омаровой мечети, мечети Эль-Акса, Давидова мѣста и Золотыхъ воротъ, храмовъ: Св. Анны, Стефана, Элеонскихъ сооружений. Капители церкви Рождества Христова въ Вифлеемѣ. Монастыри Св. Саввы и Св. Креста	143—271
Глава V. Ризница храма Гроба Господня. Приложение: древне-христіанскія мозаическія композиціи на тему «Славы Креста»	272—301
I. Предметный указатель.	302—304
II. Указатель рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ	305—306
III. Указатель отдѣльныхъ таблицъ.	307—308

ВВЕДЕНИЕ.

Отношенія палестинской археологiи къ общей исторiи искусства. Оригинальныя стороны древностей Сирiи въ архитектуръ, орнаментикъ, тканейъ. Постановка вопроса объ источникахъ христiанскаго искусства въ сочиненiи проф. I. Стрыговскаго: „Orient und Rom“. Новооткрытая крестовая базилика въ Херсонесъ Таврическомъ. Результаты разбора „эллинистическихъ“ основъ христiанскаго искусства въ книгъ проф. Д. В. Айналова. Трактатъ о римской художественной промышленности А. Ригля. Взглядъ на древности христiанскаго Востока въ IV стол. и значенiе памятниковъ Палестины въ исторiи образованiя христiанскаго храма. Вопросъ о формахъ аканѳа въ греко-восточномъ христiанскомъ искусствѣ. Связи греко-восточной иконографiи съ Палестиною.

Палестинская археологiя, какъ и всякая спеціальная область мѣстныхъ «древностей», т. е. вещественныхъ памятниковъ извѣстной страны, должна разрабатываться по методамъ общей науки исторiи искусства, если она желаетъ искать положительнаго знанiя. Въ частности, христiанская археологiя Святой Земли тѣмъ тѣснѣе должна быть связана теперь съ общеою наукою исторiи древнехристiанскаго искусства, тѣмъ болѣе до сихъ поръ объ эти среды были разобщены. Волею судьбы, христiанскiй Востокъ былъ еще недавно, не болѣе 40 лѣтъ назадъ, закрытъ для изслѣдованiя, и потому именно въ то время, когда Римъ, благодаря своимъ катакомбамъ и рвенiю римско-католическихъ богослововъ, сталъ исходнымъ пунктомъ и всею областью древнехристiанской археологiи, достигнней затѣмъ глубокихъ научныхъ результатовъ, то христiанскiя святыни Востока оставались внѣ этого

научнаго изслѣдованія. Но живое движеніе, охватившее, въ послѣднія тридцать лѣтъ, многочисленныя ученія Палестинскія Общества, и между ними стоящее на видномъ мѣстѣ Православное Палестинское Общество, передано и наукѣ палестинскихъ древностей, вызвавъ рядъ изслѣдованій, раскопокъ, монументальныхъ изданій и экспедицій.

Съ того времени древности Палестины уже въ теченіе періода цѣлаго поколѣнія служатъ предметомъ самостоятельныхъ работъ, а способы и приемы этого изученія усваиваются изъ общей исторіи искусства.

Правда, наукою исторіи искусства именуется доселѣ крайне обширная и весьма неопредѣленная область, и въ многочисленныхъ появляющихся руководствахъ и общихъ изложеніяхъ, она охватываетъ все эпохи исторической жизни человѣчества, излагая судьбы художественной дѣятельности на всѣхъ ея стадіяхъ и во всѣхъ извѣстныхъ странахъ и мѣстностяхъ. Напротивъ того, для многихъ изслѣдователей исторія искусства еще ограничивается классической древностью, памятниками Греціи и Рима и странъ, ими культивированныхъ, равно какъ и художественныхъ вѣтвей, ею воспитанныхъ, какъ напр. искусство древнехристіанской эпохи, Италіи и пр. На этихъ необозримыхъ пространствахъ времени и мѣста, исторія искусства занята также чрезвычайно разнообразнымъ матеріаломъ: она то захватываетъ въ своемъ анализѣ все сохранившіеся памятники, желаетъ знать все дѣло рукъ человѣческихъ, то скрупулезно выбираетъ изъ колоссальнаго матеріала, оставленнаго древностью или стариною, немногія произведенія личнаго художественнаго творчества, или излагаетъ жизнь немногихъ избранныхъ дѣятелей.

Именно, не довольствуясь послѣдними тѣсными рамками, развились въ послѣднее пятидесятилѣтіе, особыя и совершенно цѣльныя историческія дисциплины: египтологія, ассириологія, древне-христіанской археологія, византійской, русской археологія и пр.

Видимо, къ тому же обособленному положенію, которое на первыхъ порахъ всѣхъ подкупило своею свѣжестью, жизненностью своего построенія, ищетъ примкнуть и такъ называемая *Палестинская археологія* или *Палестиновѣдѣніе*. Громадный историческій интересъ этого отдѣла, высокое значеніе его памятниковъ для всего образованнаго міра, будутъ и сами по себѣ усиливать стремленіе къ обособленію, такъ сказать, къ привилегированному положенію въ средѣ общей науки о древностяхъ.

И потому вполне умѣстно заняться вопросомъ объ отношеніяхъ палестинскаго археологическаго *матеріала* къ *методамъ*, господствующимъ или имѣющимъ окончательно водвориться въ наукѣ исторіи искусства.

Эта наука, получившая свое начало въ эпоху Возрожденія, занялась, какъ извѣстно, на первыхъ порахъ, антикварными изслѣдованіями остатковъ

классической древности и организована была исключительно на этомъ базисѣ: къ услугамъ пародирившейся дисциплины была всегда услужливая метафизика и эстетическая теорія, выработанная на антикахъ, и оправдательною цѣлю самыхъ занятій науки полагалось очищеніе европейскаго вкуса при помощи антика. Чѣмъ менѣе, по существу, знали самую классическую древность, и чѣмъ болѣе чуждо жизни было содержаніе античныхъ формъ, тѣмъ, казалось, болѣе выигрывало въ воспитательномъ отношеніи искусство, становясь исключительно ареною изящнаго, и тѣмъ опредѣленнѣе стремилась исторія искусства стать главнымъ образомъ исторією усовершенствованія пластической формы, развитія стиля, художественной дѣятельности. Отсюда идетъ «формальное» направленіе эстетики прошлаго вѣка (Гербарта), для которой содержаніе искусства опредѣлялось пріятнымъ впечатлѣніемъ отъ того, что вообще правится виѣшнимъ чувствамъ, или всякой виѣшной красоты (Лессингъ). Художественное произведеніе должно было, по этой теоріи, представлять такое полное соотвѣтствіе формы и содержанія, чтобы содержаніе, покрытое формою, само уничтожалось, какъ содержаніе, превращаясь въ форму. Такъ будто-бы идеалы религіозные, разъ воплощенные въ искусствѣ, лишаются своего религіознаго значенія и становятся уже идеалами художественными (въ античномъ искусствѣ).

Однако, наука исторіи искусства, съ самаго начала, получила наиболѣе важное и видное значеніе именно тамъ, гдѣ она не ограничивалась наблюденіями стилистическаго характера и въ ограниченной средѣ личнаго творчества, а, напротивъ того, получала въ свое вѣдѣніе весь вещественный матеріалъ, оставленный древностью въ извѣстной странѣ, или отъ исторической эпохи: таковы всѣ отдѣлы такъ называемой *археологіи*. Такъ, исторія искусства могла излагать немногосложную исторію египетскаго стиля на немногихъ страницахъ, тогда какъ археологическая разработка египетской древности представила научно-серьезный и глубоко-важный отдѣлъ исторіи человѣка, и по образцу этого отдѣла стала стремиться организовать отдѣлы древностей Месопотаміи, Финикіи, передней Азіи вообще и пр. Въ тоже самое время и классическая археологія стала переполняться матеріаломъ, въ видѣ необозримой массы вещественныхъ намятниковъ, оставленныхъ греческою культурою, и наполнившихъ европейскіе музеи издѣліями ея художественной промышленности. Этрурія и Финикія, Малая Азія и Южная Россія составили въ археологіи древняго искусства значительные отдѣлы, особенно по сравненію съ скудными свѣдѣніями ихъ политической исторіи.

Еще шире и богаче развились на нашихъ глазахъ отдѣлы христіанской археологіи: какъ терминъ *монументальной филологіи*, предложенный для классической археологіи, сталъ для нея тѣсенъ, такъ и названіе *монументальнаго богословія* напрасно было изобрѣтено (Пиперомъ): древне-христіан-

ская и византийская археологія столь быстро и энергично развились, что уже теперь образуют самостоятельныя дисциплины. Спрашивается: что же будетъ съ отдѣлами христіанской археологіи, во первыхъ по странамъ: Палестины и Сиріи, Египта и Рима, Византіи и древней Россіи и пр., а во вторыхъ по отдѣламъ безчисленныхъ вѣдѣственныхъ памятниковъ, начиная съ первыхъ вѣковъ христіанской эры и до XVI вѣка на Западѣ, и до XVIII столѣтія у насъ въ Россіи и на христіанскомъ Востокѣ. Предстоитъ ли въ ближайшемъ будущемъ всѣмъ этимъ отдѣламъ обособиться окончательно, утративъ, хотя бы на время, общую научную связь, и подчинившись исключительно мѣстной исторической задачѣ, или же самая исторія искусства измѣнитъ свое одностороннее направленіе и, оставаясь по существу изслѣдованіемъ формы, будетъ разумѣть подъ нею не только стиль и его развитіе до степени язычной формы, но и все разнообразіе художественныхъ «характеровъ», почерпнуемыхъ изъ дѣйствительности и одухотворяемыхъ художникомъ?

Таковы основныя вопросы, которыми слѣдуетъ задаваться нынѣ всякому изслѣдователю, приступающему къ разработкѣ какого-либо отдѣла, вповѣ сформировавшагося въ общей наукѣ древностей. Никто не будетъ отрицать видимаго упадка, который замѣчается въ такомъ отдѣлѣ отъ разрыва съ общео археологическою наукою: во многихъ частяхъ предмета утрачено ея научное руководство; прежнее критическое отношеніе замѣнилось увлеченіемъ, общимъ преувеличеніемъ важности, древности и художественнаго достоинства памятниковъ; на мѣсто собственныхъ задачъ, археологія беретъ чужія задачи, принимаетъ характеръ служебный, занимается иллюстраціями историческихъ анекдотовъ, идетъ на буксирѣ политической исторіи. Главный вредъ сказывается въ томъ, что археологія отдѣла теряетъ свой центръ тяжести, свой фокусъ, отъ котораго получаетъ внутреннее освѣщеніе, именно потому, что, въ разрывѣ съ общео наукою, утрачивается возможность сравнительнаго анализа формъ, стало быть отнимается единственное орудіе для научной работы.

Нигдѣ такъ настоятельно не заявляетъ о себѣ эта необходимость связи мѣстной археологіи съ общео исторіею искусства, какъ въ археологіи Палестины. Правда и теперь, напр. Іерусалимскій храмъ Соломоновой постройки, образуетъ въ исторіи искусства особый эпизодъ, на оригинальное построеніе котораго расходуются много ученыхъ знаній и гипотезъ, а на ихъ изложеніе посвящается особая глава въ учебникахъ. Но если археологія Финикіи извѣстна еще общео археологической наукѣ, такъ какъ Финикія является своего рода стоянкою восточнаго искусства на пути его перехода въ Грецію, то уже съ появленіемъ греческаго искусства, исторія почти совершенно забываетъ о Финикіи и занята только ея факторіями. Между тѣмъ, если

Финикія и въ глубокой древности служила посредницею въ распространѣніи, путемъ фабрикъ и торговли, египетской и месопотамской индустріи, то она вѣдь не потеряла своихъ промысловъ и завоеванныхъ ею рынковъ во все время существованія классическаго міра. Но такъ какъ разработка художественной формы перешла цѣликомъ въ Грецію, исторія искусства считаетъ себя въ правѣ забыть страну, занятую только фабричными продуктами художественной индустріи. Затѣмъ, исторія искусства занялась уже въ послѣднее время напр. александрійскою торевтикою въ римскую эпоху (Шрейберъ, соч. 1894 г.), но далеко то время, когда эта наука вспомнитъ (послѣ Отфрида Миллера), какъ слѣдуетъ, Антиохію, третій міровой городъ древности, столь богато украшенный Селевкдами, прославленный чудною гармоніею греческой архитектуры и горной природы, и послужившій образцомъ не только для Пальмиры, Герасы, Севастіи и пр., но и для декоративныхъ фантазій Адріана и Діоклетіана.

Народныя начала, развитія древнею культурою и общеніемъ талантливыхъ расъ сѣверной Сиріи съ Греками, выразились въ декоративныхъ, колоссальныхъ сооруженіяхъ, исполненныхъ по римскому заказу: руины Пальмиры, Геліополя, Филиппополя, Герасы и Филадельфін, кромѣ множества другихъ, стертыхъ съ лица земли, нѣкогда пышныхъ городовъ, громко говорятъ намъ о необычайномъ подъемѣ духовныхъ и художественныхъ силъ въ первые два вѣка по разрушеніи Іерусалима. Но исторія искусства, привыкнувъ* (за немногими исключеніями) пренебрегать римскою эпохою, почти вовсе забываетъ о Сиріи въ этомъ періодѣ, и потому расцвѣтъ архитектуры въ этой странѣ, насчитывавшей 300 каменныхъ городовъ съ густымъ и богатымъ населеніемъ, на мѣстѣ котораго нынѣ въ руинахъ гнѣздятся Бедуины, — такой расцвѣтъ является отчасти непонятнымъ, во всякомъ случаѣ — неожиданнымъ.

Правда, благодаря одностороннему примѣненію принципа прогресса, исторія искусства (какъ и общая или политическая исторія) и вообще изобилуетъ подобными неожиданностями. Очевидно, что ихъ число должно было бы сильно умалиться, если бы подъ именемъ прогресса мы не разумѣли бы, чаще всего, развитіе только одной, нами подмѣченной черты, которую мы и принимаемъ за главное содержаніе исторіи въ извѣстную эпоху. Между тѣмъ, иная черта, не будучи вовсе содержательной, выдвигаетъ передъ нами на первый планъ только эфемерныя явленія, быстро смѣняющіяся, а на мѣсто ихъ выступаютъ, затѣмъ изъ неизвѣстной или незамѣтной дотошъ глуши, совершенно иное содержаніе и завладѣваетъ надолго поприщемъ исторіи. Понятно, что мы опять наталкиваемся на вопросъ о происхожденіи, объ источникахъ, которые найти всегда трудно потому, что мы не знаемъ основныхъ явленій, не владѣемъ знаніемъ прошлаго. Очевидно, что мы

должны предварительно изучить, напр., исторію свода въ Персін и Сирін, понять происхожденіе погребальныхъ башенъ Гаурана, пирамидальныхъ гіероновъ Сирія и Іудеи и пр., вообще всѣ условія и основанія сирійской архитектуры въ римскомъ періодѣ, прежде чѣмъ изучать христіанскія базилики. Равно было бы естественно ожидать изслѣдованія формъ коринфской капители въ римской архитектурѣ время Адріана и Антониновъ, прежде чѣмъ говорить о формахъ этой капители при Константинѣ, а между тѣмъ мы знаемъ доселѣ лишь типы капители въ Тиволи, портика Октавіи и храма Марса Мстителя въ Римѣ, и перѣдко можно встрѣтить, даже въ специальныхъ сочиненіяхъ, скачекъ отъ Адріана къ эпохѣ Константина, тѣмъ болѣе, что древнѣйшія базилики Рима наполнялись исключительно сборными античными колоннами. Архитектурныя формы Діоклетіанова дворца въ Спалато остаются неизслѣдованными съ XVIII вѣка, когда съ его остатковъ сняты первые планы, а между тѣмъ, если мы взвѣсимъ то поразительное обстоятельство, что послѣдній расцвѣтъ языческой архитектуры, съ явнымъ перевѣсомъ восточныхъ декоративныхъ формъ и азіатской конструкціи, приходится на царствованіе Діоклетіана, а этотъ періодъ приближается столь непосредственно съ вѣкомъ Константина, что между ними промежутокъ можетъ быть сведенъ къ четверти столѣтія, то мы будемъ совершенно иначе, хотя бы въ принципѣ, понимать источники христіанской архитектуры.

Такъ, напр., если повѣйшая византологія (проф. Стрыговскій) указываетъ на появленіе зубчатаго или «тернистаго» аканоа (а. spinosus) въ капителяхъ V столѣтія, въ Византіи, то въ Сиріи возможно будетъ показать тоже самое (см. ниже) для IV вѣка, и, тѣмъ не менѣе, нельзя предрушить этотъ фактъ, какъ возвращеніе къ греческому аканоу отъ римскаго типа, потому что дальнѣйшія изысканія, быть можетъ, подтвердятъ такое предположеніе, что греческій типъ тернистаго аканоа продолжалъ существовать на Востокѣ также, какъ напр. въ Сиріи, гдѣ извѣстная «гробница Судей» представляетъ въ орнаментѣ эти греческія формы аканоа. Въ этомъ отношеніи, мы считаемъ особенно важною задачею точное изслѣдованіе капителей базилики Виолесма (320-е годы?) и мечети Омміадовъ въ Дамаскѣ (400-е годы?), такъ какъ ихъ полное сравненіе (для насъ оказавшееся невозможнымъ, по разнымъ вѣйшимъ причинамъ) съ капителями «Золотыхъ воротъ» Константинополя (389 г.) и Студійскаго монастыря (тамъ же, 463 г.) легко получило бы столь же рѣшающее значеніе, какъ и недавнее сличеніе (г. Бертье Делагардомъ) капителей Таврическаго Херсонеса и Равенны доказало тождество ихъ происхожденія изъ проконнесскихъ каменоломенъ. Ниже мы указываемъ на трудности, сопряженныя съ изученіемъ формъ въ капителяхъ такъ пазываемой Омаровой мечети и въ другихъ возможныхъ остаткахъ Константиновскихъ сооруженій въ Іерусалимѣ — все

это важнѣйшія задачи будущаго сравнительнаго изученія формъ античной капители, которой напрасно пренебрегали въ періоды такъ называемаго упадка, такъ какъ эти періоды, съ развитіемъ науки, приобрѣтають капитальный интересъ.

Мы ограничимся пока только указаніемъ того любопытнаго факта, что оригинальныя формы капителей (какъ бы изъ водяныхъ растеній на мѣсто акапоа) «Царскихъ гробницъ» въ Иерусалимѣ и Суведы въ Гауранѣ (см. ниже рисунки) встрѣчены нами въ Пизѣ, въ Италіи: а именно на двухъ колоннахъ ея собора, въ шести колоннахъ церкви *S. Pietro in Grado* (построенной до 1000 года), изъ 23 коринтскихъ и многихъ колоннахъ церкви *S. Paolo a ripa d'Arno* (XII—XIII в.), при чемъ всѣ эти колонны и серія ихъ должны происходить изъ разобранаго античнаго храма. Но капители эти, гдѣ бы онѣ ни были еще встрѣчены, должны, по нашему мнѣнію, представлять своего рода переживаніе древнѣйшихъ формъ сиро-египетскаго искусства, на основаніи слѣдующихъ соображеній. На капителяхъ Суведы самыя валюты по своей формѣ скорѣй приближаются къ финикійскимъ образцамъ (листьярѣ Луврскаго музея) своею сильно выгнутою дугою, чѣмъ къ чисто греческому іоническому стилю. Выпускающіе завятокъ раструбы взяты, явно, изъ морскихъ растеній, тростниковъ, всего же скорѣе могутъ быть отнесены къ панирусамъ. Наконецъ два нижніе пояса листьевъ, охватывающихъ тѣсно сжатымъ рядомъ корзину капители, по своей продолговатой формѣ и своей высотѣ, очевидно, представляютъ листья пальмъ. Этого рода листья находимъ на нѣсколькихъ типахъ египетскихъ капителей, украшенныхъ листьями пальмы и побѣгами панируса (храмы въ Эдфу, Филе). Но этого рода египетскія капители были раскрашены, такъ какъ плоскія листья пальмы требовалось раздѣлать какъ вѣтку, усаженную мелкими листьями, а равно раструбы панируса или почки его, выпускающія усики, оставить бѣлыми, стволъ и прочее раздѣлавъ желтою и зеленою красками. Отсюда мы имѣемъ право сдѣлать интересное заключеніе, что и сирійскія капители могли быть дополнены раскраскою, къ тому же отлично принимающеюся на сирійскомъ камнѣ, употреблявшемся для капителей. Оговоримся, однако, что, быть можетъ, ни капители Царской гробницы, ни Суведы не были раскрашены, но за то онѣ легко могли подражать своими формами капителямъ современныхъ имъ дворцовыхъ построекъ съ раскраскою, такъ какъ колонны эти украшали внутренніе покои. Для характеристики туземной, самобытной архитектуры Сирии эти капители получаютъ весьма важное значеніе.

Равно орнаментальная форма виноградноя лозы, которая въ типѣ римскаго акапооваго побѣга или даже римской массивной гирлянды, оказывается принадлежащею всему сиро-египетскому искусству, а не одной Палестинѣ, и напр. постоянно попадается на контскихъ рѣзныхъ надгробныхъ памят-

никахъ, представляющихъ, по орнаментации, схему гіероновъ или aedicula, съ тончайшею рѣзбою колонокъ, капителей и пышно покрытыхъ орнаментами фронтоновъ. И вообще, участіе фабрикъ Склоополя, Лаодикеи, Гиблоса, Тира и Берита въ льняныхъ тканяхъ, нынѣ ставшихъ намъ извѣстными подъ именемъ коптскихъ, происходящихъ изъ египетскихъ некрополей, не только не можетъ быть отрицаемо, но, по указаніямъ Моммсена, основаннымъ на землеописаніи половины IV вѣка, должно быть поставлено во главѣ нашихъ сужденій о происхожденіи большинства шелковыхъ и роскошно украшенныхъ тканей. Діоклетіановъ законъ о цѣнахъ и пошлинахъ ставитъ сирійскія полотняныя издѣлія выше всѣхъ другихъ; именно въ Сирію привозился сырецъ изъ Китая, изъ-за Каспійскаго моря, обработывавшійся въ беритскихъ и тирскихъ мастерскихъ. Весьма возможно, хотя, при данныхъ средствахъ археологіи и неполнотѣ ея матеріаловъ, и трудно говорить это съ увѣренностью, что самый пошибъ орнаментации этихъ тканей, съ ея полуперсидскимъ, полугреческимъ орнаментомъ, грубыми формами какъ растительными, такъ и звѣринными, и особенно съ ея приземистыми, неуклюже-грузными человѣческими фигурами, принадлежитъ именно Сиріи и, въ частности, ея Сѣверу, т. е. Антиохіи и Тарсу, а не Египту, гдѣ орнаментика, по крайней мѣрѣ, въ ближайшую эпоху никакъ не имѣла такихъ чертъ характера¹⁾. Впрочемъ, мы въ данномъ случаѣ разумѣемъ исключительно тотъ основной типъ коптскихъ тканей, который, отличааясь нами указанными чертами грубости, въ то же время легко узнается по краскамъ, обыкновенно очень нестрымъ, яркимъ, даже вульгарнымъ и слишкомъ сильнымъ (кирпично-красная, травянисто-зеленая, синяя и пр.), и относится, очевидно, къ позднѣйшей эпохѣ V—VIII столѣтій. Доказательство нашей мысли мы находимъ, прежде всего, въ томъ яркомъ фактѣ, что толщебальнаго характера матерія (опять же погребальныя покровы или саваны) найдены были въ нецерныхъ гробницахъ по берегамъ Подкумка въ Терской области, а эти ткани врядъ ли могли бы доходить туда изъ Египта.

Равнымъ образомъ, мы уже имѣли случай указывать на фактъ появленія въ нецерныхъ гробницахъ Сѣвернаго Кавказа, въ мѣстахъ жительства Асовъ или Ясовъ — Аланъ или Осетинъ, стеклянной посуды не только съ христіанскими эмблемами, но и съ арамейскими (?) надписями, исполненными эмалью на поверхности стекла (экземпляръ въ Средневѣковомъ Отдѣленіи Императорскаго Эрмитажа). Этотъ фактъ поясняется для насъ распространеніемъ стеклянныхъ издѣлій сидонскихъ фабрикъ по всему востоку и югу Европы, а также по сѣвернымъ берегамъ Африки, гдѣ въ видѣ драгоцен-

1) Schreiber, Th. *Die alexandrinische Toreutik. Untersuchungen über die Griechische Goldschmiedekunst im Ptolemäerreiche*. L. 1894.

ныхъ, разноцвѣтныхъ и бѣлыхъ, гравированныхъ, покрытыхъ рѣзьбою сосудовъ, а гдѣ въ видѣ дешевыхъ бусъ и браслетовъ, перстней и подвѣсокъ.

Эта роль фабриканта и оптоваго торговца, постепенно слагавшаяся для Сиріи въ римскую эпоху, продолжала выростать въ IV и V вѣкахъ, пока завистливая Византія съ своимъ дворцовымъ хозяйствомъ не успѣла еще настолько окрѣпнуть, чтобы отобрать дѣйствительно, а не на бумагѣ, всѣ доходныя статьи Антіохіи и Александріи въ пользу Константинополи.

Если византійская столица скоро построилась, еще быстрѣе украсилась отовсюду и, правду сказать, безъ настоящаго вкуса, памятниками, статуями, обелисками, бронзами, а также стѣями, портиками, колоннадами и пр., то все это убранство, наскоро сложенное и сколоченное, очень мало давало истиннаго поощренія самому искусству, а болѣе подрядчикамъ Имперіи. Да и вообще рѣдко снѣвшая постройка столицы создавала новое искусство, а не эксплуатировало старое, притомъ очень дурно его примѣняя, а въ вопросѣ о созданіи Константинополи и недавно пора было бы перестать говорить о новомъ направленіи искусства, будто бы вызванномъ его постройкою. Но тѣмъ болѣе неумѣстно относить къ константинопольской промышленности тѣ остатки ея отъ эпохи IV — VI вѣка, которые мы пока имѣемъ, и не разобратъ въ нихъ происхожденія. А мы знаемъ, что для значительной массы производствъ въ древнемъ мірѣ подобныя центры, по условіямъ самаго производства, или торговли, существовали непремѣнно въ теченіи тысячелѣтій. Такъ, напр., издѣлія изъ слоновой кости исполнялись, и въ Константинополѣ, гдѣ, очевидно, сдѣланы многіе консульскіе динтихи, но также и въ Александріи, представлявшей главный рынокъ натуральныхъ клыковъ и многихъ издѣлій, въ родѣ пиксидъ, таблеть, ящичковъ, шкатулокъ и по множеству остатковъ этого рода вещей, находящихся въ некрополяхъ нижняго Египта, можно заключить, что здѣсь была особенно развита ихъ фабрикація. Если мы, далѣе, всмотримся въ грубый стиль рельефовъ на древне-христіанскихъ пиксидахъ, находки которыхъ сдѣланы уже и въ Сѣверной Африкѣ, и въ Керчи, и въ Италіи, даже на Кавказѣ, то однообразіе стиля укажетъ на то, что мы должны искать фабрику работъ на томъ же египетскомъ Востокѣ.

Принципіальнымъ сочиненіемъ въ нашей области является недавній трактатъ проф. І. Стрыговскаго, посвященный отношеніямъ античнаго греко-римскаго искусства къ древне-христіанскому и полемически озаглавленный вопросомъ: «Востокъ или Римъ?»¹⁾ Авторъ самъ признаетъ (въ предисловіи), что окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только результатомъ систематическихъ изслѣдованій, тогда какъ его трактатъ

1) *Orient oder Rom. Beiträge zur Gesch. d. spätantiken und frühchrist. Kunst.* L. 1901.

является лишь случайнымъ экскурсомъ (изданіемъ памятниковъ, новооткрытыхъ въ Пальмирѣ), принявшимъ общій характеръ, благодаря полемическому положенію вопроса въ литературѣ предмета. Книга его является въ силу поднятаго спора и назначена заявить отрицаніе устанавливаемыхъ нынѣ въ наукѣ двухъ понятій: «римскаго имперскаго искусства» — для первыхъ трехъ вѣковъ христіанской эры (Фр. Викгофа) и «римскаго церковнаго искусства» для всего періода IV—VIII вѣковъ (Ф. Кс. Крауса). Эти два понятія, по словамъ Стрыговскаго, взаимно исключаютъ другъ друга, содержать въ себѣ каждый только половину истины, и путь къ истинѣ былъ бы, по его мнѣнію, проложенъ, когда бы удалось соединить половину понятія Викгофа съ половиною мнѣнія Крауса. Конечно, прибавляетъ онъ, при этомъ исключается руководящая роль древняго византійскаго искусства и для западнаго средневѣковья. А потому разборъ и опроверженіе мнѣній Викгофа и Крауса еще не дадутъ положительнаго взгляда на источники и исторію древне-христіанскаго искусства. По взгляду Викгофа, съ 1-го вѣка по Р. Х. начинается развитіе самостоятельнаго искусства въ Римѣ, достигающее апогея въ II вѣкѣ и развивающееся повсюду на Востокѣ, вмѣстѣ съ Римскою Имперіею, и уже на этой романизованной почвѣ въ греко-восточныхъ центрахъ: Александріи, Антиохіи и Византіи совершается далѣйшее построеніе древне-христіанскаго искусства съ IV столѣтія. Напротивъ того, по мнѣнію, нынѣ покойнаго, Крауса, исходнымъ пунктомъ искусства первыхъ столѣтій христіанской эры была Александрія, но съ IV вѣка начинается творчество римскаго церковнаго искусства, наполнявшаго собою средніе вѣка. Такимъ взглядомъ проф. Стрыговскій противопоставляетъ общее историческое положеніе, по которому главнымъ исходнымъ пунктомъ общаго древне-христіанскаго искусства въ первые вѣка христіанской эры была Александрія, а средоточіемъ образованія религіозныхъ художественныхъ типовъ съ IV вѣка былъ Востокъ вообще и міровые города: Александрія, Антиохія и Византія. Это положеніе, какъ признастъ и Стрыговскій, высказано давно, но его утвержденіе только ожидается, какъ необходимый будущій результатъ работъ по исторіи византійскаго искусства. Самъ проф. Стрыговскій, работая въ этомъ направленіи (надъ христіанскимъ искусствомъ Египта), и въ настоящей книгѣ представляя пять статей по отдѣльнымъ памятникамъ Востока, имѣетъ задачею только приготовить почву для рѣшенія вопроса на основаніи положительныхъ данныхъ.

Этими словами самъ авторъ приглашаетъ насъ считать его полемическій споръ съ Викгофомъ (въ предисловіи) не рѣшающимъ вопроса и, дѣйствительно, такого значенія эта полемика не имѣетъ, какъ, въ свою очередь, мало кого (кроме Ригля) убѣдили и заключенія Викгофа. Викгофъ, какъ извѣстно, пришелъ къ заключенію, что специфическими признаками римскаго

стиля и искусства является манера «последовательного рассказа» (*continui-erende Erzählungsweise*) и «иллюзионистская техника». По указаніямъ Стрыговскаго, последовательный способъ изложенія отличается и чисто греческіе памятники (колонны Константинополя, греческія лицевыя рукописи: Иліада Амврос. библия, Вѣнская библия, *Codex Rossanensis*, Косма Инд. Ватиканск. библіотеки, Сирійское Евангеліе Лаврент. библ., свитокъ Іисуса Навина) и отсутствуютъ въ соответственныхъ по времени латинскихъ илл. рукописяхъ, хотя и представляется знаменитыми колоннами Траяна и Марка Аврелія. «Иллюзионистскую технику» или, точнѣе, живописную манеру изображенія, съ преобладаніемъ свѣта и цвѣтовъ надъ контурами и рисункомъ, какъ у Рембрандта, Викторъ указываетъ въ ремесленныхъ барельефахъ римскихъ памятниковъ, Стрыговскій въ мастерскихъ эллинистическихъ произведеніяхъ. Но, прибавляетъ послѣдній изслѣдователь, «суть дѣла въ томъ, что живописная манера происходитъ не изъ народныхъ дарованій, но изъ опредѣленнаго развитія художественной техники», и періодъ этого ея состоянія, конечно, выналь въ древнемъ мірѣ на Римскую Имперію, хотя и происходилъ съ эллинистическаго Востока. Итакъ, несмотря на исходную точку зрѣнія автора, въ живописной манерѣ можно видѣть «особыя національныя дарованія», свойственныя греческому генію и чуждыя римскому, отличающія также испанскую и фламандскую живопись отъ итальянской и пр. И потому, кажется нѣсколько пристрастнымъ, почему напр. нельзя было бы принять, что извѣстная манера построить пластическое искусство въ повѣствовательномъ изложеніи не могла бы также относиться къ исконнымъ національнымъ свойствамъ римскаго или вообще древняго итальянскаго искусства и быть затѣмъ усвоена греческимъ Востокомъ? Однако, мы не видимъ прямой пользы въ подобныхъ субъективныхъ догадкахъ, такъ какъ во первыхъ, ихъ всегда можно оспаривать, и имъ нѣтъ времени и мѣста укорениться, а во вторыхъ, онѣ не отвѣчаютъ основнымъ научнымъ приѣмамъ исторія искусства и культуры. Какъ извѣстно, эти приѣмы основаны на принципѣ историческаго прогресса, а сущность этого послѣдняго заключается въ непрерывномъ взаимномъ усвоеніи всѣми живыми и культурными національностями результатовъ, достигнутыхъ сообща предыдущими поколениями въ нѣдрахъ всѣхъ этихъ національностей. Стало быть, основною задачею изслѣдователя должно быть и въ данномъ вопросѣ не споръ о преобладаніи и первенствѣ Востока или Рима, но изслѣдованіе типическихъ формъ, характера и степени участія различныхъ странъ древняго міра въ созданіи христіанскаго искусства. Конечно, это задача будущаго, но и въ настоящее время археологическія работы должны сосредоточиться на точнѣйшемъ анализѣ художественныхъ формъ въ искусствѣ первыхъ восьми столѣтій христіанской эры. Наука христіанской археологіи должна поста-

вить себѣ образцомъ творческую работу классическихъ археологовъ періода тридцатыхъ, сороковыхъ годовъ XIX вѣка въ ихъ стремленіи возсоздать черезъ посредство римскихъ копій греческіе оригиналы. Мы должны когда нибудь овладѣть знаніемъ особенностей стиля римскаго, равеннскаго, искусства Коинтовъ, Сиріи, Греціи и странъ Малой Азіи, собственной Византіи.

Но если этими общими замѣчаніями мы считали нужнымъ ограничить нѣкоторыя крайности въ научныхъ воззрѣніяхъ проф. Стрыговскаго (который, впрочемъ, самъ видитъ эти крайности, но полагаетъ ихъ своевременными, какъ отвѣтъ на крайности противоположныхъ взглядовъ), то мы не можемъ не примкнуть всецѣло къ заявленному имъ желанію видѣть изученіе христіанскаго искусства на почвѣ Египта, Сиріи, Малой Азіи, Греціи и знать, не развивало ли оно въ каждой странѣ Востока своеобразнаго направленія.

Въ этихъ видахъ, авторъ разбираетъ пять памятниковъ. Подземная усыпальница Пальмиры показываетъ ему, что и сакральныя архитектурныя формы и нѣкоторые типы декоративныхъ росписей въ византійскомъ искусствѣ идутъ прямо съ эллинистическаго Востока, представителемъ котораго, за исчезновеніемъ Антиохіи, Селевкіи и древней Александріи, являются руины и памятники Пальмиры, несмотря на смѣшеніе греческаго искусства съ семитическими и персидскими элементами. Проф. Стрыговскій совершенно вѣрно заключаетъ, что крестообразная форма пальмирской усыпальницы представляетъ намъ, наряду съ подобными же усыпальницами Александріи, прототипъ константиновской церкви Св. Апостоловъ, воспроизведенной отчасти въ ц. Св. Марка въ Венеціи и послужившей также образцомъ для усыпальницы Галлы Плацидіи въ Равеннѣ и Миланской ц. S. Nazaro. Въ настоящее время мы можемъ указать на развалины новооткрытой (1902 г.) крестообразной базилики Херсонеса, какъ на замѣчательное звено въ этой цѣпи восточныхъ образцовъ и западныхъ копій.

Базилика открыта вѣ херсонесскихъ ограждающихъ стѣнъ, съ полверсты отъ нихъ (что само по себѣ знаменательно, въ виду извѣстнаго по исторіи безпокойнаго состоянія города отъ окружавшихъ его варваровъ) на замѣтномъ и отовсюду открытомъ холмѣ. Храмъ окруженъ различными мелкими постройками, также, повидимому, относящимися къ храмовымъ усыпальницамъ, и незначительною оградой. Вся окружающая мѣстность, на значительное разстояніе, покрыта могилами и составляла, видимо, часть Херсонесскаго некрополя. Крестообразная базилика, занимая средину холмика, имѣла одинъ входъ съ западной стороны и всѣ четыре рукава креста сдѣланы одинаково. Такимъ образомъ, алтарь, не потребовавшій для себя никакого закругленія, въ видѣ ли внутренней ниши или выступающей абсиды, ни приподнятой солеи или амвона, и не будучи даже отдѣленъ обычною (хотя бы низкою преградой), былъ устроенъ (словно по какой-либо случайности,

паскоро и даже небрежно, безъ надлежащихъ промѣровъ) прямо въ восточнѣе рукаві: въ древности алтарь представлялъ собою киворій изъ 4 колонокъ съ каменнымъ покрытіемъ, поверхъ каменнаго престола, а въ настоящее время оказывается только въ видѣ базъ отъ этихъ колонокъ и ясно виднаго мѣста для престола, самихъ же частей этого устройства или вовсе не было найдено, или, въ бытность нашу на мѣстѣ, онѣ не были различены среди находокъ¹⁾. Повидимому, перекрестіе было покрыто барабаномъ, окна котораго могли освѣщать весь храмъ, и перекрестіе поверхъ строили плоскою крышею, какъ, вѣроятно, было покрыто и все зданіе, такъ какъ отъ сводовъ, между находками, не нашлось ясныхъ указаній: понавѣсія на полу базилики обломки терракотовыхъ плитокъ могутъ происходить одинаково отъ покрытія сводовъ и стѣпъ. Наконецъ, весь полъ церкви покрытъ прекрасною мозаикою, изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ кубиковъ, съ обычнымъ рисункомъ въ срединѣ сплетенныхъ круговъ и ромбовъ, со вписанными въ нихъ птицами и животными (въ одномъ случаѣ любопытная фигура единорога), а по рукавамъ креста въ формѣ вазъ, изъ которыхъ вырастающіе побѣги лозы образуютъ завитки или разводы. Итакъ, все, что представляетъ собою эта церковь—по нашему, скорѣе, часовня,—указываетъ на усыпальницу знатной фамиліи, устроенную, по всей вѣроятности, не только въ самомъ видномъ мѣстѣ херсонскаго некрополя, но въ мѣстѣ, освященномъ какими-либо священными останками. На такую мысль наводитъ, прежде всего, обнаруженный подъ церковью подземный ходъ или галлерей, который, при самомъ появленіи, стали называть не вполне правильно «катакомбою»: ходъ этотъ ведетъ къ городу и въ открытой доселѣ оконечности своей залитъ водою; одна вѣтвь этого хода приводитъ къ колодезю прѣсной воды. Но если въ этой галлерей и не обнаружено какихъ-либо обычныхъ для катакомбъ и правильно расположенныхъ могилъ, хотя все это мѣсто могильное и потому въ самой галлерей также встрѣчены при раскопкахъ погребенія. Но мысль о томъ, что подъ церковью могло бы оказаться какое-либо священное, историческое погребеніе, поддается также аналогіею храма Свв. Апостоловъ, который столько же былъ усыпальницею императоровъ, сколько мѣстомъ почитанія останковъ учениковъ Христа, какъ храмъ Св. Петра въ Римѣ укрываетъ въ криптѣ останки Апостола и римскихъ папъ. Конечно, мы не знаемъ, находится ли священная могила подъ усыпальницею Галлы Платидіи, такъ какъ никакой крипты въ ней не было, а разслѣдованія въ мѣстности церкви никогда не было сдѣлано.

1) Должно замѣтить, ради поясненія этого обстоятельства и другихъ, ниже приводимыхъ, что храмъ былъ покрытъ очень не глубокимъ слоемъ мусора и земли, когда былъ раскопанъ, а по общему правилу, древнѣйшіе храмы Херсонеса доставляли матеріалъ, камни, колонны, престолы и утварь для позднѣйшихъ его сооружений.

Итакъ, крестовая форма нѣкоторыхъ древнѣйшихъ христіанскихъ базиликъ происходитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, отъ подземныхъ усыпальницъ семитическаго Востока, послужившихъ не только формальнымъ, но и сакральнымъ образцомъ для зданій, строившихся уже на поверхности и, быть можетъ, поверхъ подобныхъ же подземныхъ сооружений или даже криптъ, стѣны которыхъ могли естественно служить фундаментомъ для подземной постройки.

Столь же удачно доказано у проф. Стрыговскаго родство декоративныхъ фигуръ Пикъ, держащихъ портреты (круглыя «иконы») и стоящихъ на шарѣ, въ Пальмирской усыпальницѣ, съ равненскими и римскими изображениями ангеловъ, держащихъ изображеніе Христа въ кругу; отсюда подтверждается мнѣніе о восточномъ происхожденіи образа ангеловъ, въ противность высказанному соображенію (Штульфаута) о его возникновеніи въ римскомъ искусствѣ. Затѣмъ, въ цѣлой серіи разобранныхъ памятниковъ, удачно представлено развитіе поздне-античнаго типа орнаментальной скульптуры, къ которому относятся, главнымъ образомъ, саркофаги малоазійскаго происхожденія. Не менѣе историческаго интереса содержатъ въ себѣ и экскурсы о рѣзанномъ въ деревѣ верхне-египетскомъ горельефномъ изображеніи аллегорическаго «изгнанія варваровъ изъ крѣпости вѣрь», о трирской пластинкѣ слоновой кости съ изображеніемъ перенесенія мощей (въ этомъ послѣднемъ случаѣ остается подъ вопросомъ самое приуроченіе событія и вполне сомнительнымъ представляется соображеніе о ея египетскомъ происхожденіи).

Но, конечно, однимъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу преобладанія Востока надъ Римомъ въ древне-христіанскую эпоху являются цвѣтныя и фигурныя ткани, производство и употребленіе которыхъ, сосредоточенное въ Сиріи и Александріи, такъ распространилось въ періодъ VI—IX столѣтій и составило важнѣйшій отдѣлъ европейской торговли: церковныя завѣсы, пелены подвѣсныя и покровы алтарныя, аналойныя и престольныя, облаченія всякаго рода. Стрыговскій указываетъ на капиталное значеніе находокъ Египта¹⁾ въ дополненіи нашихъ свѣдѣній по этой важнѣйшей вѣтви искусства, но напрасно считаетъ эти находки единственными памятниками шитья: находки кавказскихъ некрополей нѣмѣ дополняютъ этотъ отдѣлъ произведеніями Сиріи и Византіи. Конечно, затѣмъ, ни на Востокѣ ни даже на Западѣ ничего не осталось отъ бывшаго нѣкогда богатства его церковей

1) По поводу истолкованія проф. Стрыговскимъ сюжетовъ на изданныхъ имъ берлинскихъ кускахъ скажемъ кратко, что въ первомъ кускѣ видимъ Давида, никакъ не ангела, а во вторыхъ отказываемся видѣть «Петра держащаго псалтырь»—послѣднее, по нашему мнѣнію, плодъ недоразумѣнія и ошибочно прочтенной надписи (быть можетъ, Петръ держитъ платъ *μαντήλιον* съ гадами, явившійся ему въ Яффѣ).

фигурными тканями древне-христіанскаго періода, но и уцѣлѣвшія, въ значительномъ количествѣ, по ризницамъ епископскихъ городовъ, ткани позднѣйшаго періода — IX—XII столѣтій зачастую копируютъ эти древніе образцы.

Но, признавая всю историческую важность этого отдѣла тканей, мы не можемъ согласиться съ ученымъ авторомъ въ оцѣнкѣ ихъ значенія для исторіи греко-восточнаго христіанскаго искусства. Если проф. Стрыговскому, въ пылу полемики, достаточно одного замѣчанія Крауса, что средневѣковая стѣнная живопись, даже позднѣйшаго времени, до XIII и XIV вѣка, воспоминаетъ ковровые рисунки и фигурныя ткани, чтобы построить на этомъ замѣчаніи руководящую роль тканей, а съ ними и Египта въ исторіи развитія христіанскаго искусства, то врядъ ли это поспѣшное заключеніе удержится въ ней на долгое время, безъ большихъ ограничений. Прежде всего, историческій характеръ живописи и орнаментики въ шитьѣ и тканяхъ представляется слишкомъ часто явленіемъ вторичнымъ, заимствованнымъ, чтобы можно было принять сразу подобную гипотезу. Далѣе, догматическій характеръ многихъ мозаикъ также не вяжется съ появленіемъ этихъ сюжетовъ въ первый разъ въ такой декоративной средѣ, какъ завѣсы и облаченія. Наконецъ, фигурныя ткани отличаются почти всегда грубымъ рисункомъ, или ремесленнымъ въ набивныхъ тканяхъ, или диллетантски-наивнымъ, безпомощно-дѣтскимъ какъ въ женскихъ вышиваніяхъ. Представленные проф. Стрыговскимъ образцы иконографическихъ сценъ на египетскихъ тканяхъ, по типамъ зачастую не вяжутся съ древне-христіанскимъ искусствомъ, ни римскимъ, ни византійскимъ и относятся, скорѣе, къ чисто мѣстной, греко-египетской вѣтви искусства. Напротивъ того, фрагменты древнихъ тканей, сохранные на Западѣ, имѣютъ важное общесторическое значеніе по своему отношенію къ основному греко-восточному художественному руслу, или такъ называемому византійскому искусству. Таковыя разнообразныя вопросы (объ «остаткахъ константиновской базилики Воскресенія» говоримъ ниже), поднимаемые проф. Стрыговскимъ по поводу памятниковъ, примѣрно выбранныхъ изъ эпохи IV—VIII столѣтій по Р. Х.

Въ свою очередь, большинство западныхъ общихъ трактатовъ о древне-христіанскомъ искусствѣ занято полемикою съ (дѣйствительными и предпологаемыми) защитниками греко-восточнаго его происхожденія: задача столь же легкая, сколько и благодарная! Въ самомъ дѣлѣ западнымъ ученымъ столько же легко опровергать значеніе и роль греческаго Востока въ дѣлѣ образованія стили и сложения формъ и содержанія древне-христіанскаго искусства, указывая на крайнюю бѣдность, зачастую отсутствіе памятниковъ Востока, сколько трудно, для защитниковъ Востока, добывать яркія доказательства, при этой современной его бѣдности. Между тѣмъ, съ отрицаніемъ

роли Востока, задачи западной науки крайне упрощаются, и достигаются на время наиболѣе благодарныя условія спеціальнаго ограниченія и ясности. Но вся эта искусственная система, притягивающая къ одному пункту жизнь множества историческихъ центровъ, уже ни въ комъ не возбуждаетъ довѣрія и, надо думать, могла бы повліять пагубно на самый ходъ западной христіанской археологіи, если бы, наряду съ этою торжествующею пока системою, не установилось молчаливо соглашенія признать за новымъ движеніемъ, указывающимъ на роль Востока, научной силы и будущаго. Пока рѣшительнымъ направленіемъ изслѣдованій египетскаго и коптскаго искусства преобладающая роль остается за Египтомъ, Сиріи—какъ всегда, предстоитъ выступить ему во слѣдъ.

Попытки указать сирійскіе художественные элементы въ иконографіи лицевыхъ рукописей, правда, не привели пока къ положительнымъ результатамъ, быть можетъ, по той простой причинѣ, что Сирія никогда не имѣла характернаго самостоятельнаго искусства¹⁾: она была, скорѣе, фабрикою для массоваго воспроизведенія художественно-промышленныхъ издѣлій Египта (но преимуществу) и передней Азіи. Несомнѣнно, конечно, что при всемъ искусствѣ усвоенія греческаго стиля и чуждыхъ типовъ²⁾, національныя черты должны, однако, проявляться хотя бы въ искаженіи этихъ усвоенныхъ образцовъ, въ иныхъ вариантахъ принятой формы, но эта мелочная работа изслѣдованія возможна будетъ только тогда, когда умножится матеріалъ для сравненія и станетъ вполне доступенъ въ точныхъ изданіяхъ. Насколько, поэтому, были удачны всѣ изслѣдованія въ области «александрійскихъ» основъ византійскаго искусства, начиная съ рукописей, рельефовъ, характеристическихъ чертъ древне-христіанскаго рельефа въ IV—V столѣтіяхъ (присутствіе живописнаго «александрійскаго» рельефа), настолько проблематичными остаются пока соображенія объ участіи Сиріи въ дѣлѣ выработки византійскаго стиля. Проф. Д. В. Айналовъ предполагаетъ, напр., что къ числу сирійскихъ художественныхъ элементовъ можно отнести: 1) «фигурныя капители въ видѣ двухъ лицъ», двухъ птицекъ, пары рыбъ и пр., 2) «новый родъ киворія, съ верхомъ въ видѣ конуса, съ изгибающимися боками», паверху котораго растутъ цвѣты и зелень, гуляютъ рядами птицы, — жандръ, который ему кажется «спеціальною чертою сирійскихъ рукописей». Но мы не можемъ считать этихъ соображеній доказанными, точно также, какъ и предположеніе, что крестъ, поставленный на сферѣ или на пьедесталѣ, долженъ представлять тотъ самый реальный крестъ, который стоялъ на Голгофѣ, не получило пока никакого документальнаго подтвержде-

1) Д. В. Айналова. Эллинистическія основы византійскаго искусства. 1900, стр. 47—63.

2) Ibid., стр. 54.

нія. Столь же мало обоснованными являются пока всё общія характеристики стиля миниатюръ въ сирійскомъ Евангеліи Рабулы и другихъ древнѣйшихъ сирійскихъ рукописяхъ, поскольку эти характеристики назначены утвердить въ насъ гипотезу сиро-египетскаго происхожденія христіанскихъ композицій, типовъ и различныхъ деталей.

Приступая къ первымъ образцамъ, взятымъ изъ византійской миниатюры (греческая рукопись Никандра съ миниатюрами въ Парижской библиотекѣ), авторъ еще пытается различить сиро-александрійскіе элементы, *конечно, въ предположеніи* (александрійскую науку въ зоологическихъ наблюденіяхъ, эллипстическое искусство въ пріемахъ, свойственныхъ alexandrianской живописи, хотя вопросъ объ античной *σχίσματα* и ея сохраненіи въ византійской миниатюрѣ очень спорный), но затѣмъ довольствуется греко-восточнымъ происхожденіемъ рукописи или даже текста ея, чтобы утвердить за всѣми формами ея миниатюръ греко-восточный характеръ. На нашъ взглядъ, также ошибочно говорить объ *образцахъ alexandrianской живописи на византійской почвѣ* (обратное было бы возможно), какъ принять цѣлкомъ всё художественныя формы и типы Евангеліи Рабулы (сирійскаго) за сирійскіе образцы византійскаго искусства. Если одна рукопись (Никандра) будетъ относима къ сиро-александрійскому роду потому, что въ ней изображены хорошо звѣри и растенія, то ватиканскую рукопись Космы Индиконлова за то, что въ ея редакція именно отсутствуютъ звѣри и растенія (являющіяся только въ чисто византійскихъ копіяхъ), пришлось бы, несмотря на ея близость (по формѣ) къ alexandrianскимъ кодексамъ, считать западно-греческою, не греко-восточною. Если сирійское происхожденіе рукописи Никандра еще ничѣмъ не подтверждено, нельзя доказывать alexandrianское происхожденіе рукописи Космы тѣмъ, что въ ней есть подобная же фигура Авеля (стр. 15), тогда какъ указаніе на изображеніе мертвыхъ въ видѣ мумій (стр. 16) является весьма подходящимъ къ дѣлу. Самъ проф. Айналовъ, перечисляя далѣе различныя особенности композиціи и бытовыхъ формъ въ рукописи Космы, которыя ему приходится, одну за другою, признавать *только античными*, а не специально эллипстическими, выражаетъ опасеніе, какъ бы (стр. 18) «не возникли предположенія насчетъ копирования рукописью (въ рукописи?) Космы оригиналовъ римскаго происхожденія». Такихъ опасеній у насъ не возникаетъ, такъ какъ чистый греческій характеръ ея иллюстрацій показывается ея тѣснымъ родствомъ съ позднѣйшею византійскою миниатюрою, но мы не можемъ считать, вмѣстѣ съ проф. Айналовымъ, все существо миниатюръ Космы alexandrianскимъ, только потому, что Косма былъ alexandrianскимъ ученымъ. Равно и картины «Страшнаго Суда» и «Сшествія Св. Духа» въ рукописи не считаемъ также alexandrianскими, равно какъ и ихъ дѣленіе на пояса, пока это не будетъ

доказано сравнительнымъ изученіемъ памятниковъ. Наше личное впечатлѣніе въ пользу греческаго или, точнѣе, византійскаго стиля миниатюръ Космы основывается на ихъ свѣтломъ, легкомъ (акварельномъ) тонѣ, пѣжной карнаціи, ихъ пристрастіи къ нѣжнымъ полутонамъ, ихъ чистыхъ греческихъ типахъ, мощныхъ фигурахъ, округлыхъ овалахъ и пр. Но этому греческому характеру ничуть не мѣшаетъ возникновеніе иллюстрацій въ самой Александріи, и уже отъ тонкости изслѣдователя будетъ зависѣть отыскать, если онъ есть, тѣ детали, въ которыхъ выразились или отразились мѣстныя особенности: это и будетъ изслѣдованіе египетскихъ признаковъ «на византійской почвѣ», т. е. на основѣ византійскаго стиля. Очевидно, работа проф. Айналова должна была быть еще дополнена сравнительнымъ изслѣдованіемъ общевизантійскаго стиля, въ отличіе отъ римскаго или западнаго, и только тогда будетъ понятно, почему рукопись Діоскорида, исполненную въ Константинополѣ, онъ также вводитъ въ среду (предполагаемыхъ) александрійскихъ или эллинистическихъ произведеній.

Напротивъ того, характерныя отличія отъ всѣхъ перечисленныхъ рукописей, указываемыя самимъ проф. Д. В. Айналовымъ въ любопытныхъ контекстныхъ листкахъ «Дѣяній Свв. Апостоловъ» (рукопись В. С. Голенищева), въ рисункѣ, краскахъ, какъ и образцы контекстной рукописной орнаментики, изданные В. В. Стасовымъ, представляютъ такъ много спеціально египетскаго (птицы и животныя напоминаютъ рисунки Телл'ель Амарга и указываютъ отношеніе къ искусству древняго Египта), что наукѣ, очевидно, нужно еще подождать съ вопросами «александрійскаго» или даже «эллинистическаго» стиля, пока не будетъ опубликовано достаточно памятниковъ завѣдомо сиро-египетскаго происхожденія.

Насколько, далѣе, простыя указанія въ книгѣ сходства или родства въ орнаментальныхъ деталяхъ сирійскаго Евангелія Рабулы 586 г. съ контекстными тканями и рельефами идутъ прямо къ цѣли, настолько гаданія автора о принадлежности различныхъ композицій, художественныхъ пріемовъ и чертъ стиля къ Востоку, а не греческому антику или собственной Византіи, остаются въ области предположеній¹⁾. Иное дѣло съ типами: несомнѣнное своеобразие сирійскаго характера фигуръ и лицъ въ Евангеліи Рабулы и Евангеліи Парижской библ. № 33, составляетъ очень важный фактъ, тѣмъ болѣе, что проф. Айналовъ весьма удачно угадываетъ зависимость по типамъ равнинскихъ мозаикъ отъ сирійскихъ предполагаемыхъ оригиналовъ (стр. 54

1) Обзоръ положеній книги Д. В. Айналова дѣлается здѣсь не съ цѣлью научнаго разбора ея (чему въ общемъ введеніи не мѣсто), но ради извлеченія изъ нея того, что можно считать для нашего вопроса положительнымъ, а потому мы принуждены ограничиваться только общимъ указаніемъ пунктовъ нашего разногласія съ авторомъ. Вѣдь и то, что мы лично считаемъ положительнымъ, не можемъ считать таковымъ для другихъ.

и приложенная II таблица): фактъ въ высшей степени знаменательный. Возможно, что вся серія евангельскихъ темъ, протянувшаяся по стѣнамъ главнаго корабля ц. Св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ, представляетъ ремесленную работу по рисункамъ мѣстныхъ картоновъ, исполненныхъ съ миниатюръ греко-восточной работы. Эти миниатюры, въ свою очередь, послужили образцомъ для сирійскаго Евангелія Рабулы и Парижской бібліотеки и для Россанскаго Евангелія и составляли въ нарождавшемся искусствѣ своего рода вѣтвь, художественный типъ. Въ сотняхъ иллюстрацій, на пространствѣ большой книги четырехъ Евангелій, было вполне возможно для иллюстратора желаніе представить постепенное возмужаніе Богочеловѣка, а отсюда, при выборѣ сюжетовъ, ограничившихся въ мозаикѣ чудесами Христа и Страстными днями, получилось извѣстное, рѣзкое противуположеніе двухъ типовъ Іисуса: юнаго и безбородаго въ серіи чудесъ (неправильно относимаго къ древнѣйшему символическому образу «генія» катакомбной живописи) и возмужалаго, съ бородою въ сценахъ «Страстей». Но тоже сопоставленіе мозаической росписи равеннской церкви съ родственными миниатюрами Евангелія Рабулы и Россанскаго наводитъ насъ и на нѣкоторые соображенія: мозаики представляютъ намъ ремесленно точную копію миниатюръ, а миниатюры напоминаютъ во многомъ фресковыя стѣнные росписи. Въ самомъ дѣлѣ, въ мозаикахъ мы наблюдаемъ результаты неуклюжаго увеличенія прежнихъ крохотныхъ фигуръ: въ нихъ такъ мало деталей, сравнительно съ ихъ новыми, увеличенными размѣрами, такъ сухъ, бѣденъ, утомительно однообразенъ рисунокъ, такъ непріятна ремесленная копировка прежняго легкаго наброска. Такъ бываетъ, когда дилетантъ, ловко исполнившій фигурку, миниатюру, вздумаетъ выдолбить ихъ въ монументальныхъ размѣрахъ, и когда ремесленникъ увеличить легко начерченный рисунокъ для стѣнной росписи. Напротивъ того, упомянутыя миниатюры представляютъ рисунки, явно, скопированныя съ монументальныхъ оригиналовъ неизвѣстныхъ намъ и исчезнувшихъ росписей. Таковы, напр., двѣ сцены суда надъ Христомъ у Пилата въ Россанскомъ кодексѣ взяты, по видимому, изъ аркосоліевъ надъ могилами древне-христіанскихъ мучениковъ. Таково же «Прячащеніе подъ обоями» въ двухъ продольныхъ сценахъ, взятое изъ алтаря, таковы изображенія Пророковъ на каедахъ — заимствованныя быть можетъ, изъ росписи монастырской трапезы. Но, иди, такимъ образомъ, далѣе заключеній проф. Д. В. Айхалова, мы не считаемъ, однако, оригиналовъ этихъ миниатюръ «эллинистическими» или, точнѣе, греко-восточными: напротивъ, въ упомянутыхъ рисункахъ сценъ суда видимъ, скорѣе, римскій образецъ и не можемъ согласиться съ тѣмъ, что зависимость этихъ сценъ отъ апокрифическаго «Никодимова Евангелія» и «Актвъ Пилата» могла бы требовать отъ насъ въ V вѣкѣ приуроченія ихъ къ Палестинѣ.

Иное дѣло заключенія автора разбираемаго сочиненія о типахъ Россанскаго Евангелія и Вѣнской библіи (несомнѣнно, составляющихъ группу особаго характера): ихъ отлічіе какъ отъ рукописи Космы Инд., такъ и сирійскихъ рукописей подмѣчено проф. Айналовымъ съ большимъ искусствомъ и полною вѣроятностью (стр. 78—79), но чтó это за группа и какой мѣстности она принадлежитъ, пока остается подѣ вопросомъ. Весьма любопытная стилистическая аналогія этихъ миниатюръ съ поздне-византійскими, угаданная проф. Айналовымъ, должна бы указывать, по нашему мнѣнію, на константинопольское (или собственно греческое) происхожденіе, а не alexandrianское, какъ догадывается (стр. 83) проф. Айналовъ.

Равнымъ образомъ, хотя мы въ настоящее время рѣшительно не можемъ угадать мѣста происхожденія такихъ рукописей, какъ «Святѣ Иисуса Навина» Ват. библ., «Иліада» Амвросіанской и «Энеида» Ватиканской, однако, не можемъ согласиться и съ ихъ alexandrianскимъ происхожденіемъ, о которомъ догадывается проф. Айналовъ (стр. 86). Напротивъ того, въ Святѣ Иисуса Навина мы лично находимъ такъ много римскаго элемента, что даже скорѣе предпочитали бы видѣть въ ней южно-италійское произведеніе, чѣмъ чисто греческое. И хотя въ иллюстраціяхъ Иліады и Энеиды мы продолжаемъ находить, по связи ихъ съ рядомъ иныхъ памятниковъ, своего рода возрожденіе греческаго искусства, однако, въ частности, именно въ этихъ рукописяхъ, видимъ произведеніе греческаго искусства на почвѣ «римскаго любительства» и «антикварства», столь сильно развившагося въ эпоху Римской Имперіи въ литературныхъ центрахъ, подобно фресковымъ росписямъ плафоновъ и стѣбъ, находимыхъ нами одинаково и въ Помпеѣ, и въ виллахъ Рима и въ римскихъ катакомбахъ.

Историческій обычный ходъ развитія художественныхъ формъ показываетъ намъ съ достаточною ясностью, что какъ только устанавливается въ странѣ, въ предѣлахъ культурнаго міра, опредѣленный и характерный стиль, онъ неизбежно вліяетъ на ходъ искусства въ странахъ, съ нею связанныхъ культурнымъ общеніемъ. И потому, если мы неизбежно должны принять фактъ распространенія римскаго стиля и вкуса въ древнемъ мірѣ, то естественно должны умозаключать и обратное, перенесеніе художественныхъ формъ съ греческаго Востока въ Римъ въ эпоху синкретизма религій, обрядовъ, обычаевъ и искусства. Стало быть, если напр. *живописный рельефъ*, съ его ландшафтными и архитектурными фонами и былъ (какъ признано это послѣдними трактатами) въ основномъ источникѣ, alexandrianскаго происхожденія, то онъ же въ эпоху Константина долженъ быть отнесенъ къ числу признаковъ римскаго стиля, разѣ его господство въ римскихъ саркофагахъ, барельефахъ арокъ, колоннъ и пр. удостовѣрено безноворотно. Тѣмъ болѣе, для памятниковъ VI—VII стол. нельзя уже въ живописномъ рельефѣ

видѣть «традиціи александрійской школы», слѣдовательно и отмѣтить (стр. 89) «проявленіе этой особенности въ памятникахъ византійскаго искусства» какъ «указывающей вообще на эллинистическій характеръ его пластики». Напротивъ того, памятники, отмѣченные этою чертою стиля, немногіе въ Константинополѣ и многочисленны въ Римѣ и Равеннѣ, естественно относить къ римскому стилю. Если вполнѣ натурально считать дверь базилики Св. Сабины въ Римѣ римскою работою, несмотря на ея живописный рельефъ, то и саркофагъ Латеранскаго Музея съ изображеніемъ на боковыхъ сторонахъ «Отреченія Петра» и «Исцѣленія кровоточивой» считаемъ также часто римскимъ произведеніемъ, хотя еще покойный де-Росси указывать въ бородастой фигурѣ Христа во 2-й сценѣ типъ восточнаго происхожденія.

Точно также мы не можемъ, вмѣстѣ съ Д. В. Айналовымъ, видѣть реальныхъ палестинскихъ деталей въ разбираемыхъ имъ рельефныхъ изображеніяхъ: круглаго Гроба Господня¹⁾ (миланская пластинка) со скатною крышею (стр. 97—99), алтарной лѣстницы въ сценѣ жертвоприношенія Исаака: то и другое только общія древнія формы, а не специально мѣстныя. Но если подобныхъ деталей мы не можемъ, безъ особыхъ причинъ, назвать «палестинскими» даже на ампулахъ Монцы, происходящихъ изъ Св. Земли, то тѣмъ менѣе можно дѣлать подобныя заключенія о деталяхъ равеннскаго кресла еп. Максиміана: линія фронтона за спиною Іоанна Предтечи въ сценѣ «Крещенія» на этомъ креслѣ не можетъ быть объясняема изображеніемъ монастыря Предтечи на Іорданѣ, а если имѣли четырехугольную форму не въ одной Палестинѣ (стр. 112—113). Поэтому, хотя мы раздѣляемъ взглядъ проф. Айналова (и проф. Стрыговскаго) на сиро-александрійское происхожденіе многихъ композицій въ рельефахъ этого кресла, однако, думаемъ, что ранѣе общаго сравнительно анализа происхожденія *всего стиля*, усвоеннаго рельефами, намъ нельзя будетъ дѣлать вполнѣ общегонныхъ заключеній о деталяхъ. Такъ напр., мы считаемъ вполнѣ возможнымъ видѣть въ стѣнѣ, представляемой за Распятіемъ Господомъ, стѣну Іерусалима, впереди которой извѣстна находилась, какъ извѣстно, во времена Христа Голгофа²⁾, но мы не полагаемъ никакой доказательности въ соображеніяхъ Д. В. Айналова, будто бы въ трехъ фронтонахъ Распятія на дверяхъ Сабинны мы должны видѣть (стр. 125) «поверхностно воспроизведенныя сооруженія на мѣстахъ страданій, смерти и воскресенія Христа въ Іерусалимѣ».

Напротивъ того, мы встрѣчаемъ рядъ вполнѣ вѣроятныхъ и естественныхъ заключеній и догадокъ о памятникахъ Святой Земли на основаніи сдѣ-

1) На ампулахъ Монцы мы ясно видимъ фасадъ четырехугольной часовни Гроба, а никакъ не круглой, и эта ясная форма передаетъ точно древность.

2) Сѣверозападная стѣна Іерусалима, за которою находится Голгофа и храмъ Св. Гроба съ христіанскимъ кварталомъ, построена царицею Евдокіею въ V вѣкѣ по Р. Х. и восстановлена султаномъ Селимомъ. См. Порфирія, Книга Бытія, VII, стр. 231.

лапного авторомъ бѣлаго разбора сюжетовъ на украшенныхъ рельефами металлическихъ ампуллахъ Мошскаго собора. Тѣсное соотношеніе этихъ рельефовъ къ Виолеевскому храму Рождества Христова, храму Воскресенія и Голгоѣ, храму Вознесенія, мѣсту Крещенія на Иорданѣ и Свиданія Маріи съ Елисаветою (Горняя), а также характерные типы и любопытныя детали требовали бы даже еще болѣе подробнаго анализа и болѣе обширныхъ сравненій съ памятниками родственными и близкими. Помимо важныхъ сближеній, установленныхъ авторомъ, Я. И. Смирновымъ и проф. Стрыговскимъ, можно сдѣлать много заключеній и вѣроятныхъ догадокъ, держась только этихъ семи ампуллъ.

Такъ напр. нельзя не обратить вниманія на характерное изображеніе Распятія, дважды повторенное на ампуллахъ: Распятый Христосъ представленъ здѣсь дважды въ видѣ одной Главы Своей, помѣщенной надъ крестомъ. И, если можно въ одномъ случаѣ, въ виду того, что крестъ здѣсь сдѣланъ изъ лавровъ и очень малъ, объяснить это отсутствіемъ мѣста (хотя оба разбойника представлены полными фигурами въ ростъ), то для другого случая нѣтъ никакого объясненія. Не слѣдуетъ ли, поэтому, предположить, что такая форма ведетъ свое начало отъ особо чтимаго (вѣроятно, на мѣстѣ самой Голгофы) креста декоративнаго типа, увѣличающаго Главою Христа. Извѣстно, что подобное изображеніе повторяется римскою мозаикою, камнями и пр., какъ извѣстное и славное¹⁾.

Обширный фоліантъ г. Алоиса Ригля, вызванный мѣстною задачею изданія памятниковъ древней художественной промышленности на почвѣ Австро-Венгріи²⁾, посвященъ, между прочимъ, тому же пресловутому вопросу объ источникахъ новаго или христіанскаго искусства. Подчиняясь современной привычкѣ убѣждать другихъ постояннымъ повтореніемъ собственнаго

1) Возможно, что именно это изображеніе называлось *νικητήριον ἀγγέλων*, такъ какъ по сторонамъ креста изображены были (обернутые къ нему) два ангела. Важнѣйшіе образцы: 1) на извѣстномъ сер. блудѣ *Строгановскаго собранія*; затѣмъ 2) *камень Парижск. Нац. библиот.* V стол.; 3) *камень ризницы Моск. Успенск. собора* на зол. потирѣ Екатерины II, отъ времени имп. Леонтія († 699) съ надп. «покровъ Леонтія» — *σκηπη Λεοντίου*, изд. Г. Д. Филимоновымъ въ *Вѣстн. Общ. др. русск. иск.* 1875, вып. 6—10, стр. 59—60; 4) на ампуллахъ: Gargucci *Storia*, vol. V, tav. 434—435; 5) на геммахъ, *ibid.*, tav. 479, 480; 6) иконописный переводъ такъ назыв. «Похвалы кресту хранителю вселенной» обставляетъ крестъ, стоящій на Голгоѣ, стѣнами Иерусалима, храмами внутри стѣнъ, преклоняющимися Адамомъ и Евою и уготованнымъ треномъ у подножія.

Эмблематическое изображеніе креста, водруженнаго на сферѣ или державѣ, хотя считается основнымъ византійскимъ типомъ «креста торжествующаго», креста «хранителя вселенной», «красоты церкви» и «ангеловъ славы», имѣетъ также палестинское происхожденіе. Ибо именно о крестѣ Голгофы говоритъ Св. Софроній, патріархъ Иерусалимскій, когда прославляетъ въ своей проповѣди «крестъ, водруженный посреди земли въ спасеніе міра» (ed. Migne, t. 87, pag. 3314).

2) Österr. Archäologisches Institut. Alois Riegl. *Die spätromische Kunst-Industrie nach den Funden in Österreich-Ungarn*. I Theil, Wien, 1901, fol.

убѣжденія, авторъ еще въ заглавіи предлагаетъ рѣшеніе вопроса: рѣчь пойдетъ только о «поздне-римской художественной промышленности». Итакъ, хотя, затѣмъ авторъ объявляетъ, что его сочиненіе будетъ трактовать эту римскую художественную промышленность *«въ связи съ общимъ развитіемъ пластическихъ искусствъ у народовъ Средиземнаго моря»*, но, очевидно, онъ заранѣе опредѣляетъ себѣ общее развитіе искусства, какъ «романизацию» средиземнаго бассейна. Ригль, конечно, сознается, что позднѣйшій періодъ греко-римскаго искусства образуетъ темное пятно на картѣ исторіи искусства, однако, рѣшается, освѣщать это пятно свѣтомъ мелкихъ издѣлій художественной промышленности. По мнѣнію автора, легко освѣтитъ настоящій мракъ простымъ соображеніемъ: мы знаемъ античное искусство, а всѣ извѣстныя сочиненія по исторіи древне-христіанскаго искусства открываютъ основной фактъ, что христіанское искусство было то же самое языческое античное искусство, которое «только сняло съ себя всѣ вышшіе и потому неподходящіе признаки язычества». Правда, исторія христіанскаго искусства, по мнѣнію автора, приняла, съ самаго начала, антикварскій (?) характеръ, сосредоточилась исключительно на иконографіи¹⁾ и только теперь создается впервые, какъ историческая наука, т. е. наука, изучающая формы. Но какъ только научный взглядъ былъ брошенъ на эту темную область искусства христіанскаго и варварскихъ народовъ, такъ выяснилось, что оно осталось языческо-римскимъ, и вся задача изслѣдованія предполагаемаго оригинальнаго, народнаго искусства новыхъ варваровъ ограничилась разслѣдованіемъ римскаго элемента.

Такимъ образомъ, изслѣдованіе Ригля, задаваясь обѣщаніемъ дать новую постановку всей христіанской археологіи, ограничивается напр. по отдѣлу архитектуры только общими соображеніями о круглыхъ храмахъ и базиликахъ, эстетическою оцѣнкою нѣсколькихъ церквей и трехъ выбранныхъ (на удачу) капителей. По нашему искреннему убѣжденію, наука отъ этихъ соображеній и разсужденій о примѣненіи законовъ «тактики» и оптики ничего не пріобрѣтаетъ. Утомительная монотонность характеристикъ, листы пространныхъ и мудреныхъ перифразъ иного, весьма простаго, эстетическаго замѣчанія, умножаются, однако, еще болѣе въ отдѣлѣ скульптуры: анализъ ея особенностей въ вѣкъ Константина и отличій отъ эпохи классической и новой составляетъ для автора значительный трудъ, но явился въ видѣ безцѣльнаго упражненія въ тонкостяхъ эстетическаго взгляда. Правда, авторъ останавливается на оцѣнкѣ нѣкоторыхъ, дѣйствительно, характер-

1) Авторъ сочиненія, кетати столь претендующаго на эстетическую постановку, придаетъ слову «антикварскій» совершенно чуждое ему значеніе. Антикваръ, владея древними предметомъ, интересуется наиболѣе его формою, временемъ его происхожденія и наименѣе его содержаніемъ, его иконографическою темою. Иконографія ведетъ къ «археологіи искусства», антикварство — къ мелкимъ видамъ художественной промышленности.

ныхъ особенностей рельефа саркофаговъ: таково напр. углубленіе фоновъ между фигурами и декоративными украшеніями, какъ листьями аканѳа, частями цимзовъ или карнизовъ и пр. Получаемая отсюда живость освѣщеныхъ, выступающихъ надъ тѣнсовыми фонами частей сообщаетъ живописность цѣлому (хотя не «колоритъ», какъ увѣряетъ авторъ), но въ то же время, при ремесленной обработкѣ, нѣкоторую рѣзкую сухость. Ригль единственно этою разницею въ способѣ обработки рельефа и поверхности объясняетъ и различіе двухъ видовъ аканѳа, по его мнѣнію, никогда не существовавшихъ въ искусствѣ, относящихся къ одному и тому же аканѳу, къ одному художественному мотиву: эти два вида аканѳа Ригль считаетъ не открытіемъ, но ошибкою.

Эстетическіе приемы анализа и оцѣнки историческихъ памятниковъ живописи представляютъ еще болѣшую странность: если еще можно понимать разборъ древне-христіанскихъ саркофаговъ по принципамъ живописности, свѣта и тѣни, пропорціональности, движенія и пр., то въ различныхъ мозаикахъ, имѣющихъ къ тому же канитальное значеніе по воспроизведенію предметовъ и картинъ быта, этотъ способъ разсмотрѣнія вызоветъ только улыбку. Чтѣ сказать напр. о такой оцѣнкѣ мозаики Пуденціаны (стр. 129): «абсида у S. Pudenziana (IV стол.) представляетъ централистическую композицію поразительнаго концентрическаго кругообразованія въ расположеніи фигуръ. Пространственный (?) полукругъ (гемициклъ), напоминающій группу Пилата (на саркофагѣ) не менѣе замѣчательнъ, какъ и относительно высокое (очерченное высоко) облачное небо. Этихъ двухъ обстоятельствъ довольно, для помѣщенія мозаики въ разрядъ художественно-историческихъ уникъ этого переходнаго времени, раздѣляющаго двѣ міровыя эпохи. Особо поучительнымъ для художественной манеры (Kunstwollen) въ современной архитектурѣ является наблюденіе многочисленныхъ зданій въ этой мозаикѣ, въ которыхъ бросается въ глаза намѣренное повтореніе колористической смѣны свѣтлыхъ поверхностей и темныхъ отверстій (Durchbrechungen) — аркадъ и оконъ». Судя по этому образчику, можно ясно представить, куда пойдетъ, подъ напоромъ современнаго пристрастія къ декадентскому наслажденію всякими декораціями, исторія искусства, если она будетъ оцѣнивать важнѣйшіе историческіе памятники такими химическими реактивами. Въмѣсто всякихъ изслѣдованій памятника по существу и содержанію достаточно будетъ произнести свое сужденіе по формальнымъ схемамъ, и этимъ будетъ исчерпана задача историка, какъ будто закрывающаго заранѣе глаза и уши, чтобы не видѣть и не слышать того, чтѣ представляютъ и передаютъ памятники прошлаго, какъ будто и ихъ творцы не имѣли, чтѣ сказать серьезнаго, или представить важнаго, а только задавались вопросами группировки, свѣта и тѣней и пр.

Еще менѣе содержитъ отдѣлъ, посвященный Риглемъ миниатюрѣ, и полную неудовлетворенность оставляетъ по себѣ даже главный отдѣлъ художественной индустріи, хотя, по увѣренію автора, поздне-римскій стиль выразился снопа именно въ этой области (по причинамъ, явно, загадочнымъ, напр. потому, что металлъ способствуетъ выраженію «колористическаго» элемента). Авторъ, конечно, видитъ вездѣ римскій стиль и, отрицая огуломъ варварское или восточное происхожденіе издѣлій, вынужденъ прибѣгать къ своимъ эстетическимъ характеристикамъ, какъ къ единственному аргументу: гранатовую инкрустацію въ сассанидскихъ предметахъ онъ объявляетъ заимствованною; инкрустаціи сибирскихъ древностей Эрмитажа считаетъ (стр. 181) «недостаточно высказавшимися въ колористическомъ направленіи», но скорѣе все еще «служащими полутактическому вкусу». Авторъ, далѣе, переходитъ къ эмалямъ и здѣсь уже обвиняетъ меня лично въ томъ, что я низко ставлю греческія эмали (стр. 185), и приписываетъ это тому, что «иконы» мнѣ «пріятнѣе, чѣмъ живые разводы растительности». Но, становясь въ рядъ историковъ и не принадлежа къ новѣйшимъ эстетамъ, я не оцѣниваю художественныхъ видовъ, одинъ выше или ниже другого, если эти явленія не даны въ одной средѣ и не относятся другъ къ другу, какъ оригиналь и копія, мастерская работа и ремесленная, творческое произведеніе или промышленное издѣліе. Поэтому, позволяю себѣ считать, что мелкія эмалевыя украшенія однообразнаго мотива на греческихъ издѣліяхъ не идутъ въ сравненіе съ византійскими эмалями, пытавшимися передавать религіозные типы, какъ бы ни были первыя изящны и какъ бы неумѣлы и неуклюжи ни были византійскія эмали, вслѣдствіе ихъ крайней технической трудности: мелкое декоративное изящество не можетъ равняться съ историческимъ характеромъ.

Но оставимъ историко-литературный пріемъ разсмотрѣнія вопроса объ источникахъ новаго европейскаго и христіанскаго искусства, такъ какъ мы подошли уже къ прошлому году и ничего не могли бы указать въ немъ, кромѣ брошюръ, и попробуемъ коснуться вкратцѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ этого искусства, въ принятомъ порядкѣ, сначала въ области архитектуры, хотя эта область цѣлыми вѣками повторяетъ старое и наименѣе національна.

Исторія христіанской архитектуры, какъ извѣстно, долгое время занята была принципиальнымъ вопросомъ о происхожденіи базиликъ: плодомъ занятій явилось всестороннее изслѣдованіе извѣстій и историческихъ данныхъ въ предѣлахъ III—IV вѣковъ, монументальныя изданія памятниковъ (преимущественно Рима, и развѣ еще центральной Сиріи, такъ какъ базилики Солуни, Константинополя, Малой Азіи являются въ плохихъ изданіяхъ), и наконецъ обширная полемическая литература по вопросамъ общаго проис-

хожденія христіанскихъ базиликъ и ихъ отношенія къ языческимъ. Вопросы и факты временнаго и мѣстнаго значенія, какъ напр. варианты базиличной формы, исторія выработки основнаго типа, вопросы точной хронологіи памятниковъ, ихъ передѣлокъ, еще остаются передъ нами въ отдаленіи. И потому, различные отдѣлы христіанской архитектуры излагаются доселѣ совершенно отрывочно, безъ внутренней связи, какъ результаты любопытныхъ путешествій и обозрѣній: таковы напр. памятники центральной Сиріи, Абиссиніи, самого Константинополя, Греціи. По обычаю, приведепо въ связь и изложено въ какой либо послѣдовательности только то, что находится въ Римѣ и Италіи вообще, прочее служить подтвержденіемъ взглядовъ и теорій, выработанныхъ на памятникахъ Запада. Но уже съ точки зрѣнія римскаго вліянія, Сирія должна заслуживать къ себѣ бѣльшаго вниманія. Сирія и Палестина уже со временъ Адріана и вплоть до арабскаго завоеванія были для владыкъ Востока излюбленнымъ поприщемъ ихъ страсти къ монументамъ. Тамъ еще жили традиціи восточныхъ деспотій и обычаи обогащать побѣжденныхъ трудами рукъ и средствами завоевателей, и тамъ же народный фанатизмъ и низменные вкусы вызывали соперничество въ пышныхъ, ненужныхъ и чисто декоративныхъ сооруженіяхъ. Въ теченіе короткаго періода 6 вѣковъ видимъ здѣсь смѣну архитектурныхъ періодовъ: послѣ чисто іудейскаго времени, наступаетъ вѣкъ Ирода (постройки Кесаріи, Самаріи, Аскалона, Іерусалима, Иродіонъ), Константиновскій періодъ (базилики Іерусалима и Вюлсема и пр.), отличная отъ него Юстиніановская эпоха, все это въ предѣлахъ 326—636 гг.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о христіанской древности Востока за первые три вѣка заключаются въ извѣстной «Церковной Исторіи» Евсевія, хотя она, согласно съ воззрѣніями его, и придаетъ бытовой сторонѣ христіанства, наименьшую важность, будучи занята, главное, исторіею главъ и отцовъ Церкви, мучениковъ и ересей. Свидѣтельство Евсевія во II кн., XVII гл. о размноженіи въ Египтѣ христіанскихъ общинъ и молеленъ, относится еще ко временамъ Клавдія и показываетъ, что Александрія, въ извѣстномъ смыслѣ, раздѣляла съ Римомъ судьбу римской столицы привлекать массу послѣдователей новаго культа. Конечно, Римъ бралъ въ первомъ вѣкѣ перевѣсъ надъ другими мѣстностями Имперіи, такъ какъ былъ наибѣлье терпимымъ къ иноземнымъ культамъ, вплоть до политическаго движенія противъ христіанъ и первыхъ гоненій при Неронѣ. Но за то Египетъ имѣлъ бѣлье глубокую культурную почву и, новая секта именно здѣсь легче всего могла найти формы для своей обстановки, утвари, обрядовъ. Извѣстное посланіе о мученической смерти Поликарпа, епископа Смирнскаго († 168 г.), передаваемое Евсевіемъ, заканчивается словами: «а мы собрали потомъ его кости—сокровище драгоцѣнное дорогихъ камней и дорожке золота, — и положили

ихъ, *идѣ славдоваю*¹⁾. Туда, какъ только можно будетъ, мы станемъ сообщаться съ веселіемъ и радостью, и Господь соизволитъ намъ праздновать день его мученическаго рожденія». Такъ, намекомъ, понятнымъ для всякаго христіанина, обозначаетъ эта записка христіанскія *усыпальницы* или *катакомбы*, еще ожидающія въ Смирнѣ своего открытія. Правда, мы знаемъ пока катакомбы только въ Александріи и Іерусалимѣ (отличныя по типу отъ римскихъ, какъ отличаются и катакомбы Неаполя и Сициліи), и только узнаемъ о существованіи христіанскихъ катакомбъ въ Фессалоникѣ, по о томъ же ясно свидѣлствуетъ указъ Максимина, правителя Востока въ 312 году, «пытавшася, какъ говорить Евсевій, подѣ какимъ то предлогомъ, воспретить христіанамъ собираться *въ усыпальницахъ*» (ἐν τοῖς κοιμητηρίοις)²⁾, тоже ранѣе при Валеріанѣ.

Гоненія Діоклетіана и Максимина даютъ намъ возможность узнать о существованіи многихъ церквей, на разрушеніе которыхъ направляются отнынѣ усилія язычниковъ. Переходи къ исторіи подвижничества мучениковъ (Евсевій, VIII книга) Палестины, Египта, Фригіи, Понта и Вонніи съ 304 по 311 годъ, и лирическимъ приступомъ возбуждая вниманіе читателя, историкъ рисуетъ намъ «славу и дерзновеніе» христіанъ въ періодъ передъ гоненіями: благосклонность къ христіанамъ державныхъ лицъ, любовь мѣстныхъ правителей, благоволеніе къ епископамъ префектовъ и консуловъ, многочисленныя обращенія въ вѣру, *многолюдныя собранія христіанъ во всякомъ городѣ и стеченія въ молитвенныхъ домахъ*. «Не довольствуясь старыми домами, христіане *по всѣмъ городамъ* стали возводить, съ основанія, *новыя, обширныя церкви*». Но Евсевій собственными глазами скоро увидѣлъ, затѣмъ, какъ «церкви разрушались до основанія, священныя книги сожигаемы на площади», увидѣлъ всѣ ужасы гоненій, пытокъ, истязаній и гнусныхъ зрѣлищъ, которыми древнее языческое общество доканало самого себя.

Съ Константиномъ наступаетъ миръ для христіанской церкви, и историкъ вознаграждаетъ читателя подробнымъ описаніемъ плана и красотъ храма въ Тирѣ, построеннаго еп. Павліномъ, которому посвящена и самая глава, содержащая торжественное *слово* Евсевія *о созиданіи церквей*. Въ деталяхъ этого «слова» мы узнаемъ много новаго и находимъ разъясненіе нѣкоторыхъ историческихъ сторонъ христіанской архитектуры. Такъ, периметръ или ограду кругомъ Тирскаго храма сдѣлали въ видѣ крѣпкихъ стѣнъ (περιτειχίσμα), дабы «внутри было безопасное убѣжище для каждаго». Въ этихъ стѣнахъ устроены были высокія и величественныя пропилеи, обращенныя на Востокъ: «никому не пройти мимо, не вспомнивъ прежняго запу-

1) Ἀπεθέμεθα ὅπου καὶ ἀχόλουθον ἦν. Евсевій, *Hist. eccles.* ed. Migne, XX, p. 357.

2) Правда въ кн. VII, гл. XI проконсулъ употребляетъ еще это выраженіе съ прибавкою «такъ называем.»—τὰ καλούμενα κοιμητήρια.

стѣпія и современнаго чудодѣйствія, и пораженный зритель невольно входилъ въ церковь». Внутри былъ великолѣпный дворъ (атріумъ), украшенный вокругъ четырьмя косыми¹⁾ «портиками»; промежутки между колоннъ были забраны рѣшетками, а «пространство вверху оставлено открытымъ, чтобы видно было небо». Противъ храма (между двумя входами) были «символы святаго очищенія», фонтаны, доставлявшіе изобильно воду «для омовенія», по юго-восточному обычаю, главнымъ образомъ, для омовенія ногъ. На «солнечной сторонѣ храма» (стало быть, храмъ былъ обращенъ абсидою (если она была) на западъ) «устроилъ на лицо три двери, и средней, въ сравненіи съ боковыми, далъ бóльшій объемъ въ высоту и широту и, преимущественно передъ послѣдними, украсилъ ее изваяніями и рѣзбою» (παράπηγμασι χαλκοῦ σιδηροδέτοις καὶ ποικίλμασιν ἀναγλύφαις). Тѣмъ же способомъ устроилъ и по обѣ стороны всего храма портики» (колоннады съ двумя боковыми нефами) «по числу пропилей, и надъ ними вверху различныя окна для впуска свѣта въ храмъ, украсивъ окна деревянною нѣжною рѣзбою и кругомъ ихъ различными уборами». Царственный залъ (τὸν δὲ βασιλεῖον οἶκον) «убранъ богатѣйшими и драгоцѣннѣйшими матеріалами», но было бы излишне, по словамъ Евсевія, описывать величіе, богатство, высоту храма и его потолокъ изъ ливанскихъ кедровъ. Павлинъ устроилъ тамъ и высокіе епископскіе троны (θρόνοις) и поставилъ скамьи по всему храму (βάθροις ἐν τᾷ τοῖς καὶ ὅλου)²⁾. Алтарь былъ поставленъ среди храма, но окруженъ деревянною рѣшеткою, тончайшей рѣзбы. По бокамъ храма были постройки, связанныя съ нимъ входами для крещенія и омовеній.

Итакъ на Востокѣ христіанскія церкви издревле устраивались по типу «базиликъ», назывались «царскими залами», «царственными залами», и потому, христіанскія общины получили права на зданія судебныхъ и торговыхъ базиликъ, когда эти, по какому либо случаю, теряли свое назначеніе. Отсюда, понятна становится историческая декоративность христіанскихъ церквей перваго времени: зданію стараются придать, прежде всего, возможную пышность обычными въ греко-римской архитектурѣ способами, а затѣмъ уже ищутъ назначенія для его портиковъ, экседръ, нефовъ, дворовъ, залъ и пр. Поэтому, весьма важна упомянутая Евсевіемъ постановка алтаря среди храма въ базиличномъ зданіи и его окружающая баллюстрада (δίκητύα): едва ли эта часть не единственная знаменательная деталь среди декоративныхъ частей.

1) Ἐυχάρστος στοαῖς=obliquis porticibus. Эти четыре портика очевидно, начинались отъ пропилей и среднихъ вратъ храма, сходились углами у середины стѣнъ четырехугольнаго двора и образовывали внутри двора форму ромба; изъ этого понятно, почему средняя дверь была сдѣлана монументальною (см. ниже о дворахъ святилища въ Баальбекѣ).

2) Напрасно иные комментаторы, не терпя факта существованія скамей для мірянъ, стараются забыть слова: βάθροις ἐν τᾷ τοῖς καὶ ὅλου=по всему храму и толкуютъ, противъ мнѣнія Льва Аллация, что здѣсь разумѣются скамьи клириковъ.

Въ недавно вышущей полемической брошюрѣ¹⁾ проф. Стрыговскій приводитъ нѣсколько соображеній объ оригинальной сторонѣ христіанской архитектуры въ Сиріи. Въ ней всегда, даже въ пору расцвѣта эллинизма, сохранялась старобытная восточная традиція: не даромъ въ церквахъ центральной Сиріи видятъ поразительное сходство въ фасадахъ съ Соломоновымъ храмомъ (впрочемъ, извѣстномъ лишь въ гаданіяхъ), и именно здѣсь встрѣчаемъ нартѣкъ въ видѣ открытаго портика среди двухъ башенъ; здѣсь же находимъ зданія въ видѣ четырехугольника, наполненнаго колоннами. Все это требуетъ, очевидно, сравнительнаго изслѣдованія и обѣщаетъ открыть много характернаго и въ самихъ базиликахъ, которыя, какъ увидимъ ниже, представляютъ въ Сиріи замѣчательное разнообразіе даже въ планахъ, особенно если сравнивать ихъ съ однообразными западными базиликами (исключеніе изъ нихъ представляютъ, между прочимъ, тѣ, которыя были построены, повидимому, по восточному образцу, напр. подражанія храму Воскресенія, Креста и пр.). Но затѣмъ, остаются еще круглыя церкви и такъ называемыя «центрального» плана, которыхъ, по свидѣльствамъ, насчитываемъ отъ 330 г. (Ротонда Св. Гроба и ц. Вознесенія) до VII вѣка включительно (Эмιάдзина) десять церквей на Востокѣ и пять на Западѣ (Св. Констанцы, Стефана въ Римѣ, Лаврентія въ Миланѣ, Виталія въ Равеннѣ, собора Брешіи).

Любопытная была бы *исторія вопроса о переходѣ* сирійской базиличной башни съ Востока на Западъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Съ одной стороны, мы имѣемъ въ Равеннѣ исключительно круглыя колокольныя башни съ VI вѣка, съ другой — въ Сиріи уже при базиликахъ V столѣтія, какъ представляетъ, по крайней мѣрѣ, Вогюэ, напр. въ Тавха, Босра и Шаха и пр., появляются именно четырехугольныя башни, и притомъ какъ разъ въ той связи съ самымъ зданіемъ базилики, какую находимъ въ средневѣковой архитектурѣ Запада. Базилику въ Сиріи флажкируютъ напр., съ обѣихъ сторонъ входа въ нее, съ западной стороны двѣ четырехугольныя башни, тоже напоминающія очень близко западные соборы. Извѣстно, что эти башни, согласно преданію, тоже идущему черезъ Византію съ Востока, посвящались въ средніе вѣка архангеламъ Гавріилу и Михаилу, т. е. ясно указываютъ на военно-стратегическое назначеніе первыхъ появившихся башенъ, которыя, на всемъ христіанскомъ Востокѣ, въ эпоху наступленія Сарацинъ и Арабовъ, служили укрѣпленіями вмѣстѣ съ церквами и монастырями, а въ Сиріи и болѣе и ранѣе другихъ мѣстностей Востока.

Паломническая записка неизвѣстной римской гражданки IV вѣка, ставшая столь извѣстною подъ именемъ «паломничества Сильвіи»²⁾, даетъ намъ

1) *Hellas in des Orients Umarmung*. Beilage z. «Allg. Zeitung». Nr. 40—41, 1902, стр. 15.

2) Прав. Палестины. Сборн., VII, 2. «Паломничество ко Свв. мѣстамъ конца IV в.», изд. И. В. Помяловскимъ, 1889.

не мало цѣнныхъ и точныхъ указаній культурной высоты сиро-египетскаго Востока въ раннюю эпоху христіанства. Какъ извѣстно, эта паломница, въ благочестивой жаждѣ видѣть всѣ мѣста, освященные христіанскими преданіями и исторіею, обошла многія мѣстности Сиріи, Заіорданья, Египта, Малой Азіи и Месопотаміи. Уцѣлѣвшій до насъ отрывокъ оставленныхъ паломницею замѣтокъ о всемъ, что она видѣла, хотя и не содержитъ въ себѣ, конечно, какихъ либо описаній видѣннаго, но неопровержимо свидѣтельствуешь о высотѣ культурнаго уровня, на которомъ стоялъ весь православный Востокъ, и, главное, обилии церквей, часовенъ, молеленъ, монастырей, келій и всевозможныхъ монументальныхъ «памятей» и памятниковъ, наполнявшихъ его города, села и даже глухія и въ то время мѣстности, укрывавшія отшельниковъ. Конечно, мы не узнаемъ (за исключеніемъ храма Гроба Господня, храма Св. Евфимія, храма надъ гробомъ Апостола Ѳомы въ Ефесѣ, выстроеннаго незадолго) почти ничего даже о достоинствѣ, красотѣ, внѣшнемъ видѣ храмовъ и впечатлѣніи, ими производимомъ. Но даже голый перечень говоритъ намъ очень много, особенно, если сравнимъ напр. извѣстныя по своимъ святѣямъ мѣста горы Синайской (даже въ улучшенномъ сооруженіи временъ Юстиніана). Все же, очевидно, полная безопасность въ этихъ, благословенныхъ, Богомъ мѣстностяхъ Востока, учрежденная римлянами, способствовала какъ разъ въ эпоху, близкую къ расцвѣту христіанскаго искусства, процвѣтанію Сиріи и Малой Азіи. Видимо, когда паломница говоритъ напр., о множествѣ «гробницъ» (*memoriae, martyria*), это были монументальныя, сводчатыя сооруженія на поверхности земли (какія видимъ еще въ Гауранѣ возлѣ церквей), такъ какъ она упоминаетъ, что отшельники «построили себѣ кельи возлѣ гробницъ». Паломница упоминаетъ много сооруженій съ библейскими именами, видимо, римско-еврейскаго происхожденія, но рядомъ часто упоминаетъ церкви, «большія и весьма красивыя» въ разныхъ мѣстахъ Палестины, нынѣ скрывающихся, подъ безформенными кучами развалины этихъ построекъ. Кириллъ Скиопольскій въ житіи Св. Евфимія Великаго¹⁾ говоритъ: «Блаженная Евдокія († 460 г.) создала Христу весьма много церквей и такое количество монастырей, страннопріимницъ и богадѣленъ, что я не въ силахъ ихъ перечислить».

Проф. Стрыговскій²⁾ по данному вопросу ограничивается указаніемъ, что такъ какъ имя *μαρτύριον* придавалось, съ самаго начала, могиламъ мученика и алтарю надъ нею воздвигнутому и церкви, окружающей этотъ алтарь, то многія древнія церкви (въ первое время, т. е. въ IV и первой половинѣ

1) Пер. И. В. Помяловскаго, изд. Прав. Палест. Общ., 1892, *Палест. Патерикъ*, вып. 2, стр. 60.

2) *Orient und Rom*, p. 96—98.

У вѣка, исключительно на Востоке), основанныя во имя святыхъ (Сергія, Евоніи, Осодора Тирона и пр.), получали это наименованіе. Но, по мнѣнію этого ученаго, только преданіе, неуклонно господствовавшее въ иконографіи, было причиною того, что изображеніе этихъ церквей воспроизводило форму надгробной часовни, «могилы Лазаря», какъ она представляется на саркофагахъ.

Мы надѣемся представить въ своемъ сочиненіи нѣкоторыя соображенія историческаго, обрядоваго характера, которыя, по нашему мнѣнію, именно въ данныхъ пунктахъ исторіи образованія христіанскаго храма указываютъ *надѣтельно* на святія мѣста Іерусалима, Элеонской горы, Виллеема, Іерихона и пр., гдѣ сложились первоначальныя формы алтаря, его преграды, жертвенника и его помѣщенія въ боковой абсидѣ, крыльяхъ для положенія святыхъ мучениковъ подъ престоломъ, пресвитеріума, партэкса и его первоначальнаго значенія, двора передъ базиликою и т. д.

Видное значеніе получило въ послѣднія два десятилѣтія и начавшаяся научная разработка церковныхъ уставовъ (*типикосъ*) древне-восточныхъ церквей: крупная заслуга современной разработки принадлежитъ русскимъ ученымъ И. Д. Мансерову, Н. О. Красносельцеву и между ими главѣ русскихъ литургистовъ проф. А. А. Дмитріевскому. Совершенныя имъ обширныя и трудныя работы по разысканію рукописей древнихъ типиковъ въ библіотекахъ Запада и христіанскаго Востока и изданіе этого драгоценнаго матеріала¹⁾, являются фундаментомъ для предпринимаемаго сравнительно-историческаго изслѣдованія издаваемого матеріала въ цѣломъ и частностяхъ и послужатъ основаніемъ научной исторіи православнаго богослуженія. Научная разработка этого матеріала дастъ, затѣмъ, не только множество новыхъ данныхъ по исторіи монастырей и церквей православнаго Востока, ихъ топографіи, монументальной церковной археологіи, а равно исторіи культуры христіанскаго Востока, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, внутреннее, слѣдовательно, основное объясненіе многихъ явленій въ обрядовой жизни, внѣшней обстановкѣ и формахъ восточнаго православія. Собственная археологія, какъ можно видѣть уже въ настоящее время, будетъ обязана этимъ матеріаламъ и ихъ изслѣдованію коренною переработкою исторіи и источниковъ иконографіи. Предвидѣть это обогащеніе науки позволяетъ уже нынѣ состоявшееся изданіе части типика древней Іерусалимской Церкви, которому остается пожелать во первыхъ подробнаго и всесторонняго анализа и во вто-

1) *Богослуженіе Страстной и Пасхальной седмицы въ Св. Іерусалимѣ по уставу IX—X в.* Казань. 1888. *Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока.* Томъ I. Типикъ. Часть 1-я. *Памятники патриаршихъ уставовъ и ктиторскіе монастырскіе типиконы.* 1875. Томъ II. Текстъ изданъ Понадопуло Керамевсомъ по іерусалимской рукописи 1122 г. въ изд. Прав. Пал. Общ. *Ἀναλήκτα ἱερ. σιταυολογίας*, 1894. II.

рыхъ, сравнительнаго изученія его по отношенію къ типикамъ собственно византійскимъ.

И, дѣйствительно, если мы остановимся только на древнѣйшихъ литургическихъ толкованіяхъ¹⁾, въ текстѣ которыхъ нельзя отрицать, по крайней мѣрѣ, древне-христіанской основы (до иконоборческаго періода), то сразу выступаетъ ихъ палестинское происхожденіе. По этому тексту, *конха* устроится по образу пещеры Вифлеемской и пещеры Св. Гроба, *св. трапеза* знаменуетъ самый Гробъ, а *св. предложеніе* (жертвенникъ)—лобное мѣсто, на коемъ былъ распятъ Христосъ. *Ришетки* (Κάρχελλα) образъ ограды Гроба, *амвонъ*—камень, на которомъ Ангель, отваливъ его, сидѣлъ близъ двери Гроба, когда возвѣщали муроносцамъ Воскресеніе, *ступени* амвона знаменуютъ Лѣствицу Іакова и пр. Покойный проф. Красносельцевъ предпочиталъ «всѣ толкованія, которыя обнаруживаютъ близкое знакомство съ топографіею храма Воскресенія» относить къ Св. Кириллу Александрійскому, которому (между *сомнительными*) приписывали краткую редакцію «Литургическихъ толкованій». Въ данномъ случаѣ, безразлично, кто былъ авторомъ этой стороны толкованій, и хотя мы предпочитаемъ Софронію, но тотъ же ученый и самъ соглашается, что изъ трехъ толкованій христіанскаго храма: *ветхозавѣтнаго, историко-топографическаго и мистико-апокалипсическаго*, второе, наиболѣе реальное, народное, могло явиться не ранѣе второй половины IV вѣка, когда топографія Св. мѣсть стала доступна и понятна всѣмъ. Это народное толкованіе мы должны отличать отъ философскаго, отвлеченно-мистическаго, создаваемого творчествомъ великихъ мыслителей, какъ Василій Великій или иные писатели собственной Греціи, скрытые подъ именемъ Діонисія Ареопагита, или Максимъ Исповѣдникъ VII в., писавшій подъ ихъ вліяніемъ.

Ниже, разсуждая о топографіи храма Гроба Господня, мы попытаемся представить собственныя заключенія о палестинскомъ происхожденіи нѣкоторыхъ частей христіанскаго храма, а теперь перейдемъ къ декоративной сторонѣ древне-христіанской архитектуры и остановимся на основномъ изъ поднятыхъ нынѣ вопросовъ римскаго и восточнаго ея происхожденія, на вопросѣ о формѣ аканѳа въ архитектурѣ IV—VIII столѣтій. Случайно или

1) Принадлежность извѣстнаго «Слова», «содержащаго объясненіе божественнаго священнодѣйствія» Софронію Іерусалимскому патріарху VII в., оспаривалась Н. Θ. Красносельцевымъ дважды: въ брошюрѣ «О древнихъ литургическихъ толкованіяхъ», 1894, и ранѣе по поводу рукописи Ватик. бібліотеки въ 1885 г., но доселѣ принимается, сколько мы слышали и знаемъ изъ литературы, литургистами и историками литературы. Предложеніе Красносельцева отнести сочиненіе къ Софронію патріарху XIII вѣка не нашло, понятно, охотниковъ, и было бы любопытно слышать сужденія литургистовъ о второмъ, отысканномъ у Красносельцева, авторѣ этихъ толкованій, Θεόδωρῳ Ἀντιδισκῳ. Считаю этотъ вопросъ весьма важнымъ, по связи съ капитальными пунктами христіанской археологіи, мы не видимъ однако, возможности рѣшенія его собственно археологическими данными.

нѣтъ, но разслѣдованіе формъ аканѳа въ христіанской архитектурѣ, начатое проф. Стрыговскимъ съ цѣлью указать греко-восточное ея происхожденіе, стало, на нѣкоторое время, краеугольнымъ пунктомъ.

По заключенію историковъ¹⁾, греки въ своей архитектурѣ всегда знали только одинъ видъ аканѳа—*acanthus spinosus*, или *дикій* аканѳъ, терновый, колючій кустарникъ съ иглами на острыхъ зубчатыхъ и прямо торчащихъ концахъ трехчастной лопасти листа. Иное садовое растеніе, *acanthus mollis*—*медвѣжья лапа* (растущее, *говорятъ*, въ Италіи, Оракіи и Малой Азіи) стало будто бы извѣстно Римлянамъ, и только въ римской архитектурѣ послужило орнаментомъ: здѣсь листъ большой, сочный, съ широкими лопастями о четырехъ и пяти частяхъ, безъ иглъ на ихъ концѣ. Возможно, однако, что такъ называемый *мягкій* аканѳъ былъ всегда только орнаментальнымъ типомъ, созданнымъ подъ вліяніемъ вкуса къ элегантному, а вовсе не былъ въ орнаментикѣ культурнымъ, садовымъ растеніемъ, перенятымъ изъ реальности. Возможно, что дикій аканѳъ былъ перенесенъ въ греческую орнаментику со всею характерною реальностью грубаго, жесткаго, колючаго терновника, котораго угловатыя, рѣзкія, по въ тоже время сильныя формы отлично подходятъ къ пластикѣ, рѣзбѣ въ мраморѣ, листовеннымъ украшеніямъ на камнѣ. Въ римской архитектурѣ тотъ же дикій аканѳъ рѣзко измѣнился во всѣхъ деталяхъ, сначала подъ вліяніемъ этрускаго типа, а затѣмъ въ началѣ эпохи Римской Имперіи²⁾ сталъ условною формою, сохранившею отъ натуры только общій планъ аканѳоваго листа. Равно сильной передѣлкѣ была подвергнута и листва аканѳа, въ римской архитектурѣ: здѣсь искали путемъ сочетанія съ похожими растеніями придать аканѳу пышность и живописность, дѣлая листъ выше, лопасти шире, жилки толще и нѣжнѣе, заставляя верхушки свѣшиваться широкими лапами, переглябля листья по карнизамъ, подушкамъ и гуськамъ. Если мы сравнимъ капители римскаго Пантеона съ капителями малыхъ пропилей Элевзиса (пол. I в. до

1) Статья Е. Гильома *acanthus* въ *Dictionnaire des ant. gr. et rom.* par Daremberg et Saglio. 8. v. можетъ служить лучшимъ руководствомъ въ вопросѣ объ аканѳѣ античномъ, такъ какъ авторъ воспользовался отличными рисунками членовъ «Римской Академіи» (Французской Академіи въ Римѣ) и пансіонеровъ École des Beaux Arts. Но необходимое дополнение къ этой статьѣ составляютъ: во первыхъ, изданіе снимковъ архитектора Эбе: *Acanthus. Handb. d. ornamentalen Akanthusformen aller Stilarten.* Lief. I (болѣе не вышло), XII Taf. 1883 и новая книга Ригля *Stilfragen. Grundlegungen zu e. Gesch. der Ornamentik.* В. 1893 (см. ниже); новое изданіе Meurer, *Die Ursprungsformen d. gr. Akanthusornamentes, Jahrb. d. D. Arch. Inst.* 1896, дополняющъ по вопросу о происхожденіи орнамента и погребальной роли аканѳа: и «тернистый» и «мягкій» аканѳы участвовали въ выработкѣ орнамента, но основная роль въ греческой капители принадлежитъ первому, примѣнившемуся къ сухой почвѣ Греціи.

2) См. въ изданіи Gustav Ebe, *Akanthus*, рисунки аканѳоваго листа изъ Пантеона (портикъ), Тиволи (храмъ Сивиллы): здѣсь мы имѣемъ только схему аканѳа, но листъ совершенно иного характера, широко-лопастный; напротивъ того, аканѳъ *храма Весты*—рисункъ того же изданія—представляетъ варіантъ натурального типа.

Р. Х.), то легко убѣдимся въ существованіи греческаго типа аканѳа съ его короткими ланами, ихъ торчащими остріями, глубокими бороздами и упругостью толстаго мохнатого листа.

Аканѳъ дикій или терновый (*a. spinosus*), встрѣчается часто на памятникахъ Сиріи: такъ, въ Лаодикеѣ¹⁾ коринтскія капители портика 4 колоннъ отъ неизвѣстнаго языческаго храма (всего вѣроятнѣе, II вѣка или, точнѣе, современнаго памятникамъ Герасы, Баальбека и пр.) представляютъ три пояса такихъ листьевъ.

Приблизительно отъ того же времени, т. е. отъ столѣтія съ Адріана (135) до Филиппа Аравитянина (244—249) уцѣлѣла извѣстная, такъ называемая триумфальная арка (21 м. выш.) Дамаска, вошедшая, какъ пропиленъ, въ составъ древней христіанской базилики, и нынѣ видимая, въ видѣ руины лѣвой части, передъ базиликою — теперь мечеть Омміадовъ (см. ниже), но только съ крыши²⁾ и только въ верхней своей части. Капители арки все обиты, но сохранившіеся куски отличаются аканѳомъ того же рисунка, который, однако, еще яснѣе можно видѣть на большомъ торусѣ антаблемента, покрытомъ превосходною рѣзбою листьевъ и выходящей изъ нихъ гирлянды пышныхъ завитковъ съ розетками внутри.

Ригль въ своемъ трактатѣ: *Stilfragen, Grundlegungen zu einer Geschichte der Ornamentik*, вышедшемъ въ 1893 году, посвящаетъ цѣлую главу (9-ю) подъ заглавіемъ: «Появленіе орнамента аканѳа», доказательствамъ того положенія, что этотъ орнаментъ есть «первоначально (при своемъ появленіи) ничто иное, какъ пластически выполненная пальметта». Эти доказательства заключаются какъ въ сходствѣ аканѳоваго орнамента съ пальметтою по общей формѣ, или точнѣе, по композиціи орнамента, такъ и въ отсутствіи на первое время характернаго дѣленія аканѳоваго листа (*acanthus spinosus*) на лопасти.

Но всякая новая въ декоративномъ искусствѣ форма, при ея появленіи, ищетъ уподобиться старой, давно извѣстной, явиться какъ бы подъ ея покровомъ, или даже слиться съ нею до неузнаваемости. Изъ этого, однако, никакъ не слѣдуетъ, чтобы искусство не вносило новой формы, заимствованной изъ природы, которую только сначала приспособляетъ къ декоративной условной схемѣ. Въ равновѣсіи орнаментальной схемы и живыхъ формъ природы заключается красота орнамента, составляющаго произведеніе личнаго вкуса; напротивъ того, ремесленное повтореніе формъ усиливаетъ въ формѣ ея схематизмъ, лишаетъ ее жизненности.

1) Фотографія Dumas въ Дамаскѣ, безъ нумера, подъ названіемъ temple de Bacchus. Лежащую рядомъ развалину тетрапила относятъ ко временамъ Септілія Севера (193—211), украсившаго городъ.

2) Фотографіи Dumas и Bonfils, снятыя съ крыши, съ видомъ на верхнюю часть арки.

Такимъ образомъ, если аканеъ, при своемъ появленіи въ области орнаментальнаго искусства, принялъ — особенно на первое время — форму или типъ пальметты, то это никакъ не значило, чтобы эта послѣдняя, рядомъ варіацій, сама превратилась въ аканеъ, а, напротивъ того, здѣсь было проявленіе живаго творчества художественной личности. Но привычка замѣчать только схему и не видѣть въ формѣ ея живыхъ началъ приводитъ многихъ историковъ искусства, между ними Ригля, къ совершенно ошибочному взгляду на формы и ихъ движеніе: такъ, находя, напр. въ орнаментѣ древне-христіанскаго и византійскаго искусства античные составные элементы и не замѣчая новаго цѣлаго, не видя новыхъ живыхъ измѣненій прежней схемы, Ригль отрицаетъ всякую оригинальность у этихъ вѣтвей искусства.

Мало того, Ригль, отрицаетъ на томъ же основаніи оригинальность даже въ арабскомъ орнаментѣ, и вообще замѣчаетъ въ тысячелѣтней исторіи только повтореніе схемы, единственно имъ понимаемой, а вовсе не видитъ многообразной жизни искусства.

Однако, всѣ эти разсужденія Ригля были бы для насъ въ данномъ мѣстѣ лишены всякаго интереса, если бы ему не пришлось столкнуться въ исторіи *завитковаго орнамента* (расходящагося завитками побѣга) съ вопросомъ о появленіи въ римскомъ орнаментѣ аканеа съ болѣе мягкой и закругленной листовою, или такъ называемаго *acanthus mollis*, которому будто бы подражали итальянцы. Въ данномъ вопросѣ Ригль вѣрно угадываетъ истину, утверждая (стр. 251), что эта пѣжная форма аканеа происходитъ отъ новой стилизаціи аканеа, имѣвшей мѣсто не въ одной Италіи, но и въ Малой Азіи¹⁾. Обстоятельство, достаточно важное, такъ какъ даетъ намъ руководящую нить въ томъ историческомъ пробѣлѣ, который доселѣ представляетъ эллинистическая и римская эпоха въ исторіи классическаго искусства. А именно, когда говорятъ о римской эпохѣ въ искусствѣ, то, подчиняясь силѣ звука, полагаютъ Римъ источникомъ художественныхъ формъ, а Западъ, въ частности Италію, родиною новаго искусства и поприщемъ, гдѣ оно прошло всѣ стадіи своего развитія. Между тѣмъ, «римская эпоха» была именно временемъ распространенія повсюду эллинизма въ древнемъ мірѣ, какъ въ самомъ древнемъ Римѣ, такъ и на отдаленномъ азіатскомъ Востокѣ. Вилкельманъ впервые высказалъ, а Штаркъ подтвердилъ²⁾ то общее положеніе, что такъ называемая римская эпоха политически объединяетъ два міра: *эллинистическій* и *римскій* и двойной художественный процессъ: эллинистическо-во-

1) На стр. 277, прим. 16 авторъ указываетъ, наоборотъ, что и острозубый типъ листовъ аканеа не принадлежитъ собственно Византіи, а уже встрѣчается на воротахъ Адріана въ Адаліи, въ Памфиліи (по изд. *Ланкоронскаго*). Будто бы эта форма зависитъ отъ небрежной обработки капители однимъ сверломъ.

2) Stark, C. B. *Handbuch d. Arch. d. K.* 1880. I, pag. 63.

сточный и греко-римскій, какъ два, обособившіеся на Востокъ и Западъ, фазиса одного и того же процесса обобщенія греческаго искусства, превращающагося отнынѣ, путемъ претворенія мѣстныхъ элементовъ, въ искусство общее, міровое. Роль Рима, съ особенною ясностью представленная знаменитымъ Моммсеномъ, заключалась именно въ томъ, что когда римское правительство само взялось за эллинизированіе Востока, то прежній вялый эллинизмъ итолмеевъ и селевкидовъ обнаружилъ необыкновенную двигательную силу именно въ это время, и для его распространенія послужило само іудейство, естественнымъ путемъ расселенія, діаспоры іудейскихъ общинъ, усвоившихъ греческій языкъ.

Тотъ же самый Ригль, который съ такою силою убѣжденія отрицаетъ какое бы то ни было творчество въ византійскомъ искусствѣ, признаетъ особо важною эллинистическую эпоху, особенно со стороны развитія ея декоративнаго элемента въ архитектурѣ и орнаментѣ вообще: правда, онъ считаетъ эту эпоху пока пробѣломъ въ исторіи искусства, но уже специально въ исторіи орнамента ему удастся отмѣтить именно разработку орнаментальнаго завитка — побѣга акапоовой вѣтки, принадлежащую именно этому періоду декоративнаго направленія искусства. Цѣлымъ рядомъ сближеній византійскихъ орнаментальныхъ типовъ съ греческими (помпейскими также), Ригль приходитъ къ тому же выводу, что и Зальценбергъ, а именно, что на греческомъ Востокѣ продолжала держаться и прежняя, до-римская, техника, и прежнія формы греческаго искусства. Но, затѣмъ, когда (стр. 301) путемъ анализа элементовъ сассанидскаго орнамента, оказавшагося весьма близкимъ къ византійскому, Ригль заключаетъ, что и вся ранне-византійская манера тождественна съ сассанидскою, то впадаетъ, явно, въ прежнее заблужденіе, не видя лѣса за деревьями и не умѣя оцѣнить различія цѣлаго при сходствѣ частей. Такъ, будущій историкъ XIX вѣка, найдя изобиліе японской декорации въ европейскихъ обояхъ и ширмахъ, имѣетъ право такие заключить о тождествѣ японскаго и европейскаго искусства.

Напротивъ того, извѣстный специалистъ по византійскому искусству проф. Іосифъ Стрыговскій¹⁾ нѣкогда отрицалъ, вплоть до V вѣка по Р. Х., появленіе какихъ бы то ни было оригинальныхъ формъ искусства на Востокѣ: здѣсь царилъ еще вполне римскій антикъ. «Въ IV столѣтіи формы архитектуры остаются еще вполне античными: коринфская капитель чередуется съ композитною, обѣ въ уборѣ акапоовыхъ листьевъ римской рѣзьбы».

Мы не будемъ ни разбирать, ни опровергать это положеніе, а ограничимся лишь общимъ указаніемъ, прежде всего, на матеріалъ, нами сообщаемый въ книгѣ: капители Омаровой мечети, Внѣлеемской базилики и пр. и

1) *Mittheilungen des deut. arch. Inst. zu Athen*, 1889, XIV, p. 278.

пр. Прибавимъ, что гораздо болѣе обширный матеріалъ остается изслѣдовать въ самой Палестинѣ въ видѣ руинъ древнихъ базиликъ Газы, Тира, Севастіи, Тиверіады, сѣверной Сиріи и т. д.

Тождество въ стилихъ капителей Херсонеса и Равенны, открытое и мастерски объясненное А. Л. Бертъе-Делагардомъ¹⁾ ихъ общимъ происхожденіемъ изъ проконесскихъ ломокъ, указываетъ намъ на путь дальнѣйшихъ изслѣдованій. Херсонесскія капители сходны также съ находками аонискаго акрополя; филигранныя насѣчки на капителяхъ Золотыхъ воротъ Константинополя повторяются во множествѣ капителей Омаровой мечети, Давидова мѣста, мечети Эль-Акса и пр.

Далѣе проф. І. Стрыговскій²⁾ помѣщаетъ начало новыхъ орнаментальныхъ формъ архитектуры въ пятомъ вѣкѣ: капители въ видѣ куба³⁾, воронки и корзинки, а также появленіе новаго (прежняго греческаго) аканѳа съ зубчатыми, тернистыми ланами (*acanthus spinosus* — видъ, по замѣчанію проф. Гельдрейха, распространенный на Востокѣ и Балканскоу полуостровѣ).

Въ свою очередь, мы укажемъ ниже на господство кубовыхъ капителей въ центральной Сиріи и Гауранѣ задолго до V вѣка. Что же касается перемѣны въ аканѳовой листьѣ, будто бы наступающей только съ открытіемъ византійской (спеціально константинопольской) эпохи, то, въ противуположность г. Стрыговскому, мы рѣшаемся утверждать, что извѣстная часть Малой Азіи и Сиріи даже въ римскую эпоху, напр. даже при Адрианѣ, знали только обычныя греческія формы тернистаго аканѳа и, по всей вѣроятности, никогда не знали изящныхъ и пышныхъ римскихъ капителей по образцу Пантеона.

Мы находимъ любопытное сходство (и вмѣстѣ, какъ увидимъ, различіе) въ орнаментациі капителей: Салоны (IV—V стол.)⁴⁾, Аонискаго акрополя (фот.) и Таврическаго Херсонеса⁵⁾: для двухъ послѣднихъ капителей мы предполагаемъ тоже время происхожденія. Анализируя декоративный типъ первой капители, Ригль видитъ въ немъ рѣзкую разницу въ обработкѣ аканѳоваго листа, покрывающаго здѣсь обычную чашечную форму капители. Въ классической капители коринфскаго ордена аканѳовыя листья ея, коренясь

1) *Древности Ю. Россіи. Раскопки Херсонеса*. 1893. Сиб.

2) *Ibid.* pag. 278.

3) Авторъ говоритъ здѣсь о «появленіи» кубовой капители и вспоминаетъ по этому поводу слова Швааза, что эта форма есть остатокъ античнаго архитрава, повидимому, полагая ее византійскимъ изобрѣтеніемъ V вѣка и отчасти, хотя подѣ вопросомъ, — равенскимъ, стр. 283. См., между тѣмъ, кубовыя капители въ атріумѣ большого зданія или базилики Кенавата, фот. эксед.

4) Фотографическое клише въ сочиненіи Ригля: *Die Spättrömische Kunstindustrie*, p. 36, fig. 1, 2.

5) *Русскія древности*, вып. IV.

глубоко въ ея нижней поверхности, въ тоже время свободно отдѣляются, изгибаясь, отъ поверхности самой чаши вверху. Напротивъ того, въ капители Салонской, аканѣе не сросся съ низомъ капители, но и не отдѣляется отъ нея паверху, но плотно прижатъ всюду къ самому тѣлу и (должны мы прибавить — этотъ листъ, идущій сверху до низу, образуетъ единственный, поясъ листьевъ). Мы оставимъ здѣсь въ сторонѣ принципиальные выводы Ригля, что въ классической орнаментикѣ господствовало начало «тактическо-оптическое», а здѣсь только «оптическое» (достигаемое лишь углубленнымъ фономъ листа), а замѣтимъ, прежде всего, характерную связь всѣхъ трехъ рисунковъ. Эта связь заключается, очевидно, для всѣхъ трехъ во времени происхожденія, но для двухъ послѣднихъ, быть можетъ, и въ мѣстѣ происхожденія (Проконесскія ломки?). Время переживало коринѣскій стиль, оно же вызвало массу зданій (базиликъ) съ колоннадами ремесленного характера. Но, въ зависимости отъ мѣста, даже ремесленный пошибъ сильно мѣняется: въ римскомъ зданіи, на варварской почвѣ, отъ греческой капители осталась лишь форма чашки и общій рисунокъ аканѣеваго листа, но въ общемъ получился своеобразный «варварскій» типъ. Что такое напр. треугольникъ подъ абакомъ посреди листьевъ? Если бы мы не могли сейчасъ же на рисунокѣ своихъ капителей найти соответствующаго листика (родъ «крина» или аканѣе), но неразвитаго и свѣшивающагося внизъ, мы бы не поняли, что значить треугольникъ остриемъ внизъ. Далѣе, наши капители очень похожи на салонскую, но имѣютъ *два пояса листьевъ*, и, наконецъ, этотъ средній поясъ свѣшивается *концами*: словомъ, весь общій типъ капителей остается «греческимъ».

Какъ исходный пунктъ въ исторіи византійскаго аканѣа, Ригль (стр. 275 сл.) выбираетъ извѣстный Студійскій монастырь въ Константинополѣ, построенный въ 447 или въ 463 г.¹⁾: внѣшній портикъ храма сохранилъ еще свой древне-христіанскій стиль; антаблементъ этого портика поддерживается четырьмя колоннами бѣлаго мрамора съ великолѣпными капителями «сложнаго» античнаго ордена. Ригль признаетъ замѣчательную рѣзкость зубчатыхъ листьевъ аканѣа на этихъ капителяхъ, но не эта черта для него главная въ византійскомъ аканѣѣ: существенною чертою является будто бы раздробленіе листа на нѣсколько мелкихъ листьевъ; отдѣльныя зубчатая группы врѣзаны необыкновенно глубоко и, не будь ниспадающихъ вершинъ, рисунокъ отдѣльныхъ листовъ сталъ бы неясенъ²⁾. Отсюда, затѣмъ, и своеобразное употребленіе отдѣльныхъ частей аканѣа въ видѣ такъ называемаго

1) См. мои «Византійскія церкви», стр. 145, таб. 15.

2) Очень ранняя черта, что доказывается напр. іоническимъ храмомъ въ Эзани въ Малой Азіи, время первыхъ императоровъ, см. *Le Bas Voyage*, publ. p. S. Reinach, 1888, pl. *Archit. Asie M.* 30 bis.

конейнаго листа или трилистника, пары этихъ листовъ въ условной схемѣ и пр. Но первая черта, собственно, есть слѣдствіе самой византійской техники, попросту результатъ любимой въ вѣкъ Юстиніана мелкой и тонкой рѣзбы, вмѣсто прежней широкой и пластической манеры, искавшей впечатлѣнія отъ живой грушпы, а не отъ орнаментальной поверхности. Однако, эта черта, какъ всякая условность, уже давно пародилась въ искусствѣ и успѣла даже повториться не разъ, когда искусство, со временъ Діадоховъ, временами оживлялось. Что касается отдѣльныхъ сокращеній аканѳа или его схемъ въ видѣ трилистника, то онѣ существовали уже въ искусствѣ императорскаго Рима. Все это понадобилось автору, чтобы дать живой образецъ расточенія, разложенія художественныхъ формъ въ Византію. Вся эта риторика (стр. 278—279), однако, безсодержательна и также мало подвигаетъ насъ впередъ въ исторію формъ, какъ и однѣ гаданія о листвѣ аканѳа, получившей будто бы въ эпоху Юстиніана новую форму «жирнаго, зубчатаго», и въ то же время «тернистаго» аканѳа. Вѣрно, что каменотесы юстиніанова времени для этой формы не дѣлали этюдовъ съ натуры, вѣрнѣе, не знали никакихъ новыхъ впечатлѣній природы, которыя бы они искали перенести въ орнаментъ: въ исторію византійскаго искусства наблюдается не реалистическое, а натуралистическое направленіе, т. е. не воспроизведеніе дѣйствительности, а только окрашиваніе условныхъ формъ натуралистическими деталями; отсюда поверхность стѣны, паруса заполняется вся разводами аканѳа, какъ трельяжемъ, а внутри разводовъ на вѣткахъ помѣщаются птицы, лѣсные звѣрьки, обезьяны, а затѣмъ всякія скачущія и лазающія животныя.

Однако, тѣмъ же Риглемъ по вопросу объ отношеніи Сиріи къ Византіи въ дѣлѣ обоюднаго развитія искусства сдѣлано любопытное указаніе (ib. стр. 291—292): кусокъ карниза изъ Эль-Бара, отнесенный у Вогюэ къ V вѣку, оказался по своей орнаментациі—тому же аканѳовому побѣгу—предшественникомъ тождественнаго гзымза изъ Студійскаго монастыря (средины V вѣка). Для наблюдательнаго автора это былъ «поразительный, но неотложный результатъ», что сирійскій образецъ былъ предварительною формою константинопольскаго типа. Пусть Ригль при этомъ совершенно забываетъ, что даты Вогюэ часто только приблизительны, за его догадку говорить стиль сирійскаго карниза, въ которомъ, дѣйствительно, еще виденъ античный, пластическій аканѳъ, правда уже въ извѣстной схемѣ безконечнаго побѣга. «Стало быть», дѣлаетъ Ригль свои дальѣйшіе выводы: «все движеніе въ области византійскаго орнамента не есть мѣстное, константинопольское, и Сирія V вѣка никакъ не шла въ хвостъ Византійской столицы».

Заканчивая этими обобщеніями вопросъ о постановкѣ памятниковъ Сиріи въ общей исторіи архитектуры, позволимъ себѣ заключеніе, что, по

нашему крайшему разумѣнію, для истинно-научныхъ обобщеній *не настало еще время*, такъ какъ недостаточно опубликовано даже матеріала. Совсѣмъ нѣтъ памятниковъ Малой Азіи, отсутствуютъ памятники сѣверной Сиріи, Арменіи, не изданы, какъ слѣдуетъ, памятники Константинополя, Спалато и пр. и пр. Поэтому, нашею задачею въ книгѣ является изданіе матеріаловъ.

Перейдя въ область византійской иконографіи, мы открываемъ ея ископныя связи съ Палестиною въ періодъ сложенія самыхъ иконографическихъ темъ, между IV и VIII вѣками. Понятно, что открывать эти связи мы можемъ при одномъ условіи: если мы признаемъ, что иконографическія композиціи должны были слагаться на необходимыхъ реальныхъ основаніяхъ, на желаніи представить событіе возможно яснѣе, ближе къ той дѣйствительности, которую знали иконописецъ и его заказчики, а не на символическихъ мудрованіяхъ, которыя въ такомъ изобиліи продолжаетъ открывать археологія. Такъ напр., если въ сценѣ *Распятія Христова* фономъ сцены служить городская стѣна, то здѣсь еще можно было бы сопоставить приемы античной скульптуры для объясненія этого фона, но вполнѣ возможно думать, что приемъ этотъ уотребленъ не безъ вѣдома того факта, что Голгова была виѣ стѣнъ Іерусалима во времена Христа и, кромѣ того, была затѣмъ расположена очень близко къ городской стѣнѣ. А мы знаемъ, что самое древнѣйшее изображеніе «Распятія» на рѣзной двери римской базилики Св. Сабрины представляетъ уже городскую стѣну, позади трехъ распятыхъ фигуръ, и что византійская иконографія «Распятія» повторяетъ эту деталь до позднѣйшаго времени, только разнообразя рисунокъ стѣны, то повышая ее до характера городской, то понижая, до размѣровъ стѣны монастырской.

Мы уже имѣли случай¹⁾ указать, что въ византійской иконографіи *Крещенія Господня*, начиная съ VII—VIII вѣковъ, появляется въ водѣ рѣки Іордана поставленный на ступенчатомъ пьедесталѣ крестъ, повидимому, мраморный, монументальный. Изображеніе этого креста, по нашему мнѣнію (кажется, принятому безъ возраженій), воспроизводитъ реальную деталь: крестъ, дѣйствительно, поставленный въ настоящемъ Іорданѣ, на мѣстѣ омовенія паломниковъ и предполагаемаго Крещенія Господа.

Но мы считаемъ также сирійскаго происхожденія и композицію «Крещенія» въ равеннской мозаикѣ аріанскаго баптистерія или ц. S. Maria in Cosmediiis нисходящій тамъ на Главу Спасителя въ водахъ небесныхъ Св. Духъ въ видѣ голубя изображенъ по тексту Ев. отъ Евреевъ, составленнаго въ Бетлѣ: *descendit fons omnis Spiritus Sancti*.

Композиція изображенія «Воскресенія Господня» или греч. «Анастасиса» въ видѣ двухъ женъ у Гроба и Ангела, имъ возвыщающаго, должна

1) Докладъ въ Правосл. Палест. Общ. 13 марта 1892 г., отд. отг. 3—5.

была сложиться подъ специальнымъ впечатлѣніемъ празднованія дня «Воскресенія» у Гроба въ Иерусалимѣ. Тоже должно сказать о сценахъ: *Благовѣщенія у источника* и *Рождества Христова*.

Безусловный палестинскій характеръ имѣютъ изображенія и символы *Спаса Эммануила*, *Уготованнаго Престола*, *Побѣднаго Креста* и *Звѣзды Вифлеемской*.

Извѣстное изображеніе *Адамовой главы* (черепъ съ двумя костями, накрестъ положенными) у подножія Распятія также ведетъ свое происхожденіе отъ чисто мѣстныхъ, іерусалимскихъ преданій, мало по малу слагавшихся въ силу нравственной близости перваго человѣка и его искупителя Богочеловѣка, и сблизившихъ по мѣсту страданія и смерти «ветхаго» Адама и «Сына человѣческаго». Данная подробность вошла въ иконографію Распятія приблизительно въ періодъ VII—VIII стол., такъ какъ отъ IX вѣка мы имѣемъ уже памятники такого изображенія (въ парижскомъ кодексѣ Григорія Богослова за № 510, изображеніе неясно), именно подъ вліяніемъ нтвержденныхъ паломниками разсказовъ о погребеніи Адама на Голгооѣ¹⁾. «Адамова книга» (появившаяся около V вѣка) разсказываетъ, что Ной, по повелѣнію Божию, принялъ останки праотца въ ковчегъ, а Симъ похоронилъ ихъ, по указанію ангела, «въ средѣ земли», тамъ, гдѣ совершилось искупленіе всего міра. Изъ сопоставленія паломниковъ мы знаемъ, что первоначально такъ называемый «пунъ земной» отличался отъ Голгообы, хотя находился вблизи отъ нея, что, затѣмъ, онъ былъ сблизенъ со скалою Голгообы въ идеѣ спасенія всего міра, «содѣланнаго посредѣ земли», а въ концѣ концовъ и вовсе отождествленъ на мѣстѣ, такъ что современные разсказы греческихъ монаховъ о столбѣ, стоящемъ въ церкви Воскресенія, какъ о пунѣ земномъ, представляютъ своего рода переживаніе древняго преданія. Для насъ же важно именно то, что эта деталь «Адамовой главы» и была назначена въ иконографіи Распятія представлять идею средоточія земнаго, такъ какъ самая скала Голгообы этой идее сама по себѣ не содержитъ²⁾. А между

1) См. ихъ свидѣтельства, подобранныя Ферд. Ипперомъ въ статьѣ *Adamsgrab auf Golgotha, Evangel. Kalender* 1861, pag. 17—29. Однако, соображеніе автора, что историкъ Юлій Африканъ (около 221 г.) первый указалъ гробъ Адама на Голгооѣ, слишкомъ натянуто: этотъ рядъ свидѣтельствъ о существованіи темнаго, собственно іудейскаго преданія начинается съ конца II вѣка Оригеномъ, Тертулліаномъ, Иеронимомъ, Василиемъ Великимъ, Іоан. Златоустомъ и продолжается Евтихіемъ Александрійскимъ, Епифаніемъ и другими до позднѣйшихъ включительно. См. особенно Mommert, Carl, *Golgotha und das hl. Grab zu Jerusalem*, 1900, стр. 25—32.

2) Мы обязаны Е. К. Рѣдину указаніемъ любопытной стихотворной надписи, приводимой извѣстнымъ сп. Ансельмомъ, XX, 41, р. 306, въ описаніи нынѣ исчезнувшей церкви Св. Креста въ Равеннѣ, вѣроятно, какъ и другія западныя церкви этого имени, воспроизводившей базилику Св. Креста (Голгооскую) въ Иерусалимѣ. Въ Равеннской церкви была живописъ мозаическая, представлявшая Крестъ на Голгооской скалѣ, и по сторонамъ его двухъ анге-

тѣмъ Толковая Лицевая Псалтирь (см. *Псалтирь Хлудова*, въ моемъ изданіи) къ псалму LXXIII, 12: «содѣла спасеніе посредѣ земли» стала изображать Распятіе съ Голгоѳою, въ виду того, что средоточіе земли преданіемъ помѣщалось на общей возвышенности Голгоѳы, или вблизи Лобнаго мѣста, какъ толковали въ V—VI столѣтіяхъ (см. ниже).

Узенеръ¹⁾ указываетъ на связь между сценою «Поклопенія волхвовъ» на саркофагахъ, въ которой Младенецъ изображается лежащимъ поверхъ ясель или плетеной длинной корзины, и украшеніемъ крипты въ Визееской базиликѣ Рождества Христова. Отдѣлка крипты относится къ 335 году, а саркофаги съ христіанскими рельефами изъ жизни и чудесъ Христа также ко временамъ преемниковъ Константина. По мнѣнію Узенера, сцена эта могла имѣть мѣсто въ Рождественской литургіи и быть даже предметомъ церковныхъ мистерій IV вѣка на Востокѣ и позднѣе въ Римѣ, чему доказательствомъ служить древнее названіе базилики *S. Mariae ad praesepe* — современной ц. *S. Maria Maggiore*.

Было бы весьма плодотворнымъ изслѣдовать древнѣйшія декоративныя композиціи христіанскаго и ранняго византійскаго искусства въ предѣлахъ IV по VI столѣтіе, не ограничиваясь общимъ указаніемъ ихъ античнаго происхожденія. Несомнѣнно, что и въ эту среду, какъ ни пераздѣльно господствуетъ въ ней античная традиція, также рутинѣ мастеровъ исполнителей и даже шаблонъ, однако всегда, и во всякой странѣ вѣдряется нѣчто живое, реальное, чтó радуетъ глазъ напоминаніемъ знакомой дѣйствительности, привычныхъ вкусовъ и близкихъ формъ. Такъ напр. извѣстная роспись внутренности *Равеннскаго баптистерія*, видимо, воспроизводящая какое-либо великолѣпное зданіе Византіи, представляетъ намъ во первыхъ не одиѣ римскія формы антика, но и греческія, ожившія въ собственной Греціи, въ Египтѣ, Сиріи и Византіи, усвоившей себѣ художественныя формы Востока, во вторыхъ сообщаетъ извѣстныя реальныя черты, заимствованныя изъ церковной обрядности IV—V столѣтій. Въ одной изъ главъ нашей книги, посвященной истолкованію текста Софроніева описанія храма Св. Гроба, мы подробнѣе разъяснимъ, какого рода священные обряды сложились въ Иерусалимѣ по случаю всенароднаго чествованія хранившихся тамъ орудій Страстей Господнихъ, здѣсь же скажемъ кратко, что въ среднемъ фризѣ, украшающемъ равеннскій баптистерій, мы видимъ именно подобнаго рода храмовыя ложи или верхніе хоры боковыхъ

ловъ, а у подножія Креста была Адамова голова (?) и вытекало четыре рѣки: *Te vincente, tuus pedibus calcata per aevum germanae morti crimina Sacra tacent*. Но чтó значать, въ существѣ дѣла, слова эти, еще остается вопросомъ, хотя мы считаемъ возможнымъ и данное толкованіе.

1) Usener, H. *Religionsgeschichtliche Untersuchungen*, I, 1—3, 1889, p. 285—288.

печовъ, открывающіеся внутри главнаго нефа и приспособленные для такого торжественнаго чествованія.

Равно, мы считаемъ весьма вѣроятною догадку Д. В. Айналова, что изображеніе ступенчатаго алтаря, на которомъ Авраамъ собирался принести въ жертву сына Исаака¹⁾, ведетъ свое начало отъ легендарнаго алтаря Авраамова на Голгофѣ, быть можетъ, восстановленнаго и въ дѣйствительности. Равнымъ образомъ, считаемъ весьма правдоподобнымъ, что архитектурный фопъ извѣстной мозаики 398 г. въ римской базиликѣ Св. Пуденціаны²⁾ представляетъ въ обычной античной схемѣ комплексъ зданій храма Св. Гроба, какъ и вообще допускаемъ въ принципѣ, что поиски реальныхъ и бытовыхъ подробностей старины Святой Земли и въ иконографіи и въ христіанской археологіи могутъ быть чрезвычайно плодотворными и сослужить важную роль въ историческомъ анализѣ христіанскихъ древностей. Прибавимъ, что самое представленіе Христа, сидящаго подъ Крестомъ на тронѣ среди Апостоловъ, даетъ потому образъ «Іерусалима небеснаго», какъ угадать еще до Россіи³⁾, что воспроизводитъ *Іерусалимское сопрестолие*, устроенное въ Сигмѣ, *передъ Крестомъ* (см. тексты Паломнической книги Сильвіи) и знаменовавшее образъ Втораго Пришествія Христова съ Его «уготованнымъ Престоломъ».

Основная тема всей декораціи равеннскаго баптистерія, повторенная нѣсколько разъ, есть «уготованный Престолъ», или изображеніе, извѣстное подъ именемъ *ἡ ἐτοιμασία τοῦ θρόνου σου*. Исслѣдователи этой замѣчательной эмблемы итальянскій археологъ Каведони, Поль Дюранъ и де Россі⁴⁾ замѣтили, что это наименованіе искусственно сложилось изъ текста Посланія Ап. Павла къ Ефесянамъ VI, 15, приглашающаго къ «готовности благовѣствовать миръ» или къ «приготовленію евангелія мира» и псалмовъ IX, 8 и LXXXVIII, 14, которые воспѣваютъ Господа, «уготовавшаго на судъ престолъ Свой». Первый по времени, Каведони (еще не знавшій случаевъ изображенія «гетимасіи» съ надписью: *ἡ ἐτοιμασία τοῦ θρόνου*, какъ знали Поль Дюранъ и де Россі) остановился на предположеніи, что эмблема относится къ реальному церковному обычаю, по случаю торжественныхъ вселенскихъ соборовъ, полагать книгу Евангелій на великолѣпномъ тронѣ (ср. изображенія на мозаикахъ⁵⁾), тогда какъ прочіе исслѣдователи полагали возможнымъ,

1) Ibid., стр. 61—62.

2) Айналовъ, Д. В. Мозаики IV и V вѣковъ, стр. 44—53.

3) *Mosaici cristiani delle chiese di Roma* fasc. XIV. *Bulletino d. archeologia cristiana*. 1867, V, fasc. 4, p. 49—60. Garrucci, *Mosaici*, tav. 208.

4) Cavedoni, *Dichiarazione di tre antiche stauroteche nella cattedrale di Modena e nell'abbaziale di Nonantola*. Modena. 1847. Paul Durand, *Étude sur l'etimologia symbole du jugement dernier*. 1867. De Rossi, J. B. *Bulletin d'arch. chrétienne*. 1872, p. 141—159.

5) Garrucci, *Mosaici*, tav. 241.

согласно господствовавшему при нихъ взгляду на символизмъ древне-христіанскаго искусства, объяснить происхожденіе этого сюжета сложною символизациею идеи Страшнаго Суда и воздвиженіемъ на тронѣ Судіи Креста (иногда увѣнчаннаго), копія и трости съ губою, также Евангелія (въ рукописи *Hortus deliciarum*, сгорѣвшей въ Страссбургѣ, съ надписью: *liber justice*). Слѣдующій изслѣдователь Поль Дюранъ замѣтилъ, что престолъ съ орудіями Страстей Господнихъ изображается на греческихъ иконахъ «Всѣхъ Святыхъ», какъ «Воздвиженіе Креста» или прославленіе Креста.

Судить объ отношеніяхъ греко-восточнаго искусства въ IV—V стол. къ римско-западному можно и путемъ сравненія однородныхъ памятниковъ, каковы, напр., *мозаичный полъ изъ Тира* и мозаики въ сводѣ церкви Св. Констанцы въ Римѣ¹⁾: та и другая мозаика носятъ исключительно декоративный, служебный характеръ, но въ первой изслѣдователи и за ними составители многочисленныхъ нынѣ руководствъ по исторіи христіанскаго искусства согласно видятъ великолѣпный и художественный памятникъ, лучшія классическія формы, греческій антикъ въ его расцвѣтѣ, во второмъ — едва находятъ общіе признаки античнаго искусства; тамъ живыя по своей реальности сцены и фигуры животныхъ, птицъ, превосходнаго рисунка, изящно и въ смѣлыхъ ракурсахъ представленныя, а здѣсь или скучную, безконечно повторяемую схему немногихъ композицій, или ремесленно-варварскія декораціи, съ разсыпанными по плафону вѣтками, сидящими на нихъ птичками, вазами, рогами изобилія и т. п. въ тяжеломъ безпорядкѣ, напоминающемъ мозаическія украшенія половъ.

Конечно, далѣе, многія римскія мозаики представляютъ только копія (вѣроятно, увеличенныя) греческихъ оригиналовъ (какъ то имѣло мѣсто и въ послѣдствіи, и въ VI—VIII стол.), напр. мозаика Пуденціаны, столь рѣзко отличающаяся отъ современныхъ римскихъ и не даромъ выставленная у Росси какъ «совершеннѣйшее произведеніе древнѣйшаго христіанскаго искусства». Тѣсныя доказательства этого факта, конечно, не могутъ быть *пока* добыты, но достаточно (для тѣхъ, кто *хочетъ слушать*) уже и того указаннаго обстоятельства, что зданія, окружающія на этой мозаикѣ Христа съ Аностолами, суть зданія Іерусалимскаго храма Воскресенія.

Наконецъ, особенно яснымъ свидѣтельствомъ заимствованія греческихъ образцовъ служатъ мозаики равеннскихъ церквей. Греко-восточнымъ образцомъ, повидимому, въ видѣ миниатюръ или мелкихъ картоновъ, воспользовались также исполнители мозаикъ ц. S. Maria Maggiore²⁾, о которыхъ необходимо было бы, наконецъ, особое изслѣдованіе, въ виду ихъ капита-

1) Garrucci, tav. 205—206.

2) Garrucci, Musaici, tav. 211—214.

ной важности. На нашъ взглядъ, большинство этихъ мозаикъ греко-восточнаго происхожденія, но между ними есть и римскаго сочиненія и характера. Точно также мы не считаемъ всѣ равеннскія мозаики греческаго состава, напротивъ того, желали бы, чтобы въ нихъ было выдѣлено то *большинство* римскихъ композицій, которое онѣ содержатъ, такъ какъ только тогда станетъ понятнымъ и характернымъ все то специально-греческое или восточное, что было принесено въ Равенну.

Мы уже указывали на близость равеннскихъ мозаикъ по типамъ къ сирійскимъ памятникамъ, но находимъ эту близость и въ мозаикахъ неаполитанской ц. S. Restituta, хотя, конечно, основное большинство ихъ типовъ и изображеній считаемъ римскимъ или западнымъ.

Такъ, мозаики Св. Аквиліана въ Миланѣ (494 г.) и Фаусты (базилика Св. Амвросія)¹⁾ представляютъ римскій характеръ, какъ и мозаики римскихъ церквей Св. Павла²⁾, Св. Латерана³⁾, Св. Андрея⁴⁾, Св. Агаты⁵⁾, Св. Оеодора, Св. Приска въ Кануѣ и пр. Словомъ, мы въ заключеніе своего введенія не можемъ не пожелать художественно-историческаго сравнительнаго анализа памятниковъ IV—VIII столѣтій, хотя бы, на первое время въ предѣлахъ композицій и типовъ. Последующее научное изученіе христіанскихъ древностей, построющее ихъ исторію въ послѣдовательномъ движеніи художественной формы придетъ, когда поймутъ, что и въ этой области смерть антика была рожденіемъ новаго искусства. Въ настоящее время этому препятствуютъ еще господствующія въ современной исторической наукѣ понятія объ эпохахъ такъ называемаго «унадка». Кромѣ знаменитаго сочиненія Гиббона объ «унадкѣ Римской Имперіи», врядъ ли кто либо изъ историковъ рѣшался посвятить научные труды своей жизни только періодамъ паденія исторической жизни. Общее понятіе унадка сблизало его съ умираниемъ, если не смертью, дряхлостью и гніеніемъ, если не трупнымъ окоченѣніемъ и мало ободряло зарождавшійся интересъ къ этимъ эпохамъ. Историческая наука въ данномъ случаѣ стояла на точкѣ зрѣнія прежняго романиста, не желавшаго знать о дальнѣйшей жизни избранныхъ героев романа. Политическій ямпульсъ, сообщенный исторической наукѣ еще XVIII вѣкомъ, заставлялъ чуждаться всякаго застоя, такъ называемой китайщины, и только экономическая теорія, въ своихъ стремленіяхъ къ использованию общаго историческаго матеріала, открывала среди застоя своеобразную жизнь. Подъ гнетомъ предвзятыхъ взглядовъ и общаго отчужденія, жила

1) Ibid., tav. 234—236.

2) Ibid., 237.

3) Ibid., tav. 238.

4) Ibid., 240.

5) Ibid., 241.

византійская исторія и только теперь начинают понимать, что на самомъ дѣлѣ, исторія такъ называемаго унадка полна «жизни» во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ заключеніе этого предисловія не излишне коснуться и современнаго положенія христіанскихъ древностей, Палестины и Сиріи и, главное, степени ихъ доступности для изслѣдованія. Древности Востока нынче любятъ сравнивать съ западными, къ невыгодѣ этихъ послѣднихъ: на Западѣ памятники древности, за рѣдкими исключеніями, покрыты, затерты, заглушены кипучею современностью. Въ большинствѣ случаевъ, западные памятники или доселѣ играютъ еще служебную роль, какъ церкви, дворцы, ратуши, рынки, монументы и фонтаны, или настолько покрыты всякаго рода передѣлками, что едва представляютъ собою одно древнее зерно, случайно уцѣлѣвшій фрагментъ, одно воспоминаніе о прошломъ; изслѣдователю нужно долго и томительно штудировать всѣ эти отложенія, чтобы добраться до такого зерна. Напротивъ того, христіанскіе памятники Востока, Сиріи, Египта, сѣвернаго побережья Африки сохранены равнодушіемъ Ислама во всей своей оригинальности, и изслѣдователю стоитъ только явиться на мѣсто, чтобы видѣть ихъ тамъ на мѣстѣ, на своей родной почвѣ, какъ будто вчера покинутыми населеніемъ, эти памятники создавшимъ. Какъ ни красива однако, такая перспектива древняго культурнаго Востока, какъ бы дремлющаго въ оазисахъ, наполовину занесенныхъ пескомъ пустыни, во первыхъ она грѣшитъ монотонностью и декоративнымъ однообразіемъ. Пусть западный памятникъ искаженъ вѣковыми передѣлками, но въ немъ больше чертъ, жизни, а подъ нимъ глубже историческая почва, и изслѣдователь въ самомъ анализѣ этихъ памятниковъ изощряетъ свою наблюдательность и пониманіе стиля. Памятникъ Востока мертвененъ, монотоненъ, ограниченъ и скуденъ въ своей односторонности.

Но, что самое главное, эта перспектива скрываетъ собою крупный недостатокъ: памятники Востока, за исключеніемъ Египта, французскихъ владѣній въ Африкѣ и немногихъ пунктовъ Малой Азіи, Месопотаміи и пр. еще не обнаружены раскопками. Тогда какъ на Западѣ древнее зданіе или окопано, или цѣликомъ обрыто, здѣсь цѣлые города и зданія ихъ погружены по поясъ и болѣе въ землю; здѣсь все скрыто, на Западѣ все раскрыто, какъ будто приготовлено для научнаго изслѣдованія. Таково, въ особенности, положеніе руинъ въ Сиріи: частью онѣ сами себя прикрыли своими же обломками, и путешественникъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, и вполнѣ по неволѣ представляетъ собою «поверхностнаго» зрителя.

ГЛАВА I.

Попутныя наблюденія памятниковъ христіанскаго искусства въ Константинополь, Афинахъ и Смирнѣ. Путешествіе изъ Бейрута въ Баальбекъ. Сассанидскій рельефъ въ Ферзуль. Вопросъ о времени и стилѣ построекъ Баальбека и значеніе его декоративной архитектуры. Дамаскъ. Общій характеръ мечети Омміадовъ и ея архитектурныхъ деталей.

Предлагаемый читателю очеркъ археологическаго обозрѣнія памятниковъ христіанской древности и искусства въ Іерусалимѣ, Заіорданьѣ и Гауранѣ основанъ на путевыхъ замѣткахъ, сдѣланныхъ авторомъ еще въ 1891—92 годахъ, во время его путешествія изъ Бейрута, черезъ Дамаскъ и Гауранъ, по Заіорданью и до Іерусалима, въ составѣ ученой экспедиціи¹⁾, отправленной Имп. Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ.

Путешествіе, въ силу тревожнаго состоянія многихъ частей Сиріи и появившейся въ концѣ 1891 года холеры, ограничилось Гаураномъ, Заіорданьемъ до Мертваго моря и Іерусалимомъ съ его окрестностями, по преимуществу на Востокъ, до Іерихона. Понятно, что, не закончивъ задачи такимъ же нагляднымъ изученіемъ памятниковъ верхней и средней Сиріи, нельзя было построить какого бы то ни было общаго теоретическаго разсужденія о ходѣ развитія христіанскаго искусства въ Сиріи. Тѣмъ не менѣе, по числу обозрѣнныхъ мѣстностей, и по количеству и интересу осматрѣнныхъ памятниковъ древности, и это путешествіе заслуживаетъ имѣть мѣсто въ

¹⁾ Въ составъ экспедиціи входили: проф. А. А. Оленичкій, Я. П. Смирновъ, фотогр. П. О. Барщевскій, художники А. Д. Кившенко и Н. А. Околовичъ.

русской археологической литературѣ, хотя бы въ видѣ отчета и въ главныхъ своихъ результатахъ. Правда, со времени путешествія, прошло болѣе десяти лѣтъ, а въ нашъ вѣкъ и Востокъ принужденъ жить скорѣе, и нѣкоторые результаты поѣздки стали уже достояніемъ другихъ ученыхъ, или утратили характеръ свѣжей новости. Однако, собственная наука движется далеко медленнѣе практической жизни и въ сторонѣ отъ нея, а многочисленные разѣзды западныхъ ученыхъ, англійскихъ картографовъ и испытателей природы, французскихъ миссіонеровъ и русскихъ паломниковъ не дали за это десятилѣтіе новаго (послѣ Вогюэ и др.) научнаго изслѣдованія христіанскихъ древностей Палестины или ихъ общаго обзорѣнія, хотя и представили рядъ крупныхъ научныхъ работъ. Правда, археологическая литература Святой Земли началась на высшемъ уровнѣ сравнительно съ тѣмъ, какъ она продолжается, ставъ въ послѣднее время, по преимуществу, литературою смѣси, хроники и любительскихъ путевыхъ замѣтокъ. Правда, этому положенію литературы отвѣчаютъ и обстоятельства нашего повѣйшаго ознакомленія съ христіанскимъ Востокомъ: это ознакомленіе также отрывочно, и принуждено пока пользоваться тѣмъ, что можно увидеть, пынѣ на поверхности земли, что можно снять фотографическимъ аппаратомъ и что можно издать хотя бы въ отдѣлѣ смѣси въ археологическихъ поврежденныхъ обзорѣніяхъ.

Нѣсколько канителей изъ раннихъ временъ Константинополя¹⁾, IV—VIII столѣтій, свалены на дворахъ Ст. Серая, вокругъ Новаго Музея (Чинили-Кіоскъ), находятся еще въ портикѣ въ Студійскомъ монастырѣ; любопытныя канители еще видны на мѣстѣ въ «Золотыхъ воротахъ» и т. д., но все это еще не стало предметомъ сколько нибудь систематическаго обследованія²⁾. Мы узнаемъ, что въ первыхъ христіанскихъ базиликахъ формы архитектуры были античныя, въ канителяхъ чередовались ордена коринтскій и композитный, и что только въ V вѣкѣ появляются новыя типы аканоа (ас. spinosus), съ прямоугольными, зубчатыми, тернистыми ланами, восточнаго характера, отличнаго отъ ас. mollis, римскаго, специфически-западнаго. Затѣмъ, узнаемъ, что существуетъ извѣстное родство или близость въ рисункѣ орнаментальныхъ листовыхъ формъ канителей, фризовъ между византійскими и сирійскими, но этими наблюденіями современное пониманіе отношеній восточной архитектуры къ римской или западной въ періодъ IV—VIII столѣтій заканчивается. Стало быть, и для этого періода положеніе археологической науки пока тоже, что для послѣдующаго—VIII—X столѣтій, когда

1) Отъ церкви ап. Андрея (Ходжа Мустафа паша джами) временъ Θεοδοσία Мл., изъ Килиссе-джами, Кефели-джами, Иеди-Куле, Румели-Гиссара и пр.

2) Въ послѣднее время г. Стрыговскій издалъ какъ *Золотыя ворота* Константинополя, такъ и *пиластроую канитель* Студійскаго монастыря (наши фот. № 44): см. *Jahrbuch d. K. D. Archäolog. Instituts*, Bd. VIII, 1 Heft, Abb. 1—7.

«лангобардская» архитектура представить вновь явное и, тѣмъ не менѣе, малопонятное родство съ сирійскимъ Востокомъ.

Но сумракъ будетъ окутывать соотношенія архитектурныхъ и орнаментальныхъ формъ византійскаго искусства до тѣхъ поръ, пока анализъ его памятниковъ не будетъ выполненъ по современнымъ научнымъ требованіямъ. Мы знаемъ формы арокъ, колоннъ, капителей, ишкрустацій и облицовокъ Св. Софіи и открываемъ эти формы въ различныхъ современныхъ и послѣдующаго времени памятникахъ, но, очевидно, находимся доселѣ въ совершенномъ невѣдѣніи по всемъ вопросамъ самаго образованія этихъ формъ. Различить исторически архитектуру ц. Свв. Сергія и Вакха отъ ц. Св. Софіи мы можемъ только по общимъ и исключительно конструктивнымъ даннымъ, какъ напр. по устройству купола, свода абсиды и пр., но не по деталямъ архитектурной декораціи, стѣнной облицовки, украшеній и орнамента капителей. Смѣсь формъ ставитъ насъ въ затрудненіе. Мы находимъ напр. въ ц. Свв. Сергія и Вакха «почти» римскій антаблементъ въ среднемъ нефѣ и архивольты чисто-византійскаго типа въ боковыхъ нефахъ и на хорахъ, и тогда какъ профилевка первого близко напоминаетъ (насколько можно разобрать подъ турецкою штукатуркою и окраскою) формы Баальбека и фасады Студійскаго монастыря, Золотыя ворота въ Іерусалимѣ, напротивъ того, арочныя формы декоративныхъ нишъ на хорахъ Сергія и Вакха мало чѣмъ разнятся отъ Св. Софіи. Остаются не изслѣдованными доселѣ источники орнаментальныхъ разводовъ и узоровъ, покрывающихъ ишкрустаціями поля нижнихъ арокъ въ церкви Св. Софіи и по цвѣтному полю въ золотыхъ мозаическихъ наборахъ въ банястеріи Равенны. А голыя указанія на повтореніе здѣсь элементовъ, общихъ греко-римскому антику, въ родѣ разводовъ акапоа, ровно ничего не объясняютъ намъ въ вопросѣ о всемъ орнаментальномъ цѣломъ, чрезвычайно оригинальномъ, какъ и сплошныя ссылки на Востокъ, гдѣ слѣдуетъ искать источники этого «восточно-римскаго» стиля, не могутъ удовлетворять современнымъ научнымъ требованіямъ. Очевидно, наука находится еще на первой ступени своего развитія и принимаетъ напр. церковь Св. Софіи, какъ цѣльное произведеніе Юстиніанова вѣка, тогда какъ она есть сложный историческій типъ, девять десятыхъ котораго относится къ предыдущему періоду.

Въ саду Константинопольскаго Музея (Чинили-Кіоскъ), по стѣнамъ и краямъ террасъ сваливаются и разставляются собираемая пылѣ со всего Стамбула мраморы: здѣсь въ рядъ лежатъ и барабаны колоннъ и карнизы, и капители, и посреди двора извѣстная мраморная купель (фот. альбома № 43), перенесенная отъ бывшей ц. Іоанна и Марка. Среди капителей большинство къ IV—V столѣтіямъ, рѣже позднѣйшія, но также интересныя для исторіи различныхъ переходныхъ эпохъ. При этомъ, достоинство рѣзбы и отдѣлка

оказывается довольно разнообразнымъ и даже, на первый взглядъ, заставляетъ различать капители, которые по рисунку, при ближайшемъ разсмотрѣнїи, оказываются одинаковыми; такъ напр. снятыя на фотографіяхъ нашего альбома № 39 и 41 могутъ быть даже одного времени. Заслуживаетъ вниманія и капитель VI—VII стол. съ орлами, сидящими на верхушкахъ промежуточныхъ акапоовъ, среди угловыхъ волютъ (а не вмѣсто волютъ, подъ углами верхняго абака, какъ въ капителяхъ Золотыхъ воротъ); нижній поясъ этихъ капителей украшенъ рядомъ поднимающихся листьевъ *садоваго* (не тернистаго, но мягко-лиственнаго) аканѳа, котораго лопасти слегка обозначены множествомъ мелкихъ углубленій и проверченныхъ дыро-

Рис. 1. Аѳины. Акрополь Капитель V—VII в.

чекъ, уподобляющихъ эту рѣзбу филиграневымъ обнизямъ; поверхность листа остается при этомъ совершенно гладкою; листъ имѣетъ семь пышныхъ зубчатыхъ лопастей, мало выпуклы и толсты. Должно замѣтить, что эта, нѣсколько вычурная, какъ бы «филиграневая» рѣзба аканѳовъ, притомъ вовсе не «тернистаго», но мягкаго рисунка, наблюдается и въ капителяхъ «Золотыхъ воротъ» Константинополя.

Прибывъ въ Аѳины, мы осмотрѣли богатый матеріалъ мраморныхъ капителей, плитъ и кусковъ, сваленныхъ на Акрополѣ, среди антиковъ, остатокъ бывшихъ тамъ древнихъ христіанскихъ базиликъ. На эти остатки,

послѣ покойнаго архимандрита Антонина, въ недавнее время обратилъ свое вниманіе проф. Стрыговскій¹⁾. Для насъ особенно любопытна была одна капитель (рис. 1), очевидно, происходящая изъ тѣхъ же мастерскихъ, что и многія канители Херсонеса Таврическаго²⁾.

Аѳины равнымъ образомъ, сохраняютъ множество важнѣйшихъ памятниковъ церковной архитектуры VIII—XII столѣтій (фот. 54—65 и 67—71), хотя давно ставшихъ извѣстными, благодаря славѣ древняго города, но еще весьма мало изученныхъ. Въ одной изъ такихъ церквей (Свв. Апостоловъ) своды, поддерживающіе куполь, опущены на древнія колонны съ прекрасными капителями, частью античными, частью изъ древнихъ базиликъ. Такъ, напр. одна композитная капитель, окруженная двумя поясами толстыхъ, какъ будто не развившихся еще, аканѳовъ, особенно любопытна по сравненію съ подобными въ Сиріи. Далѣе, при бѣдности византійскими рельефами, приходится придавать значеніе и тѣмъ немногимъ рѣзнымъ плитамъ, которыя украшаютъ стѣны древняго (малаго) Аѳинскаго собора³⁾.

Изъ мраморныхъ орнаментальныхъ плитъ христіанскаго происхожденія, находящихся на акрополѣ, въ массѣ битаго мрамора, тамъ сложеннаго, мы замѣтили нѣсколько весьма любопытныхъ у подножія Пареонона. Плиты похожи продолговатою формою на надгробныя стѣлы, но не имѣютъ надписей. На одной изображены пара грифавъ, бьющихся ли другъ съ другомъ, или хватающихъ лапами неизвѣстный, по причинѣ сбитаго рельефа, предметъ; худое, но энергично напряженное тѣло, архаическое опереніе и орнаментальная кайма вокругъ указываютъ на раннее время VII—VIII столѣтій. Другая плита покрыта сложными плетениями и мелкими разводами въ ромбическихъ и квадратныхъ поляхъ, на подобіе арабесокъ. Съ другой стороны акрополя мы встрѣтили, напротивъ того, характерную, но грубой орнаментации кружками и розетками, плиту IX—X столѣтій. Обломокъ карниза съ чуднымъ поясомъ подымающихся остролистныхъ аканѳовъ долженъ отнестись къ очень раннему времени и даже могъ бы быть зачисленъ среди антиковъ, если бы не вырѣзанный въ концѣ византійскій крестъ IV—V стол.

Главный интересъ въ Аѳинахъ представили, однако, открытые въ тетрагонѣ, выходящемъ на улицу Эола, остатки большой базилики во имя «Великой Панагіи» на мѣстѣ предполагаемой бывшей *гимнасиіи Адріана* (фот. 77—88) или «стон Адріана» (см. *планъ* Н. А. Околовича въ собр. Прав. Палестинскаго Общ.). Базилика эта была устроена, по византійскому приему, изъ грубаго матеріала, въ видѣ полукружныхъ экседръ, окружавшихъ средніи или внутренній нефъ, сохранившійся отъ римскаго зданія (одинъ рядъ

1) *Athenische Mittheilungen*, 1889, p. 280 sq.

2) *Русскія древности*, IV, рис. 15, стр. 20.

3) Фот. эксп. 54—65, 67—71, 71—76, 109—119 (орнаментныя плиты на Акрополѣ).

стоящихъ колоннъ) неизвѣстнаго назначенія¹⁾, и нѣкогда роскошно устроенный изъ мрамора и превосходнаго тесанаго камня. Стѣны большихъ экседръ развалились и были разобраны, вѣроятно, очень рано, еще въ византійскую эпоху, когда крохотный городокъ, уцѣлѣвшій на мѣстѣ Аѳинъ, уже не нуждался въ такихъ обширныхъ церквахъ, какъ эта, и тогда же, вѣроятно, пропала и вся облицовка экседръ, бывшая, повидимому, изъ мрамора, а сохранился въ нихъ по мѣстамъ великолѣпный мозаическій полъ (*рисунки* г. Околовича, тамъ же) и лишь отчасти античные мраморы, употребленные на ея постройку²⁾. Зданіе церкви не могло быть построено ранѣе Юстиніана, при которомъ впервые, стали разбирать въ Греціи языческіе храмы; любопытная форма церкви соединяетъ въ себѣ собственно базилическій планъ съ такъ называемою «центральною» конструкціею; устройство экседръ вокругъ христіанскаго зданія мотивировано античнымъ центромъ, который былъ также окруженъ декоративными полукруглыми портиками съ колоннами и низкими балюстрадами въ промежуткахъ. вмѣсто четвертой экседры строитель христіанской церкви (грубо и небрежно) свелъ двумя полукругами къ выступу абсиды, и на западной сторонѣ устроилъ прямоугольный лицевой фасадъ. Вся эта конструкція получаетъ нѣкоторое значеніе и для исторіи архитектурныхъ композицій и плановъ въ Византіи VI вѣка. Тамъ, гдѣ думали видѣть открытыя разомъ схемы, на самомъ дѣлѣ былъ длинный путь исканій и происходилъ сложный историческій процессъ. Получилась довольно пышная церковь: ея средній нефъ былъ устроенъ изъ античнаго зданія, мощенаго мраморомъ, а боковые нефы, обходящіе кругомъ эту средину, въ видѣ корридора, были вымощены мозаикою, представляющею геометрическіе рисунки и гирлянды. Все это было, видимо, подъ легкими стропилами и черепичною крышею, но отъ иконостаса еще уцѣлѣли тоненькія колонны, а на смазанныхъ изъ булыжника и извести стѣнахъ были нѣкогда фрески, сохранившіяся на одномъ нилеястрѣ внизу, съ правой стороны абсиды.

Въ текущемъ 1902 году близъ Эчміадзина были открыты развалины большой церкви, которой большіе капители, лежавшія ранѣе въ саду Духовной Академіи Эчміадзина, были изданы ранѣе проф. І. Стрыговскимъ и ока-

1) См. литературу вопроса о «стоѣ Адріана» — бывшей бібліотекѣ или бывшего гимназія, въ прим. къ Павзанію, изд. Герм. Гитцига, *Pausaniae Gr. descr.*, I, 1, къ кн. I, 18, 7, стр. 216—217.

2) Разслѣдованіе античнаго зданія подъ руинами церкви было произведено въ 1885 г., и краткій результатъ раскопокъ, на основаніи наблюденій извѣстнаго архитектора Дёрпфельда, опубликованъ въ *Πρακτικὰ τῆς ἐν Ἀθήναις ἀρχαιολογικῆς ἐταιρείας*. 1885, р. 13—24, но, за исключеніемъ весьма немногихъ данныхъ о церкви, ея планѣ, мозаическомъ полѣ и найденныхъ трехъ надписяхъ VIII вѣка, здѣсь трактуется исключительно о древнемъ «мраморномъ квадратномъ зданіи», стоявшемъ нѣкогда свободно среди тетрагона Адріанова и послужившемъ впослѣдствіи для устройства церкви.

зались, по монограммамъ Нарзеса III Каооликоса (640—661 г.) «Строителя», относящимися къ зданію VII вѣка. Нынѣ это зданіе открыто подъ землею усердіемъ одного мѣстнаго духовнаго лица и, вѣроятно, скоро будетъ опубликовано, со всѣми, говорятъ, очень богатыми находками, въ немъ сдѣланными. Пока же мы можемъ сказать, что это зданіе по плану весьма близко къ храму Адриановой стоп.

Въ Бейрутѣ на поверхности земли не сохранилось никакихъ древностей, и даже самой старины очень немного. Городъ, построенный въ новѣйшемъ левантинскомъ видѣ, который составляетъ помѣсь итальянской гражданской архитектуры и восточныхъ плановъ дома, съ внутренними двориками, не представляетъ ничего любопытнаго, даже на базарѣ, тогда какъ сосѣдній Триполи не даромъ извѣстенъ колоссальнымъ базаромъ, многими постройками временъ крестоносцевъ и восточнымъ характеромъ многихъ кварталовъ. Безхарактерный типъ новоевропейскаго квартала въ Бейрутѣ напоминаетъ собою наиболѣе Смирну, а затѣмъ и новые кварталы всѣхъ приморскихъ городовъ по берегамъ Средиземнаго моря, отъ Сиріи до Испаніи включительно.

Мы вышли изъ Бейрута съ караваномъ въ началѣ сентября 1891 г., направляясь черезъ Штору на Баальбекъ, руинами котораго интересовались, какъ оригиналомъ декоративныхъ построекъ Гаурана и Заіорданья и всего греко-римскаго періода Палестины вообще. Превосходная шоссированная дорога, обставленная загородными виллами, плантаціями тутовыхъ деревьевъ, виноградниками, смоковницами, часто на искусственно образованныхъ террасахъ, подымается на Ливанъ, гдѣ и прекращается, уступая мѣсто полнѣйшему бездорожью. Мѣстечко *Алей* служитъ для Бейрута лѣтнимъ горнымъ пунктомъ, для насъ часовымъ отдыхомъ, а мѣстомъ нашей остановки на почлегъ *Аин-Сюфаръ* на высотѣ прибрежнаго Ливанскаго кряжа, деревня, съ обильнымъ колодезьемъ. Спустившись внизъ, среди чудныхъ, далекихъ видовъ на Анти-Ливанъ и его глубокія долины, приходимъ въ *Штору*, живое мѣстечко, съ европейскими плантаціями, садами, шумнымъ горнымъ потокомъ, и оттуда черезъ какой-либо часъ въ *Муаллахъ*, большую деревню, съ монастыремъ Іезуитовъ, съ многочисленными виноградниками по склонамъ горъ, производящими лучшее вино въ Сиріи. Это мѣсто вѣковой культуры, въ плодороднѣйшей долинѣ у подножія красноватыхъ холмовъ, съ красивыми ущельями, отовсюду сбѣгающими внизъ, покрыто рупнами, древними и позднѣйшими, которыя было бы интересно разслѣдовать путемъ настоящихъ раскопокъ. Здѣсь и доселѣ масса полей пшеницы, ячменя, маиса, плантаціи всякихъ овощей и фруктовъ, и богатство привлекало сюда постоянную смѣну различныхъ завоевателей и владѣтелей. Въ 10 ми. по дорогѣ къ Баальбеку показываютъ такъ называемую *ирбниту Ноя*, — поздняя мечеть

съ пристройкою на древнемъ, быть можетъ, еще помнящемъ римлянъ, основаніи, позднѣйшаго тюрбе, длиною, пожалуй, до 7—8 саж. ¹⁾).

Отсюда мы сдѣлали любопытную поѣздку, свернувъ съ дороги, ведущей въ Баальбекъ, налѣво, въ горное ущелье, въ мѣстечки *Ферзолъ* и *Ниха*.

Деревушка Ферзолъ лежитъ въ двухъ часахъ ѣзды отъ большой дороги, въ одномъ изъ ущелій, на склонѣ Ливана, занимая сѣдловину холма, окруженнаго рѣчкою и садами; деревушка, хотя и крохотная, имѣетъ и здѣсь видъ городка, съ множествомъ улочекъ и переулочковъ, въ которыхъ часто нельзя различить улицы отъ крыши, такъ какъ путь лежитъ иногда и по крышѣ, съ необычайною скученностью домиковъ, которую, не знаемъ, чему приписать: восточной ли привычкѣ, или средневѣковому обычаю жаться съ жильемъ на горной площадкѣ, которую можно укрѣпить на случай нападенія. На сѣверо-западной сторонѣ открывается глубокое ущелье, по которому бѣжитъ ручей; ущелье оканчивается у подножія высокой отвѣсной горы, которой стѣны у подошвы, противъ ущелья, изрыты пещерами — мѣстность называемая *Уади ель Габисъ* (долина отшельника). Немногія пещеры имѣютъ греко-римскіе фронтоны, въ одной высѣченъ *бѣтилъ* (*веоиль*) (фот. 183—184) ²⁾).

Поднявшись на востокъ по крутымъ склонамъ, достигаешь стѣнъ, гладко обтесанныхъ внизу, которыя, вѣроятно, служили въ древности каменоломнями, а потомъ были, повидимому, приспособлены какъ таблицы, назначаемыя для монументальныхъ надписей, напр. персидскихъ. Въ концѣ этихъ стѣнъ есть особливо стоящій высѣченный изъ скалы четырехсторонній блокъ, напоминающій монолитныя гробницы Авессалома и Захаріи, и на гладко обтѣченной стѣнѣ влѣво отъ блока небольшая ниша съ замѣчательнымъ рельефомъ (выш. 1,25 м.). Рельефъ этотъ былъ однажды описанъ подъ именемъ финикійской стѣлы съ символическими изображеніями сирійскихъ культовъ ³⁾. Намъ этотъ рельефъ показался историческимъ памятникомъ (фот. 178—180, по *Каталогу* (изд. Палест. Общества: Палестина и Синай, I, 3, 1894) *выставки фотографическихъ снимковъ, плановъ и акварельныхъ рисунковъ экспедиціи*: № 24 а, б) сассанидскаго происхожденія, а именно (таб. I), онъ представляетъ фигуру (персидскаго царя?) верхомъ, въ развѣвающимся

1) Sepp, *Jerusalem*, II, Экскурсы о гробницахъ патріарховъ-великановъ.

2) И. И. Смирновъ сообщилъ мнѣ, что ему случилось найти въ біографіи новоплатоника V вѣка Исидора, Проклова ученика, написанной Дамасціемъ слѣдующее мѣсто, напоминающее нашъ коническій *бѣтилъ* или *веоиль*: въ Библи. Фотія ed. Bekkeri, pag. 342: ἐτι κατὰ τὴν Ἰλιούπολιν τῆς Συρίας εἰς ὄρος τό τοῦ Λιβάνου τὸν Ἀσκληπιίδην ἀνελθεῖν φησὶ καὶ ἰδεῖν πολλὰ τῶν λεγομένων βαιτυλίων ἢ βαιτύλων, περὶ ὧν μυρία τερατολογεῖ ἄξια γλώσσης ἀσεβοῦσης. Бѣтилъ нашего рисунка напоминаетъ изображенія Зевса Касія на монетахъ.

3) Dutaut et F. A. Bourquenaud, *Voyage dans le Liban et dans l'Anti-Liban*, p. 42—63; Chauvet Izambert, p. 622; *Études religieuses*, III Série, 1864, 1866, IV, VIII—IX.

плащѣ, съ вѣпкомъ въ поднятой торжественно правой рукѣ; на головѣ всадника большая лучистая корона и вокругъ головы нимбъ; передъ лошадыю и впереди пальмы — эмблемы Сиріи — стоитъ нагой мужчина, держащій въ правой рукѣ виноградную гроздь, а въ лѣвой — спущенную съ локтя верхнюю одежду, скорѣе всего, олицетвореніе горы Ливана—*ἄρος Λιβάνος*. Возможно, что здѣсь изображенъ въ видѣ всадника богъ Менъ, котораго почти повсемѣстное почитаніе въ Малой Азіи, вплоть до Сиріи, засвидѣтельствовано разнообразными памятниками¹⁾. При такомъ толкованіи рельефъ могъ

Рис. 2. Пиха. Идолъ въ стѣнѣ частнаго дома.

бы относиться къ II—IV в. по Р. Х. Если же видѣть изображеніе сасанидскаго царя, на котораго всадникъ болѣе всего походитъ, то стиль памятника, хотя и тяжеловатый, не позволяетъ идти далѣе начала V вѣка, настолько въ немъ сохраненъ античный характеръ. Многіе изъ персидскихъ царей могли бы въ подобномъ рельефѣ увѣковѣчить торжество своего завоеванія Сиріи. Но если видѣть здѣсь Хозроя II (611—614 гг.), то это былъ бы памятникъ, возникшій наканунѣ окончательнаго завоеванія Сиріи Арабами.

1) Roscher, *Lexikon d. Mythologie*, v. Мен. И. И. Смирнова, *О Фригійскомъ Менѣ, Сборникъ въ честь проф. О. О. Соколова*, 1895, р. 81—135.

Изъ Ферзоля мы перевалили черезъ три ущелья, спускающіяся отъ Ливана, въ деревушку Ниха, расположенную какъ и Ферзоль, по склону холма надъ рѣчкою. Стѣны деревушки сохраняютъ нѣсколько надписей, римскихъ надгробныхъ рельефовъ (на берегу ручья лежащій перевернутый алтарь съ посвятителною надписью), орнаментальныхъ плитъ, а въ концѣ деревни, надъ рѣчкою, находятся развалины храма, кажущагося колоссальнымъ по пропорціямъ своихъ пилястровъ, карнизовъ, и величинѣ отдѣльных блоковъ, изъ которыхъ сложены стѣны. На самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе этой колоссальности достигается намѣренною утрировкой пропорцій въ псевдоегипетскомъ пошибѣ временъ императора Адріана, съ декоративными полуколоннами внутри зданія, грузными и неуклюже-короткими листьями акаѳа на каптеляхъ, сухою и мелочною рѣзбою и пр. (см. фот. 186 и планъ подъ №№ 27 а, 28, 29).

Въ убогой деревенской церкви, подъ столбомъ, поддерживающимъ сводъ, мы нашли грубо высѣченный въ известнякѣ идолъ сирійскаго мужескаго божества, съ модіусомъ на головѣ, копьемъ въ лѣвой и перунами въ правой рукѣ; по сторонамъ бога у подножія трона представлены два быка; внизу подъ трономъ видна въ двери стоящая фигура женскаго божества (рис. 2, фот. № 30).

Развалины Баальбека доставили намъ много матеріала (фот. №№ 189—209, по каталогу выставки №№ 34—40, 42—45, 51, 53, 54) въ разныхъ отношеніяхъ: прежде всего, по вопросу о времени монументальныхъ стѣнъ и субструкцій баальбекскаго акрополя; во вторыхъ по *планамъ* различныхъ декоративныхъ атріумовъ: прямоугольнаго, шестисторонняго, пропилеевъ, монументальной лѣстницы акрополя, круглаго храма въ городѣ и т. д., которые послужили образцами для пышныхъ построекъ времени Константина; затѣмъ, по *архитектурнымъ деталямъ* зданій эпохи Антониновъ¹⁾, и наконецъ, по *остаткамъ христіанской базилики*²⁾. Христіанская базилика явилась для насъ первымъ образчикомъ загадочнаго исчезновенія нѣкоторыхъ, перѣдко колоссальныхъ развалинъ древне-христіанскихъ храмовъ Сиріи и Палестины.

Мы коснемся лишь въ немногихъ словахъ указанныхъ четырехъ пунктовъ: все это должно служить лишь матеріаломъ для сравненія

1) *Большой храмъ*, по мнѣнію Вуда, и въ послѣднее время — Фраубергера, былъ построенъ Антониномъ Піемъ, не конченъ, разобранъ Θεодосіемъ. *Второй храмъ* былъ построенъ, судя по формамъ, въ первой половинѣ III столѣтія, какъ и извѣстный *круглый храмъ*. См. Frauberg, Die Akropolis von Baalbek, 1892, стр. 6—9. См. три дополнительные снимка фот. внутреннихъ стѣнъ баальбекскихъ подземныхъ корридоровъ и 7 снимковъ орнаментики нишъ въ атріумѣ и пр.

2) См. планъ ея въ собраніи Общества за № 45 каталога. Планъ, снятый архитекторомъ Жоуау, см. въ его изданіи и въ гидѣ Izambert'a на стр. 613.

и опредѣленія архитектурныхъ типовъ въ христіанскихъ памятникахъ Сиріи.

На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, вопросъ о времени построенія стѣнъ и самыхъ субструкцій баальбекскаго акрополя или, вѣрнѣе, гелиопо-литаскаго святилища. Всѣмъ извѣстно, что со временъ Сольси его монументальныя стѣны и особенно подземные корридоры колоссальныхъ субструкцій были относимы многими ко временамъ древней Финикіи¹⁾ и всякій разъ съ удареніемъ помпались, когда рѣчь шла (правильно или нѣтъ) о *древнееврейскихъ* постройкахъ. Именно, Сольси, признавая римское происхожденіе этого акрополя, отличилъ, однакоже, въ немъ во первыхъ, такъ называемый у греческихъ писателей *τρίλιθον* — три чудовищныхъ камня (20 метр. длиною при 4 метр. вышины, подняты были на высоту до 7 метр.), которые онъ считалъ «финикійскою стѣною» (почему то даже называлъ *циклопическою*) и во-вторыхъ, извѣстныя части сводовъ въ подземныхъ корридорахъ Баальбека, которыя, по словамъ Сольси, и «цвѣтомъ камня и выгибомъ сводовъ» отличаются отъ остальной римской кладки. Никакой, однакоже, дѣйствительно, внимательный осмотръ памятника не даетъ подтвержденія соображеніямъ Сольси, нынѣ не даромъ пользующагося дурною славою, такъ какъ онъ постоянно злоупотреблялъ фактическими данными, извращалъ надписи, сочинялъ небывлицы и преувеличивалъ значеніе видѣннаго. Подземные корридоры Баальбека, правда, весьма внушительны по своей вѣщности, и отличаются отъ близко сходныхъ съ ними подземелій Палатина именно разсчетомъ на монументальный эффектъ. Но, на всемъ своемъ протяженіи, эти корридоры, сложенные изъ большихъ массивовъ въ основаніяхъ свода, съ превосходною притескою камней въ самыхъ сводахъ, вездѣ совершенно тождественны по конструкціи и по кладкѣ и нигдѣ никакихъ особыхъ отличій не представляютъ, за исключеніемъ тѣхъ залъ неизвѣстнаго назначенія, которыя имѣются на уровнѣ этихъ корридоровъ, но раздѣланы снизу до верху, какъ жилия или храмовыя помѣщенія. Стало быть, или надо считать, что отъ финикійскаго времени уцѣлѣли всѣ стѣны подземелій до сводовъ или вся постройка римская, но, по позднему времени и господствовавшему при Антонинахъ вкусу и сообразно съ значеніемъ акрополя, и главнѣе, по желанію римскаго архитектора подражать древнимъ, выполненная въ древне-финикійскомъ пошнѣѣ. Вотъ почему напр. мѣстами пята сводовъ выступаетъ ребромъ, которое осталось не стесаннымъ, или пикнѣй поясъ (или слой) стѣны представляетъ скошенный выступъ, а камня обдѣланы въ

1) Правда, многими высказано прямо сомнѣніе въ финикійской древности стѣнъ Гелиополиса, его пресловутыхъ субструкцій и даже знаменитаго трилитона, напр. Ренаномъ въ его *Mission en Phénicie*, p. 314—316, Перро, *Histoire de l'art dans l'Antiquité*, pag. 105 n°. См. однакоже повтореніе слова Сольси въ гйдахъ *Изамбера*, стр. 616—619 и *Бедекера*, стр. 342.

рустику, какъ вообще принято было, подъ римскимъ вліяніемъ въ Сиріи въ постройкахъ I и II стол. по Р. Х. (такъ называемая «еврейская» кладка съ выпусками). Весьма возможно, конечно, что между массивными камнями есть иные еще финикійской вытески, и римскій архитекторъ ихъ вновь погналъ въ работу, но узнать ихъ также здѣсь трудно, какъ въ стѣнахъ Іерусалимскаго храма различить камни Соломоновы отъ Иродовой постройки. Если же, однако, это доселѣ дѣлается и притомъ многими, и съ искреннимъ убѣжденіемъ въ пользѣ этого занятія, то, въ утѣшеніе, можно припомнить, что въ центрѣ науки классической археологіи, въ самомъ Римѣ, сравнительно недавно процвѣтала еще вѣтвь археологіи изъ ученыхъ, «бесѣдовавшихъ съ нѣмыми камнями».

Тяжелая монументальность геліополитанскихъ субструкцій отвѣчаетъ грузному, неуклюжему, казарменно-скучному и монотонному стилю римскихъ декоративныхъ построекъ Баальбека. Кто бы ни былъ архитекторъ, по мы, очевидно, имѣемъ здѣсь дѣло съ римскимъ, академическимъ подражаніемъ афинскому акрополю, котораго монументальныя пропилеи съ высокою лѣстницею и зданіями по бокамъ, и два храма воспроизведены здѣсь въ современныхъ эпохѣ формахъ. Подражаніе неудачное, потому, что мѣстность совершенно не отвѣчаетъ этому плану, такъ какъ вмѣсто скалы акрополя, имѣлся лишь холмикъ, чтобы поставить на немъ храмъ¹⁾, и потому лѣстница представляла, вѣроятно (она разобрана арабами при обращеніи акрополя въ цитадель) видъ только широкаго крыльца, которое играло излишнюю роль въ укрѣпленномъ акрополѣ. Какъ бы то ни было, очень жаль, однако, что этого крыльца болѣе нѣтъ, ибо мы бы имѣли въ немъ ближайшій образецъ лѣстницы, ведущей къ проилеямъ базилики Константина на мѣстѣ Воскресенія, нынѣ открытымъ. Самая базилика была также своего рода академическимъ шаблономъ, схемою, выполненною безъ всякаго отношенія къ мѣстности, но именно проилеи базилики были, видимо, счастливымъ исключеніемъ, въ этомъ отношеніи, и не даромъ Евсевій (см. ниже) ими восхищался, очевидно, вслѣдъ за всѣми.

Любопытны, затѣмъ, два двора или атриума: шестисторонній и четырехугольный, этотъ послѣдній вдоль стѣнъ украшенный четырьмя полукруглыми нишами и столькими же прямоугольными. Въ самомъ дѣлѣ, атриумы великолѣпныхъ базиликъ Константинова времени (не римскія базилики, которыя имѣютъ, кажется, почти всегда прямоугольные дворы) на Востокѣ были именно украшаемы, съ особою прихотью, вычурными, изогнутыми по кривой линіи круга, овала, или наискось идущими (ромбоидальными) портиками: обѣ

1) По словамъ Фраубергера, все возвышеніе акрополя въ Баальбекѣ насыпано искусственно (ibid. стр. 9): вѣроятно, всетаки было въ началѣ и скалистое его основаніе.

этомъ свидѣтельствуютъ еще подражательныя постройки Равенны. Евсевій въ похвальной рѣчи Паулину епископу Тирскому¹⁾ (какъ мы уже говорили) упоминаетъ, что великолѣпная Тирская базилика, имѣ построенная, имѣла обширный дворъ, украшенный со всѣхъ сторонъ четырьмя наискось идущими портиками, и имѣвший видъ четырехугольника, поддерживаемаго вездѣ колоннами. Иллюстрацію къ этому описанію представляетъ какъ разъ шестиугольный дворъ Баальбека съ косыми портиками.

Римскій вкусъ или, точнѣе, римское безвкусіе выразилось столько же въ тяжелыхъ, громоздкихъ стѣнахъ Геліополиса, неуклюже массивныхъ, грузныхъ и тѣсныхъ колоннадахъ, сколько и въ художественныхъ формахъ и деталяхъ его храмовъ и богатой пластической орнаментикѣ. Подъ давленіемъ Рима, Сирія и безъ того лишенная истиннаго художественнаго вкуса, благодаря племенному ея составу, и предпочитавшая всегда вкусъ сильнаго сосѣда, Египта, Ассиріи и пр. изящному стилю слабого, окончательно отдѣлилась отъ малоазіатской архитектуры и усвоила себѣ тотъ шаблонъ, который распространяли римляне при Адріанѣ по всему міру.

Для Баальбека выгодно, что его храмы представляютъ руины: будь они цѣлыми, давно бы туристы подмѣтили непріятное впечатлѣніе, какое должна производить тяжелая, массивная архитектура, съ ея разсчитанными на грубый вкусъ эффектами, мелочною и сухою рѣзбою тонкихъ поясковъ и гзымзовъ на подавляющихъ грузностью массивахъ. Прежняя деликатная рѣзба греческой орнаментики, столь изящная на мраморныхъ храмикахъ Греціи, примѣненная здѣсь къ громаднымъ пространствамъ, кажется здѣсь чудовищною утонченностью, заставляетъ жалѣть о работѣ, потраченной на пышные карнизы и покрытые сѣтью орнаментальной рѣзбы колоссальныя плафоны съ гигантскими кассетами, монструозными бюстами и грузными свѣшивающимися розетками, такъ какъ эта работа въ мѣстномъ, хотя и крѣпкомъ, известнякѣ, очень недолго оставалась свѣжею. Правда, разрушеніе ослабило рѣзкость и ремесленную сухость. Для насъ любопытны были особенно капители и орнаментация антаблемановъ. Храмы Баальбека рѣзко разнятся по стилю: въ большемъ и древнѣйшемъ храмѣ (временъ Антонина) (Солнца?) листва капителей, съ широкою сердцевиною, сочною выпуклостью листа, широкими его лопастями и узкою верхушкою, напоминаетъ еще лучшіе образцы Адріановыхъ построекъ въ Ливіахъ. Капители малаго и позднѣйшаго храма (Зевса Геліополитанскаго?) (издаемаго нами въ снимкѣ со стороны входа, табл. II) уже много небрежнѣе въ отдѣлкѣ: акапоовый листъ узокъ, сухъ, почти не суживается къ верхушкѣ, мало выпуклъ, весь какъ будто стянутъ и изрѣзанъ; но если онъ лишился жизненности и эластичности,

1) *Hist. eccl. lib. X, c. IV, ed. Migne, pag. 864.*

то стать энергичнѣе, рѣзче и характернѣе. Глядя на эти новые типы листовъ, понимаешь, что иѣжный аканѣ съ пышною листовою болѣе приличенъ мрамору, тогда какъ остролистный съ оттопыренными концами и иголками, лучше въ большихъ капителяхъ изъ известняка, которыя производятъ особый эффектъ своими густыми, почти черными тѣнями. Не по этой ли простой причинѣ, работая съ IV стол. почти исключительно въ разныхъ родахъ известняка, рѣзчики все укорачивали листь аканѣа и дѣлали его суше, терпнѣе? Для насъ, въ частности, важно родство орнаментальныхъ формъ этого храма съ константиновскими постройками.

Но, кромѣ того, мы должны отмѣтить два важныхъ обстоятельства. Первое относится къ указанному нами подражанію римскаго архитектора воспроизвести древній (сиро-вавилонскій?) типъ акрополя съ подземными субструкціями: часть этихъ корридоровъ засыпана, и надо ожидать фундаментальныхъ раскопокъ, чтобы постичь ихъ планъ, но нельзя не сопоставить напр. съ подземными сооруженіями Соломонова храма. Второе относится къ общему плану *крыльца, пропилей, шестиугольнаго двора и двухъ храмовъ*, окруженныхъ дворомъ. По всей вѣроятности, если большой храмъ, субструкція и частью стѣны были сооружены около временъ Антонина Пія, то весь планъ былъ выполненъ уже въ III вѣкѣ по Р. Х. Во всякомъ случаѣ уже, Фраубергерь обратилъ вниманіе на близкое сродство этого плана (см. приложенную въ концѣ книги реставрацію) съ христіанскимъ храмомъ и считаетъ «вѣрнымъ, что эта планировка Баальбека должна была имѣть большое значеніе для основной формы христіанскаго храма и можетъ быть разсматриваема, какъ прямой его образецъ».

Мы настолько согласны съ этимъ, что уже во введеніи намѣренно помѣстили описаніе базилики въ Тирѣ, которая была возведена, явно, по образцу въ родѣ Геліополитанскаго акрополя, а затѣмъ укажемъ въ своемъ мѣстѣ и соотношеніе храма Гроба Господня.

Грандіозная христіанская базилика Геліополя была сооружена при Константинѣ Великомъ, повидимому, исключительно изъ матеріаловъ (или руинъ?) большаго храма.

Евсевій въ «Жизни Константина III», гл. 58 передаетъ съ достаточною точностью, что именно Константинъ обратилъ вниманіе на беззавещенное служеніе Венерѣ въ финикійскомъ Геліополѣ и, воспретивъ этотъ культъ, написалъ увѣщаніе жителямъ, а къ добрымъ словамъ приложилъ и благое дѣло: «соорудивъ тамъ молитвенный домъ (и) — громадную церковь».

Въ текстѣ, повидимому, испорченный риторскій оборотъ: *οἶκον εὐκτήριον ἐκκλησίαν τε μέγιστον*, гдѣ частица *τε* или вставлена копистомъ, или, изъ особой щеголеватости ритора, прибавлена для усиленія противоположенія храму Венеры дома молитвы и собранія вѣрующихъ. Поправка, предлагае-

мая въ изд. Migne: νεὼν τε μέγιστον — произвольна. Книга одного греческаго географа, писанная въ Александріи или Антиохіи между 350 и 353 г. (изд. въ *Geographi Graeci minores II*, стр. 302, повторяетъ старину объ языческомъ служеніи Венерѣ въ Геліополѣ и еще будто бы тамъ дѣйствующихъ оракулахъ. Моисей Хоренскій (пер. Эмипа, III, 3) сообщаетъ, что именно Θεοδόσιος (младшій) обратилъ въ церковь языческій храмъ въ городѣ Геліоса, «великій и пресловутый храмъ Ливана — Τρίλιθον» — по всей вѣроятности, извѣстіе, относящееся къ храму Юпитера.

Хронографія Іоанна Малалы (lib. XIII, ed. Bonn. pag. 344—345) сообщаетъ это свѣдѣніе въ слѣдующихъ положительныхъ словахъ: τοὺς δὲ ναοὺς πάντας τῶν Ἑλλήνων κατέστρεψεν ἕως ἐδάφους ὁ αὐτὸς Θεοδόσιος βασιλεύς; κατέλυσε δὲ καὶ τὸ ἱερόν Ἡλίου πόλεως τὸ μέγα καὶ περιβόητον τὸ λεγόμενον Τρίλιθον καὶ ἐποίησεν αὐτὸ ἐκκλησίαν χριστιανοῖς. Историкъ Созоменъ VII, 15 упоминаетъ о храмѣ по поводу извѣстій объ упорныхъ язычникахъ защищавшихъ свои храмы (въ концѣ IV в.): εἰσέτι δὲ κατὰ πόλεις τινὰς προθύμως ὑπερεμάχοντο τῶν ναῶν οἱ Ἑλληνισταί: ...παρὰ δὲ Φοίνιξιν οἱ τὴν Ἡλιοῦ πόλιν οἰκοῦντες, и врядъ ли это только фраза, такъ какъ упомянутые рядомъ храмы Газы, Петры и пр., дѣйствительно, долго сохраняли культъ. Пасхальная Хроника (р. 561 ed. Bonn.) повторяетъ извѣстіе почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ.

Въ настоящее время базилика едва обозначается на поверхности земли стѣнами не выше 1—1½ арш., полукругомъ абсиды на западѣ и четырьмя громадными столбами въ срединѣ, быть можетъ, назначавшимися для покрытия сводомъ хотя бы боковыхъ нефовъ, если не средняго, который имѣетъ около 20 метр. ширины. Указанные столбы могли, впрочемъ, и не поддерживать сводовъ, такъ какъ ихъ верхнія, выдвинутая гуськомъ на высотѣ немного болѣе человѣческаго роста, плита могла быть взята лишь въ качествѣ готоваго и удобнаго матеріала для столба изъ храмовыхъ субструкцій. Правда, своды гауранскихъ и заіорданскихъ зданій, а также базилика Константина въ Римѣ поражаютъ своею отчаянною смѣлостью и широтою, а, при отсутствіи дерева, громадное зданіе и не могло быть покрыто иначе, чѣмъ сводомъ.

Такимъ образомъ, эта колоссальная руина представляетъ пока единственный, предполагаемый образецъ крытой сводомъ базилики Константинова времени, мало вознаграждающей исчезновеніе памятниковъ его архитектуры. Безъ раскопокъ, однако, нельзя рѣшить, какъ глубоко погребенъ подъ мусоромъ и руинами уровень пола базилики. Но можно быть увѣреннымъ, что и послѣ раскопокъ останется вопросомъ, загадкою: куда дѣвались стѣны, своды, гдѣ колоннады, гдѣ вся масса камней, долженствующая образовывать горы мусора? Вопросъ этотъ представляется потому, что языче-

скія зданія уцѣлѣли, сравнительно, гораздо лучше: единственное объясненіе, приходящее на умъ, заключается отчасти въ самомъ характерѣ большинства христіанскихъ базиликъ Сиріи, которыхъ постройка обыкновенно отличается поспѣшностью, вмѣстѣ съ тѣмъ, небрежностью и крайнею бѣдностью украшеній. Ихъ строили уже обѣднѣвшія городскія общины, но, по приказу императоровъ и правителей, подъ давленіемъ фанатическихъ монаховъ, наскоро и изъ готоваго матеріала, какъ привелось, безъ притески; землетрясенія быстро разваливали эти наскоро сложенные стѣны базиликъ, а арабы легко разбирали руины, подчиняясь отчасти фанатизму, отчасти нуждѣ, такъ какъ не могли управиться съ римскою кладкою языческихъ зданій. Такъ христіанскія эмблемы — кресты и монограммы оказываются стесанными на дверныхъ косякахъ этой базилики, тогда какъ въ храмѣ Юпитера, подъ базой полуколонны на южной сторонѣ, на пьедесталѣ, недавно отрытомъ изъ подъ руинъ, сохранился высѣченный крестъ, показывающій, что этотъ храмъ, какъ уцѣлѣвшій, былъ позднѣе (при Θεодосіи Младшемъ?) обращенъ въ церковь, тогда какъ большой храмъ уже при Константинѣ былъ руиною.

Мы выѣхали изъ Баальбека на югъ къ *Якфуфу*, держась все время желобовъ съ кристальною струею водъ, источникъ которыхъ бьетъ въ Баальбекѣ. Половина дороги идетъ по обнаженнымъ каменистымъ холмамъ, на которыхъ бродятъ стада, все спускаясь. Въ ущельи, у горной рѣчки стоятъ деревушка Якфуфа. Отъ нея, по горнымъ кручамъ, спустились въ долину дер. Сургайя, лежащую на высотѣ 4500 фут., узкую, тѣсную, но безконечно длинную. Въ этой тѣсинѣ днемъ было жарко и душно, при насъ 38° Р., а ночью температура упала до 7°.

Изъ Сургайи мы пошли прямо на югъ по той же узкой котловинѣ, вдоль ручья и пояса садовъ, тѣснящихся къ водѣ. На высотѣ 4800 фут. достигаемъ перевала и водораздѣла; наверху каменисто и прохладно. Слѣва показывается полоска зелени, по новой рѣчкѣ, текущей на югъ въ Бараду и провожающей насъ до *Зебедаи*, деревни, среди роскошныхъ плодовыхъ садовъ, состоящей изъ двухъ расселившихся по сторонамъ рѣки населеній: христіанскаго и мусульманскаго. Отчаянная дорога, насыпанная сплошь глыбами, сваливаемыми на дорогу изъ всѣхъ садовъ, ведетъ черезъ деревню версты четыре. Далѣе ручей становится уже горнымъ потокомъ, и соединившись съ Барадою, мощными струями несущейся изъ подъ горъ, образуетъ рѣку, шумную, пѣнистую и веселую. Котловина раскрывается, и повернувъ налѣво, мы идемъ по восхитительнымъ мѣстамъ, столь же плодороднымъ, сколько красивымъ; здѣсь и водопады, и быстрины кристальныхъ водъ, мѣняющихъ цвѣта синьки и бирюзы, и бѣшеная скачка воды, по порожистымъ мѣстамъ, напоминающая Терекъ. Потокъ переносится черезъ гряды скалъ, имъ до гола обнаженныхъ въ ущельяхъ, но непроницаемыхъ

гуши тополей и тростника, полосой въ три, четыре сажени, скрываетъ густымъ мракомъ несущуюся вверху рѣку. Дорога, вѣрнѣе — тропинка, вьется по розсыпямъ камней, и мѣловая почва такъ разбита здѣсь даже верховою ѣздою, что путь каравана обозначается тучей пыли, долго и густо носящейся послѣ его прохода. Невольно, смотря на эти благодатныя мѣста, вспоминаешь, какъ высоко стояла здѣсь культура въ древности и какъ давно уже эти мѣста ожидаютъ ея воскресенія.

Мы приходимъ въ мѣсто называемое *Сукъ-уади-Барада*, въ древности *Абила* (Abila), донинѣ славящееся своимъ плодородіемъ. Здѣсь еще сохранился римскій мостъ, устроенный въ ущельѣ, напоминающемъ по дикой красотѣ стѣнъ нашъ Дарьяль. Тѣснина расходится, отходитъ влѣво, и въ стѣнѣ видно много пещеръ, иногда поясами или этажами, иныя украшенныя архитектурною раздѣлкою, даже рельефами, уже не узнаваемыми; ущельвшій водопроводъ понинѣ струитъ кристаллыя воды горнаго источника. По обѣ стороны стѣны желтыхъ и сѣрыхъ скалъ, мѣстами покрытыхъ мохомъ, иззубренныхъ водами, раздѣланы гладкими плоскостями и унизаны поясами пещеръ. Арабскій мостъ ведетъ еще на гору, гдѣ въ скалѣ высѣчена глубокая канава водопровода и широкою траншеею шла римская дорога, здѣсь на высотѣ гордо обозначенная двумя пышными надписями въ честь Антонина и Вера, строителя дороги¹⁾. Возлѣ самой надписи внезапный обрывъ дороги и всей скалы въ бездну, — не достаеъ бывшаго здѣсь гигантскаго римскаго моста. Мы посѣтили пещеры, гдѣ было возможно, видѣли одинъ барельефъ сидящей фигуры, изуродованной до полной неразличимости.

Изъ Абила три часа пути по пыльнымъ тропамъ известковыхъ холмовъ до *Аин-Фидже* (фот. и планъ Нимфея №№ 60—62), знаменитаго мѣстечка, гдѣ, среди густыхъ зарослей деревьевъ и тростника, вырывается изъ подъ земли, съ большимъ шумомъ, могучій источникъ. У самаго жерла кипящей воды, столь обильной, что уже отсюда она течетъ горнымъ потокомъ, была во времена римлянъ сооружена декоративная плита (вѣрнѣе, четырехугольная экседра) Нимфеона, на половину разобраннаго для деревенскихъ нуждъ. Когда вновь эти мѣста станутъ цѣлью горныхъ экскурсій, чего онѣ вполнѣ заслуживаютъ, то конечно, Аин-Фидже будетъ служить приваломъ, и легкое швейцарское chalet поставится рядомъ съ монументальною кладкою римлянъ.

Дорога изъ Аин-Фидже въ Дамаскъ идетъ по обнаженнымъ безводнымъ горамъ, въ сторонѣ отъ Барады, которую мы вновь встрѣчаемъ уже въ *Думмаръ*, въ видѣ тихо и полно текущей рѣки. Весь дальнѣйшій путь, на три часа времени, идетъ среди скалистыхъ ущелій, постепенно спускаю-

1) Clermont-Ganneau, *Recueil d'archéologie orient.* II, 1898; *Inscriptions romaines d'Abila de Lysanias*, p. 35—43. Фот. 58—59 а.

щихся къ Дамаску. На послѣднихъ 8 верстахъ эти скалы образуютъ чудные и причудливые виды по берегамъ рѣки. Съ высотъ скалъ бѣгутъ ручьи, каплютъ источники и воды, проведенныя въ верхніе сады удаляющихся сюда на лѣто богачей Дамаска.

Самый Дамаскъ производитъ на путешественника чарующее впечатлѣніе богатствомъ садовъ, красотою своихъ крытыхъ громаднхъ базаровъ, причудливыми дворяками мусульманскихъ домовъ, небывалою оживленностью городской жизни и средневѣковымъ, своеобразнымъ бытомъ города, еще заключеннаго въ предѣлахъ стѣнъ. Однако, отъ древняго города сохранилось крайне мало: стѣны, направленіе главныхъ улицъ, особенно «срединой» — черезъ весь городъ, по памятники еще погребены подъ мусоромъ и мусульманскимъ городомъ. Главными пунктами археологическихъ занятій, если не считать натріархіи, гдѣ списали нѣсколько надписей, перевезенныхъ сюда изъ Эзры или тамъ скопированныхъ, оказывались знаменитая *мечеть Омміадовъ*, доселѣ главная мечеть Дамаска и *мечеть Эль-Даширъ*. Занятія первою сопровождались рядомъ большихъ и мелкихъ детальнхъ фотографическихъ снимковъ, которые нынѣ, послѣ страшнаго пожара, разрушившаго значительную часть мечети спустя нѣсколько лѣтъ послѣ нашего посѣщенія, получили значеніе своего рода документальное.

Мечеть Омміадовъ, или «большая мечеть» существуетъ на мѣстѣ прежней христіанской базилики, освященной во имя Іоанна Крестителя при имп. Θεодосіи Великомъ и Аркадіи, и въ свою очередь, превращенной въ церковь изъ большого языческаго храма, неизвѣстнаго времени происхожденія. По свидѣтельству Аркульфа, около 670 г. базилика еще принадлежала христіанамъ, и мечеть Сарацыновъ помѣщалась въ другомъ мѣстѣ. Въ эпоху завоеванія арабами базилика была сначала подѣлена между христіанами и мусульманами, но скоро перешла въ руки послѣднихъ, какъ рассказываетъ Евтихій (II, 374, 380)¹⁾. Валидъ ибнъ Мелекъ, ставшій халифомъ въ 705 г., отпаялъ церковь у христіанъ и, употребивъ громадныя средства, построилъ колоссальную мечеть и съ большою пышностью отдѣлалъ ее мраморами, мозаиками, бронзовыми дверями и пр. Таковы немногосложныя извѣстія о памятникѣ, играющемъ роль въ исламѣ столь же видную, какъ и храмъ Св. Петра въ Римѣ! Къ несчастію, извѣстія наши о древне-христіанской базиликѣ еще болѣе скудны, и потому мы должны ограничиваться исключительно собственными наблюденіями.

1) Clermont-Ganneau, *Rec. d'arch. or.* II, 1898, p. 330. Наши снимки мечети исполнены въ большомъ размѣрѣ и съ достаточною полнотою: 217 — древне-христіанскія стѣны мечети съ западной стороны, 218 — сѣверный порталъ, 219 — бронзовая дверь, 220, 221 (69 по 71 каталога) — двери; 222 — внутренность мечети, 224, 225 — мозаики на внутренней стѣнѣ сѣвернаго портала; 226—230 (или 78, 79) — боковые порталы и ихъ мозаики, 231 — римская триумфальная арка входнаго портика, видная съ запада.

По этимъ наблюденіямъ оказывается, что всѣ мечты¹⁾ открыть въ мечети планъ древней христіанской постройки напрасны. Мечеть Оммадовъ со всѣми тремя нефами молитвеннаго дома, со всѣмъ дворомъ, колоннадами вокругъ двора, всѣми воротами или монументальными входами, стѣнами вокругъ, купольною постройкой надъ главою І. Предтечи, будто бы тамъ сохраняемую, и т. д. *есть совершенно цѣльное мусульманское зданіе*, котораго строители только воспользовались прежними матеріалами, но построили все вновь, по новому плану. Этотъ новый планъ по существу мусульманскій (французскіе археологи считаютъ всю мечеть, подобно мечети Эль-Акса, очевидною церковью, въ которой измѣнено только направленіе)²⁾ и повторенъ, начиная съ мечети Омара въ старомъ Каирѣ, во всѣхъ главныхъ мечетяхъ въ собственномъ смыслѣ слова. Очевидно, въ старину колоннады этой мечети были совершенно открыты во дворъ и только въ новѣйшее время забраны деревянными перегородками. Особенность этой мечети заключается лишь въ порталахъ: входномъ посреди и двухъ боковыхъ (таб. IV и V), а также въ своеобразномъ поперечномъ нефѣ, ведущемъ къ михрабу. Характерная смѣлость арокъ, опущенныхъ на колонны, широко разставленныхъ, отвѣчаетъ времени, но лишена изящества Омаровой мечети. Затѣмъ, пробивка стѣнъ главнаго нефа широкими арочными отверстиями—окнами, также мало краситъ зданіе и мало отвѣчаетъ крохотнымъ окнамъ въ наружныхъ стѣнахъ (см. таб. III). Мечеть обширна, громоздка, но не имѣетъ никакихъ архитектурныхъ достоинствъ и уродлива въ пропорціяхъ: уже судя по плану, это не христіанская базилика, а наскоро собранная мечеть. Но, конечно, архитектурныя формы и украшенія принадлежатъ не арабскому, но сирійскому, т. е. всетаки христіанскому и въ основѣ — греко-восточному искусству: таковы арки, куполь, облицовка стѣнъ внизу пестрыми мраморами и вверху мозаиками, хотя эти данныя не имѣютъ никакого отношенія къ самой древней базиликѣ.

Древняя колоссальная арка³⁾, видная надъ стѣнами базара, съ западной стороны мечети, въ разстояніи отъ нея около 60 фут., считается принадлежащею языческому храму, но служила пропилеями базилики, вмѣстѣ съ колоннадою, и понынѣ (колонны можно находить уже внутри лавокъ и перѣдко заложенными уже на половину) идущею отъ этой арки къ мечети. Равно и колонны мечети принято относить къ тому же языческому храму,

1) Однако, эти мечты выдаются за дѣйствительность всѣми гидами: Изамбера, Бедера и пр. Или говорятъ, что мечеть сохранила часть базиличной постройки, пригнѣвшейся по плану, или что даже вся распланировка базилики сохранена. Между тѣмъ, даже всѣ безъ исключенія колонны поставлены на мусульманскія базы, ради большей высоты и снабжены надъ капителями еще кубами въ пять арокъ.

2) См. Izambert, p. 641.

3) Рисунокъ у Зеппа, II, p. 363; фот. Dumas; фот. экспедиціи.

какъ и южную стѣну мечети, прекрасной римской кладки, съ арочными окнами, считать того же происхожденія. Напротивъ того, доселѣ очень мало указано остатковъ христіанской базилики: часть стѣны съ западной стороны мечети (фот. 217), косякъ съ греческою надписью о Царствѣ Христовомъ. Восточныя бронзовыя двери (обшитыя мѣдью) мечети, хотя имѣютъ изображеніе чаши, чисто арабскаго происхожденія, и чаша эта не имѣетъ ничего общаго съ потиромъ.

Конечно, всѣ опредѣленія состава мечети Омміадовъ пока представляютъ только болѣе или менѣе вѣроятныя догадки; отрицать можно лишь догадку тѣхъ путешественниковъ, которые принимали арку за триумфальную арку временъ первыхъ императоровъ, — что, пожалуй, безусловно ошибочно¹⁾. Дѣло въ томъ, что свидѣтельство Іоанна Малалы (кн. 13, стр. 344 и 345) о построеніи Θεодосіемъ церковей на мѣстѣ языческихъ храмовъ Баальбека и Дамаска легко можетъ быть обобщеніемъ, далеко не точнымъ. Дамаскъ развился особенно со временъ Филиппа Аравитянина, который сдѣлалъ его римскою колоніею, но до Константина не былъ еще особенно большимъ городомъ и только въ IV вѣкѣ заступилъ мѣсто Пальмиры. Итакъ, если, дѣйствительно, здѣсь есть остатки языческаго храма, то временъ Филиппа (244—249 гг.).

Затѣмъ, всякій, кто осмотритъ самую мечеть (таб. III) или теперь дастъ себѣ трудъ пересмотрѣть фотографіи, снятыя экспедиціею (217—222, 226—231), тотъ убѣдится, что всѣ колонны мечети Омміадовъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ, принадлежащихъ мусульманскому (позднѣйшему) типу (поставленныхъ возлѣ кувуклія съ главою І. Предтечи), какъ въ колоннадахъ самой мечети, такъ двора, всѣхъ порталовъ, до такъ называемой библіотеки (или сокровищницы — круглой, крытой куполомъ, наглухо закрытой — будто бы никогда не открывавшейся камеры, поставленной на колоннахъ) включительно, — всѣ тождественной работы, изъ одного мрамора, съ одинаковыми капителями и базами. Только колонны двора сдѣланы изъ гранита, но имѣютъ совершенно тѣже капители, и слѣдовательно могутъ происходить изъ атриума базилики. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, вся мечеть составлена изъ матеріаловъ древне-христіанской базилики, отъ колоннъ, ихъ капителей до самаго камня, употребленнаго на кладку, но, при этомъ все, кромѣ древней арки (которую мы считаемъ пропилеями базилики), переложено и переставлено по плану мечети. И потому всѣ рассказы о томъ, что халифъ строитель приказалъ собирать со всей Сиріи и свозить колонны для

1) Форма фронтона, сведеннаго аркою надъ среднимъ пролетомъ, и горизонтальнаго надъ прочими, принадлежитъ позднему времени и встрѣчается во дворцѣ Діоклетіана въ Спалато, см. Hauser, *Stillehre*, 1877, fig. 161, p. 118.

этой мечети, только обычное сочинение. Число колонн вполне идетъ къ большой базиликѣ съ обширнымъ атриумомъ, но слишкомъ велико даже для колоссальнаго языческаго храма, въ которомъ, сообразно съ эпохою, уже трудно было бы предположить двойную колоннаду вокругъ святилища, и, главное, трудно было бы помѣстить серію колоннъ изъ гранита.

Капители колоннъ коринтскаго стиля весьма близки къ формамъ, господствующимъ въ постройкахъ II—III вѣковъ въ Заиорданьѣ (Гераса и пр.), но уже значительно отошли отъ Баальбека. А именно: капитель здѣсь опоясана уже какъ бы въ три ряда акантовыми листьями, благодаря тому, что усики волютъ представляютъ собою пышный акантовый, хотя не развитый

Рис. 3. Дамаскъ. Гробница Малекъ Дагера. Сѣверная сторона.

вполнѣ листь, и такимъ образомъ, эти два полулиста, приходясь на одномъ уровнѣ съ угловымъ листомъ подъ волютою, составляютъ третій поясъ. Тоже самое, но въ окончательномъ типѣ мы найдемъ въ капителяхъ виолеемской базилики, и потому мы должны принять, что все капители (а стало быть, и главная масса монолитныхъ колоннъ) Оммадовой мечети хотя происходятъ изъ христіанской базилики, однако сами ранѣе времени Константина, когда была построена эта базилика, но близки къ этому времени, а потому, скорѣе всего, относятся къ постройкамъ Филиппа¹⁾. А такъ какъ мы указали уже причины, почему нельзя думать, чтобы колоссальное зданіе, разобранное для

1) Въ листьяхъ акантоа характерно также и то, что двѣ или три лопасти уперты въ острые кончики сосѣдняго листа, — особенность въ рисункѣ капителей IV и V вѣка, здѣсь еще только появляющаяся (см. ниже въ Босрѣ).

базилики, было храмомъ (о которомъ, къ тому же, вовсе не говорятъ историки), то гораздо естественнѣе принять, что матеріалъ этотъ происходитъ изъ разныхъ городскихъ построекъ, но одного времени происхожденія. Окончательное доказательство языческаго происхожденія всѣхъ крупныхъ матеріаловъ мечети представляетъ такъ называемая триумфальная арка пропилеевъ, которой капители тождественны со всѣми остальными въ мечети, а фронтоны украшены пышнымъ рѣзнымъ карнизомъ яснаго римскаго типа¹⁾.

Нарисованные длиннымъ вѣнечнымъ фризомъ по верхнему карнизу внутреннихъ стѣнъ мечети орнаменты представляютъ виды городовъ, предметы природы и растительности, и слѣдовательно должны напоминать тѣ

Рис. 4. Монастырь св. Оомы близъ Сейдная.

восточные подзоры, которые замѣняли собою прежнія окна и назначены были нѣкогда украшать собою ставни или жалюзи, прикрывавшія излишній свѣтъ. Вся декорація смѣшиваетъ восточныя декораціи съ римскими эмблемами, александрійскими ландшафтами и пр. Изображены напр. оливковое дерево и кипарисъ, а между ними разводы должны напоминать посадки винограда между деревъ въ садахъ. Замокъ или вила въ горномъ пейзажѣ съ

1) Акротеріальная сима раздѣлана такими же схематическими пальметками, какъ въ орнаментѣ Юпитерова храма въ Баальбекѣ; карнизъ раздѣланъ сухариками; подъ ними зубцы, овы и фризы съ выпуклымъ торомъ, раздѣланнымъ побѣгами съ розетками внутри (между розетками типичны тѣ, у которыхъ лепестки загнуты въ одну сторону), а посреди три акантовыя листа, изъ которыхъ два загнута по сторонамъ; далѣе архитравъ съ тѣнію, украшенною меандромъ, и два пояса жемчужниковъ.

куполами и шарами. Широколиственное дерево съ плодами въ искусственной обрѣзкѣ, съ причудливыми формами. Финиковая пальма. Смоковница, которой вѣтви сплетены между собою (вѣроятно, для лучшаго вызрѣванія плодовъ) и пр., въ такихъ формахъ, которыя даютъ наилучшее понятіе о садоводствѣ Персовъ, Грековъ, Византійцевъ и Сирійцевъ. Въ углахъ декоративныя консоли съ подпорками въ видѣ роговъ изобилія. Мѣстами фризъ представляетъ чаши съ плодами и кактусовыми вѣтками. Такія же чаши съ цвѣтами видѣются на колоннахъ окружающихъ виллы. Или же поле запято разводами аканѳовъ, какъ въ церкви Св. Виталія въ Равеннѣ.

Изъ прочихъ памятниковъ Дамаска насъ всего болѣе заинтересовала маленькая тюрбе (табл. IV и рис. 3) *Мелек'ед Дагеръ Вибарсъ* (1279 г.), своимъ внутреннимъ убранствомъ: облицовкою до сводовъ изъ пестрыхъ мраморовъ, хотя уже въ чисто арабскомъ пошибѣ, и перламутра, и поясомъ мозаикъ съ растеніями, разводами и декоративными предметами и видами по золотому полю¹⁾.

Здѣсь уже самые типы орнаментаціи явно подчинены позднѣйшему арабо-персидскому вкусу, и многія формы мы встрѣчаемъ уже въ Гренадѣ.

Я. И. Смирновъ посѣтилъ и изслѣдовалъ, со стороны памятниковъ древности, монастырь Св. Оумы близъ *Сейдная* (*Сейданая*, рис. 4).

1) Вотъ общій перечень снимковъ, только въ числѣ 10 попавшихъ на выставку: 92—100, 102—104; въ порядкѣ же снимковъ экспедиціи слѣдующій: 232, 233 — общій видъ внутренности мечети, бывшей гробницы, нынѣ библіотеки, 233—253 — мозаики фриза и люнетовъ мечети; 254—257 — рѣзба на облицовкѣ. Наконецъ въ Дамаскѣ намъ удалось снять 16 моментальныхъ малыхъ снимковъ (считая съ увеличеніями) съ извѣстной процессіи возвращенія каравана изъ Мекки со священными атрибутами 14-го сентября.

ГЛАВА II.

Путешествіе по Гаурану. Мусміе. Санаменъ. Эзра, ея церкви. Неджранъ. Шухба. Шахка, ея базилики. Эль-Хитъ. Кенаватъ и его памятники христіанства древнѣйшей эпохи. Развалины Сіаха и вопросъ о ихъ значеніи и времени происхожденія. Атиль. Суведа, ея базилика. Босра, языческіе и христіанскіе памятники.

Изъ Дамаска нашъ караванъ направился въ Гауранъ, сначала на югъ по дорогѣ хаджей, до Кессуэ, а отсюда на юго-востокъ черезъ село Дейръ-Али и Мерджане до *Мусміе*.

Отъ Кессуэ началась Леджа, древняя Трахонитида, съ черною лавою вмѣсто почвы, и глинистыми прослойками, на которыхъ шагнешь всюду, хотя бы это были крохотные клочки земли. Деревни въ затѣненныхъ деревьями логахъ представляются пролитыми чернилами. Мѣстами большія кучки камней, остатки военныхъ лагерей друзовъ, загоравшихся туркамъ доступъ въ Леджу и Гауранъ. Въ немногихъ мѣстахъ куски шоссе, предназначеннаго подвозить артиллерію, въ случаѣ новаго возстанія друзовъ. Мерджане стоятъ у высохшаго болотца. Отсюда поднялись и шли плоскогорьемъ, съ почвою солончаковъ, всюду потрескавшеюся, необычайно плодороднаго лѣса. Черезъ два часа хода показалась черная полоса громадныхъ кучъ лавы — это и было *Мусміе*.

Мусміе издревле представляло собою крупный постъ римской культуры на границѣ Трахонской земли — пынѣшней Леджи и въ настоящее время является укрѣпленнымъ, турецкимъ постомъ на ея сѣверной сторонѣ. Издали *Мусміе* казалось очень обширнымъ, такъ какъ оно, подобно всѣмъ гауранскимъ мѣстечкамъ и городамъ, занимаетъ длинный холмъ, подобный гребню

вулканической волны изъ черной лавы; между гребнями низины засыпаны, но очень не глубоко, красноватымъ, чрезвычайно плодороднымъ, тучомъ и битой лавою; поля густо покрыты ею и ясно свидѣтельствуютъ о плодородіи земли и небреженіи человѣка. Вблизи холмъ оказывается обширною площадью (см. фот. 281) безпорядочнаго мусора, то мелкаго какъ щебень — въ развалинахъ домовъ побѣднѣе и позднѣйшей кладки, то крупнаго, въ видѣ плитъ и блоковъ тесаной черной лавы. Видъ этихъ руинъ, изъ всѣхъ, наиболѣе печальный и мрачный: нигдѣ ни признака растительности, ни травы, ни даже полевыхъ лпій, которыя въ Сиріи растутъ въ самыхъ скудныхъ условіяхъ: всюду черныя кучи, стального цвѣта, съ слабыми признаками плѣсени на камняхъ, оживающей только по веснамъ. Тамъ, гдѣ руины образуютъ ямы, гнѣздятся бедуины въ черныхъ палаткахъ, и эту мрачную картину только усиливаетъ блестящая полоса свѣжепостроеннаго шоссе, которое идетъ по долинѣ къ городу и черезъ городъ доходитъ до казармы, построенной также только въ 1890 году, послѣ извѣстнаго недавняго возстанія друзовъ. Развалины города довольно обширны; въ немъ есть много замѣчательныхъ руинъ богатыхъ домовъ, въ два этажа, съ прекрасными сводами (см. фот. 282—283), но настолько заваленныхъ камнемъ, что и планы этихъ зданій, и даже ближайшее ихъ разслѣдованіе потребовали бы крайне затруднительной очистки отъ камня. Всѣ постройки, безусловно (кромѣ новой казармы), были исполнены до арабскаго завоеванія, и даже, какъ можно судить по отличной римской кладкѣ въ первые вѣка христіанской эры, а именно во II, III и IV вѣкахъ. Повидимому, уже VI и VII столѣтія были здѣсь настолько тревожны для жителей, и прочихъ поселенцевъ стало такъ мало, что врядъ ли много строилось вновь. Такъ, когда видишь на косякѣ двери грубо высѣченный еще въ древности крестъ, то очевидно, какъ рано (иногда уже въ V вѣкѣ) началось паденіе этихъ мѣстностей въ культурномъ отношеніи.

Мы занялись, главнымъ образомъ, осмотромъ домовъ, любопытныхъ чудною римскою кладкою, нижними входами, большими окнами верхнихъ этажей. Разслѣдованіе большой церкви, сложенной позднѣе и цѣликомъ изъ древняго матеріала, нерѣдко изуродованнаго для этой цѣли, показало, что эта церковь позднѣйшаго (для Гаурана) времени: такъ въ церкви бывшій косякъ съ рѣзными орнаментами сталъ пилестромъ, потолокъ настланъ изъ плитъ, украшенныхъ вышуклыми рѣзными меандрами, Геракловымъ узломъ и т. п. и составлявшими часть карниза и т. д.; все это взято изъ разобраннаго языческаго храма. Между тѣмъ именно эта церковь пинѣ¹⁾ приводится какъ древнѣйшій (даже II вѣка!) образецъ зданія крестообразнаго и покры-

1) Съ особымъ удареніемъ въ соч. Ригля, *Stilfragen*, 1893, стр. 273.

таго въ срединѣ сводомъ — дѣло совершенно невѣроятное ранѣе VI столѣтія.

Изъ Мусміе, огибая Леджу съ сѣвера, мы прошли черезъ *Басимъ* въ *Санаменъ* (*Санамейнъ* др. Аеге), первую мѣстность Гаурана, увлекающую своими древностями: такъ изъясны остатки колоннады или портика языческаго (фот. 294) храма, встрѣчающаго путешественниковъ возлѣ лагеря (для котораго всегда выбирается одно и тоже мѣсто въ срединѣ города), такъ

Рис. 5. Санаменъ. Башня на сѣв. краю деревни.

замѣчательнѣе далѣе (фот. 284—289), по ту сторону глубокаго водоема, по архитектурнымъ деталямъ храмъ («Благому Счастью») ¹⁾, съ извѣстною надписью Діодора и лампадоромъ окруженный еще 4 стѣнами, рядъ сохранившихся прекрасныхъ башенъ (фот. 299), такъ много здѣсь замѣчательно сохранившихся домовъ (фот. 290—292) и такъ богаты эти руины надписями, правда, извѣстными издавна, но обѣщающими еще болѣе обильныя находки тому, кто произведетъ здѣсь раскопки (см. планы 123—124).

Сначала видишь большое строеніе, видимо, храма, изъ базальта, съ высокимъ арочнымъ входомъ, все внутри засыпанное до верху камнями, поверхъ которыхъ виденъ только антаблементъ

на двухъ коринтскихъ колонкахъ. Около зданія глубокій водоемъ-цистерна, великолѣпно обложенная, но нынѣ раскрытая и за нею четырехугольное же зданіе (рис. 6) храма «Благого Счастья», съ колонками на южной сторонѣ и полуколонками, изъ которыхъ на мѣстѣ остались только двѣ съ обѣихъ сторонъ. Далѣе древнее зданіе съ ротондою; домъ, любопытный по своимъ рѣзнымъ и ажурнымъ плитамъ, закрывающимъ окна; богатый домъ съ тремя

1) Культъ «Благого Счастья» *Тѹχη* былъ распространенъ въ Гауранѣ, и святилища его, называвшіяся *Тѹχα* — *Бейт Гада*, на вершинахъ холмовъ, были нерѣдки. Clermont Ganneau, *Rec. d'arch. or. III*, 1900, p. 81.

варіантами оконныхъ отверстій и ажурныхъ плитъ, въ нихъ вставленныхъ. Войдя внутрь этого дома черезъ низкую дверь, попадаешь черезъ портикъ на открытый дворъ, котораго одна сторона раздѣлана портикомъ изъ трехъ колоннъ, и въ ней устроена лѣстница въ верхній этажъ, другія двѣ содержатъ служебныя помѣщенія, съ возвышенными террасами наверху, а по четвертой помѣщенъ главный корпусъ дома, съ тремя входами внизу; находящаяся на домѣ надпись гласитъ, что онъ построенъ въ десятый годъ правленія Адріана.

Портики, окружавшіе храмъ «Благого Счастія», исчезли, и уцѣлѣли отъ нихъ только части колоннады и ряды базъ; равно разрушенъ, взрытъ и разобранъ плитняковый помостъ передъ храмомъ. Лицевая стѣна (рис. 6)

Рис. 6. Санамень. Храмъ Счастія.

храма была переложена арабами, имѣетъ три двери, но средній большой порталъ заложенъ грубо разными кусками, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ косякамъ главнаго и боковыхъ порталовъ, а другіе декоративной облицовкѣ фасада полуколонками. И потому, когда войдешь черезъ правую, еще открытую дверь, внутрь храника (табл. VII), изищество сохранившейся внутреннейности и начального устройства поражаетъ васъ тѣмъ болѣе, что посреди храма перекинута еще въ древности прекрасно и смѣло сложенная свободная арка, и что нѣкоторая часть стѣны грубо заложена кусками, а величавая и глубокая ниша храма закрыта безобразною каменною закладкою (для образованія абсиды алтаря). Тѣмъ изищнѣе кажутся на этомъ грубомъ фонѣ (см. фот. 288 и 289) части древней римской стѣны съ тонко выточенными и тща-

тельно пригнанными плитами, куски карниза съ меандрами, декоративныя колонки, поддерживающія этотъ карнизъ, и четырехугольныя углубленія экседры. Рисунокъ капителей близко напоминаетъ колонны Оммадовой мечети, и орнаментъ карниза и косяковъ фасада отличается уже сухою схематичностью, что легко объясняется и временемъ, такъ какъ храмы Санамена относятся ко временамъ Севера (222—235 гг.). Въ храмикѣ десять надписей, изъ которыхъ четыре повторяютъ одну и ту же надпись ламнадифоровъ.

Вокругъ развалинъ, и даже возлѣ водоема свалены кучи большихъ тесаныхъ плитъ, и въ стѣнкѣ, ограждающей по близости чье то гумно, оказались заложеными: рельефъ съ грубѣйшимъ изображеніемъ двухъ воиновъ и женской фигуры (фот. 296), отбитая отъ статуи голова (фот. 296) и большой фрагментъ христіанскаго карниза, очевидно, изъ разобраннаго погребальнаго памятника, съ грубымъ изображеніемъ геніевъ и умершихъ (фот. 295) по грудь въ трехъ медальонахъ. Рельефъ относится къ V—VI стол. и представляетъ работу простого каменотеса; однако, и въ немъ есть интересныя подробности вѣнковъ или вѣнцовъ, кругомъ обрамляющихъ бюсты, и изображенія двухъ ангеловъ геніевъ съ рогомъ изобилія и гроздью въ рукахъ — очевидно, представленіе райскаго блаженства.

Башня (фот. 299, рис. 5), стоящая по близости, лишена всякихъ украшеній, хотя сохранила всѣ три этажа, но въ сосѣдней башнѣ мы нашли на западной (фот. 300) стѣнѣ высѣченный рельефъ съ изображеніемъ въ декоративныхъ пинахъ семи алтарей огня (посвященныхъ 7 планетамъ?) съ двумя фенгіями — знаками луны по сторонамъ; въ прилѣпившихся къ башнѣ домахъ встрѣтились, далѣе, рельефная фигура по грудь, подъ окномъ одного дома плита съ двумя (фот. 301) фазанами, пьющими изъ чаши.

На югъ отъ этой башни есть небольшая древняя церковь, съ воротами, украшенными крестомъ посреди двухъ розетокъ и собранными изъ античныхъ орнаментированныхъ кусковъ; одинъ косякъ, орнаментированный въ мѣстномъ вкусѣ каменотесомъ: посреди вѣнокъ славы, котораго концы связапы геракловымъ узломъ, а изъ него въ обѣ стороны идутъ побѣги винограда съ гроздьями (фот. 302), плита съ двумя голубями. Во дворѣ дома алтарикъ съ горельефною фигурою и Атисомъ въ колпакѣ. Наконецъ, на краю города имѣется башня, отличной римской кладки (фот. 297), но съ выпусками, которые принято считать древне-еврейскими, и балкономъ. Здѣсь одна старуха вызвалась показать надпись, и пойдя за нею въ домъ, мы нашли внизу, въ ходѣ къ сараю заложенную замѣчательную плиту, снятую съ башни (перистеріона) съ надписью временъ имп. Константія. Кругомъ башни нѣсколько древнихъ домовъ, съ декоративными оконными плитами и колоннадами или портиками во дворахъ. Изъ Санамена трехчасовымъ переходомъ мы прибыли въ *Эзру*.

Развалины Эзры обширны; онѣ частію заняты и теперь довольно многочисленнымъ населеніемъ и потому возстановлены или, вѣрнѣе, приспособлены къ убогимъ нуждамъ осѣдлаго араба, а въ настоящее время друза. На первый взглядъ бросаются въ глаза множество огороженныхъ гумень, блестящихъ на солнцѣ яркою половою, но рѣзкій контрастъ этихъ желтыхъ дворовъ и ихъ черныхъ оградъ изъ лавы и самыхъ черныхъ домовъ, безъ малѣйшаго слѣда растительности, создаетъ картину унылую и мертвенную. Островерхій коническій куполь главнаго собора (православной церкви во имя Св. Георгія) (фот. 303), мѣстами черный, мѣстами оштукатуренный, бросается въ глаза отовсюду (зданіе съ этимъ куполомъ напоминаетъ города средней Азіи), и потому мы съ особымъ интересомъ открыли, впоследствии, что этотъ пресловутый куполь (хотя не возбуждавшій доселѣ замѣчаній историковъ архитектуры, охотно видѣвшихъ въ немъ древнѣйшій образецъ византійскаго купола) лишь въ нижнихъ частяхъ принадлежитъ древнему зданію и, очевидно, перестроенъ въ позднѣйшее время и не особенно удачно.

Мы начали осмотръ города именно съ этой церкви: ея наружность въ видѣ четырехугольнаго, продолговатаго корпуса, отличной кладки, по римски, изъ притесанныхъ плитъ, но безусловно и цѣлкомъ — христіанской постройки, такъ какъ всѣ косяки принадлежатъ той же кладкѣ и украшены крестами, а западныя врата извѣстною надписью, гласящею, что церковь сооружена на мѣстѣ «стоянки» (*καταχώριον*) демоновъ, какъ «достойное лицезрѣнія» зданіе, усердіемъ протевона Іоанна, удостоившагося видѣнія Св. мученика Георгія и положившаго въ храмъ его святыя мощи, въ 511 году по Р. Х. Надпись ясно говоритъ о полной постройкѣ церкви, и никакъ не можетъ толковаться въ томъ смыслѣ, что языческій храмъ, хотя бы лежавшій въ развалинахъ, былъ здѣсь превращенъ въ христіанскую церковь. Но, для сооруженія церкви, были использованы куски разобраннаго древняго языческаго храма, который, въ видѣ большихъ мраморныхъ плитъ (изъ нихъ одна съ надписью, называющею бога Θεандрита, почитавшагося въ этомъ храмѣ), лежатъ понынѣ перевернутыми, въ видѣ настилки алтарной солеи и помѣщены въ стѣнахъ христіанскаго зданія. Это зданіе, построенное въ 511 году и, цѣлкомъ, отъ основанія до сводовъ купола сохранившееся, хотя въ крайне запущенномъ видѣ, есть самая любопытная христіанская постройка въ Сиріи. Если зданіе имѣетъ снаружи видъ четырехугольника, римскаго типа съ античными дверями (фот. 304 — видъ боковой двери съ гробницею на южной сторонѣ), то внутренность его (фот. 305, табл. VIII) представляетъ новый типъ круглаго (или какъ часто, не очень неудачно, называютъ въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ — *Centralbauten*) сооруженія, устроеннаго въ квадратѣ помощью экседръ или нишъ по четыремъ

угламъ¹⁾. Къ сожалѣнію, экседры эти оказались или заваленными камнями, а одна (діаконикъ, экседра справа отъ алтаря) превращена въ общую усыпальницу (?) и наполнена костями и, такимъ образомъ, осмотрѣть внутренность всѣхъ экседръ оказалось нельзя. Затѣмъ, самое важное въ архитектурѣ собора — поясъ арокъ на столбахъ, окружающихъ внутренній или главный нефъ, устройство хоровъ (потолокъ по гауранскому способу изъ тонкихъ плитъ) и большой алтарный выступъ, снаружи образующій шестиугольникъ, внутри круглую абсиду.

Арабская передѣлка (но не мусульманская, такъ какъ, повидимому, эта церковь никогда не была обращена въ мечеть) окончательно обезобразила древнее зданіе: весь куполь отъ барабана, какъ сказано, позднѣйшаго времени и представляетъ грубо смазанную коническую шапку, которую въ настоящее время вновь приходится чинить, такъ какъ она угрожаетъ паденіемъ, и въ бытность нашу своды были наполнены лѣсами. Переложена почему то до половины абсида, и алтарь (фот. 305, табл. VIII) устроенъ впереди нея, съ выступающей солеею; ея полъ собранъ изъ старыхъ кусковъ мрамора, а ея балюстрада изъ мраморныхъ столбиковъ, близко напоминающихъ византійскія преграды X—XII вѣковъ.

Исслѣдователи Востока и Византіи²⁾ уже давно согласны въ томъ крупномъ положеніи, что родину купольной византійской церкви должно искать въ Персіи, тамъ, гдѣ громадныя дворцы Фиррузъ-Абада и Сарвистана представляютъ самыя замѣчательныя памятники съ яйцеобразными куполами и колоссальными арочными порталами на фасадахъ. Доселѣ, со временъ Коста и Фландена, никто не сомнѣвался въ принадлежности дворцовъ эпохъ Сасанидовъ, вмѣстѣ съ руинами дворца въ Ктезифонѣ, и только въ недавнее время извѣстный изслѣдователь Сузы Дьёлафуа³⁾ сдѣлалъ свое странное предположеніе, что эти дворцы современны руинамъ Персеполя, и представляли, во времена Ахеменидовъ, національную архитектуру Персовъ, тогда какъ дворцы Персеполя и Сузъ составляютъ будто бы чужеземное искусство греческихъ и египетскихъ мастеровъ, введенное на время капризомъ персидскихъ царей. Въ этой гипотезѣ, составляющей сплошную натяжку фактовъ, забыто, явно, все фактическое: отношеніе памятниковъ персидской скульптуры къ архитектурѣ древнихъ персидскихъ дворцовъ, доказательства національности ихъ монументальнаго искусства мелкою художественною промышленностью и т. д. Но, по счастью, эта гипотеза сразу не нашла себѣ сочувствія, несмотря на свою обольстительную наружность: причина этого въ

1) См. планъ Voguë.

2) Мнѣніе это вновь подробнѣе развито въ изв. соч. *Auguste Choisy, L'Art de bâtir chez les Byzantins*. 1882.

3) *Dieulafoy, L'Art antique de la Perse, IV, Monuments voutés de l'époque achéménide*.

ясномъ отношеніи сассанидскихъ дворцовъ къ современнымъ византійскимъ постройкамъ, римскимъ образцамъ и ближайшей архитектурѣ арабовъ. Тоже ясное соотношеніе мы укажемъ впослѣдствіи къ дворцу цитадели Раббатъ-Аммана въ Заіорданской области и къ церкви Эзры. Здѣсь не мѣсто было бы анализировать, путемъ сравненія констукціи и деталей, общее родство въ архитектурныхъ принципахъ сассанидскихъ дворцовъ и этой церкви, тѣмъ болѣе, что это родство также бросается въ глаза, какъ ея формы среди руинъ Гаурана, также поражаетъ, какъ дворецъ Аммана возлѣ его римскихъ театровъ и портиковъ. Но въ этой темной области греко-восточной и византійской архитектуры, церковь Эзра, съ ея причудливымъ яйцеобразнымъ куполомъ, имѣетъ дѣйствительный интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя мы не знаемъ пока точнаго времени¹⁾ упомянутыхъ сассанидскихъ дворцовъ, но уже, по конструктивнымъ даннымъ, можемъ утверждать, что они по времени близки къ церкви, и что эта послѣдняя, въ силу заветныхъ традицій Гаурана, сохранивъ еще римскую констукцію, является, въ своемъ родѣ, отсталымъ явленіемъ. А именно, задача покрытія куполомъ квадратнаго пространства разрѣшается еще здѣсь путемъ цѣлаго ряда приспособленныхъ переходовъ, тогда какъ въ дворцахъ сассанидскихъ царей это дѣлается уже гораздо проще, зданіе, дѣйствительно, облегчается также, какъ если бы куполь устраивался на кругломъ основаніи. Правда, это несовершенство церкви зависитъ отъ ея матеріала — гауранскаго, довольно крѣпкаго камня, который трудно готовить кубиками, но также, повидимому, и отъ неумѣнія цѣлкомъ вынолнить персидскій способъ. По всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ и даннымъ, мы можемъ, однако, догадываться, что самый куполь Эзры былъ исполненъ именно персидскими мастерами, какъ и весь дворецъ Аммана съ его рѣзбою. Повидимому, и вообще купольныя постройки принадлежатъ Персіи, равно какъ и строители собора въ Эзрѣ, пожелавъ создать нѣчто лучшее, чѣмъ обыкновенную базилику, въ архитектурномъ отношеніи, обратились не къ грекамъ, которые уже строили купола въ это время, а къ Персамъ, которые тогда являлись представителями этой архитектуры и, вѣроятно, исполняли подобную задачу дешевле другихъ и лучше.

Стало быть, главная задача византійской архитектуры, заключающаяся въ соединеніи купольнаго свода съ большимъ четырехугольнымъ простран-

1) Совершенно произвольная догадка въ соч. *Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité*, V, pag. 588, что эти дворцы принадлежатъ пароянской эпохѣ, объясняется тѣмъ, что иначе нельзя было бы мотивировать ихъ помѣщенія въ *Исторіи древняго искусства*. Никакого анализа ихъ архитектуры здѣсь, конечно, не дано, и издатели все время заняты опроверженіемъ теоріи Дѣлафуа. Но когда они говорятъ о подражательномъ сассанидскомъ искусствѣ, слѣдуетъ разумѣть тоже самое, но о времени Пароянъ. Къ соблазну многихъ, сочиненіе Перро вообще мало разборчиво въ хронологіи памятниковъ и не отводитъ должное мѣсто анализу стилей и времени — первому и главному дѣлу въ археологіи.

ствомъ и такъ блистательно выполненная въ Св. Софїи Константинопольской, уже была задачею персовъ и исполнялась ими, задолго до Византіи, различными способами въ многочисленныхъ дворцахъ царей и сатраповъ, какъ въ собственной Персіи, такъ и въ завоеванныхъ ими странахъ передней Азіи.

Другая церковь Эзры во имя Св. Іліи (табл. IX) замѣчательна только своимъ отлично сохранившимся монументальнымъ фасадомъ, напоминающимъ фасады базиликъ въ Кенаварѣ и Суведѣ, хотя врядъ ли христіанскаго происхожденія. Но этотъ фасадъ приходится сбоку теперешней церкви, а войдя въ ея главные двери, находишься среди развалинъ, кое-какъ приспособленныхъ для крайне неприхотливыхъ требованій религіознаго богослуженія арабовъ (фот. 308) и интересныхъ для археологій только по надписямъ (фот. 309).

Дорога отъ Эзры до Неджрана шла сначала на Босръ-ель-Гарири, гдѣ мы встрѣтили новопостроенныя большія казармы и мечеть: поселеніе представилось, однако, въ состояніи крайняго запущенія, и никакихъ любопытныхъ развалинъ мы не нашли. Отсюда мы шли по берегу маленькаго канала на Анъ-Кератэ (Керасе, др. vicus Coreathe?), съ развалинами цитадели надъ пересохшимъ озеромъ, откуда изъ источника и выведена нынѣ вода каналомъ въ Босръ-ель-Гарири. Въ развалинахъ этой цитадели еще Зее-тценъ нашелъ будто бы церковь, и, можетъ быть, именно къ ней принадлежалъ лежащій на виду косякъ двери съ крестомъ и непонятною (фот. 313) надписью. Дурная слава бездорожной Леджи, скалистой мѣстности, мѣстами обнаженной и совершенно гладкой, мѣстами разрушившейся и распавшейся въ сплошной щебень, по пути отъ Кератэ до Неджрана, давно составлена и исполнѣ для насъ подтвердилась. Обогнуть это мѣсто, образованное распавшимся хребтомъ вулканической Леджи, значило бы сдѣлать нѣсколько десятковъ верстъ въ сторону.

Неджранъ, отдѣленный этимъ каменнымъ разваломъ отъ остальнаго Гаурана, представляется, несмотря на свои размѣры, крайне убогимъ поселеніемъ. Среди кучъ чернаго камня, на которыя распался древній городъ, мы встрѣтили только два, три дома въ гауранскомъ типѣ, уже съ портиками, сложенными изъ кусковъ, но еще сохранившіе свои орнаментальныя окна.

Изъ Неджрана черезъ *Риметъ* (др. Rhimea), гдѣ мы проѣздомъ видѣли изящную погребальную башенку римскаго гражданина Целестина (фот. 315) *Аинъ-Диббэ*, по склону главнаго хребта Гаурана, мимо Мурдука, мы прибыли въ *Шухбу* (др. Филиппополь). Путешественники въѣзжаютъ въ удивительный городъ западными воротами, ѣдутъ до центра главною, великолѣпно вымощенною улицею, поднимаются вверхъ и разбиваютъ лагерь близъ театра (фот. 319). Современное населеніе Шухбы довольно значительно, но даже оно не въ состояніи разрушить и разобрать ея громаднхъ развалинъ (общіе виды 317—318). Изъ нихъ первыми по величинѣ являются термы—

въ южной части (фот. 329—331, катал. 171—173) города, съ остатками при нихъ водопровода, въ видѣ двухъ высокоподнятыхъ арокъ и шести столбовъ; въ ихъ постройкѣ любопытна обдѣлка камней въ рустикъ. Въ самыхъ термахъ еще отлично сохранились нѣсколько залъ, изъ нихъ двѣ круглыя, и одна продолговатая зала, еще покрытая коробовымъ сводомъ. Затѣмъ производятъ впечатлѣніе (фот. 326, кат. 168) *тетрапилъ*: нынѣ только три сохранившіеся въ центрѣ города, въ перекресткѣ двухъ главныхъ улицъ, пьедестала, служившихъ опорой для перекрестнаго покрытія. Отъ этихъ пьедесталовъ на западъ встрѣчаешь рядъ коринтскихъ колоннъ изящнаго храма (фот. 322, кат. 163); на югъ отъ этого ряда древній и богатый домъ съ колоннами и арками сохранилъ много надписей, затѣмъ театръ (фот. 327 и 328, кат. 169 и 170). Отсюда, далѣе на западъ, большое зданіе (фот. 323, кат. 165), получившее у Вогюэ названіе *Kalybe* (быть можетъ, оно было въ его время *Khalybe*—т. е. моленная друзовъ, но въ настоящее время нѣтъ), по всей вѣроятности, задняя половина римскаго храма съ центральною нишею и угловыми (см. планъ кат. 164) экседрами. Отъ этого зданія по прямому направленію съ востока на западъ, за боковымъ крыломъ зданія идетъ крытый сводомъ ходъ (фот. 324, кат. 166) или улица, покрытая сводомъ, для образованія сверху террасы; къ этой улицѣ перпендикулярно проведенъ другой крытый же ходъ. Лѣвый его рукавъ доселѣ покрытъ римскимъ коробовымъ сводомъ, разрушенъ и служитъ теперь амбаромъ, такъ что его нельзя было разслѣдовать, но, во всякомъ случаѣ, и прежде онъ былъ короткимъ, т. е. былъ не болѣе пяти сажень въ длину и полутора сажень въ ширину. Боковой же ходъ направо отлично сохранился, покрытъ не собственнымъ сводомъ, а плитами на выступающихъ консоляхъ, или такъ называемымъ египетскимъ, въ данномъ случаѣ, финикійскимъ сводомъ. Этотъ ходъ ведетъ внутрь храмоваго дворика къ небольшому портіку изъ двухъ

Рис. 7. Риме. Гробница Целестина.

Рис. 7. Риме. Гробница Целестина.

іоническихъ колоннъ храма, котораго цѣла передѣлана и перерѣзана по-
подамъ (фот. 325, кат. 167). Далѣе къ западу мы встрѣтили любопытный

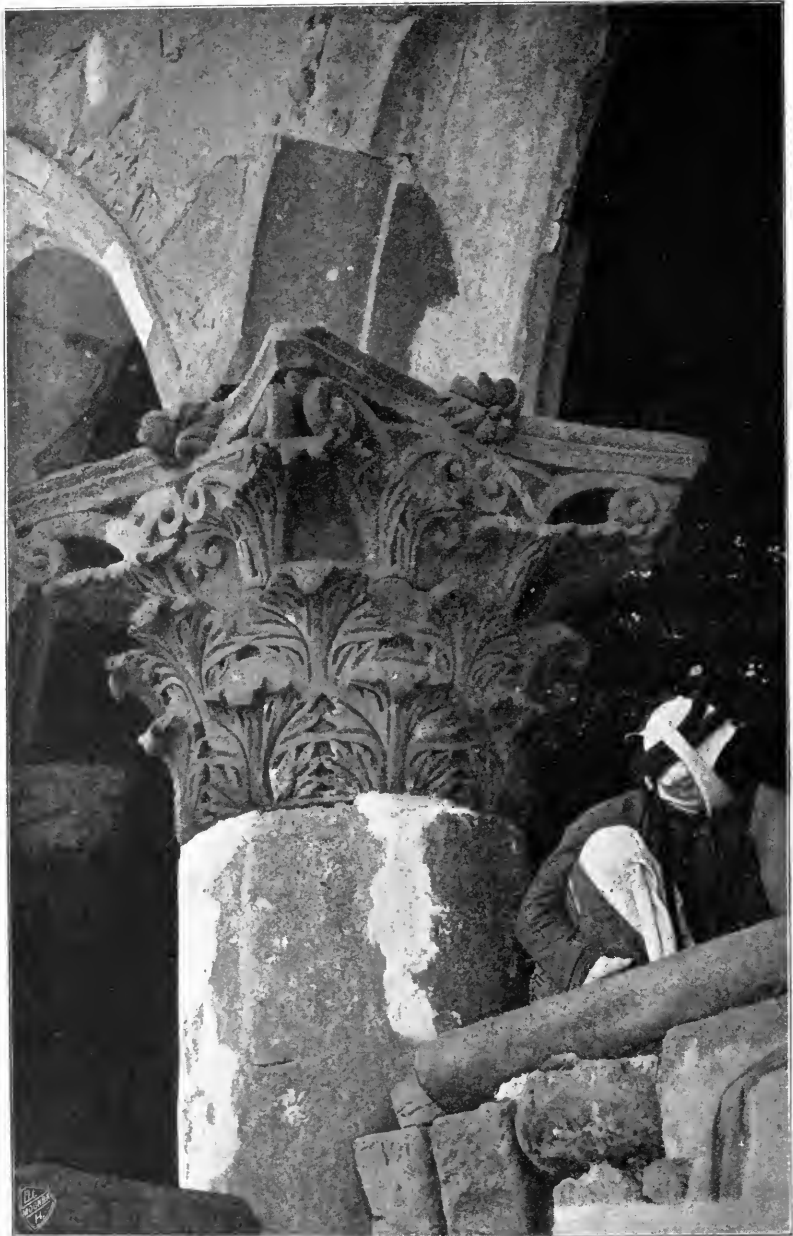

Рис. 8. Шухба. Капитель колоннады въ арабской кофейнѣ.

домъ (рис. 8) ханъ или кофейню Шухбы (фот. 339 и 340, кат. 181 и 182),
съ надписью надъ входомъ и портикомъ, вновь устроеннымъ для арабской ко-

фейи, изъ древнихъ барабановъ, колоннъ и коринскихъ капителей. Заднюю стѣну кофейни образуетъ нынѣ колоннада изъ пяти колоннъ, изъ нихъ двѣ изъ сѣраго гранита; четыре колонны имѣютъ іоническія капители, на одной—коринская, ранняго и изящнаго типа, съ однимъ только поясомъ листьевъ аканоа. Дворъ, какъ всѣ, впрочемъ, дворы гауранскихъ хановъ и домовъ шейховъ, наполненъ отовсюду собранными кусками древностей; у лѣстницы обломокъ гранитной колонны; въ стѣнѣ, пасупротивъ крыльца хана, заложенъ рельефъ съ изображеніемъ Викторіи (фот. 338, кат. 180); правѣ барельефъ сидящей женской фигуры (фот. 337, кат. 179) (надгробный?) съ лирою. Въ сосѣднемъ дворѣ дома, еще сохранившаго древнюю кладку, есть античный рельефъ (0,92 дл. и 0,32 выс.) изъ краснаго известняка со сценою жертвоприношенія на алтарѣ, въ присутствіи боговъ и Викторіи (фот. 333, кат. 175). Во дворѣ на краю селенія, встрѣтилась грубая плита съ Геракловымъ узломъ и двумя фигурами (фот. 334, кат. 176).

Сѣверный кварталъ города содержитъ въ себѣ много домовъ хорошей постройки: одинъ изъ нихъ (фот. 332), сохранилъ второй этажъ съ достаточною ясностью конструкціи древняго сирійскаго дома; доселѣ дворъ окруженъ тремя корпусами прекрасной кладки; но владѣлецъ изуродовалъ ихъ разными пристройками: одинъ имѣетъ видъ башни, и уголъ его украшенъ іоническою колонною; передъ другимъ корпусомъ поставлены двѣ колонны, а третья сторона имѣетъ видъ портика на колонкахъ же. Все это собрано изъ кусковъ, составлено арабами безъ всякаго порядка, и отовсюду патаканные камни, очевидно, назначались для дальнѣйшихъ сооружений того же характера, но постройка осталась неоконченною, и груды камня продолжаютъ загромождать весь дворъ. Въ той же сѣверной части города въ одной стѣнѣ виденъ барельефъ двухъ обезображенныхъ фигуръ, вѣроятно, геніевъ, держащихъ повязку въ видѣ Гераклова узла. Наконецъ, самое замѣчательное зданіе (фот. 321) Шухбы находится въ центрѣ города, слѣва отъ улицы, ведущей въ такъ называемую халиву, и называется сокровищницею. Это четырехугольный храмъ, снаружи почти совершенно сохранившійся до крыши, но съ заложенымъ большимъ порталомъ на сѣверной сторонѣ. Однако, внѣшность храма, наиболѣе простая, и наименѣе интересна: храмъ представляетъ снаружи только римскую целлу, окруженную глухими стѣнами, прекрасной кладки. Все любопытное устройство съ тремя монумен-тальными экседрами—громадными четырехугольными пирами—заключается внутри, хотя, къ сожалѣнію, эта пышная декоративная внутренность была обезображена еще въ очень давнее время постройкою внутри жилого дома на сводахъ. А такъ какъ въ мѣстномъ населеніи храмъ назывался сокровищницею и о немъ рассказывались обычныя легенды, то легко предположить, что послѣ арабскаго завоеванія храмъ послужилъ цитаделью, а потомъ

сложилась о немъ легенда, и жители стали рвать порохомъ стѣны, ища клада и т. д. Главный интересъ этого рода позднихъ зданій восточно-римской архитектуры III стол. состоитъ именно въ развитіи декоративныхъ расчлененій стѣны — эсседръ и нишъ съ фронтонными крышами или раковинными сводами, которыя затѣмъ съ новыми подробностями являются въ архитектурѣ V — VI стол.

Не менѣе любопытны памятники сосѣдней (въ 2 часахъ разстоянія) *Шахи* или *Шакки* древней Саккеи (Saccaea), сосредоточенные въ центрѣ города и, благодаря современному малому населенію, сравнительно хорошо сохранившіеся. Когда мы остановились на центральной площади города (гдѣ обыкновенно становятся лагеремъ караваны), образовавшейся, быть можетъ,

Рис. 9. Шакка (*Саккея*). Базилика.

еще изъ древняго форума, передъ нами открылись разомъ главные памятники. Прямо передъ нами (фот. 348, кат. 184) былъ большой или главный храмъ и въ связи съ нимъ христіанская базилика, слѣва величественная руина уцѣлѣвшей эсседры большого храма (фот. 348), справа высокій домъ съ заложенными въ немъ двумя, извѣстными издавна, надписями о построеніи церкви во имя Св. Θεодора при еп. Сергіи. Пройдя направо внутрь города, легко находишь излишній фасадъ большого, но полуразобраннаго зданія (фот. 353), которое описано у Вогюэ, какъ базилика. Наконецъ, сзади васъ, еще издали виднѣются башни такъ называемаго дворца или цитадели (общій видъ фот. 356, кат. 197) *Кайсаріэ*, замѣчательныя своею базиликою.

При ближайшемъ разсмотрѣніи всѣ эти памятники только выигрышаютъ. Такъ (фот. 343) главный или первый храмъ (рис. 10) сохранилъ еще

свой великолѣпный рѣзной порталъ на восточной сторонѣ, т. е. на фасадѣ съ двумя арками поверхъ портала, одною открытою, другою — глухою; внутри сохранились двѣ боковыя экседры и консоли для пилястровъ декоративныхъ нишъ. Но третья сторона, задняя или западная была разобрана и вновь переложена въ христіанскую эпоху, такъ что декоративная ниша, здѣсь бывшая, уступила мѣсто грубо сложенной двери, надъ которою вновь переложено декоративное круглое окошечко (своего рода *ocil de boeuf*), и въ стѣнѣ пробиты еще двѣ двери, очевидно, съ цѣлью сообщенія съ помѣстившеюся сзади базиликою. Но такъ какъ въ храмѣ устроены были, затѣмъ, ханъ, то, по обычаю, для его устройства притащены отовсюду лучшіе камни, плиты и пр., а сосѣднія постройки разобраны. И потому теперь уже нельзя узнать,

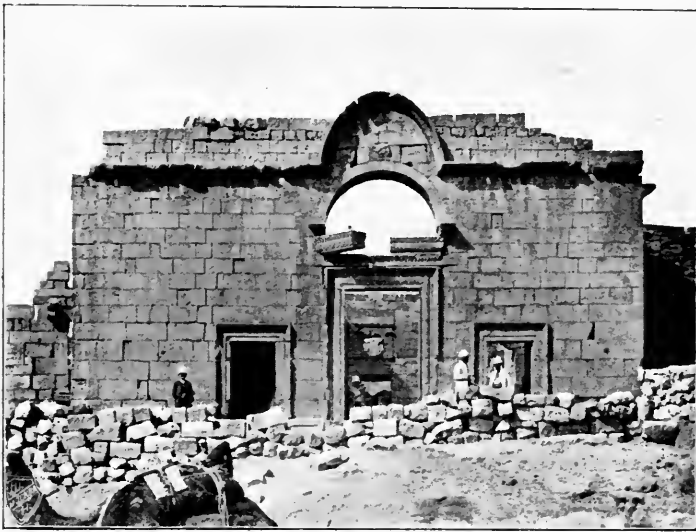

Рис. 10. Шакка. Кесарія.

гдѣ былъ алтарь той большой базилики, которая здѣсь нѣкогда была, какъ видно изъ множества указаній: въ сосѣднихъ стѣнахъ сохранились двѣ монументальныя двери — на нихъ (фот. 345, кат. 186) высѣчены кресты и звѣзды о шести лучахъ въ кругахъ; снаружи, съ той стороны, гдѣ видимъ орнаментальное окно, есть христіанская надпись. Одна арка съ отличными (фот. 344, кат. 185) рѣзными наличниками обрамляетъ входную дверь (христіанской базилики, не храма, и всѣ камни арки оказываются здѣсь переложенными вновь среди грубой кладки) съ юга: хотя, эта рѣзьба относится уже къ III вѣку по Р. Х., но ея орнаментика еще напоминаетъ изящные образцы малоазійской архитектуры: побѣги лозы образуютъ по фризу круги, въ которыхъ видимъ и грозди и гранатовые плоды или даже головки маку.

Хотя плана этой базилики мы не можемъ, такимъ образомъ, возстановить, по ясно, что она представляетъ передѣлку или, точнѣе, приспособленіе языческаго древняго зданія (однако, не храма, такъ какъ храмъ, какъ обыкновенно, былъ слишкомъ малъ для базилики) къ цѣлямъ христіанскаго богослуженія: ранняя форма крестовъ указываетъ, быть можетъ, еще на IV столѣтіе, хотя бы во второй половинѣ. Мы, однако, не можемъ дѣлать произвольныхъ догадокъ о томъ, почему эта базилика не имѣетъ яснаго плана христіанской церкви, и вмѣсто трехъ нефовъ, представляетъ только два, и тѣ, раздѣлены стѣнами. Еще менѣе ясно значеніе зданія, которое Вогюэ считаетъ (для него единственною) базиликою Шахки.

Снаружи зданіе это (фот. 352 и 353, рис. 9) представляетъ продолговатый четырехугольникъ, но неполный, а именно: разрушена его задняя (задняя) часть, или, по крайней мѣрѣ, настолько стѣны ея разобраны, и фундаменты завалены камнемъ, что разслѣдовать окончаніе этой части невозможно. По фасаду зданіе имѣетъ 22 м. (боковой видъ на фот. 352, лицевой фасъ—353, кат. 194), (а не 19,80 м. какъ у Вогюэ), въ длину около 19 м.—ясно, какой большой части не сохранилось. Но еще важнѣе, что въ сохранившейся части сдѣланы два свода, и тѣ безъ потолочной настилки, а лишь въ видѣ сводовъ, перекинутыхъ *поперекъ* зданія отъ одного столба къ другому. Если бы потолокъ сохранился, то рядъ такихъ, поддерживающихъ крышу арокъ, походилъ бы до извѣстной степени на коробовый сводъ, и, слѣдовательно, составилъ бы три нефа. Но, въ данномъ случаѣ, какъ мы сказали, сохранилось только два свода, и ничего подобнаго (въ цѣломъ) тому, что представлено на планѣ у Вогюэ, въ дѣйствительности нѣтъ. Затѣмъ, подобнаго рода поперечныя арки въ древности могли быть устраиваемы *только* въ боковыхъ нефахъ, для того, чтобы на эти арки положить затѣмъ крышу изъ тонкихъ гауранскихъ плитъ—длиною до 2 арш. и болѣе. Здѣсь же мы имѣемъ, очевидно, уже позднюю арабскую передѣлку древняго храма, въ буквальномъ смыслѣ передѣленнаго такими арками на двѣ, три части, чтобы отдѣлить скотъ отъ людей, устроить закомъ и пр. И потому весь планъ Вогюэ считаемъ странною фантазіею его рисовальщика, неудачно пытавшагося сочинить небывалый типъ базилики изъ пріемовъ мѣстнаго строительства. Что касается изящнаго фасада этой, такъ называемой, базилики, его принадлежность языческому зданію III вѣка вѣ сомнѣніи.

Шахка извѣстна въ христіанской археологіи ¹⁾ памятникомъ, по словамъ знаменитаго Дж. Б. де-Росси, «единственнымъ» въ своемъ родѣ: погребальною башнею на сѣверъ отъ города, украшенною съ трехъ сторонъ греческими

¹⁾ G. B. de Rossi, Bull. de l'arch. chr., 1870, p. 35—36. Надписи изданы Вешеромъ и Ваддингтономъ.

метрическими надписями, носящими на себѣ ясные признаки христіанства, съ датою 109 года эры городской, послѣ монограммы ХМГ (греко-восточное поминаніе именъ Христа, Михайла и Гавріила, какъ символическаго образа Троицы). Но, какъ далеко, въ дѣйствительности простирается эта эра и какой историческій интересъ представляетъ этотъ памятникъ, по словамъ де-Росси, предшествующій вѣку Константина, сказать намъ трудно.

Базилика крупныхъ размѣровъ, типическаго плана (фот. 357, кат. 198, планъ 16) съ тремя нефами и тремя абсидами, изъ которыхъ двѣ для жертвенника и діаконика отдѣлены и имѣютъ четырехугольную форму, оказалась въ такъ называемомъ Кайсаріэ на концѣ города. Входъ внутрь этой цита-

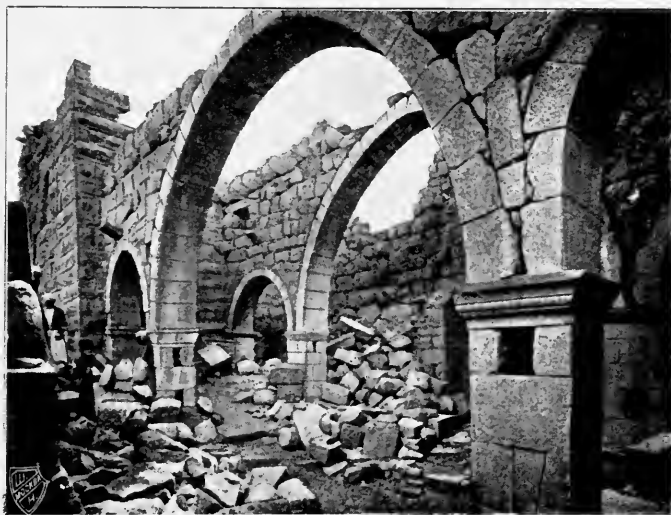

Рис. 11. Шакка (Саккея). Монастырь на востокъ отъ деревни.

дели или, скорѣе, дворцоваго замка, идти черезъ башенныя ворота, и войдя, попадаешь прямо внутрь базилики, такъ какъ она устроена между двумя (фот. 358, кат. 199) башнями. Три нефа устроены на столбахъ, идущихъ въ два ряда, но уже черезъ два столба слѣдуетъ перерывъ; затѣмъ отлично сохранилась абсида, благодаря тому, что была засыпана доверху (фот. 359, кат. 200) пологою и тамъ были помѣщенъ скотъ. На карнизѣ одного изъ столбовъ виденъ отрывокъ непонятной надписи:

ⲙⲣⲉⲛⲃⲉⲟⲥⲡⲓ
ⲕⲁⲓⲣⲓⲥ

Напротивъ того, любопытное христіанское зданіе и доселѣ (рис. 11) зовется у туземцевъ *кенисе* или *монастырь* на другомъ концѣ города. Собст-

венно говоря, это цѣлый комплекс разныхъ построекъ, но изъ нихъ, видимо, главное (фот. 361, кат. 201) зданіе имѣетъ форму длинной залы, подѣленной на три нефа двумя рядами столбовъ, на которые оперты были своды, переброшенные отъ соответствующихъ имъ пилястровъ стѣны. Своды упали, но столбы вездѣ сохранились до самыхъ пнятъ, благодаря тому, что упавшая между нихъ каменная крыша прикрыла все это зданіе, на половину сохраненное. Но абсиды въ этомъ зданіи нѣтъ, оно оканчивается грубо сложенными, очевидно, въ позднѣйшее время, стѣнами, и именно въ этомъ концѣ устроена маленькая церковь, т. е. сдѣлана между столбовъ дверь и грубо выложена изъ кусковъ абсиды. Это обстоятельство служитъ довольно вѣрнымъ, хотя единственнымъ указаніемъ на то, что и первоначально все зданіе могло быть христіанскою базиликою. За этою большою залою слѣдуетъ другая меньшая, въ которой на сводѣ оказалась укрѣпленною плита съ изображеніемъ фигуры, борющейся со львомъ—фигура сбита и трудно сказать, кого она представляетъ—Геракла или Самсона.

Изъ Шахки мы прошли въ *Эль-Хитъ* (1 часть разстоянія), маленькую деревушку на мѣстѣ древняго городка, отлично сохранившагося. Мы расположились лагеремъ (фот. 362, кат. 204) въ масляномъ саду, принадлежащемъ шейху, возлѣ его дома, который представляетъ замковую цитадель городка и построенъ на небольшомъ скалистомъ холмикѣ. Домъ былъ наполненъ надписями, отовсюду набранными и вставленными въ стѣны, надъ входными дверями, даже въ полу. Косякъ главной двери представляетъ надпись ц. Св. Сергія 354 г. (фот. 363, кат. 205). Самый домъ сложенъ изъ кусковъ арабами, очевидно, переходитъ въ родъ шейховъ уже съ незапамятныхъ временъ. Около дома двѣ или три башни, но сильно разрушенныя; около одной башни есть постройка, вся выложенная изъ старыхъ кусковъ, такъ что около двери заложено четыре надписи и три фрагмента надписей, но большинство вверхъ ногами и инныя въ полу. Входъ (табл. X) украшенъ обычною рѣзною изъ камня (фот. 364, кат. 206) во вкусѣ III в. декоративною облицовкою. За башнею, среди камней, служащихъ оградой, мы встрѣтили большой рельефъ изъ лавы, выш. 0,69 м. и длин. 1,03 м., съ изображеніемъ четы (фот. 371, кат. 214) увѣнчиваемой геніями или викторіями: мужчина сложилъ руку для именословнаго благословенія; рельефъ принадлежитъ VI—VII столѣтію и является рѣднымъ образчикомъ того же тяжелаго стиля, который мы видѣли въ Санаменѣ.

На восточной окраинѣ города большой (фот. 368, кат. 211) домъ представляетъ христіанскую базилику съ тремя нефами и пристроеннымъ на восточномъ концѣ выступомъ, служащимъ абсидой. Кладка абсиды рѣзко разнится отъ прочаго зданія, и потому необходимо предположить, что именно эта часть присоединена къ зданію не первоначально, а въ позднѣйшее время,

стало быть, для выполненія плана христіанской церкви. Но мы не могли найти въ памятникѣ никакихъ указаній, былъ ли онъ до этой перестройки христіанскою базиликою, или нѣтъ. Домъ въ настоящее время служить жильемъ для одной фамиліи, которая занимаетъ сама верхній этажъ, а въ нижнемъ этажѣ устроила помѣщеніе для скота и амбары. Верхній этажъ оказалось невозможно осмотрѣть — такъ заваленъ онъ скарбомъ, и такъ плотно закрыты горами камней его окна, ради темпоты и прохлады. Войдя въ нижній этажъ, мы нашли его до высоты сводовъ наполненнымъ половою, однако внутреннее устройство трехъ нефовъ, обычный гауранскій или сирійскій способъ покрытія ихъ каменными плитами, южныя боковыя двери, все сохранилось; но, на западной сторонѣ (фот. 369, кат. 212) вмѣсто наружнаго полукруга абсиды, оказалась выведенною вповь стѣна, которая и отдѣляетъ абсиду въ особую пристройку¹⁾.

По близости отъ этого зданія большой домъ оказался наполненъ надписями: мы нашли ихъ въ полу верхняго этажа, подъ его окномъ, во дворѣ и пр., но всѣ эти надписи были языческія, тогда какъ на косякахъ дома, представляющихъ (фот. 365) и мѣстную орнаментику изъ виноградныхъ побѣговъ (см. ниже рельефы гіероновъ въ Сіахѣ), иногда начерчены (слегка высѣчены) кресты въ свидѣтельство вѣры владѣтеля. Въ порогѣ главной комнаты вдѣлана большая плита съ грубымъ (въ персидскомъ типѣ) изображеніемъ льва (фот. 366, кат. 208).

Изъ Эль-Хита мы повернули на югъ, идя на *Амра* — красивую деревушку съ сохранившимися башнями и Слеймъ, столь же незначительное мѣстечко, но еще издали выдѣляющуюся высокимъ зазубреннымъ угломъ древняго храма (фот. 372, кат. 215), покрытаго тонкою рѣзбою по уцѣлѣвшимъ кускамъ карниза и пилястровъ. Нѣкогда это былъ изящный храмикъ съ великолѣпнымъ порталомъ и фронтономъ, сведеннымъ въ срединѣ монументальною аркою, пышными карнизами и рѣзнымъ фризомъ изъ орнаментальныхъ разводовъ съ переплетами и фантастическими звѣрями; рѣзба отличается глубиною и живописностью и по достоинству техническому не уступаетъ чуднымъ дверямъ въ Кенаватѣ. Сзади храма, среди громадныхъ барабановъ отъ колоннъ и кусковъ рѣзпаго антаблемента и доселѣ лежитъ любопытная надпись отъ имени нѣкоего Неаполита, окончательно подтверждающая догадку о томъ, что Слеймъ есть древній *Неаполис*.

Пройдя не болѣе 1 ч. 20 м. по ущелью, среди лѣса изъ каменныхъ дубовъ, и поднявшись круто на высоту, мы пришли въ *Кенаватъ* и разбили

1) Планъ этой церкви Эль-Хита въ Колл. Палестинскаго Общества, повидимому, тотъ же, что у Вогюэ названъ «базиликою Шахки». Или обѣ базилики были тождественны, или рисовальщикъ Вогюэ перепуталъ имена.

свой привалъ у главной (фот. 374, кат. 218) его руины—такъ называемаго *Серая* (табл. XI) или дворца, на южномъ концѣ города, надъ ущельемъ. Мнимый дворецъ Кенавата представляетъ ясно различающіяся два зданія, слитыя нѣкогда какъ бы въ одно цѣлое: они, правда, отличаются одинаковыми пропорціями и, несмотря на нѣкоторое различіе въ стилѣ, даже близки другъ къ другу по времени, но, очевидно, не современны. Одно изъ нихъ, вѣроятно, главное, и вдвое бѣльшее размѣрами второго, тянется съ сѣвера на югъ и состоитъ изъ трехъ частей: передняго (фот. 381) портика, двора, окруженнаго со всѣхъ сторонъ колоннадою, и зданія, окруженнаго теперь съ трехъ сторонъ стѣнами. Другое зданіе, меньшее размѣромъ, расположено съ запада на востокъ (фот. 375, кат. 219) и примкнуто ко двору перваго зданія въ видѣ крыла; оно окружено со всѣхъ сторонъ стѣнами, но стѣна, отдѣляющая его отъ двора, пробита на высотѣ человѣка тремя аркадами (табл. XII), опертыми на маленькія колонны. Западная стѣна этого втораго зданія раздѣлана (фот. 376, табл. XI) какъ фасадъ, снабжена тремя входами, съ орнаментированными рѣзьбою косяками, и вверху украшена арочнымъ окномъ. Именно передъ этою стѣною сохранился также мощный дворъ и, очевидно, въ извѣстное время, эта часть стала главной.

Первое зданіе, очевидно, первоначальное: оно, во-первыхъ, обращено своимъ фасадомъ къ городу, который расположенъ съ юга на сѣверъ вдоль главнаго ущелья Кенавата съ вытекающимъ изъ его вершины (противъ Серая) источникомъ. Кромѣ красиваго портика на сѣверъ, съ сохранившимися въ его руинахъ надписями, изъ которыхъ одна называется строителями Θεона Квинта съ архонтами, здѣсь видны слѣды лѣстницы и мощенаго двора. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ видъ (фот. 379, кат. 227) громаднаго атріума, слѣдующаго за портикомъ, убѣждаетъ, что зданіе это не было языческимъ храмомъ, тѣмъ болѣе, что большой храмъ Кенавата находится по близости отъ Серая далѣе на югъ, на холмѣ, а возлѣ самаго Серая есть развалины малаго храма или гіерона, въ видѣ четырехугольной террасы, заваленной павшими плитами и камнями. Кубовыя капители атріума подають сперва мысль, что мы имѣемъ здѣсь христіанскую базилику съ ея обычнымъ расположеніемъ атріума передъ храмомъ, но этому противорѣчитъ, прежде всего, необыкновенно изящный (фот. 378, табл. XIII и XIV) порталъ входной двери изъ атріума въ храмъ, а затѣмъ отсутствіе какихъ бы то ни было христіанскихъ эмблемъ и знаковъ на косякахъ, стѣнахъ этого зданія. А такъ какъ употребленіе кубовыхъ капителей не указано ранѣе IV в., то очевидно, мы не можемъ далеко отпести назадъ и постройку этого зданія и должны помѣтить его также не ранѣе второй половины III вѣка. Слѣдующее за атріумомъ зданіе (фот. 377), можетъ назваться наиболѣе интереснымъ и загадочнымъ во всемъ Гауранѣ: его сохранившіяся западная (фот. 380,

кат. 228) и восточныя стѣны представляютъ замѣчательно большую высоту и на всю эту высоту зданіе было покрыто сводами въ два этажа, образующими три нефа; боковыя нефы *были также высоки, какъ и средній*. Но зданіе не было покрыто на всемъ пространствѣ: оно было, повидимому (груды камня настолько закрыли внутренность зданія, что дѣйствительный планъ его не мыслимъ безъ очистки камня) подѣлено поперечными арками на три равныя части, и средняя изъ нихъ не имѣла арочнаго устройства, стало быть, не имѣла и крыши.

Такимъ образомъ, у западной стѣны образовался отдѣльный нартексъ, а восточная часть оканчивается также какъ бы поперечнымъ нефомъ, благодаря своимъ экседрамъ, которыя соответствуютъ нефамъ. Зданіе первоначально оканчивалось гладкою стѣною, но затѣмъ оно было превращено (на короткое время) въ христіанскую церковь, и эта стѣна разобрана, а за нею устроено полукружіе абсиды, доселѣ сохранившееся. Когда, затѣмъ, церковь была превращена въ мечеть, стѣна была опять выложена (фот. 377) абсида закрыта наглухо, и въ этомъ видѣ зданіе сохранилось доселѣ, и стоитъ пока ничѣмъ не занятое. Повидимому, мы имѣемъ передъ собою замѣчательный образчикъ древняго общественнаго зданія—по всей вѣроятности, языческой базилики съ торжественными сборными залами и дворами, эпохи Діоклеціана или даже Константина.

Загадочность зданія проистекаетъ наиболѣе изъ передѣлокъ и перестроекъ: Сирія и здѣсь поддерживаетъ свою славу поддѣльвателя и въ зданіи перѣдко можно пропустить коренную передѣлку его потому, что строители озаботились переложить изъ прежняго матеріала не только стѣны, но и окна, двери, порталы, арки, фронтоны и т. д. Такъ случилось и здѣсь: внимательный осмотръ великолѣннаго портала только что описанной базилики убѣждаетъ, что этотъ порталъ не первоначаленъ и даже вовсе не принадлежитъ къ этому зданію, а перенесенъ изъ другого (или изъ какого-либо храма Кенавата, а можетъ быть, изъ Нимфеопы) зданія, при перестройкѣ этой базилики ко второму ея назначенію. Въ самомъ дѣлѣ, порталъ нашей базилики скрывается за новымъ рѣзнымъ порталомъ: фотографія (378, кат. 224) ясно обнаруживаетъ плоскую дугу перваго портала; внутри этой дуги вставленъ рѣзной порталъ, какъ вставляютъ плотники хорошую коробку въ каменную стѣну, вытесавши для нея мѣсто; но такъ какъ вверху рамка недостаточно закрывала порушенную кладку, то сзади, за этою рамкою вдвинули еще плиту отъ рѣзнаго карниза, наиболѣе красивый, имѣвшійся подъ руками кусокъ. Этотъ карнизъ, повидимому, перевернутъ, такъ какъ полоса, покрытая крупнымъ меандромъ, должна быть внизу, а разводы съ чудными розетками изъ крутящихся лепестковъ, должны бы приходиться внизу. Эти розетки тождественны съ украшеніями самаго портала, что дока-

зываетъ ихъ происхожденіе изъ одного зданія, а взглядъ нашъ повыше портала открываетъ на стѣнѣ кусокъ карниза съ меандромъ такой же величины, заложенный въ стѣну, вѣроятно, при томъ же случаѣ. Рѣзьба самого портала (табл. XIV), по справедливости, вызываетъ удивленіе путешественниковъ: эта рѣзьба и сама по себѣ великолѣпна, и время, наложивъ на нее свою руку, гдѣ сбивъ и сгладивъ излишнюю вышуклость, гдѣ смягчивъ лишнюю рѣзкость, способствовала создаться истинному изяществу. Верхній косякъ покрытъ широкими разводами акантоовыхъ побѣговъ: сила, упругость, сочность и жизненность крутящейся вѣтки передана съ высокимъ художествомъ; менѣе энергична, болѣе мягка и пѣжна рѣзьба разводовъ по шпильстрамъ, съ тюльпанами (?) и другими цвѣтами внутри завивающихся, на этотъ разъ, сочныхъ тростниковыхъ побѣговъ, но съ акантоовыми листьями. Къ тому же порталу принадлежитъ и пара консолей, здѣсь безъ смысла приложенная сбоку и ничего не поддерживающая: перегнутый по консоли акантъ еще живой и прекрасно представляетъ римскую орнаментку.

Тѣмъ важнѣе для насъ все описанное изящество портала, что можемъ сравнить рядомъ орнаментацію порталовъ на фасадѣ второго зданія (фот. 376): грубо схематичная волнообразная линія выходящей лозы съ систематически развѣшанными по ней гроздями относится, по всей вѣроятности, уже къ IV вѣку, о чемъ говоритъ и аркатура всего фасада.

Подобная связь затѣ была обычнымъ дѣломъ для римскихъ архитекторовъ: извѣстно, что триклиній въ дворцахъ и виллахъ оканчивался именно тройною аркою, выходившею въ главный дворъ. Въ данномъ случаѣ, второе зданіе и безъ того было боковымъ, ибо слѣва отъ него находился входный портикъ перваго. Но, кромѣ того, весьма возможно, что этой аркады первоначально въ такомъ именно видѣ не было: въ самомъ дѣлѣ, даже фотографія (375) намъ открываетъ (чего не замѣтили, однако, даже на оригиналѣ путешественники), что обѣ колонки не равны, далѣе, что подъ ними стѣна явно переложена изъ обитыхъ уже кусковъ, а надъ ними выложена тоже изъ стараго матеріала и пр. Такимъ образомъ, возможно, что уже арабы переложили всю эту часть и вмѣсто прежняго триклинія выложили родъ балкона съ открытою аркадою, какъ было принято дѣлать во второмъ этажѣ въ византійскихъ и арабскихъ постройкахъ.

Второе зданіе болѣе напоминаетъ христіанскую базилику—таковою же считаетъ его и Вогюэ, который, однако, дѣлаетъ явную и странную ошибку, принимая троечастную арку въ прямой стѣнѣ за абсиду. Базилика эта, соотвѣтственно своимъ тремъ входамъ въ западной стѣнѣ, имѣетъ три нефа, но абсида ея находится не на восточной, а въ концѣ южной стѣны, въ правой ея сторонѣ и имѣетъ оригинальный видъ тройной полукруглой и глубокой ниши (двѣ теперь заложены, какъ чуланы). Почему абсида устроена

въ боковой нишѣ, сказать трудно, такъ какъ это дѣло, повидимому, случая, что рядомъ съ новопреращенною церковною базиликою построили другую, по изъ 32-го письма еп. Паулина знаемъ, что былъ примѣръ, когда базилику въ память Св. Феликса, присоединенную къ группѣ другихъ базиликъ, связали съ ними посредствомъ троечастной арки¹⁾.

За руинами Серая, пройдя мимо остатковъ упомянутаго храма, вступаешь на обширную мощеную площадь; ея помость изъ плитъ (руины ипподрома?)²⁾ былъ мѣстами приподнятъ къмъ то изъ изслѣдователей, и съ той поры жители Кенавата разнесли все, что было возможно унести; но оказалось, что плиты покрываютъ своды подземной цистерны (или инаго зданія),

Рис. 12. Кенаватъ. Простильный храмъ.

и теперь эта ошелившаяся внутренность зѣяетъ самымъ печальнымъ разрушеніемъ. На лѣвой сторонѣ этой площади еще ясно можно было различить основанія декоративной экседры въ формѣ буквы П, далѣе уголъ зданія, совершенно разрушеннаго и разобранныго, остатки древняго водопровода и наконецъ великолѣпный большой (фот. 382, кат. 220) храмъ Юпитера. Онъ принадлежитъ (рис. 12) къ разряду *prostylos*, и его портикъ стоялъ на возвышенной террасѣ, производящей необыкновенное впечатлѣніе красотою декоративной постановки, пропорціями карниза и базъ колоннъ. Колонны частію унаши, но стоятъ еще только четыре, стѣны целлы стоятъ совершенно цѣ-

1) Красносельцевъ, *О происхожденіи христіанскихъ базиликъ*, стр. 120 слѣд.

2) См. планъ Рея, приложенъ также въ гидѣ Изамбера, стр. 541.

лыми, и равно сохранились базы другихъ колоннъ, образовывавшихъ внутри храма три нефа, и колоссальная четырехугольная экседра для идола.

Въ самомъ городѣ, расположенномъ по краю ущелья, оказалось мало древностей, за исключеніемъ дома шейха, быть можетъ, прежней базилики (фот. 383, кат. 231) и тѣхъ надписей и орнаментальныхъ плитъ, которыми друзья украсили окна своей (фот. 386, кат. 234) новой молельни. Любопытно, что и здѣсь вкусы каменотеса, украсившаго карнизы меандрами и въ нихъ масками, птицами, гроздьями, сошлись съ пресловутымъ стилемъ скульптуръ въ Сіахъ (см. ниже).

За городомъ, въ западной сторонѣ, на склонѣ въ долину находится на возвышенной террасѣ (фот. 388, кат. 236, 389—390, кат. 238) большой периптеральный храмъ, съ сохранившимися семью колоннами, которыхъ коринскія капители отличаются особенною пышностью въ рѣзбѣ листьевъ и чашечекъ завитковыхъ усиковъ, хотя, по характеру акаеовъ, упирающихся остріями лопастей одинъ въ другой, вполнѣ подходятъ къ обычному типу капители III столѣтія.

Нѣкогда все ущелье Кенавата было раздѣлено не только дорожками, террасами, водопроводами, бассейнами и фонтанами, но даже башнями, театрами и декоративными сооруженіями разнаго рода. И теперь слѣды этихъ сооруженій еще видны (см. планъ Гильома Рея) въ особенности на отлогой, противоположной (отъ города) сторонѣ ущелья, гдѣ въ рядъ расположены: *театръ Одеонъ*, съ извѣстною пышною надписью, пдущею по стѣнкѣ арены, и *Нимфеонъ*, надъ вытекающимъ обильнымъ источникомъ (фот. 387, кат. 235), въ видѣ четырехугольнаго зданія, съ нишами и экседрами. Но все, что можно было разрушить и разобрать, уже разрушено, и вмѣсто бассейновъ стоятъ заплеснѣвѣлыя лужи, а на мѣсто фонтановъ груды камня. Все прочее закрыто землею садовъ и огородовъ, пышно разрастающихся на чудной почвѣ, возлѣ воды. Всѣ эти руины должны принадлежать II—III стол. по Р. X.

Изъ Кенавата мы сдѣлали экскурсію на мѣсто развалинъ *Сіаха*, лежащаго въ 1 часѣ разстоянія на Востокъ. Эти развалины протягиваются по хребту высокаго холма, очень узкаго и длиннаго, постепенно поднимающагося въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Съ обѣихъ сторонъ склоны холма становятся болѣе и болѣе обрывистыми и въ самомъ концѣ образуютъ почти отвѣсныя стѣпы. Холмъ господствуетъ надъ всею окрестностью, и такъ сказать, смотритъ на Кенаватъ черезъ обширную и плодородную равнину, еще наполненную мѣстами стоячею водою ручьевъ, прежде бывшихъ каналами для проведенныхъ издали источниковъ. Когда отъ Кенавата подымаешься по крутому склону холма къ его восточной окопечности, повсюду, при поворотахъ извивающейся зигзагомъ тропы, встрѣчаешь не-

большія квадратныя и четырёхугольныя террасы могильныхъ гіероновъ; самыхъ гіероновъ нѣтъ, кромѣ одного, въ которомъ сохранилась даже входная дверь египетскаго (фот. 404) типа. Склонъ холма на самомъ верху былъ раздѣланъ весь подобными террасами, нѣсколько большихъ размѣровъ, но стоявшіе на нихъ гіероны или храмйки безслѣдно исчезли.

Холмъ въ одной оконечности становится положимъ, съ этой именно стороны удобнѣе подъѣхать къ руинамъ, проводники указываютъ здѣсь какъ бы входъ въ развалины, и, въ самомъ дѣлѣ, спаружи расположеніе камней представляетъ подобіе входа, но когда войдешь внутрь циклопически нагроможденныхъ камней, то оказывается, что дальше надо идти по грудѣ камней въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ и, куда ни оглянешься, вездѣ видишь только тѣже кучи, изрѣдка и то неясно прерываемыя линіею сохранившихся подъ этими кучами стѣнъ и оградъ. Пройти, измѣрить, словомъ изслѣдовать комплексъ развалинъ съ этого конца нѣтъ никакой возможности. Однако, и взгляда достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь нѣтъ никакой цитадели, никакого дворца (и никакого входа въ какое-либо зданіе, хотя разрушенное) вообще ничего цѣльнаго, а только ряды отдѣльныхъ построекъ, нагроможденныхъ другъ возлѣ друга безъ всякаго отношенія другъ къ другу, но, въ направленіи холма, расположенныхъ по хребту одна за другою. Явно, это не городъ и не дворецъ и не какое-нибудь поселеніе, а древній некрополь, котораго постройки развалены и частію разобраны, частію сохранились, но были очень разнаго достоинства и калибра, какъ на кладбищѣ бываетъ, со стѣнами изъ тесаныхъ камней и изъ щебня, а самыя постройки представляли собою, вѣроятно, наиболѣе простую или даже огрубѣлую форму пирамиды, которая или выполнена изъ тесаного камня или же, въ видѣ конической кучи камня, складывается на особой террасѣ. Ничего доисторическаго и первобытнаго въ этихъ руинахъ (какъ думали) нѣтъ, хотя грубость построекъ вообще не даетъ ясныхъ показаній эпохи. Такого рода некрополи изъ пирамидальныхъ кучъ камня можно встрѣтить въ Гауранѣ во многихъ мѣстахъ, но чаще всего по хребтамъ холмовъ — ради, конечно, возвышенія и равно негодности его для культуры. Намъ пришлось огибать эту худую часть руинъ, занимающую не менѣе двухъ третей всего холма, идя по склону, подъ выступающими на него сверху террасами, по тропинкамъ, пробитымъ скотомъ. И только, когда мы прошли, такимъ образомъ, довольно далеко, и вновь поднялись по логу, густо заваленному камнями, то подошли наконецъ, къ главной ruinѣ Сіаха, возбуждавшей столько надеждъ въ изслѣдователяхъ. Здѣсь руины представляютъ ясный послѣдовательный рядъ пдуцихъ одного за другимъ дворовъ, перѣдко отлично мощеныхъ, или выложенныхъ гладкими плитами по извѣстнымъ сторонамъ или въ нѣкоторыхъ частяхъ; эти дворы были ограждены болѣе или менѣе высокими стѣнами, и

входы въ нихъ исключительно съ восточной стороны, т. е. по самой срединѣ хребта или холма, что и понятно, такъ какъ оба склона здѣсь настолько круты, что входы были бы отъ нихъ невозможны. Но эти входы сохранились вполнѣ только для двухъ дворовъ, а здѣсь ихъ не менѣе четырехъ, и далѣе, всѣ эти дворы расположены на *разныхъ* уровняхъ, и безъ признака какихъ бы то ни было крылецъ или лѣстницъ и террасъ, такъ что представляются совершенно отдѣльными, обособленными одинъ отъ другого. И потому, не отрицая обычнаго взгляда, что мы имѣемъ передъ собою руины храмовъ, мы дополняемъ этотъ взглядъ и полагаемъ, что Сіахъ вмѣстѣ есть некрополь Кенавата и, быть можетъ, также другихъ городовъ; то, что называютъ храмомъ, представляетъ руину нѣсколькихъ *храмиковъ-иероновъ*, построенныхъ въ разное время частными лицами, на священной горѣ—общей усыпальницѣ.

Отсюда вполнѣ понятно будетъ, что руины представляютъ крайне разнообразныя стили, принадлежащіе временамъ процвѣтанія Гаурана отъ начала римскаго господства до Константина. Такъ въ первомъ по ряду дворѣ (см. планъ Вогюэ р. 32—38, также въ гидѣ Изамбера, АВ), мы встрѣчаемъ превосходный порталъ тонкой рѣзной (фот. 391, кат. 239, деталь фот. 400) работы (А), хотя уже тяжеловатаго и сухого стили; пилястры мелко профилированы, а средняя полоса украшена пышными, сильно выпуклыми разводами или волутами аканѳа съ розетками внутри; тѣ и другія совершенно тождественнаго типа и рѣзбы съ дверьми Кенавата; антаблементъ этого портала, лежащій въ кускахъ среди грудъ камня, украшенъ также рѣзбою, въ которой меандры и волуты крупны, сильно выпуклыя розетки оживлены звѣрьками и цвѣтами; это римская рѣзба II вѣка.

Во второмъ дворѣ рѣзба на плитахъ мелкая, безхарактерная, по рядомъ остатки подѣличнаго фриза — два прекрасные рельефа съ изображеніемъ (фот. 394 и 398) божествъ, художественной работы, къ сожалѣнію, на половину обитые. Эти рельефы врядъ ли позже I вѣка по Р. Х., и оставиваютъ на себѣ вниманіе тѣмъ болѣе, что всѣ барельефы Гаурана отличаются крайнею грубостью и неуклюжестью небрежной рѣзбы въ тяжеломъ римскомъ стилѣ.

Въ третьемъ дворѣ много прекрасныхъ рѣзныхъ плитъ вмѣстѣ съ надписями Агриппы. Но рядомъ съ этими плитами, цѣлая куча кусковъ антаблемента и карниза представляютъ, на первый взглядъ, необыкновенную грубость: протянувшіеся по фризу толстые побѣги виноградной вѣтви (фот. 395—397, рис. 13) съ массивными гроздьями и листьями, въ неуклюжей симметріи развѣшенными по сучкамъ, плющъ внутри растительныхъ волуть съ маленькою гроздью цвѣтка или столь же грубая и донельзя выпуклая, но безъ всякой моделировки, розетки и сосновыя шишки; на побѣгахъ сидятъ

кузнечикъ, иногда птица; всѣ эти орнаменты идутъ фризомъ по вѣчному карнизу, котораго верхъ убралъ листовою и изображеніемъ орла; такимъ образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ римскомъ происхожденіи всѣхъ этихъ украшеній, тѣмъ болѣе, что онѣ крайне близко напоминаютъ уже описанные выше рельефы работы мѣстныхъ каменотесовъ; здѣсь въ Сиріи всѣ изображенія принимаютъ особенно тяжелый, грузный характеръ; на особой плитѣ видимъ непонятное изображеніе коня въ упряжи (надгробный сюжетъ?), горельефныхъ тельцовъ по сторонамъ нилыстра и пр., и рядомъ столь же крупный, вышуклый надписи съ именемъ Набатеяскаго Идумейскаго царька Маликада время Ирода Великаго, сына Моавіера; надъ этою надписью орнаментальный фризъ представляетъ побѣгу лозы съ листьями и гроздьями

Рис. 13. Сіяхъ. Фрагментъ фриза отъ гіерона.

внутри волютъ (фот. 402). Всѣ сдѣланные нами снимки съ фрагментовъ, лежащихъ среди руинъ иногда къ верху ногами, накосъ, перевернутыми и т. д., полезно сравнить съ фантастическими (и въ тоже время дѣтскими по приѣмамъ) рисунками, данными у Вогюэ, прежде чѣмъ приступать къ сужденію и критикѣ чужихъ сужденій.

Неоспоримо оригинальныя формы этихъ рельефовъ не составляютъ, однако, стиля, съ извѣстнымъ характеромъ или выраженіемъ семитической страстности, преувеличенія, какъ то пытаются здѣсь видѣть, на основаніи словъ Вогюэ и одного, никуда не годнаго рисунка. Равно нельзя особенно настаивать (какъ то дѣлаютъ въ послѣднее время) на аллегорическомъ характерѣ изображеній въ этихъ рельефахъ: вся эта орнаментальная декорация потеряла свой аллегорическій смыслъ безконечно давно, еще въ древней

Ассирія и Персія, и утверждать его возникновеніе, безъ особыхъ основаній, значило бы пасивовать смыслъ историческихъ формъ символики и декораціи. Конечно, въ самомъ повтореніи виноградной лозы съ гроздьями, изображеній животныхъ и растительнаго міра, сама по себѣ заключена извѣстная символика, но она, въ свою очередь, опредѣляется декоративными формами, и потому не имѣя передъ глазами ясно возстановленнаго зданія съ архитектурными деталями, было бы странно судить о значеніи отдѣльных украшеній.

Далѣе, вольно каждому думать, что описанные дворы составляютъ одинъ храмъ-гіеронъ. Этотъ храмъ Ваалсамина представляетъ близкое сходство съ іерусалимскимъ храмомъ временъ Ирода, но это предположеніе, столь естественное, даетъ очень мало, ибо, за исключеніемъ этихъ орнаментированныхъ карнизовъ и мощеной террасы передъ храмомъ, рѣшительно ничего не уцѣлѣло, а безъ раскопокъ всѣ наши заключенія о вышнемъ видѣ памятника являются чистыми гаданіями, въ чемъ всякій легко убѣждается на мѣстѣ, въ особенности при сравненіи дѣйствительности съ рисунками и планами Вогюэ.

Съ точки зрѣнія сравнительной, этотъ пресловутый храмъ Ваалсамина есть не болѣе, какъ довольно уродливое, мѣстное подражаніе превосходному римскому оригиналу первой половины I столѣтія, т. е. лучшаго времени римскаго искусства, но для Сиріи времени переходнаго отъ прежнихъ греческихъ работъ эпохи селевкидовъ къ новому римскому вкусу, вводившемуся Иродомъ. Въ городахъ, пользовавшихся высшею культурою, по берегу Сиріи, или непосредственнымъ покровительствомъ власти, конечно, были уже вышесныя иностранные мастера, но въ глухихъ провинціяхъ Набатейскаго царства ихъ не могло быть, и новый вкусъ разрабатывался съ примитивною грубостью, которая, однако, только на первый разъ могла бы показаться примитивною, древне-восточною орнаментациею. Сравненіе съ памятниками начального римскаго періода въ Малой Азіи¹⁾ легко открываетъ намъ прототипы этого мнимо-азіатскаго стиля: его выпуклыхъ орнаментовъ, побѣговъ лозы съ рѣдкими листочками, явно принадлежащими плющу, не винограду, оригинальнаго оживленія вѣтки птичками, сарапчею, ящерицами, человѣческими бюстами и головами.

Изъ Кенавата мы прошли въ *Атиль* (др. *Athila*), замѣчательный развалинами двухъ храмовъ: одного храмика съ чуднымъ рѣзнымъ порталомъ

1) См. снимки орнаментальныхъ деталей съ храма въ Эзани, отлично снятыхъ въ атласѣ Филиппа Леба: *Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure* par M. Ph. Le Bas, publ. par S. Reinach, 1888, *Asie Min., Archit.* pl. 23—35, особенно pl. 31 ср. пальметки подъ овами карниза и фот. 401; pl. 34—детали гробницы въ Эзани съ характерною листовою разводовъ и розетокъ и фот. 405—406; ср. тутъ же крутящуюся розетку и побѣгъ плюща, съ снимками Сіаха и Кенавата; также снимки изъ неизвѣстныхъ мѣстъ Малой Азіи, II, 3 и пр.

(фот. 409, табл. XVI), совершенно того же характера, что двери въ Кенаватѣ и порталы Сіаха, слѣдовательно, также II вѣка по Р. Х.; пилястры портала украшены сильно вышуклыми завитками акапооваго побѣга съ розетками внутри (ихъ типъ всего лучше сохранился на кускѣ портала другого храма, фот. 406), которыхъ лепестки приноднаты надъ фономъ и причудливо выгнуты, какъ на живомъ цвѣткѣ; по сторонамъ портала двѣ ниши обрамлены великолѣпными рѣзными косяками, на одномъ крупный меандръ, какъ въ Кенаватѣ. Въ самой срединѣ храма выведена высокая аркада, остатокъ бывшей здѣсь христіанской церкви: въ замкѣ арки вложена плита съ орнаментальнымъ крестомъ. Во дворѣ жилища, прилѣгавшаго къ храму, нашлось много барабановъ колоннъ, надписей и кусковъ, между которыми замѣчательнъ карнизъ, украшенный розетками, которыхъ лепестки какъ бы закручены сильнымъ движеніемъ. Этотъ орнаментъ особенно любопытенъ, потому что часто встрѣчается въ варварскихъ древностяхъ IV—IV в. по Р. Х.—здѣсь онъ является ранѣе Европы.

Другой большой храмъ Атія нынѣ (фот. 405, кат. 253) почти весь разобранъ, и внутри него поселилась семья друзовъ, очень многочисленная и хозяйственная, которая быстро доканчиваетъ его раззореніе. Уже теперь осталась только одна стѣна съ антою, заложенный уже внутри жилища фасадъ, съ декоративными пилястрами, которыя оказались замазаны красною глиною; повсюду въ стѣнахъ куски рѣзныхъ карнизовъ, антаблемента съ большимъ меандровымъ фризомъ и пр., въ видѣ упомянутаго косяка надъ дверью (фот. 406, кат. 254) и другого съ листовными разводами, въ которыхъ прыгаютъ козы и пантеры¹⁾; въ оградѣ, во дворѣ, заложенъ большой бюстъ Геліоса (фот. 407, кат. 255).

Церковь этого городка оказалась старинною и особенно жалкою: она въ одинъ нефъ, аркады выложены изъ сборныхъ кусковъ и мѣстами подальше и грозятъ разрушеніемъ; послѣдняя аркада опущена на двѣ коринтскія канители, абсида сложена частію изъ петесанныхъ кусковъ и т. п. Самыя канители, какъ и нара большихъ (фот. 408) канителей, изъ которыхъ сложенъ алтарь халуэ — молевыя друзовъ, принадлежатъ тому же большому храму. По низу этихъ канителей идетъ поясъ изъ короткихъ и широкихъ акапоовъ, отдѣльно высѣченныхъ на фонѣ корзины; выне низкій, загибающійся поясокъ акапоовыхъ коронокъ, заступившій мѣсто прежняго пояса, и затѣмъ верхушка, убранныя толстыми побѣгами волютъ.

Черезъ Атію мы прошли затѣмъ въ Суведу. *Суведа* или *Суйеда* (др. Dionysias) большой городъ и въ древности и въ настоящее время, а его

1) Ср. въ указанномъ атласѣ *Le Bas Voyage* par S. Reinach, *Asie Min.* II, 3, III пилястръ съ разводами, которыхъ розетки изъ выгнутыхъ лепестковъ, съ ползающими ящерицами, летающими птицами, указываютъ сами, гдѣ оригиналы Кенавата, Сіаха и Атія.

христіанскіе памятники изъ важнѣйшихъ въ Гауранѣ. Но, благодаря значительному населенію, памятники вообще крайне пострадали и, кромѣ немногихъ особенно крупныхъ зданій, сохранившихся хотя въ кускахъ, остальные разнесены по городу, и нерѣдко нѣтъ возможности сказать, при видѣ новыхъ домовъ, сложенныхъ изъ кусковъ, какому зданію принадлежитъ колонна, капитель, часть архитрава и пр.

Въ центрѣ города еще отъ древности сохранилась площадь, обставленная почти кругомъ древними домами и зданіями; по краю этой площади доселѣ проходитъ главная улица, перерѣзывающая городъ на двѣ половины, и, рядомъ съ площадью, другая улица, идущая перпендикулярно къ первой и раздѣляющая городъ на четыре квартала, но менѣе замѣтная нынѣ среди руинъ. Большой *периптеральный храмъ*, стоящій на площади и выходящій на первую улицу, обращаетъ на себя вниманіе особенностями своего стиля въ колоннахъ и капителяхъ (фот. 415, кат. 267), вѣншей колоннады и орнаментикѣ фронтоновъ, порталовъ и нишъ, сохранившихся въ сѣверной (сборной изъ кусковъ стѣнѣ). Во первыхъ, эта орнаментация не имѣетъ ровно ничего общаго съ стилемъ вышеописаннаго храма въ Сіахѣ, какъ то было высказано г. Рэемъ на одномъ только основаніи неблагопріятнаго впечатлѣнія, вынесеннаго имъ отъ вида этихъ развалинъ. Правда, колонны (видныя, однако, не вездѣ до базы) не имѣютъ стройности колоннъ Кенавата, никакого суженія наверху, сдѣланы изъ многихъ, часто слишкомъ мелкихъ барабановъ и т. д. Далѣе, стиль капителей и антаблемента указываетъ своею сухостью, утрированою формъ и неизящными пропорціями на позднее время, а именно, по нашему мнѣнію, на III столѣтіе, даже на его конецъ, но все это нисколько не сближаетъ этого храма съ руинами храма Сіаха, которыя, будучи грубою работою (а вовсе не *стилемъ*) каменотеса, подражаютъ, однако, лучшимъ образцамъ вышуклаго пластическаго орнамента римлянъ. Во всемъ этомъ насъ убѣждаетъ сличеніе приводимыхъ фотографическихъ снимковъ, но только подробный анализъ и сравненіе деталей этого храма Суведы съ сирійскими образцами можетъ объяснить намъ *стиль*, имъ представляемый, чрезвычайно сухой, обѣднѣвшій, но высоко интересный для древне-христіанскаго орнамента.

Капители этой колоннады имѣютъ лишь одинъ поясъ акаеовъ, и при томъ столь плотно прижатыхъ къ корзинѣ, что едва легкая насѣчка выдаетъ контуры листьевъ (сравни позднѣйшую филигранную декорацію византійской капители въ Золотыхъ воротахъ Константинополя), и сейчасъ же надъ этимъ поясомъ вдругъ опускаются сильно вышуклыя, отвисающія верхушки тѣхъ же акаеовъ, а надъ ними расположены толстые побѣги волютъ, напоминающіе даже іоническій орденъ своими размѣрами. Антаблементъ весь раздѣланъ по фризу штучнымъ наборомъ съ розетками внутри, а карнизъ укра-

шенъ чрезвычайно сухими и безхарактерными разводами, столь ясно сближающимися съ орнаментациею базилики или Суведы (см. ниже) и (предполагаемой, о чемъ см. выше) базилики Кенавата, что мы почти вынуждены считать ихъ тождественными. Стало быть, этотъ храмъ—явно, языческій—и христіанскія базилики Гаурана близки другъ къ другу по времени, и слѣдовательно, эти послѣднія должны быть нами отнесены къ IV вѣку.

Слѣва отъ храма (на площади, а не по улицѣ, гдѣ зданіе совершенно закрыто) видна еще одна боковая, смотрящая на юго-востокъ, *абсида* отъ тройной, разобранной для дома, абсиды, очевидно, христіанской базилики; стѣна сохранившейся абсиды хорошей древней кладки. На юго-восточномъ концѣ площади въ правомъ ея углу, въ стѣнѣ богатаго дома вложенъ кусокъ

Рис. 14. Суведа. Храмъ. Сѣверная сторона.

углового карниза съ маскою (фот. 417, кат. 269), а ворота цѣликомъ сложены изъ античныхъ, роскошныхъ по своей орнаментаци, кусковъ антаблемента, на которыхъ высѣчены еще въ древности кресты. Домъ новой постройки, но весь сложенъ (мѣстами въ два этажа) изъ древнихъ матеріаловъ, и навѣсъ во второмъ его дворѣ опущенъ на колонны съ оригинальными капителями: листва (фот. 416 и 418, кат. 268 и 270), этой капители (рис. 15) имѣетъ видъ какъ бы водяныхъ растений, въ два пояса, съ толстыми и сочными листьями, безъ всякихъ жлоковъ, но въ контурѣ акашоувъ, какъ въ позднѣйшую эпоху, т. е. въ III—IV в. ихъ стали дѣлать короткими и сильно приподнятыми надъ фономъ; надъ поясомъ листьевъ суставы какъ бы тростниковаго растенія, въ томъ родѣ, какъ на римской утвари, поднимаются и рас-

ходятся подъ абакомъ капители, въ видѣ усиковъ и цвѣточныхъ побѣговъ съ розетками на концахъ. Однако, здѣсь, въ дѣйствительности, нѣтъ повой особенной формы, и по нижнему поясу акантоовъ легко видѣть, откуда эта форма получила свое начало. Это также коринфская капитель, т. е. корзина, обвитая поясами акантоовъ, въ которой только не раздѣланы детально какъ самые листья, такъ и суставы расходящихся цвѣточныхъ волютъ. Единственное заключеніе, которое можно сдѣлать по вопросу о происхожденіи подобной формы, времени ея появленія въ Сиріи и значеніи ея для опредѣленія памятниковъ, должно быть въ пользу того, что эта листовая форма въ мелкихъ каптеляхъ представляетъ подражаніе неизвѣстному пока намъ, но монументальному или даже колоссальному памятнику Сиріи же или Египта, изъ твердой породы камня, напр. грапита, не допускавшаго детальной отдѣлки. Мы увидимъ ниже, что форма эта встрѣчается въ каптеляхъ, извлеченныхъ изъ гробницы Царей въ Іерусалимѣ, которой эпоха, въ свою очередь, опредѣляется орнаментикою и пунѣ всѣми компетентными людьми относятся ко времени около Рождества Христова.

Наиболѣе замѣчательнымъ памятникомъ Суейды является *христіанская базилика* колоссальныхъ размѣровъ и на этотъ разъ цѣликомъ самобытнаго христіанскаго происхожденія. Уже западный фасадъ съ двумя (фот. 410, кат. 259 и 260) (отъ трехъ прежде бывшихъ) колоссальными порталами, которыхъ украшеніе ограничилось, однако, профилевою косяковъ и арочнымъ окномъ надъ каждою дверью, представляетъ замѣчательное тождество по характеру самой кладки и внѣшнему общему виду съ базиликою Кенавата (*второе* зданіе). Этотъ фасадъ на одну треть съ правой стороны разрушенъ, сверху же разобранъ, а громадныя двери, напротивъ того, забраны кое-какъ. Храмъ находится во владѣніи цѣлаго десятка семей, понаѣдавшихъ всюду свои конурки; большое удобство при этомъ составили входы главные и боковые и этому обязаны своимъ сохраненіемъ, тогда какъ внутренность храма уничтожена, какъ дерево съѣдается внутри червями. Войдя внутрь базилики, видишь, на мѣстѣ прежняго двухъэтажнаго нартекса, по сторонамъ средняго портала, сложенные наглухо два каменные корпуса съ крохотными лазейками вверху. Нефы съ двумя рядами колоннъ, или погребенными подъ руиною, теперь почти непримѣтны, такъ что на мѣстѣ можно пойти только двѣ базы. Правда, базилика завалена доселѣ своими собственными руинами, но, повсюду, гдѣ была площадка, терраса, кусокъ стѣны побольше, устроилось жильѣ, и десятки семей, усѣвшіяся на руинахъ базилики, продолжаютъ ихъ растаскивать и разваливать, а друзья далеко не равнодушны къ искусству. Вотъ почему на всемъ пространствѣ базилики едва сохранилась одна капитель, и то (фот. 419) благодаря своей величинѣ. Судя по барабанамъ, колонны были въ базиликѣ разныхъ размѣ-

ровъ, стало быть, сборный, изъ языческихъ храмовъ. Равно, и капитель происходитъ изъ древней языческой постройки, что доказывается ея типомъ:

Рис. 15. Ес-Суведа. Домъ на храмовой площади.

поясъ бѣльшихъ, широколопастныхъ аканѳовъ по низу, выше поясокъ верхушекъ отъ другихъ, надъ ними ложки и затѣмъ карнизъ, отдѣланный овами.

Абсида съ тремя полукруглыми нишами (фот. 413, кат. 264), изъ нихъ средняя больше размѣромъ, подѣлена теперь на три жилья, устроенныя на разныхъ уровняхъ; изъ нихъ одинъ домъ занялъ половину абсиды. Въ ней поясъ арочныхъ оконъ. Надъ боковыми нишами большія четырехугольныя окна. На сѣверной сторонѣ сохранилась также на высоту 1—2 саж. стѣна отличной кладки, и въ ней двое входныхъ дверей съ крестами въ кругахъ и ornamentированными виноградною лозою косяками (фот. 411 и 414, кат. 261 и 265). Въ кускѣ стѣны, который мы видѣли, не было никакихъ оконъ, но возможно, что стѣна съ восемью арочными окнами, бывшая при Вогюэ, нынѣ уже упала.

Базилика имѣла обширный атриумъ, котораго планъ остался для насъ неяснымъ, влѣдствіе трудности сдѣлать промѣры между разными примостившимися къ руинамъ домишкамъ и импровизированными жилищами. Съ западной стороны отъ базилики видны угловыя входныя двери (изъ числа трехъ?) съ полукруглыми нишами, обращенными внутрь атриума, слѣдовательно, въ соотвѣтствіе съ противустоящими колоннами, для сводчатаго навѣса вдоль атриума. Дверь украшена такими же крестами, какъ и дверь сѣверной стѣны. Далѣе, руины зданія, напоминающаго боковыя (фот. 412, кат. 263) атриумы, тянутся вдоль южной стѣны базилики: по это только громадныя базы колоннъ въ два ряда, — ряды, очень сжатые, кѣмъ то расчищенные отъ мусора, и даже прикрытые канителями, имѣющими совершенно ту же кубовую форму, какъ и колонны атриума въ базиликѣ Кенавата. По всѣмъ этимъ даннымъ и по стилю орнаментовъ, базилика можетъ принадлежать еще IV столѣтію.

Именно по своей предполагаемой древности базилика Суведы получаетъ для насъ наибольшій интересъ: по счастью, сохранившіеся на сѣверной сторонѣ входы даютъ намъ для того достаточное доказательство въ орнаментикѣ порталовъ. Эта орнаментика (фот. 411 и 414) представляетъ во первыхъ совершенное тождество съ порталомъ предполагаемой базилики (*второго* зданія) Кенавата, и во вторыхъ ясно отмѣчена высѣченными на верхней перекладинѣ равноконечными крестами, какъ работа христіанской эпохи, приблизительно времени Константина Великаго. Мы имѣемъ здѣсь еще римскую кладку стѣпъ, высѣченныя по бокамъ консоли для поддержки (недостающаго) карниза, и самый порталъ, котораго перекладина и пилястры украшены побѣгомъ лозы. Этотъ побѣгъ уже не образуетъ волотъ, но извивается по рамкѣ волнистою линіею изъ толстой акаѳовой вѣтви (но уже безъ листовенной отдѣлки), отъ которой отдѣляющіеся усики закручиваются симметрично внутрь, держа листики или грозди. Работа поверхностная, безъ всякой моделировки, сухая, мелочная и безхарактерная.

Изъ Суведы черезъ *Айе*, *Уатаръ* и *Джемеринъ* пройды четыре часа,

мы пришли въ *Босру*, издали представившуюся величественнымъ, большимъ городомъ, вблизи оказавшуюся жалкимъ мѣстечкомъ съ бедупинскимъ населеніемъ, среди колоссальныхъ развалинъ. Но видъ издали есть исторически дѣйствительная картина, которая особенно счастливымъ образомъ открывается путешественнику, когда, осмотрѣвъ Босру и изучивъ ея руины, онъ будетъ уѣзжать изъ города. Руины эти такъ значительны, что на разстояніи совершенно замѣняютъ зданія, и такъ разнообразны, что ихъ нельзя (въ отличіе отъ прочихъ городовъ Гаурана) смѣшать: здѣсь есть и высокія тонкія башни, и храмы съ колоннадами, и импозантныя триумфальныя арки, и театры, и террасы древнихъ многоэтажныхъ домовъ, церкви и цитадели. Все это, на разстояніи, напоминаетъ въ общемъ рисунокъ разнообразные контуры восточнаго города съ округлыми мечетями и тонкими минаретами, террасами жилыхъ домовъ и древними стѣнами.

Городъ дѣлится двумя перекрещивающимися улицами на кварталы, но тетрапила или не было, или не сохранилось¹⁾. Центральная часть наполнена лучшими зданіями языческаго характера и происхожденія, частію изъ времени Траяна (который былъ, по Евтропію, orbem terrarum aedificans и отличалъ Босру), болѣе того, съ конца III вѣка, когда, послѣ паденія Пальмиры, Бостра сдѣлалась почти исключительно посредницею торговли Востока съ Западомъ, направлявшейся черезъ этотъ пунктъ къ портамъ Средиземнаго моря и имѣвшей здѣсь важнѣйшіе склады, такъ какъ здѣсь непрерывно разгружались караваны верблюдовъ, а товары отсюда доставлялись уже по римскимъ дорогамъ.

Центръ города легко отыскивается по колоннадѣ изъ четырехъ колоннъ (фот. 438, кат. 292); уголь стѣны съ пирами примыкаетъ къ колоннамъ, а сохранившаяся сзади стѣна съ большою экседрою для кумира или статуи указываетъ ясно на то, что это развалины храма. Но, судя по тому, что онъ занимаетъ угловое мѣсто, что онъ поставленъ въ самомъ бойкомъ мѣстѣ и лишень священнаго храмоваго темена или участка, можно, пожалуй, считать, что это скорѣе декоративный храмъ, посвященный римскому божеству-покровителю, чѣмъ культовый сирійскій храмъ. Но мы слишкомъ мало знаемъ объ этихъ послѣднихъ, чтобы умѣть различать ихъ отъ греко-римскихъ. Черезъ улицу, напротивъ, видишь двѣ (фот. 437, кат. 290) колонны отъ портика, сохранившія свой антаблементъ.

Отсюда, пройдя по перекрестной улицѣ, встрѣчаешь колоссальную триумфальную (фот. 433 и 434, кат. 285 и 286) арку, которой размѣры,

1) Вышеуказанный географъ 350—353 гг. ib. vol. II cap. 38, p. 518 знаетъ здѣсь тетрапиль: ... civitas Bostra, quae maxima negotia habere dicitur, propinqua Persis et Saracenis, in qua publicum opus tetrapylī memorabile nominatur.

чуждая кладка внутреннихъ сводовъ и постановка могли бы удовлетворить самый Римъ, не только столицу восточной караванной торговли. Прямая, широкая улица, обставленная правильными зданіями, идущая мимо фасада арки; новая улица, повидимому съ крытыми по сторонамъ галлереями, пачинающаяся изъ подъ трехъ арокъ; обширныя термы, сохранившіяся въ цѣломъ рядѣ помѣщеній, крытыхъ сводами,—все это придаетъ руинамъ характеръ особой значительности. Къ сожалѣнію, осмотръ руинъ очень здѣсь затрудненъ тѣмъ, что самыя улицы покрыты сплошною и не прерывающеюся грудю камня, барабановъ, плитъ, по которымъ надо лѣзть, чтобы продвигаться впередъ, и такъ вездѣ, гдѣ стояли большія общественныя зданія.

Въ западномъ кварталѣ улицы имѣютъ, напротивъ, обычный видъ тропинокъ, ведущихъ по мусорнымъ кучамъ и среди каменныхъ оградъ и древнихъ домовъ. Вновь встрѣчаемъ *триумфальную арку* (табл. XVIII), на этотъ разъ меньшаго (фот. 435, кат. 287) размѣра (если не городскія ворота?): неизвѣстный намъ изслѣдователь раскопалъ эту арку до основанія. Въ сторонѣ отъ нея поднимаются величественныя развалины дворца (фот. 436, кат. 288) западный фасадъ ихъ открывается рядомъ громадныхъ аркадъ; внутри зданіе сохранило всюду стѣны обонхъ этажей, еще видна громадная арка, связывающая залы верхняго этажа. По близости отъ дворца, среди полуразваленныхъ домовъ, видны двѣ торчащія отдѣльно колонны; онѣ поставлены на особыхъ высокихъ пьедесталахъ и, очевидно, принадлежать какъ бы лицевому портику; по сторонамъ ихъ, въ стѣнахъ сосѣднихъ домовъ можно еще различить двѣ полуколонны, обрамлявшія боковыя анты. Но кусокъ закрутляющейся стѣны за этими антами или пилястрами и полукупольнаго свода надъ ними показываетъ, что мы имѣемъ здѣсь не собственно портикъ, но декоративную экседру, единственно уцѣлѣвшую отъ языческаго храма. Разслѣдовать прочія его части, застроенныя или вошедшія въ составъ домовшекъ, въ настоящее время не мыслимо.

Античныя руины Босры представляли для нашихъ цѣлей значительный интересъ: будучи, въ большинствѣ случаевъ, довольно поздняго происхожденія, а именно отъ II—III вѣка или временъ императора Филиппа Аравіяннина, уроженца Шухбы, эти руины указываютъ, какіе образцы нашло христіанское искусство въ Сиріи. Такъ, на капителяхъ триумфальной арки, большого и малаго храмовъ мы находимъ именно тотъ типъ листовъ, который уже былъ указанъ нами для III вѣка. Въмѣсто двухъ поясовъ аканто-выхъ лпстьевъ, мы находимъ здѣсь какъ бы три пояса, при чемъ верхній образуется изъ пышнаго обрамленія акантовыми кронами стеблей усиковъ и волютъ по угламъ капители. Далѣе, акантовы не прикрываютъ другъ друга, а размѣщены по корзинамъ одинъ за другимъ, и фонъ около нихъ сильно углубленъ сверломъ, чѣмъ и достигается весь эффектъ рѣзбы мелочной, по дели-

катной; острія акапоовъ уперты другъ въ друга, листья широки и низки — все это какъ разъ повторяется въ IV столѣтіи. Особенно любопытны щеголеватыя капители храма (фот. 438), съ розетками въ третьемъ поясѣ и безъ волютъ по угламъ, съ тонкими вышущеными абаками.

Но гораздо большій интересъ имѣютъ сами по себѣ и въ особенности для насъ христіанскіе памятники Босры: надо припомнить, что именно въ первое время Византійской Имперіи, т. е. въ IV—VI вѣкахъ Босра наиболѣе процвѣтала и богатѣла. Вотъ почему церкви Босры были самостоятельно построенными, обширными и художественными зданіями. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ должно поставить (фот. 421, кат. 274) развалины *монастыря Бокейри*, такъ названнаго потому, что древняя христіанская базилика послужила помѣщеніемъ мусульманскаго святаго и потомъ монастыря дервишей. Западный фасадъ базилики стоитъ почти въ рядъ съ остатками фасада главнаго собора Босры, и возможно, что уже въ VI вѣкѣ бывшая базилика была преобразована въ христіанскій монастырь, а потому естественно предположить, что эта базилика построена еще въ IV вѣкѣ, или даже при Константинѣ. Базилика построена разомъ и цѣликомъ, въ видѣ залы въ одинъ нефъ, но, такъ сказать, въ два свѣта, съ большими арочными окнами въ верхней части стѣнъ, съ высокою и во всю почти ширину зданія абсидою (фот. 422, кат. 275) не пристроенною на этотъ разъ, но выложенною разомъ, все это прекрасной римской кладки и снаружи и изнутри, съ притескою каждаго камня. Но снаружи зданіе, очевидно, потерпѣло: такъ, западный фасадъ имѣлъ первоначально по краямъ полуколонны, на которыхъ были выложены во второмъ этажѣ пилястры; отъ угловой капители полуколонны шла первоначально линия выступающаго декоративнаго щипца или фронтона, нынѣ сохранившагося только въ видѣ куска, за которымъ уже выложена арка въ соотвѣтствіе съ абсидою; однако средняя дверь сохранила косякъ съ крестомъ, а на одной боковой еще виденъ стесанный крестъ. Повидимому, перекладка произошла еще въ христіанское время, или же при Арабахъ, и быть можетъ, базилика была передѣлана на жилье, именно на монастырь — въ ней сдѣланы два этажа и заложены бывшія въ фасадѣ окна. На сѣверной стѣнѣ видны еще консоли, на которыхъ, вѣроятно, были укрѣплены декоративные выступающіе щипцы. Наконецъ, на псподѣ замковаго камня въ аркѣ абсиды вырѣзано изображеніе такъ называемаго Гераклова узла, эмблема прочности зданія, часто встрѣчающаяся во всей Сиріи.

Главный соборъ представляетъ громадную руину (фот. 420, кат. 272), заваленную кучами пепла, который сюда свозятъ со всего города; изъ подъ этихъ кучъ, быть можетъ (во времена Вогюэ), освобождена именно та небольшая часть средняго нефа передъ абсидою, которая въ позднѣйшее время

была выдѣлена изъ руинъ въ видѣ маленькой базилики и представляетъ три нефа, раздѣленные базами колоннъ; затѣмъ сохранилась главная абсида, отдѣленіе жертвенника (фот. 423, кат. 277), покрытое еще сводомъ, и

Рис. 16. Босра. Колонна въ мечети (монастырь) на западъ отъ города.

крыло западнаго (фот. 424, кат. 278) фасада съ нишею. Къ большому собору примыкаетъ сзади еще небольшая базилика, теперь служащая жилищемъ, и потому на двѣ трети разобранная: повидимому, отъ древней базилики со-

хранилась лишь восточная часть, и то не вся, а только двѣ абсиды, третьей на лѣвомъ рукавѣ недостаетъ; надъ арками помѣщено по три окна. Сохранился частію и западный фасадъ въ два этажа, орнаментированный нишами въ томъ же родѣ, что и базилика монастыря Бохейри внутри.

Не менѣе замѣчательные памятники христіанскаго происхожденія находятся въ монастырѣ — мечети имени Омара (табл. XVII) на западномъ концѣ города: громадный корпусъ великихъ построекъ составлялъ нѣкогда христіанскую обитель, но, за исключеніемъ мечети, все остальное искажено и полуразрушено мусульманскими передѣлками. Такъ, сѣверная стѣна сохранила отъ древности развѣ только одну дверь, все остальное относится уже къ мечети и стѣна составляетъ ея лицевой фасадъ, а потому, для красоты, вмѣсто одного пояса камней выложенъ рядъ барабановъ колоннъ (фот. 425, кат. 279) обернутыхъ пятою; въ нижней части стѣны заложено нѣсколько надписей V—VI столѣтій. Южная стѣна украшена арабскимъ портикомъ изъ арокъ на столь низкихъ колоннахъ (частію еще погруженныхъ въ мусоръ), что ихъ капители мѣстами находятся у самой земли, — какъ извѣстно, особенность арабской архитектуры XIII—XIV столѣтій, усвоенная по мѣстамъ и европейскою; ионическія капители на этихъ колоннахъ, очевидно, происходятъ изъ древняго языческаго зданія. Внутри зданіе представляетъ большой корпусъ почти квадратной мечети: по южной и восточной (фот. 428 и 429, кат. 281 и 282) сторонамъ ея идутъ въ два ряда колонны; изъ нихъ на южной сторонѣ 12 колоннъ мраморныхъ, повидимому, привознаго мрамора, монолитныхъ, съ мраморными же коринѣскими капителями, довольно тонкой рѣзбы, но рѣзко торчащихъ порознь аканѣовъ въ два пояса, съ мелкими (фот. 430, рис. 16) и почти закрытыми волютами, которая по характеру не можетъ быть раньше вѣка Константина или даже конца IV столѣтія. Колонны, будучи привозными, имѣютъ близкое сходство по рисунку съ нѣкоторыми капителями изъ Херсонеса, происходящими изъ проконесскихъ ломокъ¹⁾. На двухъ колоннахъ въ кругу высѣчены надписи, относящіяся къ постройкѣ (явно, на этомъ же мѣстѣ, гдѣ уже было языческое зданіе храма) сигмы съ тремя конхами или абсидами въ 384 г. (384—105)=489 году²⁾, стало быть, еще точнѣе, къ пристройкѣ въ языческомъ

1) А. Л. Бертъ-Делгагартъ. *Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса*. 13-й вып. *Матеріаловъ по археологіи Россіи*, изд. Имп. Арх. Коммиссіею. 1893.

2) Эта дата устройства абсиды съ тремя конхами или такъ называемая *триконха* весьма важна для рѣшенія вопроса о времени построенія (при Юстиніанѣ?) абсиды Впоеемской базилики Рождества. Въ недавно вышедшемъ сочиненіи Brockhaus, Heinrich, *Die Kunst in den Athosklöstern*, 1891, р. 19 указано на эту форму (Kleeblattförmige Bildung) въ планѣ афонскихъ церквей, какъ на особую группу, но эта группа позднѣйшаго времени. Проф. Стрыговскій въ рецензіи на это сочиненіе въ *Byzantinische Zeitschrift*, 1892, р. 349, указываетъ на мечеть Мустафы въ Константинополѣ, и Св. Іліи въ Солуни, Свв. Апостоловъ въ Аоннахъ, разрушенную и. Пресв. Богородицы Влахерской и триконхъ царскаго дворца въ Византіи.

храмъ алтарной части для обращенія его въ базилику. Свидѣтельство въ высшей степени любопытное, такъ какъ оно поясняетъ намъ ряды христіанскихъ памятниковъ Сиріи.

Наконецъ, массивная цитадель Босры, времянъ Саладина, такъ называемая *Ель-Кала'а*, съ ея колоссальными стѣнами, выложенными изъ великолѣннаго древняго матеріала, блоковъ, обтесанныхъ гладко, въ рустикъ съ еврейскими вынусками, сама представляетъ замѣчательный памятникъ, для сооруженія котораго въ XIII вѣкѣ истреблены, однако, лучшіе памятники Босры. Но, кромѣ того, что стѣны этой цитадели украшены древними надписями, порталами христіанскихъ базиликъ, на которыхъ уцѣлѣли даже кресты, онѣ охватываютъ собою и до извѣстной степени охраняють отъ разрушенія одинъ изъ наилучшихъ и наиболѣе сохранныхъ римскихъ театровъ. Здѣсь уцѣлѣла даже часть (фот. 443, кат. 297) вѣчнаго (табл. XX) портика или колоннады, а великолѣнный *proscenium* (табл. XIX) представляетъ, кромѣ средней части съ декоративными нишами и экседрами, два громадныхъ крыла, въ видѣ отдѣльныхъ дворцовъ, обращенныхъ боковыми стѣнами къ театру, а фасадами другъ (фот. 440 и 441, кат. 294 и 295) противъ друга; въ этихъ дворцахъ выложены, такимъ образомъ, двѣ стѣны, и внизу имѣется парадный входъ, выводящій за кулисы. Любопытна также подземная (фот. 442, кат. 296) галерея, проходящая вдоль середины дворца, очень глубокая, теперь открытая и лишенная своихъ сводовъ, а въ подземельяхъ оркестра были прежде устроены пороховые погреба. Великолѣнно сохранились, по служатъ для казармъ цитадели клоаками и подземные ходы и сообщенія различныхъ (фот. 439, кат. 293) частей театра (*vomitoria*).

Изъ Босры, выйдя въ ворота Бабъ-ель-Гауа, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится источникъ, питающій весь городъ, и идя частию по римской дорогѣ, мы прошли сперва въ деревни *Джизе* и *Еш-Шурукъ*, гдѣ древняя башня оказалась превращенною въ церковь, судя по грубо вырѣзаннымъ (фот. 301, кат. 143) крестамъ на ея дверц, а затѣмъ въ *Насибъ* и *Ремте*, громадное селеніе, одиноко возвышающееся, на подобіе крѣпости, вправо отъ ровной и низменной пустыни. Этимъ путемъ мы избѣгали *Дерата* (или Дера'а), черезъ который, какъ мы знали, прошла линія кордона, открытаго Турціею по случаю открытія холеры въ Дамаскѣ и бѣгства его жителей. Еще въ Суведѣ получили мы извѣстія о холерѣ и оттуда начали запасаться всякаго рода свидѣтельствами о томъ, что находимся вѣдѣ неблагополучныхъ мѣстъ.

Изъ Ремте мы прошли черезъ пустыню на *Гауаръ* и оттуда черезъ *Едунъ* и *Мезаръ*, по горнымъ тропинкамъ и ломамъ текущихъ нерѣдко среди густыхъ лѣсовъ и зимою ручьевъ, переваливая большія и крутыя горы, въ *Тибне*, расположенное на значительной высотѣ (фот. 448—449, кат. 302).

Отсюда начиналось для насъ путешествіе по Заіорданью, нѣсколько сократившееся въ сѣверной своей части, а именно: мы располагали начать это путешествіе отъ самой Тиверіады и продолжать его на Ирбидъ, и теперь не могли этого сдѣлать, въ виду того, что Ирбидъ былъ включенъ въ линію холернаго кордона, протянувшагося на этотъ разъ отъ Дамаска, гдѣ въ 1891 году развилась въ сентябрѣ жестокая холера, черезъ Ирбидъ до Наблуса. Экспедиціи не оставалось иного выбора, какъ идти далѣе внѣ линіи кордона, съ постоянными опросами у мѣстныхъ начальниковъ городовъ и деревень, гдѣ эта линія проходитъ. Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что осторожность была воистинѣ умѣстна въ странѣ арабовъ и среди турецкихъ порядковъ.

ГЛАВА III.

Путешествіе по Заіорданью. Развалины Пеллы. Деревни Аджлунъ и Суфъ. Памятники Герасы, ея шесть христіанскихъ базиликъ. Сильтъ. Пещеры и зданія Аракъ эль Эмира. Общій характеръ древняго Раббатъ-Аммона или Филадельфіи и значеніе его отдѣльныхъ зданій. Дворецъ Эль-Казра, система и орнаментальныя детали его декораціи по отношенію къ сассанидскому періоду искусства и образованію арабскаго стиля. Стоянка экспедиціи въ Лерихонъ и археологическія развѣдки на мѣстѣ, принадлежащемъ Имп. Правосл. Палестинскому Обществу.

Мы вышли изъ Тибне на *Пеллу*, направляясь сначала все внизъ по уади Гаммамъ, по замѣчательно отлогому спуску одного и того же ущелья, пока не дошли до источниковъ этого ущелья, необыкновенно обильныхъ, по нерасчищенныхъ и пропадающихъ у истока въ пескахъ. Отсюда мы поднялись налѣво на гору, направляясь прямо на югъ и скоро увидѣли деревню *Абу-Дейръ* (которая на англійской картѣ Коммисіи Палестинскаго Общества показана въ масштабѣ на 7—8 верст. разстоянія отъ уади, тогда какъ, въ дѣйствительности нѣтъ и половины).

Затѣмъ мы перешли, держась на югъ, три ущелья и достигли большой деревни, которую намъ называли *Джюферемъ* — на той же англійской картѣ ея нѣтъ, но она есть на старыхъ нѣмецкихъ картахъ — господствующей надъ равниною. Отсюда, съ верхнихъ террасъ, открывается панорама всей сѣверной Палестины (см. фот. 450—453), отъ Тиверіады до предѣловъ Іудей. Спускъ, весьма продолжительный, рядомъ переваловъ черезъ холмы и ущелья, по мѣстности, заросшей только кустарникомъ, привелъ наконецъ по ту сторону горъ, на отлогіе склоны къ Іорданской долинѣ. Мы пришли

къ красивому натуральному мосту изъ проточенныхъ въ видѣ арки скалъ надъ сѣрнымъ источникомъ, бьющимъ изъ-подъ горъ и составившимъ цѣлѣбную славу городка въ богатой пѣкогда и высококультурной мѣстности, излюбленномъ курортѣ временъ Селевкидовъ, по традиціямъ которыхъ и городокъ получилъ названіе Пеллы (по имени македонскаго города). Для насъ любопытная эпоха Пеллы начиналась съ 68 года по Р. Х., когда сюда ушли изъ Іерусалима первые христіане, тѣснимые возставшими іудеями и не желавшіе примкнуть къ ихъ національной оборонѣ. Въ тѣ времена Пелла должна была быть значительнымъ и въ извѣстномъ смыслѣ международнымъ пунктомъ, гдѣ римскіе ветераны, греческіе торговцы жили рядомъ съ сирійцами. И потому мы ожидали найти по крайней мѣрѣ значительныя развалины и уже совершенно не ожидали въ Сиріи, послѣ Гаурана, увидѣть картину подобной пустоты, зрѣлище города, почти исчезнушаго подъ иломъ отъ рѣки и распахною холмовъ съ лица земли. Если бы, наконецъ, въ этомъ мѣстѣ, гдѣ мы ожидали найти Пеллу, не было никакихъ развалинъ, мы могли бы считать, что ошиблись мѣстомъ, что развалины настоящей Пеллы неизвѣстны и т. д., но никакого сомнѣнія не было, такъ какъ здѣсь были всѣ признаки древняго города и на лицо были развалины. Это были, во-первыхъ, у ручья развалины храма: куча (фот. 454, кат. 307) камней, много упавшихъ и полузатянутыхъ иломъ и пескомъ колоннъ, два, три куска орнаментированнаго карпиза, одна хорошая и довольно сохранившаяся коринфская канитель IV—V вѣка по Р. Х. (фот. 456, кат. 309).

Затѣмъ, вверхъ по ручью встрѣтили еще кучки тесаннаго камня и въ одной — канитель (фот. 455, кат. 308) также повидимому (она очень обита) константиновской эпохи. Канители одного типа, но какъ будто разной работы, одна болѣе мелкой и тщательной рѣзбы, пройдена рѣзцомъ, другая сверломъ и тесломъ, но поверхностно и грубо. Согласно уже описанному нами выше типу коринфскихъ канителей IV—V вѣковъ, и здѣсь имѣемъ три пояса аканфевъ, по низу широкіе и короткіе листья идутъ рядомъ другъ возлѣ друга, и острія лопастей упираются или сомкнуты у сосѣднихъ листьевъ; средній поясъ состоитъ изъ кронъ или верхушекъ, и наконецъ третій — изъ большихъ листьевъ по угламъ и неразвитыхъ или молодыхъ по среднимъ на мѣстѣ обычныхъ розетокъ. Листья толсты, сочны, но не упруги и не эластичны, иначе говоря, въ нихъ не видно еще византійской декоративной манеры, сухой, но энергичной и выразительной.

Словомъ, это еще огрубѣлый античный пошибъ, а не новый стиль, уже въ это время сформировавшійся въ Константинополѣ, но неизвѣстный въ глухихъ провинціяхъ.

Выше на холмѣ нѣсколько кучъ отъ разсыпавшихся домовъ, въ одной изъ нихъ косякъ съ тремя крестами въ кругахъ и именемъ Θомы, былъ

сперва въ храмѣ а затѣмъ служилъ надгробіемъ. Подъ холмомъ, со стороны Іордана, развалины большой базилики, съ атриумомъ, тремя абсидами, но развалины столь ничтожныя, что невольно спрашиваешь себя, куда же дѣвался матеріалъ упавшаго громаднaго зданія. Едва видны ограждающія стѣны, которыя, не знаешь почему, еще уцѣлѣли; пространство внутри стѣнъ кое гдѣ завалено камнями также, но такъ мало, что, очевидно, главныя развалины или подъ землею, или разобраны окрестными жителями (хотя и сель по близости, въ виду сосѣдства бедуиновъ, принципіальныхъ воровъ и грабителей, все ближе и ближе надвигающихся, благодаря турецкому управленію, теперь также не видно). Въ руинахъ нашлись также двѣ коринтскія капители константиновскаго времени, крайне небрежнаго исполненія, или очень сбитыя, или едва насѣченныя.

Мы напрасно искали по дальнѣйшимъ склонамъ Заіорданскаго хребта въ долину Іордана слѣдовъ древнихъ поселеній, нѣкогда столь многочисленныхъ: ихъ нигдѣ не оказывалось, а то, что принималось за древній городъ, чаще всего представляло кучу битаго камня, т. е. даже не тесанаго камня, а грубыхъ кругляковъ, изъ которыхъ арабы и бедуины въ Сиріи дѣлаютъ свои мазанки и складываютъ насухо ограды. Мы вышли изъ Пеллы, направляясь по ея главному ущелью (съ ручьемъ — *уади Фаиль*, т. е. долина Пеллы) вверхъ, по карнизу, и достигнувъ вершины ущелья, стали переваливать изъ одного въ другое, параллельно Іордану, пока дошли до *уади Іабисъ*; пройдя это ущелье до конца, стали затѣмъ подыматься все выше и выше, пересѣкая горы чуть не въ прямомъ направленіи и чаще всего безъ всякихъ тропинокъ на юго-востокъ къ *Аджлуну*. Мы достигли вершины джебель Аджлуна, близъ развалинъ *Листиба* — куча камней, съ цистерною, *Марг-Еліасъ* — Св. Ілія, и оставляя вправо цитадель Аджлуна — *Кала'а Рабадъ*, спустились въ глубокое ущелье къ городку Аджлуну. Мы не встрѣтили въ Аджлунѣ никакихъ древностей, кромѣ одной башни и миловой надписи, въ мечети, пристроенной къ этой башнѣ; единственная церковь города новой постройки, но не менѣе жалкаго вида, чѣмъ иныя развалины.

Нашъ переходъ, продолжавшійся съ 5 часовъ утра до 7 вечера, почти безостановочно, былъ крайне утомителенъ, благодаря полному бездорожью: очень рѣдко мы шли по тропинкамъ, но и то всегда направлявшимся въ сухихъ ложахъ зимнихъ ручьевъ. Чаще всего путь шелъ вовсе цѣликомъ, и хотя мы перемѣнили нѣсколькихъ проводниковъ, по явно плутали и, только взобравшись на высоту и увидавъ уже пресловутую Кала'а Рабадъ, пошли прямо и напали на широкую дорогу. Впрочемъ, красота дикихъ проходимыхъ мѣстностей, свѣжесть горнаго и лѣснаго воздуха выкунали тягость перехода, который особенно всмывается по его картинамъ горной природы и еще нетронутыхъ лѣсовъ.

Изъ Адждуна, поднявшись вверхъ по необыкновенно живописному ущелью, заваленному скалами и отёненному громадными вѣковыми каменистыми дубами, и переваливъ черезъ два другихъ ущелья, мы стали спускаться и быстро сошли въ деревню *Суфъ*, расположенную въ узкомъ ущельѣ вдоль плодороднѣйшихъ береговъ большой рѣчки, ложе которой заросло тростникомъ и олеандрами на многія версты и оноеяно сплошными, необыкновенно плодородными плантаціями манса. Деревня Суфъ, видимо, очень богата, тянется на добрую версту, но устроена по мѣстному примитивному способу, т. е. жилища разбиты рядами, одно за другимъ, мѣстами на материкѣ, чаще же всего спереди, на насыщенной террасѣ, кое какъ устроенной, а сзади въ горѣ, и такъ деревня расположена высоко надъ рѣкою, и, хотя камень здѣсь подъ рукою, вся построена отъ маленькихъ мазанокъ до громадныхъ скотныхъ загоновъ изъ ицебня и глины. Если древніе города были такой же постройки, то легко понять, почему они безслѣдно исчезли, когда глина ихъ крышъ прикрыла низкія сооруженія изъ камня. Древностей въ деревнѣ никакихъ нѣтъ, но въ концѣ ущелья, уже при самомъ спускѣ, приблизительно въ верстѣ отъ деревни, на западъ по дорогѣ въ Герасу мы встрѣтили (давно извѣстную) колонну съ надписью, которую здѣсь поставили, какъ мильный столбъ.

Рис. 17. Гробница по дорогѣ изъ Суфа въ Джерашъ.

Джерашъ—древняя Гераса представляется путешественнику, идущему отъ Суфа, изящнымъ храмикомъ при дорогѣ, на половину разрушеннымъ—изъ него взята, вѣроятно, и колонна, надпись которой показываетъ, что этотъ храмикъ есть гѣронъ (фот. 458, кат. 311, рис. 17). Колонны (ихъ сохранилось три съ кускомъ антаблемента), по своимъ канителямъ и пропорціямъ тождественны съ храмами Босры.

Мы остановились на западной половинѣ Джераша—рѣка раздѣляетъ его на двѣ (фот. 483) неравныя половины; эта западная часть выше другой,

и на ней былъ расположенъ собственно древній городъ, нынѣ представляющій обширныя развалины. На противоположной восточной сторонѣ есть также нѣсколько развалинъ, но только крупныхъ зданій, а затѣмъ все остальное мѣсто занято въ послѣднее время уже большою черкесскою деревнею (выселенцы изъ Кабарды) или ауломъ не менѣе какъ въ 500 семей, и съ той поры руины пошли, какъ матеріалъ, только на постройку оградъ и для скотныхъ дворовъ, такъ какъ для жилья кабардинцы предпочитаютъ мазанки на хворостѣ, привыкнувъ къ нимъ у себя на Кавказѣ, гдѣ лѣсу было много и подъ бокомъ. Обѣ половины города доселѣ еще связаны римскимъ мостомъ черезъ ручей, но мостъ на половину разобранъ сверху — сколько понадобилось, то снято, такъ что оцелились своды; этотъ мостъ велъ нѣкогда отъ центра — главныхъ храмовъ и вполнѣдствіи базиликъ — на ту сторону, гдѣ были термы и рядъ (фот. 492, кат. 366) портиковъ; и теперь берегъ вправо отъ моста на той сторонѣ укрѣпленъ, для поддержанія устроеннаго на берегу огорода, колоннами и коринтскими капителями.

Западная половина Джераша или древняя Гераса дѣлится перекрещивающимися улицами на кварталы. Главная изъ этихъ улицъ, и доселѣ ясно видная на всемъ протяженіи отъ сѣвера къ югу, идетъ параллельно теченію рѣки, отъ однихъ воротъ къ другимъ: эта улица прежде во всю длину, а теперь на одну треть протяженія, была обставлена (табл. XXI) колоннадами (фот. 474—476, кат. 338—341) или крытыми портиками. Всѣ колонны стоятъ на высокихъ базахъ и имѣютъ коринтскія капители прекрасной рѣзбы, повидимому, временъ Антониновъ и геліополитанскаго пошиба, изъ мѣстнаго, позолоченнаго и подрумяненнаго солнцемъ, съ южной стороны, и чернаго съ сѣверной — камня, который имѣетъ обычное для породы замѣчательное свойство твердѣть на воздухѣ. Сама улица имѣетъ въ ширину, считая разстояніе между противуположающимися базами — 11,5 м., причемъ одна колонна отъ другой въ ряду стоятъ на разстояніи (между базами) 2,45 м., а діаметръ колоннъ равняется 0,90 м. Тамъ, гдѣ на эту улицу выходятъ какія-либо зданія, архитекторъ позаботился, чтобы это была или стала казовая ихъ сторона: начиная съ сѣверной стороны, мы встрѣчаемъ близъ этой улицы главный или большой театръ города: театръ выходилъ на эту улицу особымъ большимъ портикомъ; главный храмъ выходилъ на нее пропильями (фот. 462 и 463, кат. 320 и 321) съ одной стороны и продолжался къ мосту черезъ улицу портикомъ, изъ котораго вполнѣдствіи устроили базилику (*первую, см. ниже*); далѣе, неизвѣстное зданіе образовывало великолѣпную экседру съ 4 колоннами и великолѣпною рѣзбою карпизовъ и гзымзовъ, въ пальмирскомъ и геліополитанскомъ типѣ (фот. 477, кат. 342); потомъ уцѣлѣли еще остатки двухъ, трехъ портиковъ, тоже примыкавшихъ къ зданіямъ. Улица упиралась въ круглый (фот. 484 и 485, кат. 353 и 355) форумъ (табл. XXII),

окруженный колоннадою (съ извѣстными надписями «совершителей» Сабина, сына Стратига и Ермолая, сына Димитрія); выше этой колоннады, на особой террасѣ, устроенной на субструкціяхъ или на сводахъ (служившихъ цистерною), стоитъ большой периптеральный храмъ (фот. 487 и 488, кат. 358 и 359), господствуя надъ всѣмъ городомъ; но боковыя колоннады (двойныя на лицевомъ фасадѣ) уже исчезли, и громадная сѣверная стѣна стоитъ обнаженная, и только съ восточной стороны сохранилась колонна, да вдоль западнаго фасада тянется рядъ высокихъ и колоссальныхъ базъ (фот. 490, кат. 363).

Рядомъ съ храмомъ, въ холмѣ устроенъ (фот. 478 и 482, кат. 345 и 350) небольшой театръ, небывалой сохранности, настолько счастливой, что въ немъ уцѣлѣлъ весь *proscenium* (фот. 479, кат. 347), стѣна изящно раздѣлана выступающими портиками и экседрами, декоративными (фот. 480 и 481, кат. 349 и 350) пирами, порталами и окнами.

Но самыя замѣчательныя руины находятся въ центрѣ города, по поперечному его разрѣзу отъ моста черезъ указанный портикъ и пропелеи до вершины холма, на которой стоитъ большой театръ (его портикъ на фот. 483, кат. 351) и главный храмъ (табл. XXIII) Герасы, или такъ называемый *храмъ Солнца*, со своимъ великолѣпнымъ фасадомъ изъ 9 (сохранившихся) колоссальныхъ колоннъ (фот. 487 и 488, кат. 358 и 359), которыя кажутся слишкомъ грузны для сохранившагося сзади нихъ корпуса стѣнъ, тѣмъ болѣе незначительныхъ, что терраса храма почти до верха покрыта распаханною здѣсь землею, а прочія руины разобраны, за исключеніемъ нѣсколькихъ торчавшихъ изъ земли барабановъ. По всей вѣроятности, развалины колоннадъ и портиковъ, ведущихъ отъ храма къ пропелеямъ, будучи мельче по размѣрамъ, послужили еще въ христіанскую эпоху для устройства базиликъ. Но, подойдя вплотную къ храму, нельзя достаточно удивиться красотѣ, хотя нѣсколько мелочной и сухой рѣзьбы громадныхъ кантелей храма: любопытно, что ихъ орнаментика тождественна съ геліополитанскою. Мы имѣемъ здѣсь одинаковые pedestals, тождественную базу, тѣже размѣры и пропорціи стволу и почти тождественную капитель. А именно: и здѣсь и тамъ капитель покрыта тремя поясами акавовыхъ листьевъ, второй поясъ состоитъ изъ высоко поднявшихся листьевъ, а не крошъ или верхушекъ (какъ мы видѣли въ позднѣйшихъ, т. е. III вѣка, зданіяхъ Гаурана), и третій поясъ имѣетъ такія же тоненькія волюты по угламъ, прикрытыя снизу роскошнымъ листомъ, и тѣже волюты изъ усиковъ въ среднѣхъ. Наконецъ, всей корзины или кантели приданъ видъ чаши тѣмъ, что подъ абакомъ виднѣется ея выпутая губа, и цеголевато выпнутый абакъ декорированъ овами и сухариками, какъ въ большинствѣ храмъ Геліополя, такъ и во всемъ Джерамѣ. Есть, конечно, и разница, замѣтная при детальномъ сличеніи кантелей по фотографіямъ: листья Баальбека нѣжнѣе, мягче, лопасти шире и болѣе при-

бликаются къ чудному аканѳу римскаго Пантеона, чѣмъ прочіе памятники Сиріи. Памятники Герасы имѣютъ капители съ энергическою листовою греческаго аканѳа: очевидно, тамъ еще были образцы изъ мрамора, а здѣсь уже они забыты, извѣстна лишь манера изображенія аканѳа въ известняковыхъ породахъ, болѣе сухихъ, рѣзкая и энергическая. Наконецъ, для насъ важно и то ближайшее сходство ажурной обработки волютъ въ Герасѣ и Геліополѣ, также Суведѣ, которая придаетъ особенную эффектность капителямъ и составляетъ въ римской архитектурѣ такую же утопченность, какъ рѣзьба въ позднѣйшей готикѣ. Важно и то, что капители Омміадовой мечети не имѣютъ этой примѣты, а, напротивъ, даютъ довольно поверхностную работу и такое декоративное сліяніе усиковъ и завитковъ, которое само по себѣ свидѣтельствуетъ о позднѣйшей эпохѣ.

Наиболѣе любопытны въ художественно-историческомъ отношеніи пропилеи (табл. XXIV), выходящія на главную улицу: лучшій образецъ римскихъ пропилеевъ, по изысцеству громаднхъ колоннъ и монументальнымъ пропорціямъ декоративныхъ расчлененій.

Всѣ перечисленные памятники ¹⁾, по цѣльности своей и одновременно сти своего происхожденія, представляютъ значительную важность въ вопросѣ о развитіи греко-сирійскаго стиля, если и не даютъ ни новыхъ типовъ, ни болѣе совершенныхъ формъ, противъ образцовъ Пальмиры и Геліополя.

Но, несмотря на все великолѣпіе этихъ колоннадъ языческой Герасы, онѣ не болѣе какъ повтореніе чужой культуры, которое такъ мало прививалось къ потребностямъ мѣстнаго населенія, что уже, по прошествіи двухъ трехъ столѣтій, большинство памятниковъ представляло руины, которыхъ никто не охранялъ и всѣ жители, нерѣдко безъ видимой пужды, ихъ растаскивали, передѣлывали, дѣлили и соединяли, ради первой потребности. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ можно объяснить себѣ, что въ Герасѣ, въ теченіи трехъ вѣковъ христіанскаго ея періода, вмѣсто двухъ языческихъ храмовъ, перебывало (а, можетъ быть, существовало одновременно) семь христіанскихъ базиликъ. И въ то время, какъ храмы, благодаря отличной кладкѣ стѣнъ, пропорціональному распредѣленію тяжести, образцовой покрывкѣ, отлично сохранились, отъ базиликъ, въ большинствѣ случаевъ едва уцѣлѣли слабыя, чуть замѣтные признаки. Храмы со стѣнами римской кладки, насухо сложенными, по съ притескою каждаго камня, выдержали землетрясенія, пережили пожары и разрушенія; стѣны термъ, сведенныя отчаянно-смѣлыми коробовыми сводами и сдѣланныя изъ щебня и извести, слились въ одну неразбиваемую массу и служатъ общественными загонами. Базилики утратили

¹⁾ См. также снимки языческихъ памятниковъ Герасы въ сочиненіи кн. С. Абамелек-Лазарева, *Джерамъ. Археологическое изслѣдованіе*. Спб., 1897 г. съ табл. и рис.

нерѣдко даже пласть, такъ какъ стѣны ихъ, будучи паскоро, пасухо и небрежно сложенными изъ языческаго матеріала, не выдерживали перваго легкаго землетрясенія и заваливались: тотъ же матеріаль шелъ, очевидно, на постройку рядомъ другой базилики, изъ этой поступалъ въ слѣдующую и т. д. Когда явились арабы, руины и зданія базиликъ были, быть можетъ, лучшими, наиболѣе обильными складами тесаппаго камня, который и былъ разобранъ, прежде, можетъ быть, чѣмъ хотя одинъ храмъ былъ тронутъ.

Возможно также и иное объясненіе, извлекаемое нами изъ аналогичныхъ развалинъ базиликъ нашего Херсонеса Таврическаго. Извѣстно, что цѣлый рядъ замѣчательныхъ базиликъ IV—VI вѣковъ, этого богатаго города, открытыхъ произведенными въ немъ раскопками, оказались какъ будто счищенными, сравненными съ землею: отъ нихъ остались едва полы, каменная настилка, пороги, базы, но исчезло все, что лежало, упало или разрушилось. Причина этого обстоятельства простая: эти древнѣйшія базилики были разобраны для позднѣйшихъ церквей, болѣе простыхъ и меньшаго размѣра. Не то же ли самое имѣло мѣсто и въ древней Герасѣ, гдѣ христіанское (греческое) населеніе уживалось долгое время рядомъ съ арабами-мусульманами и въ размѣрѣ половины всего населенія указывается еще въ концѣ IX вѣка¹⁾. Конечно, для утвержденія этой догадки необходимы раскопки, но самое число базиликъ, слишкомъ большое для города, можетъ быть объяснено отчасти передѣлками ихъ и переносомъ изъ одной въ другую всего строительнаго матеріала.

Первая по достоинству, сохраненію и по мѣсту христіанская базилика (фот. 461, кат. 318 и акварельный рисунокъ по кат. № 319) Герасы находится на продолженіи храмовыхъ пропилей черезъ улицу къ мосту. Колоннада (табл. XXV) средняго нефа (нефовъ — три) поражаетъ своимъ изяществомъ даже послѣ другихъ памятниковъ: тонкая и энергическая рѣзба капителей, рѣзной антаблементъ, все это работа середины II вѣка и принадлежитъ древнему портвку: еще сохранилось семь колоннъ направо, четыре и три въ рядъ, поддерживающія антаблементъ, подѣленный на три части жемчужникомъ. Землетрясенія, какъ видно, много разъ прошли подъ этою колоннадою, сбросили весь фризъ и всю крышу, повалили всѣ стѣны вокругъ, расшатали стволы, сдвинули съ мѣста почти всѣ барабаны, но не могли низвергнуть стройной, эластичной, подвижной колоннады, которая еще долго будетъ плѣнять своею красотою, если кабардинцы оставятъ ее въ покоѣ. Эта, одиноко возникающая изъ хаотическихъ грудъ, колоннада кажется тѣмъ характернѣе и красивѣе, что все сооруженіе вокругъ нея пропало, обвалилось, рассыналось, увеличивъ кучу мусора. Только съ западной стороны со-

1) Clremont-Ganneau, *Rec. d'arch. orient* II, 1898, pg. 50, note 3.

хранился низъ лицевого фасада съ тремя порталами и слабо замѣтно устройство нартѣкса, хотя вся эта часть настолько разрушена, что трудно сказать о ней что-либо опредѣленное, и легко принять за нартѣксъ языческое декоративное зданіе надъ тройною входною аркою. Но напрасно было бы искать стѣны базилики, настолько безслѣдно онѣ исчезли. Въ концѣ средняго нефа передъ алтаремъ видны положенныя, очевидно, для устройства солеи, рѣзные антаблементы, и въ плитахъ выбиты желобъ и гнѣзда для постановки обычной алтарной преграды или низкой баллюстрады для пресвитеріума; на все это пошелъ языческій матеріалъ, и все дѣлалось наскоро, такъ что рядомъ положена колонна изъ египетскаго красноватаго гранита; между базами и барабанами любопытны фрагменты и куски розоватаго известняка, тождественные съ тѣми, которые мы потомъ встрѣтили въ Іерихонѣ и Іерусалимѣ. Наконецъ, единственная монументальная часть христіанской церкви является здѣсь въ видѣ абсиды, которая выложена какъ разъ надъ спускомъ къ мосту (уже разрушенному?) (фот. 460) и представляетъ, собственно говоря, исключительное указаніе, что мы имѣемъ дѣло съ христіанскою базиликою. Любопытно, что самый значительный кусокъ стѣны этой абсиды сохранился тоже по линіи колоннады. Этотъ кусокъ еще порядочной кладки IV—V вѣковъ, но задняя сторона абсиды сложена уже изъ мелкаго камня, очень небрежно. Внутри абсиды есть признаки устроеннаго горняго мѣста, а обширная выдвинутая солея также свидѣтельствуетъ въ пользу предположенія здѣсь епископской митрополіи.

Повидимому, это древнѣйшая базилика Герасы, устроенная въ лучшемъ пунктѣ города, на мѣстѣ декоративнаго портика, быть можетъ, даже въ то время, когда языческіе храмы еще сохраняли свой культъ.

Вторая базилика сохранилась на юго-востокъ отъ большаго храма и еще можетъ быть изслѣдована въ планѣ, такъ какъ отъ нея сохранились всѣ три входа, хотя, безъ всякихъ украшеній, но сложенные изъ тесаннаго камня. У порога въ среднемъ входѣ есть замѣчательная и большая надпись на трехъ кускахъ антаблемента, лежащихъ по близости входа, гласящая о томъ, что базилика есть «домъ побѣдоноснаго мученика Θεодора, безсмертнаго и богоподобнаго», а торжественный входъ поставленъ въ 559 (по расчету для сирійской эры: $559 - 64 = 495$ или 496) году. Далѣе отъ трехъ нефовъ сохранилось много большихъ колоннъ, имѣющихъ въ поперечникѣ 0,87 м. и лежащихъ еще внутри базилики брошенными поверхъ другихъ руинъ. Восточная часть базилики сохранилась въ видѣ одной лишь абсиды, а прочія разрушены, но эта абсида (фот. 473) устроена на высокой субструкціи, повидимому опять на развалинахъ античнаго зданія въ родѣ полукруглой экседры, входившей въ систему декораціи большой улицы, въ сторону которой базилика расположена, благодаря своимъ громаднымъ размѣрамъ.

Третья базилика составляет почти продолженіе второй въ направле-ніи къ главной улицѣ (очевидно, въ подражаніе тянувшемуся ряду порти-ковъ большого храма) и начинается (фот. 470, кат. 330) сейчасъ за ея абсидою, такъ что главный входъ приходится противъ ея середины по одной линіи. Базилика эта тождественна по формамъ съ первою, сохранила еще справа три колонны (въ діаметрѣ 0,65 м. и 0,80 м.) отъ колоннады (совер-шенно того же типа, что въ первой базиликѣ, но, повидимому, укороченной высоты, за отнятіемъ базъ или одного барабана, чего нельзя разсмотрѣть безъ оконки колошнъ) средняго нефа и абсиду, выложенную ровною стѣною (сохранился до верху юго-восточный уголъ); уцѣлѣли также стѣны базилики на значительную высоту и, что любопытно, сохранилось раздѣленіе боко-выхъ нефовъ отъ главнаго, по всей вѣроятности, гнѣкеея отъ мужскаго отдѣленія, а именно, между колоннъ положены были сперва плиты съ жезо-бами и гнѣздами — вѣроятно, для солей, а затѣмъ на нихъ положены плиты изъ известняка и еще выше куски древняго антаблемента, при чемъ, явно, вся эта разгородка, можетъ быть, сдѣлана позднѣе первоначальнаго устрой-ства базилики.

Четвертая базилика была устроена также рядомъ, изъ древняго мате-ріала, выше большого храма, на югъ отъ него. Порталь (фот. 471) въ сре-динѣ и двѣ ниши по сторонамъ его выложены вновь или скорѣе переложены на этомъ мѣстѣ изъ языческаго зданія; но на косякѣ паскоро высѣчена была нынѣ стершаяся надпись (читается слово: τῶν); колонны всѣ одинаковыя, античныя. Абсида оканчивается на улицу прямою стѣною. Съ обѣихъ сто-ронъ базилики были устроены придѣльныя церкви, отъ которыхъ сохрани-лось, однако, очень мало: отъ одной четырехугольная абсида, отъ другой — фундаменты входныхъ дверей. Колонны тѣже самыя, что въ первой ба-зиликѣ.

Пятая базилика находится наверху холма, сзади большого храма, имѣетъ небольшіе размѣры, но хотя, кромѣ одной, стоящей еще въ сред-немъ нефѣ, колонны, вся развалена, однако сохранилась относительно болѣе. Еще ясно виденъ полукругъ абсиды, нѣсколько базъ еще остаются на сво-ихъ мѣстахъ, и около лежатъ небольшія колонны, уцѣлѣвшія отъ колоннады средняго нефа. Передъ входомъ былъ портикъ — то подобіе атриума, кото-рое появилось уже въ VI вѣкѣ на Востокѣ, взявъ въ дворъ излишняго въ городскихъ базиликахъ. Къ востоку отъ базилики лежитъ въ развалинахъ языческой храмикъ, котораго колонны и другой матеріалъ были взяты, мо-жетъ быть, именно для этой церкви.

Шестая базилика Герасы находится (фот. 472) на восточной сторонѣ города, въ углу поворота верхней дороги изъ Суфа въ ауль, и представ-ляетъ атриумъ и тотъ же характеръ, что и пять предъидущихъ и *седь-*

мая базилика, остатки которой можно видѣть уже за стѣнами города, на юго-восточномъ углу. Именно: всѣ эти базилики, кромѣ первой, 1) устроены не на мѣстѣ прежнихъ языческихъ зданій, но на новомъ, особомъ; 2) всѣ онѣ расположены по плану, принятому въ IV вѣкѣ, въ три нефа съ круглою абсидою, безъ нартекса, но съ тремя входами безъ атриума, и чаще всего съ одною абсидою; 3) онѣ устроены цѣликомъ изъ древняго матеріала, передававшагося послѣдовательно безъ всякой христіанской орнаментации, кромѣ надписей, обыкновенно стихотворныхъ, и уже позднѣйшихъ.

Въ шестой базилекѣ еще ясно дѣленіе на нефы, колонны имѣли 0,65, 0,70 и 0,90 м. въ поперечникѣ, стало быть, были уже сборными, но уцѣлѣла только одна колонна стоящею. Любопытно, что порталы западныхъ входовъ были устроены съ плоскими сводами, монументальныхъ размѣровъ, и что по близости сводовъ кто-то, коная яму, на глубинѣ 2 метр. достигъ мозаичскаго пола.

Мы пошли изъ Джераша въ Ес-Сальтъ, держась сначала уади Зерка, перешли шумную и быструю рѣку Яббокъ, въ глубокомъ ущельѣ, въ томъ его мѣстѣ, гдѣ есть сторожевая башня (по близости ея встрѣтили дольмены), затѣмъ, поднявшись на обширное плоскогорье той стороны, шли черезъ уади Аинъ-Румени съ текущимъ ручьемъ, у котораго кочуютъ курды и бедуины со стадами, широкою проторенною дорогою, живописными оврагами, съ отвѣсными скалистыми стѣнами, переваливая изъ одного оврага или ущелья въ другое, и на всемъ этомъ пространствѣ не встрѣтили ни одной руины: земля эта, повидимому, всегда, какъ при римлянахъ, такъ и доселѣ, принадлежала кочевымъ племенамъ. Отсюда мы пришли на широкую горную равнину, по которой шли краемъ, съ сѣвера на югъ, и видѣли въ сторонѣ, на лѣво, какія то безформенныя кучи камня, подобныя тѣмъ, что вообще встрѣчаешь въ Заіорданьѣ, но не могли узнать точно, было ли это мѣсто какъ-либо названо или показано на картѣ, или нѣтъ.

Отъ этого пункта мы пошли въ западномъ направленіи, переваливая изъ одного ущелья (которыя здѣсь протягиваются всѣ въ одномъ направленіи съ сѣвера на югъ) въ другое, по крайне каменистой тропинкѣ, пока не спустились въ ущелье съ текущимъ ручьемъ, сбоку котораго шли еще около часу, все спускаясь, по каменнымъ карнизамъ, и такъ пришли въ Сальтъ, который расположенъ въ плодородномъ ущельѣ, богатомъ водою и на большое пространство покрытомъ сплошными садами; самый городъ раскинутъ обширнымъ амфитеатромъ (фот. 494 и 495, кат. 367 и 368) по обѣ стороны ущелья и на его вершинѣ, близъ выхода источника. Сальтъ совершенно новый городъ и мы, осмотрѣвъ его жалкія православныя церкви, не имѣли здѣсь, что болѣе смотрѣть, но это важнѣйшій, или мы сказали бы, центральный, если бы были иные, административный пунктъ для всего За-

іорданья, и намъ надо было здѣсь узнать положеніе дѣла холерныхъ карантинныхъ и запарисъ удостовѣреніями, что мы находились все время въ благополучныхъ мѣстностяхъ и возобновить наши запасы провизіи.

Изъ Салта черезъ день мы отправились на *Аракъ эль Эмиръ*, сначала по пути, ведущему внизъ въ Іорданскую долину, затѣмъ свернули съ этого пути, въ томъ мѣстѣ, гдѣ открывается вдоль ущелья впервые видъ на эту долину, налѣво и стали вновь подниматься наверхъ, по горамъ, поросшимъ здѣсь мелкимъ кустарникомъ, по по прежнему совершенно безводнымъ.

Развалины, посяція нынѣ легендарное названіе Аракъ эль Эмиръ и возбуждающія наиболѣе къ себѣ интереса во всемъ Заіорданьѣ, благодаря своему отождествленію съ дворцомъ и замкомъ іудейскаго царька Гиркана, на первый взглядъ почти разочаровываютъ путешественника. Когда приближаешься къ мѣсту развалинъ съ юга (фот. 496, кат. 370), то оно представляется обычною вершинною горной котловинъ или ущелья, раздѣлившагося въ этомъ мѣстѣ на два оврага: одинъ безводный и сухой, сначала пологій, но потомъ, выше, съ отвѣсными скалистыми боками, которые въ самомъ верху, или въ глубинѣ ущелья, подъ горою образуютъ отвѣсныя каменные стѣны, раздѣляемыя террасою на два этажа: эти стѣны изрыты погребальными пещерами. Правый оврагъ болѣе глубокъ, по немъ течетъ обильный источникъ, пробивающійся вверху ущелья. Такимъ образомъ, оба ущелья образуютъ посредишнѣ сѣдловину, идущую съ сѣверо-востока на юго-западъ. Благодаря значительнымъ землянымъ работамъ, которыя замѣтны даже и доселѣ, несмотря на раснашку, эта сѣдловина преобразована была въ видѣ островка или возвышенія, окруженнаго нѣкогда водою, нынѣ сухими рвами, и именно на этомъ возвышеніи находится главныя руины зданія, которое называютъ то дворцомъ, то храмомъ, въ видѣ двухъ крыльевъ изъ громадныхъ блоковъ; правѣе, въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ остатки пропавшей или входа въ разобранное зданіе, и между нихъ кучи камня, разваленныя по узкой дорожкѣ, занимающей всю ширину хребта, видимо, образованнаго искусственною насыпью. Далѣе, отъ пропавшей вверху къ устью ущелья сѣдловина идетъ уже въ видѣ широкой и совершенно ровной и гладкой террасы. Именно на ней первые изслѣдователи этихъ руинъ Сольсп и др., указываютъ главныя развалины поселенія или городка, будто бы даже съ примѣтами разныхъ площадей и зданій на этой обширной платформѣ. Но ничего подобнаго въ настоящее время ни на этой террасѣ, ни выше ея, ни по сторонамъ, не видно; замѣтно, что мѣстность эта прежде вспахивалась, и собранный съ нивъ камень образуетъ доселѣ обычныя ихъ ограды и межи, такъ что мѣстность всего менѣе производитъ впечатлѣніе города или поселенія, и всѣ объясненія Сольсп суть или произвольныя, или преувеличенныя фантазіи. Одно ясно, это связь, помощью платформы, сѣдло-

вины, разработанной и насыпанной въ видѣ дороги или скорѣе террассы (via Sacra, по мечтаніямъ Сольси), между пещернымъ некрополемъ и указанными руинами, и именно эта реальная связь дворца съ некрополемъ (вѣроятно, обращеннымъ въ жилище, что бываетъ очень нерѣдко въ Сиріи), указываетъ на бытовую и архитектурную форму, заимствованную изъ близкаго Египта.

Съ той же точки зрѣнія мы должны разсматривать и художественныя формы разрушеннаго зданія, забывъ на время подставленную легенду и ища объясненія и смысла въ самихъ развалинахъ. Это зданіе расположено своимъ фасадомъ (фот. 449, 500 и 501, кат. 375, 376 и 378) на востокъ (ср. храмы Египта, Геліополя и пр.) съ главнымъ входомъ съ той же стороны; но портала не сохранилось, и по сторонамъ входной двери стѣна раздѣлана въ видѣ устоевъ съ узкими промежутками (по 4 или 5 съ обѣихъ сторонъ), какъ бы въ формѣ такой же монументальной рѣшетки, какія видимъ на рисункѣ египетскихъ домовъ, — черезъ эти промежутки видно все внутри, но нельзя пройти ни человѣку, ни животному. Далѣе стѣна (табл. XXVII) становится глухою и образована изъ громадныхъ блоковъ, подобныхъ геліополитанскимъ и обработанныхъ съ выпускомъ, но въ рустикъ, т. е. съ необтесанною поверхностью. На высотѣ человѣческаго роста отъ теперешняго уровня (стало быть, первоначально гораздо выше, такъ какъ входъ нынѣ лежитъ на уровнѣ съ землею) стѣна раздѣлана въ видѣ крупнаго фриза, іоническаго или сплошнаго, съ изображеніемъ въ рельефѣ львовъ, идущихъ отъ середины или входа къ краямъ; фигуры обиты и по обычаю изуродованы, но еще можно различить кое-гдѣ шерсть на тѣлѣ и положеніе головъ иныхъ; далѣе, что особенно важно, какъ указаніе эпохи не ранѣе III—II стол. до Р. Х., легко различаешь, что нижній край фриза раздѣланъ въ видѣ іонической полочки зубцовъ¹⁾. На лѣвомъ углу зданія есть еще плита, какъ будто съ изображеніемъ быка (фот. 505), и гдѣ почва разомъ понижается, можно видѣть его фундаменты изъ колоссальныхъ блоковъ и плитъ, какъ будто раскопанные кладочниками, но всюду далѣе вокругъ зданія идетъ широкій валъ (фот. 503, кат. 382) изъ камней, блоковъ и плитъ, мѣстами заросшихъ колючимъ кустарникомъ.

Всѣ надежды наши отыскать какія-либо указанія архитектурнаго плана и формъ зданія оказались тщетны: здѣсь надобны раскопки и, прежде всего, приспособленія, чтобы поднимать каменные блоки. Но среди кучъ мы встрѣтили нѣсколько плитъ съ триглифными или дорическимъ (фот. 502, кат. 381)

1) Аналогичные барельефы: левъ, нападающій на быка, найдены въ Касръ-эль-Абиадъ по пути изъ Дамаска въ Сафа. Voguë, *Inscr. semit. Syrie Centrale*, p. 141—2. Dussaud et Macler, *Voyage archéol. au Sâfâ*. 1901, fig. 6, p. 44—45.

фризомъ, и канителей (фот. 504) съ грубою кориноскою листвою и волутами на полуколоннахъ. Срединѣ зданія завалена плитами и камнями до такой степени, что, кромѣ входа, нигдѣ не осталось свободнаго мѣста; но въ руинахъ видны такія же полуколонны, какъ и спаружи. Если мы добавимъ, что триглифовый фризъ по своей обработкѣ близко подходитъ къ фризу на гробницахъ Авессалома и прор. Захаріи такъ наз. въ Іерусалимѣ, то этимъ ограничиваются для насъ всѣ указанія стиля. Однакоже, разборъ конструкціи убѣждаетъ насъ, что мы имѣемъ здѣсь дворецъ, почти въ томъ же планѣ выполненный, что и извѣстный дворецъ Птерія въ Малой Азіи¹⁾, и если принять во вниманіе, что время построенія дворца Гиркана, по Іосифу Флавію, между 182 и 175 гг., какъ разъ подходитъ къ этому греко-восточному дворцу, то, дѣйствительно, отождествленіе руинъ съ дворцомъ Гиркана наиболѣе удачная догадка. Самое описаніе Іосифа Флавія значительно изукрашено въ восточномъ вкусѣ.

Гораздо менѣе интереса (на нашъ взглядъ) представляетъ некрополь или погребальныя пещеры Аракъ эль Эмира (фот. 497 и 498, кат. 372 и 373). Правда, пещеры выстѣнены съ большимъ тщаніемъ и образовывали нѣкогда двѣ галлерей, изъ которыхъ только одна верхняя еще не совсѣмъ завалилась падающею сверху землею и иломъ. Половина этой верхней галлерей вырублена внутри скалы, очевидно, послѣ того, какъ вся эта часть прежде была разработана подъ пещеры, а затѣмъ прорублена насквозь, и новыя пещеры вырублены уже въ стѣнѣ галлерей; другая ея половина образуетъ только наружную террасу, которая, конечно, гораздо болѣе пострадала и не всюду доступна. Затѣмъ многія пещеры раздѣланы архитектурно, имѣютъ египетскіе порталы и пр. Но отъ погребальныхъ пещеръ до подземнаго дворца Гиркана также далеко, какъ отъ простой дѣйствительности до фантастической мечты.

Изъ Аракъ эль Эмира мы пошли въ *Раббатъ Амманъ* или, какъ обыкновенно его называютъ *Амманъ*. Сначала путь идетъ по *уади Сиръ*, противъ теченія обильнаго ручья, котораго ложе мѣстами совершенно закрыто цвѣтущими олеандрами. Около Муаллаха ущелье сдвигается, и въ отвѣсныхъ стѣнахъ горъ видны (фот. 506) пещеры; одна изъ нихъ имѣетъ два этажа, ея окна закрыты рѣшетчатыми ставнями, и въ ней живутъ бедуины. Но вся долина находится во владѣніи (юридическомъ или фактическомъ) Черкесовъ, и въ концѣ уади находится большой кабардинскій аулъ, выселки главнаго аула въ Амманѣ, поражающій своимъ хозяйственнымъ видомъ и достаточностью послѣ туземныхъ поселеній и бедуинскихъ кочевьевъ. Отъ этого вы-

1) Perrot et Chipiez, *Histoire de l'art dans l'antiquité*, IV, p. 609, fig. 295 по плану Барта, внимательно проверенному.

селка до Аммана черкесы провели для своихъ арбъ прекрасную широкую дорогу по обширному плоскогорью, которое изъ конца въ конецъ, насколько глазъ нашъ могъ видѣть, ими обрабатывается и засѣвается пшеницею. Только перерѣзавъ съ запада на востокъ въ прямомъ направленіи это плоскогорье, мы встрѣтили первый склонъ, и разомъ нѣсколько ущелій, которыми воды спускаются на ту сторону Заіорданскихъ горъ, а въ первомъ изъ этихъ ущелій, идущемъ на перерѣзъ дороги, и находится Амманъ.

Расположеніе древняго города *Аммонитянъ*, прозваннаго потомъ *Филадельфією*, напоминаетъ весьма близко Герасу, хотя и не достигаетъ той искусственной распланировки, какую представляетъ этотъ замѣчательный городъ. Здѣсь городъ также устроился по обѣ стороны рѣки, но берега ея не даютъ такого счастливаго противоположенія возвышенной и длинной площади или террасы одного и широкой низменности другого берега. Городъ былъ меньше, не такъ значителенъ въ началѣ, сравнительно былъ всегда бѣднѣе, и когда прежнюю дикость смѣнила въ немъ высокая для окружавшихъ его номадовъ культура, то все украшеніе города ограничилось рядомъ большихъ храмовъ, театровъ и дворцовъ, но ничего подобнаго безконечнымъ колоннадамъ, изящнымъ портикамъ и крытымъ улицамъ Герасы здѣсь не возникло, такъ какъ не было въ этомъ никакой, даже декоративной потребности.

Амманъ былъ, вѣроятно, только резиденціею въ разное время, то набатейскихъ владыкъ, то (послѣ 106 г. по Р. Х.) правителей римской провинціи Аравіи. Не даромъ на холмѣ, господствующемъ надъ Амманомъ, стоитъ огромная цитадель съ храмами и дворцами, сохранившаяся отъ первыхъ вѣковъ римской эпохи, хотя и передѣланная потомъ арабами. Всего вѣроятнѣе, что эта цитадель появилась уже не при самихъ римлянахъ, слѣдовательно, послѣ III вѣка, когда, повидимому, эти области были заняты южно-аравійскими переселенцами: гассанидами или инымъ племенемъ, а цитадель была построена для ихъ шейховъ, которые, въ званіи филарховъ, при римлянахъ, управляли своимъ племенемъ, а впослѣдствіи подъ именемъ царей (при Юстиніанѣ въ 531 г. Арепа сынъ Габала), которымъ уже были подчинены, правда, номинально и насильственно и другія, путемъ передачи одному филарху царскаго титула. Такимъ образомъ, разница между сиро-эллиническимъ вольнымъ городомъ Герасою и азіатскою столицею Амманомъ больше, чѣмъ ихъ внѣшнее сходство, обусловливаемое сходствомъ мѣстностей, правовъ культурнаго осѣдлаго и дикаго кочеваго населенія и близостью эпохъ.

Разсмотрѣніе памятниковъ Аммана мы начнемъ по порядку ихъ мѣстнаго расположенія съ востока на западъ.

Городъ не имѣлъ стѣнъ: ничего подобнаго, по крайней мѣрѣ, не видно на восточной и западной окраинахъ. На самыхъ отдаленныхъ пунктахъ уще-

лья, на востокъ, видны по правую сторону холмовъ слѣды погребальныхъ пещеръ, и нѣкоторые остатки ихъ архитектурныхъ украшеній, какъ то: колошъ, террасъ и пр.

Одна гробница, въ видѣ четырехугольной платформы съ коринтскими пилястрами по угламъ, стоитъ въ долині. При самомъ входѣ въ нынѣшній городъ (поселеніе кабардинцевъ) стоитъ мечеть монументальной постройки первыхъ столѣтій гиджры, съ круглыми византійскими арками.

Затѣмъ комплексъ полуразрушенныхъ и совсѣмъ разрушенныхъ зданій, обращенныхъ лицевыми фасадами (фот. 508, кат. 396) (табл. XXXIII и XXXIV) на главную улицу, шедшую параллельно рѣкѣ и выходившихъ на рѣку; фасады были легкой постройки, и по всей вѣроятности, въ видѣ портиковъ и потому не сохранились; отъ нихъ шли массивныя стѣны, нынѣ на половину или двѣ трети разобранныя, а надъ рѣкою еще стоятъ монументальныя стѣны, экседры съ колоннадами, башни и пр. Весь этотъ рядъ съ той стороны рѣчки (фот. 507 и 509, кат. 395 и 397) представляетъ, скорѣе, средневѣковый замокъ въ развалинахъ, чѣмъ обычныя зданія сирійскихъ городовъ, которыя пытались угадать въ этомъ комплексѣ: базилику христіанскую, термы, дворецъ термъ и т. д. Всего скорѣе, это одно зданіе есть греко-восточный дворецъ, съ центральною главною частью и двумя боковыми служебными постройками. Зданіе въ передней своей части (табл. XXXIV) относится ко второй половинѣ II вѣка по Р. Х., но, конечно, сторона рѣки (табл. XXXIII) относится къ гораздо позднѣйшему времени, по нашему мнѣнію, къ эпохѣ арабовъ и въ частности, ко времени построенія цитадели. Взглянувъ на фотографическій снимокъ за № 509, по кат. 397, мы легко въ томъ убѣдимся: а именно съ лѣвой стороны снимка видна уцѣлѣвшая часть какъ будто римской стѣны, съ ея прекрасною кладкою изъ продолговатыхъ тесаныхъ камней или такъ называемыхъ плитъ. Но этотъ кусокъ внизу тоже переложень, какъ видно, нынѣшними владѣльцами: притеска камней уже пострадала, подъ ними виденъ щебень. Если бы здѣсь произвести раскопки, то нашлась бы, однако, цѣльная римская стѣна. Рядомъ съ этимъ кускомъ дальше слоняная постройка изъ полукруглыхъ башенъ, есть очевидно, арабская: изъ кубиковъ, почти равностороннихъ, тоже съ обдѣлкою ихъ *въ рустикъ*, съ такъ называемыми выпусками, тождественная съ тѣми стѣнами X—XII вѣковъ, которыхъ кладка была усвоена и крестоносцами, почему и нельзя отличить ихъ замковъ отъ арабскихъ временъ Саладина, если нѣтъ особой примѣты. Перечислять памятники бесполезно—они считаются тысячами.

То, что Сольси называетъ базиликою, составляетъ правую часть, но ея абсида была первоначально такою же декоративною пишею, какъ и экседры главнаго зданія, что доказывается боковою пишею около абсиды, совершенно

того же устройства, что въ главномъ зданіи, и того же типа, что во дворѣ Баальбека. Конечно, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ христіанскую эпоху Аммана, могли приспособить эту постройку подъ церковь, но во-первыхъ, рѣшительно нигдѣ на стѣнахъ и развалинахъ не видно обычныхъ въ такомъ случаѣ примѣтъ и признаковъ, а расположеніе и конструкция зданія еще не составляетъ христіанскую базилику, если употребляетъ полукругъ, экседру, нишу и т. п.

Тамъ, гдѣ оканчивается этотъ комплексъ зданій, рѣка близко подходитъ къ крутымъ утесамъ противоположнаго берега, и на нѣкоторомъ пространствѣ ничего передъ рѣкою не видно, кромѣ огородовъ. Но затѣмъ ущелье отступаетъ, между рѣкою и горами появляется обширная и гладкая площадь, а въ котловинѣ холма, которая и сама имѣетъ видъ дивана, находится замѣчательно устроенный театръ (фот. 510, кат. 400). Его амфитеатромъ возвышающаяся зрительная зала и величественна и отлично сохранилась, за то исчезъ безслѣдно *proscenium*, и только уже внизу на площади большая (фот. 511, кат. 401) колоннада (изъ 8 колоннъ) указываетъ на обычный греческій портикъ театра, выходящаго на форумъ. Отъ этого форума, однако, кромѣ мѣста, никакихъ архитектурныхъ частей не дошло до насъ, да вѣроятно, и не было. Съ лѣвой стороны форума стоитъ еще большая руина (фот. 512, кат. 404) одеона: уцѣлѣла высокая груда камня на мѣстѣ зрительной залы и антаблементъ съ фризомъ изъ тонко и детально рѣзанныхъ животныхъ въ разводахъ. Нынѣ въ одеонѣ устраивается на житье богатый кабардинецъ, и руины скоро будутъ разобраны на разные хозяйственные пужды.

Если, наконецъ присоединить единственный памятникъ, сохранившійся на сѣверной сторонѣ рѣчки, а именно храмъ (Діониса?), отъ котораго еще можно видѣть рядъ базъ лицевого портика на мѣстѣ и внутреннюю экседру съ двумя колоннами (подставленными, впрочемъ, вновь теперешнимъ владѣльцемъ мѣста); а на наружной сторонѣ любопытные (фот. 543) рѣзные карнизы съ масками, то это и будетъ почти вся древность, находящаяся въ самомъ городѣ. Правда, каждый дворъ черкеса, всякая его ограда сложена изъ древнихъ блоковъ, плитъ, карнизовъ и барабановъ колоннъ, но это уже памятники уничтоженные.

Сравнительно съ этими жалкими остатками, является поразительнымъ памятникомъ цитадель Аммана, называемая Эль-Казръ, расположенная на холмѣ сейчасъ надъ городомъ, въ какой-либо сотнѣ сажень отъ него, если подняться прямо въ гору. Ограждавшія нѣкогда цитадель съ этой стороны стѣны исчезли, оставивъ лишь незначительные слѣды. Равнымъ образомъ маловажны (фот. 541) и развалины гіерона или храма съ валяющимся у подножія уцѣлѣвшей еще платформы карнизомъ, на которомъ читается въ

пышныхъ литеръ имя римскаго императора. Это все остатки языческой эпохи, можетъ быть, одного только III вѣка по Р. Х., ничтожныя сравнительно съ памятниками эпохи послѣдующей, намъ почти совершенно неизвѣстной, такъ какъ нѣсколько строкъ Проконія¹⁾ и темныхъ извѣстій съ неопредѣленными именами племенъ въ арабскихъ разсказахъ не могутъ пролить настолько свѣта, чтобы мы могли съ увѣренностью толковать о гассанидахъ и объ южно-аравійскихъ культурныхъ племенахъ, населявшихъ эти мѣстности до Магомета.

Гораздо реальнѣе показался намъ тотъ фактъ, что въ Амманѣ намъ принесли на продажу массу мѣдной монеты и что въ ней было на половину монетъ римскихъ и на половину византійскихъ, особенно Юстиніана, Тиверія

Рис. 18. Амманъ. Эль-Казръ. Видъ съ юго-запада.

Константина и Гераклія. Ясно, что торговое значеніе и богатство города даже въ эту послѣднюю эпоху не падали, а развивались, и хотя мы не знаемъ и, вѣроятно, не скоро будемъ знать, кто именно построилъ цитадель Аммана, однако ея принадлежность VI—VIII столѣтіямъ по Р. Х. не можетъ подлежать сомнѣніямъ, какъ то будетъ видно ниже.

Когда, поднявшись на гору по крутой тропикѣ и перелѣзши черезъ барьеръ стѣнъ или террасы, мы миновали упомянутый выше храмикъ, то увидали передъ собою, не безъ нѣкотораго разочарованія, среди пустой и широкой площади холма, четырехугольный довольно безобразный, лишенный оконъ и всякаго архитектурнаго расчлененія, корпусъ (фот. 513, рис. 43)

1) De Bello Persico, I, 17—19.

зданія, построенный изъ мелкаго битаго камня и извести, и только по мѣстамъ обшитый тесанными плитами. Мы съ недоумѣніемъ оглядывали это зданіе Эль-Казра, такъ какъ намъ было извѣстно, что мы должны здѣсь встрѣтить дворецъ, богато украшенный рѣзбою, а мы видѣли передъ собою руину средне-азіатскаго или калмыцкаго характера. Но когда мы взошли черезъ низкую дверь, внутрь дворца, въ которомъ теперь поселилась семья, а можетъ быть и цѣлый родъ бедуиновъ, впечатлѣніе наше разомъ измѣнилось. Мы находились среди оригинальной восточной залы, квадратной въ своей средней части и въ древности, вѣроятно, открытой по восточному образцу¹⁾ (фот. 514—521, кат. 408—414); четы е громадныя (по пропорціямъ къ среднему залу) арки (табл. XXVIII—XXXII) открываются, образуя экседры или византійскія «камары», причемъ двѣ экседры на сѣверъ и югъ снабжены монументальными порталами, а каждая экседра на западъ и востокъ образуютъ полукупольную конху и полукруглую нишу или абсиду. Эта вторая форма настолько обычна въ періодъ византино-арабскій, что о ней лишне говорить. Напротивъ того, первая форма экседры, съ полусферическимъ сводомъ (въ римскихъ экседрахъ всегда коробовый сводъ) или конхою, но не надъ полукруглою абсидою, а надъ четырехугольнымъ порталомъ, сведена внизъ съ замѣчательною ловкостью при помощи одного, такъ называемаго колпачка, въ каждомъ углу. Четыре экседры образуютъ, на конецъ, въ промежуткахъ межъ ними, четыре совершенно темныя, внутреннія камеры, служебнаго характера, спальни или чуланы.

Таково все несложное помѣщеніе восточнаго дворца, прототипа всѣхъ арабскихъ, арабо-сицілійскихъ и арабо-мавританскихъ дворцовъ, отъ Амманна и Машиты до Альгамбры. Но вся внутренность, доступная свѣту (кромя указанныхъ темныхъ чулановъ), была богато украшена рѣзбою, а по сводамъ росписана по стукъ. Орнаментика этой рѣзбы и архитектурныя формы расчленяющихъ стѣны карпизовъ, аркадъ, полуколоннъ составляютъ важнѣйшую сторону этого историческаго памятника.

Къ сожалѣнію, памятникъ сильно обезображенъ, рѣзба сбита и сколота, гдѣ можно было достать, а низъ зданія почти до втораго этажа теперь заваленъ сверху полбою, внизу—мусоромъ и камнями, по всей вѣроятности, отъ разсыпающихся загородекъ для скота.

Насколько можно видѣть, стѣны вокругъ всего зданія, и въ нишахъ и экседрахъ, украшены по низу (на высотѣ человѣческаго роста отъ полу?) декоративными рѣзными полуколонками, которыя составлены попарно и образуютъ какъ бы фризъ или поясокъ надъ папелями, въ вышину около двухъ

1) Древніе оригиналы этихъ залъ можно указать въ извѣстныхъ дворцахъ персидскихъ царей въ Фирузабадѣ и Сарвиستانѣ, Perrot et Chipiez, *Histoire de l'art dans l'antiquité*, V, p. 561—588, fig. 355—361.

аршинъ; на колонки опущены арочки карниза, образованныя почти въ копътообразномъ типѣ. Ниже этого фріза мѣстами можно было разсмотрѣть стѣну изъ широкихъ плитъ, напоминающую способъ византійской облицовки. Между арочками подвѣсными на колонкахъ, по восьми угламъ сдѣланы восемь арокъ плоскихъ съ плоскими же полуколонками и декоративными фонами и каймами, но уже двойной высоты противъ прежнихъ, съ цѣлью завершенія оставленныхъ стѣнъ отъ пояса до вершины большихъ открытыхъ арокъ. Наконецъ, верхній поясъ, огибающій все зданіе поверхъ арокъ, повторяетъ декорацію нижняго цѣлкомъ. Роспись стукъ сохранилась только въ полукуполахъ, но только въ видѣ слѣдовъ окраски.

Такимъ образомъ, архитектурное расчлененіе стѣнъ крайне просто, пе-

Рис. 19. Амманъ, Эль-Казръ. Западная часть.

сложно и даже монотонно, но, благодаря орнаментальной рѣзбѣ, густо покрывающей не только бордюры и каймы арочекъ, но и самыя ниши, арочные киворіи, внутреннія поля и пр. (фот. 522—540), все, что было бы тяжельмъ, становится на видъ живымъ, легкимъ и изящнымъ.

Собственно вся система декораціи заключается въ оживленіи всѣхъ поверхностей растительными формами; листва покрываетъ всѣ поля, подымается деревцами, тянется вѣточками, разсыпается цвѣточками по луку. Однако, это не есть восточный орнаментальный ковровый пологъ, и здѣсь все подчинено архитектурной формѣ. Мало того, соединившіеся съ этою формою геометрическіе орнаменты настойчиво повторяются вмѣстѣ съ нею: такъ напр. въ концѣ аркадъ нерѣдко помѣщается орнаментальная раковина

или подобная ей пальметка. Бордюръ копытообразной арочки раздѣливается въ видѣ листиковъ или ововъ, которые произошли изъ рѣзбы по дереву: нашивная дощечка арки рѣзалась зубчиками. Далѣе мы встрѣчаемъ здѣсь же розетки съ острыми лепестками, также относящіяся къ рѣзбѣ по дереву и по нѣскольку разъ концентрическіе полукруги, какъ бы нашивку дощечекъ одной на другой. Наконецъ, поле аркады представляетъ обыкновенно или вѣтвь (акапоовую лозу) или столбикъ изъ розетокъ и листьевъ. Бордюры арокъ часто дѣлаются изъ гирляндъ или разводовъ пальмообразныхъ съ поднимающимися листиками, или же гирлянда составлена изъ лилій—листьевъ и цвѣтковъ, изъ стрѣловидныхъ лилій и бутоновъ. Самая характерная форма лиственнаго украшенія есть аканеъ, въ видѣ листа отдѣльно,

Рис. 20. Амманъ. Эль-Казръ. Юго-западный уголъ.

или же вѣтки съ нѣсколькими листьями или же своего рода пояса листьевъ, подобранаго въ различныхъ геометрическихъ фигурахъ, для заполненія киворія. Иногда же только одинъ листъ аканеа загибается своими лапами по каймѣ арки на киворіи, занимая весь его уголъ, и въ замкѣ киворія помѣщается какъ бы драгоценный камень, начельный въ вѣнѣ. Кромѣ аканеа мы имѣемъ здѣсь уже указанную лилію, далѣе розу съ бутонами ея, четырехлепестковый цвѣтокъ, изрѣдка вѣтку плюща.

Но, что замѣчательно, это самая форма аканеа, представляющая вырожденіе его римскаго типа: это мягкій, сочный, съ широкими, закругленными лапами аканеъ, короткій листъ котораго укрѣпленъ на толстыхъ вѣткахъ, — словомъ, полный контрастъ византійскаго типа, который уже въ

V вѣкѣ принимаетъ свой греческій типъ аканѳа сухого, жесткаго, съ глубокими надрѣзами, съ острыми зубчатыми лапами, нѣсколько рѣзкаго и схематичнаго, но въ высшей степени характернаго и скульптурнаго. Изъ этихъ растений выдѣляется, понятно, форма древа жизни, изображеннаго особенно ясно въ одномъ углу, въ видѣ большого дерева, съ широкими листьями смоковницы и ея плодами (табл. XXVIII и XXXII).

Въ общемъ, вся эта орнаментация является замѣчательнымъ памятникомъ образованія основныхъ типовъ восточнаго искусства въ томъ періодѣ, когда оно незамѣтно готовилось къ новой всемірной дѣятельности. И самый типъ зданія, и его архитектура и постройка, и вся декорация были исполнены, очевидно, персидскими мастерами и не позже VIII вѣка, а, можетъ быть, и ранѣе, т. е. въ самомъ началѣ Ислама. Его вліяніе, на нашъ взглядъ, уже замѣтно сказалось въ полномъ отсутствіи животныхъ въ орнаментации, и потому ни дворецъ, ни его украшенія нельзя считать даже произведеніями сассанидскаго искусства, тѣмъ болѣе сассанидскаго періода. Здѣсь все настолько стало арабскимъ, не будучи имъ по происхожденію своихъ элементовъ, что мы сдѣлали бы большую историческую ошибку, предположивъ чужеземное происхожденіе памятника тамъ, гдѣ только работали чужіе мастера, но по заказу и во вкусъ туземныхъ властителей. А уже со временъ Юстиніана и до временъ турокъ этими властителями были арабы, и до тѣхъ поръ, пока общее названіе «арабскаго» искусства будетъ существовать, мы обязаны не отдѣлять отъ него частныхъ, раннихъ и наиболѣе важныхъ типовъ. Самая опасная ошибка, потому что она же и наиболѣе частая, обычная и наименѣе замѣтная, состоитъ именно въ томъ, что изслѣдователь орнаментальной системы, анализируя ея составные элементы, и постоянно наблюдая ихъ чужеземное происхожденіе, теряетъ, въ концѣ кон-

Рис. 21. Амманъ. Эль-Казръ.
Сѣверный уголъ.

цовъ, самое сознаніе цѣльности и историческаго существованія и развитія избраннаго типа, и объявляетъ этотъ типъ повтореніемъ старыхъ мотивовъ, лишеннымъ всякаго художественнаго творчества. Такъ происходило постоянно съ византійскимъ орнаментомъ, такъ происходитъ въ послѣднее время и съ изслѣдованіемъ арабскаго орнамента, хотя, казалось бы, его необычайная оригинальность, даже странность почти исключаетъ возможность подобнаго увлеченія мелочами и забвенія главнаго. Очевидно, изслѣдованіе частныхъ несравненно легче, доступнѣе, можетъ быть сдѣлано сразу, при

Рис. 22. Амманъ. Эль-Казръ. Сѣверо-западный уголъ.

первыхъ, такъ сказать, приступахъ изслѣдователя, тогда какъ характеристика цѣлаго получится только въ концѣ изученія. Въ частности, говоря о дворцѣ Аммана, мы должны были, прежде всего, оговорить ошибку, будто это памятникъ сассанидскій, потому что въ его орнаментѣ есть именно персидскіе элементы. Но, въ то же время, словомъ «арабскій» мы не можемъ въ данномъ случаѣ опредѣлить уже ясно сложившагося типа, такъ какъ арабскій дворецъ Аммана стоитъ, очевидно, на рубежѣ перехода одного типа къ другому. Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли уже случай говорить о томъ значительномъ переворотѣ во вкусахъ южной Европы и передне-азиатскаго

Востока, который совершился въ теченіе VI—VII вѣковъ по Р. Х., это было время сліянія и новаго раздѣленія Востока и Запада. До VI вѣка византійское искусство продолжаетъ еще слагаться; однако, это образованіе не препятствуетъ его существованію уже въ IV вѣкѣ, въ вѣкѣ Константина. До IX вѣка мы не въ правѣ говорить объ арабскомъ искусствѣ, какъ о типѣ совершенно ясномъ и готовомъ, и, однако, мечеть Омміадовъ, мечеть скалы въ Іерусалимѣ и въ Ст. Каирѣ суть памятники арабскіе, а не персидскіе или византійскіе. Безъ сомнѣнія, въ орнаментикѣ Аммана мы имѣемъ почти исключительно или тяжелую и пышную сассанидскую листву, римско-персидскій типъ акаюа, персидскія розы и четырехлистные, и преобладающій техничeskій характеръ указываетъ на рѣзбу по дереву, и тѣмъ не менѣе

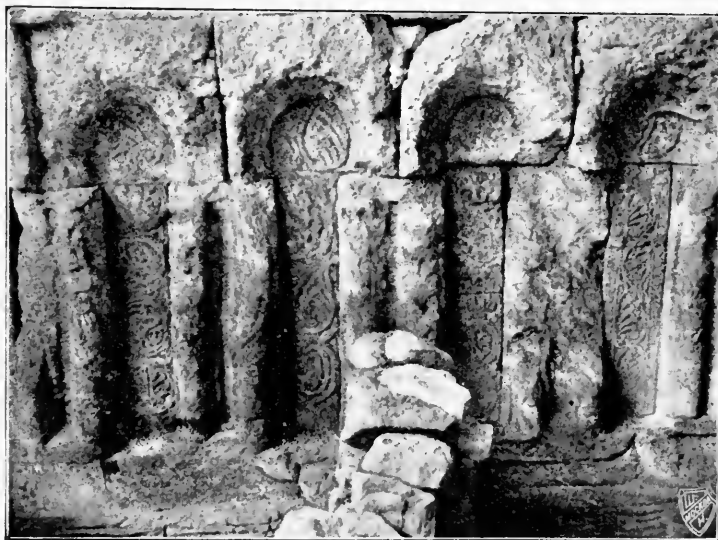

Рис. 23. Амманъ. Эль-Казръ. Западная стѣна, сѣверная ниша.

мы здѣсь находимъ совершенно иную декоративную систему, иной типъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы сопоставимъ нашъ дворецъ съ монументальными памятниками сассанидскаго искусства, рѣзкая разница между ними выступить сама собою. Сассанидское искусство знаетъ только архитектурный орнаментъ, усвоенный цѣлкомъ изъ римскаго образца, и, напротивъ того, съ замѣчательною выдержкою и разнообразіемъ украшаетъ свои мелкія художественныя издѣлія, въ особенности серебряныя, шелковыя и пшныя ткани и пр. Конечно, арабы не имѣли вовсе своего искусства въ то время, когда они, вмѣстѣ съ Исламомъ, выступили въ исторической роли, однако, они имѣли или, точнѣе говоря, должны были имѣть рядъ народныхъ производствъ съ опредѣленнымъ художественнымъ характеромъ. Этотъ характеръ выра-

зился сразу и со всею силою въ богатствѣ орнаментальной системы, покрывшей мозаиками, фаянсами, инкрустаціею и рѣзбою всѣ стѣны и своды первыхъ мечетей. Правда, если рознять по частямъ всю эту декорацію, то и намъ, вслѣдъ за другими изслѣдователями, пришлось бы повторять одну и ту же, очевидно, пустую фразу, что въ древней арабской орнаментикѣ мы не встрѣчаемъ собственно никакихъ «новыхъ» мотивовъ. Но вѣдь и въ древнѣйшую эпоху византійскаго искусства въ IV—VI вѣкахъ мы также точно не находимъ «новаго» типа, и различные изслѣдователи потратили много времени и трудовъ, чтобы доказать, что всѣ элементы ранняго византійскаго искусства принадлежатъ античному искусству, какъ будто это обстоятельство нуждалось въ такомъ подробномъ детальномъ подтвержденіи. Очевидно, лишь тотъ сдѣлаетъ шагъ впередъ въ этомъ вопросѣ, кто сумѣетъ открыть и указать ясно другимъ новообразовавшійся типъ¹⁾, а не тотъ, кто при каждомъ новомъ явленіи будетъ повторять пустую фразу, что всѣ его элементы прежніе и нѣтъ никакихъ новыхъ мотивовъ²⁾.

Рѣзба по каменнымъ брусамъ Аммана находитъ себѣ ближайшую аналогію въ памятникахъ сѣверной Африки, именно въ деталяхъ большой базилики Тигцирта³⁾. Здѣсь, вмѣсто обычныхъ разводовъ лозы, раковинъ, гирляндъ (классическихъ и византійскихъ), встрѣчаемъ повсюду звѣзды, розетки, меандры, зигзаги, специфическіе кружки со вписанными въ нихъ звѣздами, все это въ характерѣ рѣзбы по дереву; по абакамъ и кубическимъ канителямъ геометрическія фигуры, квадраты, круги съ завитками, звѣздами, зигзагами, монограммами, условными формами рыбъ, птицъ, лошадей, быковъ, зайцевъ и пр.

Къ сожалѣнію, только значительныя раскопки могутъ дать со временемъ настоящее понятіе объ остальныхъ зданіяхъ Эль-Казра, лежащихъ въ руинахъ. Доселѣ нельзя было начертить самаго поверхностнаго плана, такъ какъ едва одна паружная стѣна выступаетъ (фот. 542) совершенно ясно, прочія же наружныя, а тѣмъ болѣе внутреннія стѣны съ трудомъ можно различить, поднявшись на какой-либо возвышенный пунктъ. Однако, и поверхностнаго взгляда достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что главная зала этого дворца была расположена, подобно той, которая сохранилась, а валиющіеся въ нѣсколькихъ мѣстахъ залы каменные блоки, съ высѣченными аркадами, показываютъ, что зала была украшена тѣми же декоратив-

1) Strzygowski, *Die byzantinische Kunst*, статья въ *Byzantinische Zeitschrift*, 1 Bd., 1 Heft, L. 1892, p. 61—74.

2) Hanp. Sophus Müller, *Die Thier-Ornamente im Norden*, übersetzt v. S. Mestorf, 1881, о византійскомъ персидскомъ и арабскомъ орнаментѣ, стр. 160, 167, 169.

3) Wieland, F. *Ein Ausflug ins altchristliche Afrika*, 1900, p. 174. Указ. на Gavault, Pierre *Étude sur les ruines romaines de Tizirt*, 1897, p. 22.

ными поясами и даже, можетъ быть, лучшей работы. Наружная лицевая стѣна представляетъ здѣсь фронтоны и скульптурныя ниши, очевидно, перенесенныя сюда цѣликомъ изъ разобраннаго языческаго зданія.

Можно насчитать до шести большихъ залъ въ предѣлахъ видимыхъ руинъ, которыя отличаются отъ описаннаго зала именно тѣмъ, что исключительно состоятъ изъ древняго матеріала: тесаныхъ камней, плитъ и карнизовъ. Руины представляютъ, однако, остатки сводовъ, и въ ихъ арабскомъ происхожденіи нельзя сомнѣваться. Опѣ оканчиваются у самаго края громаднаго, совершенно отвѣснаго обрыва, который обдѣланъ кругомъ въ видѣ стѣны, и представляли прежде недоступную съ этой стороны цитадель, напоминающая очень близко цитадель Босры и Каира.

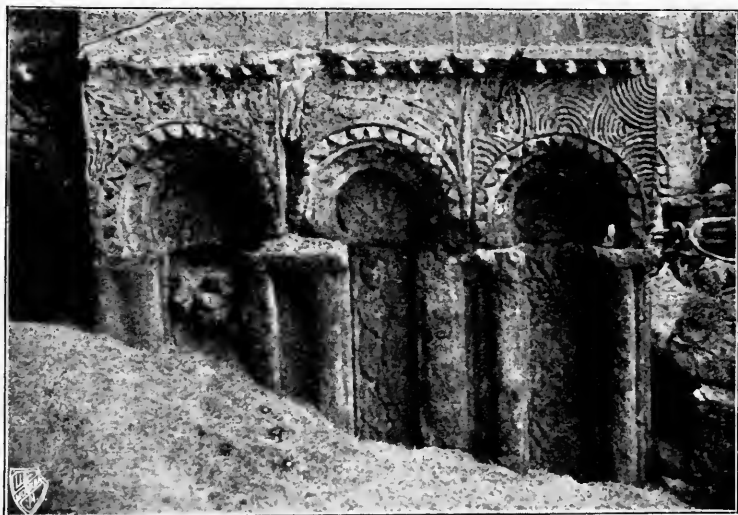

Рис. 24. Амманъ. Эль-Казръ. Южная стѣна, западная ниша.

Изъ Аммана тѣмъ же путемъ по долинѣ Сиръ на Аракъ эль Эмиръ, уади Гесбонъ, и въ сторону на уади Нимринъ, идя все внизъ, мы спустились въ Иорданскую долину и остановились съ той стороны долины, подъ горами, близъ *Тель-Нимринъ*, одиночно стоящаго надъ источникомъ холма, близъ ущелья, извѣстнаго множествомъ своихъ пещеръ. Здѣсь мы были задержаны въ теченіе двухъ дней, по случаю карантина учрежденнаго передъ Иорданомъ на мѣстѣ обычной переправы черезъ рѣку (фот. 547—551) въ бродъ, но, благодаря вмѣнательству русскаго консульства и агента Палестинскаго Общества, мы были пропущены черезъ карантинъ безъ дальнѣйшей задержки, когда присланный отъ іерусалимскаго губернатора докторъ удостовѣрился, по нашимъ документамъ и свидѣтельствамъ, что мы прибыли

изъ благополучной мѣстности. Перенравившись черезъ Иорданъ, мы прибыли черезъ полтора часа въ *Иерихонъ*.

Наше время (два дня) въ Иерихонѣ было посвящено, прежде всего, осмотру мѣстности древняго города, столь замѣчательной въ различныхъ отношеніяхъ и посѣщенію нѣкоторыхъ окрестныхъ мѣстъ, особенно *Сорокадневной горы* съ ея пещерными церквами (фот. 561—563) и монастыря *Касръ эль Йегудъ* (фот. 558).

Основной интересъ всѣхъ перечисленныхъ мѣстъ заключался въ ихъ священномъ почитаніи у христіанъ, съ древнѣйшей эпохи, которое вызвало еще съ IV вѣка появленіе здѣсь церквей и обителей. Наибольшій интересъ представляла для насъ мѣстность, занятая самимъ (теперешнимъ) Иерихономъ съ его многочисленными садами и обширными плантаціями. Конечно, разрушеніе прошло здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и на первый взглядъ, отъ пышной зимней резиденціи Ирода ничего не осталось. Но это заключеніе ошибочно: достаточно посѣтить садъ русскаго пріюта Миссін, въ которомъ его знаменитый основатель, радѣвшій о древностяхъ Святой Земли, извѣстный и высокопочитаемый о. архимандритъ Антоній сохранилъ все остатки и самыя маленькіе кусочки древности, чтобы убѣдиться въ одномъ: почва Иерихона богата древностями и именно христіанскими. Городъ Ирода не пропалъ, но пошелъ на украшеніе новаго христіанскаго Иерихона, въ которомъ было, считая съ окрестностями, такое обиліе монастырей, въ V—VI вѣкахъ, какое было развѣ въ окрестностяхъ Иерусалима¹⁾. Правда, всѣ эти церкви и монастыри строились наскоро, безъ особыхъ затѣй, но уже самая эпоха, столь богатая художественными силами, придавала базиликамъ ихъ колоннадами и мозаическими полами монументальность и характерность.

Наиболѣе интереса представляютъ остатки христіанскихъ базиликъ на мѣстѣ русскаго пріюта; между этими остатками нѣсколько капителей принадлежатъ еще вѣку Константина.

Отъ базилики, находившейся у источника Елсея, ничего не осталось, кромѣ стѣнъ, но и то лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ: очевидно, церковь была разобрана и употреблена на другую постройку.

Столъ же мало осталось отъ обширнаго монастыря, сооруженнаго въ VI вѣкѣ противъ мѣста Крещенія Спасителя и служившаго, по свидѣтельству паломниковъ, пріютомъ всѣхъ, приходившихъ на поклоненіе этому мѣсту. Современное зданіе греческаго монастыря *Іоанна Крестителя*, нынѣ называемое *Касръ эль Йегудъ*, цѣликомъ новое, построенное съ фундамента въ послѣднее время. Монахи показали, однако, въ нижней церкви, древнюю

1) Ср. Списокъ монастырей Палестины отъ Константина до арабовъ у Couret, *La Palestine sous les empereurs grecs*, 1869, pag. VI, IX—XIII, XIII—XXII.

абсиду, покрытую плѣсенью и сохранившую остатки позднѣйшихъ, весьма грубыхъ фресокъ, а передъ церковью монастыря поставлены на колонкахъ двѣ грубыя маленькія капители VI—VII стол. Такимъ образомъ, остается, по крайней мѣрѣ, вѣтъ сомнѣнія, что здѣсь, дѣйствительно, былъ этотъ знаменитый монастырь, но гдѣ находилась построенная по близости этого монастыря, или даже противъ него, церковь Іоанна Предтечи, остается неизвѣстнымъ.

Берега Іордана противъ монастыря вездѣ круты, рѣка роетъ и подмываетъ ихъ, у самого берега по сю сторону глубокіе омуты и водовороты, и нигдѣ нѣтъ брода. Берега съ обѣихъ сторонъ заросли (фот. 551—558) непроходимую и даже непролазную чащею всякаго кустарника, жимолости, тростника, терпентинновъ, держи-дерева, и на осмотрѣнномъ нами пространствѣ (около полуверсты) нигдѣ нѣтъ никакихъ признаковъ существованія какихъ бы то ни было построекъ. Правда, церковь І. Предтечи была поставлена на томъ берегу, но она была утверждена на монументальныхъ сводахъ, доходившихъ до середины рѣки.

Послѣ осмотра окрестностей Іерихона, экспедиція, не медля долѣе, отправилась въ Іерусалимъ на остальное время своего пребыванія въ Палестинѣ; тамъ караванъ былъ распущенъ. Но въ то же время въ Іерихонѣ были за это время произведены археологическія развѣдки на мѣстѣ, принадлежащемъ Палестинскому Обществу, съ 12-го по 21-е Ноября 1891 года, подъ ближайшимъ руководствомъ и надзоромъ члена экспедиціи Я. И. Смирнова, которому принадлежитъ и сообщаемый здѣсь отчетъ.

Археологическія развѣдки въ Іерихонѣ на мѣстѣ Палестинскаго Общества, произведенныя отъ 12-го по 21-е Ноября 1891 года.

Садъ, принадлежащій Палестинскому Обществу (фот. 561), какъ и окружающіе его сады и пустыри, лежитъ на мѣстѣ древняго города, простиравшагося къ югу до оврага, на краю котораго стоитъ прііютъ архимандрита Антонина. На значительномъ пространствѣ обнаруживаются слѣды разрушенныхъ домовъ: на пустыряхъ видны небольшіе холмики, образовавшіеся отъ развалившихся зданій, на одномъ изъ нихъ лежитъ база колонны; въ садахъ при работахъ находятъ стѣны, иногда сложенныя изъ большихъ, хорошо отесанныхъ камней. Въ саду греческихъ монаховъ, сосѣднемъ (съ запада) съ садомъ Общества, кромѣ остатковъ зданія съ классическими орнаментами, найдена часть мозаичнаго пола, къ сожалѣнію не расчищеннаго.

Стѣны, сложенные изъ большихъ камней обнаружены были, какъ въ саду, примыкающемъ съ юга къ саду Общества, такъ и въ южной части сада Общества. Въ сѣверной части сада въ дверяхъ четырехугольнаго зданія найдены были садовникомъ два бронзовыхъ креста, хранящихся въ іерусалимскомъ подворьѣ. Но теперь подъ грядями не видно стѣнъ въ южной и сѣверной частяхъ сада. Средина сада занята бугромъ, на которомъ выстроенъ домъ садовника. Къ востоку до самой ограды возвышенность изрыта ямами и вездѣ видны стѣны, скрытыя въ землѣ. Здѣсь прежній владѣлецъ, кромѣ водопроводной канавы, копалъ во многихъ мѣстахъ, повидимому отыскивая кладъ; землю и камень изъ ямъ сваливалъ онъ здѣсь же, почему уровень мѣста возвысился и при развѣдкахъ приходилось тратить много труда на расчистку мѣста. У края сада земля вынута большой широкой квадратной канавой для фундамента предполагавшейся церкви. Въ южной части выемки найденъ былъ мозаическій полъ и древняя стѣна съ сѣверной части его. Передъ домомъ садовника вырыты были стѣны, дверь и колонны, но эта яма засыпалась землею и мусоромъ и на поверхности земли видны были лишь большіе тесанные камни отъ разобранныхъ стѣнъ, обломки одной колонны, да двѣ капители (см. рис. Н. А. Околовича), за домомъ видны также два обломка колоннъ. Кромѣ этого среди камней, вынутыхъ при раскопкахъ прежняго владѣльца, замѣчены: осколокъ небольшой колонны бѣлаго мрамора, части карнизовъ и камень изъ свода съ розетками. Въ разныхъ мѣстахъ прежнимъ владѣльцемъ найденъ былъ рядъ глиняныхъ и бронзовыхъ вещей, хранящихся въ іерусалимскомъ подворьѣ Общества.

Такъ какъ высказываемо было предположеніе, что мозаичный полъ и другіе древніе остатки, находящіеся въ землѣ, принадлежать церкви, то экспедиція предприняла развѣдки, длившіяся съ 12-го по 21-е Ноября.

Работы начаты были около мозаики съ запада, въ надеждѣ пайти въ этомъ направленіи продолженіе ея, если бы полъ принадлежалъ дѣйствительно церкви, расчищалась сама мозаика и пространство къ востоку отъ нея, гдѣ долженъ былъ бы находиться алтарь. Но скоро обнаружилось, что пикакихъ основаній предполагать на изслѣдуемомъ мѣстѣ церковь — не существуетъ.

Мозаика сильно пострадала: уцѣлѣло, повидимому, менѣе половины ея. Сохранившаяся часть пола съ сѣверной стороны примыкаетъ къ стѣнѣ, сложенной изъ чисто отесанныхъ камней, но стѣна эта сохранилась лишь на незначительномъ протяженіи, къ западу она разобрана и остался лишь бугъ. Къ востоку тянется подобная же стѣна, но она приложена позднѣе, какъ то ясно видно съ сѣверной стороны, гдѣ замѣтенъ уголъ стѣны, окаймлявшей мозаику: къ югу стѣна поворачивала, образуя небольшой выступъ. Отъ восточной стѣны сохранились лишь два большихъ тесанныхъ камня, а на

правленіе ея ясно опредѣляется концомъ бѣлой каймы мозаичнаго пола. Въ сѣверо-восточномъ углу мозаика пробита для устройства водохранилища, наполнявшагося изъ водопровода, устроеннаго прежнимъ владѣльцемъ мѣста. Только середина мозаики осталась на прежнемъ уровнѣ, сѣверная и южная части пола сильно опустились: въ сѣверной части это видно по тому, насколько ниже мозаика нижняго ряда тесанныхъ камней стѣны, подъ которымъ виденъ уже бутъ. Въ южной части, при расчисткѣ обнаружена была древняя поправка пола: на опустившуюся часть мозаики положенъ былъ бутъ изъ булыжника на извести и по немъ снова мозаичный полъ, но лишь изъ однихъ бѣлыхъ кубиковъ, на той же высотѣ, какъ средняя, не сѣвшая, часть цвѣтнаго пола. Вѣроятно, такая же починка была и на южной части, но здѣсь полъ вырытъ былъ еще прежнимъ владѣльцемъ и верхній слой мозаики могъ быть сбитъ; въ южной части починка сохранилась тоже не вся, а лишь кускомъ; надъ юго-восточнымъ угломъ пола въ невынутой насыпи видна также та же починка, у восточнаго конца ея уцѣлѣлъ кусочекъ мозаики второго слоя съ черной полосой, но остатокъ этотъ столь незначителенъ, что нельзя понять къ чему принадлежала эта черная полоса. Въ томъ же юго-восточномъ углу значительно выше верхняго слоя мозаичнаго пола обнаружился помостъ изъ четырехугольных плитъ, идущій къ югу, помостъ очевидно позднѣйшаго происхожденія. Съ запада мозаика разрушена во всю ширину, по краю ея положенъ рядъ камней, новидному недавно. За камнями въ насыпи обнаруженъ былъ круглый глиняный водоемъ съ трубами: цементнымъ желобомъ къ югу и глиняной трубой къ сѣверу къ водопроводу, упомянутому выше.

Въ той же насыпи пашелся барабанъ небольшой колонны, стоявшій на землѣ, т. е. попавшій сюда случайно. Хотя мозаичнаго пола найдено не было (лишь въ юго-западномъ углу попадались куски бѣлой разломанной мозаики), но длина пола, опредѣлялась сохранившимся сѣверо-западнымъ угломъ бѣлой каймы, этотъ уголъ находится на уровнѣ высшемъ, нежели уровень сохранившейся части цвѣтнаго пола. Отъ стѣнъ, огибавшихъ уголъ этотъ, сохранился лишь бутъ.

Далѣе къ западу обнаружена была бутовая стѣна, идущая отъ востока къ западу, конецъ которой выходитъ въ пространство, занятое прежде мозаичнымъ поломъ. Пространство къ югу отъ стѣны этой замощено было бутовымъ помостомъ, въ которомъ обнаруженъ былъ водопроводный желобъ, сложенный изъ плитъ, идущій съ юга на сѣверъ. Западнѣе желоба въ насыпи пайдены были обломки колонны.

Затѣмъ расконъ повернулъ къ сѣверу, причемъ обнаружены были двѣ параллельныхъ стѣны, идущія отъ востока къ западу и одна стѣна съ юга на сѣверъ. Стѣны эти сложены также изъ булыжника и только конецъ пер-

вой—изъ тесаныхъ камней. Въ землѣ, наполнявшей небольшое помѣщеніе между этими стѣнами, найденъ былъ обломокъ небольшой колонны сѣраго мрамора.

Къ востоку, къ помѣщенію съ мозаичнымъ поломъ примыкаетъ пристройка, образованная продолженіемъ сѣверной стѣны первоначальнаго зданія; стѣна пристройки сложена также изъ тесаныхъ камней, до восточной стѣны этого помѣщенія раскопки доведены не были, такъ какъ пришлось бы перенести большую кучу камня, добытаго и сваленнаго здѣсь прежнимъ владѣльцемъ.

Не уцѣлѣла на всемъ протяженіи и сѣверная стѣна, такъ какъ ее перерѣзала новый водопроводъ; разобранъ также и конецъ поперечной стѣны. Раскопъ, проведенный къ югу, не обнаружилъ южной стѣны этого помѣщенія, которая также вѣроятно разобрана. При очисткѣ по уровню мозаики найдена была мѣстами бѣлая мозаика на бутѣ изъ мелкаго булыжника на извести, по въ полномъ разрушеніи¹⁾. Въ восточномъ концѣ, наряду съ бѣлыми, попадались и красные кубики, но также нигдѣ не оказалось неповрежденной, гладкой поверхности мозаики.

Въ поворотѣ раскопа къ югу, съ цѣлью дойти до южной стѣны обнаруженъ былъ на значительно высшемъ уровнѣ, чѣмъ мозаика, каменный помостъ, изъ большихъ толстыхъ прямоугольныхъ плитъ: южной же стѣны найдено не было. Въ землѣ во время раскопокъ около мозаичнаго пола часто попадались обломки древняго стекла въ видѣ обломковъ сосудовъ и сплавленныхъ въ огнѣ кусковъ, среди обломковъ попадались чаще всего горлышки слезницъ, найдены были также ножка слезницы и обломокъ чашечки разноцвѣтнаго стекла. Найдены были также три мраморныхъ плитки отъ пола. Изъ нѣсколькихъ бронзовыхъ монетокъ только одна сохранилась настолько, что можно было разобрать обычную византійскую букву **М**.

Въ сѣверо-западномъ углу квадратной выемки виденъ былъ уголъ помѣщенія, стѣны котораго сложены изъ тесаннаго камня. Въ надеждѣ, не найдется ли что либо внутри его пола, часть камня, заполняющаго внутренность, была выпута, но внизу оказались лишь громадныя булыжники на известковомъ цементѣ.

Въ ямѣ, вырытой прежнимъ владѣльцемъ передъ южной стороной дома, служащаго для пріюта поклонниковъ, видны два громадныхъ камня, видимо, отъ порога двери и въ насыпи рядъ плитъ бѣлаго камня, какъ бы образующихъ помостъ. Развѣдка, произведенная на этомъ мѣстѣ, открыла каменный помостъ на пространствѣ около квадратной сажени, но со всѣхъ

1) Глубже ея во всю длину съ востока на западъ тянется желобъ съ стока грязной воды, какъ видно по косточкамъ и черепкамъ наполняющимъ его.

сторонъ онъ далѣе былъ разобранъ равно, какъ и стѣна, которой принадлежалъ порогъ. Этотъ помостъ, какъ и помосты около мозаики, паходится не глубоко и, повидимому, также принадлежитъ къ позднѣйшимъ временамъ.

Развѣдка къ югу отъ вѣтряной мельницы, доведенная почти до самой мельницы, обнаружила стѣну, идущую съ юга на сѣверъ, довольно грубой кладки.

По разсказамъ лицъ, выдавшихъ работы прежняго владѣльца сада, гдѣ то около дома садовника паходится другой мозаичный полъ: указывали на примыкающій къ дому хлѣвъ, но развѣдки обнаружили тамъ лишь помостъ изъ череничныхъ плитокъ. Въ большой ямѣ передъ входомъ въ домъ произведены были развѣдки, далеко не доведенныя до конца, такъ какъ насыпь здѣсь очень высока и обрѣзы грозили наденіемъ, снимать же землю требуетъ много труда и издержекъ, такъ что расчистить удалось лишь часть того пространства, которое разрыто было ранѣе и двинуться далѣе въ мѣста еще непролутыя не пришлось.

Въ восточномъ краю ямы обнаружена стѣна, идущая съ сѣвера на югъ. Стѣна эта сложена изъ хорошо обтесанныхъ камней; въ срединѣ ея стоитъ колонна на базѣ, заложенная въ стѣну, что свидѣлствуетъ о позднѣйшемъ происхожденіи стѣны. Колонна сложена изъ нетолстыхъ барабановъ. Стѣна поворачиваетъ на западъ, въ этой южной стѣнѣ паходится дверь. Порогъ двери вывороченъ, стѣна съ западной стороны уцѣлѣла до высоты перемычки и на верхнемъ краю ея вырубленъ кронштейнъ грубо обычной формы. Пространство, расчищенное въ углу между этими двумя стѣнами, нѣкогда вымощено было мозаикой; въ самомъ углу сохранился кусокъ бѣлой каймы. Позднѣе, поверхъ попорченнаго или уничтоженнаго мозаичнаго пола насланъ былъ помостъ изъ чернаго камня, такъ называемаго небі муса, доходящій на югъ лишь до колонны, отъ середины помоста рядъ плитъ къ двери, такъ что уцѣлѣвшая часть мозаики служила поломъ въ угловой части портика на нѣсколько болѣе низкомъ уровнѣ. Въ сѣверномъ углу портика обнаружена тонкая, очевидно, также позднѣйшая стѣнка, примыкающая повидимому къ стѣнкѣ, идущей передъ дверью съ сѣвера на югъ.

Для опредѣленія протяженія зданія за дверью къ югу отъ дома начата была развѣдка, приведшая къ стѣнѣ, тянущейся съ востока на западъ. Кладка стѣны этой гораздо грубѣе, чѣмъ стѣны съ дверью, что, впрочемъ, можетъ объясняться тѣмъ, что стѣна эта не лицевая. Опредѣлить, есть ли мозаичный полъ въ комнатѣ между этими двумя стѣнами, было невозможно, не снявъ толстой надписи, лежащей надъ этимъ пространствомъ.

Такъ какъ по словамъ очевидцевъ въ западной, неразслѣдованной части ямы паходятся еще стволы колоннъ, и такъ какъ еще западнѣе за домомъ

садовника находятся обломки такихъ же колоннъ, какъ обнаруженная въ восточной части ямы, то очевидно, что открытое зданіе имѣло протяженіе съ востока на западъ и при узкой комнатѣ имѣло колоннаду, можетъ быть, двойную, обращенную на сѣверъ, то зданіе это болѣе всего можно сравнивать съ частными домами, примѣты которыхъ даетъ въ своемъ трудѣ о центральной Сиріи Вогюэ, тѣсныя комнаты съ портиками предъ ними встрѣчаются тамъ постоянно.

Около двери найденъ былъ обломокъ небольшой порфировой чаши съ крестомъ, вырѣзаннымъ на выступѣ ея верхняго края. Но обломокъ этотъ, хотя бы чаша и предназначалась для святой воды, не указываетъ еще непосредственно на религіозное назначеніе этого зданія.

ГЛАВА IV.

Иерусалимъ. Вопросы по исторіи храма Гроба Господня. Разборъ древнихъ свидѣтельствъ о храмѣ отъ Евсевія до крестоносцевъ; предположенія, извлекаемыя изъ древнихъ текстовъ, по вопросу о Константиновой базиликѣ Св. Гроба. Пропилеи базилики. Детали стѣннаго нефа и церкви Св. Елены. Обзоръ развалинъ древнихъ храмовъ Иерусалима и капителей, сохранившихся въ Омаровой мечети, мечети Эль-Акса, Давидова мѣста и Золотыхъ воротъ, храмовъ: Св. Анны, Стефана, Элеонскихъ сооружений. Капители церкви Рождества Христова въ Вифлеемѣ. Монастыри Св. Саввы и Св. Креста.

Весьма естественно, если главнымъ предметомъ научнаго изученія въ Иерусалимѣ является храмъ Св. Гроба: превысшее значеніе самой святыни, сложныя историческія судьбы ея зданій, древность ихъ происхожденія, и самая загадочность ихъ остатковъ, все это приковываетъ вниманіе, увлекаетъ любознательность историка. А въ той спеціальной задачѣ, которая была предложена для экспедиціи Православнаго Палестинскаго Общества, этотъ памятникъ играетъ роль заглавія, источника, основной, и конечной цѣли изслѣдованія; въ самомъ дѣлѣ, храмъ Св. Гроба не только главная святыня, но и главный, исконный памятникъ христіанства, важный не для одной Палестины, и только потому, что мы доселѣ не въ силахъ даже мысленно возстановить его обликъ, этотъ памятникъ еще не поставленъ въ главу всей исторіи восточно-христіанскаго и древне-христіанскаго искусства.

На протяженіи всей исторіи христіанскаго искусства основнымъ ея пунктомъ является вопросъ о формѣ храмоваго зданія, его богослужебномъ

распределеніи, постепенномъ развитіи отдѣльныхъ его частей, ихъ вліяніи на художественную форму цѣлаго зданія, словомъ, исторія сложенія и развитія храмовой идеи, и способовъ ея выраженія во внѣшней формѣ. Въ этой исторіи, построеніе Константиномъ базилики надъ Гробомъ Господнимъ составляетъ первое, основное и исходное положеніе, и отъ его пониманія многое должно выясниться. Но, чтобы на дѣлѣ представить, какъ слагаются по этому пункту самыя задачи научнаго изслѣдованія, мы должны начать съ анализа древнихъ текстовъ, говорящихъ намъ о знаменитомъ храмѣ. Только, выработавъ себѣ опредѣленный, хотя смутный въ деталяхъ, образъ прошедшаго, мы можемъ приступить къ изученію его скудныхъ остатковъ и вопрошать ихъ о древности.

Передъ нами тексты, давно извѣстные и толковавшіеся множество разъ и на разные лады, и тексты, относительно новые и еще не разобранные (паломничество Сильвіи), но мы будемъ относиться къ тѣмъ и другимъ одинаково, оставляя въ сторонѣ сложную литературу вопроса.

Первый по времени и важнѣйшій текстъ, свидѣтельствующій о храмѣ, воздвигнутомъ Константиномъ, принадлежитъ, какъ извѣстно, историку церкви и панегиристу императора—Евсевію (въ его «Житіи Константина», книга III, гл. 33—39). Мы не будемъ ни перебирать, ни разбирать всѣхъ критическихъ замѣчаній и догадокъ, высказанныхъ доселѣ объ этомъ текстѣ вообще и общихъ сужденій о ихъ авторѣ. Большинство этихъ критикъ строго осуждаетъ Евсевія за риторство, въ описаніи церкви явно лишнее и вредящее точности; многіе идутъ далѣе, исправляютъ и дополняютъ самый текстъ. Между тѣмъ, коротко говоря, всякій древній текстъ имѣетъ значеніе свидѣтельства, лишь подъ однимъ условіемъ: если принимать этотъ текстъ, какъ онъ есть, допуская только тѣ исправленія, которыхъ требуетъ филологическая критика текста, помогающая, черезъ посредство списковъ, восходить къ ея оригиналу или по крайней мѣрѣ къ первымъ его спискамъ. Именно въ этомъ отношеніи, однако, для текста Евсевія сдѣлано уже многое изданіями Вазезія и Гейнрихена (1869 г.) и если можно ожидать детальныхъ дополненій и даже объясненій, то нѣтъ основанія ожидать отъ исправленнаго текста бѣльшей ясности. Еще менѣе можно, принимая одну часть текста, отрицать другую, хотя бы на основаніи критическаго отзыва другихъ о степени достовѣрности Евсевія¹⁾: историкъ описываетъ храмъ, ему отлично извѣстный, для тѣхъ, кто его или видѣлъ, или могъ видѣть, и въ то время, когда храмъ еще существовалъ; стало быть, историкъ могъ быть, пожалуй, неяснымъ, слишкомъ краткимъ, но врядъ ли могъ быть недосто-

1) См. по этому вопросу *Boissier, Gaston. La fin du paganisme*, I, P. 1891, page 16—17, note. А. Лебедева. *Греческіе церковные историки IV, V и VI вѣковъ*. М. 1890.

вѣрнымъ. Возможно вполнѣ, что текстъ не дастъ полного, яснаго понятія о храмѣ, но невозможно, чтобы онъ давалъ понятіе лживое и чтобы позволительно было одно его показаніе брать, а другое рядомъ исключать. Между тѣмъ отношеніе критиковъ къ Евсевію грѣшитъ именно этою стороною дѣла: начавъ съ анализа его текста, критики часто заканчиваютъ построеніемъ своего собственнаго плана и, на основаніи уже этого плана, отрицаютъ то или другое мѣсто Евсевія. Быть можетъ, иной изъ этихъ плановъ и приближается къ дѣйствительной формѣ древняго храма, но мы утвердиться въ этомъ предположеніи не можемъ, не имѣя на то основанія, когда единственное основаніе—этотъ же Евсевій заподозрѣтъ или принять только частью, тогда какъ все же болѣе или менѣе остроумныя планы не отвѣчаютъ его тексту, но его исправляютъ или дополняютъ.

Взамѣнъ всякихъ догадокъ и плановъ, мы предлагаемъ только самый текстъ и переводъ¹⁾, сопровождая послѣдній объясненіями и, принимая, за-

1) Переводъ принадлежитъ В. Г. Васильевскому, издавъ въ I-мъ Приложеніи къ 1-му выпуску III-го тома Палестинскаго Сборника, изд. Правосл. Палест. Обществ., стр. 87—91, и отличающійся полною точностію, измѣненъ нами лишь въ нѣкоторыхъ техническихъ деталяхъ, которые, впрочемъ, всѣ будутъ особо оговорены въ примѣчаніяхъ и обозначены курсивомъ.

Κεφάλαιον λδ'.

Ἐκφρασις οἰκοδομῆς τοῦ παναγίου μνήματος.

Τοῦτο μὲν οὖν πρῶτον, ὥσπερ τοῦ παντός κεφαλὴν, ἐξαιρέτως χίοσι κόσμῳ τε πλείστῳ κατεποίκιλλεν ἡ βασιλέως φιλοτιμία, παντοίοις καλλωπίσμασι καταφαιδρύνουσα.

Κεφάλαιον λε'.

Ἐκφρασις αἱθρίου καὶ στοῶν.

Διέβαινε δ' ἐξῆς ἐπὶ παμμεγέθη χώρον, εἰς καθαρὸν αἶθριον ἀναπεπταμένον, ὃν δὴ λίθος λαμπρὸς κατεστρωμένος ἐπ' ἐδάφους ἐκόσμαι, μακροῖς περιδρόμοις στοῶν ἐκ τριπλεύρου περιεχόμενον.

Κεφάλαιον λς'.

Ἐκφρασις τοῦ ναοῦ τῆς ἐκκλησίας τοίχων καὶ δωματουργίας, κάλλους τε καὶ χρυσώσεως.

Τῷ γὰρ καταντικρὺ πλευρῷ τοῦ ἄντρου, ὃ δὴ πρὸς ἀνίσχοντα ἥλιον ἑώρα, ὁ βασιλεὺς συνεῆπτο νεώς, ἔργον ἐξάσιον, εἰς ὕψος ἄπειρον ἡρμένον, μήκους τε καὶ πλάτους ἐπὶ πλείστον εὐρυνόμενον· οὐ τὰ μὲν εἶσω τῆς οἰκοδομίας ὕλης μαρμάρου ποικίλης διεκάλυπτον πλακώσεσι, ἡ δ' ἐκτὸς τῶν τοίχων ὤψις ξαστῇ λίθῳ ταῖς πρὸς ἕκαστον ἁρμογαῖς συνημμένῳ λαμπρυνόμενῃ, ὑπερφύεις τι χρῆμα κάλλους, τῆς ἐκ μαρμαρίου προσόψεως οὐδὲν ἀποδέον, παρῆγεν. Ἄνω δὲ πρὸς αὐτοῖς ὀρόροις τὰ μὲν ἐκτὸς δώματα μολύβου περιέφραττεν ὕλη, ὁμβρων ἀσφαλὲς ἔρυμα χειμερίων, τὰ δὲ τῆς εἶσω στέγης γλυφαῖς φανωμάτων ἀπηρτισμένα καὶ ὥσπερ τι μέγα πέλαγος καθ' ὅλου τοῦ βασιλείου οἴκου συνεχεῖσι ταῖς πρὸς ἀλλήλας συμπλοκαῖς ἀνευρυνόμενα, χρυσῷ τε διζυγεῖ δι' ὅλου κακαλυμμένα, φωτὸς οἷα μαρμαρυγαῖς τὸν πάντα νεὼν ἐξαστράπτειν ἐποίει.

Κεφάλαιον λς'.

Ἐκφρασις διπλῶν στοῶν ἐκατέρωθεν καὶ πυλῶν ἀνατολικῶν τριῶν.

Ἀμφὶ δ' ἐκάτερα τὰ πλευρὰ διττῶν στοῶν, ἀναγείων τε καὶ καταγείων δίδυμοι παρυστάδες τῷ μήκει· τοῦ νεῶς συνεξεστίνοντο, χρυσῷ καὶ αὐταὶ τοὺς ὀρόρους πεποικιλμένα, ὧν αἱ μὲν ἐπὶ προσώπου τοῦ οἴκου χίοσι παμμεγέθεισιν ἐπηρείδοντο, αἱ δ' εἶσω τῶν ἐμπροσθεν ὑπὸ πεσοῖς ἀνηγει-

тѣмъ *безъ исключенія*, всѣ показанія текста, попробуемъ составить умствешную схему храма во всѣхъ главныхъ частяхъ *по Евсевію*, съ тѣмъ, что дополненія и разъясненія его свѣдѣній будутъ почерпаемы изъ послѣдующихъ, во времени, описаній и свидѣтельствъ о храмѣ Константина.

«Вслѣдъ за словами царя», говоритъ Евсевій, шло дѣло, велись работы, и на самомъ мѣстѣ спасительнаго страданія (μαρτύριον) устраивался Новый Иерусалимъ».

«И вотъ, пишетъ Евсевій (гл. 33), какъ бы пѣкую главу всего, онъ (царь) сначала украсилъ священную пещеру, (τὸ ἱερόν ἄντρον), ту божественную гробницу, подлѣ которой блистающій свѣтомъ Ангель пѣкогда благовѣствовалъ общее всѣмъ паки бытіе, явленное чрезъ Спасителя. Гл. 34. Итакъ, прежде всего, эту гробницу, какъ бы главу всего, царская щедрость украсила отборными колоннами и весьма многими украшеніями, придавая ей всяческій блескъ. Гл. 35. Потомъ она (царская щедрость) перешла на весьма *большое мѣсто* — *открытый атриумъ*¹⁾, тутъ разстилавшійся, который былъ вымощенъ *мраморомъ*

ροντο, πάλιν τὸν ἕξωθεν περιβεβλημένοις κόσμον. Πύλαι δὲ τρεῖς πρὸς αὐτὸν ἀνίσχοντα ἥλιον εὖ διακείμεναι τὰ πλήθη τῶν εἰσω φερομένων ὑπεδέχοντο.

Κεφάλαιον λη'.

Ἐκφρασις ἡμισφαίριου καὶ κίωνων δώδεκα καὶ κρατήρων.

Τούτων δ' ἀντικρὺ τὸ κεφάλαιον τοῦ παντός ἡμισφαίριον ἦν, ἐπ' ἄκρου τοῦ βασιλείου ἔκτεταμένον, ὃ δὴ δωκαίδεκα κίονες ἐστεφάνουν, τοῖς τοῦ σωτῆρος ἀποστόλοις ἰσάριθμοι, κρατήρσι μεγιστοῖς ἐξ ἀργύρου πεποιημένοις τὰς κορυφὰς κοσμούμενοι, οὓς δὴ βασιλεὺς αὐτὸς ἀνάνθημα κάλλιστον ἐποίητο τῷ αὐτοῦ θεῷ.

Κεφάλαιον λθ'.

Ἐκφρασις μεσαυλίου καὶ ἐξεδρῶν καὶ προτύλων.

Ἐνθεν δὲ προϊόντων ἐπὶ τὰς πρὸ τοῦ νεῶ καιμένας εἰσόδους, αἵθριον διελάμβανεν. Ἦσαν δὲ ἐνταυθοῖ παρ' ἐκάτερα, καὶ αὐτὴ πρώτη στοὰ τ' ἐπὶ ταύτῃ, καὶ ἐπὶ πᾶσιν αἱ αὐλαιοὶ πύλαι, μεθ' ἧς ἐπ' αὐτῆς μέσης πλατείας ἀγορᾶς τὰ τοῦ παντός προτύλεια φιλοκάλως ἡσκημένα τοῖς τὴν ἐκτὸς πορείαν ποιουμένοις καταπληκτικὴν παρεῖχον τὴν τῶν ἔνδον ὀρωμένην θέαν.

1) Текстъ: ἐπὶ πεμμεγέθῃ χώρῳ, εἰς κχαρὸν αἵθριον. Что мѣсто было «весьма большое», слѣдуетъ понимать сравнительно съ гробницею, которую оно окружало. А такъ какъ изъ текста не видно особаго богослужебнаго назначенія для этого мѣста, то его обширность, очевидно, была дѣломъ архитектора, распланировавшаго такъ, чтобы эта площадь самою обширностью ровнаго вымощеннаго мѣста производила впечатлѣніе и останавливала усиленное вниманіе на памятникѣ, уединенно посреди нея стоявшемъ. Стало быть, эту площадь мы должны представлять себѣ шире базилики. Площадь мы должны обязательно называть *атріумомъ*, ибо такъ назывались подобные *окруженные портиками* дворы во времена Евсевія; если же онъ позволяетъ себѣ латинское *atrium* замѣнять подобозвучающимъ, но далеко не тождественнымъ прилагательнымъ αἵθριον и еще присоединяетъ украшающій эпитетъ — κχαρὸν, то это, дѣйствительно, риторика. Атріумъ есть дворъ съ портиками или навѣсами, αἵθριον — всякое открытое мѣсто «подъ небомъ», но изъ самаго текста Евсевія и свидѣтельствъ всѣхъ паломниковъ ясно, что это былъ «атріумъ» въ указанномъ нами смыслѣ.

ромъ¹⁾ и обведенъ съ трехъ сторонъ длинными *галлерейми*²⁾ портиковъ».

Изъ совокупности этихъ трехъ главъ мы должны составить себѣ представление о первой и главной части храма Воскресенія, а именно о самомъ Гробѣ Господнемъ: мы узнаемъ отсюда, что Гробъ Господень не былъ оставленъ при постройкѣ храма въ томъ своемъ натуральномъ видѣ, какъ онъ былъ найденъ Еленою подъ мусоромъ, а высѣченъ въ скалѣ со всѣхъ сторонъ, такъ что образовалъ памятникъ, отдѣльно стоящій, какъ рассказано въ другомъ мѣстѣ тѣмъ же Евсевіемъ. Этотъ натуральный видъ не удовлетворялъ, однако, рвеніе поклонниковъ, и Константинъ приказалъ его украсить отборными колоннами, всякой виѣшнею разнообразною обдѣлкою и блестящими матеріалами. Какъ бы ни были общи эти выраженія, но и въ нихъ можно искать указаній реальныхъ: гробница была облицована пестрыми мраморами, обставлена колоннами и украшена (въ капителяхъ, на покрывкѣ, по антаблементамъ и пр.) золотомъ и серебромъ.

Какую форму имѣла эта гробница въ новомъ уборѣ, Евсевій не говоритъ, но очевидной необходимости, для его читателей, такихъ показаній, и мы имѣемъ, для сужденія объ этомъ, матеріалъ только въ памятникахъ современной Константину архитектуры. Но изъ текста не видно, что эта гробница, имѣвшая, по всей вѣроятности видъ небольшого круглаго, двухъ яруснаго мавзолея, была заключена при Константиנѣ, внутри особаго зданія (современной ротонды), а только то, что сама гробница стояла свободно, на среднѣмъ монетнаго двора, окруженнаго съ трехъ сторонъ портиками или навѣсами. Это устройство вполне соответствуетъ современнымъ Константину архитектурнымъ типамъ, которые во множествѣ разъ представлены на фрескахъ Помпеи, въ живописи вазъ, и намъ пѣтъ даже особой нужды перебирать эти изображенія. Однако, изъ текста Евсевія не видно, что собственно разумѣтъ онъ подъ «главою» всего зданія: одну ли нещерную гробницу, или постройку вокругъ нея, ее покрывавшую, родъ современной ротонды, которую, во многихъ планахъ³⁾, въ томъ или другомъ типѣ (Виллиса, Зенна, Тоблера, Вогюэ) принимаютъ, какъ сооруженіе такъ называемаго *Анастасиса*, существовавшаго уже при Константинѣ.

Конечно первоначальная постройка, при самомъ Константинѣ, могла ограничиться обдѣлкою и украшеніемъ самой гробницы, а потому приведенный текстъ былъ бы вполне понятенъ въ томъ смыслѣ, что Евсевій еще не

1) *Μῦθος λαμπρὸς* — въ данномъ случаѣ, очевидно, мраморъ въ риторической перифразѣ, что указано уже Валеріемъ, по сравненію съ *ἕστος λίθος* стѣна — въ сосѣдней главѣ.

2) *περιδρόμος* — такое же техническое слово въ древности, что нынѣ корридоръ или *галлерей*.

3) См. на таблицѣ XVII атласа, изд. при III-мъ томѣ Палестинскаго Сборника.

зналъ ротонды. Во всякомъ случаѣ мы считаемъ, что въ данномъ текстѣ Евсевія нѣтъ указанія на ротонду, хотя увидимъ, далѣе, какія трудности получатся, если принять слова Евсевія въ буквальный смыслъ слова, т. е., какъ относящіяся только къ пещерѣ, не къ зданію вокругъ нея. Съ другой стороны, кто составилъ заголовки къ главамъ книги Евсевія и что могутъ значить слова заголовка къ гл. 34: "Εκφρασις οἰκοδομῆς τοῦ Παναγίου μνημῆτος". Очевидно, слово *οἰκοδομή* — постройка нельзя отнести къ украшенію или обдѣлкѣ, хотя бы мраморами и колоннами, самой пещеры? Возможно поэтому, что Евсевій, начавъ говорить о храмѣ, остановился прежде всего на пещерѣ, *какъ на святыню*, обще (подъ словомъ *μνῆμα*, которое всегда обозначало цѣлое гробничное зданіе, не одну гробницу) упомянулъ о «главѣ» храма, окруженной портиками съ трехъ сторонъ, и только, описавъ храмъ, т. е. базилику, вернулся вновь къ гемисферію — зданію, покрывавшему гробницу и бывшему, въ тоже время *главою храма*, какъ увидимъ ниже. Должно прибавить, что *главою* всего храма, колоссальнаго и, главное, чрезвычайно широкаго, нельзя было бы называть одну пещеру, по ея малому размѣру, и вполнѣ естественно назвать круглое сооруженіе надъ пещерою, т. е. ротонду — гемисферіей. Въ концѣ концовъ текстъ Евсевія не даетъ точныхъ указаній въ этомъ основномъ пунктѣ.

Иной вопросъ объ атріумѣ: въ текстѣ Евсевія указано точно, гдѣ онъ при немъ былъ, а именно (см. ниже) знаемъ, что онъ былъ между «гробницею», и базиликою, стало быть, окружалъ «гробницу». Слово *διέβαινε* — щедрость *переходила*, спускалась, черезъ высокій предметъ на ровную площадь — только намекаетъ, что гробница стояла посреди атріума.

Возможно, что ни строители, ни архіен. Макарій не думали первое время о потребностяхъ богослуженія при Св. Гробѣ, и что ротонда выстроена была уже въ первое пятидесятилѣтіе послѣ Константина, почему и считалась вполнѣдствіи, согласно исконнымъ привычкамъ грековъ, постройкою царя Константина. Изъ словъ Св. Кирилла (см. тамъ же, приложение, стр. 91) также можно заключить, что онъ знаетъ одно храмовое зданіе — базилику, ее называетъ одновременно «мартиріемъ» и мѣстомъ Воскресенія, и самое «свидѣтельство» относить къ Воскресенію, не къ Голгофѣ. Наиболѣе вѣское свидѣтельство Бордоскаго путника гласитъ такъ: . . . *monticulus Golgotha, ubi Dominus crucifixus est. Inde quasi ad lapidis missum est crypta ubi corpus ejus positum fuit et tertio die surrexit. Ibidem modo jussu Constantini imperatoris basilica facta, id est dominicum mirae pulchritudinis, habens ad latus exceptoria, nude aqua levatur, et balneum a tergo, ubi infantes lavantur*. Итакъ, Бордоскій путникъ (ок. 334 г.) знаетъ только холмъ Голгофы, пещерную гробницу Господа и зданіе базилики, но это зданіе онъ помѣщаетъ (въ общихъ выраженіяхъ *ibidem*) какъ то надъ пещерою (*crypta*).

Равно и Св. Кириллъ не отдѣляетъ «базилику» отъ Гроба Господня, а если бы Гробъ Господень стоялъ въ его время только посреди своего атриума, нельзя было бы ему не выдѣлать базилики отъ Анастасиса.

Наконецъ, въ текстѣ Евсевія содержится точное указаніе формы атриума, окружавшаго Св. Гробъ: онъ былъ четырехугольной формы, по 3 сторонамъ имѣлъ портики или навѣсы, открытые внутрь двора—атриума и ограниченные стѣнами; съ четвертой, какъ увидимъ, западной стороны была базилика. Такимъ образомъ, если слѣдовать тексту Евсевія, нельзя рисовать себѣ атриумъ только между Св. Гробомъ и базиликою, какъ дѣлають тѣ, которые хотять считать этотъ атриумъ преддверіемъ самой базилики, помѣняя ея входы (противъ текста Евсевія) не на восточномъ концѣ, но на западномъ. Равно нельзя представлять себѣ, какъ дѣлають, двѣ стороны портиковъ атриума по бокамъ ротонды, а третью сторону съ портикомъ же помѣщать между гробомъ и базиликою: ибо какъ сейчасъ увидимъ, Евсевій точно говоритъ, что атриумъ имѣлъ портики по тремъ сторонамъ, а по четвертой, гдѣ примыкала базилика, портика не было. Изъ этой небрежности къ тексту проистекають большія послѣдствія.

Гл. 36. «*Ибо къ противоположной сторонѣ пещеры (къ сторонѣ обращенной на восходъ солнца, примыкалъ храмъ (ναός), созданіе изумительное, воздвигнутое на неизмѣримую высоту, въ длину и ширину также достигающее величайшихъ размѣровъ. Внутренность этого зданія была покрыта облицовкою¹⁾ изъ пестраго²⁾ мрамора, а внѣшній видъ стѣнъ, блестящихъ тесанымъ³⁾ камнемъ, точно прилаженнымъ каждый къ краямъ другого, представлялъ нѣчто сверхъестественное по красотѣ, ничѣмъ не уступаая мрамору. Вверху при самой кровлѣ внѣшнія части зданія покрывалъ матеріалъ изъ свипца, надежная защита отъ зимнихъ дождей, а внутренняя сторона кровли (потолокъ), составленная изъ рѣзныхъ кессоновъ⁴⁾ и, на подобіе нѣкоего обширнаго моря, расширяющаяся надъ всѣмъ среднимъ нефомъ непрерывными ихъ, другъ съ другомъ, сплетеніями, всюду покрытая золотомъ, озаряла весь храмъ блескомъ, подобнымъ лучамъ свѣта. Гл. 37. По обѣимъ сторонамъ во всю длину храма тянулись двойныя колоннады⁵⁾ верх-*

1) διακόλυπτον πλακώσεως — соответствуетъ нашему техническому «прикрыла облицовка».

2) ὁλῆς μαρμάρου περὶ ὅλης — не разноцвѣтный только мраморъ, но именно пестрый.

3) ξεστὸν λίθον — тесаный камень, мѣстный камень не допускаетъ, кажется, полировки.

4) τετραγώνων, λικωνίων — техническія выраженія для углубленныхъ кессоновъ.

5) περὶ αὐτῶν — колоннада, стоящая у стѣны, просто — всякая колоннада. Средній нефъ базилики имѣлъ два пояса колоннадъ, причемъ верхній поясъ, приходившійся «на хорахъ», имѣлъ назначеніе пропускать освѣщеніе изъ боковыхъ оконъ нефа.

нихъ и нижнихъ парныхъ портиковъ, которыхъ потолки¹⁾ были также украшены золотомъ. Тѣ изъ колоннадъ, которыя были на лицо въ *среднемъ нефѣ* базилики²⁾, опирались на громадныя колонны, а внутреннія ближайшаго ряда состояли изъ четырехугольных столбовъ³⁾, которые были также обильно покрыты украшеніями. Трое воротъ, красиво расположенныхъ на Востокъ, принимали толпы приходящихъ во храмъ (внутрь)».

Начало 36 главы смущало многихъ читателей Евсевія, приступавшихъ къ его тексту съ готовымъ планомъ или предвзятымъ предвѣріемъ къ писателю ихъ смущало, что храмъ Воскресенія имѣлъ два атриума. На это замѣтимъ кратко, что богослужебныя, или просто мѣстныя и весьма разнообразныя причины зачастую заставляли дѣлать при древнихъ храмахъ два, даже три атриума, если обозрѣть планы сохранившихся историческихъ церквей, и не руководиться только планами двухъ, трехъ декоративныхъ базиликъ Рима; еще болѣе случаевъ, конечно, представить древнія описанія храмовъ, подобныхъ *Св. Софіи*, *Св. Анастасіи*, Апостоловъ въ Константинополѣ и пр.

Затѣмъ, данный текстъ Евсевія указываетъ не столько точно, сколько *безусловно*, въ общемъ смыслѣ, положеніе базилики: она находилась между атриумомъ Св. Гроба, примыкая (къ его части или къ Гробу) западную сторону, и своимъ собственнымъ атриумомъ, находившимся на восточной сторонѣ базилики (см. текстъ ниже). Поэтому, какъ бы мы себя ни представляли храмъ Константина, но если мы принимаемъ въ основаніе текстъ Евсевія (а это дѣлаютъ почти всѣ изслѣдователи) мы обязаны *сидовать за Евсевіемъ*, за его описаніемъ, и если онъ началъ съ конца, то и считать концомъ, и не перевертывать конца на мѣсто начала. Итакъ, Евсевій, сказавши, что Св. Гробъ былъ въ центрѣ площади, окруженной по 3 сторонамъ, а что съ 4 стороны была базилика, *и эта сторона была западная*, а входъ въ базилику *былъ на восточной ея сторонѣ*, этимъ безповоротно устанавливаетъ (для всякаго, принимающаго текстъ), что *базилика простиралась* отъ западной стороны атриума (или Гроба) до своего начала на восточной сторонѣ. Значитъ, входовъ въ базилику на западной сторонѣ быть не могло, и

1) Сказано: τοὺς ὀροφούς πεποιχμένους, но слово «крыши» здѣсь повторено, а употреблено, по требованіямъ риторики, сначала разомъ — о крышѣ и потолкѣ.

2) В. Г. Васильевскій переводитъ слова προσώπου τοῦ οἴκου — «при лицевой сторонѣ базилики», и, дѣйствительно, οἶκος употреблялось Евсевіемъ ранѣе въ значеніи всего зданія. Но, какъ терминъ, это слово во времена Евсевія означало тоже, что наше слово *залъ*, и οἶκος εὐκτήριος — сперва значило: молитвенный залъ въ домѣ, а затѣмъ уже: домъ молитвы. Οἶκος, перейдя къ римлянамъ въ названіи зала: оесус, оесі, и у грековъ получило значеніе длиннаго зала, въ одинъ и два свѣта. Въ данномъ случаѣ разумѣтся, явно, лицевая сторона средняго зала или нефа базилики.

3) Примѣчаніе Валезія, со ссылкой на Прокопія, точно указываетъ, что πεσσόι—наши четырехугольныя столбы, въ противоположность круглымъ *колоннамъ*.

потому, иначе говоря, нельзя толковать, что входы въ базилику были изъ атриума Св. Гроба: такое толкованіе Евсевія было бы невозможно, а если оно имѣетъ мѣсто, то лишь въ силу нашей привычки въ историческихъ текстахъ видѣть не то, что тамъ дѣйствительно содержится, по собственныя измышленія.

Текстъ Евсевія говоритъ точно, что атриумъ, окружавшій (по нашему мнѣнію) Св. Гробъ, принадлежалъ именно къ нему, не къ базиликѣ, построенной Константиномъ, т. е. хотя эта базилика и примыкала къ атриуму одною стороною (западною), но не имѣла въ ней монументальныхъ входовъ и дверей для пріема молебниковъ, а такія три двери для входа были только на восточной сторонѣ, что и выражено Евсевіемъ, въ своемъ мѣстѣ, какъ увидимъ ниже.

Евсевій, правда, не счелъ нужнымъ объяснить намъ, какъ и къ чему именно: *къ атриуму или къ гробницѣ примыкала* базилика, его выраженіе: *συνῆπτο* для того слишкомъ обще и значитъ: соединена, приложена, примкнута, не болѣе. Такъ какъ, далѣе, портики были въ атриумѣ только съ трехъ сторонъ, именно потому, что вдоль четвертой стороны была примкнута базилика, мы должны заключить, что западная сторона базилики не могла представлять глухой стѣны, иначе базилика была бы *отдѣлена* этою стѣною отъ гробницы, тогда какъ выраженіе Евсевія: *συνῆπτο* и все далѣйшее описаніе показываетъ, что самая внутренность нефа базилики была открыта со стороны Св. Гроба. Чрезвычайно важно, что Евсевій называетъ здѣсь базилику *μεσος*, что значитъ и «храмъ» и «средній нефъ» храма.

Все послѣдующее Евсевіево описаніе базилики (въ видѣ исключенія, по сравненію съ остальнымъ текстомъ) оказывалось, по общему приговору, точнымъ и не возбуждало никакихъ сомнѣній, кромѣ развѣ пункта о двойной колонадѣ средняго нефа, которую пробовали понять въ видѣ подземнаго ряда колоннъ, толкуя риторическія выраженія Евсевія о подземныхъ (нижнихъ) и надземныхъ (верхнихъ) колоннадахъ. Принять устройство подземной колоннады препятствуетъ отсутствіе указаній на существованіе, прежде всего, длиннаго свободнаго пространства подъ землею¹⁾, а по словамъ Евсевія двойныя колоннады шли *во всю длину храма*. Иное дѣло—небольшая крыша, которая могла существовать издревле на мѣстѣ называемаго обрѣтенія Св. Креста, но она не можетъ разумѣться въ словахъ Евсевія.

Но такъ какъ все остальное всегда считалось яснымъ, то мы ограничимся лишь указаніемъ необходимости точно принять слѣдующій текстъ

1) См. напр. разрѣзы и планы, приложенные къ *Отчету Правосл. Палест. Общества* за 1882—1883 годъ, Спб., 1893 г., особенно планъ VI, а также планы и разрѣзы, приложенные къ III-му тому *Православн. Палестинск. Сборника*, особенно: планъ XI, № XII—разрѣзъ по плану XI, № XV—разрѣзъ плана XIV.

Евсевія: трое входныхъ вратъ базилики находились *на восточной ея сторонѣ*. И затѣмъ перейдемъ къ важнѣйшему пункту.

Гл. 38. «Насупротивъ этихъ вратъ находился главный пунктъ цѣлаго, *полушаріе*, расположенное при оконечности средняго нефа; его увѣличивали двѣнадцать колоннъ, равночисленные апостоламъ Спасителя, по *капителямъ* украшенные громадными чашами изъ серебра—прекрасное приношеніе Богу отъ самого царя».

Это мѣсто Евсевія—пунктъ преткновенія для истолкователей! Было бы, въ данномъ случаѣ, совершенно излишнимъ (такъ какъ мы не пишемъ полнаго трактата о предметѣ, а только устанавливаемъ необходимую точку зрѣнія) приводить всѣ доселѣ состоявшіеся толкованія, а читатели Палестинскаго Сборника легко найдутъ всѣ пущныя подробности въ III его томѣ, а потому мы перейдемъ къ собственнымъ объясненіямъ.

Прежде всего, мы считаемъ правыми, до извѣстной степени, и тѣхъ, которые подъ словомъ полушаріе разумѣли *сводъ абсиды*. Слово *ἡμισφαίριον*—полушаріе (не полукружіе), на самомъ дѣлѣ, соотвѣтствуетъ въ архитектурѣ *куполу*, но, вѣроятно, благодаря тому, что куполь мало былъ извѣстенъ на западѣ, тамъ въ средніе вѣка употреблялось въ смыслѣ абсиды. Лексикологи¹⁾ удостовѣряютъ, что этотъ терминъ прилагался, какъ *epithetum organis*, къ своду абсиды, вѣроятно, увеличенному коробовымъ сводомъ, протянутымъ надъ пресвитеріемъ или центромъ. Однако, понимать текстъ Евсевія въ значеніи купола не значитъ предполагать полное соединеніе базиличной формы съ куполомъ: эта архитектурная задача была впервые разрѣшена и ея форма *открыта* построеніемъ Св. Софій при Юстиніанѣ, и ничего подобнаго ей не было извѣстно при Константинѣ. Попытаемся точно и прямо понять текстъ Евсевія.

Во-первыхъ, онъ говоритъ, что гемисферій былъ расположенъ «при оконечности» средняго нефа²⁾, стало быть, зданіе оставалось тою же базиликою, т. е. зданіемъ продолговатымъ и четырехугольнымъ, а не мѣнялось на иную форму, въ которой самый центръ зданія покрывается куполомъ, расширяется: нельзя средину зданія называть главою его. При этомъ, гемисферій имѣетъ въ текстѣ Евсевія особое мѣсто, какъ и слѣдуетъ для особаго зданія, и какъ было бы неумѣстно для абсиды, хотя бы обширной.

Во-вторыхъ, Евсевій точно выражается, что эта часть была «наsupротивъ входныхъ вратъ». Врата были на восточной сторонѣ, стало быть, гемис-

1) См. Du Cange, Glossarium m. latinit. v. Absida: arcus, fornix, Absida est hemisphaerium. Emisphaerium Absida etc.

2) ἐπ' ἄκρου. См. примѣчанія Вазелія. Ἄκρος — остріе, верхній острый конецъ, верхъ, верхній городъ (Акрополь), въ данномъ случаѣ замѣняетъ другое выраженіе Евсевія τὸ κεφάλαιον.

сферій былъ на *западной* сторонѣ базилики. Это обстоятельство принято Виллисомъ, Вогюэ и Зенномъ для ихъ плановъ, такъ какъ оно неизбежно вытекаетъ изъ текста Евсевія, и всѣ, кромѣ Виллиса¹⁾, относятъ «полушаріе» къ ротондѣ Анастасіа или церкви надъ Св. Гробомъ. Итакъ, только Виллисъ построяетъ обычную абсиду, прочіе находятъ нужнымъ два зданія.

Обратимся опять къ Евсевію: гемисферій, говоритъ онъ, окружали, вѣнчая²⁾ 12 колоннъ, а на ихъ капителяхъ были серебряныя чаши. Евсевій могъ, по всей справедливости и исполнѣ точно выразиться, что круглое зданіе, покрывавшее Св. Гробъ, было увѣнчано 12 колоннами. Римская форма купольнаго зданія (главные образцы котораго, до насъ дошедшіе: Пантеонъ, баптистерій, Латерана какъ разъ представляютъ намъ, въ нижнемъ или верхнемъ полѣ, въ кругъ стоящія колонны, образующія своего рода вѣнецъ³⁾). Такія колонны не поддерживаютъ свода: въ данномъ случаѣ, серебряныя чаши, стоявшія на ихъ капителяхъ, указываютъ, что эти колонны имѣли именно декоративный характеръ, были связаны между собою по капителямъ антаблементомъ, который допускалъ сверху постановку чашъ, соотвѣтственно каждой колоннѣ. Число колоннъ въ Пантеонѣ именно двѣнадцать, и въ гемисферіи это число образовалось по расчетамъ архитектора, а символическое толкованіе числу Аностоловъ придумано впоследствии.

Гл. 39. «Отсюда, если идти впередъ къ лежащимъ передъ храмомъ входамъ, (выходящаго) принималъ атриумъ. По ту и по другую сторону здѣсь были (экседры)⁴⁾ и первый дворъ и портики при ономъ и при всѣхъ нихъ ведущія во дворъ ворота, послѣ коихъ, при самой срединѣ рыночной⁵⁾ площади, прониженъ всего зданія, изящно украшенная, открывали для мимо идущихъ поразительное зрѣлище во внутренности».

1) По соображеніямъ Клермона Ганно (*Rec. d'arch. orient.*, III, 1900, pag. 88—90), ἡμισφαίριον Евсевія, называемый имъ «загадочнымъ» (совершенно напрасно и ранѣ времени) и отождествляемый (на этотъ разъ правильно) съ absida паломниковъ, не былъ будто бы и не могъ быть (2) обыкновенною абсидою византійскихъ базиликъ; равно, это не могъ быть куполь ротонды или Анастасіа. И потому для этого французскаго ученаго, absida Константиновской базилики стала киворіемъ алтаря, въ видѣ металлическаго купола, опирающагося на 12 колоннъ съ серебрянными капителями.

2) Εστὲφανίζον. Примѣчаніе Вадезія грѣшитъ какъ разъ противъ этого слова: in imo erant 12 columnae, semicirculari forma depositae.

3) См. ниже текстъ *Гресиарія*, который подробно описываетъ расположеніе колоннъ по окружности алтаря.

4) Слова «экседры» въ изданномъ текстѣ нѣтъ, но оно содержится въ (опущенномъ нами) заглавіи и, по словамъ В. Г. Васильевскаго, въ московской рукописи Евсевія. Обстоятельство очень важное, такъ какъ слова: «по ту и другую сторону» иначе были лишены всякаго смысла.

5) Въ текстѣ сказано: «перваго» двора; врядъ-ли, однако, здѣсь было два двора, и это выраженіе должно, скорѣе всего, противопоставлять этотъ дворъ атриуму Св. Гроба.

Очевидно, что *экседры* или углубленія, полукруглыя и четырехугольныя, находились по лѣвой и правой сторонѣ отъ лицевой стѣны¹⁾ базилики (имѣвшей трое вратъ и слѣдовательно не допускавшей экседръ), а по тремъ сторонамъ двора были портики или колоннады, и уже за этимъ дворомъ стояли пропилеи, объ устройствѣ которыхъ скажемъ особо. Далѣе, мы убѣждаемся, что весь текстъ оказывается яснымъ и точнымъ, и болѣе того — представляется хорошимъ описаніемъ художественнаго зданія, чего далеко нельзя сказать вообще о греческихъ описаніяхъ, и что заключительныя слова автора свидѣтельствуютъ о его художественномъ вкусѣ и пониманіи того, что красота зданія въ пропорціяхъ, перспективѣ внутреннихъ видовъ, освѣщеніи и т. д. И еще, что весь архитектурный планъ храма представляетъ, дѣйствительно, грандіозную и разнообразную композицію, широкаго стиля, только быть можетъ, слишкомъ помпѣзно, небрежно, декоративно исполненную, какъ почти всѣ Константиновскія постройки (кромѣ храма Апостоловъ и др.), порученныя вниманію придворныхъ архитекторовъ и подрядчиковъ.

Опуская отдѣльныя свидѣтельства въ «словахъ» Іерусалимскаго патріарха Кирилла (347—348 гг.), драгоценныя для вопросовъ о святыхъ: Гробѣ Господнемъ, Древѣ Креста, Голгоѣ, но по своей отрывочности и общности ничего не дающія для исторіи зданій и сооружений Константина надъ Гробомъ Господнимъ, перейдемъ къ важнымъ указаніямъ паломницы (Сильвіи) 380—390 годовъ. Эти указанія важны, потому что вѣрны и реальны, какъ всякія показанія очевидца, а не соображенія компилятора и толкователя: прежде всего, эти показанія *во всемъ* подтверждаютъ свидѣтельство Евсевія, притомъ именно въ томъ простомъ и точномъ смыслѣ его текста, какъ мы выше передали, а затѣмъ, эти показанія сообщаютъ намъ всѣ тѣ перемѣны и дополненія въ сооруженіи Константина, которыя за 50 лѣтъ произошли. Благодаря тексту паломничества, мы можемъ не только прослѣдить и констатировать эти перемѣны шагъ за шагомъ, но — что гораздо важнѣе всѣхъ фактовъ — понять ихъ, объяснить себѣ причины и мотивы ихъ появленія.

Начнемъ, естественно, съ самаго Гроба Господня, этой главы всего святаго, по словамъ Евсевія. Согласно греческому обычаю и языку, Гробъ Господень и все мѣсто, его окружающее, посятъ отнынѣ и неизмѣнно имя «Анастасіе» — Воскресеніе. Изъ всѣхъ текстовъ Сильвіи ясно, что именемъ

1) Экседры могли находиться или *позади портиковъ*, въ видѣ выкругленныхъ углубленій въ стѣнахъ, или же въ видѣ *боковыхъ нишъ вѣнчающаго нартѣкса* по лѣвую и правую сторону отъ входовъ, и послѣ этого нартѣкса уже былъ дворъ, обставленный портиками. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ объясняются и свидѣтельства о нѣкоторой особой роли экседръ, хранившихъ святыни Св. Гроба.

Анастасіа обозначается опредѣленное и выдѣленное на обширномъ атриумѣ мѣсто, извѣстное, сооруженіе. А именно, когда паломница говоритъ, что обычная служба происходитъ «передъ Анастасіомъ», «у Анастасіа», «въ Анастасіѣ» (*ante A., ab A.*), то, очевидно, что эти слова имѣютъ смыслъ тотъ же, что «передъ Св. Гробомъ», и стало быть, во время паломницы Анастасіа означаетъ и Св. Гробъ и все окружающее мѣсто, то есть сооруженіе надъ Гробомъ Господнимъ со всѣмъ окружающимъ мѣстомъ въ совокупности. Вотъ почему этимъ именемъ не обозначается уже самая только пещера, о которой, какъ увидимъ, паломница всегда говоритъ особо, когда напр. епископъ, при служеніи, входитъ «внутрь пещеры»). Далѣе, видно, что Анастасіа былъ отгороженъ, отдѣленъ, такъ какъ паломница точно указываетъ, когда молебники собираются заранѣе еще ночью къ службѣ «въ Анастасіѣ», то мѣсто имъ отводится не въ самой церкви («базиликѣ», какъ она выражается по своему времени), а внѣ ея, гдѣ для этой цѣли повѣшены и горятъ «лампады», т. е. въ томъ зданіи, окружавшемъ Анастасіа, о которомъ говоритъ Евсевій.

Все это необходимо заключаемъ изъ всего контекста: «собираются къ службѣ въ Анастасіѣ», не внутри церкви, а внѣ ея, однако возлѣ базилики, и когда прійдетъ духовенство, то отворять двери Анастасіа и *всѣ* войдутъ». Стало быть, это было обширное зданіе, а далѣе, мы узнаемъ, что это зданіе имѣло двери, даже нѣсколько дверей: спрашивается, въ какой преградѣ онѣ были, если бы не было особаго зданія? Это обстоятельство разъясняется двумя мѣстами: епископъ, при служеніи у Гроба, входитъ за «внутреннюю преграду (*cancellus*)» латинское слово *cancelli* можетъ означать вообще всякую невысокую преграду, и металлическую и мраморную, и рѣшетчатую, и глухую). Эта преграда была передъ самымъ Св. Гробомъ и, по смыслу всѣхъ разсказовъ паломницы, отдѣляла небольшое мѣсто, вѣроятно, вмѣстѣ съ Св. престоломъ и солею, впереди пещеры, т. е. ту часть, которая въ базиликахъ называлась *пресвитеріумъ*. За этой внутреннею преградой стоялъ уже народъ, а иногда, о чемъ говорится особо, и хоры пѣвцовъ, по сторонамъ Св. Гроба. Все это мѣсто было окружено особою внѣшнею преградой, о которой паломница говоритъ въ гл. 37: весь народъ собирается «въ открытомъ мѣстѣ» между Крестомъ и Анастасіомъ, въ такомъ числѣ, «что нѣтъ возможности открыть рѣшетку» (*cancellus*)¹⁾. Открытое мѣсто—тотъ же атриумъ—противупологается здѣсь Анастасіу, и мы должны понимать, что народъ изъ «открытаго мѣста» входитъ затѣмъ подъ кровлю,

1) Но, повидимому, и мѣсто Голгофы было около этого времени окружено рѣшеткою, и было бы важно, если бы литургисты различили, согласно пѣснопѣніямъ, у какого именно пункта идутъ священныя службы, передаваемые Сильвіею.

внутри отворенной рѣшетки. Зданіе Анастасіа должно было имѣть стѣны, такъ какъ паломница говоритъ, что когда «внутри Анастасіа громко говорятъ, то голоса слышны далеко за его дверями». Стало быть, мы должны представлять себѣ Анастасію именно въ томъ родѣ декоративныхъ сооружений изъ колоннадъ, окружающихъ внутренній памятникъ (или также купель), какъ напр. въ банистеріи Іоанна Латеранскаго, происходящемъ изъ времени Константина, у Св. Стефана Круглаго въ Римѣ (которую мы считаемъ копию древней ротонды Св. Гроба, хотя уже позднѣйшаго сооружения) и т. д. Колоннада была двойная, и между колонн шли мраморныя перегородки, съ рѣшетчатыми дверями, которыя упоминаются паломницею подъ именемъ *omnia hostia*. Надъ колоннадою, какъ бы надъ портикомъ, была крыша, но само внутреннее сооруженіе надъ Св. Гробомъ оставалось «подъ открытымъ небомъ» и было видно отовсюду, изъ атриума.

Когда бывали праздники, то всѣ промежутки колоннадъ и всѣ портики атриума украшались шелковыми завѣсами, съ золотыми клавями (коймами), о которыхъ также говоритъ паломница, и многочисленными лампадами.

Вблизи отъ этой древней ротонды Анастасіа находилось сооруженіе, не упоминаемое Евсевіемъ, и по нашему мнѣнію, при немъ еще не существовавшее, извѣстное паломницѣмъ подъ именемъ *Св. Креста* (Сгух). Хотя оно подъ разными именами упоминается у всѣхъ почти паломниковъ, однако, безъ ея показаній, оставалось бы если не неизвѣстнымъ, то малопонятнымъ.

«Св. Крестъ» находится между Анастасіею и базиликою Константина, «подъ открытымъ небомъ», среди обширнаго и красиваго двора (гл. 37), не покрытаго, по которому проходитъ народъ, будетъ ли тогда дождь или ясно, «ко Кресту», когда «у Креста» правится служба, обыкновенно вечерня (по гл. 35, литургія совершается у Креста только одинъ разъ въ году) или читаются молитвы, поются церковныя гимны духовенствомъ или всѣмъ народомъ. Иногда, отслуживъ у Креста, духовенство идетъ «за Крестъ» и поетъ одну пѣснь. Тамъ же «за Крестомъ» ставятъ въ Великую Пятницу епископскую каедру¹⁾ и приносятъ туда серебряный позлащенный ковчегъ, въ которомъ находится Святое Древо Креста; оно кладется (въ своей ракѣ) на столъ и придерживается обѣими руками епископомъ, когда вѣрныя лобызаютъ Животворящее Древо.

Однако мѣсто «Св. Креста» получило названіе не потому, что туда приносились остававшаяся въ Іерусалимѣ часть Св. Древа, но потому, что на этомъ мѣстѣ, на небольшомъ естественномъ возвышеніи находилось декоративное подобіе Св. Креста. Мы только позднѣе узнаемъ, что это былъ

1) Здѣсь именно держалъ свои рѣчи Св. Кириллъ Іерусалимскій въ 348 г., такъ сказать, передъ лицомъ Св. Голговы, реальное свидѣтельство которой онъ нерѣдко призываетъ.

большой Крестъ, обитый серебромъ, позолоченный и украшенный драгоценными камнями. Словомъ, прежде всего, это было точно обозначенное мѣсто, потому что, вѣдь, говорилось: служить у Креста, идти за Крестъ и пр. Паломница (гл. 30) опредѣляетъ мѣсто «Креста» словами: «гдѣ пострадалъ Господь», стало быть, это есть Голгооа, «Кальварій» или «Лобное мѣсто», на которомъ именно, среди Голгооы, были поставлены кресты для Господа и двухъ разбойниковъ. Въ сооруженіи Константина былъ, однако, поставленъ только одинъ Крестъ, для почитанія, и именно этотъ Крестъ въ 404 г. лобызала, какъ бы созерцая на немъ Господа, Павла, павши «нищъ предъ Крестомъ и поклоняясь ему», какъ рассказываетъ блаженный Иеронимъ.

Мы видимъ этотъ самый Крестъ, начиная съ мозаики въ церкви Пуденціаны въ Римѣ, на миниатюрахъ, диптихахъ, окладахъ и пр., вездѣ, гдѣ только Крестъ долженъ быть представленъ не въ его «историческомъ» видѣ, но въ условно-принятомъ типѣ торжественнаго, драгоценнаго символа. Согласно натуралистическому характеру византийскаго искусства, и его такъ называемымъ «сакральнымъ» традиционнымъ формамъ, которыя зависятъ именно отъ того, что онѣ передаютъ *опредѣленную святую*, въ данномъ случаѣ повсюду мы видимъ обще-типическое повтореніе этого памятника.

Впоследствии, надъ этимъ Крестомъ мы знаемъ пишу, съ золотою (быть можетъ мозаическою) копхою (*sub coelo athenae*), но всетаки самый Крестъ (до временъ Модеста) находится подъ открытымъ небомъ, и когда современные изслѣдователи говорятъ о «церкви надъ Кальваріемъ», смѣшиваютъ сооруженія VII вѣка съ древними.

Возвышеніе, на которомъ стоялъ Крестъ, было именно Лобнымъ мѣстомъ—Кальваріемъ, которое составляетъ предѣльный пунктъ всего холма, возвышенной площади, называемой Голгоою. Именемъ Голгооы, въ отличіе отъ Анастасіеа стали, впоследствии называть самую базилику Константина.

Когда паломница желаетъ точнѣе опредѣлить мѣсто базилики Константина, или такъ называемаго «Матиріона», «большой церкви, въ которой служба правится по большимъ праздникамъ и въ Воскресные дни», то она говоритъ, что эта базилика находится *на Головъ*, разумѣя подъ Голгоою не ея часть—Лобное мѣсто, «Крестъ», но всю площадь. Церковь эта расположена «за Крестомъ», считая отъ Анастасіеа, стало быть, Крестъ составляетъ край или находится на краю этой базилики. А такъ какъ мы знаемъ, что базилика оканчивалась гемисферіемъ Анастасіеа, а также, что молебники ходили изъ базилики въ Анастасіеа и обратно, то неизбежно предположить, что проходъ и мѣсто Креста были сбоку, въ одной сторонѣ.

И современная часовня Голгофы, или Лобное мѣсто (условно называемая именемъ цѣлой Голгофы) находится на юго-западъ отъ Св. Гроба, т. е. въ сторону отъ древней базилики, и, стало быть, показаніе Сильвіи во первыхъ совершенно отвѣчаетъ всѣмъ позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, и во-вторыхъ подтверждаетъ дѣйствительность почитаемыхъ съ ея времени мѣстъ. Для временъ Евсевія Голгофа являлась только мѣстомъ Распятія Господня, болѣе или менѣе безформеннымъ возвышеніемъ въ сторонѣ отъ храма и Св. Гроба. Возможно, что уцѣлѣвшая, при планировкѣ мѣста подъ базилику, натуральная скала была украшена сначала Крестомъ, только эмблемою, и стала впоследствии въ устахъ вожаковъ и паломниковъ специально представлять Голгофу¹⁾. Напротивъ того, въ службахъ Страстной недѣли Св. Крестъ и Анастасія играютъ важную роль, по своему значенію въ богослуженіи и обрядахъ Иерусалимской церкви, а потому паломницею тогда мимоходомъ упоминается большая базилика Константина, въ которой служеніе производилось по праздникамъ и было чуждо мѣстныхъ обрядовыхъ сторонъ, наиболѣе дорогихъ для разсказа паломницы и ея читателей.

Точное подтвержденіе всего матеріала, сообщаемого паломницею, дается свидѣтельствомъ очевидца Евхерія, посѣтившаго святаго мѣста около 440 года. Упомянувъ на первомъ мѣстѣ большую и великолѣпную базилику, называемую martyrium, Константина (на первомъ мѣстѣ, потому что входъ къ святымъ мѣстамъ былъ черезъ нее), Евхерій продолжаетъ: «отсюда идя» («Dehinc cohaerentia ab occasu visuntur Golgotha atque Anastasis»), видяши примыкающія съ западной стороны къ базиликѣ: Голгофу и Анастасію. Анастасія находится на мѣстѣ Воскресенія, а Голгофа есть въ срединѣ, между Анастасіею и мартыріумомъ, находящееся мѣсто Господнихъ (locus est Dominicæ passionis) страданій, на немъ же «видна и самая скала» (in quo etiam rupes apparet), на которой стоялъ некогда самый Крестъ (Господень) quæ quondam ipsam Crucem pertulit). Общими словами: «мѣсто Страданія» паломникъ какъ будто хочетъ выразить, что особаго зданія надъ этою частью

1) Mommert, *Golgotha und das hl. Grab zu Jerusalem*, 1900, напрасно пытается найти среди общихъ свидѣтельствъ IV—V вѣковъ о Голгофѣ какое-либо специальное показаніе. Такъ (стр. 11), по его мнѣнію, Евсевій точно указываетъ, что Константинъ придалъ и Голгофѣ образъ памятника (μνῆμα) и украсилъ его крестомъ: это свидѣтельство Евсевія находится будто бы въ его *Похвальномъ Словѣ Константину* (de laudibus, IX), но этотъ текстъ цѣликомъ и исключительно относится къ Св. Гробу, не къ Голгофѣ, а именно, Евсевій пишетъ: «посреди города, надъ самымъ памятникомъ спасенія (σωτήριον μαρτύριον — Св. Гробъ) онъ устроилъ великій молитвенный домъ и храмъ, посвященный знаку спасенія (σωτήριον σημεῖον) съ драгоценными и разнообразными уборами, и памятникъ, достойный вѣчнаго памятованія, и самые трофеи побѣды надъ смертію Великаго Спасителя, украшеніями превыше всякихъ похвалъ». Этотъ памятникъ — μνῆμα μνῆμας χρίστου γέμον и эти трофеи — ἀντὰ τὰ κατὰ τοῦ θανάτου τρώπαχα суть тотъ же Св. Гробъ. Свидѣтельство это, пожалуй, содержитъ указаніе на постройку надъ Св. Гробомъ, и если относится къ Голгофѣ, то лишь въ указаніи *креста*—трофеевъ смерти, надъ Голгофою и надъ Гробомъ Господнимъ.

Голгооы не было, а стало быть, сооруженіе Константины оставалось въ томъ же видѣ въ теченіи V вѣка.

Слѣдующій по порядку, но отстоящій уже на цѣлый вѣкъ, текстъ Θεодосія (около 530 года), установленный Гильдемейстеромъ¹⁾ подтверждаетъ всѣ, принятые нами, подробности, но сообщаетъ и новое. «У Гроба Господня, говоритъ этотъ свидѣтель, есть мѣсто (locus Calvariae) гдѣ Авраамъ принесъ сына своего во всеожиженіе (in holocaustum), и такъ какъ (et quia mons petreus est) гора скалистая, то на этой горѣ (in ipso monte), т. е. у подошвы ея (hoc est ad pedem montis ipsius) соорудилъ Авраамъ жертвенникъ (altare), надъ жертвенникомъ возвышается гора (super altare eminent mons), на каковую гору (ad quem montem) восходятъ по ступенямъ; тамъ (ibi т. е. на верху) былъ распятъ Господь. Отъ Гроба Господня до мѣста Кальваріи шаговъ числомъ 15; (все пространство) находится подъ одною кровлею (sub uno tecto est). Отъ мѣста Кальваріи до Голгооы 15 шаговъ, гдѣ обрѣтенъ Крестъ Господень.

Θеодосій, слѣдовательно, указываетъ, какъ бы съ особымъ удареніемъ, что не все въ храмѣ было подъ одною кровлею²⁾: далѣе, отсюда ясно, что въ его время все пространство соединялось портками, и ихъ покрытіемъ пользовались для перехода молебниковъ изъ Анастасіа въ мѣсто Кальваріи, изъ ротоны въ базилику.

Никто изъ древнѣйшихъ паломниковъ не обмолвился, однако, ни словомъ на счетъ постановки Креста — какъ декоративной и исторической эмблемы — на вершинѣ лобнаго мѣста, и только изъ хроникъ Θεодана подъ 420 и 427 гг. узнаемъ, что извѣстная императрица Евдокія, жена Θεодосія Младшаго, красивая дочь афинскаго философа, въ бытность свою въ Іерусалимѣ, пожертвовала золотой крестъ съ камнями для *ораторія на Лобномъ мѣстѣ*. Очевидно, что богатый даръ назначался уже взамѣнъ другаго, болѣе простаго Креста, который, благодаря своему мѣсту, получилъ особое значеніе.

Далѣе, это положеніе Креста, поставленнаго въ извѣстномъ мѣстѣ скалы, по видимому, на оконечности Голгооы, подымавшейся утесомъ послѣ низменной площади, окружавшей Св. Гробъ, узаконило, въ глазахъ грековъ, мало стѣсняющихся вопросами исторической точности въ почитаніи святынь, преданіе, что Крестъ, на которомъ былъ распятъ Господь, былъ водруженъ именно здѣсь³⁾. Мало того, извѣстный стихъ псалма Давида (LXXIII, v. 13):

1) Изданъ въ 28-мъ выпускѣ *Правосл. Палестинск. Сборника*, съ пер. и комм. проф. Н. В. Помяловскаго, стр. 15—16, 61—62.

2) Въ *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et des Beaux-Arts* (р. 305) обще сказано, что Св. Гробъ, Кальваріи и Св. Константины находятся подъ одною кровлею, но это свидѣтельство относится къ 808 году.

3) Уже въ эпоху забвенія преданій и послѣ персидскаго разгрома, поставили на Лобномъ мѣстѣ три креста, о чемъ упоминаетъ Виллибальдъ въ гл. 18 (ок. 726 г.), однако эти

ὁ δὲ βασιλεὺς ἡμῶν προ αἰῶνος εἰργάσατο σωτηρίαν ἐν μέσῳ τῆς γῆς распространилъ завѣтную Иерусалимскую традицію и позволилъ благочестивымъ мечтателямъ о средѣ земли въ томъ именно ея мѣстѣ, гдѣ пострадалъ Господь¹⁾, и такимъ образомъ, именно горка Лобнаго мѣста стала пупомъ земнымъ наравнѣ и наряду съ особымъ «омфаломъ», обозначившимся или круглою плитою посреди базилики (откуда ведутъ свое начало всѣ омфаліоны средне-вѣковыхъ церквей и соборовъ, или столбикомъ, какъ нынѣ стоящій посреди греческой церкви Воскресенія).

Мы уже упоминали, что древнѣйшее и самое характерное представление Креста, поставленнаго на Голгоѣ, дано въ извѣстной мозаикѣ ц. Св. Пуденціаны²⁾. Представлена обширная экседра, въ срединѣ которой возвышается скала Голгоѣа, а на ней драгоцѣнный и монументальный Крестъ. Передъ горкою на особо поставленной каедрѣ сидятъ Христосъ съ раскрытымъ Евангеліемъ; ниже Учителя, справа и слѣва двѣнадцать Апостоловъ сидятъ въ рядъ, обратившись къ нему и имѣя во главѣ Петра и Павла; двѣ женскія фигуры, матрональнаго типа, представляющія собою олицетвореніе *ecclesia ex circumcissione* и *ecclesia ex gentibus*, вѣнчаютъ обоехъ Апостоловъ. Это есть образъ «Новаго Иерусалима», который, по словамъ Евсевія, открылся въ храмѣ Св. Гроба, въ противоположность ветхому Иерусалиму съ его храмомъ, или Иерусалима Небеснаго, помѣщеннаго въ средоточіи земли. І. Христосъ занимаетъ здѣсь мѣсто епископа, садившагося въ Великую Пятницу передъ Крестомъ, когда происходятъ чтенія о Страстяхъ Христовыхъ изъ Псалмовъ, Апостола, Дѣяній, Евангелій, для того, чтобы научать народъ «тому, что не предречено ничею, что бы не исполнилось всецѣло». Мозаика Пуденціаны приобрѣтаетъ, такимъ образомъ, значеніе композиціи, выносившей современную въ концѣ IV вѣка, когда паломническое движеніе омыслило религіозную живопись единеніемъ Запада и Востока. Мы не знаемъ текста, который былъ написанъ вѣкогда на раскрытомъ Евангеліи, такъ какъ именно вся нижняя часть мозаики была затѣмъ передѣлана, но, конечно, это не была теперешняя надпись, въ которой Христосъ названъ консерваторомъ церкви Св. Пуденціаны.

кресты стоятъ по прежнему снаружи церкви у стѣны: *in orientali plaga ecclesiae, secus parietem, ad memoriam* и пр. II опять: *illa (sic) non sunt nunc intus in ecclesia* (замѣчено какъ дѣло мало обычное) *sed foris stant extra ecclesiam*.

2) Наиболѣе ясное и подробное указаніе содержится въ Словѣ «на праздникъ Св. Креста» патріарха Софронія, произнесенномъ передъ этимъ Крестомъ (Migne, Patrol. gr. t. 87, pag. 3313): проповѣдникъ, соединяя понятія различныхъ «средины» говорить о «Крестѣ посреди земли»—*ἐν μέσῳ τῆς γῆς προσπαύεν εἰς σωτηρίαν ἡμῶν*, равно, возвышая гласъ церкви, посреди земли утвержденной для спасенія всей земли и пр.

1) См. трактатъ объ этомъ вопросѣ Д. В. Айялова, изданный въ Сообщеніяхъ Палестинскаго Общества за 1894 годъ.

Важнѣйшее, однако, указаніе данной мозаики относится къ самой Голгоѣ, т. е. холму, на которомъ совершилось Распятіе, его формѣ, его мѣсту среди построекъ Константина и его украшеніямъ.

Въ мозаикѣ Пуденціаны Голгоѣа является низкимъ, скалистымъ холмикомъ, среди мѣста, совершенно ровнаго: рисовальщикъ или копировальщикъ нѣчто реальное или воспроизводитъ представленіе холмика (*monticulus*), вѣрнѣе, скалы, сохраненной посреди искусственно выровненной (частію срубленной, частію же насыпанной) площади, своего рода помоста. Пусть мозаичистъ, въ этомъ случаѣ, руководился даже однимъ названіемъ Голгоѣы — *monticulus*, все же знаменательно, что его холмъ *даетъ мѣсто одному Кресту*, и никакъ не могъ бы послужить для трехъ крестовъ. Напротивъ, того, всѣ изобразенія исторической сцены Распятія, по необходимости, изображаютъ Голгоѣу не одною коническою скалою, но скалистою площадью, спускающеюся уступами. И такъ, становится понятнымъ, что для времени Евсевія Голгоѣа была всею тою площадью, нѣсколько подымавшеюся отъ низменности рынка и застроенною цѣлкомъ подъ базилику, почему для многихъ базилика была одно и то же, что Голгоѣа. Но, затѣмъ, по окончаніи постройки, оказалась нѣкоторая скала, на которой поставили Крестъ и которая носила сначала (у Сильвія) имя «Креста», впоследствии же была (въ устахъ паломниковъ, т. е. ихъ проводниковъ) отождествлена съ Голгоѣою, хотя, быть можетъ, была такъ мала, что на ней немыслимо было представить себѣ Распятіе съ тремя крестами.

Но, какъ видно, изъ всѣхъ нами перебранныхъ свидѣтельствъ, никакого плаго, кромѣ Креста, украшенія, или тѣмъ болѣе, никакой архитектурной обдѣлки эта скала въ первое время не получила. Мы бы и не стали говорить о томъ, чего вовсе не было, если бы, однако, не была въ послѣднее время вынуждена г. Моммертомъ совершенно неправдоподобная гипотеза о томъ, что скала или холмикъ Голгоѣы былъ обдѣланъ при Константинѣ также въ видѣ особаго *памятника* (*μνημεῖον*) подобно Гробу Господню. По доводамъ Моммерта, самое имя Голгоѣы — Лобное мѣсто — *Calvaria* = *Κρανίου τόπος* происходитъ не отъ формы холма, и не отъ того, что этотъ холмъ служилъ мѣстомъ казни (авторъ считаетъ это положеніе Фальмерайлера почему то окончательно доказаннымъ), такъ какъ такихъ мѣстъ у евреевъ будто бы не было, но происходитъ отъ іудейскаго преданія, что на этомъ именно мѣстѣ погребенъ былъ Адамъ. По нашему мнѣнію, самое естественное предположеніе, конечно, первое: холму дано было названіе «черена» по сходству голой скалистой, спускающеюся площади съ череномъ или даже, вѣрнѣе, *лобомъ*. Но затѣмъ, когда мѣсто получило особенное значеніе, названіе лобъ примѣнили къ легендѣ о погребеніи Адама въ Іерусалимѣ, въ которомъ храмъ дѣлалъ весь городъ, для евреевъ, центръ земли, ея пуномъ, а первый человѣкъ дол-

жесть былъ имѣть гробъ свой въ срединѣ земли. Далѣе, вся мѣстность храма Воскресенія и нынѣ, а тѣмъ болѣе въ древности, представляется возвышенностью надъ низменностями, ее окружающими донынѣ, напр. на востокъ со стороны Русскаго мѣста, куда вела и теперь ведетъ лѣстница. Между тѣмъ, Моммертъ почему то вовсе не признаетъ (основываясь единственно на риторическомъ мѣстѣ Св. Епифанія, отрицающаго сходство мѣста съ черепомъ или головою) на мѣстѣ храма возвышенности, и призываетъ въ свидѣтели мнѣніе Тоблера, который, однако, ограничивается утвержденіемъ, что *Голова вовсе не была горою* (es kein Berg war)¹⁾. Правда, первое сообщеніе легенды о погребеніи Адама принадлежитъ уже Тертулліану и Оригену, но эта легенда, очевидно, долгое время оставалась въ предѣлахъ устнаго преданія и литературы и не могла вызвать на мѣстѣ страданія Господа сооруженія, посвященнаго Адаму. Мы уже указывали, что гипотеза Моммерта²⁾ основывается на неправильно понятомъ мѣстѣ Евсевія, а затѣмъ на раздутomъ значеніи легенды, которую онъ объявляетъ важнѣйшимъ фактомъ науки, такъ какъ легенду о погребеніи Адама «на Голгоѣѣ» онъ относитъ къ холмику Креста, тогда какъ это указаніе мѣста въ легендѣ долго сохраняло свое общее значеніе для всей храмовой площади, и доказательства этого приводятся имъ самимъ въ текстахъ Евхерія, Бревіарія, Θεοδοσία (стр. 34—35). Но главная ошибка Моммерта заключается въ его совершенно произвольномъ выводѣ, будто бы во времена Константина существовала уже *погребальная пещера Адамова*! Для такого вывода авторъ пользуется, прежде всего, существующею *Капеллою Адама*, затѣмъ смѣшеніемъ общаго наименованія Голговы съ частностью ея въ видѣ скалы Креста. Отсюда выходитъ (стр. 48—57), что архитекторы Константина имѣли будто бы двойную задачу: построить храмъ и включить въ храмъ двѣ пещеры: Гроба Господня и Адамову. Для этого, говоритъ авторъ, обѣ пещеры архитекторы высѣкли изъ окружавшей ихъ площади, въ видѣ особыхъ памятниковъ, и при этомъ пещера Адамова «кажется» потеряла «укороченіе» (стр. 49), «такъ что въ настоящее время она состоитъ только изъ абсидообразной ниши, передъ которой былъ воздвигнутъ алтарь, такой же точно, какъ современный, о которомъ упоминаютъ паломники». Все это измышленіе автора, строяемое на томъ, что ему кажется, приписывается имъ впоследствии за непреложно доказанный фактъ, на которомъ, въ свою очередь, строятся дальнѣйшія части гипотезы. Мы, между тѣмъ, отлично

1) Но что въ предѣлахъ Голговы существовалъ Крестный холмъ, столь же несомнѣнно, и тотъ же Моммертъ (когда ему нужно) приводитъ свидѣтельство Кирилла Іерусалимскаго, называющаго Голгову ὑπερυψητός, и Антопина, передающаго о ступеняхъ, по которымъ восходятъ на Голгоу и пр.

2) Mommert, *Golgotha*, p. 21—32.

знаемъ, именно изъ свидѣтельствъ паломниковъ, что алтарь этотъ былъ въ память жертвоприношенія Исаака», былъ поставленъ сначала гдѣ то на Голгоѣ, затѣмъ у подножія крестнаго холма. Но, всего вѣроятнѣе, это былъ собственно «жертвенникъ», не алтарь, и не стоялъ въ абсидѣ, а на открытомъ мѣстѣ близъ холма. Никакого, однако, *памятника*, подобнаго погребальной пещерѣ Св. Гроба, по Евсевію великолѣпно украшенной, во времена Константина на мѣстѣ Голгобы никѣмъ не указано и «памятникъ съ трофеями побѣды надъ смертію» упоминаемый Евсевіемъ, есть тотъ же Св. Гробъ. Поэтому, болѣе чѣмъ странно читать въ сочиненіи Моммерта (стр. 54, 59) голословное повтореніе, какъ доказаннаго факта, фразы Евсевія въ примѣненіи къ скалѣ Голгобы, и мало того, общее свидѣтельство Сильвія объ украшеніяхъ храма Константина золотомъ, мозаикою и драгоценными мраморами (*tam ecclesiam maiorem, quam Anastasim, vel ad crucem*), въ приложеніи къ доказательствамъ того, что было монументальное сооруженіе и надъ Голгобою. Авторъ сперва предполагаетъ, что и въ Константиновой Голгоѣ, какъ въ средневѣковыхъ капеллахъ, были мозаики, представлявшія жертвоприношеніе Авраама и Мельхиседека¹⁾ а затѣмъ уже подыскиваетъ доказательства «монументальнаго сооруженія» надъ Голгобою. Такъ напр. мы знаемъ, что «Крестъ» или «Крестный холмъ» находился среди атриума — открытаго двора, только окруженнаго серебряною рѣшеткою, но Моммертъ слова: «подъ открытымъ небомъ» (стр. 67) толкуетъ: «подъ открытымъ сверху куполомъ или иномъ отверстіи въ крышѣ».

Столь же обильно реальными подробностями и описаніе «обзора святыхъ мѣстъ» (*perambulatio*) Антонина изъ Пяченцы, по прозвищу «Мученика». Приводимъ, по необходимости, дословно оригинальный текстъ въ интересующей насъ части:

Antoninus. 18. ...*Quod monumentum de petra est excisum et potus ex ipsa petra excisus, ubi corpus D. I. Chr. positum fuit... Lapis unde clausum monumentum, ante os monumenti. Color vero de petra quae excisa est de petra Golgatha. Nam ipsa petra ornata ex auro et gemmis. Nam petra monumenti velut molaris est. Ornamenta infinita: in virgis ferreis pendentes brachialia, dextralia, murenulae, anuli, capitulares, cingella gyrata, baltei, coronae imperatorum ex auro et gemmis et ornamenta de imperatricibus. Ipsum monumentum sic quasi in modum metae coopertum ex argento sub soles aureos. Ante monumentum altarium est positum.*

19. *A monumento usque Golgotha sunt gressus 80. Ab una parte ascenditur per gradus, unde D. noster ascendit ad crucifigendum. Nam et locus*

1) Что такіа мозаики были гдѣ то въ храмѣ Константина, можно судить по тому, что копіи подобныхъ, явно греко-восточнаго происхожденія мозаикъ, находятся въ Равеннской церкви Св. Виталія.

ubi crux fixa fuit, paret et in ipsa petra cruor Sanguinis. In latere est altarium Abrahae, ubi ibat Isaac offerre, obtulit et Melchisedech sacrificium. Ad ipsum altarium est crepatura, ubi ponis aurem et audis flumina aquarum et jactas malum... Siloa fontem et ibi eum suscipis...

20. De Golgotha usque ibi inventa est crux sunt gressus 50. In basilica Constantini cohaerente circa monumentum vel Golgotha, in atrio ipsius basilicae est cubiculum ubi lignum crucis reconditum est... Nam et titulum... in manu mea tenui... Procedente sancta cruce ad adorandum de cubiculo suo et veniente in atrium ubi adoratur, eadem hora stella apparet in coelo et venit super locum ubi crux residet et dum adoratur crux, stat super eam et affertur oleum ad benedicendum, ampullae modicae. Hora qua tetigerit lignum crucis oram ampullae, mox ebullescit oleum foris et si non clauditur citius, totum redundat foris. Nam et ibi est illa sponsia et canna, ... et calix onychinus quem benedixit in cena. Specillum b. Mariae ... et zona ipsius et ligamentum, quo utebatur in capite, ibi sunt et 7 cathedrae seniorum.

То есть, въ переводѣ: «...эта гробница¹⁾ высѣчена изъ скалы, и рака²⁾ (?) высѣчена изъ скалы, въ которую положено тѣло Господа І. Х... Камень, коимъ была закрыта гробница³⁾, (лежитъ передъ входомъ. А цвѣтъ камня, который высѣченъ, есть цвѣтъ скалы Голгофы⁴⁾. Ибо самая скала украшена золотомъ и драгоценными камнями; ибо скала гробницы какъ будто жерновнаго камня⁵⁾. Украшеній безъ числа: висіяція на желѣзныхъ прутьяхъ запястья, браслеты, разноцвѣтныя ожерелья (*mugculae*), кольца, головные уборы (или повязки—*capitulares*), нагрудники (*cingella gyrata*), пояса (перевязи), короны императоровъ изъ золота и драгоценныхъ камней и уборы императрицъ. Такимъ образомъ, самая гробница, какъ бы пѣкая пирамида, вся покрыта серебромъ, подъ золотыми солнцами (?). Передъ гробницею поставленъ престолъ. 19) Отъ гробницы до Голгофы 80 шаговъ. Съ одной стороны всходятъ по ступенямъ, съ той, гдѣ Господь нашъ восшелъ на пронытіе. Ибо и мѣсто, гдѣ Крестъ былъ водруженъ, видно и на самой скалѣ пятна крови. Въ сторонѣ жертвенникъ Авраама, на которомъ

1) monumentum — гробница, надгробіе, надгробный памятникъ, стало быть, вполне отвѣчаетъ Константинову сооруженію, или вѣрнѣе, обдѣлкѣ гробницы.

2) rotus — или испорченное переписчиками слово, или rotus = vasculum — фр. rot, быть можетъ, въ значеніи мраморной чаши, раки.

3) Въ текстѣ: monumentum, но относится къ пещерѣ евангельскихъ временъ.

4) По смыслу можетъ быть на двое: или рѣчь идетъ о цвѣтѣ камня (жерновнаго), закрывшаго устье, или о цвѣтѣ скалы, изъ которой высѣчена пещера. Но изъ дальнѣйшаго какъ будто явствуется, что разумѣется, натуральная скала, которая была вся покрыта украшениями, не была видна и доступна народу, почему паломникъ и сообщаетъ о ея цвѣтѣ.

5) molaris, см. Du Cange, Gloss. lat.

онъ намѣревался принести въ жертву Исаака и принесть жертву Мельхиседекъ. У самаго жертвенника трещина, гдѣ, приложивъ ухо, услышишь шумъ воды, а бросивъ яблоко, найдешь его въ источникѣ Силоамскомъ... 20) Отъ Голгофы до мѣста, гдѣ обрѣтенъ Крестъ, 50 шаговъ. Въ базиликѣ Константина, примыкающей къ Св. Гробу или Голгофѣ, въ атриумѣ самой базилики есть помѣщеніе, гдѣ хранится Древо Креста... И надпись... держалъ я въ рукахъ своихъ. Когда несутъ въ процессіи Св. Крестъ на поклоненіе изъ его помѣщенія и придутъ въ атриумъ, гдѣ ему поклоняются, въ тотъ часъ звѣзда является на небѣ и приходитъ на мѣсто, гдѣ находится Крестъ, и пока поклоняются Кресту, стоятъ надъ нимъ, и приносятъ елей для благословенія, въ маленькихъ ампулахъ. Въ тотъ часъ, какъ Древо Креста коснется края ампулы, кипятъ елей и брызжеть наружу, и если не закрыть скорѣе, весь вытечетъ вонъ. И есть тамъ святая губа и трость и ониксовая чаша, которую Господь благословилъ на Вечери, зеркало Св. Маріи... и поясъ ея и повязка, которую употребляла она для головы, тамъ же и семь каедръ старцевъ».

Это свидѣтельство Антонина, важнѣйшее изъ всѣхъ, какъ наиболѣе правдивое и реальное описаніе имъ видѣннаго, сдѣланное рассказчикомъ простымъ и не мудрствующимъ лукаво, даетъ вполнѣ точное понятіе о Св. Гробѣ.

Но если паломникъ Антонинъ сообщалъ много реальныхъ деталей о Иерусалимской святынѣ, то онъ мало говоритъ о сооруженіяхъ надъ этой святынею. Антонинъ упоминаетъ скалу, на которой Христосъ былъ распятъ, и слѣды крови Христовой на ея камнѣ, и жертвенникъ Авраама и трещину въ скалѣ, идущую до Силоамскаго источника, и пр. и пр. Но важно также для насъ сообщеніе, что Св. Древо Креста въ его время хранилось въ базиликѣ Константина, въ «атриумѣ этой базилики, въ особомъ отдѣленіи (*cubiculum*), откуда его выносили для возданія Св. Кресту почитанія въ атриумъ и тамъ освятили прикосновеніемъ къ Древу ампулы съ елеемъ отъ Святыхъ мѣстъ, благословеніемъ, разсылавшимся въ то время по всему христіанскому міру». Очевидно, здѣсь разумѣется атриумъ базилики Константина, примыкавшій къ ней съ восточной стороны, а не атриумъ Анастасіаса, и потому вполнѣ понятны слова неизвѣстнаго автора *Бревиарія* (VI столѣтія)¹⁾.

1) Изд. Гильдемейстера, при Θεοδοσίῳ, стр. 33. Приводимъ текстъ:

In medio civitatis est basilica Constantini. In introitu basilicae ad sinistram partem est cubiculum, ubi posita est crux Domini. Postea intras in basilicam magnam: ab occidente est absida, ubi inventae sunt tres cruces absconditae. Est ibi desuper altare de argento et auro puro et habet columnas 9 aureas, quae sustinent illud altare. Et in ipsa absida in circuitu duodecim columnae marmoreae, omnino incredibile super ipsas columnas hydriae argenteae 12, ubi sigil-

«Въ срединѣ города (Іерусалима) базилика Константина. При входѣ въ базилику съ лѣвой стороны есть отдѣленіе, гдѣ хранится Крестъ Господень». Стало быть, это отдѣленіе (*cubiculum*) было устроено въ боковой (полукруглой?) экседрѣ, упоминаемой текстомъ Евсевія; теперь еще узнаемъ, что оно было въ лѣвой.

Мы не знаемъ пока, изъ какихъ источниковъ сведено показаніе Бревіарія, но, повидимому, весь его текстъ грѣшитъ недостатками подобнаго свода, который раскрывается самъ собою дальше:

«Потомъ войдешь въ большую базилику: на западѣ находится абсида, гдѣ обрѣтены три скрытые креста». Повидимому, рѣчь идетъ о той же лѣвой экседрѣ, гдѣ хранилось Св. Древо Креста, но возможно, что она была связана съ мѣстомъ обрѣтенія, то есть что крипта, или подземелье, гдѣ были обрѣтены кресты, находилось подъ абсидою, или же ходъ въ крипту шелъ изъ абсиды, какъ въ церкви Виолеема, Св. Креста Іерусалимскаго въ Римѣ и пр.

«Есть тамъ наверху алтарь изъ серебра и чистаго золота и имѣетъ 9 золотыхъ колоннъ, которыя поддерживаютъ этотъ алтарь».

Итакъ, здѣсь мы узнаемъ, повидимому, о существованіи въ базиликѣ Константина подземелья или крипты, выше которой (или прямо надъ которой) былъ устроенъ алтарь. Крипта могла соотвѣтствовать какъ разъ нынѣ признанному преданіемъ мѣсту обрѣтенія Креста, или церкви Св. Елены съ подземнымъ ея отдѣленіемъ, и притомъ такъ, что въ текстѣ Бревіарія подъ мѣстомъ, гдѣ обрѣтены кресты, можно разумѣть современную латинскую капеллу обрѣтенія Креста, а подъ алтаремъ, стоящимъ надъ мѣстомъ, нынѣшнюю церковь Св. Елены.

«А въ самой абсидѣ, продолжаетъ составитель Бревіарія, въ окружности (*in circuitu*) 12 мраморныхъ колоннъ, и воишѣ невѣроятное дѣло,—поверхъ этихъ колоннъ 12 серебряныхъ сосудовъ (*hydriae*), въ которыхъ заключилъ Соломонъ демоновъ». Мы легко узнаемъ и колонны гемисферія, описанныя Евсевіемъ, и сосуды, подаренные Константиномъ.

«И затѣмъ входишь въ Голгофу. Есть тамъ большой атриумъ и тамъ холмъ Лобнаго мѣста, гдѣ распять былъ Господь. И въ окружности горы

lavit Salomon daemones. Et est in media basilica lancea, unde percussus fuit Dom. I. Ch. in latus suum et de ipsa lancea facta est crux et sic lucet per noctem, sicut sol per diem.

Et deinde in Golgotha intras. Est ibi atrium grande et est ibi mons Calvariae, ubi crucifixus Dominus fuit. Et in circuitu montis sunt cancelli de argento et ibi est fescia, ubi fuit resuscitatus, per quem fuit crux Christi declarata, et in ipso monte genus silicis ibi admortatur (?). Habet ostia argentea, ubi fuit crux Domini exposita et ipsa crux est de auro et gemmis ornata tota, et celum desuper aureum et de foras habet cancellum. Et a parte occidente intras in Sanctam Resurrectionem, ubi est sepulcrum Domini, ubi ante ipsum est ille lapis genus silicis. Supra ipsum est ecclesia in rotundo posita. Super ipso sepulcro transvolatilis est argenteum et aureum et in circuitu omne de auro.

серебряныя баллюстрады (слѣдуетъ непонятное мѣсто). Оно имѣеть (Лобное мѣсто) серебряное устье (ostia), гдѣ былъ поставленъ Крестъ Господень, и самый Крестъ весь украшенъ золотомъ и камнями, и надъ нимъ небо (сводъ) золотое (можетъ быть, *открытое?*), и отгорожено рѣшеткою». Изъ этого описанія мы получаемъ всѣ необходимыя данныя, чтобы мысленно представить себѣ Лобное мѣсто въ древнѣйшую эпоху: Крестъ былъ прикрытъ только киворіемъ, съ позолоченнымъ сводомъ (?).

«А на западной сторонѣ входъ въ Св. Воскресеніе, гдѣ находится Гробъ Господа и передъ Гробомъ камень изъ кремневой породы. Надъ Гробомъ *устроена круглая церковь*, а по самому Гробу (super ipso sepulcro) рѣшетка (transvolatile) изъ серебра и золота, въ окружности вся золотая».

Здѣсь, впервые, мы встрѣчаемся съ единственно точнымъ свидѣтельствомъ о ротондѣ Св. Гроба, но пока отложимъ его разборъ въ сторону и остановимся на детальномъ описаніи наружнаго вида самаго Св. Гроба, которое можетъ быть легче объяснено. Слово transvolatile, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, уже получило правильное толкованіе: этимъ описательнымъ словомъ названо или рѣшетчатое покрытіе Гроба Господня (трельяжъ), или прямо высокая рѣшетка, шедшая вокругъ Гроба и назначенная, съ одной стороны, предохранять натуральный камень нещеры отъ разрушенія усердіемъ омлебщиковъ, отрывавшихъ отъ нея кусочки, съ другой, по крайней мѣрѣ, въ древнее время, оставлять на виду освященную великимъ событіемъ природную скалу. Лучшимъ комментариемъ вполне реалистическаго характера можетъ служить изображеніе Гроба Господня на амбулахъ ризницы собора въ Монцѣ, приписанныхъ отъ святыхъ мѣстъ Христовыхъ изъ Іерусалима и Виллема въ первыхъ годахъ VII столѣтія, т. е. какъ разъ исполненныхъ въ Іерусалимѣ въ эпоху современную нашему тексту. На этихъ амбулахъ¹⁾ мы почти постоянно находимъ — что само по себѣ понятно — изображеніе Воскресенія Господня: что эта сцена именно въ Іерусалимѣ сложилась въ извѣстную композицію *явленія Ангела* у дверей Гроба женамъ мироносицамъ, о томъ мы уже говорили, и равно, что Воскресеніе т. е. «Анастасисъ» было именемъ и событія и того Гроба Господня, который былъ *мѣстомъ и эмблемою спасительнаго Воскресенія*. Понятно, что для грека достаточно было изобразить Гробъ Господень и надписать надъ нимъ *χρίστου ἀνάστη* или только *ἀνάστη*, а по сторонамъ представить Ангела и двухъ жепъ, чтобы изобразить всю чудесность, всю божественную тайну, всю духовную глубину евангельскаго событія. Но также понятно, что для этого необходимо было настолько подходящее изображеніе Гроба Господня, чтобы

1) Garrucci, *Storia della arte cristiana*, VI-й томъ, табл. 434—435. Айналовъ, Д. В. *Эллинистическія основы древне-христіанскаго искусства*, I. с.

его можно было узнать и простому человѣку въ сокращенной пластической схемѣ.

Мы видимъ на ампулахъ легкое шатровое сооруженіе, своего рода сѣнь, которой верхъ сведенъ круглымъ куполомъ, подѣленнымъ на шесть коническихъ сѣченій шестью ребрами, и по подзору прикрытъ шестью каморами или арками; нижняя часть сѣни или поддерживается вся четырьмя колонками или украшается ими по фасаду (на рисункѣ можно видѣть и ту, и другую форму), но въ томъ и другомъ случаѣ забрана въ промежуткахъ между колоннами рѣшеткою, кромѣ средняго промежутка, въ которомъ видимъ или одну дверь, или же дверь между двухъ рѣшетчатыхъ ставень. Въ одномъ случаѣ, входной промежутокъ шатра свободенъ и внутри его виденъ другой меньшій шатеръ съ открытою дверью, а въ другомъ случаѣ, свидѣтельство Антонина можно считать послѣднимъ отголоскомъ, дошедшимъ до насъ изъ христіанской Палестины передъ страшнымъ нашествіемъ персовъ въ 614 году, обратившимъ въ прахъ великолѣпныя сооруженія Константины.

Разборъ древнихъ текстовъ доказалъ намъ, что эти сооруженія — по крайней мѣрѣ, самая базилика были сохранены до несчастнаго года почти безъ измѣненій, и болѣе того, что со временъ Константины въ жизни Іерусалима не повторялось уже такого подъема, какъ было въ началѣ его христіанской роли въ первой половинѣ IV столѣтія. Базилика Константины надъ Св. Гробомъ строилась десять лѣтъ и была сооруженіемъ, составлявшимъ эпоху въ архитектурѣ, образцомъ и типомъ для всесвѣтныхъ подражаній. Мы должны предполагать въ общихъ чертахъ, что центральныя формы церковей Вознесенія на Элеонѣ, Антіохіи, ротонды Св. Гроба были оригинальными произведеніями новой архитектуры. Конечно, и въ послѣдующіе періоды, наиболѣе спокойные и благопріятные, строительная дѣятельность не прекращалась, и мы узнаемъ о множествѣ базиличныхъ церковей, покрывшихъ страну. Такъ было при окончаніи борьбы съ Аріанствомъ въ 380-хъ годахъ во времена блаженнаго Іеронима, когда основалось множество обителей, населились пустыни, и такъ было, затѣмъ, во времена проживанія въ Іерусалимѣ императрицы Евдокіи, супруги Θεодосія Младшаго, съ октября 437 г. (по Муральту), когда была построена церковь Стефана, по сентябрь 439 г. и вновь съ 444 г. до ея смерти въ 455 году, когда щедростью императрицы произведено много большихъ построекъ: въ Кесаріи, Іерусалимѣ, Антіохіи и пр. Послѣ перерыва, произведеннаго смутнымъ періодомъ борьбы палестинскаго монашества съ еретиками и Самаритянами, наводнившими и разорявшими Іудею, наступаетъ опять блестящій періодъ Юстиніана, отозвавшійся на всемъ христіанскомъ Востокѣ невиданнымъ оживленіемъ строительной дѣятельности, а для Палестины приведшій съ собою

возстановленіе церквей и монастырей, разрушенных Самарянами, а съ ними и самаго христіанства и культуры¹⁾. Возобновлены христіанскія церкви и монастыри въ Галилеѣ, въ горахъ вокругъ Іерусалима, на Іорданѣ и въ Іерихонѣ; многія обители укрѣплены стѣнами, снабжены большими пріютами и госпитальми, многія получили помощь хозяйственными службами, цистернами и т. д. Но всѣ эти, правда, многочисленныя сооруженія, хотя были чрезвычайно полезны, не образовали, однако, новаго художественнаго періода²⁾ и не дали въ результатъ ничего новаго, кромѣ банальнаго, сухаго копированія образцовъ, уже созданныхъ и разработанныхъ въ столицѣ, на иной почвѣ. Извѣстнаго рода грубая ремесленность, небрежность исполненія орнаментики, лишенной пластичности и характера, бросается въ глаза въ палестинскихъ древностяхъ позднѣйшей эпохи, а чѣмъ дальше въ VII—VIII столѣтіе, тѣмъ болѣе усиливается эта грубость и бѣдность. Подвозъ мрамора въ пздѣліяхъ прекратился, приходится довольствоваться красноватымъ известнякомъ изъ окрестностей Іерихона, и потому превосходная византійская орнаментика VI столѣтія представляется въ немногихъ огрубѣлыхъ типахъ. Правда, затѣмъ, что въ самомъ Іерусалимѣ сооруженіе новой колоссальной базилики, на мѣстѣ ветхозавѣтнаго храма, во имя Божіей Матери, небывалыхъ по размѣрамъ пріютовъ и больницъ, декоративныхъ сооружений въ родѣ Золотыхъ Воротъ, вызываютъ живую дѣятельность въ теченіи 15—20 лѣтъ и потому оставляетъ послѣ себя массу орнаментальныхъ и декоративныхъ обломковъ, среди которыхъ почти не замѣтны остатки эпохи Константина. Но и эта новая церковь, и церкви Іерихона и Неаполиса, Синая и Египта были только базиликами, т. е. были исполнены въ наиболѣе простой, дешевой и наименѣе художественной формѣ продолговатаго зданія въ видѣ сарая или каменнаго ящика, въ которой единственная художественная деталь — колонны обыкновенно передавались изъ одного зданія въ другое, изъ разобранной старой церкви въ новую. И хотя Св. Софія и другія замѣчательныя купольныя церкви были именно новымъ современнымъ типомъ, созданіемъ вѣка Юстиніана, однако широковыщательныя программы наступившаго затѣмъ возрожденія архитектуры въ Византіи³⁾ и на всемъ христіанскомъ Востокѣ, съ безчисленными куполами, искусной системою сводовъ являются для VI вѣка преждевременными, и составляютъ крупную ошибку слишкомъ на 3 вѣка, такъ какъ распространеніе купольныхъ церк-

1) См. подробный перечень построекъ Юстиніана и реставрацій въ тщательномъ трудѣ: Couret, *La Palestine sous les empereurs Grecs*, 326—636, 1869, p. 178—188, за исключеніемъ различныхъ обобщеній, допускаемыхъ авторомъ, на основаніи устарѣвшихъ и поверхностныхъ французскихъ трактатовъ по византійской археологіи (см. ниже).

2) Сочиненіе Курэ, толкуя о блестящемъ художественномъ періодѣ, ошибочно переноситъ на Палестину то, что принадлежитъ только Константинополю.

3) Того же Couret, *ibid.* pag. 179 по сочиненію Лепуара «Architecture monastique».

вей, притомъ въ яной болѣе простой формѣ, чѣмъ куполь Св. Софїи, совершилось едва только въ X вѣкѣ.

Въ этомъ смыслѣ свидѣтельство Бревїарія о круглой церкви, поставленной надъ Св. Гробомъ¹⁾, заслуживаетъ всего нашего вниманія.

Изъ нашего анализа текстовъ видно, что вопросъ о томъ, когда именно появилась ротонда Св. Гроба, представляетъ и капитальную важность, и крайнюю трудность для рѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ темнаго выраженія Евсевія о «полусферѣ», которая составляетъ главу всего зданія базилики, ничто не выдаетъ, вплоть до фразы Бревїарія, существованія ротонды. Когда, поэтому, Воюэ, а съ нимъ и все французскіе историки²⁾, не признаютъ ротонды въ числѣ сооруженій Константина, они до известной степени правы или имѣютъ основаніе, но когда, затѣмъ, они же относятъ появленіе ротонды ко времени реставраціи Модеста, то судятъ произвольно и безъ надлежащей критики. Во-первыхъ, эта реставрація, по необходимости преслѣдовала исключительно задачу усиленнаго возстановленія разрушенныхъ пожаромъ зданій, и, вѣроятно, держалась по существу того, что было прежде, не создавая и не ища ничего новаго (о чемъ ни словомъ и не упоминается), а, во-вторыхъ, свидѣтельство Бревїарія нельзя произвольно пропускать, не доказавъ его ложности. Все дѣло лишь въ томъ, что, по заключенію Воюэ, базилика Константина была окончательно разрушена пожаромъ и не возстановлена въ прежнемъ видѣ большой церкви, а потому, вмѣсто нея, должна была появиться церковь для служенія, и это будто бы была большая ротонда. Насколько этотъ взглядъ основанъ на произвольныхъ искаженіяхъ текстовъ, поверхностномъ знаніи византійской архитектуры и ея деталей (церковь Св. Елены и ея колонны — см. ниже), мы докажемъ впоследствии, а теперь остановимся кратко на нашемъ вопросѣ о времени *происхожденія* ротонды.

Текстъ Бревїарія³⁾, на нашъ взглядъ, не оставляетъ сомнѣнія, что «ротонда» Св. Гроба существовала уже въ VI вѣкѣ, а мы знаемъ болѣе или менѣе положительно, что за время отъ Константина до Юстиніана никакихъ построекъ надъ святынею Гроба не было, какъ равно и то, что нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ же отъ времени Юстиніана. Вниманіе со временъ Иеронима всего христіанскаго міра было настолько приковано къ Св. Гробу, что такая постройка, кажется, не могла быть пройдена безъ вниманія исто-

1) *Supra ipsum (sepulcrum) est ecclesia in rotundo posita.*

2) Наиболѣе новое повтореніе того же взгляда дано въ книгѣ Ed. Corroyer, *L'architecture romane*, 1888, p. 200—201.

3) Ясность, точность и свѣжесть показаній этого источника указана критикою не разъ, см. примѣч. на стр. XIX къ *Itinera Hierosolymitana*, ed. Tobler et Molinier, I, 2. Рукопись (единственная) относится къ 9-му вѣку и не предполагаетъ интерполяцій или глоссъ, столь обычныхъ въ позднѣйшихъ спискахъ другихъ надомниковъ.

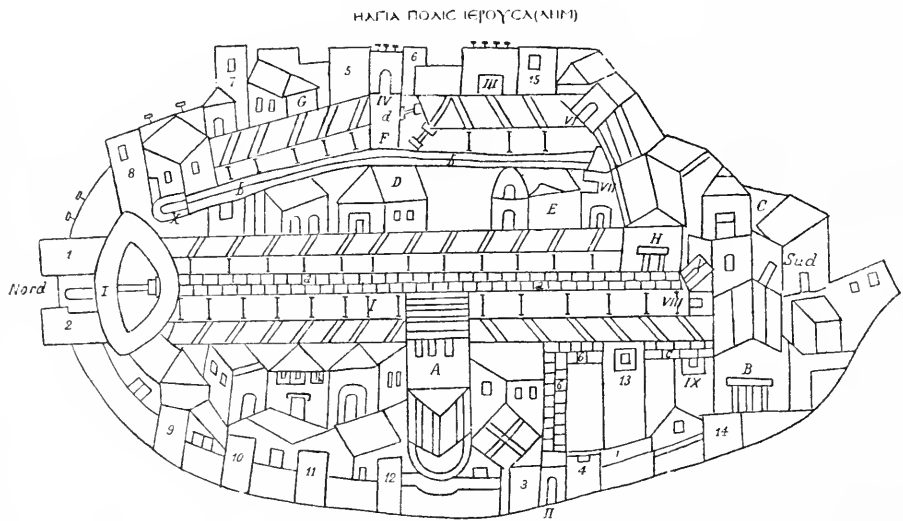
риками и паломниками. Итакъ, слѣдуетъ возвратиться ко временамъ Константиана и потому утверждать, что круглая церковь надъ Св. Гробомъ была построена или въ его время, или скоро послѣ него, въ теченіи первыхъ 50 лѣтъ.

Иного рода дѣло, какого рода типы круглыхъ мавзолеевъ, или круглыхъ зданій съ внутренними колоннадами и покрытіемъ плоскою (или коническою) крышею могли бы быть взяты за образецъ для этой «ротонды» Св. Гроба, а ранѣе, при разборѣ текста Сильвіи, уже было показано, какъ возможно предположить здѣсь даже открытыя колоннады и предпочесть ихъ глухимъ стѣнамъ. Конечно, полное и ясное представленіе Константиновской «ротонды» возможно будетъ только въ результатѣ изслѣдованій христіанскаго искусства Палестины и греческаго Востока, однако, и западные образцы не могутъ быть обойдены въ вопросѣ о зданіи Константиновой эпохи, такъ какъ эта эпоха была временемъ господства одного художественнаго вкуса на всемъ пространствѣ Римской Имперіи. Мы считаемъ все это пока неразрѣшенными вопросами, за неимѣніемъ точныхъ археологическихъ данныхъ и потому ограничиваемся указаніемъ на образцы, въ видѣ сохранившихся круглыхъ церквей и преимущественно *усыпальницъ*, какъ напр. S. Constanza въ Римѣ, въ свою очередь, ведущихъ свое происхожденіе отъ греко-римскихъ и восточныхъ мавзолеевъ, подобно тому, какъ эти послѣдніе ведутъ свое происхожденіе отъ подземныхъ купольно-коническихъ усыпальницъ. Словомъ, эта тема чрезвычайно сложная, могущая быть предметомъ археологическаго изслѣдованія, и здѣсь касаться ея въ общихъ чертахъ не повело бы къ положительнымъ выводамъ. Но мы находимъ нужнымъ, въ предѣлахъ критики историческихъ свѣдѣній, остановиться здѣсь на выводахъ и заключеніяхъ спеціального изслѣдованія о храмѣ Св. Гроба г. Моммерта¹⁾ посвятившаго и «ротондѣ» храма особую (седьмую) главу своего трактата. А именно: мы должны съ сожалѣніемъ отмѣтить, что этотъ, съ виду тщательный, изслѣдователь текстовъ допустилъ рядъ произвольныхъ и искажающихъ текстъ Евсевія догадокъ, быть можетъ, потому, что преждевременно пожелалъ знать болѣе, чѣмъ то возможно.

Мы считаемъ напр. первое положеніе Моммерта, что «площадь» или атриумъ Евсевія, бывшая вокругъ Св. Гроба, *имѣла крупную форму*, ничѣмъ не доказаннымъ: Евсевій говоритъ о *четырехъ сторонахъ* этой площади. Совершенно не допустимо соображеніе, что эта площадь, которую Евсевій называетъ даже *αἶθρην καθάρου*, могла быть просто поверхностью ротонды, находившейся подъ куполомъ. А потому, всѣ дальнѣйшія сообра-

1) Mommert, C. *Die heilige Grabeskirche zu Jerusalem in ihrem ursprünglichen Zustande*. L., 1898, стр. 135—171.

женія Моммерта, столь же произвольны и излишни: будто бы эти *три стороны площади были отръзками круга*, будто бы онъ былъ *одинаковаго размѣра* (у Евсевія не говорится о квадратной площади, и только Моммерту это нужно для его круга), будто бы *восточная половина круга ротонды была открыта внутрь* примыкавшей къ пей базилики (стало бытъ, была обыкновенною абсидою), будто бы зданіе Анастасіея было *доступно только изъ базилики*, и притомъ только въ своихъ окружавшихъ Св. Гробъ колоннадахъ, такъ какъ средняя часть назначалась исключительно для клира. Моммертъ видитъ даже «фотопду» Св. Гроба на планѣ извѣстной мозаики въ Мадеебѣ, которая является у него пятымъ свидѣтелемъ¹⁾, по, къ сожалѣнію.

25. Планъ Іерусалима на мозаикѣ Мадеебы.

этотъ планъ (рис. 25), который долженъ былъ бы дать намъ такъ много точныхъ данныхъ, представляетъ храмъ Св. Гроба только въ обычной схемѣ базилики. Правда, мы имѣемъ въ этомъ планѣ точное указаніе ея расположенія входомъ на восточной сторонѣ, со стороны рынка и большой улицы: видимъ, что базилика начинается большою *мѣстницею*, наверху которой имѣется *три схода*, ведущіе въ *атріумъ*, за которымъ расположено зданіе базилики съ *фронтонномъ и двускатною крышею*, заканчивающееся *полукругомъ*²⁾.

1) Ibid., стр. 160.

2) Но что это за полукругъ, рѣшить трудно. На рисункѣ Моммерта, въ величину оригинала, приложенномъ къ его сочиненію, этотъ полукругъ, какъ будто вымощенный большими плитами (и не похожій ни на крышу базилики, ни на стѣну ея фасада съ ровною и правильною римскою кладкою)—всего скорѣе открытая полукруглая площадь. Никакого купола и отверстія въ немъ, что видитъ издатель, мы не видимъ.

Что касается, при этомъ, ближайшихъ наблюденій надъ стѣнами современной ротонды Св. Гроба, и пространствомъ на западъ отъ западной части этихъ стѣнъ, въ которой Вогюэ, а за нимъ Моммертъ и др., видятъ остатки древняго Константиновскаго сооруженія, предпочитаемъ судить о томъ по свидѣтельству архитектора Шика и предоставить техническіе вопросы специалистамъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что всѣ попытки извлечь изъ текстовъ точное указаніе по вопросу о существованіи ротонды Св. Гроба, должны оставаться пока безплодными, и что, въ частности, приводимый для того текстъ Евсевія въ соч. De laudibus, гл. IX, также яснаго указанія не сообщаетъ, какъ бы мы ни стали толковать его описательныя выраженія. Евсевій говоритъ здѣсь, что Константинъ соорудилъ и украсилъ у самаго Гроба Спасителя¹⁾: *превеликій молитвенный домъ*²⁾ (οἶκον ἐκκλησίαν παμμεγέθη), и *святой храмъ надъ знакомъ спасенія* (ὡς τὸ ἄγιον τῷ σωτηρίῳ σημεῖον), и *памятникъ достойный святой памяти* (μνημεῖον τε μνήμης αἰωνίου γέμεον) и *самые трофеи великаго Спаса надъ смертию* (быть можетъ, Крестъ Голгофы).

Въ 614 году персы овладѣли Іерусалимомъ, избили въ немъ 62,455 человекъ³⁾, разграбили весь городъ, пожгли, разрушили его церкви, монастыри и пріюты, церкви Сіона, базилику во имя Св. Дѣвы Маріи еще недавней Юстиніановой постройки, церковь Вознесенія, громадную базилику Стефана, сожгли церковь Св. Гроба и базилику Константина, ограбили и увезли всѣ драгоценности ея ризницы. Это было бѣдствіе неслыханное послѣ взятія Іерусалима при Титѣ и на этотъ разъ непоправимое: для этого города уже не было потомъ эры, подобной временамъ Константина, и великолѣпныя сооруженія въ его стѣнахъ, подобно такъ называемой Омаровой мечети, уже не составятъ эпохи въ исторіи; отнынѣ городъ и его зданія переходятъ къ постоянному упадку, со ступеньки на ступеньку, и самые крестовые походы, столь обильные всякаго рода результатами, и, пожалуй, всякою добычею для самой Европы, отзовутся только смутною, путаницею и разложеніемъ въ жизни самого Іерусалима. Персидское нашествіе разомъ снесло наносную искусственную греко-римскую культуру Палестины, разорило земледѣліе, обезлюдило города, уничтожило или на время или навсегда монастыри и лавры, прекратило торговлю. Этимъ нашествіемъ освободились

1) κατ' αὐτὸ δὴ τὸ σωτήριον μαρτύριον. Μαρτύριον — martyrīum во времена Евсевія значило «гробъ мученика» и «церковь надъ гробомъ мученика», но надо принимать, поныню, первое значеніе, и оно тѣснѣе обозначено эпитетомъ σωτήριον.

2) οἶκος употреблялось въ смыслѣ «зала», преимущественно, большаго, крытаго саодами. Возможно, что разумѣется и ротонда, и средній нефъ базилики.

3) См. Clermont-Ganneau. Rec. d'arch. or. II, 1898, p. 149.

отъ прежнихъ узъ и страха грабительскія племена арабовъ, и они приготовились къ сплоченію въ будущемъ и повсемѣстному нашествію. Отнынѣ періодъ культурнаго развитія страны конченъ, для нея настаетъ та смутная эпоха, которой всего естественнѣе было бы дать названіе среднихъ вѣковъ, если бы только она не продолжалась вплоть до настоящаго времени.

Въ существѣ дѣла, мы не знаемъ, какъ велико было разрушеніе, постигшее при этомъ нашествіи храмъ Гроба Господня; храмъ былъ сожженъ и ограбленъ—вотъ все, что мы узнаемъ изъ хроникъ и житій, и когда напр. Курэ посвящаетъ двѣ страницы¹⁾ скорбному разсказу о тѣхъ драгоценностяхъ искусства и богатства, которыя при этомъ пропали, то, за исключеніемъ одной строчки, передающей свѣдѣніе объ увозѣ персами Св. Древа Креста, все остальное есть достойная сожалѣнія риторика. А именно нашъ историкъ поступаетъ здѣсь такъ: онъ сдѣлалъ себѣ сперва перечень всего, что было, по свѣдѣніямъ Евсевія, Созомена, Теофана, Антонина и пр., до пожара въ церкви Св. Гроба, и затѣмъ уже построилъ риторическій разсказъ о томъ, какъ все это пропало, разсказъ, поучительный обычною историческою ложью: «пламя пожираетъ нынѣ портики, колоннады, пять нефовъ, мозаическіе полы, потолокъ изъ золоченаго кедра» и т. д., и т. д. Конечно, нѣкая догадка вѣрны, потолокъ долженъ былъ сгорѣть, но какъ могли бы горѣть мозаики, непонятно, и догадка о томъ, что персы «разбили колонны абсиды, чтобы снять серебряныя капители», столь же излишняя и произвольная, какъ и то извѣстіе, что они «сорвали серебряную крышу Анастасиса и вырвали драгоценныя камни (по ложно понятому тексту Антонина) вставленные въ его стѣны».

Извѣстно, затѣмъ, что игуменъ монастыря Св. Θεοδοσία — Модестъ, на собранныя имъ самимъ средства и присланныя Іоанномъ Милостивымъ возстановилъ (въ 617 году, по Муральту), насколько могъ, сооруженія святыхъ мѣстъ Христовыхъ и, очевидно руководясь желаніемъ возстановить, какъ было прежде, возобновилъ три сожженныхъ церкви: «Анастасиса, Лобнаго мѣста и Св. Креста». Такъ гласитъ текстъ письма монаха Антиоха, и только составленные археологами планы (Вогюэ и друг.) одного зданія надъ святынею Гроба и Голгофы этому противорѣчатъ. Повидимому, самые тексты древнихъ, начиная съ Евсевія, толкуютъ намъ о раздѣльныхъ церквяхъ или сооруженіяхъ²⁾: надъ Св. Гробомъ, Лобнымъ мѣстомъ и даже, быть можетъ, надъ мѣстомъ обрѣтенія Св. Креста. Вся разница, происшед-

1) Ibid., p. 243—244.

2) Даже тѣ тексты, которые приводятъ въ доказательство одного зданія, напр. слова, что мѣсто отъ Св. Гроба до Св. Креста находится *sub uno tecto*, доказываютъ именно обратное, т. е. что одного зданія не было, а протягивались крытые портики отъ одного къ другому.

шая явно отъ раззоренія прежнихъ храмовъ, заключалась, главнымъ образомъ, въ сѣуженіи, уменьшеніи зданій, а именно: громадная «базилика Константина», будучи разрушена, уступила мѣсто «церкви Креста», тогда какъ древній «ораторій Св. Креста» остался и называется и теперь «Любнымъ мѣстомъ или Кальваріемъ» (а внослѣдствіи «церковью надъ Голговою» или просто «Голговою»). Но риторическій оборотъ правится болѣе историческаго факта, и сожалѣніе у Воюэ, что Модестъ, по необходимости рознялъ прежнее колоссальное, цѣльное сооруженіе, на четыре мелкія церкви, повторяется доселѣ всѣми историками¹⁾. Если такое цѣльное, колоссальное сооруженіе и было въ древности, то оно получалось въ результатъ связи цѣлаго комплекса разнохарактерныхъ построекъ, соединенныхъ хотя не вездѣ, но по боковымъ частямъ, крышею и общимъ уровнемъ.

Ближайшихъ свѣдѣній о томъ, насколько раздѣленные отъѣмъ три церкви были возстановленіемъ древняго храма, мы не имѣемъ, но изъ разныхъ источниковъ получаемъ удостовѣреніе, что постройки Модеста удовлетворяли современному благочестивому чувству, а такъ какъ начало VII столѣтія было еще временемъ пышныхъ храмовыхъ построекъ и на Востокъ и на Западѣ, то можно полагать, что эти постройки были удовлетворительны и въ художественныхъ отношеніяхъ. Вообще, запустѣніе Іерусалимской святыни началось собственно съ завоеваніемъ Іерусалима арабами и ихъ собственными сооружениями въ Іерусалимѣ, а персидское раззореніе коснулось, вѣроятно, наиболѣе сокровищъ храма, священной утвари, а пожаръ уничтожилъ крыши (отчего, вѣроятно, и произошло раздѣленіе отдѣльныхъ зданій храма), великолѣпные своды и деревянные потолки.

По крайней мѣрѣ, если вѣрно извѣстіе Оеофана, что Праклій лично пріѣзжалъ въ 629 году въ Іерусалимъ, то онъ здѣсь ограничился возстановленіемъ патріарха Захаріи, возвращеніемъ «Святыхъ и животворящихъ Древъ» Креста на «свое мѣсто» и изгнаніемъ изъ города евреевъ: стало быть, сооруженные Модестомъ храмы казались достаточными благочестивому византійскому императору.

Наиболѣе раннее, хотя крайне неясное и неопредѣленное свидѣтельство объ этихъ сооруженіяхъ блюстителя Іерусалимскаго престола Модеста принадлежитъ его преемнику, патріарху Іерусалимскому Софронію²⁾ и за-

1) Couret, *ibid.*, p. 18; Guerin, *Jérusalem*, 1889, p. 320.

2) Авторомъ этихъ одъ признается патріархъ Софроній, очевидецъ плѣненія Іерусалимскаго, хотя въ самихъ одахъ упоминается другъ автора, плѣвецъ Софроній; самъ патріархъ былъ искусный риторъ и «софистъ» въ свое время. Сотрудники Іоанна Мосха и его ученикъ. Годы жизни и патріаршества Св. Софронія не могли быть пока установлены точно; Оеофанъ передаетъ, что патріархъ Захарія, уведенный персами въ плѣтъ, возвратился въ Іерусалимъ въ 629 году, но, въ виду смутныхъ временъ и нашествія арабовъ, Модестъ оставался мѣсто-блюстителемъ въ 632—633 годахъ. По Оеофану, Захарія умеръ до 629 г., и по-

ключается въ его *анакреонтическихъ одахъ*¹⁾, написанныхъ, какъ видно изъ заглавія 14-й оды, до насъ не дошедшей, въ промежутокъ между нашествіемъ персовъ и нашествіемъ арабовъ, т. е. въ общемъ между 614 г. и 638, точнѣе уже послѣ 629 года, когда животворящее Древо Креста уже было возвращено христіанамъ. Въ 18-й одѣ «на честное Древо Креста» пѣвецъ точно указываетъ на это событіе (стихи 65—69) словами: «Крестъ восторжествовалъ надъ злыми варварами, надъ злѣйшимъ Хозроемъ, насталь миръ по всей землѣ, погибъ отецъ войнъ, виновникъ смутъ» и далѣе (стихи 85—89): «хула беззаконныхъ евреевъ на ихъ же головы да возвратится, ибо возвратилось Древо Божіе въ свой святой градъ»²⁾. А такъ какъ всѣ оды носятъ чрезвычайно цѣльный характеръ и даже нѣсколько монотонный и натянутый, то всего вѣроятнѣе, что сборникъ былъ сочиненъ въ одно время однимъ авторомъ. Мы не знаемъ точно ни этого автора, ни его мимоходомъ, для прославленія, упоминаемыхъ друзей: Софронія, Василія и не узнаемъ имени патріарха, но изъ того указанія, что весь клиръ въ то время сосредоточился въ Вполеемѣ (городѣ, сохранившемъ базилику, свои укрѣпленія и вслѣдствіе раззоренія патріаршаго дома въ Іерусалимѣ, ставшемъ метрополіею), а также изъ вступительныхъ стиховъ къ пѣснямъ о Вполеемѣ и Св. Градѣ видно, что пѣвецъ представляетъ себя только что вернувшимся на родину къ жизни въ мирной обители и поклоненію святыхъ. Изъ своей обители пѣвецъ какъ бы обходитъ святые мѣста Христовы въ Св. Градѣ, Вполеемѣ, на Элеонѣ, въ Вноаніи, и самыя оды или гимны Св. Дѣвѣ, Рождеству Христову, опъ или кончаетъ приглашеніемъ (ода II, стихи 122—125) «идти съ пастырями въ Вполеемъ, въ пещеру, гостинницу Божію, къ святымъ яслямъ», или даже въ одѣ на Вознесеніе какъ бы представляетъ обходъ святыхъ мѣстъ Элеона, восхвщается видомъ, открывающимся съ Элеона на Іерусалимъ, посѣщаетъ Вноанію, Вполеемъ, котораго храмъ, еще сохранившій свои колоннады и золоченый потолокъ, поражаетъ пѣвца своею красотою и великолѣпіемъ (важное указаніе для сравнительнаго пониманія текста о храмѣ Св. Гроба), пещеру Рождества Христова, Младенцевъ и обитель, въ которой живетъ патріархъ и гдѣ надѣется уви-

тому есть мотивъ принимать въ этомъ году вступленіе на патріаршій престолъ Софронія, иначе его патріаршество придется на 634 годъ; годъ кончины Софронія полагается въ 638, 639, 641 и 644. См. годы у Муральта *Essai de chronographie byzantine*: 634, 638 и 639, также Сергія, *Пошлый мѣсяцесловъ Востока*, 2-е изд., II, 2, стр. 102. О спутанности и неполнотѣ годовъ Іерусалимскаго патріаршества, см. Muralt. p. 286, a. 629.

1) Angelo Mai, *Spicilegium Rom.*, IV, p. 49; Migne, *Patrologiae gr.*, tomus 87, pag. 3733 sq.: текстъ 20-й оды «о Св. Градѣ и честныхъ мѣстахъ» на стр. 3817—3819.

2) Если, дѣйствительно, Ираклій отослалъ Св. Древо (часть?) въ Константинополь, то ода могла быть написана до этого случая, но, скорѣе и проще можно объяснить тѣмъ, что такъ какъ Ираклій получалъ уже нѣсколько кусковъ Животворящаго Древа (у Θεοφάνη во множ. числѣ — τὰ τέμνη καὶ ζωοποιὰ ξύλα), то лишь одинъ изъ нихъ отосланъ въ Византію.

дѣть своего друга. Воспоминанія пѣвца о тревоженіяхъ его жизни вдали отъ мирной обители, о недавно пережитыхъ бѣдствіяхъ весьма близко отъѣчаютъ фактамъ біографіи Софронія, его удаленію изъ обители Св. Саввы въ Александрію, путешествію на Кипръ и возвращенію въ Іерусалимъ около 629 года.

Въ 20-й одѣ авторъ живымъ разсказомъ о святихъ мѣстахъ Св. Града какъ бы ищетъ насытить свое страстное желаніе посѣтить «благая» Іерусалима и облобызать его святины; пѣвецъ представляетъ, какъ ликуя, входитъ онъ въ ворота города, спѣшптъ по улицамъ къ храму Св. Воскресенія¹⁾: «я облобызаю тамъ самую землю, я увижу священный кубъ²⁾, и великій, небомъ покрытый³⁾, четверо-... По святой солеѣ⁴⁾ я пройду въ средину Гроба Господня и, преклонившись, облобызаю святую скалу. Приложусь къ колоннамъ, кругомъ гробницы стоящимъ и конхамъ, украшеннымъ наверху золотыми лиліями⁵⁾. Я пройду къ тройному портику, силенъ сіяющему на подобіе круглаго жемчуга,

- 1) К'.—Εἰς τὸν πόθον, ὃν εἶχε εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν καὶ εἰς τοὺς σεβασμίους τόπους.

Ἅγιον πόλισμα θεῖον Ἱερουσάλημ τ' ἐς νῦν δὴ Ἐθέλων πόδας παρειναί. Ἴν' ἀγγαλιῶν ἐτέλθω. Εὐαχέων Σολύμων ἔνθεος εἰστρος Αἰὲν ἐμὴν κραδίην σφόδρα δαμάζει. Βαθίων ἐπὶ πλακῶν σου Ἔς Ἀνάστασιν κατέλθω, Ὅθι παντάναξ ἀνέστη Θανάτου κράτος πατήσας. Γλυκερὸν πέδον φιλήσω, Ἱερὸν κύβον κατείδω. Μέγαν οὐρανόστερόν τε Τετρα... Διὰ βήματος θεοῦ Μέσον ἐς τάφος θεοῦ Γεγονώς, πέτρην ἐκείνην Μάλα προσκυνῶν φιλήσω. Ἐπαναξίου δὲ τύμβου Κίονας κύκλω τε κόγχας Ἀκροκρिनοχρυσομόρφους Φιλέων, ἄγαν χορεύσω. Ἐπὶ τρίστοον παρέλθω Ὀλομαργαρογυρόχρουν, Περικαλλέως γ' ἔπαυλον Κρανίου τόπον προσέρπειν. Ὁκεανὸς βιοτῆς αἰὲν βιούσης, Ἀτρεκέως τε λήθης, φωσφόρε τύμβε. Ζάθεον μεσόμφαλόν τε Πέτρην ἱσταθείς φιλήσω, Ὅθι τὸ ξύλον πεπήγει. Τὸ λύσαν ξύλου κατάραν. Ὡς μέγα σεῖο κλέος, φαίδιμε πέτρα, Σταυρὸς ὅπη μερόπων λύτρον ἐπήχθη. Θαλέων χαρῇ δ' ἐπέλθω Ὅθι προσκυνούμεν ὄσσοι Πέλομεν λεώς Θεοῦ Ἀγλαὸν ξύλον τὸ θεῖον. Ἴνα παμμέδων ταχύνας Κεχαρχυμένη γραφῆς Σέβας εἰκόνι προσοίσω, Γόνατα δράμοιμι κάμψαι. Κατὰ παμφαῆς δὲ βῆμα Γεγανυμένος πορευθῶ, Ξύλον οὐ τὸ θεῖον εὔρεν Ἑλένη μέδουσα κεδνὴ. Μετὰ κραδίης δὲ πλήρους Κατανύξεως ἀνέλθω Ὑπερώτων θεοῦμαι Κάλαμον, σπόγγον τε, λόγχην. Νεαρὸν δ' ἔπειτα κάλλος Βασιλικὴν εὖ κατείδω, Μοναχῶν ὅπου χορεῖα Νυχίους τελοῦσιν ὕμνους.

2) ἱερὸν κύβον, истолковано словомъ θόλος—куполь Н. Матрангою, который разумѣетъ ротонду Гроба Господня.

3) Въ текстѣ: οὐρανόστερόν τε, — не можемъ сказать ничего о формѣ слова, но предпочитаемъ οὐρανοστεγὴν τε — по образцу любимыхъ Софроніемъ терминовъ. Затѣмъ отрывокъ слова: τετρα... — быть можетъ, съ четырьмя входами.

4) βήματος — поднятая на одну ступень содея для клира, какъ и доннынѣ, передъ входомъ въ пещеру Св. Гроба.

5) κόγχας ἀκροκρिनοχρυσομόρφους. Последнее слово не относится къ κίονας, какъ полагаетъ комментаторъ, а именно къ конхамъ — нишамъ, находившимся между колоннъ, окружавшимъ снаружи Св. Гробъ и увѣшчаннымъ надъ полу сводами лиліями изъ золоченой бронзы. Мы видимъ эти самыя лиліи надъ кажарами нишъ въ изображеніи Св. Гроба на ампулахъ Монцы. Выходитъ, что реставрація Модеста возобновила древній типъ, со всюю пышностью.

дабы принасть къ находящемуся на прекрасномъ дворѣ¹⁾ мѣсту Лобному . . . ».

«И облобызаю я священное средоточіе²⁾, преклонившись, приложусь къ той скалѣ, куда было вбито то древо, которое разрѣшило проклятіе, на древо наложенное».

«Ликуя отъ радости, прійду я туда, гдѣ мы всѣ, народъ Божій, преклоняемся передъ славнымъ честнымъ Древомъ³⁾, . . . , чтобы оттуда поспѣшить принести поклоненіе, преклонивъ колѣна передъ святою иконою. И прійду съ восторгомъ къ сіяющему алтарю⁴⁾, котораго божественное Древо обрѣла славная императрица Елена. И съ сердечнымъ сокрушеніемъ поднимусь я на хоры для созерцанія трости, губы и кошія. И буду оттуда созерцать новую красоту базилики, въ которой хоры монаховъ исполняютъ пощныя пѣснопѣнія».

Итакъ, съ храмомъ Гроба Господня повторилось обычное явленіе: всякая реставрація естественно стремится, хотя бы на основаніи преданій, возстановить прошлое, уже связывая съ отжившею формою новое содержаніе; реставрація можетъ прибавить, но не уменьшить, какими бы средствами она ни располагала и въ какихъ бы формахъ ни выполняла свое подражаніе. Поэтому, всякаго рода догадки о перемѣнахъ, допущенныхъ Модестомъ, могутъ быть приняты только послѣ ясныхъ доказательствъ. Текстъ Софронія показываетъ, что при Модестѣ все было возобновлено по старому: также украшенъ былъ Анастасісъ снаружи колоннами и нишами, какъ въ древнѣйшую эпоху, — но исчезли драгоцѣнныя рѣшетки и безчисленные дары.

Слово патріарха Фотія о Гробѣ Господнемъ⁵⁾ описываетъ его внѣшній видъ тѣми же деталями, т. е. декоративную облицовку 11 колоннами вышиною въ человѣческой ростъ, а въ промежуткахъ сверху — арками, у Софронія — конхами, и надъ ними конически сведенною крышею. Мы ничего не узнаемъ изъ того же Слова Фотія о самомъ храмѣ надъ Анастасісомъ, выраженія: *τέμενος ἱερὸν, μέσον τοῦ νεώ* могутъ быть относимы

1) *περικαλλέως ὁ ἔπαυλος*, нельзя *ἔπαυλος* передавать *ἔνοικος*: *αὐλή* значитъ дворъ, *ἔπαυλος* — павѣзъ на дворѣ для конюшни, въ данномъ случаѣ — какъ разъ экседра или открытая сверху ниша надъ холмомъ Лобнаго мѣста, и въ настоящемъ видѣ немного измѣненная противъ древности и также полуоткрытая.

2) *μεσόμυχλον* не путь земли, а такъ сказать, средоточіе (земли) — именно холмъ Кальварія или Лобное мѣсто. Вполнѣ древнее, неизмѣненное преданіе.

3) Два испорченные стиха, которые мы, не слѣдуя примѣру толкователей, предпочитаемъ оставить безъ перевода. Рѣчь, видимо, идетъ о нѣкоторой чудотворной и прославленной иконѣ, которой поклонялись наряду съ святынями Христовыхъ мѣстъ.

4) Въ стихахъ общее выраженіе *βῆμα*, по его эпитету *παμφαές* — сіяющій, всесвѣтлый не можетъ быть приложенъ ни къ солеѣ, ни къ амвону, а очевидно указываетъ на освѣщенный киворіемъ престолъ, въ которомъ и хранилось Св. Древо, вѣроятно, подъ спудомъ, въ особой ракѣ, какъ принято для мощей.

5) Изд. въ *Правосл. Палестинскомъ Сборникѣ*, 31-й вып., т. XI, вып. 1-й, стр. 1—3.

отпосимы и къ ротондѣ, и къ атриуму — этому священному участку, среди котораго стоялъ Св. Гробъ.

Весьма важно умолчаніе текста оды о мѣстѣ, гдѣ хранилось въ данное время Св. Древо Креста: извѣстно изъ прежнихъ свидѣтельствъ, что оно помѣщалось въ особой нишѣ восточнаго атриума базилики, и ниже мы будемъ имѣть еще случаи доказывать, что если базилика была возстановлена, то уже не имѣла атриума и пропщлей, и что самый входъ въ базилику сталъ, со времени Модеста, общимъ съ Анастасисомъ, — а именно перенесенъ на мѣсто современнаго входа.

Особенно важнымъ указаніемъ должно считать, что, по тексту нашей оды, путь къ мѣсту обрѣтенія Св. Креста шелъ внизъ отъ солей или бемы той же базилики, — о чемъ уже выше была сдѣлана догадка. Далѣе, любопытно указаніе древняго мѣста для орудій Страстей Христовыхъ — на хорахъ базилики, — любопытно, между прочимъ, потому, что поясняетъ намъ римское подражаніе этому обычаю въ храненіи подобныхъ реликвій на хорахъ церкви Св. Петра.

Текстъ Софронія, ясно указывающій на существованіе базилики, построенной Модестомъ на мѣстѣ Константиновой, позволяетъ намъ окончательно опровергнуть произвольныя догадки Вогюэ о томъ, что подземная церковь Св. Елены будто бы была единственною замѣною древней базилики¹⁾. Замѣчательное для своего времени сочиненіе Вогюэ является главнымъ авторитетомъ во всемъ, что касается византійскихъ памятниковъ Палестины, а между тѣмъ самъ Вогюэ, какъ и многіе повѣйшіе изслѣдователи Палестины, сначала оставался при ошибочномъ убѣжденіи въ неподвижности византійскаго искусства, почему и были возможны случаи смѣшенія памятниковъ позднѣйшей эпохи съ вѣкомъ Константина.

Впрочемъ, для даннаго вопроса намъ нѣтъ надобности попутно доказывать ошибку Вогюэ относительно времени происхожденія подземной церкви Св. Елены (ниже мы укажемъ, по даннымъ стили, время происхожденія ея колоннъ, время ихъ передѣлки, а равно и время распространенія примѣненной въ церкви купольной формы): текстъ слѣдующаго по времени паломника Аркульфа (паломничество записано Адамнаномъ около 670 годовъ)²⁾, достаточно ясно говоритъ, что въ его время (если не при Модестѣ) существовала надземная базилика на мѣстѣ прежняго зданія мар-

1) Эти догадки уже были, однако, опровергнуты съ болѣею основательностью на основаніи текстовъ Аркульфа, Софронія, Моисея Каганкатгаца, Фоки—В. Г. Васильевскимъ въ примѣчаніяхъ къ повѣсти Епифанія, *Правосл. Палест. Сборникъ*, IV, стр. 40—49.

2) Tobler et Molinier, *Itinera Hierosolymitana*, I, p. 139 sq. Переводъ нами замѣстованъ изъ книги И. В. Помяловскаго «Аркульфа разсказъ о святыхъ мѣстахъ», 49-й вып. Палест. Сборн., 1898 г.

тиріума. Для нашихъ цѣлей этотъ текстъ также имѣетъ свое положительное значеніе и къ тому же почти вовсе не нуждается въ толкованіяхъ, а скорѣе въ оговоркахъ.

Аркульфъ описываетъ церковь, построенную надъ Гробомъ Господнимъ, какъ большое зданіе, все построенное изъ камня¹⁾, совершенно круглое, сведенное къ одному куполу, поддерживаемому тремя концентрическими стѣнами, между которыми оставлены ходы шириною въ обыкновенную дорогу.

Извѣстно, что въ недавней работѣ своей Моммертъ²⁾ предложилъ чрезвычайно остроумное объясненіе графическаго плана церкви Св. Гроба, начертаннаго Аркульфомъ около 670 г., и далъ совершенно новое направленіе дальнѣйшимъ заключеніямъ о формѣ этой церкви. Именно, Моммертъ считаетъ три концентрическихъ круга, изображенные на планѣ и соответствующіе тремъ «стѣнамъ», упомянутымъ въ текстѣ, не стѣнами, *рядомъ стоящими*, какъ доселѣ всѣ думали, но *тремя этажами* или стѣнами трехъ галлерей, подымающимися другъ надъ другомъ. Обстоятельство это, будь оно принято, даетъ совершенно иное освѣщеніе для нашихъ взглядовъ на конструкцію Анастасиса.

Въ церкви Св. Гроба, по словамъ Аркульфа, было устроено три абсиды или алтаря въ трехъ мѣстахъ средней стѣны³⁾, и въ двухъ мѣстахъ восемь входныхъ дверей. Посреди ротонды былъ каменный киворій⁴⁾ высотой внутри въ ростъ рослаго человѣка съ прибавкою до полутора футъ; входъ въ киворій былъ съ востока, а въ сѣверной части находился Гробъ Господень. Приводимъ текстъ въ переводѣ:

II. О церкви круглаго вида, выстроенной надъ Гробомъ Господнимъ. Эта весьма большая церковь, вся изъ камня, сооружена отовсюду съ изумительною круглотою и отъ основанія возвышается тремя стѣнами, надъ которыми поднимается вверхъ одна крыша. Между каждой стѣною и другимъ бокомъ находится пространство, соответствующее улицѣ. Въ трехъ мѣстахъ средней стѣны искусно сооружены три алтаря. Эту круглую и весьма высокую церковь, имѣющую три выше-

1) *tota lapidea*, повидному, разумѣется, каменная крыша, какъ на Пантеонѣ или другихъ круглыхъ церквяхъ, напр. Солуни.

2) *Zeitschrift d. d. Palästina-Vereins*, XX, p. 34.

3) Затѣмъ слѣдуетъ показаніе, что эту церковь «поддерживаютъ» 12 огромныхъ каменныхъ колоннъ. Извѣстіе это не вяжется съ предыдущимъ свидѣтельствомъ о трехъ стѣнахъ, гдѣ же могли бы помѣщаться колонны? Не есть ли эта фраза: «эту круглую и высокую церковь, имѣющую 3 алтаря» и пр. до конца — простая глосса писца или даже Адамана, взятая изъ древнихъ текстовъ о базиликѣ Константина?

4) *Tugurium* вм. *tegorium*, тоже что *ciborium*, по Du Cange, *Gloss. lat. v. tegorium*, у средневѣковыхъ писателей, франц. *soutecte*, *toit* — покрывка, балдахинъ, кувуклій.

упомянутые алтаря, одинъ обращенный къ полудню, другой къ сѣверу, третій къ западу, поддерживаютъ двѣнадцать каменныхъ столбовъ удивительной величины. Въ ней восемь дверей, то есть по четыре входа черезъ три установленныя другъ противъ друга, съ промежутками, стѣны; изъ нихъ четыре выхода обращены къ вольтурну, каковой вѣтеръ зовется и кекіасъ, а другіе четыре къ еврѹ.

III. О видѣ самого гроба и его шатра. Въ средней части этого внутренняго круглаго дома находится круглый шатеръ, вырубленный изъ одного и того же камня, въ которомъ могутъ стоя молиться девять человѣкъ, и отъ макушки стоящаго человѣка не маленькаго роста до свода это зданіе приходится въ вышину полтора фута. Входъ въ этотъ шатеръ обращенъ къ востоку и весь шатеръ снаружи покрытъ отборнымъ мраморомъ, и верхушка его виѣшней вершины, украшенная золотомъ, поддерживаетъ не малый золотой крестъ. Въ сѣверной части этого шатра, внутри находится гробъ Господень, изсѣченный изъ того же камня, но полъ этого шатра ниже мѣста гроба, такъ какъ отъ пола шатра до боковаго края гроба считается въ вышину мѣра какъ бы трехъ локтей. Такъ сказалъ мнѣ Аркульчъ, часто посѣщавшій гробъ Господень, и точно вымѣрившій.

Въ этомъ мѣстѣ слѣдуетъ отмѣтить разницу въ названіяхъ между гробницею (*monumentum*) и гробомъ (*sepulchrum*): тотъ, часто упомянутый круглый шатеръ, евангелисты часто зовутъ инымъ именемъ — гробницею: они говорятъ, что къ ея дверимъ былъ приваленъ и отъ ея дверей отваленъ, по Воскресеніи Господнемъ, камень. Гробомъ собственно зовется то мѣсто въ шатрѣ, т. е. въ сѣверной части гробницы, въ которомъ покоилось положенное и обвитое плащаницею тѣло Господне; длину его въ размѣрѣ семи пядей Аркульчъ вымѣрять собственною рукою. И этотъ гробъ не двойной, какъ ложно полагаютъ нѣкоторые, и не имѣетъ нѣкоей перегородки, высѣченной изъ камня, которая проходила бы и раздѣляла обѣ лядви и голени, но весь ровный, представляющій съ головы до ногъ ложе, могущее вмѣстить одного человѣка, лежащаго на спинѣ; на подобіе пещеры, онъ имѣетъ входъ съ боку, обращенный на сунпротивъ по южной части гробницы, и сверху поднимается искусно сдѣланный невысокій куполъ. Въ этомъ гробѣ постоянно днемъ и ночью свѣтятъ горящія двѣнадцать лампадъ, по числу двѣнадцати апостоловъ; изъ этихъ лампадъ четыре поставлены ниже, въ углубленіи этого гробоваго ложа, а другія восемь горятъ, поддерживаемыя масломъ, помѣщенныя выше, надъ краемъ, съ праваго боку.

Слѣдуетъ еще отмѣтить и то, что мавзолей или гробница Спасителя, то есть часто упомянутый шатеръ, можетъ быть по справедливости

вості названъ вертепомъ или пещерой, объ которой, когда въ ней былъ погребенъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, пророчаетъ пророкъ¹⁾, говоря: Сей вселится въ высоцѣ пещерѣ камене крѣпкаго, а немного спустя прибавляется для обрадованія апостоловъ о Воскресеніи Господа: Царя со славою узрите²⁾.

И такъ, изображеніе вышеупомянутой церкви съ находящимся посреди ея круглымъ шатромъ, въ сѣверной части котораго находится гробъ Господень, изъясняетъ приложенный рисунокъ, равно какъ и изображенія трехъ другихъ церквей, объ которыхъ будетъ рѣчь ниже. Мы нарисовали изображенія этихъ четырехъ церквей согласно съ рисункомъ, который, какъ сказано выше, начерталъ мнѣ святой Аркульфъ

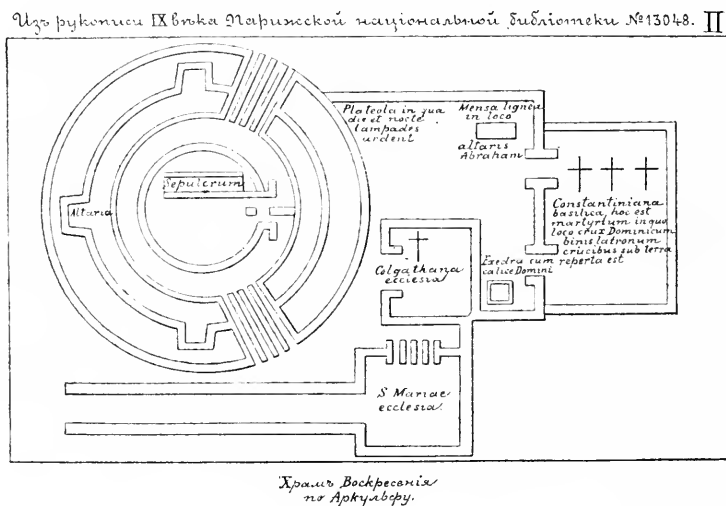

Рис. 26.

на навощенной табличкѣ и нарисовали не потому, чтобы ихъ подобіе могло быть представлено въ живописи, но для того, чтобы изобразить, хотя бы въ такомъ плохомъ рисунокѣ, гробъ Господень, расположенный въ срединѣ круглой церкви, и разъяснить какъ ближайшую къ нему церковь, такъ и ту, что расположена дальше.

IV. О камнѣ, который былъ приваленъ къ двери Гроба и который ангелъ Господень, сошедшій съ неба, отвалилъ по слову Его воскресенія, о шатрѣ и гробѣ. Между тѣмъ, слѣдуетъ вкратцѣ разсказать о выше упомянутомъ камнѣ, который, по распространенному преданію,

1) Исаія XXXIII, 16.

2) Тамъ же.

послѣ погребенія распятаго Господа, былъ приваленъ къ дверямъ гроба Господня; Аркулячъ говоритъ, что онъ разсѣченъ и раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ меньшая, обтесанная рѣзцомъ, видна поставленною стоймя въ видѣ четырехугольнаго алтаря въ вышеописанной круглой церкви передъ входомъ въ часто упомянутый шатерь, то есть въ гробъ Господень, большая же часть этого камня, равнымъ образомъ обтесанная, стоитъ въ видѣ другаго четырехугольнаго алтаря, поставленнаго на восточной сторонѣ той же церкви и покрыта пеленами.

Аркулячъ на мой вопросъ о цвѣтѣ этого камня, внутри котораго вытесанъ рѣзцомъ часто упоминаемый шатерь, вмѣщающій въ сѣверной своей части гробъ Господень, вырубленный изъ того же самаго камня, изъ котораго и гробница, то есть самъ шатерь, сказалъ: шатерь гробницы Господней, не покрытый никакими украшеніями внутри, и до нынѣ являетъ во всемъ своемъ углубленіи слѣды рѣзца, который употребляли при этой работѣ долбившіе или рѣзавшіе: цвѣтъ этого камня гробницы и гроба не одинъ, но кажется, что перемѣняны два цвѣта—красный и бѣлый, вслѣдствіе чего этотъ камень представляется двухцвѣтнымъ. Но объ этомъ достаточно сказаннаго.

V. О церкви Святой Маріи, смежной съ круглою церковью. Врочемъ слѣдуетъ прибавить кое что не многое объ устройствѣ Святыхъ мѣстъ. По правую сторону съ тою часто выше упомянутою круглою церковью, которая также зовется апастасисъ, то есть Воскресеніе, потому, что построена на мѣстѣ Воскресенія Господня, смежна четырехугольная церковь Святой Маріи, Матери Господа.

VI. О той же церкви, которая выстроена на мѣстѣ Кальваріи. Другая, весьма большая церковь, къ востоку, сооружена на томъ мѣстѣ, которое по еврейски зовется Голгоа, на верху которой съ канатовъ спускается пѣкое круглое бронзовое коло съ лампадами, а подъ нимъ поставленъ водруженнымъ большой серебряный крестъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ водруженнымъ деревянный крестъ, на которомъ пострадалъ Спаситель рода человѣческаго.

Въ той же церкви, ниже мѣста креста Господня, находится высѣченная изъ камня пѣкая пещера, гдѣ на altarѣ приносится жертва за души пѣкоторыхъ болѣе почетныхъ лицъ, тѣла которыхъ, лежація тѣмъ временемъ на улицѣ, полагаются передъ дверьми этой же Голгооской церкви до тѣхъ поръ, пока не окончится святое таинство за этихъ усопшихъ.

VII. О базиликѣ, которую соорудилъ Константинъ по сосѣдству вышеназванной церкви, на томъ мѣстѣ, гдѣ обрѣтенъ въ раскопанной землѣ послѣ многихъ столѣтій, Крестъ Господень, подъ развалинами.

Къ этой церкви на мѣстѣ Кальваріи, устроенной въ четырехугольной формѣ, примыкаетъ съ восточной стороны смежная каменная базилика, съ большимъ великолѣніемъ устроенная царемъ Константиномъ, именуемая и мартиріумомъ, сооруженная, какъ говорятъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ обрѣтенъ, послѣ двухъ сотъ тридцати трехъ лѣтъ, дарованный самимъ Господомъ Крестъ Господень съ другими двумя крестами разбойниковъ, спрятанный подъ землею.

VIII. О мѣстѣ жертвенника Авраама. И такъ, между этими обѣими церквами попадается то знаменитое мѣсто, на которомъ патриархъ Авраамъ соорудилъ жертвенникъ, на который возложилъ вязанку дровъ и, вынувъ, схватилъ ножъ, чтобы заклать сына своего Исаака; теперь тамъ находится не малый деревянный столъ, на которомъ народъ предлагаетъ бѣднымъ милостыню. Къ моимъ тщательнымъ вопросамъ Святый Аркульчъ присоединилъ и слѣдующее, говоря: Между апастасисомъ, то есть часто упомянутой выше церковью, и базиликою Константина находится нѣкая площадка, до церкви Голгоуской, въ которой дѣнно и пощно горять всегда свѣтильники.

IX. Объ экзедрѣ, находящейся между церковью Кальваріи и базиликой Константина, гдѣ хранятся чаша Господня и губа, съ которой Онъ, вися на древѣ, вкусилъ оцетъ и вино. Между этой Голгоуской базиликой и мартиріумомъ находится нѣкая экзедра, гдѣ есть чаша Господня, которую онъ, благословивъ собственноручно на вечери, пакапуи страданій, самъ, участвуя въ трапезѣ, передалъ трапезующимъ апостоламъ. Эта серебряная чаша имѣетъ мѣрою Галльскій секстарій и имѣетъ въ себѣ двѣ ручки, прикрѣпленныя другъ противъ друга съ обѣихъ сторонъ. Въ этой чашѣ находится губа, которую распявшіе Господа, наполнивъ оцтомъ и обложивъ иссопомъ, поднесли къ Его устамъ. Изъ той же чаши, какъ говорятъ, Господь по воскресеніи пилъ, трапезуя съ апостолами; ее видѣлъ Святый Аркульчъ и черезъ открытое отверстіе покрывающаго ее ларца, собственноручно касался ея и лобызалъ: къ этой чашѣ все городское населеніе приходитъ съ великимъ уваженіемъ.

X. О копѣь воина, которымъ онъ прободалъ ребра Господни. Тотъ же Аркульчъ точно также видѣлъ и то копье воина, которымъ онъ прободалъ ребра висѣвшаго на крестѣ Господа. Это копье находится вдѣланнымъ въ деревянный крестъ въ портикѣ базилики Константина; древко этого копья расколото на двѣ части, и его также городъ Іерусалимъ пощнщаетъ, лобызаетъ и чтить.

Мы не пойдемъ далѣе этой простой передачи точныхъ показаній Аркульча, которыя констатируютъ окончательно тотъ основной фактъ, что

сооруженія Модеста имѣли цѣлью возстановить Іерусалимскую святыню въ прежнемъ ея видѣ. И потому считаемъ дѣломъ простаго произвола заключеніе Вогюэ, что именно при Модестѣ совершилось раздѣленіе одного храма на три части. Внимательное чтеніе текстовъ убѣждаетъ насъ въ противномъ или—еще точнѣе—ничего намъ не сообщаетъ въ этомъ направленіи, а напротивъ, какъ бы постоянно подтверждаетъ, что никакой рѣзкой перемѣны съ Константина до времени крестоносцевъ въ сооруженіяхъ надъ святынею Гроба не было, и если были обновленія, то по старому. Изъ своего собственнаго плана, и забывая, что въ немъ многое основано только на догадкѣ, Вогюэ извлекъ то положеніе, что Константиновскія сооруженія составляли одинъ храмъ, и только точный комментаторъ «Сказанія Епифанія» рѣшается отступитъ отъ этого положенія, принятаго на вѣру и огуломъ всеміи изслѣдователями. Текстъ Евсевія ясно говоритъ намъ о сооруженіи около Св. Гроба (мы, однако, не знаемъ, была ли это ротонда), объ атриумѣ, который окружалъ это сооруженіе и о базиликѣ. Согласно южному климату, восточнымъ обычаямъ, а наиболѣе показаніямъ Сильвіи, мы должны считать три богослужебныхъ мѣста: 1) сооруженіе около Св. Гроба, 2) дворъ или атриумъ Св. Гроба съ холмомъ Лобнаго мѣста и 3) базилику¹⁾.

Тѣже три части знаетъ игуменъ Саввинскаго монастыря Антіохъ, когда говоритъ о храмахъ, сожженныхъ персами и возстановленныхъ Модестомъ: Лобнымъ мѣстѣ, Св. Воскресеніи и «Честномъ домѣ (εἶκος) Св. Креста»—вѣдь и здѣсь ясно указанъ *большой* храмъ базилики, и *малыя* церкви надъ Св. Гробомъ и Лобнымъ мѣстомъ. И потому, когда Аркульфъ говоритъ, что эти три части (при немъ это уже *церкви*, т. е. зданія съ особыми стѣнами) *соприкасаются*, то нельзя или незачѣмъ понимать въ смыслѣ малаго разстоянія, а должно понимать буквально: за стѣною часовни надъ Лобнымъ мѣстомъ была или начиналась западная часть базилики. И если прежде, во времена Сильвіи, между Анастасіемъ и Лобнымъ мѣстомъ была свободная площадь атриума, то въ VII или VIII столѣтіи, съ постройкою большой ротонды, она также, быть можетъ, соприкасалась съ часовнею, сооруженной для покрытія Лобнаго мѣста.

Выяснивъ это основное обстоятельство, мы можемъ не анализировать и той реставраціи въ планѣ сооруженій Модеста, которую представилъ Вогюэ: если схема этихъ сооруженій, нехитро составленная въ рукописяхъ, насъ не удовлетворяетъ (см. рис. 26), то и реставрація, доселѣ единственная, не имѣетъ значенія по своей произвольности.

1) См. также и свидѣтельство о трехъ храмахъ, построенныхъ Еленою, въ Житіи Константина и Елены, составленномъ послѣ Ираклія, и издан. въ отрывкѣ проф. В. Г. Васильевскимъ въ III-мъ прилож. къ изд. Епифанія. *Правосл. Палест. Сборникъ*, IV, 2, стр. 254.

Свидѣтельства Епифанія, монаха очевидца, составившаго родъ путевода по Сиріи, краткаго, но содержательнаго и, повидимому, точнаго, приобрѣтають особое значеніе, благодаря замѣчательнымъ комментаріямъ русскаго ученаго¹⁾. «Посреди святаго Града, такъ гласить этотъ текстъ, находится святыи гробъ Господень, и вблизи гроба Лобное мѣсто, гдѣ распятъ былъ Христосъ, имѣющее въ высоту уступовъ или ступеней тридцать шесть. Внизу распятія находится церковь и гробъ Адамовъ. По срединѣ между ними (близъ нихъ) лежить *садъ Іосифа*, а къ сѣверу отъ сада *темница*, гдѣ были заключены Христосъ и Варава. Между темницею и мѣстомъ распятія находятся *врата святаго Константина*, въ которыхъ были найдены три креста, и надъ вратами алтарь, гдѣ лежитъ чаша, изъ которой Христосъ пилъ уксусъ и желчь».

В. Г. Васильевскій установилъ и общее положеніе построекъ надъ Св. Гробомъ во времена Епифанія и выяснилъ точность и важность трехъ указаній его о мѣстѣ: 1) сада Іосифа или бывшаго атриума между храмомъ Св. Гроба (или Св. Воскресенія) и базиликою Константина, 2) темницы Христовой, находящейся къ сѣверу отъ Голгофы и нынѣ (въ сѣверо-восточномъ углу нынѣшней церкви Св. Воскресенія), тамъ, гдѣ ее указывали уже въ VIII—IX вѣкахъ, и 3) вратъ Св. Константина, находившихся между (на линіи съ сѣвера на югъ) темницею и Голгофою.

В. Г. Васильевскій занимался всѣми этими вопросами «преимущественно съ точки зрѣнія взаимнаго отношенія между зданіями» храма Св. Гроба, по анализъ этого отношенія устанавливаетъ и для архитектурной исторіи этихъ зданій и ихъ остатковъ основныя положенія. А именно, мы извлекаемъ, при помощи такой аргументаціи, ясное свидѣтельство крупной перемѣны, происшедшей во времена Модеста: новая базилика была ориентирована съ запада на востокъ, получила новый входъ изъ атриума Св. Гроба съ монументальною дверью, и алтарную абсиду въ восточной части, почему прежній входъ черезъ пропилей и два двора уже тогда былъ закрытъ. Обстоятельство, какъ увидимъ ниже, особо любопытное для пониманія открытых русскими раскопками развалинъ Константиновскихъ пропилей и древнихъ стѣпъ. Конечно, не смотря на все искусство и ясность анализа незабвеннаго ученаго, ему было трудно, съ одними данными общихъ выраженій древнихъ авторовъ, оспаривать археологическіе взгляды Вогюэ, утверждающаго, что базилика Константина исчезла уже въ VII столѣтіи и была замѣнена подземною церковью, вѣриѣе, часовнею Св. Елены надъ мѣстомъ обрѣтенія Св. Креста: здѣсь требуется уже аргументація археологическая, надо доказать, что Вогюэ ошибается, принимая разныя капители нынѣшняго сѣ-

1) Академика В. Г. Васильевскаго въ изданіи *Прав. Палестинск. Сборн.*, т. IV, вып. 2.

вернаго неча церкви Св. Воскресенія за остатки Константиновской базилики, равно, считая конструкцію аркады (воротъ), открытой на русскомъ мѣстѣ, также памятникомъ Константиновской эпохи и пр. Воюю отождествляетъ нынѣшнюю церковь Св. Елены съ Модестовымъ храмомъ Св. Креста не потому, чтобы онъ не зналъ, хотя частію, ясныя тексты, гласящіе о *большой* церкви, возстановленной Модестомъ, а потому, что археологическіе взгляды Воюю были основаны на первичныхъ наблюденіяхъ византійскаго искусства, когда происходило, такъ сказать, еще первое чтеніе его памятниковъ, начальное знакомство съ его содержаніемъ, и вопросы хронологіи еще не существовали. Надо доказать, что церковь Св. Елены, по своей купольной конструкціи, не могла быть построена въ началѣ VII вѣка, когда купола даже въ столицѣ Византіи только что стали извѣстны въ первомъ соединеніи ихъ съ четырехугольнымъ основаніемъ (въ Св. Софіи), а судя по всѣмъ даннымъ, вмѣстѣ взятымъ, построена не ранѣе X—XI вѣка, т. е. какъ разъ около времени Константина Мономаха, когда (какъ то доказываетъ В. Г. Васильевскій) возстановлены были церковь Св. Воскресенія и Голгоа, но храмъ Константина остался въ развалинахъ. «Можно допустить, говорятъ В. Г. Васильевскій, что церковь Св. Елены составляла особое подземное отдѣленіе уже въ первоначальной базиликѣ Константина: тутъ можно припомнить слова Евсевія о подземномъ и поземномъ, верхнемъ и нижнемъ рядѣ колоннъ въ этой базиликѣ; но и въ описаніи, помѣщенномъ у Моисея Каганкатваца, во всякомъ случаѣ, относящемся къ періоду послѣ персидскаго нашествія, говорится о верхнихъ и нижнихъ колоннахъ; слѣдовательно, съ такимъ же правомъ можно предположить существованіе подземнаго отдѣленія и во второй періодъ, въ Модестовскомъ храмѣ обрѣтенія Св. Креста, или Св. Константина». Существованіе крипты, какъ разъ на мѣстѣ церкви Св. Елены, допустить можно, пожалуй, еще въ 1-й періодъ, но и въ 1-й періодъ, и въ 2-й нельзя допустить существованія церкви Св. Елены, какъ извѣстно, покрытой куполомъ, подъ церковью Св. Константина. Равно, сколько бы ни было криптъ, онѣ, по тому уже, что суть *крипты*, или скрытыя подземныя помѣщенія, выходяція въ церковь только особыми ходами, лѣстницами, крыльцами, не могутъ дать повода къ описанію церкви съ верхними и нижними колоннами, о чемъ мы уже достаточно говорили выше.

Однако, и тексты говорятъ убѣдительно на этотъ разъ о томъ, что церковь Константина существовала: черезъ нее, взломавъ ея двери, проникли сарацины въ 966 г., въ атриумъ церкви Св. Воскресенія и подожгли ея запертыя двери¹⁾. Далѣе, между 980 и 1005 гг., производились «работы надъ

1) См. разсказъ Яхъи Антиохійскаго въ прилож. 2 къ изд. акад. В. Г. Васильевскаго, стр. 265—269. Мѣдника, I. с., стр. 338—343.

куполомъ» церкви Св. Воскресенія, и достроено то, что было разрушено и стояло безъ верха, «кромя свода (абсиды) Св. Константина, ибо онъ очень великъ» (широкъ и потому былъ невозможенъ для простыхъ каменщиковъ) «и (поэтому) остался непокрытымъ. И въ то время, когда управлялъ Иерусалимскимъ престоломъ патріархъ Александрійскій Арсеній, послѣ отъѣзда его брата, патріарха Ореста (986—1005 гг.) въ Константинополь, былъ достроенъ сводъ Св. Константина и былъ восстановленъ въ прежнемъ видѣ».

Столь же ясно свидѣтельство объ окончательномъ разрушеніи храма Св. Константина въ 1009 году¹⁾: «церковь (Воскресенія) была разрушена до основанія, за исключеніемъ тѣхъ частей, разрушеніе которыхъ было слишкомъ трудно и уничтоженіе которыхъ невозможно. И былъ разрушенъ Краніонъ и (василика) св. Константина и все, что находилось въ ея предѣлахъ, и были окончательно уничтожены священныя реликвіи. И старался (посланный халифа Хакима) уничтожить Гробъ Господень и стереть слѣды его и разбилъ большую часть его и разрушилъ его. И было начало разрушенія во вторникъ 5 Сафара 400 (28-го сентября 1009 г.). И были разграблены всѣ ея имѣнія (церкви) и завѣщанныя (ей) имущества и захвачены вся ея утварь и металлическія вещи». Извѣстіе это очень ясно, но, повидимому, преувеличено: новая церковь Воскресенія, восстановленная (начато черезъ три года) между 1040 и 1055 годами, имѣла, по словамъ нашего наомника Данила, «столновъ облыхъ (круглыхъ колоннъ) 12, а 6 зданыхъ» (сложенныхъ изъ камня или кирпича), и, весьма вѣроятно, эти 12 колоннъ сохранила еще отъ древней церкви, такъ какъ въ XII вѣкѣ новыхъ колоннъ для зданій уже не тесали въ Византіи, довольствуясь кладкою столбовъ. Далѣе, разрушена была лишь сводчатая ниша, покрывавшая Лобное мѣсто, или, точнѣе, Крестъ, поставленный на немъ, и алтарь, а не самый Краніонъ, котораго скала, конечно, сохранилась, и который такъ подробно и точно описывается Даниломъ. Устройство полуоткрытой двойной ниши надъ Лобнымъ мѣстомъ (или Голговою—какъ стали отнынѣ называть его), сохранившееся цѣликомъ и донинѣ, принадлежитъ, скорѣе XII, чѣмъ XI вѣку, и потому же самому и мозаическія изображенія Распятія и Снятія со Креста (о которыхъ говоритъ Данилъ) исчезли: вмѣсто нихъ появились мозаическіе орнаменты, сохранившіеся на потолкѣ и полу въ правой или католической канцеллѣ.

Наспръ-Хосрау, арабскій географъ (+ 1080) рассказываетъ о церкви Воскресенія (послѣ ея восстановленія въ 1040-хъ годахъ)²⁾: «Церковь эта настолько просторна, что въ ней могутъ помѣститься восемь тысячъ чело-

1) Приложение 3-е къ изданію Епифанія съ примѣч. В. Г. Васильевского, стр. 269—270. Мѣдниковъ, стр. 368—369. Ср. латинскія свѣдѣнія, собранныя въ соч. Зеппа, *Jerusalem und das heilige Land*, 1873, pag. 447—448, того же содержанія.

2) Мѣдниковъ, *Палестина по арабскимъ источникамъ*, стр. 881.

вѣкъ. Вся она тщательно разукрашена цвѣтнымъ мраморомъ, рѣзною работою и живописью. Внутри церковь украшена румскою парчею и изображеніями. Много чистаго золота пошло на ея убранство. Во многихъ мѣстахъ находится изображение Іисуса — да будетъ надъ Нимъ спасеніе! спящимъ на ослѣ и изображеніе другихъ пророковъ, какъ то: Авраама, Измаила, Исаака, Іакова и его сыновей, спасеніе да будетъ надъ ними! Эти иконы покрыты лакомъ изъ сандарусоваго масла, и каждая покрыта тонкимъ стекломъ, чрезвычайно прозрачнымъ, такъ что оно нисколько не мѣшаетъ видѣть иконы. Сдѣлано это для того, чтобы предохранить иконы отъ пыли. Прислуга ежедневно чиститъ эти стекла [стало быть, это не слюда]. Въ этомъ безпорядочномъ и невѣжественномъ описаніи много реальности. Очевидно, главною церковью была уже ротонда, и въ ней именно размѣщалось 8000 человекъ. Но возможно, что облицовка нестрыми мраморами стѣнъ имѣла мѣсто не только здѣсь, но въ Краніонѣ и въ церкви Константина, и эти церкви были покрыты тою же живописью. Замѣчательно, что арабъ упомянулъ стѣнное изображение Входа въ Іерусалимъ, а мы какъ разъ отъ этого именно времени знаемъ чудную мозаическую картину этого сюжета въ Палатинской капеллѣ.

Тотъ же Даніилъ (1106—1108 гг.) много дивился мозаической росписи ротонды: «подъ верхомъ написани суть пророци святѣи мусією, яко живи стоятъ, а надъ олтаремъ (*малымъ на западной сторонѣ*) написанъ есть Христосъ мусією. Въ олтаря же велицѣмъ написано есть Адамово воздвиженіе (*т. е. Воскресеніе Господне по византійскому переводу*) мусією; горѣ верху написано есть мусією Вознесеніе Господне, оба полы олтаря на обою столпу написано есть мусією Благовѣщеніе». Эта византійская роспись исчезла безслѣдно (кромѣ сцены Вознесенія (?): см. Ciampini, *De aedificiis*, tab. 33) вмѣстѣ съ латинскою передѣлкою храма, около 1130-хъ годовъ или въ срединѣ XII столѣтія: по верхнимъ поясамъ ротонды были представлены пророки; въ маломъ алтарѣ, въ абсидѣ образъ Христа; въ большомъ алтарѣ¹⁾ по среднему поясу абсиды Воскресеніе Христово, а въ конхѣ Вознесеніе съ предстоящими: Богородицею и 12 Апостолами. Важное указаніе Даніила — мозаика Благовѣщенія на двухъ столбахъ передъ абсидою: на одномъ Архангелъ, на другомъ Богородица, какъ было во множествѣ византійскихъ церквей X—XII вѣка, — важное потому, что можетъ указывать на два такіе столба, которые поддерживаютъ куполь въ восточной части. Мы можемъ, поэтому, съ нѣкоторымъ правомъ, заключить, что

1) «Отъ дверей гробныхъ до стѣны великаго олтаря сажень 12», говоритъ Даніилъ, а его описаніе происхожденія огня въ Великую Субботу показываетъ намъ, что этотъ алтарь находился на востокъ, противъ входа въ Св. Гробъ, за куполомъ, т. е. приблизительно въ томъ же видѣ, какъ и на общензвѣстномъ планѣ средневѣковаго храма.

при реставраціи, посвященіи имя Константина Мономаха, съ цѣлью расширенія ротонды, уже былъ нефъ (средневѣковой хоръ канониковъ, нынѣ греческая церковь Вознесенія), а надъ нефомъ, передъ абсидою уже былъ сводъ, стало быть, уже ранѣе крестопосцевъ, т. е. во времена Константина Мономаха ясно сознавали необходимость покрыть все крышею. Значитъ, не одно покрытіе общемою крышею всего храма въ связи съ ротондою было предпринято крестопосцами въ 1130—1140 гг., но и обдѣлка всѣхъ частей святыни, а именно: Голгофы, ротонды, Св. Гроба, темницы Господней, пана земнаго и пр. Между прочимъ исчезло оригинальное мозаическое изображеніе Христа, указываемое Данииломъ въ комаркѣ (нишѣ) надъ пупомъ земли, «виѣ стѣны великаго алтаря», «за великимъ алтаремъ», съ надписью: «се пидію моею измѣрихъ небо и землю», и появился рядъ другихъ мозаикъ въ различныхъ частяхъ церкви, описываемыхъ Кварезміемъ.

Во всякомъ случаѣ, еще остается большая задача разобрать съ современнымъ храмѣ, что именно уцѣлѣло отъ поздне-византійской эпохи, точнѣе говоря, отъ послѣдней реставраціи при Константиѣ Мономахѣ, принимая, затѣмъ, во вниманіе общій характеръ отношенія крестопосцевъ къ завоеванной Палестинѣ, въ которой они не успѣли порядкомъ ничего устроить, но за то, многое перевернули вверхъ дномъ, многое исказили и спутали. Такъ напр., ясно, что многогранные столбы, поддерживающіе куполь плавнѣйшей церкви Воскресенія, не византійскіе и не тѣ, что видѣлъ Даниилъ, а средневѣковые, такъ какъ тѣ столбы должны были быть четырехугольные (чтобы на нихъ могли быть мозаическія фигуры), а, потому, очевидно, что и весь куполь цѣликомъ средневѣковаго происхожденія, что доказывается, впрочемъ, и арочною системою. Стало быть, крестопосцы должны были развалить прежнюю церковь Воскресенія съ нефомъ, куполомъ и абсидою, прежде чѣмъ начали строить широкій храмъ по своему вкусу. Конечно, какой сумбуръ отъ этого ни подымался, и какая путаница у новыхъ хозяевъ храма ни происходила, все же были греки, которые могли указать на мѣста, освященные преданіемъ, но, при греческой легкости воззрѣній на преданіе, перестройка должна была многое смѣснить и спутать. Словомъ, если бы въ исторіи храма Св. Гроба не было этого, краткаго, но гибельнаго періода, то, несмотря на всѣ пожары и землетрясенія, это былъ бы, дѣйствительно, памятникъ древности, тогда какъ въ настоящее время это памятникъ средневѣковья, и древность приходится въ немъ «днемъ съ огнемъ» отыскивать и въ переносномъ, и въ буквальный слыхѣ, такъ какъ глухіе потемки, царящіе во многихъ частяхъ храма, произошли отъ новой задачи подведенія многихъ мелкихъ и крупныхъ церквей, часовенъ и капеллъ подъ одну крышу.

Тотъ же Даниилъ, покончивъ на Авраамовѣ жертвенникѣ и темницѣ съ перечнемъ всѣхъ святынь, лицезрѣнныхъ имъ въ храмѣ Св. Гроба, прибав-

ляетъ: «И та святая мѣста вся, подъ однимъ покровомъ, суть по ряду вся къ полунощю лицъ». Свидѣтельство Вильгельма Тирскаго, писавшаго уже въ концѣ XII вѣка, о томъ, что до латинягъ Голгоѳа, мѣсто помазанія и другія святія мѣста были отдѣльными капеллами и не были покрыты, нельзя понимать иначе, какъ общеою крышею съ храмомъ, тогда какъ, по Даниилу, всѣ святыни, обращенныя на сѣверъ (но эти именно части находятся на южной сторонѣ отъ Св. Гроба) были покрыты однимъ «покровомъ», вѣроятно, портикомъ. При передѣлкѣ сохранилась мозаика въ абсидѣ — Воскресеніе Господне, упоминаемое около 1165 года Іоанномъ изъ Вюрцбурга, стало быть, стѣна абсиды временъ Константина Мономаха была, быть можетъ, на мѣстѣ нынѣшняго хора греческой церкви Воскресенія, котораго стѣна сохранилась отъ средневѣковаго храма.

Очевидно изъ всего этого, что догадка Тоблера о томъ, что передѣлка храма состоялась между 1103 и 1130 гг., ошибочна, и храмъ могъ быть построенъ только между 1140 и 1165 гг., когда его видѣлъ упомянутый Іоаннъ Вюрцбургскій¹⁾.

Здѣсь же слѣдуетъ замѣтить, что греческое названіе нынѣшней церкви Воскресенія исторически правильно: греческая церковь есть бывшій нефъ Анастасиса, до преобразованія этого нефа въ хоръ (каѳоликонъ, presbyterium) всего храма.

Еще важнѣе описаніе географа ал-Идрисія (писалъ въ 1154 г.), какъ бы ни было оно хаотично, случайно и, на первый взглядъ, непонятно:

«... Церковь Воскресенія (ал-Кыямъ), которую мусульмане называютъ Кумамою, это та церковь, куда приходятъ наломники изъ всѣхъ странъ румовъ, которыя на востокъ и на западъ земли. Въ нее входятъ черезъ врата съ западной стороны: тогда вошедшій очутится подъ тѣмъ куполомъ, который покрываетъ всю церковь; этотъ куполъ — одно изъ чудесъ міра; а церковь ниже этихъ вратъ, и никто не можетъ спуститься въ нее съ этой стороны. Въ церкви есть ворота съ сѣверной стороны, чрезъ которыя спускаются въ нижнюю часть церкви по 30 ступенямъ. Эти врата называются вратами Св. Маріи. Когда входящій спустится въ церковь, то напротивъ него будетъ священная, почитаемая гробница съ двумя дверями, покрытая сводчатымъ куполомъ, прочно построеннымъ, красиво приподнятымъ и необыкновенно разукрашеннымъ. Изъ этихъ двухъ дверей одна напротивъ сѣвера, гдѣ врата Св. Маріи, а другая напротивъ нея, съ юга и называется дверями Распятія; надъ этою дверью церковная колокольня. Напротивъ этой церкви съ восточной стороны есть громаднѣйшая церковь, въ которой румскіе франки служатъ обѣдни, а на востокъ отъ этой священной церкви, не-

1) Тоже, по другимъ соображеніямъ, доказываетъ и Зенпъ, I. с. pag. 457.

много на югъ, находится та тюрьма¹⁾, въ которой былъ заключенъ Господь Мессія, и мѣсто распятія Его. Что касается большого купола²⁾, то онъ круглый, открытъ со стороны неба, и вокругъ него изображены Пророки, Господь Мессія, Владычица Марія Мать Его и Іоаннъ Креститель, а надъ священною гробницею, въ числѣ висящихъ надъ этимъ мѣстомъ свѣтильниковъ отличаются три золотыхъ...».

Изъ разсмотрѣнныхъ нами текстовъ ясно, прежде всего, то общее положеніе, что храмъ Св. Гроба, отъ самаго основанія своего, представлялъ комплексъ зданій разнаго рода и назначенія, а также расположенныхъ на различныхъ уровняхъ, и потому самому составлялъ сложную архитектурную задачу, исполнявшуюся только въ главныхъ частяхъ. Разборъ древнихъ текстовъ убѣждаетъ насъ, что сооруженіе Константина вовсе не создало чего-либо цѣльнаго, а, напротивъ, съ начала и до конца, образовывало двѣ главныя части, а послѣ нѣкотораго времени три: собственно храмъ Св. Гроба или ротонду, ц. Голговы и базилику Константина. Равно и задача, исполненная крестоносцами и сохранившаяся, несмотря на пожары, до нашего времени, имѣла цѣлью только покрыть, предохранить отъ разрушенія святыни, а не сводить ихъ въ одно цѣлое. Всѣ эти части были опредѣлены взаимнымъ отношеніемъ въ пространствѣ и остались, поэтому, на своихъ мѣстахъ, по имени, по этой взаимности, и мѣнялись совмѣстно, то вырастая, то умаяясь: одна часть дополняла другія, замѣняла ихъ. Само время мало по малу придавало значеніе каждому уголку древняго храма, осмыслило всѣ его входы, пиши и экседры, дворы и притворы, а рефлексъ грека и не знающее условій времени и мѣста воображеніе сирійца населили каждый уголокъ священными воспоминаніями, начиная съ Авраама и кончая Св. Маріею Египетскою.

Какая высокая историко-культурная задача была бы достигнута исторіею этой святыни въ связи съ сакральной ея ролью въ теченіи двухъ тысячелѣтій! Въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ теперь даже предугадать, насколько выиграютъ напр. иныя литургическія толкованія, если онѣ будутъ основываться на исторіи храма Св. Гроба. Насколько выиграетъ, затѣмъ, самая исторія архитектуры и искусства, когда она выяснитъ себѣ вопросъ о томъ, какія именно техническія пріобрѣтенія были здѣсь достигнуты, и какъ переходъ архитектурныхъ формъ храма Св. Гроба на Западъ вызывалъ тамъ развитіе искусства.

Списокъ архитектурныхъ воспроизведеній храма Св. Гроба Господня начинается съ церкви *Св. Креста Иерусалимскаго въ Римѣ*, будто бы по-

1) φυλακή греч. тюрьма, находится и понынѣ на сѣверо-восточной сторонѣ.

2) Разумѣется куполь ротонды.

строенной *Св. Еленою* на пасынной почвѣ, привезенной съ Голгофы. Затѣмъ по времени слѣдуетъ копія Св. Гроба, построенная будто бы *Св. Петроніемъ* въ *Болонь* въ ц. *Св. Стефана* изъ бѣлаго мрамора, въ 432 г., и ц. *Кура-тора* въ *Константинополѣ*. Монастырь *Св. Гроба* въ *Валенсіи* былъ основанъ еще въ VI в. Церковь *Арх. Михаила* въ *Фульдѣ*, вѣрная копія ротонды Св. Гроба, была построена около 820 г., въ X вѣкѣ построена внутри *Константинскаго собора* копія самаго Св. Гроба. Начиная съ XI вѣка, появляется множество копій и подражаній¹⁾ въ Италіи, Франціи, Германіи и Англіи, иногда выполненныхъ по точному парочитому плану, добытому на мѣстѣ, но именно эти копіи XI вѣка: во Флоренціи (*Borgo di san Sepolcro*), въ Нортгемптонѣ, Камбрѣ, Шлетштадтѣ и пр., но именно всѣ эти копіи были впоследствии передѣлываемы по многу разъ, тогда какъ позднѣйшія, уже не любопытныя, которыя копируютъ существующій пынѣ храмъ крестоносцевъ, — сохранились.

Что касается древнѣйшихъ памятниковъ, то между ними надо различать во-первыхъ подражаніе восьмиступенчатой церкви въ Антиохіи — знаменитому въ древности произведенію Константинова вѣка, во-вторыхъ между подражаніями и точными воспроизведеніями. Все это представляетъ сложную работу, но весьма полезную по своимъ результатамъ всякаго рода.

Вопросомъ о воспроизведеніяхъ храма Св. Гроба въ христіанской архитектурѣ занялся мимоходомъ Ж. Кишра, замѣчательный и непосредственный знатокъ средневѣковой, особенно французской, архитектуры¹⁾. Наблюдая въ такъ называемой романской архитектурѣ много церквей и капеллъ оригинальной круглой или подобной формы, онъ указывалъ на ихъ происхожденіе отъ одного священнаго образца, даннаго въ храмѣ Св. Гроба. Правда, этотъ самый храмъ, возникшій, по мнѣнію Кишра, уже послѣ разрушенія базилики Константина персами, въ VII вѣкѣ, не былъ новостью: до него уже были *S. Costanza*, *S. Stefano Rotondo* въ Римѣ и *S. Germain-l'Auxerrois* въ Парижѣ (древнѣйшей формы), но, въ своемъ типѣ круглаго зданія съ крышею въ видѣ усѣченного конуса, съ раскрытымъ верхомъ, храмъ Св. Гроба сталъ образцомъ для всей христіанской Европы. Во Франціи, въ XI и XII вѣкахъ исполнено нѣсколько копій въ большихъ размѣрахъ, которыя, по вѣнѣ своего покрытія, окончательно непригоднаго на сѣверѣ, не сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ; только нѣкоторыя изъ нихъ исчезли уже въ нашемъ вѣкѣ, а вошлѣ уцѣлѣли лишь маленькія капеллы, издали подражавшія типу.

1) Sepp, *Jerusalem und das heilige Land*, 1873, I, p. 451.

1) Свѣдѣнія, собранныя Жюлемъ Кишра, помѣщены въ посмертномъ изданіи его: *Mélanges d'histoire et d'archéologie*, дополненія сдѣланы въ книгѣ Corroyer, *Éd. L'architecture romane*, p. 200—202, указывающаго на 4 церкви въ сѣверной Франціи XI в.

Но общій вопросъ о типѣ можетъ быть разрѣшаемъ только при помощи данныхъ, собранныхъ по памятникамъ всей христіанской Сиріи и потому долженъ быть пока отложенъ.

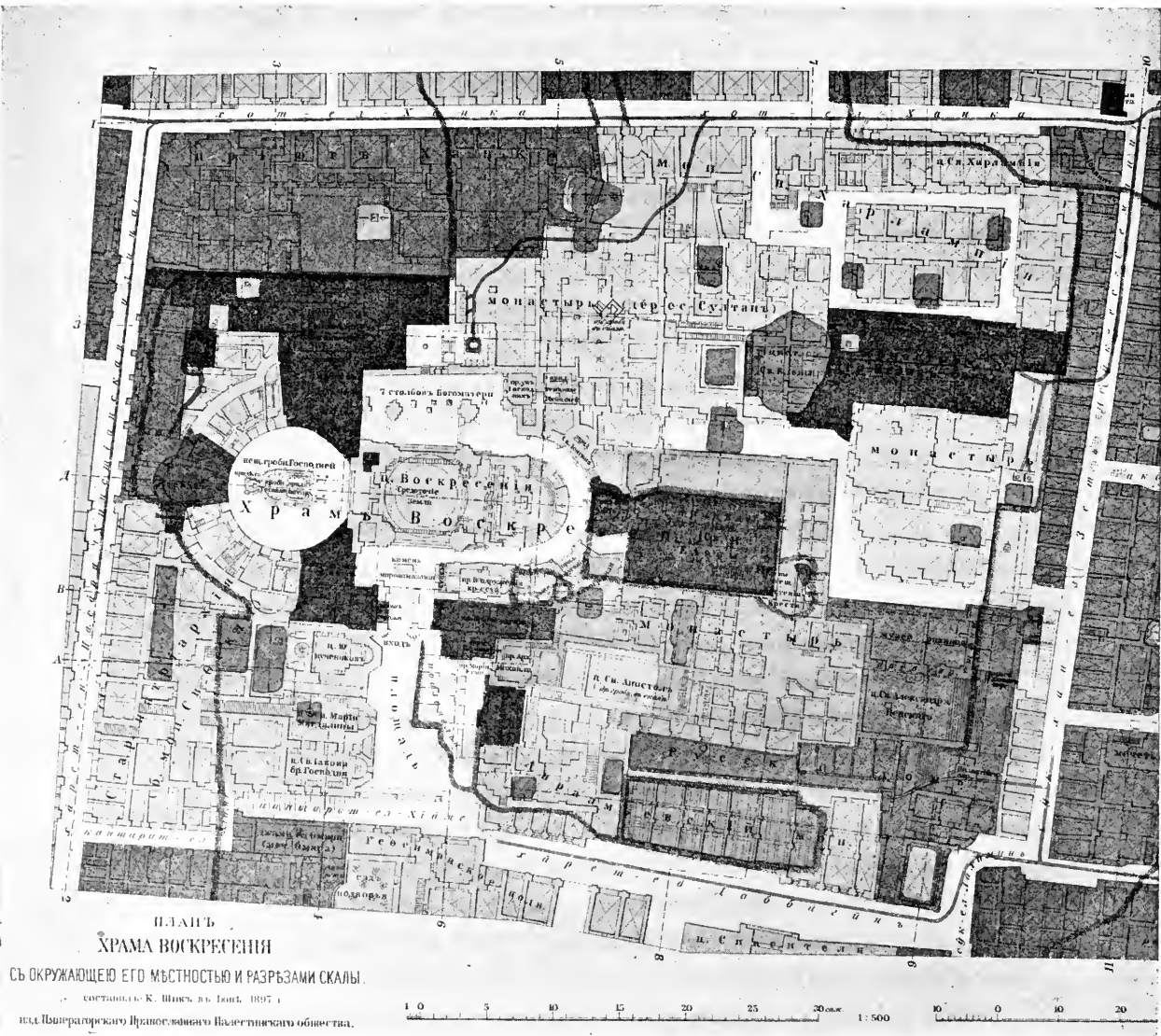

Рис. 27. Планъ храма Воскресенія съ окружающею его мѣстностью, сост. архит. К. Шикомъ въ 1897 г. для Правосл. Палестинскаго Общества.

Сдѣланный нами анализъ текстовъ приводитъ, далѣе, къ постановкѣ цѣлаго ряда частныхъ вопросовъ. *Первый* вопросъ относится къ формѣ Константиновскаго Анастасіаса, разумѣя подъ нимъ: а) украшенную архитектурно пещеру Св. Гроба и б) храмовое сооруженіе, окружавшее пещеру и

находившееся въ атриумѣ Св. Гроба. Сколько можно судить изъ текстовъ, а также изъ непосредственныхъ изображеній пещеры Св. Гроба (на ампулахъ Монцы), она вовсе не имѣла вида того двухъэтажнаго, каменнаго мавзолея, съ массивными стѣнами, прорѣзанными вверху окнами, внизу дверью, какъ въ послѣднее время полагали, на основаніи общаго изображенія надгробнаго мавзолея или круглой церкви (Мюнхенскій диптихъ). Пещера Св. Гроба не могла имѣть этого вида, такъ какъ она имѣла въ древности свою естественную четырехугольную и продолговатую форму, но была украшена спереди портикомъ изъ 4 колоннъ, по бокамъ также колоннами, а въ промежуткахъ покрыта рѣшетчатымъ трельяжемъ (*transvolatile*); верхъ былъ шатровой, конической, и крыша по краямъ образовывала *конхи* и *камары*.

Равно и самое храмовое зданіе, служившее мѣстомъ собранія вѣрующихъ передъ Анастасіомъ, не могло быть каменнымъ глухимъ зданіемъ, если мы примемъ во вниманіе показаніе Сильвіи. Скорѣе всего, это была круговая колоннада, по образцу указываемыхъ нами древнихъ памятниковъ (см. Предисловіе) и, быть можетъ, открываемая нами въ окружныхъ колоннадахъ мечети Скалы или Омаровой и мечети Давида, если только вѣрно предположеніе, что первая не имѣла сперва окружной стѣны.

Второй пунктъ — протяженіе атриума, находившагося возлѣ Анастасіа и имѣвшаго четырехугольную форму. Чтеніе всѣхъ текстовъ насъ убѣждаетъ, что атриумъ кончался какъ разъ тамъ, гдѣ и теперь начинается открытая наперть (*parvis* или *парадизъ*) храма Св. Гроба, но былъ шире теперешней площади, а именно охватывалъ мѣстности церковей Св. Іакова, Св. 40 мучениковъ и часть мѣста Аврааміева монастыря. Такимъ образомъ, предѣлами атриума съ западной и южной стороны были оставленный сооруженіями Константиномъ подъемъ мѣстности; когда Сильвія говоритъ, что передъ началомъ службы «открываются всѣ двери Анастасіа» и «сходятъ всѣ монашествующіе и дѣвы» или «сходитъ епископъ» и т. д., то, по нашему мнѣнію, эти ея слова указываютъ на то, что и прежде былъ (какъ и теперь есть) спускъ изъ «патріархіи», а стало быть, были лѣстницы или крыльца, ведшія на дворъ извнѣ.

Далѣе, яснымъ предѣломъ атриума по восточной сторонѣ, является скала Голгофы, или вѣрнѣе, Лобное мѣсто, оставшееся, послѣ Константиновыхъ сооружений, у стѣны базилики, или скорѣе, въ ея стѣнѣ и вполнѣдствіи уже обставленное декоративнымъ крестомъ и пишею или экседрою.

Весьма любопытно, затѣмъ, какъ измѣнилось, за 50 лѣтъ, протекшіе послѣ построенія храма, его богослужебное распрѣдѣленіе, вырабатываясь постепенно изъ практическихъ потребностей и религіозныхъ пуждъ. Главнымъ мѣстомъ служенія (по Сильвіи) въ концѣ IV вѣка является, очевидно,

Анастасіасъ, а въ базиликѣ Константина служба происходитъ только по праздникамъ; и народъ приходитъ обыкновенно прямо ко Св. Гробу, т. е. подходитъ къ церкви не со стороны пропилей Константина, но съ нынѣшней паперти. Очевидно, поэтому, что архитекторъ храма, располагая всю постройку, ориентировался въ ней двояко: именно имѣлъ въ виду во-первыхъ, устроить пышный храмъ для всего города, въ соотвѣтствіе съ древнимъ еврейскимъ храмомъ, и открывалъ его отъ рыночной площади (нынѣ улицы), а располагалъ на выровненной возвышенности, которую всю цѣликомъ звали Голгофою. Во-вторыхъ, задачею архитектора было создать блестящую декоративную обстановку Св. Гроба во вкусъ времени. Естественно, что алтарная ниша базилики не могла быть иначе помѣщена, какъ на западномъ ея концѣ, и для строителя оставалось еще совершенно неизвѣстнымъ, какъ церковная практика распорядится съ декоративнымъ зданіемъ вокругъ Св. Гроба. Все это пришло послѣ. Поэтому, весьма понятно, что базилика оканчивалась въ атриумѣ Св. Гроба стѣною абсиды, и только боковая дверь связывала двѣ части храма.

Третій пунктъ, касающійся вопроса объ архитектурномъ типѣ базилики, долженъ быть оставленъ до времени безъ разсмотрѣнія, и наши занятія ограничивались лишь задачею отыскать гдѣ-либо колонны базилики, которыя не были никуда увезены и не могли, ни при какихъ пожарахъ и разрушеніяхъ, пропасть безслѣдно. О нашей догадкѣ, что эти колонны и доселѣ пахотятся въ мечети Омара, скажемъ ниже.

Четвертый пунктъ касается пропилей, ихъ судьбы со времени сооруженій Модеста. Наши соображенія, что современная перестановка главного входа съ восточнаго конца базилики на западную часть, началась съ Модеста, должны быть подтверждены на самыхъ остаткахъ, тѣмъ болѣе, что ихъ пониманіе, въ свою очередь, зависитъ отъ способа представленія этой перемѣны въ судьбахъ храма.

Пятый пунктъ — представляется для насъ важнымъ заключеніемъ, что стѣна абсиды базилики Константина Мономаха (базилики Воскресенія) находилась или какъ разъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ хоръ теперешней церкви Воскресенія, и болѣе, что стѣна этой абсиды въ этомъ хорѣ должна быть сохранена до извѣстной высоты.

Шестой пунктъ касается положенія церкви Св. Елены, времени ея купольной постройки, происхожденія ея колоннъ и отношенія хода или спуска въ эту церковь къ абсидѣ древней базилики Константина.

Конечно, основною задачею или идеальною цѣлью является *отысканіе слѣдовъ* древней базилики на мѣстѣ, въ исторической реальности, не въ схемѣ научной реставраціи. Для прежнихъ изслѣдователей это исканіе слѣдовъ было всегда нѣсколько загадочнымъ, и извѣстный Упгеръ рѣшался

увѣрить, что «ни одинъ камень современной церкви не принадлежитъ первоначальному зданію».

Нынѣ, на русскомъ мѣстѣ, открыты монументальныя руины пропилей древняго храма, и съ нихъ теперь должно начинаться всякое его изслѣдованіе.

Это открытіе Константиновскихъ сооружений на «Русскомъ мѣстѣ» (см. табл. XXXV—XXXVI), было собственно важнѣйшимъ археологическимъ открытіемъ и дѣйствительнымъ изслѣдованіемъ по исторіи храма Св. Гроба.

Православное Палестинское Общество, которому мы обязаны этимъ блестящимъ открытіемъ, простерло свое вниманіе къ наукѣ древности, настолько, что собрало и издало въ переводѣ всѣ тексты изслѣдователей, относящіеся до развалинъ, какъ существовавшихъ издавна на русскомъ мѣстѣ и вблизи отъ него, такъ и вновь найденныхъ (см. Прилож. IV къ 7 выш.). Изъ этого собранія явствуется, что уже первые изслѣдователи Шульцъ, Вильямъ и Виллисъ, угадали его значеніе (Вильямъ, стр. 113): сообщая объ остаткахъ гранитныхъ колоннъ, пилястра и стѣны, образующихъ порталъ, намъ прибавляютъ, съ удивленіемъ, что развалины приходится на мѣстѣ, гдѣ *«должны были находиться пропилеи Константиновой базилики»*. Робинсонъ, оснарявая замѣчаніе, что эта древняя стѣна могла быть городской стѣною, уже прямо ставитъ, хотя въ видѣ предположенія, эти остатки въ связи съ пропилеями Константина или Модеста. Изъ словъ Крафта видно, что, съ самаго начала изслѣдованій Іерусалима, эти остатки портала давали многимъ идею искать здѣсь остатки городскихъ воротъ и городской стѣны, но и Крафтъ и Тоблеръ (этотъ послѣдній — въ первомъ сочиненіи о «Голгоѣ») этого не признали и также продолжали считать развалины остатками пропилей.

Въ «новыхъ изслѣдованіяхъ» 1857 года, Робинсонъ подтвердилъ свой прежній взглядъ и еще присовокупилъ, что такъ какъ руины пропилей гораздо ниже поверхности земли въ западной части, то возможно, что первоначально отъ нихъ вели ступени вверхъ къ атриуму. Палестинская Коммиссія занявшись очисткою русскаго мѣста отъ мусора и обнаруживъ при помощи арх. Пьерротти древніе остатки, присоединилась къ общему мнѣнію, которое видѣло въ нихъ портики и пропилеи древняго храма.

Еще ближе подошелъ къ предмету извѣстный Вогюэ: относя всѣ найденныя развалины къ базиликѣ Константина (ib., стр. 122), онъ вновь произвелъ раскопки на ихъ мѣстѣ и въ предѣлахъ возможнаго въ то время анализа, изслѣдовалъ первый развалины со стороны стѣны. «Колонны, говоритъ онъ, оказались *воплоть византійскаго типа* (Вогюэ отличаетъ этимъ эпитетомъ IV—VI в. по Р. Х.): *ствола стараго гранита, профили пьедестала*

особенно *изященъ*; разрёзъ нижняго валька колонны, превосходящей значительно полукругъ (см. рис. Прилож. IV, стр. 123), весьма характеристиченъ; эти базы колоннъ можно сравнить съ базами колоннъ Вилеевской базилики и съ базами внутреннихъ колоннъ Золотыхъ воротъ; менѣе классической формы чѣмъ первыя, онѣ *далеко не такъ испорчены какъ вторыя*; кромѣ того, онѣ опираются на пьедесталы, ломаная линія которыхъ, хотя несятъ на себѣ признаки римской эпохи, но времени упадка искусства. Слѣдовательно, *общій стиль вполне подходитъ къ царствованію Константина*».

Наконецъ, тотъ же Вогюэ догадался, почему линія пропилей по фасаду находится не на одной оси съ атриумомъ: «эта неправильность, говоритъ онъ, произошла отъ того, что при постройкѣ хотѣли воспользоваться остатками массивной *древней стѣны*».

Эту древнюю стѣну Вогюэ считаетъ остатками второй Иерусалимской городской стѣны, и римскую кладку изнутри объясняетъ тѣмъ, что «строители базилики, понятно, желали этою облицовкою древнихъ стѣнъ, достигнуть соответствія съ остальными частями атриума».

Послѣднее, есть простая догадка, ничѣмъ не подкрѣпленная, разъ, что остальныхъ частей атриума не нашли (дослѣ), тогда какъ первое заключеніе, что въ развалинахъ монументальной стѣны, сложенной изъ камней съ вынусками, мы можемъ видѣть *древнюю сирейскую стѣну*, основывается авторомъ на цѣломъ рядѣ непосредственныхъ аналогій.

Въ заключеніе, Вогюэ сообщаетъ свой взглядъ и на существующую нынѣ въ 15 метрахъ къ югу отъ угла пропилей арку или, скорѣе, руину бывшей прежде тройной монументальной арки, отъ которой уцѣлѣла только одна боковая, малая арка, и то въ сборномъ видѣ, а именно, какъ говоритъ Вогюэ, «одна изъ ея капителей была взята отъ центральной арки, другая—есть византійская кубическая капитель, украшенная крестомъ; но центральная арка, отъ которой сохранился всего одинъ пилластръ—римской работы. Кориноскія капители, украшенные въ срединѣ узломъ, съ двумя птицами по бокамъ, довольно хорошаго стиля».

Какъ ни поверхностно здѣсь описаны капители, какъ ни общо опредѣленъ стиль, Вогюэ стоитъ здѣсь на почвѣ фактическаго наблюденія и непосредственныхъ выводовъ. Напротивъ того, довольно неожиданнымъ является соображеніе, что эта тройная арка, хотя поздняго времени, построена на мѣстѣ *древняго входа въ городъ*: не всякая такая арка непременно образуетъ ворота—наоборотъ, такіе отдѣльные случаи были, очевидно, наперечетъ и всегда принадлежали не простому входу, а триумфальному, и потому являлись чаще монументальными сооруженіями. И потому, Вогюэ требовалось здѣсь построить рядъ доводовъ, прежде чѣмъ заключать къ

Суднымъ воротамъ, черезъ которыя І. Христосъ былъ веденъ на Лобное мѣсто.

Но, по существу дѣла, Вогюэ былъ едва ли не единственнымъ археологомъ, занявшимся палестинскими древностями съ точки зрѣнія стиля и имѣвшимъ для того необходимыя знанія по исторіи искусства. Достаточно сравнить въ предѣлахъ даннаго вопроса послѣдующія описанія англійскихъ топографовъ (Вильсона — *ibid*, стр. 129—130; Копдера — *ibid*, стр. 132), чтобы видѣть ихъ пріемы: позднѣйшую византійскую кубовую капитель они опредѣляютъ только «каменною глыбою, грубо высѣченною»; противопоставляютъ византійскую капитель коринтской; усматриваютъ перестройку въ томъ, что одна пята арки опирается на пиластръ, а другая на колонну; противъ замѣчанія Вогюэ, что коринтскія капители составляютъ пару, измѣреніями доказываютъ разницу, и древне-христіанскіе символы объясняютъ при помощи Данта и т. д. Наконецъ, выводъ, что эти капители, можетъ быть, принадлежали неизвѣстному дворцу пресловутой Елены царицы Адіабенской, можно назвать прямо забавнымъ.

Итакъ, по словамъ Предисловія (вып. VII, стр. VII), сводя вмѣстѣ, видимъ, что до 1872 г. были отысканы и открыты раскопками: остоны колоннъ съ ихъ продолженіемъ, остатки стѣны съ пиластромъ и на западъ отъ него уголъ съ выступомъ древней стѣны и на югъ развалины арки; «связи между всѣми этими остатками не было опредѣлено».

На томъ же русскомъ мѣстѣ, близъ храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, были произведены археологическія раскопки извѣстнымъ ориенталистомъ Клермономъ Ганно въ 1874 году¹⁾, по ученые результаты этого разслѣдованія появились впервые черезъ 26 лѣтъ въ особо вышедшемъ сочиненіи въ 4-й главѣ перваго тома. Эти изслѣдованія сосредоточены были на двухъ мѣстностяхъ: мѣстности большихъ сводчатыхъ воротъ на юго-восточной сторонѣ и большой стѣны къ сѣверу отъ воротъ. Изслѣдователь, обнаруживъ основаніе воротъ, которымъ принадлежатъ оба пиластра, заключилъ, что эти ворота принадлежатъ византійской эпохѣ и что различныя и разновременныя капители этого свода указываютъ на разновременный архитектурный матеріалъ, вошедшій въ составъ этого сооруженія. Камень, съ украшеніями въ византійскомъ стилѣ, найденъ былъ также въ основаніи двухъ арокъ. Между воротами и большою древнею стѣною съ вышуксовыми камнями, обнаруженъ былъ помостъ изъ плитъ, расположенныхъ на разныхъ высотахъ, что могло произойти, какъ говоритъ авторъ, или отъ соору-

1) Ch. Clermont-Ganneau, *Archaeological Researches in Palestine during the years 1873—1874*, I, 1899, p. 85—100. На стр. 98 представлена одна мраморная капитель «греко-римскаго или очень ранняго византійскаго» стиля: *капитель тождественна съ колоннами Омаровой мечети*, а найдена на русскомъ мѣстѣ, близъ Коптскаго монастыря.

женій различнаго времени, или отъ различныхъ архитектурныхъ уровней. Наконецъ, обнаруживъ на большомъ разстояніи эту древнюю выпускковую стѣну, Клермонъ Гано осмотрѣлъ и обнаружилъ во всѣхъ подробностяхъ фасады зданій, обращенныхъ къ русскому мѣсту съ южной стороны и составляющихъ вѣншую стѣну зданія временъ крестоносцевъ, принадлежавшаго къ монастырю канониковъ Св. Гроба. Клермонъ Гано обнаружилъ здѣсь характерную средневѣковую сѣчку камней, знаки каменотесцевъ, внутренніе своды, окна и пилястры, къ сожалѣнію впоследствии заложенные стѣнами комнатъ, сооруженныхъ надъ Аврааміевскимъ монастыремъ.

Новое и наиболѣе рѣшительное движеніе вопроса, связаннаго съ этими руинами, послѣдовало въ результатѣ обширныхъ и полныхъ раскопокъ, производившихся въ 1883 году Палестинскимъ Обществомъ подъ наблюденіемъ извѣстнаго археолога о. архимандрита Антонина, на всемъ пространствѣ русскаго мѣста. Главнѣйшимъ результатомъ раскопокъ было то, что разединенныя доселѣ части руинъ представили ясное цѣлое, и тѣ самые остатки, которые изслѣдователями были опредѣлены, какъ слѣды древнихъ городскихъ стѣнъ, нынѣ объяснили всѣмъ извѣстное недоумѣніе относительно Константиновой базилики, а именно, что «отысканныя колонны пропилеи (см. то же Предисловіе, стр. X) оказывались не на одной оси съ храмомъ Воскресенія, а представляли отклоненіе въ южномъ направленіи. Такое отклоненіе оставалось неразъясненнымъ, пока не были изслѣдованы найденныя древне-еврейскія стѣны, которыми воспользовались строители Константиновскихъ сооруженій для стѣнъ базилики; а такъ какъ стѣны эти лежали не на одной оси съ храмомъ Воскресенія, то и пропилеи, параллельныя къ нимъ, отклонились на югъ». Здѣсь, для точности, слѣдуетъ только, вмѣсто словъ: «для стѣнъ базилики», поставить: «для фасада пропилеевъ», или для стѣнъ зданія, такъ какъ зданіе собственной базилики оканчивалось, несомнѣнно, далѣе на западъ.

То же обстоятельство признано и знатокомъ мѣстныхъ древностей, архитекторомъ Шикомъ (*Записка* его, напечатанная въ VII вып. Прав. Пал. Сборн., стр. 39—56). Ему принадлежать, въ данномъ случаѣ, нѣсколько любопытныхъ заключеній по вопросу о сохранившихся подъ мусоромъ и нынѣ открытыхъ слѣдахъ древнихъ стѣнъ, примыкающихъ къ пропилеямъ. По мнѣнію Шика, этими стѣнами прямо опредѣляется направленіе базилики: по южной сторонѣ, восточной и отчасти западной, благодаря, въ последнемъ случаѣ, показанію остатковъ стѣнъ въ храмѣ Св. Гроба и скалы, выходящей на поверхность земли. Далѣе, нефы древней базилики, по взгляду К. Шика, совпадаютъ съ нынѣшними стѣнами, а въ сѣверо-западномъ углу двора Абиссинскаго монастыря сохранился будто бы остатокъ древней базилики,

уголъ, соединявшій средній нефъ съ наружнымъ портикомъ. Всѣ эти заключенія имѣютъ вѣсь лишь благодаря авторитету мѣстнаго знатока, по ничѣмъ не доказаны, кромѣ своей связи съ теоретическою реставраціею храма, дѣлающей ихъ только подозрительными. Съ своей стороны мы предпочитаемъ не принимать этихъ заключеній на вѣру, пока не будемъ въ состояніи ихъ провѣрить на дѣлѣ.

Къ сожалѣнію, изслѣдованіе Шика по вопросу о новооткрытыхъ руинахъ, ограничилось однимъ пунктомъ, именно значеніемъ древней еврейской стѣны, вошедшей въ составъ проплеевъ. Заключенія Шика о роли «византійской» или «Константиновой» арки сдѣланы мимоходомъ и небрежно, равно какъ ничѣмъ не доказано, что арка, непременно, должна была находиться надъ проходомъ или дорогою. Напротивъ того, увѣренія, будто бы авторъ, при раскопкахъ, въ одномъ только подвалѣ различилъ постройки шести различныхъ энохъ, мало внушаютъ довѣрія уже своею излишнею притязательностью. Точно также неудачны въ логическомъ и археологическомъ отношеніяхъ попытки г. Шика отнести критически къ описанію Евсевія. Въ статьѣ есть прямые несообразности: потолокъ базилики былъ будто бы убранъ драгоценными камнями, помостъ украшенъ разноцвѣтными мраморами (стѣны были облицованы) и базилики на Востокѣ получили купола уже въ IV вѣкѣ. Приложенный къ анализу Шика планъ древней базилики допускаетъ возможнымъ опустить большой куполъ на кругъ пѣзъ колоннъ — задачу, осуществленную впервые по счастью только въ планѣ и пзбавляющую насъ отъ излишняго труда разбираться основательность плана.

По наблюденіямъ Шика (*Записка* VII вып., стр. 54—55), оказывалось: 1) Восточная и южная наружныя стѣны базилики Константина совпадаютъ съ нынѣ открытыми остатками. 2) «Западная стѣна проходила тамъ, гдѣ въ нынѣшнемъ храмѣ Св. Гроба находятъ много остатковъ древнихъ стѣнъ и гдѣ скала выходитъ на поверхность земли». Но Шикъ отождествляетъ трехсторонній атриумъ Евсевія съ ротондою. 3) «Нефы совпадаютъ съ нынѣшними стѣнами и перегородками». 4) Въ сѣверо-западномъ углу Абиссинскаго двора сохранился остатокъ самой базилики, составлявшій уголъ, который соединялъ средній нефъ съ наружнымъ портикомъ. 5) Мѣстоположеніе столбовъ сѣвернаго нефа совпадаетъ съ южною стѣною Контекаго монастыря и находится далѣе въ подвалахъ дейръ Исаакъ-Бека.

Но собственно изслѣдованіе Шика (*ibid*, стр. 39—56) ограничилось вопросомъ о значеніи древней еврейской стѣны, вошедшей въ составъ проплеевъ. Чтѣ касается заключеній его же о роли, которую могла играть въ этихъ руинахъ «византійская» или даже «Константинова» (какъ рѣшались ее называть) арка, то эти заключенія сдѣланы мимоходомъ и крайне неудачно.

Откуда напр. видно, что арка была перекинута через проходъ или дорогу, подъ которой былъ открытъ каналъ и пр., и для чего бы это было сдѣлано? Невѣрно, далѣе, что разбирать остатки стѣнъ по ихъ принадлежности бесполезно (стр. 41): такъ, какъ этотъ анализъ сдѣланъ въ запискѣ арх. Антопина, очень полезно, а такъ, какъ сдѣлано попутно (стр. 41 и вновь стр. 219) у Шика, что *въ одномъ подвалѣ* онъ различилъ постройки шести эпохъ, конечно, не внушаетъ никакого довѣрія. Почему бы цистерны не могли быть внутри замка, и отчего это неудобно и нездорово (стр. 45) и почему четырехугольникъ долженъ быть «замкомъ» (что тоже Акрою), остается неизвѣстнымъ.

Еще слабѣе въ логическомъ отношеніи и до крайности слабы со стороны техники и исторіи замѣчанія Шика «о сооруженіяхъ Константиана», по Евсевію, на что было указано и прежде. Здѣсь, наряду съ вѣрнымъ, крупныя ошибки противъ археологін (восточныя *базилики* имѣли купола; смѣшаны два понятія базилики: храма вообще въ первые вѣка и продолговатаго церковнаго зданія безъ купола) и противъ текста Евсевія — даже тамъ, гдѣ онъ вполнѣ ясенъ.

Словомъ текстъ ¹⁾ въ данномъ случаѣ вполнѣ отвѣчаетъ достоинству приложеннаго къ нему реставраціоннаго плана древней базилики, въ которомъ громадный куполь опущенъ только на кругъ колоннъ — чего не рѣшился бы проэктировать никакой архитекторъ для постройки — и что возможно при изображеніи развѣ мыльнаго пузыря, какимъ по существу и по формѣ является второй куполь этого пресловутаго плана: появленіе купола самимъ авторомъ объясняется кратко, нѣкотораго рода Witz'емъ, что для *успѣшнѣннѣ* зданія необходимъ былъ этотъ вѣнецъ.

Но и самое изслѣдованіе древней еврейской стѣны, предполагаемаго рва при городской стѣнѣ много повредило вопросу: вмѣсто того, чтобы идти отъ извѣстнаго къ искомому яксу, опредѣляя возможно точнѣе реальные остатки, сперва установить, что именно мы имѣемъ передъ собою, остатки какого рода построекъ, какую кладку, какихъ зданій и эпохъ, статьи Шика подали поводъ къ далыгѣйшимъ тонографическимъ эзкубраціямъ. Шикъ

1) Текстъ 2-й статьи г. Шика ограничивается тѣми же положеніями, но еще болѣе страдаетъ въ логическомъ отношеніи, такъ какъ авторъ, видимо, детальностью анализа хочетъ подкрѣпить общія соображенія. См. напр. стр. 236: куполь *окруженъ* колоннами, достигаетъ *вершины* (?) базилики, къ *продольнымъ* сторонамъ базилики примыкали *передніе* дворы и т. п. Авторъ, видимо, не отличаетъ стилей въ архитектурѣ — три абсиды средневѣковаго типа ротонды ему кажутся тождественными съ планомъ Константиана, не знаетъ, что въ его время еще не употребляли въ монументальныхъ портикахъ столбовъ, полагаетъ, что въ среднемъ и боковомъ нефахъ колонны (или столбы?) были разной степени массивности. Отсюда и всѣ догадки г. Шика объ остаткахъ столбовъ южнаго нефа базилики совершенно произвольны.

нужно было изъ остатковъ создать замокъ, арка стала триумфальными воротами, ихъ сопоставили съ аркою Ессе homo, по совершенно случайной комбинаціи этой послѣдней съ традиціоннымъ латинскимъ *крестнымъ путемъ*, стало возможнымъ толковать объ аркѣ византійской на древнемъ, истинномъ пути. Словомъ, возникъ рядъ догадокъ, которыхъ остроуміе заставляло жалѣть о недостаткѣ основательнаго изслѣдованія, о чемъ жалѣть уже проф. Гуте (ibid, стр. 253).

По гипотезѣ К. Шика¹⁾, передній фасадъ базилики Константина долженъ былъ находиться не на мѣстѣ, открытомъ русскими постройками, но со стороны церкви Св. Гроба, абсида же базилики на восточной ея сторонѣ (какъ въ обычномъ византійскомъ планѣ). Разбирая эту гипотезу, Клермонъ Ганно²⁾ называлъ ее «революціонною», въ смыслѣ крайней, совершенно недопустимой новости: онъ отрицаетъ это предположеніе, прежде всего, собственными, ему одному принадлежащими, аргументами. Куфическая надпись, открытая на мѣстѣ бывшей мечети у лѣстницы съ восточной стороны базилики, указываетъ, по словамъ этого ученаго, на входную лѣстницу, на входную дверь вверху этой лѣстницы, на преддверіе или наперть базилики, на ея проилеи, отъ которыхъ сохранилось нѣсколько колоннъ и базъ *in situ*. Шикъ самъ признаетъ и лѣстницу и портикъ (колоннаду) при восточной стѣнѣ, но пытается объяснить ихъ двумя колоннадами, фланкировавшими (?) глухія стѣны базилики на сѣверной и южной сторонахъ и двумя боковыми лѣстницами (никуда не ведущими?). Для времени Константина не было объяснительнымъ располагать церковь съ запада на востокъ, и базилика Тира была также, какъ и Іерусалимскій мартиріонъ, обращена на западъ, а мартиріонъ находился, по отношенію къ Св. Гробу, въ особыхъ условіяхъ. Breviarius точно опредѣляетъ (ок. 530 г.): *intranti in basilicam magnam (sancti Constantini), ab occidente est absida*. Наконецъ Клермонъ Ганно ссылается на планировку Константиновой базилики въ Мадебской мозаикѣ, которая представляетъ храмъ, очевидно, въ первоначальномъ планѣ, данномъ при Константинѣ, такъ какъ если бы мозаика относилась (была бы начала VII в., какъ другія мозаики Мадебы) даже ко времени послѣ реставраціи Модеста, то все же реставрація эта не могла простирается до кореннаго измѣненія плана.

Клермонъ Ганно³⁾ заявляетъ, что былъ «норазенъ» неправильностью прямого угла, образуемаго восточною и южною частями стѣны, неправильностью, доводящею этотъ уголъ до 96° или 97°, и придающею зданію бази-

1) *Zeitschrift d. deutschen Palästina-Vereins*, 1885, VIII, p. 259—277, Taf. XI—XIII.

2) *Rec. d'arch. or.* 1898, II, p. 347—355.

3) *Recueil d'arch. or.* II, 1898, p. 359—362.

лики трапецеобразную, а не прямоугольную форму. По этой причинѣ Клермонъ Ганно даже не рѣшается видѣть въ данной стѣнѣ часть самаго зданія, а только предполагаетъ въ немъ родъ ограды вокругъ базилики, которой неправильности вызваны или мѣстностью или сосѣдними пристройками. Но подобныя неправильности наблюдаются во многихъ византійскихъ храмахъ, самой совершенной конструкціи, какъ напр. въ Св. Софїи Константинопольской, гдѣ ни одинъ изъ среднихъ столбовъ не представляетъ точныхъ геометрическихъ формъ и каждая линія даетъ самыя разнообразныя уклопенія въ кривизну.

Что же касается дальнѣйшихъ предположеній (сдѣланныхъ съ оговорками) того же ученаго, что ограда составляла своего рода «харамъ», а въ немъ различныя святилища: базилику (въ размѣрѣ Внелеемской), атриумъ, анастасисъ, то эта гипотеза, будучи явно, восточно-мусульманскаго происхожденія, совершенно не идетъ къ типамъ намъ извѣстныхъ древне-христіанскихъ базиликъ.

Работы экспедиціи сосредоточились на техническомъ ознакомленіи съ открытыми руинами и ихъ подробное фотографированіе: полученные снимки позволяютъ каждому судить о пропавшихъ.

При взглядѣ на главную стѣну пропилей (фот. 663 и 664), ясно, прежде всего, что она находится въ первоначальномъ положеніи, т. е. сложена и не была переложена: всюду наблюдается безупречно ровная линія кладки, которая не можетъ сохраниться при перекладкѣ. Особенно ясно можно видѣть это обстоятельство на фот. 664, въ смыкающемся углу, гдѣ линіи рустикъ или выпусковъ необыкновенно вѣрно приходятся другъ къ другу, такъ что, очевидно, эти насѣчки сдѣланы отчасти уже на мѣстѣ послѣ кладки и не были никогда потревожены. Тоже самое должно замѣтить о среднемъ камнѣ, положенномъ въ нижнемъ ряду сверхъ природной скалы, высѣченной съ уступомъ, и также не сдвинутомъ съ своего первоначальнаго ложа.

Кладка стѣны, къ которой примкнута позднѣйшая арочная дверь, видная на фот. 666, также относится къ древнѣйшему періоду, т. е. эпохѣ Константина по искусству сшиванія разнообразныхъ плитъ, еще имѣющему характеръ римскій, а не византійскій. Наоборотъ, арка, видимо, византійской кладки. Къ древней кладкѣ должно отнести и нижніе два ряда кладки стѣны, продольно идущей отъ пропилей на фот. 667 и 668. Стѣна поперечная, сохранившаяся на значительную высоту (6 рядовъ) и поперечная къ этимъ рядамъ, поздне-византійской дурной кладки.

Отлично видна, наконецъ, поздняя византійская кладка въ кускѣ поперечной стѣны съ извѣстною аркою на фот. 670 и 671: эта стѣна временъ Модеста, сложенная частію изъ древнихъ кусковъ, но уже мелкихъ, обильно

связанныхъ извѣстію и пригнанныхъ другъ къ другу, безъ соблюденія рядовъ и сшивовъ, безъ притески камней послѣ кладки.

Въ эту стѣну вставлены именно тѣ пилястровыя капители, которыя заставляли видѣть въ ней остатокъ Константиновыхъ сооруженій, по которыя, при внимательномъ разсмотрѣніи, указываютъ, напротивъ, на время Модеста, когда эта стѣна и арка были сооружены. Въ самомъ дѣлѣ, только верхняя капитель на лѣвомъ пилястрѣ на углу стѣны (табл. XXXVI) можетъ почитаться первоначальною, т. е. принадлежащею именно этому углу: капитель эта вполне соответствуетъ по размѣрамъ пилястру, который имѣетъ вверху поясокъ въ видѣ выступающаго тора по краю плиты, на которой капитель поставлена. Рядомъ съ высѣченнымъ пилястромъ ясно виденъ изломъ древней стѣны, направляющійся къ низу, за которымъ кладка, кромѣ верхняго ряда, уже перебитая, т. е. имѣетъ ряды неправильные, сложенные изъ древнихъ, хорошо обтесанныхъ и другихъ грубыхъ кусковъ, и перебивку рядовъ и связей и кончается у арки, не образуя уже никакого пилястра. Между тѣмъ, въ пятую арку вставлена опять тождественная по рисунку и фактурѣ пилястровая капитель на этотъ разъ, безъ полочки внизу и урѣзанная, а, съ угла поломанная, стало быть, вынутая тутъ же изъ мусора или другой разобранной стѣны. Сразу ясно, при взглядѣ на фот. 670, что эта капитель понадобилась здѣсь не столько для арки, сколько для соответствія съ поздне-византійскою кубовою капителью, на которую арка опущена.

Итакъ, если эти капители одновременны то ихъ размѣщеніе не одновременно, какъ не одновременна съ ними же арка. Типъ кубовой капители указываетъ на VII—VIII столѣтіе, къ тому же времени относится и арка. Спрашивается: къ какому времени относятся капители и уголъ стѣны, признаваемый нами одного съ капителями времени?

Мы находимъ здѣсь типъ коринфской капители, съ толстыми листьями аканѳа, какъ бы приподнятыми надъ поверхностью, которая намѣренна углублена, и для удобства каменотеса листы сгужены, вытесаны каждый отдѣльно. По корзинѣ капители расположены три пояса аканѳовъ, а на верху, въ самомъ углу, завитки съ Геракловымъ узломъ въ срединѣ; карнизъ состоитъ изъ зубчатаго пояса. Но этотъ типъ, хотя начавшійся въ IV вѣкѣ, представляетъ особенности въ исполненіи, а именно: листья аканѳа на данныхъ каптеляхъ такъ мелко, сухо нарѣзаны или насѣчены, что въ ихъ фактурѣ ясно замѣтно тождество съ орнаментикой «Золотыхъ воротъ». Напротивъ того, подобнаго типа капитель въ церкви Св. Анны (фот. 686), отличается болѣе широкою манерою, что видно по массивной сердцевинѣ, яскому рисунку лопастей, еще сохраняющихъ античный типъ, тогда какъ здѣсь, въ листьяхъ нельзя почти различить этого расчлененія на лопасти. И потому, относя напр. капитель Св. Анны къ V вѣку, мы должны считать капители

Пропилей или той же эпохи, или весьма мало отстоящими другъ отъ друга. Затѣмъ, важное обстоятельство заключается и въ томъ, что найденная при раскопкахъ пилястровая капитель (фот. 676) тождественна съ двумя капителями арки и потому какъ бы указываетъ, что нѣкогда цѣлый рядъ подобныхъ капителей былъ употребленъ здѣсь для орнаментирования неизвѣстной намъ въ точности постройки, и что эти капители принадлежатъ другому зданію, бывшему здѣсь или по близости въ V вѣкѣ или даже въ сравнительно позднѣйшую эпоху.

Сущность вопроса сводится, стало быть, къ точному опредѣленію эпохи капителей по ихъ орнаментации и формѣ акаантовыхъ листьевъ. А такъ какъ, открытая нынѣ лицевая колоннада Пропилей найдена безъ всякихъ признаковъ передѣлки и реставраціи, въ видѣ руинъ, сохранившихся подъ мусоромъ, отъ временъ Константина, то часть стѣны съ аркою должна принадлежать временамъ Модеста.

Отъ колоннъ Константиновыхъ пропилей уцѣлѣли теперь только безобразные обрубки (фот. 662—702), но и въ нихъ легко угадать древность памятника: еще виденъ обезображенный, но древній пьедесталь, того типа, который знаемъ въ Виолеевской базиликѣ, мечети Дамаска и пр. Замѣтная во второй колоннѣ база имѣетъ тотъ же рисунокъ, что и въ колоннахъ (фот. 847) Виолеевскаго храма, т. е. широкій торъ внизу и вверху, мягкій, срубчатый и подѣленный желобкомъ. Колонны монолитныя, малаго размѣра, и сломаны на одной высотѣ, опѣ, повидимому, тождественны по діаметру съ заложенными въ стѣну колоннами хора нынѣшней церкви Воскресенія. Копечный, а можетъ быть, и угловой пиластръ (фот. 672) имѣетъ базу подобнаго рисунка, но съ нѣкоторою варіаціею въ нижней части, вызванной четырёхугольнымъ рисункомъ базы. Слѣдуетъ замѣтить, при этомъ, что базы древнихъ колоннъ Омаровой мечети или задѣланы, или замѣнены мусульманскими и потому не могутъ служить для сравненія; напротивъ того, базы колоннъ въ мечети Эль-Акса, также взятые изъ древняго зданія, оказываются подходящаго рисунка. Колонны Пропилеевъ поставлены на особые четырёхугольные (около 1 м.) пьедесталы, подобные тѣмъ, что въ мечети Дамаска, церкви Виолеева, Омаровой мечети и мечети Эль-Акса. Эти пьедесталы вообще свойственны всѣмъ римскимъ постройкамъ Сиріи и отсутствуютъ въ греческихъ базиликахъ. Любопытно, поэтому, что въ позднѣйшую эпоху, когда преобладали формы византійскія, мы видимъ или низкіе пьедесталы, сохранившіе едва треть высоты прежнихъ, или прямо одніѣ базы, поставленныя на плиту, узкую плиту (см. фот. сѣвернаго нефа храма Св. Гроба, сним. 588—590).

Изъ капителей и кусковъ орнаментальнаго карниза и пр., найденныхъ въ развалинахъ Константиновыхъ пропилей, наиболѣе интересна пилястро-

вая канитель на фот. 676: мы легко, при сравненіи, замѣтимъ ея сходство съ канителями сохранившимися въ стѣнѣ арки, и ея различіе съ ними. Тотъ же рисунокъ акавовъ рядами, одного за другимъ, тѣже сомкнутыя острія лопастей, тѣже завитки и узелъ на верху, по характеръ работы иной, болѣе небрежной и болѣе широкой манеры, по которой эта канитель подходитъ къ указанной выше канители изъ раскопокъ на мѣстѣ церкви Св. Анны.

Что касается, затѣмъ, опредѣленія первоначальнаго плана Пропилеевъ, на основаніи найденныхъ остатковъ, оно не можетъ быть исполнено ранѣе свода всѣхъ данныхъ о постройкахъ въ греко-римскую эпоху подобныхъ зданій, и въ частности пропилеевъ Баальбека и др. Можно указать лишь на нѣкоторыя общія черты, которыя устанавливаются аналогіями: близость и даже связь пропилеевъ храма Воскресенія съ языческими святилищами и ихъ торжественными входами, равно связь съ устройствомъ зданій мало-азійскихъ и сирійскихъ осократій, жреческихъ и храмовыхъ общинъ. Далѣе, по отношенію къ формѣ этихъ входовъ можно указать на обычное ихъ обособленіе въ видѣ отдѣльнаго корпуса надъ воротами («порта»), на обычную лѣстницу, крылья главнаго корпуса, устройство лицеваго продольнаго портика и пр.

И вообще, хотя главнымъ предметомъ нашихъ занятій въ Іерусалимѣ былъ *храмъ Гроба Господня*, но самыя эти занятія были, скорѣе, подготовительными, въ смыслѣ собиранія матеріаловъ для разрѣшенія столь же важныхъ, сколько трудныхъ и сложныхъ вопросовъ объ этомъ памятникѣ. И потому, впродъ до окончательной разработки этихъ матеріаловъ, сравнительно съ другими памятниками, нашъ отчетъ долженъ ограничиться перечнемъ пунктовъ изслѣдованія и объяснять только тѣ, которые стали ясны при самомъ осмотрѣ и которыхъ указаніе можетъ быть полезно въ современной литературѣ вопроса.

Для удобства ориентировки и слѣдованія мы предпочитаемъ придерживаться естественнаго порядка, т. е. разсматривать части храма одну за другою, какъ бы осматривая его, начиная со входа, въ современномъ его состояніи. Въ храмѣ Гроба Господня все, начиная со входа, является вопросомъ, а при полной смутности нашихъ свѣдѣній о храмѣ Константина, перѣдко, вопросомъ тяжелымъ и сложнымъ.

Извѣстно изъ анализа свидѣтельствъ у паломниковъ и Евсевія, что древній храмъ Анастасіа, построенный Константиномъ, а затѣмъ и отдѣленный отъ базилики храмъ Воскресенія, временъ Меоодія, имѣли боковой входъ съ южной стороны. Спрашивается, насколько современный входъ въ храмъ Св. Гроба, находящійся, какъ извѣстно, съ южной его стороны, соответствуетъ древнему? Интересъ въ рѣшеніи этого вопроса, очевидно, капитальный, такъ какъ отъ него зависитъ топографія древняго храма.

Современному входу предшествуетъ, какъ извѣстно, обширная четырехугольная, замощенная площадь, заступающая роль атриума и нынѣ въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ, напр. церемоніи омовенія ногъ, которая и въ древности происходила именно въ атриумѣ. Мѣсто получило свое современное устройство въ средніе вѣка, въ видѣ открытой площади итальянскаго типа, съ портиками по тремъ сторонамъ, изъ которыхъ сохранилась только одна южная сторона, отдѣлявшая площадь отъ улицы. Доселѣ на верхней ступени спускаго крыльца остались базы отъ стоявшихъ здѣсь колоннъ, и въ одномъ углу есть еще вдѣланный въ стѣну барабанъ колонны, а въ другомъ углу къ стѣнѣ придѣлана полуколонна, и на ней византійская капитель корзиночнаго типа, дающая поводъ полагать, что въ данномъ случаѣ въ колоннадѣ всѣ другія капители были сборныя изъ другой, разобранной византійской постройки. Примѣръ подобнаго же употребленія византійской капители VI вѣка въ портикѣ атриума сосѣдняго монастыря Іоаннитовъ указываетъ, по нашему мнѣнію, на эпоху построенія нашей колоннады, ограждавшей въ средніе вѣка *parvis* (парадизъ) или наперть Гроба Господня отъ улицы.

Невозможно рѣшить, какое именно византійское зданіе было разобрано для украшенія атриума храма Св. Гроба, но всего вѣроятнѣе, что эти капители происходятъ уже изъ построекъ времени Модеста. Часть свода, уцѣлѣвшая надъ капителью, показываетъ, что портикъ состоялъ изъ средневѣковыхъ остроконечныхъ арокъ.

Постройки по обѣ стороны площади относятся къ позднѣйшей эпохѣ—XV—XVII вѣкамъ, что доказывается, между прочимъ, тремя гранями абсиды греческой церкви Св. Апост. Іакова, остатками купола этой церкви и ея фресокъ.

Но если всмотрѣться въ характеръ атриума, если сопоставить крайнее неудобство этого входа именно уже въ средніе вѣка, станетъ понятно, что этотъ дворъ, окруженный портиками, принадлежалъ еще первоначальной базиликѣ Константина, былъ сохраненъ, затѣмъ, для Св. Гроба и Голговы и принятъ латинянами, какъ единственное мѣсто входа со временъ турокъ. Такимъ образомъ, первый шагъ по направленію къ храму Св. Гроба убѣждаетъ насъ, что сила преданія, тѣснота мѣста, издревле оснашиваемого и повсюду откупленного, какъ и отсутствіе инициативы и средствъ для монументальной передѣлки, совмѣстились здѣсь для того, чтобы сохранить слѣды древней святыни.

Настоящій атриумъ не былъ, какъ видно изъ древнихъ текстовъ, дворомъ базилики, но сначала атриумомъ Анастасіа, а затѣмъ *дворомъ Голговы*.

Статья проф. Стрыговскаго: «значительный остатокъ сооруженія Константина Вел. на мѣстѣ Св. Гроба», составившая V-ю главу разобраннаго

нами его сочиненіе о «Востокѣ и Римѣ» въ древне-христіанскомъ искусствѣ, заслуживаетъ особаго упоминанія. Авторъ хочетъ доказать, что весь южный фасадъ современнаго храма Св. Гроба, кстати заключающій въ себѣ пѣнь единственный входъ въ него, имѣетъ происхожденіе древне-христіанское, точнѣе говоря, цѣлкомъ сохранился отъ временъ Константина и будто бы уже въ его сооруженіи образовалъ часть атриума ротонды и часть бокового фасада базилики. А такъ какъ доселѣ полагали, что ни одной части этой великолѣпной базилики не сохранилось, и развѣ только изъ ея матеріаловъ построены (при Модестѣ, или при крестопосцахъ, *что остается донынѣ подѣ вопросомъ*) нѣкоторыя части современнаго зданія, то понятенъ живѣйшій интересъ подобнаго заключенія со стороны талантливаго наблюдателя. И дѣйствительно, ему, вслѣдъ за догадками археологовъ и архитекторовъ (Адлера, частью самого Вогюэ) легко удалось доказать, что плитный рѣзной карнизъ, украшающій стѣну этого фасада, относится ко времени Константина Великаго, показать сравнительно его стиличныя особенности. Но проф. Стрыговскій доказываетъ болѣе того, что эти карнизы находятся тутъ на первоначальномъ мѣстѣ со временъ Константина, что самая стѣна выступающаго фасада и вся та боковая стѣна, которая къ нему справа примыкаетъ и по которой проходитъ тотъ же карнизъ, также уцѣлѣли съ того времени, и что въ первоначальномъ храмѣ эти части были наружными стѣнами атриума ротонды и самой базилики. Конечно, такой важный и нѣсколько неожиданный выводъ авторъ дѣлаетъ не безъ оговорокъ, что его гипотеза есть только опытъ, что въ сложной исторіи храма Св. Гроба заключены величайшія трудности, и хотя сдѣлано уже много специальной работы, но недостаетъ общей художественно исторической постановки, нѣтъ научной основы.

Общій разборъ гипотезы профессора Стрыговскаго сдѣланъ былъ въ сообщеніяхъ Палестинскаго Общества (томъ 13, часть 2, № 1) профессоромъ Д. В. Айналовымъ. Признавая древне-христіанское происхожденіе скульптурныхъ карнизовъ, украшающихъ современный южный фасадъ церкви Св. Гроба, авторъ этого разбора рѣшительно отказывается признать такую же древность за самою стѣною фасада, на которой укрѣплены карнизы и считаетъ ее средне-вѣковою. Дѣйствительно, если принять гипотезу Стрыговскаго, пространство, которое останется, въ такомъ случаѣ, для атриума между ротондою и базиликой, будетъ очень малымъ, тогда какъ Евсевій и нѣкоторые паломники открыто и съ удареніемъ объявляютъ атриумъ, окружавшій Гробъ Господень, очень большимъ. Стрыговскому приходится въ данномъ случаѣ, прежде всего, доказать, что Евсевій и паломники ошибаются въ своихъ показаніяхъ, но нельзя строить гипотезы на основаніи подобныхъ предположеній. Далѣе, Стрыговскій предполагаетъ,

что выступъ южнаго фасада современной церкви Воскресенія точно соотвѣтствуетъ ширинѣ западнаго атриума въ Константиновыхъ постройкахъ: опять таки подобное заключеніе идетъ совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ, о чемъ говорятъ намъ тексты. Далѣе, на основаніи свѣдѣнія въ текстѣ монаха Епифанія, что врата базилики Константина находились между «темницею и мѣстомъ распятія», должно отодвинуть фасадъ Константиновой базилики дальше на востокъ, что также увеличиваетъ размѣры атриума. Авторъ указаннаго разбора отрицаетъ также — и вполне справедливо — что Константиновскій атриумъ могъ быть двухэтажнымъ, какъ то приходится доказывать Стрыговскому, на основаніи современнаго фасада. Въ заключеніе, должно однако сказать, что этотъ современный фасадъ можетъ быть даже нѣсколько древнѣе постройки крестовосцевъ, такъ какъ его общія форма частью соотвѣтствуетъ типу фасадовъ восточныхъ церквей: для примѣра укажемъ на западный фасадъ Бѣлаго Монастыря, близъ Сохага, на краю Ливійской пустыни¹⁾. Возможно, что западный фасадъ выстроенъ въ цѣломъ еще во времена Константина Мономаха, только передѣланъ, украшенъ порталами и скульптурами при крестовосцахъ.

Иные изслѣдователи находили, что готическій стиль современнаго фасада, особенно въ его орнаментикѣ, содержатъ мѣстные восточные элементы, что указываютъ напр. въ рельефныхъ фризахъ, которыми украшены оба портала (табл. XXXVII и фот. 571 и 572): однако, ничего собственно восточнаго рельефы не содержатъ—это прекрасная композиція и рѣзба ранней французской готики. Иное дѣло колонки, которыми обставлены порталы — онѣ взяты изъ туземнаго византійскаго зданія, хотя капителі къ нимъ придѣланы въ средніе вѣка, одного типа.

Внутри храма Воскресенія особенную важность представляютъ детали сѣвернаго нефа съ остатками византійской колоннады (табл. XXXIX) и капителі ея (591—596), также церкви св. Елены и ея капителей (табл. XL).

Въ самомъ дѣлѣ, самаго поверхностнаго сравненія фотографическихъ снимковъ съ видовъ сѣвернаго нефа храма Воскресенія и съ капителей мечети Эль-Акса достаточно, чтобы убѣдиться въ тождествѣ капителей этого нефа съ капителями мечети Эль-Акса, построенной изъ матеріаловъ различныхъ іерусалимскихъ церквей, сооруженныхъ въ VI—VII стол. На одной изъ капителей сѣвернаго нефа храма Воскресенія мы (рис. 28) видимъ тождественную плетеную корзину, на другой—варіантъ корыпоской византійской колонны VI в., съ тѣмъ же сухимъ, но энергическимъ характеромъ (что въ орнаментикѣ «Золотыхъ воротъ») листья, крохотными едва замѣтными завит-

1) В. Г. Бокъ. *Матеріалы для археологій древняго Египта. Посмертное изданіе* (Я. П. Смирнова). 1901, табл. XX.

ками и пр.; совершенно ту же рѣзбу и тотъ же способъ рѣзбы и даже тѣже размѣры. Но въ мечети Эль-Акса мы имѣемъ ряды такихъ одиночныхъ колоннъ,

Рис. 28. Иерусалимъ. Церковь Св. Воскресенія. Сѣверный нефъ.

здѣсь одна колонна больше, другая меньше, и капители ихъ тоже сборныя, очевидно, время Модеста. Капители за № 591—592 средневѣковаго про-

исхожденія. Капитель на снимкѣ (рис. 29) въ типѣ VII вѣка, но болѣе ремесленной работы или пострадала отъ повторительныхъ побѣлокъ.

Напротивъ того, капители колоннъ, на половинѣ замурованныхъ въ окружающій корридоръ или ходъ церкви Воскресенія (№ 601—604) принадлежатъ повидимому, болѣе ранней эпохѣ, представляютъ чистый коринтскій типъ капителей переходнаго времени IV-го столѣтія, но, вслѣдствіе царящей въ этомъ хорѣ темноты, лишь съ большимъ трудомъ могутъ быть разли-

Рис. 29. Іерусалимъ. Храмъ Св. Гроба. Сѣверный нефъ.

ченъ. Самыя колонны отличаются замѣчательною стройностью (измѣрить діаметръ нельзя, такъ какъ колонны представляютъ теперь лишь полуколонны), а капители ихъ имѣютъ тройной поясъ акапоовъ съ легкою пластическою формаціею листвы и свѣшивающихся верхушекъ, болѣе свободнаго рисунка, чѣмъ даже капители Византийской базилики. Впрочемъ, дѣйствительный характеръ этихъ капителей можетъ быть опредѣленъ только тогда, когда, за отсутствіемъ свѣта, капители будутъ отформованы и могутъ быть

хотя въ гипсовыхъ снимкахъ разсмотрѣны на свѣту, а не въ полутьмѣ корридора или на фотографіяхъ, полученныхъ при помощи магnezіальнаго освѣщенія. Любопытною является канитель на рис. 30.

Снятое нами на фотографіи за № 605 окно съ восточной стороны представляетъ, повидимому, съ правой стороны такую же древнюю коринфскую канитель IV столѣтія съ кускомъ роскошнаго рѣзнаго карниза, украшеннаго акапоовыми листьями.

Маленькая церковь, посвящая нынѣ имя Св. Елены (табл. XL) и зани-

Рис. 30. Иерусалимъ. Храмъ Св. Гроба.

мающая лишь малую долю прежней базилики Св. Креста, любопытна во многихъ отношеніяхъ, но въ данномъ случаѣ мы не можемъ останавливаться на вопросахъ топографическихъ и историческихъ, и ограничимся только указаніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ археологическаго наблюденія. На первомъ, конечно, мѣстѣ, стоитъ вопросъ о времени происхожденія общей постройки этой церкви съ ея куполомъ и острокопечными сводами, опертыми на колонны.

Очевидно, уже по образцу средневѣковыхъ романскихъ крытій, въ церкви Св. Елены куполь утверждён на четырехъ низкихъ колоннахъ (по-

чи столбахъ, такъ какъ онѣ очень низки, въ половину размѣра противъ низкой византійской колошпы). Капители, взятые для столбовъ, были очень ни-

Рис. 31. Иерусалимъ. Храмъ Св. Гроба. Церковь царицы Елены.

роки и велики, и каменогесъ приладилъ ихъ къ столбамъ, стесавъ весь нижній поясъ, а побѣлка, ложившаяся сверху, окончательно обезобразила ихъ прекрасный рисунокъ. Капители, въ большинствѣ, тождественны съ мечетью

Эль-Акса, и потому весьма естественно предположить, что церковь Св. Елены устроена одновременно съ этою мечетью изъ того же матеріала.

Рис. 32. Иерусалимъ. Храмъ Св. Гроба. Церковь царицы Елены или Обрѣтенія Св. Креста.

Одна капитель справа (рис. 31) того самаго коринтскаго типа, что въ нефѣ мечети Эль-Акса съ прижатыми широкими листьями и маленькими свѣ-

шпвающимися верхушками; другая (рис. 32) также изъ толстыхъ и узкихъ листьевъ, высоко поднимающихся надъ поверхностью, исполненныхъ только сверломъ, очень грубо, каждый листъ отдѣльно, имѣетъ себѣ подобную въ рис. 45. Двѣ капители (фот. 606 и 607) съ корзиночною формою въ среднемъ поясѣ того же типа, что во многихъ капителяхъ Эль-Акса.

Любопытнѣйшая капитель, пынѣ во дворѣ бывшаго монастыря Иоанпитовъ, слѣва при входѣ во второй дворъ, и очевидно, происходящая изъ бывшей церкви Божіей Матери, построенной Юстиніаномъ, оказывается тождественною съ равеннскими колопнами колоннады на площади В. Эммануила, также церкви S. Apollinare in classe, какъ то доказывается сравненіемъ (фот. 661 и Ricci Ravenna, № 10228, 10327—10328 и др.). Нижняя часть калатоса капители покрыта въ два пояса большими листьями акапоа, расположенными нѣсколько въ бокъ или въось, обыкновенно съ наклономъ на правую сторону, причемъ листъ почти до половины перегибается и свѣшивается, образуя причудливыя формы, какъ будто листья изгибаются по калатосу подъ давленіемъ вѣтра и даже завертываются — верхняя часть направо, нижняя налево; по низу идетъ прекрасный вѣнчикъ верхушекъ акапоовъ, охваченныхъ торомъ, и подобный же вѣнчикъ выступаетъ поверхъ калатоса, подъ абакомъ; этотъ послѣдній остается вогнутымъ и орнаментированъ лавровымъ вѣнкомъ. Равеннскія капители не имѣютъ, правда, этого опредѣленнаго движенія листьевъ въ бокъ въ той степени, какъ въ іерусалимской и аѳинской капителяхъ, однако ихъ основное построеніе тоже и рисунокъ необыкновенно грузныхъ перегнувшихся верхушекъ отвѣчаетъ мелкимъ зубчатымъ лопастямъ, и *жирнымъ* листьямъ, раздѣленнымъ только наколами.

Капитель двора Иоаннитовъ, издаваемая нами въ табл. XLII, быть можетъ уцѣлѣла отъ древней церкви Св. Маріи Латинской, которая, въ свою очередь, является преемницею предполагаемой церкви Божіей Матери, построенной въ VI-мъ вѣкѣ возлѣ храма Гроба Господня. Этотъ замѣчательный типъ капителей съ развѣвающимися листьями заинтересовалъ не даромъ археологовъ въ самое послѣднее время. Въ повѣйшее время такую капитель изъ церкви Св. Аполлинарія во Флотѣ издалъ Ригль въ указанномъ сочиненіи на стр. 39, сопровождая ее эстетическою оцѣнкою, правда въ области тѣхъ же общихъ понятій: живописнаго, индивидуалистическаго, тактическаго и оптического и пр., которыми этотъ авторъ играетъ, безъ всякой видимой пользы для дѣла. Профессоръ Стрыговскій¹⁾ указалъ цѣлый рядъ подобныхъ капителей съ пригнутыми вѣтромъ листьями въ церкви Св. Параскевы въ Халкидѣ (нижній и верхній рядъ листьевъ пригнуты вѣтромъ въ

1) Сходная капитель издана г. проф. Стрыговскимъ въ ст. *Die Akropolis in altbyzantinische Zeit* въ Mittheil. d. d. Inst. Athen, 1889, XIV, стр. 290, съ Акрополя.

разныя стороны); одинъ фрагментъ въ Акрокоринѣ въ музеѣ Аргоса, въ одной базиликѣ Сиріи и въ церкви Св. Дмитрія въ Солуни.

Куполъ Скалы или мечеть Скалы (Куббетъ есъ-Сахра) или такъ называемая Омарова мечеть (построенная въ 691 году) Абд-эль-Меликомъ, по капителямъ своихъ сборныхъ колоннъ, была для насъ также одною изъ важнѣйшихъ задачъ изученія. Въ настоящее время точно установлено, что мечеть эта построена Халифомъ Абд-ель-Меликомъ, по единогласному свидѣтельству арабскихъ хроникъ, въ 72 году геджры, а не халифомъ Ель-Мамунѣмъ, который приказалъ уничтожить имя своего предшественника и поставить свое собственное, забывъ измѣнить и указанную дату¹⁾.

Трудности, встрѣченныя при фотографированіи мечети, особенно вслѣдствіе слабаго освѣщенія, при исполненіи снимковъ внутренности мечети, были главною причиною того, что ихъ исполнено мало (снимки 709—711), и капители требовали бы, для ихъ сниманія, лѣсовъ, чего сдѣлать было нельзя, а потому неизбежныя деформачіи при сниманіи снизу пренятствовали получить удовлетворительныя снимки: весьма жаль, конечно, что и вообще доселѣ не было сдѣлано снимковъ и другими съ капителей.

Всѣ снимки капителей въ изданіи Вогюэ передаютъ, по обычаю, лишь общій стиль коринтскаго ордена и потому не имѣютъ настоящаго значенія.

Далѣе, мы не имѣли времени перемѣрять діаметръ колоннъ, различить ихъ на мѣстѣ по типамъ капителей, базъ и пьедесталовъ, по характеру и достоинству монолитовъ. Мы успѣли только замѣтить, что двѣнадцать колоннъ внутренней колоннады, окружающей священную скалу, одинаковой высоты и имѣютъ одинаковыя базы и пьедесталы, за немногими, быть можетъ, исключеніями. Правда, эти колонны разныхъ мраморовъ: есть (кажется) *cipollino*, есть *verde antico*, но также и изъ рѣдчайшихъ пестрыхъ мраморовъ, желтаго съ чернымъ, розоваго, пурпурнаго и пр. При взглядѣ на колонны, легко убѣдиться въ ихъ происхожденіи изъ одного зданія, но это зданіе никакъ не могло относиться ко времени Адріана: всѣ капители, кромѣ одной, много двухъ, не ранѣе IV вѣка и потому, всего вѣроятнѣе, *происходятъ изъ базилики Константина*, и развѣ только позолота капителей возобновлена арабами да отшлифованы самыя барабаны, пострадавшіе во время пожара.

Къ I—II столѣтіямъ по Р. Х. относится капитель, снятая за № 715 (рис. 33), еще воспоминающая древніе греческіе типы: здѣсь акантовыя листья охватываютъ округлую корзину капители, только по низу ея, двумя поясами, надъ которыми эта корзина оставлена гладкою, и только подъ аба-

1) Clermont-Ganneau. *Recueil d'arch. or.* 1888, I, p. 212—213.

комъ широкій карнизъ изъ ововъ съ большими волутами, изящно выкругленный и накрытый вырѣзнымъ абакомъ, вѣнчается капитель.

Всѣ прочія капители (не могли быть сняты фотографомъ, потому что изъ середины мечети, отъ Скалы, намъ снимать не позволяли, а изъ корридора эти капители были въ полутьмѣ) воспроизводить очень близко типъ Виюлеевской базилики¹⁾.

Иной характеръ и значительное разнообразіе представляютъ капители

Рис. 33. Иерусалимъ. Мечеть Скалы.

второй или внѣшней колоннады, числомъ 16, которыхъ барабаны, также драгоценныя, не сохранили, однако, своей древней шлифовки. Здѣсь капители имѣютъ сверху еще кубовый наглавникъ, служащій, впрочемъ, только для увеличенія высоты колонны, а не какъ посредникъ между собственно капителью и широкою пятою арки, которую въ поздневизантийской архитектурѣ

1) Обстоятельство, указанное, между прочимъ, и Зеппомъ: *Jerusalem*, 1873, I, pag. 350, хотя это не помѣшало автору относить колонны къ эпохѣ Адриана.

привыкли оканчивать подобнымъ наглавникомъ. Кубъ этотъ, всюду гладкій и лишенный профилевки, а потому достаточно безобразный, плохо вяжется съ фигурнымъ вырѣзнымъ абакомъ, еще сохранившимъ вогнутую линію. Самая капитель (см. рис. 34, № 712) можетъ быть названа характерною и даже щеголеватую капителью V столѣтія, или даже конца IV вѣка. Одного взгляда на эти топорщащіеся листья, съ примкнутыми другъ къ другу лопастями, чрезвычайно энергичнаго и живаго рисунка, достаточно, чтобы не смѣнать

Рис. 34. Іерусалимъ. Мечеть Скалы.

съ позднею капителью VI в., мелочною и безжизненною. Здѣсь и волюты еще велики, и усики по срединѣ сохранены, а надъ ними удержано подобіе нераспустившагося листа пальмы. Листья аканоа могутъ считаться наиболѣе характерными представителями дикаго и колючаго аканоа греческаго типа; листья расположены только въ два пояса, очень широки и толсты, но уже не эластичны. Иногда верхъ занимаетъ жемчужный поясокъ и овы, а абакъ рѣзной, раздѣланъ волною (№ 714, рис. 35).

Совершенно иной типъ капителей и иные колонны, дурнаго мрамора, плохой шлифовки, съ низкими подзневизантійскими базами, встрѣчаемъ мы въ портикахъ, окружающихъ октагонъ и носящихъ или громкія названія: «вратъ рая», «вратъ цѣли», также южныхъ и западныхъ воротъ. И это обстоятельство служить, въ нашихъ глазахъ, не малою поддержкою гипотезы, указанной выше, что мечеть, построенная надъ Скалою, первоначально огранчивалась двумя описанными концентрическими колоннадами, т. е. круг-

Рис. 35. Иерусалимъ. Мечеть Скалы.

лою основою зданія, копировавшаго храмъ Св. Гроба, тогда какъ октагональная стѣна, украшенная по низу мраморами, а по верху фаянсами, позднѣйшаго происхожденія.

Такимъ образомъ, и здѣсь имѣемъ сборъ, и капители «Омаровой мечети» даютъ смѣшанный выборъ вариантовъ коринтскаго типа позднѣйшаго типа: повидимому, или строители разобрали для мечети не одну только бази-

лику Константина, но много другихъ христіанскихъ зданій, или же самыя эти зданія уже были сборными.

Такъ, во входномъ внутреннемъ портикѣ мечети (фот. 711) двѣ одинаковыхъ колонны отличаются другъ отъ друга. Корзина капители здѣсь имѣетъ сильно преувеличенное расширеніе на верху, своего рода развалъ; на корзинѣ всего два пояса акантовыхъ листьевъ, нижній низокъ, изъ широкихъ, остролопастныхъ листьевъ, верхній изъ длинныхъ листьевъ съ закручиваю-

Рис. 56. Іерусалимъ. Мечеть Скалы.

щимися лонастями, оба плотно прилегаютъ къ поверхности. Капители по небрежности типа и фактуры принадлежать, какъ мы сказали, IV—V вѣку.

Весьма разнообразны капители V вѣка (и даже IV в.) на колоннахъ, помѣщенныхъ въ наружномъ портикѣ (фот. 702): листья толсты и грузно поднимаются надъ поверхностью, благодаря тому, что промежутки глубоко просверлены; острія лопастей сомкнуты. Капители колоннъ, поставленныхъ въ кругу, лучшаго, хотя сухого и схематичнаго рисунка; исполненіе ихъ,

безъ позолоты, теперь сильно обезобразившей рисунокъ, весьма энергичное и характерное. Основною чертою листвы является ея рѣзкая угловатость и острота лопастей: листья топорщатся, другъ отъ друга отодвигаются, живо и эластично перегибаются и перекидываются лопастями; сердцевина сильная и крупная, на ней посаженъ листъ изъ пяти лопастей, сомкнутыхъ взаимно съ сосѣднимъ листомъ помощью соотвѣтственныхъ изгибовъ. Послѣ сверла, вся капитель пройдена рѣзцомъ, особенно углублены съ энергію, хотя схе-

Рис. 37. Иерусалимъ. Мечеть Скалы.

матично, острія листовъ (см. фот. 712—718, рис. 36—38). Иногда изгибы листьевъ становятся, видимо, игрою для рѣзчика, разнообразящаго одни и тѣже мотивы всевозможными комбинаціями. Иногда (фот. 714) рѣзчикъ сокращаетъ или опускаетъ усики и завитки, и напротивъ развиваетъ аканѣи верхняго пояса, видимо щеголяя своимъ умѣньемъ расположить торчащіе концы листа по округлой капители и прикрыть ихъ нижнимъ рядомъ такъ, чтобы зритель могъ различать продолженіе контура верхнихъ листовъ. Напротивъ того, въ другихъ капителяхъ типъ возвращается къ тремъ поясамъ

(фот. 718). Чрезвычайно характерна листва зубчатыхъ акапоовъ, въ которой уже нельзя разобрать рисунка отдѣльныхъ листьевъ, но все получаетъ характеръ колючей, тонорщащейся растительности одного куста (фот. 719, рис. 38).

Все это разнообразіе манеръ, вариантовъ и пріемовъ уборки и украшенія коринфской капители явилось, конечно, въ результатѣ утраты опредѣленнаго ея шаблона, который мы знаемъ со временъ Адріана до Констан-

Рис. 38. Іерусалимъ. Мечеть Скалы.

тина въ Сиріи. Отчего произошла эта утрата великолѣпнаго, хотя тяжелаго и скучнаго шаблона, можно выяснитъ только въ результатѣ сложныхъ наблюдений на разныхъ пунктахъ; наша задача ограничивалась мѣстнымъ историческимъ типомъ.

Мечеть Эль Акса представляетъ, въ свою очередь, нѣсколько типовъ капителей, VI столѣтія или, точнѣе, Юстиніановской эпохи, хотя вполне тождественныхъ по рисунку здѣсь нѣтъ, какъ будто рѣзчики, понавѣ, нако-

пецъ, на свой пошибъ, соперничаютъ въ изобрѣтеніи новыхъ формъ и вариантовъ, что служитъ отчасти доказательствомъ національности Юстиніановскаго орнаментальнаго типа. Основаніемъ типа служитъ извѣстная въ Юстиніановскую эпоху цвѣточная корзина, проявляющаяся иногда прямо въ реальномъ подражаніи плетеной корзины, изъ которой уже подымается купа листьевъ съ волутами, въ то время какъ низъ корзины окруженъ поясомъ акашовыхъ листьевъ. Однако форма тонко сплетенной изъ прутьевъ кор-

Рис. 39. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

зины, съ коринтскимъ абакомъ наверху и гуськомъ внизу, составляющей исключительно все тѣло капители (фот. 742, рис. 39), встрѣчается рѣдко, кажется, — въ одномъ случаѣ.

Типъ, воспроизводящій формы античной коринтской колонны, можетъ быть производимъ изъ типовъ времени Константина и въ многихъ образцахъ изящней: акашовыя листья расположены двумя рядами, прикрывающими другъ друга; листья отличаются высотой и стройностью, но парѣзаны или какъ бы напилены мелко, безъ пластическаго изгиба и выпуклостей; пучки

сжатыхъ листьевъ въ профиль выходить наверху и прикрываютъ тонкіе побѣги, имѣющіе видъ усиковъ; гзымзъ раздѣланъ орнаментальными поясами изъ лавровъ, щитковъ и п. д. Таковы капители на снимкахъ: 738, 748 и др. (рис. 40).

Менѣ изящна третья форма капителей, плотно покрытыхъ какъ бы прижавшимися къ фону акавовыми листьями въ три и четыре пояса, безъ волютъ, вмѣсто нихъ крохотные овы, а въ промежуткѣ, съ крохотными едва

Рис. 40. Іерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

замѣтными усиками и узелкомъ, въ родѣ пальметки по срединѣ: три образца этой капители, вѣроятно, относящейся къ V столѣтію, отличаются превосходною работою и мелкою рѣзьбою, но въ тонко насѣченныхъ листьяхъ нѣтъ ни эластичности, ни, главное, основнаго типа листовыхъ жилокъ; особенно характерною является свѣшивающаяся верхушка листа какъ то отдѣленная отъ листа, какъ едва развившаяся почка (см. фот. 740, 743—744, 751, рис. 41—42).

Сверхъ того, въ мечети Эль-Акса видимъ цѣлый рядъ капителей мелкаго размѣра (фот. 739, 746), небрежной и поверхностной работы, по весьма характерныхъ формъ, которыя, по признаку зубчатыхъ листьевъ, мы считаемъ возможнымъ относить ко второй половинѣ V или первой половинѣ VI вѣка, словомъ, ко времени предшествующему Юстиніановской эпохѣ (рис. 43).

Капитель мечети Эль-Акса, видная на фот. 737, кат. 853 (рис. 44),

Рис. 41. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

одинъ изъ лучшихъ образцовъ новой византийской капители. Она начинается снизу обычнымъ поясомъ акантоовъ, которые, на этотъ разъ, согласно мощному, грузному характеру колонны и капители, также широки и упруги, листъ тѣсно жмется къ корзинѣ, и только маленькая верхушка въ родѣ отдѣльнаго цвѣтка или розетки свѣшивается наверху. За этимъ капитель раздувается, и по выпуклой полосѣ ея плетъ великолѣпно выработанный, крутящійся завитками и кружками, пышный побѣгъ аканта, который мы при-

выкли встрѣчать на византійскихъ карнизахъ. Какъ разъ и здѣсь мы находимъ перетяжку или поясокъ въ видѣ гирлянды, и тѣло капители стянуто, а затѣмъ и вся корзина, покрытая опять поясомъ акапоовъ, изъ круглой формы переходитъ въ четырехугольную. Все это тяжело, неуклюже, приземисто, но характерно и энергично.

Подобная же капитель, такой же отличной фактуры, но еще болѣе

Рис. 42. Іерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

простаго и цѣлесообразнаго рисунка, дѣлающаго честь византійскимъ камепотесамъ, имѣть по средней выпуклости полюсу какъ бы открытой, освобожденной отъ листьевъ корзины, превосходно изображенной плетеніемъ и каемкою (фот. 741, рис. 45). Здѣсь верхъ образуется кучною листвою, какъ бы выбившихся изъ тѣсной корзины. Капитель имѣетъ близкое сходство съ колоннами церкви св. Елены, обезображенными побѣлкою. Несравненно грубѣе въ томъ же родѣ капитель на рис. 46 (фот. 745).

Одного взгляда на внутренность среднего нефа мечети Эль - Акса на снимкѣ 734 (851 по кат.) достаточно, чтобы убѣдиться, что эта мечеть цѣликомъ арабской постройки, и что средній нефъ никакъ не можетъ происходить отъ древней христіанской базилики, что, напротивъ того, арабы укоротили самыя колонны, оставивъ отъ ихъ ствола только 4 модуля, а вмѣстѣ съ капителю и базою $5\frac{1}{2}$ модулей, такъ что колонны представляютъ, сравнительно съ подымающимися выше острокопечными арками, рядъ низкихъ столбовъ,

Рис. 43. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

связанныхъ деревяннымъ, протянувшимся по этому ряду, брусомъ. Въ этомъ ряду всѣ капители, кромѣ одной, на одинъ фасонъ, и очевидно, взяты также изъ среднего нефа разобранной христіанской базилики: представители этого типа изображены на снимкахъ 743—744 и отнесены нами (по времени, т. е. по характеру и исполненію) уже къ третьей формѣ, въ тѣхъ видахъ, что хотя всѣ эти три типа относятся къ VI вѣку, но первые два, по оригинальности Юстиніановской орнаментации, могутъ быть съ вѣроятностью поставлены въ первую половину VI вѣка, тогда какъ эти сухія подражанія

прежней коринтской капители могутъ быть помѣщены только во вторую половину вѣка или даже первую половину VII вѣка. Итакъ, по типу капителей мы имѣемъ въ мечети дѣло не съ остатками церкви Дѣвы Маріи, такъ пазываемой церкви Введенія, построенной Юстиніаномъ, такъ какъ, прежде всего, находимъ здѣсь очень разнообразный сборъ капителей и колоннъ, болѣе или менѣе отовсюду привлеченныхъ для постройки.

Цѣльный характеръ имѣютъ развѣ колонны зеленого мрамора, поста-

Рис. 44. Іерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

вленныя у столбовъ, на которые опущенъ главный куполь, увѣнчавшій (въ позднѣйшее сравнительно время) конецъ средняго нефа: между ихъ капителями есть типы конца V вѣка, съ перегибающимися листьями, расчлененнымъ верхомъ и прочими примѣтами древняго образца (фот. 747), но зато и весьма причудливыми позднѣйшими капителями съ явнымъ огрубѣніемъ въ формахъ (739, 745, 749, рис. 46) или даже арабскими подражаніями византійскому оригиналу (фот. 750).

Изъ отдѣльныхъ экземпляровъ капителей, находимыхъ или въ боко-

выхъ нефахъ, или въ поперечномъ, обращаютъ на себя вниманіе: капитель, изображенная на рис. 40 (снимокъ 738), хотя также VI вѣка, но болѣе изящныхъ и не такъ тяжелыхъ формъ, какъ другія; здѣсь есть по угламъ волюты, листья только въ два пояса, поднимаются прямо, но по изгибу корзины, имѣютъ свѣсы только по угламъ, подъ волютою.

Капитель (рис. 39) фот. 742 напоминаетъ колонны маленькой мечети Давида и имѣетъ опредѣленный типъ коринфской капители, какъ бы опущен-

Рис. 45. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

ной до верху въ плетеную корзину. Снимокъ 745 (рис. 46) очень любопытенъ по своимъ позднѣйшимъ грубымъ формамъ: на мѣсто пальметки, на верху капители помѣщена плетеная корзинка съ плодами, выдвинутая на половину и потому сохраняющая волнообразную форму Юстиніановской капители. На слѣдующемъ 746 номерѣ мы видимъ эту типичную капитель византийской столицы VI—VII вѣковъ, переданную въ ажурной рѣзбѣ, облегающихъ грани капители листьевъ, довольно внимательно. Наконецъ капитель № 748 мы рѣшительно относимъ къ лучшимъ работамъ IV—V вѣка;

хотя, противъ Виолеемской базилики и Омаровой мечети, здѣсь только два пояса листьевъ и развитъ изъ нихъ только первый, но вся тонкая детальная разработка, ясность пластическихъ формъ и свобода лѣпки указываютъ на отличную постройку, отъ которой уцѣлѣла эта капитель.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что наши запятія мечетью естественно ограничивались изученіемъ этихъ ясныхъ остатковъ древняго христіанства и не могли идти далѣе; отрицая, однако, совершенно существо-

Рис. 46. Іерусалимъ. Мечеть Эль-Акса.

ваніе какой-либо части древней базилики, мы полагаемъ, что эта мечеть цѣликомъ построена халифами на мѣстѣ древнихъ портиковъ или колоннадъ, что она, затѣмъ, была расширена болѣе, чѣмъ вдвое, а при крестопосцахъ также увеличена и, главное, передѣлана въ церковь.

Только тогда этой церкви, согласно съ утвердившейся, въ эту смутную эпоху, легендѣ, что Дѣва Марія жила въ Іерусалимскомъ храмѣ, дапо было имя церкви Св. Дѣвы или Введенія во храмъ, и стало быть совер-

шенно напрасно искать именно здѣсь церковь Маріи Новой, бывшую гдѣ то на Сіонѣ или около него ¹⁾).

Церковь во имя Богоматери была построена Юстиніаномъ въ Иерусалимѣ, по представленію Саввы Освященнаго, посланнаго къ царю патріархомъ Петромъ (524—544) съ прошеніемъ основать въ Иерусалимѣ больницу для паломниковъ и кончить новую церковь Богородицы, начатую архіепископомъ Илією. Юстиніанъ, снисходя на эти просьбы, послалъ въ Иерусалимъ архитектора Θεодора, который и построилъ черезъ 12 лѣтъ великолѣпный храмъ и церковь, превосходившую, будто бы, все, что было извѣстно ранѣе и за исключеніемъ Св. Софіи Константинопольской, такъ какъ она была построена позднѣе.

Извѣстный Клермонъ Ганно ²⁾ рѣшительно высказывается противъ допущаемаго многими отождествленія «Новой» базилики во имя Богоматери съ современною мечетью Эль-Акса. Помѣщая самъ базилику близъ Сіонскихъ воротъ (Баб-ель-Махар'бе (?) или близъ Баб-Неби-Дауд, на основаніи одного мѣста въ арабскихъ хроникахъ, этотъ ученый выставляетъ противъ помянутаго отождествленія одно возраженіе, которое представляется непреодолимымъ. Именно: юстиніановская базилика еще существовала въ IX вѣкѣ, и принадлежала христіанскому культу, какъ свидѣтельствуется *Commemoratorium* 818 г. Между тѣмъ мечеть Эль-Акса была главнѣйшимъ святилищемъ ислама со времени завоеванія.

Описаніе мечети Эль-Акса, построенной въ 73 году геджры, дано въ собраніи арабскихъ историковъ ³⁾: «мечеть простирается съ юга на сѣверъ состоитъ изъ 7 нефовъ, возвышающихся на мраморныхъ колоннахъ и каменныхъ столпахъ; число колоннъ 46, изъ нихъ мраморныхъ 33, 12 каменныхъ, подъ крышею два ската; столбовъ 40; три нефа крыты деревомъ, средній, вышній, имѣетъ крышу въ два ската, прочіе нефы построены въ видѣ сводовъ, два на востокъ и два на западъ. У южной стѣнки съ восточной стороны находится Колыбель Иисуса. Длина мечети 100 локтей, ширина отъ восточной двери до западной 76 локтей».

По отношенію къ христіанскимъ исчезнувшимъ нынѣ памятникамъ, но сохранившимся долго, послѣ завоеванія, важны свѣдѣнія о находившихся на площади Харама «Рынкѣ знаній» и «Колыбели Иисусовой». Первое сводчатое мѣсто съ михрабомъ было, очевидно, въ XI вѣкѣ руина какой-либо христіанской экседры или ниши. Названо оно было такъ, по всей вѣроятности, «служителями для возбужденія любопытства обращающихся къ нимъ посѣ-

1) См. В. Г. Васильевскаго, «Повѣсть Епифанія о Иерусалимѣ», стр. 101.

2) *Rec. d'arch. or.* III, 1900, p. 57, note 1.

3) Н. А. Мѣдникова, *Палестина отъ завоеванія до крестовыхъ походовъ, по арабскимъ источникамъ*, 1897, II, 2, стр. 1263.

тителей», какъ поясняетъ и историкъ въ этомъ мѣстѣ. Иные будто бы называли эту руину «Вратами Раскаянія», такъ какъ пребываніе грѣшника въ молитвѣ на этомъ мѣстѣ вело къ прощенію грѣха, который будто бы записывался чудесно на дверяхъ дома израильянина и оставался до тѣхъ поръ, пока Богъ не прощалъ его.

Нѣсколько мраморныхъ плитъ, уцѣлѣвшихъ отъ христіанской церкви, можно видѣть задѣланными въ стѣны «мечети Омара» или купольной. Такъ на одной стѣнѣ задѣлана опрокинутая низомъ плита баллюстрады съ двумя вѣнками на разводѣ (фот. 699, по кат. 802). Въ портикѣ, съ правой стороны отъ входа, вдѣлана небольшая плита съ натуральною «игрою природы»—тѣневымъ изображеніемъ на бѣломъ мраморѣ двухъ птицъ, пьющихъ изъ чаши (фот. 702—703, кат. 805—806).

Совершенно разрушены и разобраны были по частямъ въ первые же годы торжества Ислама церкви Св. Софія на мѣстѣ преторія Пилата (затѣмъ церкви Пилата) въ мѣстѣ Антоніевой башни, церковь Анны (или «Разслабленной»), церковь Стефана за Дамасскими воротами, церковь Геосиманской Богоматери и «Новая базилика», находившаяся въ неизвѣстномъ мѣстѣ на Сіонѣ. Откуда были взяты капители и колонны новыхъ мечетей и куда пошли матеріалы разобранныхъ церквей, врядъ ли когда нибудь будемъ знать мы точно.

На такихъ же сборныхъ византійскихъ колоннахъ: 6 внутреннихъ и 11 вѣшней колоннады сооружено крохотное купольное зданіе такъ называемаго «Купола Цѣпи» или «Давидова мѣста» (Мехметъ Даудъ). Капители «Давидова мѣста, въ большинствѣ, относятся къ излюбленному типу ажурныхъ плетеныхъ корзинъ послѣ Юстиніановой эпохи. Чаще всего, корзина капители, какъ и подobaетъ плетенымъ издѣліямъ, избѣгаетъ обычной округлой формы, получаетъ форму «на углы», гранями, сборками; чѣмъ рѣзче эти грани, чѣмъ онѣ эластичнѣе выгнаны, и чѣмъ ажурная рѣзба глубже, тѣмъ капитель эффектнѣе. Рисунокъ плетенія—трельяжный, изъ растительныхъ разводовъ, иногда съ фигурами птицъ (фот. 724—729, рис. 47—51), иногда только изъ акаѳовыхъ лопастей и кружочковъ съ трилистникомъ внутри или лиліею (фот. 727), или изъ трельяжной лозы (фот. 731). Огрубѣлый типъ представляютъ самыя грани корзины въ видѣ ажурныхъ пальметокъ съ разводами внутри, въ которыхъ вписаны ромбы и лиліи (фот. 728 и 746, рис. 52); такой типъ орнаментаціи, допущенный въ церкви Св. Виталія въ Равеннѣ только для плоской декораціи нѣкоторыхъ кубическихъ трапещій, замѣнявшихъ кое-гдѣ капители, въ Сиріи разработанъ уже пластически и далъ довольно тяжелую форму. И вообще, этому роду трельяжныхъ корзинъ въ Сиріи не могло быть удача уже потому, что здѣсь рѣзба искусныхъ рѣзчиковъ по мрамору замѣнилась сверленіемъ каменотеса по дурнымъ породамъ

известкового камня, а постоянная побѣлка, практикуемая мусульманами въ ихъ мечетяхъ, еще болѣе уродуетъ грубую рѣзбу. Капитель, изображенная

Рис. 47. Иерусалимъ. Мечеть Давида.

на рис. 49, тождественна съ капителью собора VI вѣка въ Паренцо, въ Истрии¹⁾.

1) Errard, Ch. et Gayet Al. *L'art byzantin. II. Parenzo*. 1903, pl. V.

Одна капитель мечети Давида (см. 725, рис. 47), принадлежащая къ лучшимъ, исполнена еще въ античной формѣ, изящна по рисунку: это композитъ, съ поясомъ ововъ по карнизу капители, подъ нимъ два ряда сильно

Рис. 48. Иерусалимъ. Мечеть Давида.

выпуклыхъ (надъ поверхностью поднятыхъ) листьевъ, и подъ ними торусъ, но сплелный варварски, для того чтобы пригнать капитель къ болѣе тонкой колоннѣ. Въмѣсто жилъ здѣсь видимъ рядъ просверленныхъ дырочекъ — причудливая форма, входящая въ общую ажурную орнаментику

V вѣка¹⁾. Вмѣсто прежнихъ энергичныхъ и широкихъ лопастей съ тремя острыми концами, дающими подозрѣвать иглы, листь подѣленъ на много мелкихъ лопастей (около 12—14) тонкими зазубринами.

На другой капители (сн. 730, рис. 51) находимъ ту же манеру ажурныхъ наколовъ, по указанное сходство съ капителью Золотыхъ воротъ Константинополя дополняется еще вѣщомъ какъ бы выступающихъ изъ корзины верхушекъ акаѳовыхъ листьевъ, а вмѣсто пояса ововъ плоскій абакъ покрывъ изъ-подъ низу густою листвою, образующею какъ бы края чаши (фот. 725, рис. 47).

Гораздо болѣе стараго характера сохранилось въ капители, снятой подъ № 726, рис. 50: здѣсь еще видимъ манеру сверлить вглубь въ капителяхъ V вѣка, по грубое углубленіе фона вокругъ каждого листа заставляетъ относить капитель къ VI вѣку.

Чрезвычайно любопытны субструкціи въ каменной обдѣлкѣ горы Моріа (фот. 780 и 779) подъ мечетью Эль-Акса и особенно подземный ходъ съ лѣстницами, на столбахъ, извѣстный подъ именемъ «Двойныхъ Воротъ» табл. XLII), и направляющійся съ сѣвера на югъ, въ видѣ двухъ корридоровъ, крытыхъ сферическими сводами, опирающимися на столбы. Великолѣпная кладка стѣнъ, сводовъ, съ обтескою камней, отлично пригнанныхъ къ шву, хотя уже не даетъ образцовой правильности римскихъ стѣнъ въ субструкціяхъ (подобныхъ напр. храму Геліополиса), однако многихъ увлекла въ область мечтаній о храмѣ Соломона, тогда какъ Вогюэ, увлекаясь, въ свою очередь, желаніемъ доказать, что мечеть Эль-Акса, если не есть сама остатокъ «Новой церкви», построенной Юстиніаномъ, то построена на ея мѣстѣ и изъ ея матеріаловъ, пытается увѣрить, что вся подземная постройка ведетъ начало отъ Юстиніана, и что его историкъ Прокопій говоритъ именно объ этихъ субструкціяхъ, когда рассказываетъ о колоссальныхъ сводахъ, на которыхъ утверждена была частію эта «Новая базилика». Извѣстный своими увлеченіями Сольси считалъ эти субструкціи Иродовой эпохи, и на этотъ разъ, не въ примѣръ прочимъ, Сольси оказывается правымъ, а Вогюэ пристрастнымъ судьей, грѣшащимъ противъ истины, ради созданной имъ теоріи. А именно, достаточно присмотрѣться къ рисунку капители на послѣдней колоннѣ корридора передъ лѣстницею (фот. сн. 755, табл. XLII), чтобы убедиться, что эта капитель съ ея узкими и высокими пальмовыми листьями, поднимающимися совершенно перпендикулярно по корзинамъ капители, съ ихъ тонкою и мелочною раздѣлкою всѣхъ лопастей и жилокъ, а главное, ихъ ри-

1) Ср. капитель пропиленъ у *Золотыхъ воротъ* Константинополя, построенныхъ Θεοδοсіемъ Младшимъ. Проф. Стрыговскаго: *Das Goldene Thor zu C. Sonder-Abdr. aus d. Jahrb. d. K. d. A. Inst.* VIII, 1839, I, p. 27, Abb. 17.

сункомъ, не аканѳовъ, а пальмоваго листа, не можетъ относиться къ Юстиніановой эпохѣ. Когда же мы сравнимъ эту листву съ украшеніями фронтона

Рис. 49. Іерусалимъ. Мечеть Давида.

такъ называемой «Гробницы Судей» (фот. 858), а также новооткрытыхъ саркофаговъ склепа, найденнаго въ 1891 г. на мѣстѣ «Никифоріи» близъ

стѣнъ Иерусалима, то убѣдимся, что имѣемъ дѣло, дѣйствительно, съ эпохою Ирода. Напротивъ того, паружность входа въ «двойныя ворота» облицована

Рис. 50. Иерусалимъ. Мечеть Давида.

была разными кусками уже въ поздне-византійскую эпоху, въ чемъ убѣждаетъ насъ, хотя слабо видимые, очерки этой паружности на снимкахъ 779 и 780.

Правда въ тѣхъ же субструкціяхъ «двойныхъ воротъ» («простыхъ»?) фотографъ Борщевскій снялъ двѣ капители, изображаемыя на рис. 53 и 54 и которыя, быть можетъ, могли подать поводъ къ заключеніямъ о византийскомъ происхожденіи этихъ субструкцій. Капитель на рис. 53 дѣйствительно относится къ VI-му вѣку, представляетъ рисунокъ Коринфскаго ордена съ 3-мя поясами акапоовыхъ листьевъ съ завитками наверху, мелкаго и сухаго ремесленнаго рисунка. Вторая капитель (рис. 54), повидямому,

Рис. 51. Иерусалимъ. Мечеть Давида.

средневѣковаго происхожденія и не имѣетъ ничего общаго съ византийскими.

Изящная капитель аркады (рис. 55), находящейся на верхней площадке Храма, можетъ относиться къ первымъ столѣтіямъ по Рождествѣ Христовѣ, хотя, должно замѣтить, совершенно отличается отъ капители колонны Омаровой мечети. Здѣсь два пояса акапоовыхъ листьевъ, наложенныхъ одинъ на другой и сильно сдавленныхъ узкой перетяжкой внизу, а тамъ акапоовые листья размѣщены по корзинамъ капителей и выдѣланы каждый

особо, съ особенной видимою щеголеватостью. Здѣсь верхъ капители раздѣланъ сильнымъ рельефомъ, въ завиткахъ и концахъ аканѳовыхъ побѣговъ,

Рис. 52. Иерусалимъ. Мечеть Давида.

такъ что получается живописный контрастъ между массивнымъ низомъ и ажурнымъ верхомъ. Тамъ, т. е. въ капителяхъ Омаровой мечети, общая композиція капителей болѣе архитектурная и нижній поясъ аканѳовъ изъ

короткихъ и массивныхъ листьевъ рѣзко разнится отъ верхняго болѣе стройнаго и высокаго.

Священная скала Омаровой мечети, оказавшаяся на поверхности террасы Соломонова храма послѣ его разрушенія, стала, какъ извѣстно, предметомъ мѣстнаго поклоненія въ теченіе первыхъ столѣтій христіанской эры. Извѣстный «Бордоскій Путникъ» (333 года) рассказываетъ: «На самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ храмъ, построенный Соломономъ, на мраморѣ передъ жерт-

Рис. 53. Іерусалимъ. «Двойныя ворота».

венникомъ, гдѣ, говорятъ, нѣкогда пролита была кровь Захаріи (Евангеліе отъ Маттея глава 23—35), видны по всему помосту слѣды обуви убившихъ его воиновъ, отпечатанные точно въ воскѣ. Здѣсь же двѣ статуи Адріана, а недалеко отъ нихъ *пробитый камень* (lapis pertusus), къ которому разъ въ годъ приходятъ Іудеи, помазываютъ его, съ воплемъ рыдаютъ, разрываютъ свои одежды и затѣмъ удаляются. Здѣсь-же домъ Іезекіи — царя іудейскаго. Также, если выйти изъ Іерусалима, чтобъ подняться на

Сіонъ, на лѣвой сторонѣ и внизу въ долиנѣ, возлѣ стѣны находится водоемъ, называемый Силоамъ, *имѣющій 4 крытыхъ exits* и другой большой водоемъ внѣ города. Источникъ этотъ течетъ въ продолженіе 6 дней и ночей, на 7-й же день, который есть суббота, онъ вовсе не течетъ, ни днемъ, ни ночью». Желая быть точнымъ, Путникъ какъ будто раздѣляетъ Силоамъ отъ Соломонова храма и представляетъ, что, для того, чтобы пройти къ Силоамскому источнику, нужно сдѣлать извѣстный обходъ вокругъ террасы Соло-

Рис. 54. Иерусалимъ. Капитель въ субструкціяхъ Храма.

монова храма и уже возлѣ стѣны найдешь источникъ Силоама, такъ какъ собственно городская стѣна, во времена «Путника», не могла заходить такъ далеко на югъ. Если подъ стѣною здѣсь разумѣется стѣна той же террасы, то силоамскій источникъ находится еще очень далеко отъ нея. Дѣло въ томъ, однако, что, связывая такъ или иначе между собою площадь Соломонова храма съ Силоамскимъ источникомъ, «Путникъ» подчинился, повидимому, мѣстнымъ рассказамъ и легендамъ, что будто бы вода Силоамскаго источ-

ника образуется гдѣ-то подъ этою площадью. Точно также впоследствии «Путникъ» Антонина изъ Плаценціи передаетъ со словъ мѣстныхъ путеводителей, что «возлѣ жертвенника Авраама, на которомъ онъ намѣревался принести Исаака и гдѣ принесть жертву Мельхиседекъ» (подъ скалою Голговы) «есть разсѣлина, къ которой, если приложить ухо, то услышишь плескъ текущей воды и, если бросишь яблоко или что-нибудь другое, что можетъ плавать и пойдешь къ источнику Силоамскому, то найдешь его тамъ. Между

Рис. 55. Іерусалимъ. Капитель аркады на верхней площадкѣ Храма.

Силоамомъ и Голговой будетъ миліарій. А Іерусалимъ не имѣетъ проточной воды, какъ только въ Силоамскомъ источникѣ¹⁾. Но затѣмъ рассказы паломниковъ объ этой скалѣ прекращаются и для ихъ дальнѣйшаго развитія надо

1) Далѣе, въ дополнительномъ текстѣ Антонина, изданномъ у графа Ріана. Tobler, T. et Molinier, A. *Itinera Hierosolymitana*, I, 2, 1880, стр. 371 и примѣч., читается еще: «Oravimus etiam *in pretorio* ubi . . . modo est basilica *Sancte Sophie*. Ante ruinas vero *templi Salomonis* sub platea aqua decurrit a fonte *Siloe* (въ другихъ спискахъ: *ad fontem Syloam*), secus porticum Salomonis. Словомъ, у того же Антонина была занесена мѣстная легенда о таинствен-

было, чтобы эта скала, вмѣстѣ съ своимъ таинственнымъ подземельемъ, оказалась въ срединѣ мусульманскаго сооруженія: не долго оставалась она здѣсь непонятнымъ предметомъ чтимой старины. Скала получила прозвище *висящаго камня* и была прославлена магометанскою легендой и стала священной для мусульманъ, такъ какъ именно на ней остановился Магометовъ конь Эльборакъ во время его почного путешествія на небеса; скала поднялась вслѣдъ за улетавшимъ пророкомъ, но, по повелѣнію Магомета, опустилась назадъ и долго оставалась въ висячемъ положеніи. Очевидно, легенды и сказанія христіанскаго характера получили своеобразное мусульманское измѣненіе, и слѣды ногъ Спасителя, крови Захаріи замѣнились отпечаткомъ ногъ Магометова коня. На это превращеніе легендъ обратилъ свое тонкое ученое вниманіе покойный академикъ Васильевскій въ своихъ примѣчаніяхъ къ русскому переводу Святоградца Епифанія, «Повѣсти о Іерусалимѣ и сущихъ въ немъ мѣстѣхъ». Мѣсто, вызвавшее его ученое вниманіе, гласитъ такъ: «близъ Овчей Купели — Святая Святыхъ, гдѣ запеклась кровь Захаріи и находится висящій камень (въ другихъ спискахъ «гдѣ повѣшена Елизавета»), потомъ храмъ Соломона — каждый со своею особою стѣною». Академикъ Васильевскій соображаетъ, что когда послѣ перваго крестоваго похода мечеть Сахра была обращена въ христіанскій храмъ подъ названіемъ Храма Господня (отсюда Храмовники или Тамплиеры), то присутствіе въ немъ камня (отчасти поврежденнаго и раздробленнаго) объяснялось, конечно, уже не магометанскою легендою, а тѣмъ напимѣръ, что это былъ камень, на которомъ спалъ Іаковъ, когда видѣлъ лѣствицу; какъ рассказываетъ нашъ игуменъ Даниилъ и греческій паломникъ XII вѣка Фока, а позднѣйшій греческій анонимъ называетъ этотъ камень «Богоповѣшенною трапезой». Правда, только одинъ Ватиканскій списокъ повѣсти Епифанія говоритъ о висячемъ камнѣ, въ славянскихъ же редакціяхъ говорится о крови Захаріи, которая запеклась, какъ камень; а при искаженіи въ греческомъ спискѣ вмѣсто камня появилось по созвучію имя Елисаветы. Епифаній писалъ свою повѣсть, по всей вѣроятности, въ первой четверти IX-го столѣтія и потому вполнѣ естественно, что онъ былъ освѣдомленъ по мусульманскимъ легендамъ. Но вотъ одинъ изъ арабскихъ источниковъ намъ непосредственно сообщаетъ преданіе, которое онъ (обычная форма арабскаго разсказа) прочелъ въ разныхъ старыхъ книгахъ¹⁾. По этому преданію «всѣ земныя воды вытекаютъ изъ подъ скалы Іерусалимской. Она одно изъ чудесъ Всевышняго Бога на землѣ Его. Эта необдѣланная скала въ срединѣ Меджитъ-аль-Аксы (вся площадь

ной связи таинственнаго Силоама съ Соломоновымъ храмомъ. И далѣе, слѣдуетъ разсказъ о базиликѣ надъ источникомъ Силоамскимъ и водоемахъ для омовеній народныхъ и пр.

1) Мѣдниковъ, «Палестина по арабскимъ источникамъ», стр. 1273—1274. Сл. Сказаніе о райскихъ источникахъ: Силоамскомъ и др., тамъ-же, стр. 1287.

Харама называлась такъ въ этомъ мѣстѣ) отдѣленная (отъ окружающей почвы) со всѣхъ сторонъ. Ее поддерживаетъ Тотъ, Кто удерживаетъ небо отъ паденія на землю». Дальше разсказывается, что скала виситъ на воздухѣ, что на ней видны слѣды поги Пророка, пальцевъ Ангела и другія «чудеса чудесъ». Отсюда вполнѣ естественнымъ становится предположеніе, что эта скала Іерусалима, отдѣленная, т. е. высѣченная изъ почвы, какъ памятникъ, источающая изъ себя всѣ воды земныя, скала Іерусалимскаго храма, почитавшагося средоточіемъ земли, на которомъ впервые было огла-

Рис. 56. Свинцовый отпечатокъ съ палестинской формы VI в., въ ризницѣ собора въ Монцѣ.

шено самимъ Спасителемъ новое благовѣстованіе всему міру, должна стоять такъ или иначе въ связи съ тою символическою скалою, которая служить подножіемъ Спасителя въ образѣ Учителя вселенной (такъ какъ онъ есть Учитель Апостоловъ), подножіемъ Добраго Пастыря, и изъ которой текутъ четыре райскія рѣки, иначе четыре Евангелія. Такая скала или холмъ, подъ ногами Спасителя или Добраго Пастыря, или Агнца, изображается въ значительномъ числѣ древне-христіанскихъ памятниковъ, начиная съ саркофаговъ и кончая мозаиками. Скала представляется или на берегу рѣки Іордана,

или посреди аркадъ Иерусалимскаго храма и могла появиться въ качествѣ символической эмблемы именно въ мѣстномъ искусствѣ Палестины, подъ вліяніемъ сказаній о чудной священной Скалѣ Иерусалимскаго храма, на которой было объявлено ученіе и изъ подъ которой чудеснымъ образомъ проистекаетъ Евангеліе Христіанства. Должно прибавить, однако, что, для утвержденія такого предположенія, потребно будетъ еще продлить изслѣдованіе легендарныхъ источниковъ.

Въ дополненіе къ высказанному нами предположенію представляемъ рисунокъ (рис. 56), замѣчательнаго свинцоваго оттиска съ изображеніемъ апокрифической сцены, такъ называемаго «Благовѣщенія у колодца». Этотъ оттискъ, представляетъ, повидимому, оттискъ шаблона для благословенныхъ хлѣбовъ — евлогій, раздававшихся паломникамъ въ святыхъ мѣстахъ Иерусалима. Ангелъ Господень, съ мѣриломъ въ лѣвой рукѣ и благословляя правою, слетаетъ съ небесъ къ Богородицѣ и произноситъ слова привѣтствія, написанныя внизу: *χαῖρε κεχαρισμένη*. Богородица, преклонивши одно колѣно, держитъ принесенный ею сосудъ подъ струей источника, бьющаго изъ скалы, а лѣвою рукою выражаетъ изумленіе и испугъ при видѣніи Ангела, къ которому она обернула голову. Скала, изъ которой бьетъ вода, изображена въ томъ же самомъ типѣ, какъ и скала, изъ которой извелъ Моисей воду въ пустынѣ, на извѣстномъ саркофагѣ Латеранскаго музея съ изображеніемъ Христа въ историческомъ типѣ съ бородою. Вокругъ изображенія имѣется слѣдующая надпись:

✱ ΕΥΛΟΓΙΑ ΤΗΣ ΘΕΟΤΟΚΟΥ ΤΗΣ ΠΕΤΡΑΣ ΖΕΔΑΧΟ (?)

И такъ, по этой надписи, мы должны заключить о существованіи какого то храма Богородицы, расположеннаго у Скалы имени «Иудеевъ» (?) (τῶν Ἰουδαίων) или имени «Жизнедавца» (Ζωοδόχου?) и, повидимому, находившагося въ Иерусалимѣ, такъ какъ, по Протоевангелію Іакова, «Благовѣщеніе у источника» совершилось во время пребыванія Богородицы въ Иерусалимскомъ храмѣ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ возможныхъ предположеній, мы останавливаемся на одномъ изъ трехъ: храмъ Богородицы находился близъ Священной Скалы храма Иерусалимскаго или у Силомскаго источника или, съ другой стороны, по близости современной мечети Эль-Акса, а священная Скала, о которой идетъ рѣчь, по всей вѣроятности, есть скала Омаровой мечети¹⁾.

1) Историческія подробности о Скалѣ Иерусалимскаго храма, съ рисунками и планами, сообщены въ сочиненіи проф. А. А. Олесницкаго: *Святая земля*, Кіевъ, 1875, стр. 123—145, и въ его же сочиненіи *Ветхозаветный храмъ въ Иерусалимѣ*, 1889 г., о скалѣ, какъ жертвенникѣ всесоженій, см. мѣста по указателю, на слово: скала. Также въ указанномъ сочиненіи Зеппа. Ср. особенно главу: «О церкви Святая Святыхъ» въ «Хожденіи игумена Даниїла», изд. Веневитинова въ *Палест. Сборн.*, I, стр. 29—31. Ср. изображенія Спасителя на скалѣ въ

Зданіе «Золотыхъ воротъ» въ Іерусалимѣ описано наиболѣе точно въ брошюрѣ Унгера¹⁾, но опредѣлено имъ столь же ошибочно, какъ и другими изслѣдователями, кромѣ Вогюэ. Нѣтъ надобности разбирать здѣсь всѣ высказанныя догадки Вильямса, Зеппа насчетъ іудейскаго будто бы происхожденія самаго зданія этихъ воротъ, или гипотезу Сольси—что ворота составляли часть храма, построеннаго Иродомъ Агриппою. Унгеръ отгадалъ въ «Золотыхъ воротахъ» византійскій памятникъ, но напастъ на истинный путь ему помѣшало фантастическое мнѣніе, что базилику Константина и Голгоуу должно искать въ мечети Скалы: Унгеръ, потому, считалъ ворота пропилеями базилики и посвятилъ напрасно много времени на выясненіе своей гипотезы. «Золотыя ворота» и, дѣйствительно, служили пропилеями собственно всего священнаго участка, на которомъ нѣкогда стоялъ храмъ Іерусалимскій, но пока мы рѣшительно ничего не знаемъ опредѣленнаго по вопросу о томъ, зачѣмъ въ византійскую эпоху построены были эти монументальныя ворота. Четыреугольный корпусъ воротъ заключаетъ въ себѣ обширную залу 75 ф. длиною, съ двойными (таб. XLIII) воротами—внѣшними и внутренними въ восточной и западной стѣнахъ корпуса, нынѣ заложенными, но сохранившими свои аркады и пилястры съ капителями. Догадка Унгера, что покрытіе корпуса куполами принадлежитъ позднѣйшему времени (по пащему мнѣнію—мусульманами), вполне вѣрна, но анализъ самаго памятника, со стороны стilia, крайне неточенъ, отчасти благодаря невѣрнымъ рисункамъ, а наиболѣе, вслѣдствіе предвзятой цѣли доказать, что Голгоѳа и Св. Гробъ находились на мѣстѣ іудейскаго храма на площади Харама.

Конструкція воротъ и вся система ихъ орнаментики принадлежатъ къ оригинальнымъ деталямъ византійской архитектуры V—VI вѣка, хотя, конечно, эти формы могутъ быть сведены къ основному римскому прототипу. Такъ, внутренній (внѣшній слабо сохранился) орнаментальный фризъ, идущій по всему карнизу (корпусъ зданія былъ покрытъ, вѣроятно, крестовымъ сводомъ, опиравшимся на пилястры въ стѣнахъ и три колонны по срединѣ), увѣнчивавшему стѣны, наиболѣе напоминаетъ римскія (см. фот. 758, рис. 57) зданія своею пышностью, размѣрами и обиліемъ рѣзьбы, но всѣ

Лицевыхъ Псалтыряхъ, указ. въ «Исторіи визант. иск.», стр. 123. Я. И. Смирновъ, которому мы сообщили эту догадку, указываетъ на отождествленіе источника Богородицы съ Гіономъ (Gihon, у 70-Гіѳъ) и райскою рѣкою Гіѳъ. См. также Петра діакона «Сказаніе о Святыхъ мѣстахъ» (XI вѣка, но составленное по древнѣйшимъ сказаніямъ, напр. по паломничеству такъ называемой Сильвіи, конца IV вѣка), въ *Правосл. Палестинскомъ Сборникѣ*, VII, 2, стр. 78—79, гдѣ описывается «посреди храма Господня, выстроеннаго Соломономъ», «большая гора, обнесенная стѣнами, гдѣ была Скинія, а въ ней Кивотъ Завета... Съ лѣвой стороны Скиніи, Господь Іисусъ Христосъ поставилъ на камень ногу Свою, и тамъ осталась нога отпечатлѣнной» и пр. Ср. Іоанна Фоки *Сказаніе* XII вѣка, *Палест. Сборникъ*, VIII, 2, стр. 43.

1) *Die Bauten d. Constr. d. hl. Grab zu Jerusalem*, p. 57—65.

детали здѣсь носятъ специфическій характеръ Византіи VI—VII вѣка. Громадные пилястры очень тонко, но мелочно и сухо раздѣланы различными

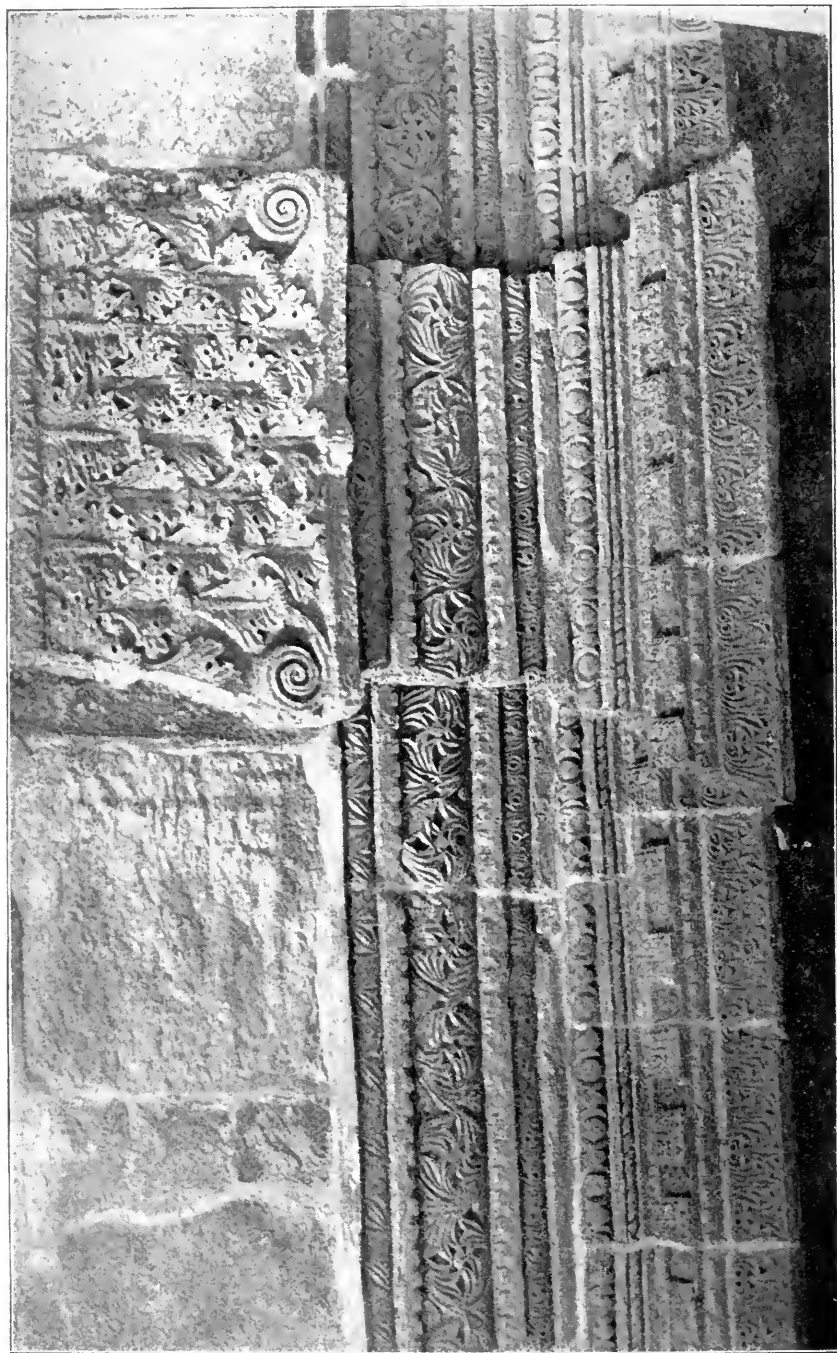

Рис. 57. Разной фронтъ «Золотыхъ воротъ» въ Иерусалимѣ.

полочками, вальками и завитками, въ характерѣ византійской рѣзьбы по дереву, сохраненной намъ плитами иконостасныхъ и другихъ балюстрадъ.

Надъ пилястромъ широкая большая капитель (рис. 58) покрыта въ три ряда отличной рѣзбы аканами, но эти листья сухи, угловаты, не имѣютъ эла-

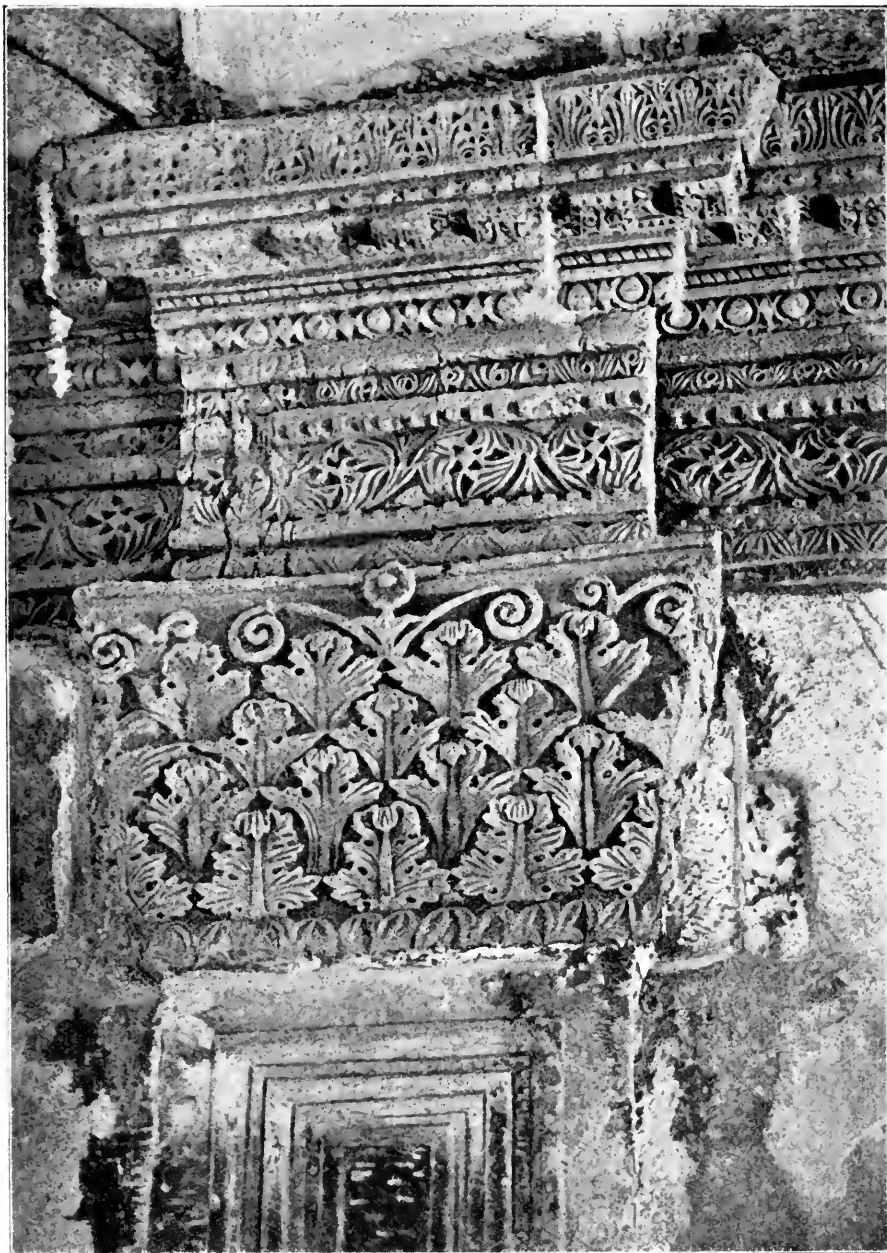

Рис. 58. Иерусалимъ. «Золотыя ворота».

стичности, лишены прежнихъ живыхъ изгибовъ и расположены одинъ возлѣ другого, такъ чтобы рѣзчикъ не могъ сбиться въ рисунокѣ и каждый лис-

токъ могъ окружить углубленнымъ фономъ: по низу расположена кайма изъ копье-стрѣловидныхъ листиковъ лиліи накосъ.

Нынѣ зданіе «Золотыхъ воротъ» изуродовано арабскою передѣлкою: купольнымъ покрытіемъ, заложеными арками, дурною кладкою и вообще восточною реставраціею величественной руины, которой первоначальныя (боковая) стѣны могутъ еще похвалиться величавою римскою конструкціею и кладкою, а тонкая декорация своимъ вкусомъ. Рѣзной монументальный фризъ заступаетъ здѣсь мѣсто карниза на высотѣ равной капителямъ колоннъ (см. внутренній снимокъ за № 759 табл. XLIII), и этимъ ограничивается все украшеніе, но внутренность производитъ впечатлѣніе своими пропорціями и даетъ хорошее понятіе о декоративномъ вкусѣ времени: такой же импозантный характеръ, рассчитанный на силу впечатлѣнія большого открытаго свода и пластичность декоративнаго рѣзнаго карниза, мы находимъ и въ церкви Св. Софіи, церкви Свв. Сергія и Вакха и «Золотыхъ воротахъ» Константинополя. Основной типъ унаслѣдованъ отъ римлянъ.

Капители нашего зданія были, очевидно, нѣкогда разрушены и замѣнены кромѣ одной, безобразными, плохо выработанными поздневизантійскими іоническаго типа, не заслуживающими разбора, или же ихъ подобіями, изуродованными пожаромъ. Изъ первоначальныхъ капителей, которыя всѣ были выполнены въ стилѣ орнаментики зданія, сохранилась едва одна, видная на снимкѣ (рис. 59) на средней колоннѣ. Ея типъ намъ уже отлично извѣстенъ, а именно, онъ тождественъ съ капителями средняго нефа мечети Эль-Акса: это капители безъ волютъ и до верху закрыты густою сѣтью плотно прижатыхъ аканеовъ, подымающихся тремя и четырьмя поясами.

Этому типу вполне отвѣчаютъ капители пилястровъ, также до верху покрытыя тремя поясами аканеовъ (фот. 762 — 768), широкихъ плотныхъ и жесткихъ, съ едва замѣтною отгибающеюся напередъ верхушкою. Иногда вмѣсто среднихъ усиковъ есть узелъ, напоминающій прежніе (V вѣка) Герракловы узлы, а на углахъ изрѣдка есть даже волюты — совсѣмъ не къ мѣсту, и по этой разницѣ можно было бы различить фактуру однихъ капителей отъ другихъ (напр. 762 и 764—766, 747—748), если бы это по-чему либо заслуживало вниманія.

Самый фризъ (фот. 768 рис. 57) состоитъ изъ десяти различныхъ полочекъ, валиковъ и гуськовъ, покрытыхъ сплошною рѣзбою: снизу, какъ бы по архитраву, расположены на валикѣ зигзагомъ трехчастныя лиліи, затѣмъ слѣдуетъ полоса самого фриза (въ тѣсномъ декоративномъ смыслѣ), въ видѣ широкаго выпуклаго вала, по которому идутъ разводами (т. е. образуютъ завитки) побѣги аканеовыхъ вѣтокъ, которыхъ листья искусно загибаются каждый внутрь завитка; далѣе, собственно карнизъ начинается пояскомъ зубцовъ, продолжается валикомъ съ перегнутыми внизъ аканеами — словно

завернутыми на скалке, а заканчивается каблучкомъ съ поясомъ ововъ (уже значительно утратившихъ свой основной типъ), и наконецъ подзоръ изъ мо-

Рис. 59. Иерусалимъ. «Золотыя ворота».

дильоновъ, зубцы и вѣнечное сима изъ антэмй, также подчинившихся казенной формѣ аканеа.

Пышный азіатско-коринскій фризъ, который въ греческой древности украшалъ великолѣпные храмы Эфеса, но въ болѣе ясной, расчлененной строительными частями формѣ, а въ римской сталъ лѣпнымъ украшеніемъ дворцовъ, примѣненъ здѣсь въ рѣзбѣ по мягкому сѣрому камню, внутри здапія, на разсѣянномъ свѣтѣ, съ большимъ эффектомъ.

И потому, хотя всѣ составные элементы и даже композиція ихъ, архитектурная и декоративная принадлежатъ антику, какъ приложеніе рѣзбы въ архитектурѣ, этотъ фризъ принадлежитъ греко-восточной архитектурѣ; его образцы въ Студійскомъ монастырѣ Іоанна Предтечи въ Константинополѣ и пропавшихъ бывшей главной церкви Дамаска, а нынѣ мечети Омміадовъ.

Византійскія капители трапецеобразной (или кубовой) формы, орнаментированныхъ по низу іоническою подушкою съ условными волютами, а по переду куба аканѳами и крестами по срединѣ найдены въ развалинахъ Гезера (дорога отъ Рамле къ Іерусалиму) ¹⁾. Эти капители бѣлаго мрамора, съ зеленоватыми прожилками, повидимому, привезены изъ Прокопесса и относятся къ IX—X столѣтіямъ: словомъ, между капителями Іерусалима мы не видали нигдѣ имъ подобныхъ. Тѣмъ любопытнѣе появленіе этого послѣдняго чисто константинопольскаго типа, обратившаго на себя вниманіе и французскаго ученаго, ихъ издателя, отнесшаго ихъ, предположительно ко времени крестоносцевъ. Но эти капители только лишній разъ утверждаютъ то наше положеніе, что между орнаментированными капителями Іерусалима мы не имѣемъ (за рѣдчайшими и намъ пока неизвѣстными исключеніями) ничего позднѣе первой половины VII вѣка, если, конечно, это не капители арабскаго стиля и происхожденія, узнающіяся легко по своему типу.

Такого рода опредѣленность и древность христіанскихъ памятниковъ Іерусалима можетъ составить драгоцѣнное основаніе для исторіи древне-христіанской архитектуры и подспорье для изслѣдованій въ другихъ ея областяхъ.

Въ развалинахъ византійскаго храма *Св. Анны* ²⁾ обращаютъ на себя вниманіе, прежде всего, прекрасная колонна, на пьедесталѣ съ крестомъ,

1) Clermont-Ganneau, *Recueil d'arch. or.* III, 1900, p. 124.

2) Эти развалины занимаютъ довольно обширное пространство вокругъ церкви, простираясь, видимо, и далѣе за церковную и монастырскую ограду. Но мѣсто вокругъ церкви раздѣлено нынѣ садъ, въ которомъ и установлены, въ качествѣ садовыхъ украшеній, отрытыя древности, и никто не помнитъ, гдѣ именно онѣ добыты. Далѣе, на сѣверо-востокъ отъ фасада церкви, за стѣною, подъ остатками стараго монастыря, обнаружена, во-первыхъ, площадь (табл. III, фот. 688) византійской церкви или часовни, а сбоку отъ нея (или даже передъ нею) вглубь (фот. 689) идущія лѣстницы и подземные своды (повидимому, обычные субструкціи зданій въ этихъ мѣстахъ), очень высокіе, въ разныхъ направленіяхъ, коробового устройства, также, вѣроятно, византійскіе, принимаемые за развалины галлерей «Овчей купели», бывшей гдѣ то по близости. Изслѣдованія развалинъ пока не было сдѣлано въ научномъ смыслѣ. О древней церкви Св. Анны на мѣстѣ средневѣковой постройки, съ планомъ,

очевидно, уцѣлѣвшая отъ базилики и нынѣ стоящая одиноко возлѣ современнаго храма. Капитель этой колонны, коринтскаго ордена, ясно различаема (фот. 681), врядъ ли указываетъ на IV вѣкъ; скорѣе, это прекрасная работа V вѣка, насколько можно судить по толстымъ сердцевинамъ листьевъ, прижатыхъ къ корзинамъ и совершенно утратившихъ свою эластичность, по ма-

Рис. 60. Иерусалимъ. Церковь Св. Анны.

нерности примкнутыхъ другъ къ другу лонастей, по малому отвѣсу верхушекъ, и вообще по сухому, мало пластичному характеру рѣзбы; на ту же

видомъ, разрѣзомъ и орнаментальными деталями (весьма условно переданными и не дающими понятія объ эпохѣ) трактовалъ архитект. Пьеротти, въ соч. *Jerusalem explored*, 1864, vol. II, pl. 40—42. Выезда — Бейт-Ганна — домъ милости и домъ Анны. Clermont-Ganneau, *Recueil d'arch. or.* II, 1898, p. 156. Паломники: Θεοδοσίη (изд. Гильдемейстера, стр. 20): «juxta piscinam probaticam item est ecclesia dominae Mariae». Также: Антонинъ, 27: «ad piscinam natatoriam quae habet 5 porticus, ex quibus una habet basilicam S. Mariae, in qua multae fiunt virtutes» — называютъ еще церковью Св. Дѣвы Маріи («Великой»), а соч. De Casis Dei, около 808 г. прибавляетъ: «in S. Maria ubi nata fuit in probatica», указывая, такимъ образомъ, на посвященіе Матери Св. Дѣвы. Тѣже данныя въ четырехъ строфахъ 20-й оды патр. Софронія, Migne, t. 87, pag. 3821—3823, v. 81—94.

эпоху указываетъ и пьедесталь съ византійскимъ крестомъ, отличающійся, противъ раннихъ пьедесталовъ (мечеть Дамаска и пр.), тонкою, детальною и мелочною профилюекою.

Того же типа, но болѣе небрежна капитель, снятая на № 682 (рис. 60) и тождественная съ нею ¹⁾, хотя пострадавшая капитель за № 684, (рис. 61) очевидно, даже не V вѣка, а VI вѣка, когда въ Сиріи еще не стали извѣстны новыя формы византійскихъ капителей въ видѣ плетеной корзины. Затѣмъ въ саду размѣщены мраморные куски: орнаментальнаго амвона (фот. 685),

Рис. 61. Иерусалимъ. Церковь Св. Анны.

декоративной тумбы или устоя съ любопытными поздними пальметками (фот. 687), базы отъ колонокъ иконостасной преграды и пр. Всѣ эти остатки принадлежать, видимо, малой церкви, открытой нынѣ надъ субструкціями, что же касается большой византійской церкви Св. Маріи и Свв. Богоотецъ Іоакима и Анны, то, при средневѣковомъ возобновленіи ея, ея стиль останется намъ болѣе или менѣе неизвѣстнымъ.

1) Ср. капитель собора въ Паренцо, *Errard et Gayet*, pl. VI, 2.

Капителей въ развалинахъ церкви *Св. Стефана* ¹⁾ сохранилось и открыто очень немного: церковь была, по обычаю разнесена по частямъ, и на мѣстѣ уцѣлѣло только то, что признано было негоднымъ, или что было подъ мусоромъ. Уцѣлѣвшія капители поставлены на свѣту, на террасахъ и стѣнкахъ, но, видимо, происходятъ не отъ церкви, а отъ разныхъ пристроекъ, усыпальныхъ часовенъ и т. п. Пилястровая капитель (фот. 791 рис. 62) любопытна своею близостью къ капители, открытой на русскихъ постройкахъ,

Рис. 62. Иерусалимъ. Церковь Св. Стефана.

но лучше по фактурѣ: тѣ же два пояса широкихъ анаксовъ, сомкнутыхъ остріями, тотъ же третій поясъ верхушекъ акантовыхъ листьевъ и надъ ними поверхностно высѣченныя ленты завитковъ; капитель или IV, или начала V вѣка. Капитель въ видѣ плетеной корзинки (фот. 792) или конца V,

1) Появившаяся въ 1894 г. книга: P. M. S. Lagrange, *Saint Étienne et son Sanctuaire à Jerusalem* освобождаетъ насъ отъ необходимости описывать развалины, прилагать планъ и пр., что сдѣлано авторомъ, самолично производившимъ раскопки на мѣстѣ древней базилики. Снимки капителей даны на стр. 132—135.

или VI вѣка. Коринфская капитель (на фот. 793 рис. 63) того же характера, что въ Омаровой мечети, но болѣе поверхностной, ремесленной работы IV столѣтія; такова же капитель на фот. 794, но сильно пострадавшая листва не сразу выдаетъ свое тождество.

Въ развалинахъ церкви Св. первомученика *Стефана* также открыты мозаическіе полы, во первыхъ на мѣстѣ, занимаемомъ главною, древнею базиликою, въ двухъ кускахъ, у сѣверо-восточнаго угла базилики, между сохра-

Рис. 63. Иерусалимъ. Церковь Св. Стефана.

нившимся здѣсь пилестромъ изъ скалы, обдѣланнымъ въ мраморъ, и у восточной стѣны, отъ ея середины до южнаго угла; въ первомъ случаѣ кайма изъ жгута или волны и завитковъ, во второмъ кусокъ мозаики, съ тою же каймою. Въ западной части базилики весь полъ былъ выломанъ постройкою позднѣйшей малой церкви. Кромѣ того, съ боку новопостроеннаго, близъ развалинъ, пріюта доминиканцевъ, открыты въ 90-хъ годахъ фундаменты древней усыпальницы, со склепомъ, украшенной мозаическимъ поломъ, отличпо

сохранившимся (общій видъ трехъ склеповъ и покрытой часовни съ поломъ на фот. 787—964, снимокъ мозаики — 788—965, табл. LXVII, также на рисункахъ Околовича по кат. 966). Полъ представляетъ обычную сѣтку, по пастилкѣ бѣлымъ шиферомъ, раздѣлающую цвѣтными (темнокрасными) накосъ рѣшетками, а въ срединѣ медальонъ, какъ бы прибитый на рѣшеткѣ, съ изображеніемъ агнца, пасущагося въ саду—образъ души праведнаго въ раю. Другой склепъ также былъ украшенъ мозаическимъ поломъ, но безъ священныхъ изображеній.

Многочисленные склепы, открытые въ холмахъ, противулежащихъ базиликѣ Св. Стефана (между прочимъ, здѣсь же находится и такъ называемая Голгоа Гордона), даютъ поводъ заключать, что и эта загородная окрестность стараго города также была излюбленнымъ мѣстомъ для усыпальницъ, хотя не въ той степени, какъ Элеопъ. И потому, съ разработкою участковъ по этому склону, здѣсь можно надѣяться на богатія находки древне-христіанскихъ памятниковъ.

Равно и на Элеопѣ, въ русскомъ пріютѣ, мы встрѣтили рядъ капителей, найденныхъ при очисткѣ мѣста для новыхъ построекъ и собранныхъ устройтеlemъ этого пріюта арх. Антонномъ. Передъ самымъ зданіемъ пріюта установлены обломки мелкихъ колоннъ (0,36 и 0,40 м. въ діаметрѣ) изъ мѣстнаго розоватаго мрамора; между ними одно побольше (0,54 м.) изъ verde antico, къ этимъ колоннамъ одна найденная капитель коринтскаго ордена, съ акапоами въ два пояса, широкими и низкими, и полсомъ ововъ на верху; другая капитель, сильно пострадавшая, имѣетъ тотъ же типъ мелко высѣченныхъ и плотно прижатыхъ листьевъ, какъ въ описанной капители пиластра въ пропильяхъ базилики Константина, стало быть, по нашему расчету, не ранѣе V вѣка. Другіе обломки или мелки, или сильно пострадали.

Какъ извѣстно, самый домъ пріюта прикрываетъ собою два мозаическіе пола древнихъ элеонскихъ усыпальницъ; одинъ изъ этихъ половъ крайне простаго рисунка, изъ чернаго, краснаго и бѣлаго камня; другой, съ армянскою надписью, великолѣннаго рисунка, изданъ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, по вновь снятъ нами и въ фотографіяхъ (снимки 801—802) табл. LXI и LXII и въ краскахъ Н. А. Околовичемъ.

Въ главной залѣ, прикрывающей собою древній полъ, разставлены по полу, съ краю мозаическаго рисунка, и размѣщены въ шкапу множество мелкихъ древностей, найденныхъ въ гробницахъ холма Элеона, открытыхъ на русскомъ мѣстѣ: изъ этихъ древностей главное вниманіе на себя обращаютъ 11 погребальныхъ урнъ, украшенныхъ рѣзьбою, представляющихъ двери мавзолея и иные орнаменты, далѣе множество плитъ, пиля съ крестами, монограммами и пр., лампочки, стекляшныя фіолы и пр.

Рядомъ съ Элеономъ на холмикѣ, получившемъ въ послѣднее время имя «Новой Галилея», согласно приуроченію къ этому холму извѣстнаго явленія воскресшаго Спасителя, мы осмотрѣли новооткрытый мозаическій полъ на мѣстѣ бывшей тамъ усыпальницы, съ простымъ рисункомъ изъ розовыхъ розетокъ и надписью *μνησθητι της δουλης σου ζαννης*. Возлѣ этой часовни огорожена цѣпѣ большая древняя плита съ надписью: ✠ *θηκη του αγιου πατρος*

Рис. 64. Иерусалимъ. Царскія гробницы.

ημων θεογενοους επισκς. Тутъ же открыто нѣсколько обломковъ монолитныхъ колоннъ и капителей, относящихся къ V вѣку.

Мы уже говорили, что капитель (рис. 64) открытая въ 1880-хъ годахъ въ Царскихъ гробницахъ (и нынѣ поставленная среди разныхъ обломковъ въ углу ихъ главнаго портика), по своему сходству (почти даже тождеству) съ двумя капителями оригинальнаго типа въ Суейдѣ (рис. 65), заслуживаетъ особаго вниманія. И, дѣйствительно, присутствіе этой капители окончательно

доказываетъ принадлежность Царскихъ гробницъ первому или второму вѣку по Р. Х., о чемъ, правда, на основаніи другихъ декоративныхъ формъ этого памятника давно догадались компетентные изслѣдователи, въ то время какъ другіе продолжали увлекаться фантазіями о глубокой древности этого памятника. Доказательство пынѣ представляется на лицо: капитель, очевидно, принадлежала лицевому портику главной гробницы (или усыпальницы) и она не можетъ быть ранѣ I и позднѣ II вѣка по Р. Х. Мы имѣемъ здѣсь такой же повышенный калатосъ (какъ въ одной капители Суейды, въ то время какъ другая, видимо, была спилена), но безъ розвала и выгиба, тяжелый, почти четырехугольный; по низу калатоса поднимаются въ два пояса широкіе, какъ бы тростниковыя листья, съ небольшими (грубой лѣшки и толстыми) верхушками; изъ за этихъ поясовъ поднимаются стебли (*cauliculi*), изнутри которыхъ выходятъ угловыя волути и средніе усники, поддерживающіе центральную розетку. Конечно, въ капители Суейды характеръ тростниковыхъ стеблей гораздо опредѣленнѣе, но сущность типа та же.

Совершенно тотъ же типъ капителей въ Греціи и Римѣ мы лично не можемъ указать, хотя считаемъ вполне возможнымъ существованіе его образца на западѣ, но знаемъ нѣсколько варіантовъ этого типа. Уже на извѣстномъ памятникѣ Лизикрата въ Афинахъ находимъ въ орнаментации его чудныхъ капителей въ нижнемъ поясѣ подобныя же тростниковыя листья, вмѣсто аканѳовъ. И, конечно, скульпторъ искалъ здѣсь противуположеніемъ зубчатаго аканѳа гладкому листу водянаго растенія достигнуть извѣстнаго эффекта, также какъ эту цѣль преслѣдуетъ контрастъ верхняго пояса острыхъ листьевъ тростника на капителяхъ аѳинской Башни Вѣтровъ съ нижнимъ поясомъ лапчатыхъ аканѳовъ. Тонкій листъ тростника отлично переданъ въ капителяхъ Суейды, но въ Царскихъ Гробницахъ рисункъ, видимо, спутанъ, и получился какой то листъ изъ двухъ половинокъ, отдѣльно свѣшивающихся на верху.

Рис. 65. Суведа. Домъ въ городѣ.

Четыре античныя колонны въ церкви *Santa Agnese fuori le mura* (626 г.) въ Римѣ представляютъ (близъ алтаря, см. фотогр. см. бр. Алинари № 21269) два пояса широкихъ, совершенно гладкихъ листьевъ, какъ будто

не раздѣланныхъ аканѳовъ, и подобную же канитель представляетъ чудный антаблементъ въ Римѣ, относимый къ вѣку Августа ¹⁾).

Такое же значеніе матеріаловъ по исторіи развитія сирійскаго орнамента имѣютъ и наши снимки въ извѣстныхъ издавна «Царскихъ гробницахъ» и «Гробницѣ Судей» (фот. 797—798 и 858). Въ кучѣ декоративныхъ обломковъ, лежащихъ въ портикѣ большой «Царской Гробницы», обращаетъ на себя вниманіе фрагментъ карниза, украшеннаго мелкою листвою пальметокъ и овами съ вертикально-торчащими листьями аканѳа (тождественными съ листвою канители «Двойныхъ воротъ»). По этимъ даннымъ еще болѣе укрѣпляется догадка, основанная на указаніяхъ Юсифа Флавія, что «гробницы» эти принадлежали фамиліи Елены, царицы Адіабенской, обратившейся въ христіанство и умершей въ 48 году по Р. Х. ²⁾

Хронологія такъ пазываемыхъ «Царскихъ гробницъ» и ихъ происхожденіе установлены были еще Евсевіемъ его «Церк. Ист.», II, гл. XII: «Въ предмѣстіи пынѣшней Эліи (Евсевій называетъ такъ Іерусалимъ, прозванный въ честь Элія Адріана, цѣликомъ перестроившаго городъ) и доселѣ еще указываютъ пышные памятники той самой Елены, о которой упоминаетъ Юсифъ (царица Осхоены, накормившая Іудею во время голода 46 года по Р. Х.). Говорятъ, что она была царицею Адіабиновъ». Юсифъ Флавій *Antiq.* 20, с. 2, сообщаетъ, что, по смерти Елены, ея кости, вмѣстѣ съ костями ея сына Ипата, присланы были въ Іерусалимъ и погребены «подъ тремя пирамидами».

Приблизительно того же времени «Гробница Судей», открытая въ горѣ, цѣликомъ изрытой могильными пенцерами одного стиля (съ подражательными греко-египетскими формами входныхъ дверей, указывающими на римскую эпоху). Большой входъ, украшенный фронтономъ, отлично раздѣланъ мелкою листвою аканѳовъ (фот. 858), въ которой особенно характерны стрѣловидные листья по угламъ, и ихъ сухая, мелочная рѣзба.

Близкое сходство рисунка и рѣзбы съ украшеніями на саркофагахъ открытаго въ 1891 году склепа въ Никифоріи близъ Іерусалима (фот. 815—819); по крышамъ этихъ саркофаговъ глубокая рѣзба представляетъ рзводы лозы съ аканѳовыми листьями по концамъ; греко-римскій орнаментъ переданъ здѣсь со многими натуралистическими варіаціями.

Уже въ послѣднихъ числахъ октября 1891 года ходили въ Іерусалимѣ слухи объ открытіи, на участкѣ земли, принадлежащемъ Православной патриархіи и называемомъ «Никифорія», замѣчательнаго семейнаго погребальнаго склепа. Открытіе это было сдѣлано случайно однимъ изъ рабо-

1) Фот. бр. Алинари 15265: Frammento della Trabeazione dell' Efebeo d'Agrippa.

2) Cp. Clermont-Ganneau, *Recueil d'arch. or.* II, 1898, p. 254, note 256—257.

чихъ при начатыхъ на этомъ участкѣ работахъ по постройкѣ. По обнаруженіи склепа, владѣльцы производили въ теченіи двухъ мѣсяцевъ съ перерывами раскопки кругомъ него, причемъ никто, кромѣ рабочихъ, туда не допускался, и настоящая краткая замѣтка имѣеть цѣлью дать только отчетъ о видѣнномъ: подробное разслѣдованіе памятника, по различнымъ причинамъ оберегаемаго и даже скрываемаго, не было удобно и, видимо, право этого изслѣдованія владѣльцы желали оставить за собою.

Участокъ «Никифорія» приходится противъ Сіонской возвышенности Іерусалима, по прямому направленію на западъ, и лежитъ надъ Виолеемскою дорогою, представляя собою легкій склонъ къ Іерусалиму. Какъ мѣстность подъ этимъ участкомъ, такъ равно и вся сосѣдняя на сѣверъ до монастыря Св. Георгія и на югъ до колоніи храмовниковъ въ древности служила, повидимому, для ломки камня (см. каменоломни, обозначенныя на картѣ № 3 къ стр. 86 въ путеводителѣ Бедекера изд. 1891 г.). Но собственно патриаршіи участокъ показывалъ наиболѣе ясныя слѣды этой эксплуатаціи, быть можетъ, потому, что края скалъ были здѣсь повыше, ломка удобнѣе и давала больше матеріала. По крайней мѣрѣ, ходя по участку, легко намѣтить карнизы обтесанныхъ скалъ, а рядомъ съ новою находкою громадная пещера представляетъ подобную ломку въ очень свѣжихъ изломахъ.

По близости отъ найденнаго склепа подобный карнизъ на большомъ протяженіи представлялся уже откопаннымъ: мѣстами онъ образуетъ просто обстѣченную стѣну вышиною отъ 1 до 1½ сажень, мѣстами рядомъ идущая параллельно другая стѣна образуетъ съ первой родъ длиннаго открытаго корридора или хода, неизвѣстно куда ведущаго. Одинъ ходъ приводитъ къ большой террасѣ, облицованной тесаннымъ камнемъ, котораго нижняя кладка сохранилась и представляетъ замѣчательную (римскую или римскаго періода) укладку правильныхъ кубовъ на вытесанной скалѣ, безъ всякой связи. По линіи терраса имѣеть 28 аршинъ, и оба угла этой линіи вполне правильны; если считать эту сторону лицевою, то боковыя стороны пока остались не отысканы и неизвѣстны по своимъ размѣрамъ. А такъ какъ терраса образовала, видимо, правильный четырехугольникъ и кладка тесанныхъ камней исполнена была *около* массивной скалы, то возможно думать, что эта терраса представляла массивное и монументальное сооруженіе, вѣроятно, надгробное и всего скорѣе правильную пирамиду или гіеронъ съ глухими стѣнами внизу и декоративнымъ верхомъ въ видѣ храма, увѣнчаннаго пирамидою.

Но затѣмъ оставалось вопросомъ, имѣеть ли эта часть какое-либо отношеніе къ склепу, или нѣтъ. Въ углу площадки были свалены найденные по близости террасы обломки архитектурныхъ украшеній, повидимому, принадлежавшихъ именно этому гіерону.

Обломки же обращали на себя вниманіе, прежде всего, своею мелочностью: очевидно, въ нихъ уцѣлѣлъ только мусоръ отъ зданія, обломки никуда не годные, тогда какъ все крупное было взято. Уже въ отдаленіи найдено было нѣсколько барабановъ колоннъ, но ни одной цѣльной капители не встрѣчено. А такъ какъ обломки эти относятся еще къ хорошему времени греко-римской архитектуры съ I вѣка до Р. Х. и по II стол. по Р. Х., то естественно думать, что все массивное зданіе было разобрано въ христіанскую эпоху.

Упомянутая яма образовывала правильно высѣченный въ скалѣ четырехугольникъ: эта высѣчка одновременно должна была давать доступъ къ склепу и доставляла матеріалъ для постройки.

Входъ въ склепъ имѣетъ видъ узенькаго покатаго хода внизъ: онъ оканчивается первою дверью, устроенною въ складенной стѣнѣ; за стѣною узкій корридоръ, открывающійся налѣво и нынѣ занятый вращающимся камнемъ (рис. 69) которымъ былъ задвинутъ первоначально ходъ. Вновь узкій и низкій покатый ходъ приводитъ, затѣмъ въ первую камеру. Какъ эта камера, такъ и всѣ послѣдующія пять, и связывающіе ихъ низкіе и узкіе корридоры оказываются выложенными (или скорѣе облицованными) изъ правильно и отлично (по римскимъ приемамъ) вытесанныхъ камней средней величины (отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 арш., при высотѣ $\frac{3}{4}$ аршинъ). Было бы точнѣе говорить: облицованными, такъ какъ за многими стѣнами видна натуральная скала и забутка между нею и тонкою стѣною изъ кусковъ. Очевидно, что во всѣхъ боковыхъ камерахъ эти стѣны прикрываютъ натуральную скалу пещерныхъ склеповъ, но и въ корридорѣ, связывающемъ среднюю камеру съ боковою, въ осыпавшемся углу также видна скала — въ наше посѣщеніе нельзя было разобрать точно, но можно думать, что строители склепа воспользовались *существовавшими уже пещерными урбницами* и только облицовали ихъ для знатнаго рода.

Повидимому, вся работа, хотя была исполняема лучшими мастерами, но ведена на скоро, а именно: потолокъ почти вездѣ оставленъ натуральнымъ и слегка прикрытъ стукомъ, или скорѣе побѣленъ отъ сырости; этотъ тонкій и ничѣмъ не закрѣпленный слой почти вездѣ осыпался и рѣдко гдѣ обвалился кусками. Потому, особое обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что средняя камера имѣетъ потолокъ въ видѣ свода, именно коробоваго, плоскаго и выложеннаго тонкимъ плитнякомъ.

На полу средней камеры, во время нашего посѣщенія, лежали одна на другой плиты, замыкавшія наглухо входы въ боковыя камеры. Въ камерахъ справа и слѣва ничего не оказалось, но въ камерѣ, противъ входа, имѣющей продолговатую форму, найдено два замѣчательныхъ саркофага, стоявшихъ у стѣнъ, а въ глубинѣ камеры обнаруженъ низкій корридоръ, ходъ или даже,

быть можетъ, позднѣйшая лазейка въ склепъ, устроенная въ то время, когда имъ завладѣлъ или грабитель, или лицо, захватившее склепъ для устройства втораго погребенія. Когда мы видѣли этотъ ходъ, онъ былъ закрытъ пли, скорѣе, забученъ мелкимъ камнемъ, и владѣльцы хотѣли очистить этотъ ходъ и продолжать въ этомъ направленіи поиски.

Но самое любопытное данное касательно саркофаговъ намъ не пришлось установить: изъ рассказовъ ясно было только одно, что саркофаги найдены были въ потревоженномъ состояніи, а именно: они стояли не прикрытыми, крышка одного лежала сверху, прикрывая часть того и другаго саркофага, а крышка втораго была найдена у противоположной стѣны. Что было затѣмъ найдено внутри саркофаговъ, быть можетъ, разъяснится впоследствии лицами, которыя были очевидцами открытія: во всякомъ случаѣ, никакихъ драгоценностей пли даже цѣнныхъ предметовъ не было найдено.

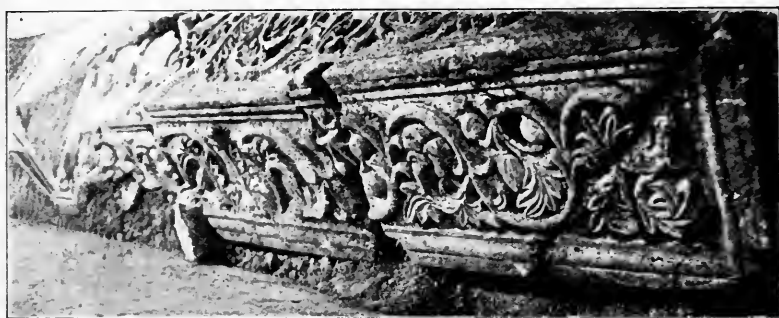

Рис. 66. Никифорія. Крыша саркофага.

Повидимому, склепъ былъ разоренъ, крышки съ саркофаговъ сняты, и одна крышка, оказавшаяся въ сторонѣ, разбита.

Отдѣлка саркофаговъ очень изящна, богата и ясно указываетъ на время погребенія, весьма близкое къ эпохѣ Рождества Христова. У одного саркофага стѣнки его покрыты замѣчательно тонкимъ орнаментомъ (рис. 67 недостаточно передаетъ эту тонкость): посреди стѣнки видѣется горлышко сосуда, изъ него подымается такъ называемый финикійскій букетъ, и усики пли разводы его расходятся по обѣ стороны волною въ видѣ побѣговъ съ суставчатыми колѣнцами; внутри каждаго завитка этой волпы помѣщена сирійская розетка съ округлыми лепестками.

Крыша одного изъ саркофаговъ (рисунки 66 и 68 представляютъ орнаментацию обоихъ скатовъ крышки) оказалась богато орнаментированною: разводы виноградной лозы съ акавовыми листьями по концамъ расходятся здѣсь по сторонамъ средней пальметты. Орнаментъ въ основаніи греческій,

по примѣненію живописнаго богатства въ рѣзбѣ греко-римскій, а по нѣкоторымъ натуралистическимъ придамъ, напр., плодамъ среди побѣговъ — сирійскій.

Эта обычная въ Палестинѣ помѣсь сирійскаго и эллинскаго черезъ посредство римскаго образца здѣсь является весьма характерною и заслуживаетъ подробнаго анализа.

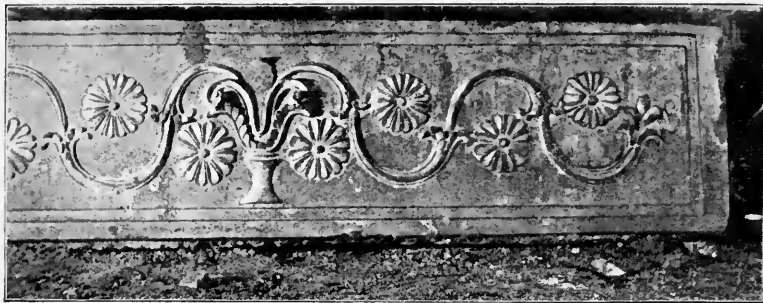

Рис. 67. Никифорія. Бокъ саркофага.

Типъ орнамента и сухая рѣзба напоминаетъ наиболѣе орнаментъ фронтона надъ входомъ и мелкаго щипца надъ дверью извѣстной гробницы Судей.

Рис. 68. Никифорія. Саркофагъ.

Наиболѣе замѣчательный мозаическій полъ, послѣ Элеонской мозаики, находится въ монастырѣ Св. Креста, основанномъ еще въ V вѣкѣ, но построенномъ (фот. 848) въ своемъ современномъ видѣ, не ранѣе XIII стол., что указывается, прежде всего, планомъ церкви, а затѣмъ, ея остроконечными арками, при купольномъ покрытіи. Церковь (табл. LVII) имѣетъ на западной сторонѣ узкій нартѣкъ, съ единственнымъ (нынѣ?) входомъ на южной сторонѣ; затѣмъ, три нефа, образованные парю столбовъ, куполь,

опущенный на 4 столба, три абсиды; словомъ, эта церковь представляетъ вполне поздне-византійскій планъ, а остроконечныя арки здѣсь должны быть относимы къ пріемамъ мѣстныхъ архитекторовъ и къ мусульманской архитектурѣ, а не къ готикѣ. Въ началѣ XIV вѣка церковь была недолгое время

Рис. 69. Іерусалимъ. Никифорія. Входъ въ открытую гробницу.

мечетью, возобновлена въ 1643 году грузинскими царями и вся росписана хорошими мастерами аль-фреско. Въ куполѣ еще можно различить І. Христа Вседержителя, на столбахъ триумфальной арки отлично (см. 851—852) сохранились фрески: Христосъ и Богородица (табл. LIX и LX по надписи: «Одигитрія») стоящая съ младенцемъ на лѣвой рукѣ, подъ сценою Благовѣ-

щенія (см. 849). Затѣмъ любопытны отличныя колоссальныя изображенія (по столбамъ): соборъ арх. Михаила (табл. LVIII) Святителей и Святыхъ (по стѣнамъ церкви, въ нижнемъ поясѣ): у входа: Константина и Елены, грузинскихъ царей, отшельниковъ, святыхъ воиновъ, и пр. по принятому византійскою церковью подбору. Мозаическій полъ, современнѣйшее построеніе церкви, сохранился: 1) въ среднемъ пространствѣ, внутри 4 столбовъ, почти цѣликомъ, такъ что разрушенная у переднихъ (западныхъ) столбовъ часть закрѣплена каменною настилкою, и 2) въ сѣверномъ нефѣ, сбоку этого средняго пространства, съ характеромъ каймы вокругъ всей срединной мозаики: здѣсь рисунокъ представляетъ сплошное плетеніе. Въ центральной мозаикѣ имѣются (снимокъ 856, табл. LVI), прежде всего, два бордюра изъ вѣточки и волны, а внутри ихъ уже широкая кайма изъ крупныхъ акантоновыхъ разводовъ съ помѣщенными внутри животными, наиболѣе причудливыхъ или даже фантастическихъ типовъ. Вся середина подѣлена, сѣтью перекрещивающихся и изламывающихся въ различныхъ геометрическихъ построеніяхъ линій, на многоугольники, по принципу арабской орнаментики съ ея «геометрическими плетениями», въ которыхъ параллельныя линіи перерѣзываются перпендикулярно и вновь дробятся діагоналями, а одна фигура многоугольника производитъ другую. Внутри этихъ фигуръ, какъ въ византійскихъ разводахъ и завиткахъ, помѣщены красивыя птицы, тѣхъ уже схематическихъ типовъ, какіе мы знаемъ въ средневѣковыхъ миниатюрахъ и особенно металлическихъ издѣліяхъ арабовъ. Но отъ древняго контскаго орнамента, который и здѣсь послужилъ образцомъ, еще остались полурозетки и медальоны, также разные узлы, условныя цвѣтки, гирлянды и пр., размѣщенные по мозаической сѣти въ ромбахъ, кругахъ и многоугольникахъ. Мозаика заслуживаетъ быть изданною въ краскахъ, по благородству ея тоновъ, уже не принадлежащихъ византійской схемѣ, но арабской: сѣро-лиловый тонъ здѣсь отлично сведенъ съ свѣтлоричневымъ или шоколаднымъ; красный утратилъ свою обычную яркость, а зеленый — свою силу; вообще господствуютъ полутоны.

Далѣе, имѣя необходимость посѣщать Іерихонъ ради производившейся тамъ развѣдки, мы воспользовались случаемъ (23-го ноября) и отправились оттуда (въ 8¹/₂ часовъ утра) въ монастырь *Св. Саввы Освященнаго*, обычною дорогою паломниковъ изъ Іерихона по правому берегу Іордана, пересѣкая плодородныя заливныя плантаціи, вплоть (около 1 часа) до подъема въ гору. Тамъ, среди крайне печальной мѣстности, не представляющей уже никакой растительности на сычужныхъ илистыхъ и мѣловыхъ холмахъ, съ немалымъ удивленіемъ встрѣчаешь громадный, нынѣ возобновленный, монастырь деревни *Нсби-Муса*, котораго христіанское происхожденіе заслуживало бы изслѣдованія. Отсюда идя съ одного мѣловаго холма на другой, взбираясь

по крутымъ подъемамъ, шли мы по совершенно безплодной мѣстности, гдѣ не только не видишь кустарниковъ, но и травы нѣтъ въ самыхъ глубокихъ ложбинахъ: вода, попадая здѣсь на крайне глинистую и илистую почву, за-тягиваетъ всѣ ея поры, «заболачиваетъ», какъ говорятъ, а солнечный жаръ разомъ образуетъ непроницаемую корку, изъ подъ которой никакая былинка не вырастаетъ: мѣстность болѣе пустынна на видъ, чѣмъ сама песчаная пустыня. А между тѣмъ, и здѣсь есть кой-какая жизнь, и здѣсь бродятъ стада

Рис. 70. Вифлеемъ. Базилика Рождества.

Бедуиновъ. Только поднявшись на господствующее плоскогорье (черезъ 2 часа послѣ Неби-Муса), котораго склоны эта холмистая мѣстность образуетъ къ Мертвому морю, и увидавъ съ вышины этого плоскогорья моавитскія горы, то голубоватыя, то красно-коричневыя и ярко-пурпурныя, то подернутыя бирюзовою дымкою, мы могли передохнуть. Задохлись ослы и мулы, три раза роняли на крутыхъ спускахъ наши аппараты и багажъ. Поэтому плоскогорью было легко и пріятно идти и людямъ, и животнымъ; отовсюду открывались чудные виды, воздухъ отличался легкостью горныхъ

мѣсть. Только въ $3\frac{1}{2}$ часа дня (стало быть, черезъ $7\frac{1}{2}$ часовъ перехода отъ Иерихона, хотя мы нигдѣ не имѣли стоянки) мы завидѣли въ лощинѣ рядъ бедуинскихъ палатокъ съ ихъ хозяевами, промысляющими нищенствомъ, и стали подыматься по широкой, вырубленной въ скалахъ и частью дополненной мостовыми, дорогѣ, пока (черезъ 20 минутъ подъема) пришли въ монастырь. Его дивное мѣстоположеніе, полное суроваго величія, глубокое ущелье съ отвѣсными стѣнами, безчисленныя пещеры, изрытыя, подобно гиѣздамъ въ пѣдрахъ скалъ, грандіозныя постройки, которыхъ фундаменты и основанія восходятъ къ VI вѣку, наконецъ, священныя воспоминанія мѣста и его необыкновенныхъ подвижниковъ, все это дѣлаеть изъ монастыря Св. Саввы памятникъ христіанства, и потому фотографъ экспедиціи долженъ былъ поспѣшить, чтобы въ теченіи двухъ сутокъ, памя проведенныхъ въ обители, выполнить рядъ наружныхъ его видовъ (фот. 822—831, табл. LXXII), снимковъ внутренности главной церкви (827), церкви Св. Николая (832), одной иконы изъ церкви Іоанна Дамаскина въ старомъ окладѣ (831) и пр. Собственно древнихъ памятниковъ въ монастырѣ не оказалось: соборъ новый, и все убранство въ немъ новое, ризница или ничего не сохранила отъ древности, или, быть можетъ также, именно намъ не удалось найти ничего древняго, и только въ одномъ уголку, за главною церковью, между часовнею Св. Георгія и примощенными сбоку келіями (въ одной изъ нихъ при насъ помѣщался старецъ Симеонъ, 76 лѣтъ, русскій, изъ отставныхъ солдатъ) нашли мы остатки мозаическаго пола, самаго бѣднаго рисунка, но, вѣроятно, весьма древняго, какъ, конечно, и многое другое въ монастырѣ. Дѣла рукъ человѣческихъ имѣютъ свою фizioномію и узнаются со стороны древности, только когда не лишены ниолнѣ художественной формы, а здѣсь издревле избѣгали красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Экспедиція посѣтила не разъ Вилеємъ и выполняла въ церкви Рождества Христова рядъ снимковъ. Колонны Вилеємской базилики, монолитныя 6 метр. вышины, т. е. очень низкія и даже приземистыя, безъ суженія (по крайпей мѣрѣ, на глазъ), съ базою на низкомъ плинтусѣ и очень бѣдныхъ формъ (верхній торъ вертикально обсѣченъ и подѣленъ желобкомъ), но снабжены еще прекрасными капителями, одного типа и фактуры и, очевидно, сработанными для самой христіанской базилики, въ мѣстной мастерской, такъ какъ и крѣпкій камень самихъ стволовъ есть мѣстный «маякъ». Тѣмъ интереснѣе эти капители (фот. 846 рис. 70), что онѣ являются послѣднимъ, ясно опредѣляемымъ и еще не сорваннымъ съ мѣста, звеномъ въ послѣдовательной цѣпи развивавшихся въ Сиріи орнаментальныхъ формъ коринтской капители. Христіанское происхожденіе капителей засвидѣтельствовано на каждой четырьмя кронштейнами на срединѣ ихъ абака, имѣющими, посреди листовенной раздѣлки, глубоко вырѣзанный крестъ: предпола-

гать здѣсь подновленіе лѣтъ никакихъ основаній. Акапоовые листья охватываютъ капитель тремя поясами, и оба верхніе пояса равно развиты и равной высоты; вмѣсто средней розетки два плоскихъ завитка, тождественныхъ съ угловыми. Листва акапоовъ пышная, сочная, листья низки и жирны, лопасти широкія и безъ иголъ, наклонъ небольшой; контуры листа утратили пластическую выпуклость и эластичность, и листъ сталъ грузенъ; острія лопастей не сомкнуты.

Рис. 71. Яффа. Капитель въ домѣ Русской Миссіи.

Почитаніе пещеры Рождества въ Вифлеемѣ восходитъ ко временамъ Оригена, свидѣтельство котораго о всеобщей извѣстности ея (противъ Цельса, I, 51) подкрѣпляется впоследствии и Евсевіемъ и Иеронимомъ. Узенеръ¹⁾ указываетъ, что такъ какъ базилика была устроена Елепою, а крипта только въ 335 году устроена Константиномъ, то Пилигримъ изъ Бордо естественно знаетъ и упоминаетъ въ 333 г. только базилику.

1) Usener, Religionsgesch. Unters. Weihnachtsfest, p. 284.

Чрезвычайно интересное извѣстіе о Виюлемской базиликѣ передается въ посланіи Іерусалимскаго собора 836 года¹⁾, собравшагося въ защиту иконопочитанія: тамъ упоминаются большія мозаики, украшавшія нѣкогда *наружный фасадъ* базилики и представлявшія, между прочимъ, *Поклоненіе волхвовъ*. Посланіе сообщаетъ, что Персы, при взятіи Іерусалима въ 614 г., увидавъ будто бы на Виюлемской базиликѣ своихъ царей волхвовъ, поща-

Рис. 72. Яффа. Капитель на Греческомъ подворьѣ.

дили базилику отъ разрушенія. По мнѣнію Клермона Ганно²⁾, мозаики эти могли относиться къ реставраціи базилики Юстиніаномъ, а арабы украшали въ VII вѣкѣ стѣны «Омаровой мечети» подобными мозаиками, которыя этотъ писатель своими глазами видѣлъ еще въ 1874 году на мѣстѣ теперешнихъ фаянсовъ.

1) Изд. Саккеліономъ въ 1877 г. въ Афинахъ.

2) *Rec. d'arch. or.* 1898, II, p. 139—141. *Виз. Врем.* 1897, стр. 91—92; *ib.* 1898, стр. 177—180.

Остановившись на обратномъ пути, въ ожиданіи парохода, на одинъ день въ Яфѣ, мы посѣтили русскій пріютъ, осмотрѣли прекрасную строящуюся церковь, коллекціи надписей и мелкихъ древностей, собранныхъ арх. Антониномъ въ домѣ, а также выкопанныя на мѣстѣ пріюта капители и колонны, стоящія во дворѣ и въ компатахъ пріюта. Со всѣхъ наиболѣе сохранившихся капителей исполнены были фотографическіе снимки: большинство капителей повторяли знакомые намъ по Іерусалиму типы, но были и новые варианты позднѣйшихъ формъ. Такъ, снимокъ 862, рис. 71 даетъ сильно поврежденный образчикъ капители коринтскаго ордена V вѣка съ описанными выше толстыми и узкими листьями, грубо высѣченными вглубь. Напротивъ того, капитель на снимкѣ 863 можетъ считаться весьма оригинальною, при всей грубости своего исполненія: а именно, здѣсь мы имѣемъ на корзинѣ только одинъ поясъ крупныхъ листьевъ, которые, изгибаясь по тѣлу корзины, представляютъ затѣмъ подъ верхомъ любопытные большіе свѣсы верхушекъ, какъ бы висящіе плоды, — форма намъ пока неизвѣстная: капитель должна относиться къ VI—VII столѣтіямъ. Такой же грубости по исполненію, но также характерная капитель на снимкѣ № 864 представляетъ кресты и розетки въ кругахъ, — также, вѣроятно, VII вѣка. На снимкѣ 865 видимъ прекрасную капитель V или даже конца IV вѣка.

Одну любопытную и отлично сохраненную капитель, въ видѣ куба, украшеннаго по угламъ плоскими листьями акаѳа, а по среднѣ изображеніями птицъ и монограммами въ кругахъ (снимокъ 861, рис. 72) мы встрѣтили въ домѣ греческаго подворья, на верхней его террасѣ, въ углу: было бы очень желательно, чтобы русскій пріютъ пріютилъ у себя подобные остатки древности.

ГЛАВА V.

Ризница храма Гроба Господня. Приложение: древне-христианскія мозаическія композиціи на тему „Слава Креста“.

Мы употребили много усилій, чтобы проникнуть тайну пресловутой *ризницы* храма Св. Гроба. Извѣстно, какіе разнообразныя и крайне преувеличенные слухи ходили всегда и ходятъ доселѣ на ея счетъ не только вдали отъ Іерусалима, но и въ самомъ святомъ городѣ и между людьми, наиболѣе интересующимися и близкими! Понятно, съ какимъ недоумѣніемъ приходилось слышать, съ одной стороны, что въ ризницѣ ничего нѣтъ, и все, что было, давно продано, и съ другой, что все, въ ней находящееся, держать подъ великимъ секретомъ и никому не показываютъ, кромѣ нѣсколькихъ дорогихъ и святыхъ предметовъ, которые ризничій выносить любителямъ паломникамъ. Ни то, ни другое не подтвердилось на дѣлѣ, и истина можетъ быть по срединѣ, которая, впрочемъ, оказывается далеко не золотою: а именно, въ ризницѣ нашлось нѣсколько предметовъ церковной старины, сохранный отъ XVII—XVIII в., и совсѣмъ не оказалось предметовъ *древности*. Равно, мы не были допущены въ самую ризницу и не знаемъ, что въ ней находится, кромѣ показаннаго, но и то, что было намъ показано, достаточно иллюстрируетъ ея составъ и освобождаетъ отъ пустыхъ догадокъ. Въ самомъ дѣлѣ, ризничій, убѣдившись, что мы ищемъ только предметовъ древности, видимо, вынеслъ намъ все, что по этой части имѣлось, такъ сказать, самый хламъ и ломъ, хотя, при полномъ познаніи ризничихъ, нельзя было поручиться и за то, что предметъ, ими не показанный, какъ совершенно новый, могъ быть передѣлкою древняго. Это было причиною, что мы, подъ конецъ

осмотра, просили, чтобы намъ показали ризницу, но въ этомъ желаніи было отказано намъ, на основаніи, будто бы, «устава» святогробской ризницы. Единственная льгота, которой можно было добиться, — осмотрѣть ризницу церкви Воскресенія въ храмѣ Св. Гроба, о чемъ скажемъ ниже.

Въ ризницѣ Св. Гроба намъ показали, во-первыхъ, *частицу Живо-творящаго Древа*, или, какъ не точно говорятъ паломникамъ, Св. Древо, принесенное Иракліемъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, находящаяся въ оправѣ серебрянаго креста на подножіи (работы XVIII вѣка), частица можетъ представлять собою только очень незначительную часть Св. Древа, принесеннаго Иракліемъ.

2) Еще меньшую *частицу Св. Древа*, даръ, по преданію І. Палеолога, въ драгоценной оправѣ креста, осыпаннаго брилліантами, послѣдняго времени.

3) *Митру* іерусалимскаго патріарха Пансіа (614) 1657 г. съ надписью по гречески и именемъ мастера Λοῖζος, украшенную ажурнымъ эмалевымъ вѣнцомъ, рѣзными херувимами съ чернью.

4) *Косчежецъ* или *раку* (613—606) (табл. LXIV) изъ цѣльнаго куска, копической формы (0,18 м. выш., 0,22 м. шир. и 0,7 толщ.), горнаго хрусталя, латинской работы XII вѣка, въ видѣ епископской митры, съ выдолбленнымъ снизу въ хрусталѣ гнѣздомъ для вкладывающейся туда деревянной дощечки съ двумя крестиками. Митра обрамлена мѣдными (или дурнаго серебра?) золочеными басменными полосками, представляющими какъ бы обычныя *infula* и *titulus*: всѣ полоски покрыты разводами серебряной скани, а по краямъ украшены зубчатыми листиками. Вдоль по золоченымъ поясамъ вставлены, среди разводовъ, исполненныхъ ленточною и зерневою филигранью, камни въ гнѣздахъ, оправленныхъ плетеніемъ. Въ одномъ камнѣ имѣется рѣзное вглубь античное позднѣйшее изображеніе богини Тихе. Внутрь вкладывается кедровая (0,10 м. выш.), покрытая листовымъ золотомъ дощечка древохранильницы, съ углубленіемъ въ видѣ крестовъ; въ одномъ имѣется крестикъ, оправленный въ серебро, украшенное сканью, и въ немъ часть Св. Древа, съ надписью: *lignum Sancte crucis*; одной части не достаетъ; кругомъ крестика яхонты. На оборотѣ дощечки 18 отдѣленій рѣшетчатаго набора частицъ Свв. мощей съ латинскими надписями (мощи Свв. апостоловъ, Св. Стефана, Лаврентія, Вѣта, англосаксонскаго короля Освальда VII вѣка) чернью по ободкамъ серебряной рѣшеточки. Этотъ единственный въ своемъ родѣ предметъ древности поступилъ въ ризницу не задолго до 1891 года¹⁾, изъ церкви б. ордена Іоаннитовъ во имя Іоанна Крестителя,

1) Не въ 1893 году (такъ какъ мы видѣли его уже въ 1892 г.), какъ сообщили Клермону Ганво, см. *Recueil d'arch. or.* II, 1898, p. 234. По свѣдѣніямъ францисканцевъ, найдено въ стѣнѣ, куда могло быть спрятано при взятіи Іерусалима Саладиномъ въ 1187 году.

гдѣ найденъ былъ, по словамъ о. ризничаго, въ развалинахъ подѣ древнимъ престоломъ. Такимъ образомъ митра-ковчегъ была изготовлена для освященія церкви и престола, уже латинскаго вѣроисповѣданія, возникшихъ по взятіи Іерусалима крестоносцами, на мѣстѣ греческой церкви І. Предтечн. Фактура и стиль ковчежца представляютъ простую копію филигранныхъ издѣлій византийскихъ X—XI вѣка.

5) Грузинскій шитый серебромъ и золотомъ *омофоръ*, XV—XVI столѣтія, со множествомъ вышитыхъ изображеній.

6) *Серебряный рукомошникъ* (aiguillette) — 0,43 м. выш. съ блюдомъ — 0,56 м. шир., великолѣпной итальянской работы Renaissance, съ изображеніемъ на блюдѣ Музы, перехода черезъ Черное море и проч.; на задней сторонѣ надпись: лѣта зрѣла году мѣсяца июня въ послана отъ великаго гдѣря святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руси сія лохань въ Іерусалимъ къ Воскресенію Христову Господню Гробу при Теофанѣ патріархѣ Іерусалимскомъ и всея Палестины, въ лохани вѣсу зѣ гривенокъ лѣ золотника 12 алотомъ по 6 рубліи гривенъ калѣто пѣру лѣ нѣ алты де. На рукомошникѣ, на исподѣ также надпись. По рукомошнику представлена сцена посланія Евреямъ манны въ пустынь и изведенія Моисеемъ воды.

7) Великолѣпный *напрестольный крестъ*, итальянской работы, конца XVII вѣка, на подножіи, рѣзной по золоту; у подножія креста извивается змѣя съ алмазною головою; подѣ крестомъ золотой черепъ; крестъ осыпанъ алмазами и рубинами.

8) *Крестъ напрестольный*, золотой, съ изумрудами, новѣйшихъ работъ.

9) *Митру* русской работы XVIII вѣка, съ алмазами и эмалевыми украшеніями.

10) *Серебряный ковчегъ* 1688 года, съ рельефными преображеніями Апостоловъ и длинною греческою надписью, въ которой ковчегъ названъ «дедаловою» работою (впрочемъ, не по искусству, очевидно, а только потому, что Дедалъ былъ рѣзчикъ). Въ ковчегѣ наложены ломаные старые серебряные подсвѣчники отъ Гроба.

11) *Саккосъ грузинскій* XVII вѣка, съ изображеніемъ древа Іессеева.

12) *Саккосъ*, украшенный эмалевыми бляхами, 1643 г. (617).

13) *Иконку* рѣзную на деревѣ, съ 12 Господскими праздниками.

14) *Панагію* рѣзную по дереву, въ серебряной оправѣ съ финифтью и надписью, съ именемъ митрополита Арсенія.

15) *Панагію* изъ горнаго хрусталя, съ надписью имени *Каллиника митрополита Кесаріи Палестинской*.

16—22) *Семь панагій* рѣзныхъ на деревѣ, съ священными изобра-

женіями: Богоматерью, Вседержителемъ и пр., въ рѣзныхъ серебряныхъ съ фиניфтью, камнями и жемчугомъ оправкахъ, XVII—XVIII вѣка.

Много крестовъ рѣзныхъ на деревѣ, въ обыкновенныхъ серебряныхъ съ финифтью оправкахъ, и равно много лому стараго серебра.

23) *Греческое Четвероевангеліе* 7104=1596 г., 0,40 м. выш. вкладъ царя Бориса Годунова, въ русскомъ великолѣнномъ (621—622) того-же времени серебряномъ окладѣ съ золотыми цатами, съ литыми и рѣзными изображеніями, украшенными чернью; окладъ обсыпанъ во множествѣ сапфирами, изумрудами и аметистами; по ободу верхней крышки оклада вязью и тончайшею чернью исполнена надпись, гласящая объ этомъ вкладѣ царя Бориса Θεοδωровича.

24) *Евангеліе съ Псалтырью № 16*, греческое XII—XIII вѣка, въ малую четвертку, на пергаментѣ, съ грубыми миниатюрами къ Псалтыри.

25) *Евангеліе № 7*, въ четвертку, на пергаментѣ съ заставками къ четыремъ Евангелистамъ, XII вѣка.

26) *Евангеліе греческое* 1643 года (табл. LXVIII) угровлахійскаго письма¹⁾ въ большой листъ, въ серебряномъ окладѣ, чеканенномъ въ высокомъ рельефѣ.

На лицевой сторонѣ оклада представлено Воскресеніе Христова по обычному византійскому переводу съ Денсусомъ, Пророками и Апостолами. На оборотѣ Распятіе съ изображеніемъ вокругъ Апостоловъ. При изображеніяхъ славянскія надписи. На лицевой сторонѣ выбита крупными буквами надпись: *δέησις εὐσεβεστάτου αὐθέντος ἰω ματαίη μπασαράμ(?) βρηβέδη δακίας συγροβλαχίας. η εὐσεβεστάτη δομνη Ελληνη*. Двѣ выходныя миниатюры во весь листъ представляютъ неуклюже, но портретно, вкладчиковъ въ княжескихъ вѣнцахъ, съ дарами, и греческая надпись подъ первую называетъ «Матѣи бессарабскаго воеводу, архонта 7140 г. τρ̃μ; Евангеліе писано въ 7151 году рукою Анѣима іеромонаха»; подъ вторымъ портретомъ «домна елина» (623). Къ каждому Евангелію замѣчательныя заставки, и всюду любознательныя фигурныя инициалы, зооморфическаго типа.

Святогробское Евангеліе 1643 года писано іеромонахомъ Анѣимомъ, однимъ изъ каллиграфовъ мастеровъ молдавскихъ господарей, заготовлявшихъ ихъ вклады многими экземплярами. Изъ нихъ мы знаемъ на престольное Евангеліе въ Кплін²⁾, въ ц. Николая Чудотворца, въ серебряномъ чеканномъ складѣ, съ изображеніями Іоанна Матѣи и госпожи Елены, писанное,

1) Ср. Елисаветградскую рукопись *Евангелія*, описанную въ *Трудахъ VI Археологическаго съезда въ Одессѣ*, съ рисунками въ *Атласѣ фотографій*, изданныхъ къ *Трудамъ*.

2) *Записки Одесскаго Общ. Ист. и Древн. Росс.*, II, 464—468, табл. XVI.

по припискѣ, въ г. Краіовѣ протопопомъ Іоанномъ Сербикомъ, родомъ изъ Кратова, въ воеводство Михны (Михаила) (1658—1659 гг.). Очевидно, каллиграфъ, желая украсить свое Евангеліе, заимствовалъ листъ съ изображеніями Господарей изъ старой рукописи: не только самыя изображенія, но и вся орнаментация этихъ вырѣзныхъ листовъ почти тождественны, за весьма мелкими деталями, какъ будто каллиграфъ срисовалъ изъ стараго кодекса, измѣняя противъ оригинала разныя детали; вѣнцы не графскіе, но округлые; на кунтушѣ Господарши рядъ петель или аграманты и пр.

Независимо отъ ризницы Гроба Господня, намъ удалось осмотрѣть также предметы священнослуженія, находящіеся въ шкафахъ стѣнъ, окружающихъ абсиду церкви Воскресенія. Между этими предметами должны находиться и нѣкоторые памятники старины, но такъ какъ намъ, по любезности іеромонаха, предоставлено было только *взглянуть* на эту ризницу, то записать видѣнное и видѣть всѣ предметы было неудобно. Большинство предметов здѣсь иконы афонскаго, а, можетъ быть, и южногреческаго письма, XVII—XVIII столѣтій, съ обычными въ этихъ иконахъ реалистическими, лубочными иллюстраціями Житій Святыхъ. Но кромѣ иконъ есть много старыхъ потировъ, дискововъ, крестовъ и ковчегцевъ, большинство изъ золоченаго серебра; въ одномъ серебряномъ ковчегцѣ показываютъ руку І. Златоуста.

Два предмета оказались здѣсь очень любопытными памятниками византійской древности:

1) Маленькая папагія, устроенная (615—616, снимокъ увеличенъ) по надписи, патріархомъ Іерусалимскимъ Аврааміемъ (1775—1787), (см. рис. 73), изъ овальнаго образка на яшмѣ, изображающаго съ одной стороны Архангела Михаила во весь ростъ со скипетромъ и лабаромъ въ рукахъ, и Б. М. Одигитрію, съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ, стоящую. Рѣзьба относится къ VII—VIII вѣку: мы имѣемъ здѣсь древнѣйшій типъ Архангела, съ простою діадемою на непокрытой головѣ, въ воипской хламидѣ и кожаныхъ сапогахъ, еще перевязанныхъ (мягкія *цани* — *чани*) съ наплечьемъ, виднымъ поверхъ рукава туники, съ мѣриломъ въ рукѣ. Богородица по рисунку слабѣе, болѣе поздняго характера (слабо вышла на фот. 616 и подрисована, къ сожалѣнію, фотографомъ). Рисунокъ представляетъ столь совершенный византійскій стиль ранняго времени, какой въ рѣзбѣ рѣдко приводится видѣть.

2) Въ одномъ изъ шкафовъ, среди собранія самыхъ плохихъ дощатыхъ образовъ, находится замѣчательная грузинская икона¹⁾ Спасителя

1) Первое извѣстіе о ней сообщено у проф. Цагарелли въ отчетѣ.

(табл. LXV) (618—619) въ древнемъ византійскомъ эмалевомъ окладѣ, представляющемъ первоклассную рѣдкость, соперничающую съ знаменитымъ Лимбургскимъ эмалевымъ окладомъ Св. Древа. Икона писана на доскѣ очень грубо, не ранѣе XVII вѣка, и что особенно важно — подобрана была для вставки въ эмалевую ризу, а не обратно, и риза не исполнена для нея, какъ увидимъ. Сзади доска покрыта (620—613) серебрянымъ листомъ, по которому чеканомъ выбитъ, во-первыхъ, орнаментальный крестъ, въ полѣ,

Рис. 73. Ризница Св. Гроба. Панагія патр. Авраамія.

окаймленномъ поясомъ розетокъ, во-вторыхъ, подъ лѣвымъ рукавомъ креста грузинская надпись, относящаяся къ вкладу иконы въ храмъ Святаго Гроба.

Возлѣ наклеенъ клочекъ бумаги, на которомъ написано по гречески, что икона пожертвована княземъ Мингрельскимъ Дадіаномъ Кація въ 1770 году. Ниже мы объяснимъ, какъ эти надписи и серебряная доска относятся только къ послѣдней передѣлкѣ памятника, а здѣсь замѣтимъ кратко и окончательно, что собственно памятникъ заключается только въ

наружномъ эмалевомъ окладѣ, а икона и все остальное убранство принадлежать XVIII вѣку.

Окладъ состоитъ 1) изъ металлическаго, покрытаго эмалью фона и вѣнчика кругомъ головы Распятаго, или того, что называется *ризой*, и 2) изъ собственного оклада или бордюра, который, окаймляя икону, не огибаетъ, однако, самой доски, какъ то принято дѣлать: въ этой части ясно видна передѣлка оклада. Далѣе, если мы всмотримся пристальнѣе въ бордюръ, то увидимъ, что внизу онъ на обѣихъ сторонахъ перерѣзанъ и куски бордюра надвинуты здѣсь одинъ на другой, очевидно для того, чтобы скрыть этотъ недостатокъ. Спрашивается: какимъ образомъ могло случиться, что бордюръ оказался длиннѣе иконы, и что его пришлось съ обѣихъ сторонъ укорачивать или, по крайней мѣрѣ, рѣзать? Отвѣтъ, какъ увидимъ, простой и точный: этотъ бордюръ снятъ съ другой иконы большого размѣра и набитъ на эту меньшаго размѣра. Въ нижней полосѣ этого бордюра, подъ иконою, есть ленточка грузинской надписи; мастеръ, собиравшій (какъ говорится) икону, или самъ имѣлъ только кусокъ надписи, или удовольствовался этимъ кускомъ, потому что прочее (въ старой иконѣ) было слишкомъ испорчено, а прежняя надпись окаймляла, вѣроятно, всю икону по четыремъ сторонамъ.

Окладъ драгоцѣненъ, потому что сохранилъ ризу—византійскіе эмалевые оклады, за рѣдчайшими исключеніями, давно разобраны, и только куски ихъ сохранены въ коллекціяхъ. Поле набрано мельчайшими эмалевыми розетками разныхъ типовъ, ромбиками и крестиками: въ общемъ получается тонкое сочетаніе общаго блѣднолиловатаго тона съ золотомъ, очень изящнаго характера. По концамъ въ углу сдѣлана каемочка изъ синяго эмалеваго фона съ бѣлыми акантовыми разводами. Выше помѣщенъ штучный наборъ эмалевыхъ разноцвѣтныхъ крестиковъ. Въ углахъ поля помѣщены изображенія погрудь скорбно-преклоненныхъ ангеловъ, которые, всплеснувъ руками, смотрятъ внизъ на Распятаго; ангелы одѣты въ голубые хитоны и пепельныя мантіи, т. е. въ общеангельскія облаченія (а не архангельскія ризы). Между тѣмъ надъ ангелами (неправильно, стало быть, надписи сборныя, отъ другихъ изображеній взятые) находятся надписи: О АРХАКЕЛОС МІХАНА и справа О АРХ ГАВРИНА. Тутъ же въ крестообразныхъ клеймочкахъ буквы имени *іс хс* — помѣщены безъ всякой надобности. Затѣмъ вновь набита полоска изъ штучнаго крещатаго набора, что называютъ также и шахматнымъ полемъ. И наконецъ вверху широкая кайма слегка вышуклая содержитъ по синему полю большими буквами надпись *ο βασιλεὺς τῆς δόξης* — т. е. *царь* славы, и сверху надпись, вторая штучная полоска. Но самая любопытная часть ризы есть эмалевый вѣнчикъ или нимбъ вокругъ головы Распятаго.

Перекошенное положеніе рукавовъ креста приводитъ къ опредѣленнымъ заключеніямъ: икона Спасителя, нынѣ находящаяся подъ окладомъ, не первоначальна, а подобрана къ нему въ XVIII вѣкѣ. Первоначальная икона должна была представлять Христа Распятаго, т. е. съ главою, преклоненною слегка на правое плечо, что доказывается: 1) положеніемъ ангеловъ плачущихъ и 2) надписью: *Царь Славы*, помѣщающеюся только на крестѣ, надъ изображеніемъ Распятаго. Древняя византійская икона, теперь отсутствующая, тѣмъ болѣе любопытна, что она была бы единственный примѣръ византійскаго оригинала вообще латинскихъ и въ частности итальянскихъ *Pietà* XII — XIII вѣковъ.

Главную драгоценность памятника составляетъ любопытный бордюръ иконы, въ видѣ золотой чеканной полосы, на которую набить рядъ подобранныхъ эмалевыхъ медальоновъ. Этотъ подборъ эмалевыхъ медальоновъ и бляшекъ въ византійскихъ иконахъ подчиняется столько же декоративнымъ условіямъ, сколько и задачамъ иконописной темы, т. е. религіозной композиціи. Интересъ этой композиціи тѣмъ выше для насъ, что мы находимъ здѣсь зачастую болѣе живыя мысли, чѣмъ въ монументальномъ искусствѣ, и что мастеру нужно много искусства, чтобы сочетать богословіе и искусство на весьма условномъ и ограниченномъ полѣ. Начиная съ центра верхней каймы, мы находимъ, во главѣ или на первомъ мѣстѣ, въ замкѣ всей конструкціи, символическій образъ *Уготованнаго Престола*, съ надписью *η ετηλιαχι*: престоль съ красною подушкою, служащей треномъ съ крестомъ и Евангеліемъ на немъ, коніемъ и губкою на трости сзади. Но такое мѣсто образъ Гетимасіи занимаетъ только въ изображеніяхъ *Страшнаго Суда*, *Славы Господней*, *Моленія* или *Деисуса*, какъ условная эмблема грядущаго откровенія всемогущества Божія, и уже по этому неизмѣнному смыслу не можетъ появляться и никогда не появляется въ Распятіи, сценѣ чисто исторической и иного значенія.

Впрочемъ, мы часто встрѣчаемся съ подобными прегрѣшеніями противъ строгой византійской иконописи въ древнихъ византійскихъ эмаляхъ, гдѣ перѣдко подборъ сюжетовъ бываетъ случайнымъ. Причина этого обстоятельства заключается въ томъ, что производство эмалей и тогда было дорогимъ, а издѣлія — своего рода рѣдкостью, и потому были предметомъ поисковъ и такой же перепродажи, какъ драгоценные камни. Конечно, если икона была заказываема на мѣстѣ въ Константинополѣ, то отъ мастера или фабрики можно было требовать и строгаго подбора. Но если эмалевый бордюръ исполнялся въ Грузіи, гдѣ византійскія эмали только грубо поддѣлывались ¹⁾,

1) О грузинскихъ эмаляхъ по византійскому способу см. мое сочиненіе: *Византійскія эмали собранія А. В. Звенигородскаго*.

такимъ требованіямъ уже не было мѣста, и мастеръ долженъ былъ ограничиться внѣшнимъ подборомъ ¹⁾. И дѣйствительно, если мы сравнимъ орнаментъ нашего бордюра съ другими памятниками ²⁾, то убѣдимся, что этотъ бордюръ грузинской работы XII вѣка, и что на немъ грузинскій мастеръ прилаживалъ имѣвшіяся у него греческія эмали. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ орнаментъ встрѣчается въ грузинскихъ иконахъ XII вѣка.

По сторонамъ Гетимасіи грузинскій мастеръ исполнилъ рельефно чеканомъ двухъ ангеловъ, скорбящихъ о Распятіи, и выбилъ надъ ними по три звѣзды, наполнивъ ихъ красною мастикою, а въ средину каждой звѣзды посадивъ по жемчужинѣ (недостающей).

Слѣдуютъ два круглые медальона: въ одномъ голова Геліоса (ΗΛΙΟΣ) въ красномъ полѣ съ бѣлыми лучами, въ другомъ пепельная голова Селены (ΣΣΕΛΗΝΗ) и вновь летающіе ангелы.

По угламъ двѣ четырехугольныхъ паты представляютъ ангельскіе и архангельскіе сонмы, по слову Спасителя, стоящіе на стражѣ у Престола; всѣ въ ризахъ архангеловъ, держа жезлы процвѣтшіе, съ бѣлыми лиліями вмѣсто копей на концахъ, въ золотыхъ коронахъ, юные и кудрявые. Ниже въ двухъ медальонахъ два скорбящихъ ангела. Еще ниже, но не настолько, чтобы положеніе было натурально относительно головы Христа, тогда какъ прежняя икона имѣла еще нѣсколько лишнихъ медальоновъ и была выше, изображена Богородица, въ синей фелони пепельноголубомъ хитонѣ, плачущая съ платомъ въ рукахъ; она стоитъ оборотясь къ умирающему сыну; по другую сторону на рамкѣ І. Богословъ, (ΙΩ ΘΕΟΛΟΓΟ) юный ученикъ, стоитъ подпирая голову рукою. Ниже ихъ, съ лѣвой стороны, стоятъ двѣ жены мироносицы (Η ΜΙΡΟΦΟΡ), одна въ синей, другая въ коричневой фелони, протягивая руки, а съ правой Лонгинъ (Ο ΛΟΙΝΟΣ), толстый сотникъ, въ стальномъ панцирѣ съ золотыми пряжками, красной рубашкѣ на выпускъ, синемъ короткомъ сагіи — плащѣ, зеленыхъ штанахъ, черныхъ сапогахъ и съ бѣлымъ шарфомъ, съ одутловатымъ лицомъ. Ниже, въ медальонахъ, представлены отдѣльно: сѣдой Іосифъ и Никодимъ, послѣдній въ бирюзовомъ гиматіи, держа въ рукахъ свѣчу. Вновь почему то попала бляшка съ фигурами двухъ мироносицъ ³⁾, стоящими, обернувшись другъ къ другу, одна въ синей, другая въ пурпурной фелони, а по ту сторону пять воиновъ (Η ΣΤΡΑΤΙΩΤΕ).

Затѣмъ уже на нижней каймѣ, въ соотвѣтствіи съ *престоломъ*, пред-

1) См. доказанные примѣры, тоже сочиненіе, стр. 126 слѣд.

2) Мое сочиненіе *Описъ памятниковъ Грузіи*, стр. 103, 132, рис. 48, 73.

3) Преданіе рано стало насчитывать не двухъ или трехъ женъ мироносицъ, но болѣе, зная иныхъ по именамъ: Маріи Магдалины и Маріи Клеоповой, Маріи и Марфы изъ Виваніи, Соломен, дочери Іосифа обручника, и Сузанны, Іоанны и другихъ безъ имени.

ставленъ Святой Гробъ, въ видѣ саркофага изъ чернаго мрамора, накрытаго доскою съ инкрустаціями изъ пестраго мрамора. По сторонамъ Гроба два ангела (ΟΙΑΓΓΕΛ), одинъ, весь въ бѣломъ, указываетъ на Св. Гробъ, другой, смотря на Гробъ и держа лѣвую руку передъ собою, правую прижимаетъ къ груди, въ знакъ обожанія и скорби.

Всѣ эмали уже далеко не отличаются тою блестящею техникою, какую имѣютъ древнѣйшіе памятники этого производства въ Византіи; рисунокъ не только неправиленъ, но и небреженъ, контуры перепутаны и детали сдѣланы грубо. Еще сохраняется извѣстная чистота и прозрачность эмалевыхъ красокъ, но эмаль непрочна, легко трескается, а, главное, мало шлифована, и потому становится матовою, бѣлесоватою, теряетъ чистоту глубокихъ тоновъ. Измѣнился и самый подборъ красокъ: нимбы являются синими, блѣдно-голубыми, бирюзовыми, свѣтло изумрудными, но зелень бирюзы и изумруда имѣетъ желтый оттѣнокъ, а цвѣтъ мѣдянки указываетъ на эмаль второй половины XII вѣка.

Мы выполнили, затѣмъ, рядъ фотографическихъ снимковъ въ Іерусалимской Патріаршей Библіотекѣ, съ замѣчательныхъ по своимъ миниатюрамъ рукописей. Такова напр. рукопись въ видѣ пергаментнаго свитка *Литургии І. Златоуста*, № 109, длиною 8½ метровъ, писана золотомъ, и украшена замѣчательно тонкими миниатюрами и заставками. Такъ первая выходная (№ 626 фот.) миниатюра надъ молитвою выходною представляетъ внутри арки заставку въ видѣ полога, внутри котораго открывается образъ Спаса на престолѣ, а сверху въ арочкахъ Богородица съ 3 Святителями и Св. Георгіемъ, и тутъ же крохотными, но замѣчательно тонкими, фигурками представлено Благовѣщеніе и Рождество въ инициалѣ Д. Далѣе, къ молитвѣ Трисвятаго—икона Вседержителя и передъ нею икона Богоматери, затѣмъ къ различнымъ молитвамъ: Ап. Павелъ и Златоустъ, или чаще всего: І. Христосъ и І. Златоустъ передъ нимъ. Къ молитвѣ: «паки и паки припадѣмъ»—изображено Срѣтеніе, къ проскомидіи—І. Христосъ за престоломъ, группы Апостоловъ и служащіе ангелы. Къ молитвѣ: «достойно и праведно есть»—Сошествіе во адъ; къ словамъ «Пійте, ядите»—причащеніе апостоловъ дважды. Наиболѣе любопытны миниатюры: Крещенія, Троицы, Александрійскаго еп. Петра съ Христомъ Младенцемъ, Успенія, Христа въ саду Геосиманскомъ, Преображенія и Распятія. Все это, конечно, декоративныя миниатюры, но ихъ соотношеніе къ молитвамъ важный фактъ въ византійскомъ искусствѣ.

Рукопись Словъ Св. Григорія Богослова за № 14, на пергаментѣ, въ 4°, XI вѣка, съ 96 миниатюрами на 313 листахъ, представляетъ значительный интересъ по оригинальности иллюстрацій, которыя, въ видѣ виньетокъ съ боку текста, поясняютъ его содержаніе и тѣмъ отличаются отъ обыч-

ныхъ лицевыхъ редакцій Словъ Григорія, сочиненныхъ на подобіе лицевыхъ Евангелій. Правда, и здѣсь есть выходная миниатюра, представляющая самого Св. Григорія, и затѣмъ рядъ выходныхъ миниатюр¹⁾: къ Слову на Пасху (Христосъ среди двухъ ангеловъ, возвѣщающій «днесь спасеніе міру» — миниатюра любопытная въ иконографическомъ отношеніи), къ другому Слову на Пасху, на весну и мученика Маманта, на Пятидесятницу (Сшествіе Св. Духа, съ обычной темной аркою, въ которой видны царь и смердъ, а не Пророки Іезекиль и Іоиль, какъ объясняетъ г. Попадопуло-Керамевсъ), на мученика Кипріяна, на Юліана, на Богоявленіе, на Василия Великаго, Крещеніе Господа и Святое Крещеніе, Григорія Нисскаго, о нищелюбіи и пр. Всѣ эти иллюстраціи болѣе или менѣе повторяютъ извѣстныя редакціи. Но уже къ Слову на Маманта на лл. 33—34 (фот. 632, 634) рядъ виньетокъ иллюстрируетъ текстъ, представляя пашню, плаваніе по морю, пастуховъ играющихъ на свирѣяхъ и пр. и пр.

Помѣщенное въ срединѣ этихъ рѣчей Слово Іоанна Дамаскина (приписываемое) на Рождество иллюстрировано въ томъ же родѣ и пошибѣ множествомъ оригинальныхъ виньетокъ по полямъ текста, вмѣсто втораго столбца: сначала выходное изображеніе Іоанна пишущаго среди монаховъ, а далѣе слѣдуютъ толковыя иллюстраціи текста: бѣгство въ Египетъ и три Святыхъ (Пророки?), простирающихъ руки къ божественной семьѣ, какъ провозвѣстники бѣгства (л. 96); любопытно, что сзади осла идутъ два демона. На л. 97 — Рождество Христово, на 98 — три волхва ѣдутъ за звѣздою, представленъ вертепъ и Марія съ Младенцемъ и звѣздою, ниже Атталъ, царь Лакедемонскій, на одрѣ, а передъ нимъ отроки и женщина. На слѣдующихъ листахъ (фот. 642—647) идутъ мифологическія и анекдотическія иллюстраціи изъ исторіи греческой религіи и почитанія идоловъ и оракуловъ. На 104 л. (фот. 630) скачущіе въ Виолеемъ волхвы. На 106 листѣ (фот. 627—641): Богородица сидитъ передъ зданіемъ, держа Младенца на рукахъ, передъ нею сидящій живописецъ пишетъ съ нея икону — портретъ на доскѣ, держа ее въ рукахъ; передъ нимъ ящичекъ, открытый съ чашечками для красокъ, поставленъ на табуретѣ. Ниже представлено зданіе, въ верхнемъ сводѣ котораго помѣщена та же самая икона, передъ зданіемъ три волхва (трехъ возрастовъ) и одинъ Персъ; подъ этою миниатюрою три волхва лобызаютъ Младенца, держа его на рукахъ, но Младенецъ становится у втораго уже отрокомъ, у третьяго мужемъ. Голова Младенца заключена въ простой нимбъ, безъ креста; волхвовъ легко узнать

1) Ихъ подробный перечень, съ изложеніемъ содержанія, сдѣланъ г. Попадопуло-Керамевсомъ въ его тщательномъ каталогѣ рукописей Іерусалимской Библіотеки, издаваемомъ на греческомъ языкѣ Правосл. Палестинскимъ Обществомъ, 1891 г., 1-й томъ; описаніе см. на стр. 45—65.

по традиціоннымъ фресочкамъ на макушкѣ, принявшимъ, однако, крайне малые размѣры. Слѣдующій 107 листъ (фот. 628) представляетъ двѣ сцены Поклоненія волхвовъ, отличающіяся поздними формами и экспрессіи и фигуръ, крайне длинныхъ, тонкихъ, почти безтѣлесныхъ и деревянныхъ. Напротивъ того, дальнѣйшіе листы 108—111 (фот. 631—639) иллюстрируютъ извѣстную исторію левита, жившаго на склодѣ горы Ефремовой и его наложницы изъ Внолеема Иудейскаго, изнасилованной въ Гивѣ Веніаминовой и имъ разрубленной на 12 частей по числу «предѣловъ Израилевыхъ» (книга Судей, главы 19—21). Въ заключеніе помѣщено Избіеніе младенцевъ Внолеемскихъ и поклоненіе Божіей Матері.

Такимъ образомъ, иллюстраціи Слова предлагаютъ въ лицахъ поученіе ил., своего рода, *толковыя* миниатюры, и по пріемамъ, и по стилю, чрезвычайно напоминаютъ Толковыя Псалтыри, Толковыя извлеченія изъ Ветхаго Завѣта и прочія поучительныя иллюстраціи X—XII столѣтія въ византійскомъ искусствѣ. Мы коснулись лишь вкратцѣ этихъ любопытныхъ иллюстрацій, чтобы указать, какое обиліе новыхъ данныхъ онѣ въ себѣ содержатъ для исторіи византійскаго натурализма, цѣликомъ перешедшаго въ искусство средневѣковаго запада.

На листахъ 307—313 помѣщенъ «сводъ и истолкованіе *исторій*», приводимыхъ Григоріемъ Богословомъ въ его Словахъ, иначе міеологія въ картинкахъ, которыя, на этотъ разъ, представляютъ явную копію отличнаго образца композицій, гораздо ранѣе появившихся и только подобранныхъ тѣмъ книжникомъ популяризаторомъ, который и текстъ приспособилъ къ миниатюрамъ. Было бы любопытно изслѣдовать, къ какому именно времени относятся оригиналы миниатюръ. Онѣ представляютъ (фот. 642—651): Пелопса и Эномаю, Артемиду и Актэона, Ахилла и Хирона, Кропа и Рею, Семелу и Зевса, Колосса Родосскаго и Мавзолей, Зевса, Аяяну и Гефеста, Гекату, Мендскаго козла, идоловъ и кумировъ, почитаемыхъ Египтянами животныхъ ¹⁾. Правда, однако, что всѣ эти миниатюры данной редакціи, по своему стилю, не могутъ быть ранѣе IX вѣка, — настолько ясно въ нихъ запечатлѣнъ поздній византійскій типъ, но оригиналомъ ихъ могъ быть гораздо древнѣйшій образецъ. Миниатюра съ еще щеголяетъ нѣжно розовымъ тономъ и свѣтлоголубою или бирюзовою краскою, но уже тонъ золота красноватый, пропорціи до пельзя удлинены, движенія чрезмѣрны, экспрессія уродлива и моделировка мутная или даже грязная.

Въ церковной ризницѣ Армянской Патріархіи оказалось въ роскошномъ золоченомъ окладѣ Евангеліе на пергаментѣ, на армянскомъ

1) См. перечень и приложенные фототипическіе снимки въ каталогѣ г. Понадопуло-Керамевса.

языкъ, сходное съ бібліотечными №№ 1748—1749 той же Патріархіи (заключающими въ себѣ только изображеніе Евангелистовъ), и украшенное миниатюрами во весь листъ съ изображеніями Рождества (фот. 769), Крещенія, Преображенія и «Денуеса», въ образѣ Спаса на престолѣ, благословляющаго обѣими руками, съ предстоящими Предтечею и Богородицею, и покланяемаго царемъ Леваномъ II съ семьею (табл. LXIII, фот. 770). Украшенія выходныхъ листовъ нестрѣютъ обычною орнаментаціею капоновъ (табл. LXX и LXXI, фот. 771—772).

Въ бібліотекѣ Патріархіи Евангеліе № 1260 (и подобное № 251), скопированное въ украшеніяхъ съ отличнаго византійскаго образца, но уже переданнаго въ бѣльшемъ размѣрѣ и болѣе деревяннымъ письмомъ. Въ заставкахъ пестрая орнаментика птицъ, животныхъ среди листвы, двухъ Сирепъ въ вѣнцахъ, охотящихся за животными собакамъ (фот. 774), кентавровъ, грифовъ (777). Наиболѣе любопытны инициалы (особенно фот. 775), указывающіе намъ, гдѣ должно искать источникъ монструозныхъ формъ средневѣковыхъ инициаловъ XIV столѣтія; здѣсь напр. изъ буквы идетъ побѣгъ, скручивающійся завитками, а внутри ихъ изъ чашечекъ до пояса выставились юношескія фигуры и забрасываютъ дальше петлю на растеніе и пр. Великолѣпная миниатюра на Рождество (фот. 776) любопытна оригинальною композиціею, а на слѣдующей страницѣ заставка представляетъ наверху источникъ жизни съ стоящимъ поверхъ вазы львомъ и по сторонамъ двухъ мимовъ или ряженныхъ: одного съ орлиною головою, другого съ козлиною, первый несетъ вѣтку съ цвѣтами, второй держитъ крюкъ.

Въ ризницѣ же мы видѣли *Библію* армянскую 1269 года, на бомбинѣ, всю богато иллюстрированную въ началахъ книгъ большими миниатюрами съ живою орнаментикою изъ листвы и фигуръ, большими фигурными инициалами, нестрыми портками и заставками. На одной сторонѣ: Моисей принимаетъ заповѣди, на другой — Христосъ-Вседержитель. Къ пророку Іезекіілю (табл. LXXIX)—любопытная сцена Видѣнія, къ Іисусу Навину—образъ ангела съ мечемъ; къ ап. Павлу замѣчательная заставка съ двумя спренами въ коронахъ (фот. 773).

ПРИЛОЖЕНІЕ¹⁾.

Декоративная, а, можетъ быть, также и символическая форма креста, увѣнчаннаго кругомъ, или вѣнкомъ, внутри котораго находится монограмма Христа или такъ называемая Хризма, на столько извѣстна въ древне-христіанской археологiи, что не нуждается ни въ дополнительныхъ толкованiяхъ, ни въ хронологическомъ опредѣленiи. Появленіе этой формы относится, повидимому, еще къ III вѣку, а время господства къ IV и V. Крестъ, увѣнчанный монограммою, находимъ, или въ значенiи общей христіанской эмблемы, высѣченнымъ на саркофагахъ или же въ особо осмысленной обстановкѣ. Такъ, по сторонамъ одного саркофага²⁾ изображены подобные кресты съ верхнимъ щиткомъ, на которомъ вырѣзана хризма, среди двухъ свѣтильниковъ. Чаше всего подобный крестъ изображается даже въ срединѣ самаго саркофага, обозначая мѣсто страданiя Господня—Голгоуу или самый Гробъ Господень, и подъ рукавами креста, въ такомъ случаѣ, изображаются два дремлющихъ воина³⁾, или даже самъ воскресшій Спаситель съ двумя женами мироносицами⁴⁾. По сторонамъ такого креста изображаются въ такомъ случаѣ, или 12 апостоловъ⁵⁾, или сцены чудесъ и страданiй Христовыхъ. Иногда подъ вѣнкомъ, заключающимъ въ себѣ хризму, изображены двѣ птички, клюющія ягоды этого вѣнка, а внизу подъ рукавами креста два агнца⁶⁾.

Подобнаго же рода декоративные кресты находимъ на различныхъ мелкихъ предметахъ древне-христіанской утвари и, между прочимъ, на рѣзныхъ печатяхъ⁷⁾. Такое обильное употребленіе этой формы указываетъ, повидимому, на ея происхожденіе отъ извѣстнаго египетскаго креста (*анакъ*), который, изъ языческой эмблемы, сталъ, какъ извѣстно, декоративною формою древняго христіанскаго креста въ Египтѣ.

Въ понятной и наглядной связи съ этою же формою креста стоитъ, какъ его важнѣйшій варіантъ, изображеніе креста съ медальономъ головы

1) См. примѣч. 1-е на стр. 22.

2) Garrucci, *Storia d. a. crist.* Томъ 5-й, табл. 337.

3) Тамъ-же, табл. 350, 1, 2 и 3.

4) Тамъ-же, табл. 350, 4.

5) Тамъ-же, табл. 350, 3.

6) Тамъ-же, табл. 387.

7) Тамъ-же, томъ 6-й, табл. 471, 476 и 477.

Христа наверху. На одной бронзовой медали Ватиканскаго музея изображенъ большой крестъ, съ подвѣшанными къ нему на цѣпочкахъ буквами альфа и омега; поверхъ креста вырѣзанъ бюстъ Спасителя, держащаго два вѣнка, которые Онъ собирается возложить на головы двухъ предстоящихъ кресту людей въ апостольскихъ облаченіяхъ и держащихъ на плечахъ кресты, ими взятые для послѣдованія Христу. Въ сторонѣ изображена фигура христіанина въ далматикѣ съ зажженой свѣчею, молящагося передъ этимъ изображеніемъ. Такимъ образомъ, здѣсь, очевидно, представлена, какъ догадывается уже Гарруччи¹⁾, какая либо извѣстная въ римскихъ церквахъ композиція. Что особенно слѣдуетъ въ ней отмѣтить, какъ обстоятельство, важнѣйшее для дальнѣйшихъ заключеній—то, что здѣсь бюстъ Спасителя не заключенъ въ особый медальонъ, а представленъ поверхъ креста, какъ бы въ небѣ. И такъ здѣсь мы уже имѣемъ извѣстнаго рода осложненіе декоративно-символическаго знака.

Изображеніе креста на сферѣ и въ иныхъ случаяхъ поверхъ скалы, источающей четыре рѣки, съ двумя предстоящими ангелами по сторонамъ, образуетъ, какъ уже было высказано по поводу извѣстнаго Строгановскаго блюда²⁾ изъ Березова, такъ называемую «Славу Креста» или «Похвалу Кресту».

Къ VI или VII столѣтію относятся два рѣзныхъ камня: одинъ, изданный покойнымъ Г. Д. Филимоновымъ (на сосудѣ Московскаго Успенскаго собора) съ надписью: «покровъ Леонтія» и другой на сардониксѣ въ Парижскомъ кабинетѣ медалей, повторенный въ изданіи Гарруччи³⁾. Хотя Гарруччи отказывается отъ такого толкованія надписи, которое даетъ Филимоновъ, по это толкованіе единственно возможное и вполнѣ подходит къ главному сюжету рѣзнаго камня, а именно къ изображенію креста, который является «покровомъ» владѣльца, при чемъ крестъ изображенъ въ торжественной обстановкѣ, которая должна представлять торжество креста⁴⁾.

Мы уже знаемъ, что подобнаго рода монументальное, изъ драгоценныхъ матеріаловъ, исполненное изображеніе креста находилось въ Голгофской церкви и играло важную роль въ различныхъ служеніяхъ Іерусалим-

1) Тамъ-же, табл. 480, 6.

2) Тамъ-же, табл. 460, 10.

3) Garrucci, IV, tav. 480, 6. *Вѣстникъ Общ. древне-русскаго искусства* за 1875 г., вып. 6—10, стр. 59—60.

4) Rohault de Fleury, *La Messe*, pl. 404, ср. подвѣсныя кресты внутри вѣнка, pl. 390, 391—393, 399. На двухъ любопытныхъ перстняхъ Британскаго Музея, VI или VII столѣтія (по опредѣленію издателя) представлена голова или бюстъ Спасителя надъ двумя преклоняющимися ангелами, на третьемъ — бюстъ Христа надъ крестомъ, находящимся среди мужа и жены. См. Dalton, *Catalogue of early chr. antiquities and objects from the christian east in the British Museum*, L., 1901, №№ 120, 133, 189, стр. 19, 22, 30.

скаго храма. Но къ перечисленнымъ нами выше свѣдѣніямъ получается любопытное, хотя не достаточно ясное въ настоящее время, дополненіе. Оно находится въ греческомъ «Чинѣ богослуженія страстной и насхальныхъ седмицъ въ Святомъ Іерусалимѣ по уставу IX — X вѣка»¹⁾ и заключается въ слѣдующемъ указаніи: въ день Великой Пятницы, послѣ различныхъ литій на Елеонѣ, въ Геосимаіи, во Святой Софіи, затѣмъ въ Константиновомъ храмѣ въ срединѣ святаго Сада, передъ Лобнымъ мѣстомъ и наконецъ на мѣстѣ крестнаго распятія, передъ самымъ отпustomъ, полагалось по чину такое священнодѣйствіе: патріархъ съ архидіакономъ входятъ въ *Ангельское Побѣдное* (*ἡ νικητήριον ἀγγελικὴ*), сзади святаго Краніева мѣста, беретъ Честный Крестъ отсюда и несетъ его привязаннымъ на плечахъ своихъ. Архидіаконъ обвязываетъ ораремъ выю его и влечетъ его во святую Темницу и остается въ ней патріархъ. Здѣсь, т. е. во святой Темницѣ совершается литія, при пѣніи «Господи, осудили Ты Іудей на смерть» и пр. и пр. Послѣ пѣснопѣній діаконъ провозноситъ ектенію, и потомъ бываетъ отпустъ. Доселѣ мы нигдѣ не находимъ какого бы то ни было упоминанія о мѣстѣ Іерусалимскаго храма, посившемъ наименованіе «Ангельскаго Побѣднаго». Единственное свѣдѣніе, такъ или иначе касающееся этого мѣста, дается Дюканжемъ по новоду слова «Побѣдное» (*νικητήριος*) на выраженіе «Побѣдный гласъ Креста», которымъ былъ наименованъ вопскій кличъ, получившій начало отъ извѣстнаго видѣнія Константина Великаго; Дюканжъ указываетъ на соотвѣтственные мѣста различныхъ сочиненій по вопской тактикѣ и историковъ. Изъ сопоставленія другихъ текстовъ мы знаемъ о томъ, что уже къ VI вѣку сложились многочисленныя «Похвалы Кресту», въ которыхъ крестъ назывался: «красотою церкви», «державою царей», «утвержденіемъ вѣрныхъ», «славою ангеловъ». Такимъ образомъ, становится возможнымъ предположить, что именно изображеніе креста съ предстоящими ангелами было въ эпоху Константина типическимъ представленіемъ «Славы Креста» и, стало быть, славы христіанства. Иначе говоря, изображеніе креста съ двумя ангелами по сторонамъ было для эпохи Константина ясною эмблемою признанія христіанства государственною религіею Римской имперіи. Наши свѣдѣнія, почерпаемые исключительно изъ древнѣйшихъ паломниковъ, столь скудны по вопросу объ украшеніяхъ и художественныхъ подробностяхъ устройства въ храмѣ Святаго Гроба, что мы остаемся въ полномъ невѣдѣніи о томъ, какъ было устроено и украшено мѣсто Голгофы. Всѣ поиски среди археологическихъ памятниковъ оказываются доселѣ безплодными, вслѣдствіе крайне условнаго характера, усвоеннаго древне-христіанскимъ искусствомъ для своихъ изображеній. Только путемъ догадокъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ,

1) Изд. проф. А. А. Дмитріевскаго, стр. 145.

мы узнаемъ напримѣръ, что на скалѣ Голговы стоялъ одинъ крестъ, и тотъ крестъ былъ декоративный, обложенный серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями, и по его сторонамъ, очевидно, не было поставлено крестовъ двухъ разбойниковъ, хотя, по словамъ извѣстнаго «сказанія о нахожденіи Святаго Креста», эти кресты были найдены. Мало того: многочисленныя изображенія декоративнаго креста, поставленнаго на Голгоѣ, не только представляютъ его одинокимъ, но и самую Голгову представляютъ узкою пирамидальною скалою, на которой вовсе нѣтъ мѣста для двухъ другихъ крестовъ. Такимъ образомъ, изображеніе не отвѣчаетъ современному состоянію этой скалы, которая, въ настоящее время, будучи покрыта каменнымъ помостомъ, представляетъ площадку въ 40 футъ длины и ширины, со входами по двумъ крутымъ лѣстницамъ, въ 18 ступеней каждая. Эта площадь раздѣлена на двѣ капеллы пополамъ: капеллу Распятія, принадлежащую грекамъ и латинскую капеллу — «пригвожденія ко кресту». Въ алтарной части греческой часовни, на выступающей скалѣ указываютъ (правда, въ слишкомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, для того, чтобы здѣсь могли находиться 3 большихъ креста), три углубленія будто бы относящіяся, по преданію, къ мѣстамъ утвержденія трехъ крестовъ. Но видѣть можно только углубленія, сохранившіяся отъ Креста Христова, въ 1 футъ глубины, а прочія углубленія покрыты мраморнымъ помостомъ и обозначены только черными кругами. Зная, какъ произвольно обходятся греки со святыми мѣстами, имъ врученными, будетъ вполнѣ позволительно думать, что, со времени обрѣтенія животворящаго древа на Голгооской скалѣ, всегда существовалъ только одинъ крестъ и что даже самая скала была обѣчена въ видѣ пирамиды, и не допускала постановки прочихъ крестовъ. Затѣмъ сохранившіеся и извѣстные намъ доселѣ памятники древности представляютъ крестъ Голговы исключительно въ видѣ высокаго, показнаго, чисто декоративнаго греческаго креста, съ удлинненнымъ нижнимъ рукавомъ, обложеннаго драгоценными металлами и осыпаннаго камнями. Были ли на этомъ крестѣ какіе-либо фигурные медальоны, въ срединѣ, по рукавамъ, вдоль креста или на верху его, стоялъ-ли онъ на сферѣ или былъ утвержденъ, какъ реальный крестъ непосредственно въ скалѣ, и только устье было обдѣлано, какъ говорятъ паломники серебромъ,—не знаемъ, но вотъ, что находимъ мы на мѣстныхъ памятникахъ, а именно на извѣстныхъ ампуллахъ собора въ Монцѣ.

Ампуллы Монцы, содержащія въ себѣ освященный елей, какъ гласятъ на нихъ надписи, «отъ Животворящаго Древа святыхъ мѣстъ Христовыхъ» были принесены въ концѣ VI вѣка изъ Іерусалима въ даръ королевѣ Теоделидѣ изъ Рима иподіакономъ Іоанномъ около 600 года, когда папа Григорій (590 — 604) занималъ папскій престолъ. Надпись на одномъ

экземплярѣ гласить иначе: «Благословеніе Господа Святыхъ Христовыхъ Мѣстѣ» и такъ какъ изображаетъ «Поклоненіе волхвовъ», пастырей и славословіе ангеловъ предъ Младенцемъ, то повидимому, происходитъ изъ Внолеевской базилики, въ то время какъ всѣ остальные ампуллы были наполнены елеемъ, освященнымъ у Животворящаго Древа. Мы не знаемъ точно, гдѣ именно въ Іерусалимскомъ храмѣ сохранялось Святое Древо, но что это не было на самомъ Лобномъ мѣстѣ, о томъ свидѣлствуютъ всѣ паломники и приведенный выше текстъ патріарха Софронія: по его стихотворенію видно, что приложившись сначала къ скалѣ Голговы, въ которой утвержденъ былъ крестъ, пѣвецъ оттуда идетъ на мѣсто, гдѣ, преклонившись, вѣрные почитаютъ Божественное Древо и гдѣ въ тоже время воздаютъ поклоненіе иѣкоторой «честной иконѣ». Извѣстное сказаніе монаха Александра «О обрѣтеніи Честнаго Креста», относимое съ большою вѣроятностью къ концу V или къ началу VI столѣтія, ясно передаетъ намъ, что когда императрица Елена обрѣла Святой Крестъ въ Іерусалимѣ, то передъ отъѣздомъ своимъ въ Римъ распорядилась раздѣлить Древо на части и одну часть взяла съ собою, а другую вручила епископу Макарію для храненія на мѣстѣ въ Іерусалимѣ, положивъ эту часть въ золотой ковчегъ. Изъ разсказа паломницы Сильвіи мы знаемъ, что эта часть была достаточно большихъ размѣровъ, такъ что, при выносѣ ея на поклоненіе вѣрнымъ, она ставилась передъ епископомъ на особый столъ, покрытый полотномъ, кругомъ котораго стояли діаконы на стражѣ. Серебряный позлащенный ковчегъ, въ которомъ находилось святое Древо Креста на столѣ, открывался, и Святое Древо вынималось и клалось на столъ, какъ древо креста, такъ и написаніе. И когда оно было положено на столъ, епископъ, сидя, придерживалъ своими руками концы святого Древа, а діаконы, стоя вокругъ, охраняли его, и весь народъ, подходя по одиночкѣ, какъ вѣрные, такъ и оглашенные, преклонялись предъ столомъ и лобызали Святое Древо. «А дѣлается это, говорить паломница, потому, что, какъ рассказываютъ, не знаю когда, кто-то отгрызъ и укралъ частицу Святого Древа и, поэтому въ ея время діаконы охраняли его, чтобы никто не дерзнулъ сдѣлать того же. Итакъ, говоритъ паломница, проходитъ весь народъ по одиночкѣ, всѣ преклоняясь и касаясь крестомъ и написаніемъ сперва чела, а потомъ очей; затѣмъ, облобызавъ крестъ, проходятъ; руку же никто не протягиваетъ для прикосновенія». Итакъ часть Животворящаго Древа, находившаяся въ Іерусалимѣ, по всей очевидности, представляла собою во-первыхъ, надпись или титулъ и во-вторыхъ, кусокъ дерева величиною около 3 футовъ, не болѣе.

Множество сохранившихся до насъ византійскихъ, русско-византійскихъ, русскихъ и западныхъ древохранительницъ (*ставротекъ*) наглядно рисуютъ намъ форму храненія частицъ Животворящаго Древа: какъ бы ни

была эта часть мала, типичная и сакральная форма храненія была неизмѣнно одна и таже, а именно эту частицу разнимали и придавали ей форму креста, полагая, затѣмъ, крестикъ въ особо устроенное для него мѣсто и покрывая святыню особою доскою или дощечкой, соотвѣтственно самой святынѣ, болѣе или менѣе богато украшенной. Таковы «ставротеки» ¹⁾, имѣющія размѣры моленной иконы, большой или малой, таковы же и крохотные тѣльники, носившіеся на груди, каковъ напримѣръ, описанный нами драгоцѣнный византійскій тѣльникъ, перешедшій отъ послѣдниковъ грузинскихъ царей къ покойной императрицѣ Маріи Александровнѣ и находящійся доселѣ въ придворной церкви въ Ливадіи ²⁾. Весьма понятно, если, по сторонамъ вложеннаго креста, или на наружной доскѣ, изображали Константина и Елену, поддерживающихъ обрѣтенный крестъ. Столь же естественно изображеніе на внѣшней покрывающей доскѣ самого декоративнаго креста, окруженнаго двумя ангелами, прославляющими крестъ, какъ эмблему побѣды Константина, а съ нимъ и Христіанства надъ языческимъ міромъ. По сторонамъ такого декоративнаго креста вполне понятны эмблематическія надписанія: IC. XC. NI. KA., какъ напримѣръ на выходныхъ листахъ византійскихъ рукописей (№ 510 Париж. Націон. Библ.), на окладахъ и переплетахъ, на наружной сторонѣ диптиховъ и складней. Такого рода декоративные кресты утверждаются обыкновенно на сферѣ и заключаются иногда въ медальонъ, несомый ангелами. Медальонъ, помѣщенный въ центрѣ свода или въ абсидѣ, будетъ тогда обозначать побѣдный крестъ, узрѣнный Константиномъ наканунѣ рѣшительнаго дня: такъ, по крайней мѣрѣ, изображаютъ этотъ крестъ византійскія миниатюры въ небѣ передъ Константиномъ, несущимся на конѣ противъ враговъ въ битвѣ у Мильвійскаго моста. Естественно представить себѣ подобнаго же рода декоративный крестъ на наружной створкѣ того складня въ абсидѣ или простой нишѣ, куда было вложено Животворящее Древо въ Іерусалимѣ.

Возвращаясь къ тѣмъ же упомянутымъ ампуламъ Монцы, мы находимъ, что ихъ рельефныя изображенія въ *иссти* случаяхъ воспроизводятъ Животворящее Древо святого Креста. Не даромъ надпись на всѣхъ этихъ ампуллахъ гласитъ объ елеѣ, взятомъ отъ Древа Жизни. Правда, изображеніе Христа дается здѣсь въ нѣкоторой болѣе сложной темѣ, которую можно было бы называть даже «Распятіемъ», если бы оно не было представлено столь условно, такъ какъ лишь въ одномъ случаѣ изображена полная фигура

1) Рисунки древохранительницъ см. въ снимкахъ, приложенныхъ къ соч. Schlumberger, *Épopée byzantine*, I, p. 81; II, p. 65, 81, 176. Venturi, *Storia dell' arte italiana*, II, fig. 411—412, 662—663. Памятники христіанск. иск. на Аѳонѣ, табл. XXIV, XXV, XXVIII. *Исторія и памятники византійской эмали*, стр. 196—207.

2) *Исторія и памятн. визант. эмали*, стр. 206.

Спасителя, стоящаго съ простертыми въ стороны руками, т. е., какъ бы распятаго, при чемъ, однако, не представлено самого креста. Въ прочихъ случаяхъ, а именно въ двухъ ¹⁾ вовсе даже нѣтъ сцены Распятія, а изображенъ византійскій крестъ, стоящій среди арки и эта арка окаймлена лавромъ. На пластическомъ языкѣ того времени эта арка можетъ изображать кіотъ священнаго изображенія или реликвіи. Тотъ же самый византійскій крестъ помѣщается на другихъ ампуллахъ (рис. 74) уже среди извѣстной сцены, а именно среди двухъ разбойниковъ, представленныхъ распятыми, изъ которыхъ одинъ глядитъ по направленію къ Христу, а другой отъ Него отвернулся. У подножія креста помѣщаются двѣ меньшаго размѣра фигуры, которыя представляютъ двухъ воиновъ, бросающихъ жребіи между собой, о томъ, кому достанется риза Христова. Наконецъ, этотъ же самый крестъ замѣняется фигурною эмблемою креста, *состоящаго изъ лавровыхъ вѣтвей*, подъ которымъ видна или пирамидальная скала изъ нагроможденныхъ камней или четырехугольный пьедесталь, утверждаемый въ подобной же скалѣ. Этого рода «процвѣтшій крестъ» во-первыхъ отвѣчаетъ «Древу Жизни» и во-вторыхъ эмблематическому изображенію «побѣднаго креста», сопровождаемаго надписью ІС. ХС. NІ. КΑ. и украшеннаго внизу разводами акапоа. Итакъ весьма естественно представить себѣ, что ампуллы, содержащія слей, взятый отъ Древа Жизни, воспроизводятъ декоративную сторону его кіота, украшеннаго подобнымъ лавровымъ крестомъ, эмблематически указывающимъ на это Древо Жизни. Но поверхъ этого креста на ампуллахъ Монцы въ *шести* случаяхъ изображена голова Христа или верхній бюстъ Его (безъ рукъ). Медальонъ съ головою представляется здѣсь прикрѣпленнымъ къ самому кресту, хотя слишкомъ для него великъ; что же касается бюста, то

Рис. 74. Ампулла Монцы.

1) Гаруччи, томъ VI, табл. 434, 4 и 8.

онъ представленъ отдѣльно отъ креста, какъ будто бы исполненнымъ въ рельефѣ надъ крестомъ. Какое изъ этихъ двухъ изображеній отвѣчало

Рис. 75. Мозаика римской церкви Св. Стефана «Вручавго», около 618 года.

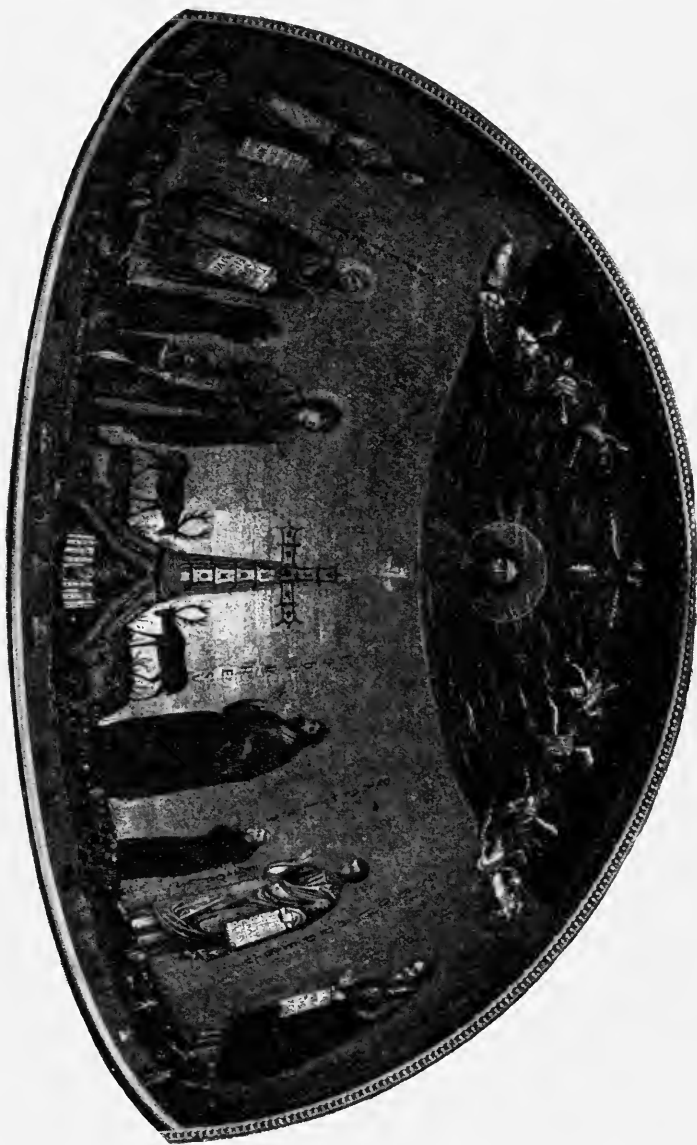
реальной декораціи кіота святаго древа, рѣшить, конечно, трудно, хотя возможна и та и другая форма. Любопытно, что мы найдемъ и ту, и другую форму изображенія, воспроизведенную затѣмъ въ римскихъ мозаикахъ.

Первое и наиболѣе ясное представленіе того же самаго Палестинскаго креста съ медальономъ Спасителя паверху находится въ алтарной мозаикѣ римской церкви Святого Стефана, по прозванію «Круглой». Церковь относится по своей постройкѣ еще къ V стол., но ея мозаическія украшенія были исполнены при папѣ Теодорѣ около 648 года, по случаю перенесенія въ эту церковь мощей Святыхъ Прима и Фелиціана. Уцѣлѣвшая донинѣ въ одной абсидѣ мозаика изображаетъ монументальный, осыпанный драгоценными камнями византійскій крестъ, съ медальономъ Спасителя паверху и Святими Примомъ и Фелиціаномъ по сторонамъ. Крестъ утверждёнъ прямо, безъ особаго подножія въ землѣ, на которой поднимаются отовсюду цвѣты и, очевидно, долженъ, вмѣстѣ съ мучениками, представлять собою идею славы креста, господствовавшую въ вѣкъ Константина. Къ сожалѣнію, помѣщенный въ медальонѣ образъ Спасителя сохранился весьма слабо и былъ нѣкогда перенесанъ по шпателькѣ масляною краскою, въ манерѣ школы Леонардо да Винчи. Но уже первые комментаторы этого изображенія, итальянскіе ученые, находили въ немъ близкія соотношенія съ рельефами ампулъ собора въ Монцѣ и потому полагали, что папа Теодоръ долженъ былъ имѣть въ данномъ случаѣ какой либо особенный поводъ для воспроизведенія «палестинской» композиціи Святого Креста. Изъ дальнѣйшаго мы, быть можетъ, увидимъ яснѣе, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ обыкновенною репликою Константиновскаго сюжета.

Второе изображеніе предполагаемаго Палестинскаго креста находится въ Равеннѣ въ церкви Святого Аполлинарія во Флотѣ и относится къ VI столѣтію. Не описывая его подробнѣе, такъ какъ мозаика эта пользуется большою извѣстностью, отмѣтимъ только варіанты принятой композиціи. Здѣсь уже весь крестъ помѣщенъ внутри большого круга или медальона, и образъ Христа находится въ перекрестѣ, а сверху и снизу креста особыми надписями воздается похвала кресту, спасшему міръ. Если затѣмъ по сторонамъ креста, являющагося въ небесахъ изображены не два ангела, но Моисей и Илья, то изображеніе славы креста не становится въ данномъ случаѣ эмблематическимъ изображеніемъ сцены Преображенія Господня, какъ иногда это изображеніе толкуется только потому, что внизу подъ крестомъ земля изображена подѣленною на три полосы, какъ будто бы это была гора и внизу же стоитъ въ позѣ молящагося Святой мученикъ Аполлинарій, среди 12 агнцевъ, долженствующихъ изображать собою апостоловъ. Гораздо естественнѣе предположить, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ нѣкоторой осложненною символическою, той же самой темы Похвалы Кресту, и эту композицію слѣдовало бы такъ описать словесно: Крестъ Христовъ, эмблема самого Христа (Распятаго), и христіанской вѣры, которая явилась «спасеніемъ міра», является во славу въ небесахъ, какъ послѣдованіе и испол-

пеніе «закона (Моисей) и пророковъ (Илья)». Осѣненный вышнимъ покровомъ этого креста Святой мученикъ Аполлипарій является славою Равенской церкви». Дополненіемъ къ этой мозаикѣ служить помѣщенный надъ нею на триумфальной аркѣ образъ Спасителя въ медальонѣ, среди евангельскихъ

Рис. 76. Алтарная мозаика базилики Іоанна Латеранскаго.

эмблемъ и изображеніе двухъ архангеловъ на стѣнахъ этой арки, по сторонамъ центральной мозаики.

Алтарная мозаика базилики Іоанна Предтечи въ Латеранѣ, въ Римѣ, въ настоящее время представляетъ двѣ разновременныя части: верхняя треть относится, кратко говоря, къ Константиновскому времени, а прочія двѣ

трети ко времени папы Николая IV, который передѣлалъ мозаику въ 1290 году. Въ надписи, помѣщенной въ первомъ полѣ надъ окнами папа объявляетъ, что онъ помѣстилъ священный ликъ Спасителя въ цѣлости на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ впервые чудеснымъ образомъ явился, когда эта церковь была освящена.

По поводу этой надписи, издатель мозаики Джіованни-Баттиста де-Росси сообщаетъ рядъ соображеній о времени исполненія верхней части, заключающей въ себѣ образъ Спасителя, видимый въ небѣ и окруженный ангелами. По этимъ соображеніямъ, самъ Константинъ не участвовалъ въ мозаическомъ украшеніи абсиды, такъ какъ есть свидѣтельство «Панской книги», за время папы Сильвестра, что камера базилики, т. е. трибуна или абсида была покрыта въ это время сплошь въ ширину и длину золотыми листами, вѣсомъ въ 500 ливровъ. Пана Левъ Великій, послѣ разгромленія Рима вандалами, возстановилъ камеру латеранской базилики въ 455 году, стало быть, именно въ это время она и была украшена мозаиками, хотя тотъ же самый де-Росси не отрицаетъ вполне и Константиновскаго происхожденія ея. Средневѣковая легенда сообщила образу Спасителя чудесное происхожденіе: онъ слыветъ «нерукотворнымъ», — правда, не ранѣе X или XI вѣка. По этимъ запесеннымъ въ книги сказаніямъ, образъ Спасителя явился всему народу написаннымъ на стѣнахъ первымъ. Де-Росси указываетъ, что въ легендѣ сказано только явился «видимымъ» (*visibiliter*), а впоследствии слово «видимый» было замѣнено словомъ «чудесно». Далѣе въ средніе вѣка, говоритъ тотъ же де-Росси, было распространено свѣдѣніе, будто бы христіанская религія была оффиціально объявлена Константиномъ съ высоты латеранской трибуны: «такое вѣрованіе, говоритъ де-Росси, сдѣлало изъ этого мѣста второй Синай новой вѣры, отмѣчая въ немъ торжественный и историческій памятникъ великаго событія, которое извлекло изъ катакомбъ и вынесло на свѣтъ солнца побѣдоносные символы креста и образа Спасителя». Таковы, по крайней мѣрѣ, мотивы, которые внушили бывшую пѣкогда въ абсидѣ надпись.

Къ сожалѣнію, въ этой надписи мы рѣшительно отказываемся видѣть какое-либо указаніе на изображенный сюжетъ. Но заключеніе де-Росси о томъ, что почитаніе образа Спасителя, видимого въ небѣ въ латеранской абсидѣ, установилось именно въ связи съ утвержденіемъ христіанской вѣры въ государствѣ, заслуживаетъ полного вѣроятія, тѣмъ болѣе, что оно подтверждается самымъ желаніемъ папы Николая IV сохранить этотъ образъ въ цѣлости, какъ залогъ святости самой базилики этой главы папскаго Рима. Образъ Спасителя подвергался въ началѣ XIX в. нѣкоторымъ легкимъ передѣлкамъ, но тѣмъ не менѣе впечатлѣніе древняго искусства, хотя огрубѣлаго и варварскаго, сообщаетъ этому образу много характера. Узкій, крайне

удлиненный и сухой овалъ лица, съ темными впадинами на щекахъ, узкимъ ртомъ, длинною плоско падающею бородою съ густыми и длинными волосами, ниспадающими за плеча, треугольный контуръ лба, высоко поднятыя, но правильныя брови, длинный и узкій, но безъ горбины носъ, большіе глаза (повидимому, именно глаза были предметомъ передѣлки и получили необычное поднятіе зрачковъ) и наконецъ непомѣрно удлиненная нижняя часть лица; таковы общіе признаки этого типа, воспроизведенные лишь отчасти въ большомъ рисункѣ головы итальянскаго художника, исполнявшаго акварельный снимокъ для изданія де-Росси. Однако же этотъ рисунокъ не даетъ настоящаго представленія латеранской головы, по крайней мѣрѣ въ ея современномъ видѣ, какъ о томъ можно судить по фотографіи и, конечно, по оригиналу. Въ оригиналѣ обращаетъ прежде всего на себя вниманіе фонъ синяго неба, перерѣзаннаго красновато-огненными облаками и во вторыхъ самый образъ Спасителя по рѣдкому контрасту этой головы со всѣми ея окружающими фигурами: даже при поверхностномъ взглядѣ совершенно ясно, что летающіе въ небѣ ангелы по своему поздне-византійскому стилю, уже прикрашенному, въ миловидныхъ лицахъ и развивающихся одеждахъ итальянскими мастерами, относятся къ концу XIII вѣка, т. е. составляютъ работу мозаичистовъ папы Николая IV. Но въ данномъ случаѣ, что для насъ особенно любопытно — эти 8 ангеловъ съ девятымъ херувимомъ посреди, очевидно не соотвѣтствуютъ по своимъ мелкимъ размѣрамъ колоссальнымъ размѣрамъ Главы Христа и отсюда естественно допустить догадку, что въ древности на ихъ мѣстѣ были, по всей вѣроятности, только два ангела по сторонамъ Главы Христовой, какъ то видно въ находящемся рядомъ съ базиликою ораторіи Святого Венанція, къ мозаикѣ котораго мы впослѣдствіи перейдемъ. Въ оригиналѣ глава Христа имѣетъ бороду и волосы, какъ въ типѣ Христа въ церкви Святого Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ и не имѣетъ ничего общаго съ византійскимъ типомъ. Самый цвѣтъ лика слегка красноватый, со смуглымъ оттѣнкомъ, темнокаштановые волосы густы, безъ вьющихся волосовъ, кругомъ глазъ темныя впадины, но не мѣшки (какъ нарисовано итальянскимъ художникомъ). Важнѣйшее обстоятельство, свидѣтельствующее о древности изображенія, есть простой нимбъ Спасителя, не раздѣленный вписаннымъ въ него крестомъ.

Уже покойный Мюнцъ догадывался, что и нижняя мозаика, представляющая моленіе по сторонамъ креста Богоматери, Іоанна Предтечи и другихъ лицъ, составляетъ по существу снимокъ или подражаніе древнѣйшей мозаикѣ, бывшей первоначально на этомъ мѣстѣ. Доказательства Мюнца основывались, главнымъ образомъ, однако, на нижнемъ пояскѣ, изображающемъ водяныя игры, которыя, какъ извѣстно, встрѣчаются именно съ характеромъ эмблематическихъ композицій въ мозаикахъ V столѣтія. Но и самая средняя

полоса мозаикъ, т. е. изображеніе Святаго Креста, на который нисходящій Святой Духъ льетъ потокъ воды изъ клюва, а къ этому потоку приходятъ пить два оленя и рядъ колоссальныхъ фигуръ приводящихъ ко кресту Святыхъ меньшаго размѣра, вся эта композиція должна представлять только въ средне-вѣковой передѣлкѣ древнюю мозаику. Центромъ же и содержаніемъ этой мозаики было очевидно изображеніе «Славы Креста».

Алтарная абсида въ ораторіи Святого Венанція, въ томъ же Латеранѣ была украшена мозаикою при папѣ Іоаннѣ IV (640—642 г.). Папа, родомъ далматъ, перенесъ въ Римъ мощи мучениковъ Венанція, Анастасія и Мавра и положилъ ихъ въ древней церкви, построенной еще въ V вѣкѣ, которая потомъ была сомкнута входомъ съ Константиновскимъ баптистеріемъ Латерана. Подобно мозаикѣ въ абсидѣ главной латеранской базилики, мы имѣемъ и здѣсь двѣ разнохарактерныя и быть можетъ даже разновременныя, только условно и случайно сомкнутыя части: верхнюю и нижнюю. Въ верхнемъ поясѣ изображенія представленъ среди облаковъ, густо покрывающихъ небо, Спаситель по грудь, съ благословляющей десницей, среди двухъ архангеловъ, также видныхъ по грудь и молитвенно къ Нему обращенныхъ. Въ нижнемъ поясѣ изображена Богоматерь, стоящая въ видѣ оранты съ поднятymi молитвенно руками, а по ея сторонамъ апостолы Петръ и Павелъ, Іоаннъ Предтеча и Іоаннъ Евангелистъ, Святой Венанцій и епископъ папа Іоаннъ IV. Въ этомъ своемъ настоящемъ составѣ мозаика очевидно не можетъ быть истолкована иконографически: никакія соображенія, относительно видоизмѣненнаго будто бы здѣсь Вознесенія Христова, не могутъ имѣть мѣста. Длинный иконографическій комментарий, который дѣлаетъ по поводу мозаики де-Росси, ограничивается данными о мученикахъ Далматін, и вовсе не входитъ въ разборъ той сцены, которую собственно представляетъ настоящая композиція, по той простой причинѣ, что въ данномъ случаѣ никакой сцены нѣтъ, а есть совершенно случайный сводъ фигуръ, явившійся въ результатѣ понятнаго желанія соединить привычную композицію съ новыми задачами. Дѣйствительно, подобнаго рода малопонятныя сцены возникаютъ именно тогда, когда хотя въ предѣлахъ стараго сюжета изобразить много новаго содержанія и, паслуя первый, лишаютъ его прежняго опредѣленнаго смысла.

Уже Кроу и Кавальказелле сдѣлали замѣчаніе, что верхняя часть композиціи, т. е. Спаситель съ двумя ангелами въ небесахъ отличается стилемъ болѣе классическимъ и менѣе тяжелымъ и по рисунку болѣе широкимъ и пропорціональнымъ. Повторяя это замѣчаніе, де-Росси указываетъ на то, что объясненіе этой разницы можетъ быть дано сравненіемъ настоящей мозаики съ алтарною мозаикой большой сосѣдней базилики. Въ этой части, по его мнѣнію, слѣдуетъ искать воспоминаніе и даже по-

Рис. 77. Мозаика «Воскресение Христа» в базилике св. Апполинария в Равенне, 610—612 гг.

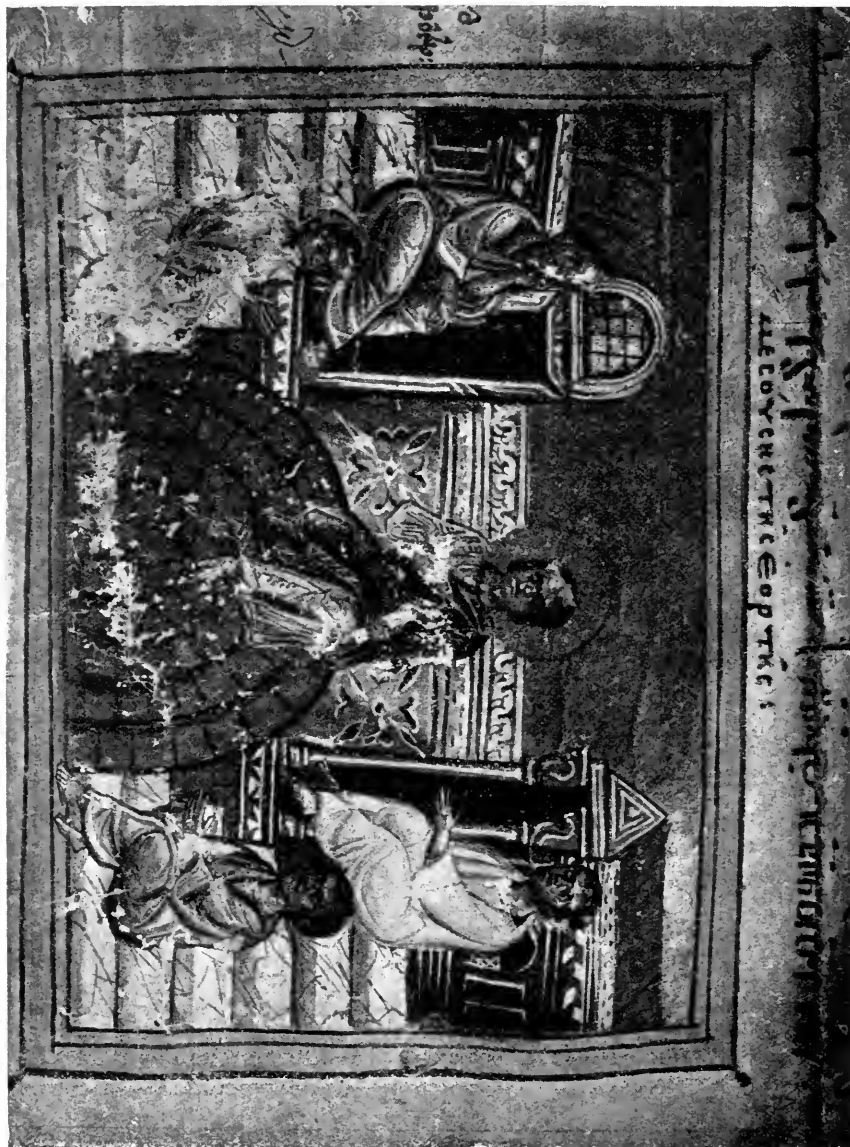
пытку подражанія, желаніе передать болѣе или менѣе точно образъ Спасителя въ небѣ, какъ Онъ былъ изображенъ въ абсидѣ Іоанна Латеранскаго. Дѣйствительно, голова Спасителя болѣе сходна съ типомъ IV и V столѣтій, чѣмъ съ типами, господствовавшими въ VII вѣкѣ. Между фигурами Спасителя съ ангелами и нижнимъ поясомъ фигуръ есть, конечно, ясно видимое сходство характеровъ: та же массивная грузность фигуръ, та же блѣдность ликовъ (повидимому, цѣликомъ набранныхъ изъ шифера), та же блѣдность драпировокъ и та же грубая ремесленность работы, незнающая вовсе художественныхъ пріемовъ. Однако заключить изъ этого, что верхняя часть мозаики принадлежитъ къ VII столѣтію, нельзя столь же увѣренно, какъ и противоположное, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ остатокъ мозаики, украшавшей церковь во имя Святого Стефана, построенную въ V вѣкѣ и превращенную затѣмъ въ ораторій. Напротивъ того, стиль середины VII вѣка передается нижнимъ поясомъ съ полною ясностью, если особенно сравнить эти мозаики съ Равеннскими. Такимъ образомъ будетъ вѣрнѣе утверждать, что мозаичисты, призванные папою Іоанномъ IV, нашли въ абсидѣ настоящей церкви старую, быть можетъ, полуразрушенную композицію Спасителя съ двумя ангелами въ облакахъ, а подъ нимъ обычный крестъ съ предстоящими, а потому и исполненное ими изображеніе Спасителя отличается еще древнѣйшими чертами. Нимбъ Спасителя прорѣзанъ голубыми и розовыми облаками, нимбъ простой, не крестчатый. Волосы Спасителя темно-каштановые, густые и длинные, лежатъ по плечамъ, борода не острая, но округлая и небольшая, овалъ лица широкій, не удлиненный, и черты лица правильныя. Христосъ благословляетъ именованно, что также указываетъ на седьмое столѣтіе и было бы не возможно въ изображеніи V вѣка.

Подобную же, нынѣ исчезнувшую, мозаическую композицію Славы Креста Господня указываетъ извѣстный де-Росси въ алтарной абсидѣ церкви Святыхъ Нерее и Ахиллеса въ Римѣ, построенной и украшенной мозаиками при папѣ Львѣ III (795—816 г.). Эта мозаика существовала еще, хотя въ нѣкоторыхъ остаткахъ, во времена извѣстнаго Угоніо и затѣмъ была замѣнена, вѣрнѣе прикрыта, штукатуркою, на которой живописецъ сохранилъ изображеніе креста и по его сторонамъ рядъ идущихъ къ нему агнцевъ, оустившихъ лишь непонятный ему подъ крестомъ холмъ съ истекающими изъ него 4-мя источниками. Приведя этотъ древнѣйшій сюжетъ, де-Росси, для его объясненія, полагалъ нужнымъ указать аналогическіе примѣры украшенія алтарей такими, какъ онъ выражается, простыми темами. Къ сожалѣнію, его примѣры ограничиваются упомянутыми выше церквами Святого Стефана Круглаго, Святого Аполлипарія въ Равеннѣ, Неаполитанскаго бантистерія (сюжетъ совершенно иной и вовсе не даетъ аналогическаго примѣра, такъ

какъ не представляетъ славы креста или христіанства на землѣ) и абсиды церкви Святого Феликса въ Норѣ, уже на основаніи стихотворнаго описанія Святого Паулина.

Въ заключеніе этого краткаго и, такъ сказать, предварительнаго экскурса въ область «Палестинской иконографіи», которая имѣетъ привести со-

Рис. 78. Миниатюра изъ Минеи грузинской XII вѣка, въ собраніи рукописей при Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ.

временемъ къ болѣе точному пониманію христіанской иконографіи, представляемъ вниманію одну миниатюру (рис. 78), встрѣченную нами въ грузинской Миней XII вѣка, находящейся въ собраніи рукописей при Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ. Миниатюра сопровождается греческими словами: μεσση-

σὴς τῆς ἐσφρῆς, указывающими на содержаніе гл. 2 Ев. отъ Луки 41—50, и представляет Спасителя, двѣнадцатилѣтняго отрока, въ Иерусалимскомъ храмѣ, среди учителей, со свиткомъ въ лѣвой рукѣ и благословляющею десницею. Спаситель изображенъ на полукругломъ, вымощенномъ камнемъ, возвышеніи, которое помѣщается въ экседрѣ, среди двухъ, сходящихся сюда, крыльевъ амфитеатра, съ вѣнчающими его верхъ пертиками и шестью рядами ступеней или мраморныхъ скамей, также идущихъ, повидимому, полукругомъ. Врядъ-ли возможно думать, что полукруглое возвышеніе должно представлять среднюю овальную арену, такъ какъ Спаситель сидитъ выше учителей, помѣщенныхъ на ступеняхъ. Было бы весьма важно путемъ подбора дополнительныхъ изображеній разяснить эту любопытную кафедру Учителя, которая также можетъ оказаться древнѣйшимъ представленіемъ «Скаль» Иерусалимскаго храма, такъ какъ и миниатюра, судя по юнымъ фигурамъ дидаскаловъ, копируетъ древне-христіанскій оригиналъ.

І.

Предметный указатель.

- Адамъ**, его гробъ на Голгоѣ — 41.
Абсиды — 52, 90, 118.
Аканѣ въ орнаментикѣ капителей — 6—7, 33—39, 48, 50, 60, 104—105, 111, 130—131, 205.
Акрополь Баальбека — 57—59.
Ампуллы Мошцы — 22, 165, 167—168, 288—289.
Апастасиъ — Воскресеніе — храмъ Св. Гроба — 154—155.
Арки триумфальныя — 65—104.
Атриумъ храма Св. Гроба — 146, 148—149, 151, 153, 171—172, 186, 208—210.
Археологія, Палестинская — 1—46.
Базилики, христіанскія — 25—31, 51—52, 60—62, 64—67, 71, 78, 83—84, 85, 86, 87, 88—89, 90—91, 97, 99, 100—102, 105—107, 111—112, 116—120, 126.
Базилика Св. Гроба: по описанію
Евсевія — 143—154.
Сильвіи — 154—158.
Евхерія — 158—159.
Θеодосія — 159.
Антоніи — 163—165.
одамъ Софронія — 175—179.
Аркульфа — 180—185.
Епифанія — 186—187.
Башни (погребальныя) — 74, 78, 84—85.
Базы (колоппы) — 206.
Бѣтлѣ — 54.
Ворота: «двойныя» въ Іерусалимѣ — 236—239.
» «Золотыя» въ Іерусалимѣ — 247—252.
Воскресеніе Господне — 40.
Гемисферій храма Св. Гроба — 152—153.
Глнскей въ базиликахъ — 119.
Голгоѣ и церковь на Голгоѣ — 161—163, 183.
Гробъ Господень — 146—147, 154, 164—165, 167—168, 181, 281.
Дворцы — 121—123, 125, 127—135.
Древо Животворящее — 165, 166, 273, 290—292.
Древохранительницы — 289—290.
Евангелія рукописныя — 275, 283—284.
Жертвенникъ Авраама — 184.
Идолъ сиро-финикійскій, рельефная копія — 56.
Иконографія византійская — 40.
Икопы — 274, 276.
Источникъ Силоамъ — 242—243.
Камень: у дверей Св. Гроба — 182—183.
» у входа въ склепъ Никифоріи — 262, рис. 69.

Камни: рѣзные — 276—277, 286.
 Капители: ихъ формы въ древне-христіанскомъ искусствѣ — 6—7, 36—38, 48, 49—51, 59—60, 66—68, 80—81, 97, 98, 104, 107, 111, 115, 123, 205, 207, 210—213, 214—216, 217—223, 224—231, 233—236, 236—241, 248—252, 253—254, 255—256, 257, 268—269, 271.
 » Суведы и Царскихъ гробницъ — 7, 99—100, 258—260.
 Ковчеги — 273, 274, 276.
 Копіе, произвѣвшее ребра Господни — 184.
 Конское искусство — 18.
 Конскія ткани — 8.
 Крестъ: Голгоемъ — 22, 41 примѣч. 2, 43, 156—158, 159, 160—163, 165, 166, 286—288.
 » напестольный — 274.
 » съ Главою Спасителя — 285—300.
 Крещеніе Господне — 40.
 Куполь: Скалы — 217—233.
 » Цѣпи — 233—236.
 Литургія І. Златоуста: рукопись — 281.
 Лобное мѣсто — 161—163, 183.
 Мечеть: Акса — 223—231.
 » Оммадовъ — 64—67.
 » Омара или «Скалы» — 217—233.
 Миниатюры рукописей — 275, 281—284, 300—301.
 Митры — 273, 274.
 Монастырь: Св. Креста (близъ Іерусалима) — 264—266.
 » Св. Саввы Освященнаго — 266—268.
 Мозаики — 44—45, 68—69, 160—161, 188, 189—190, 191, 270.
 » церквей: Аполлипарія въ Равеннѣ — 293—294.
 » » Венація въ Латерапѣ — 297—298.
 » » Іоанна Латеральскаго — 294—297.

Мозаики церквей: Нерее и Ахилла — 299.
 » » Пуденціаны — 160—161.
 » » Стефана Круглаго — 293.
 Мозаическіе помы — 13, 44, 137—141, 256—258, 266.
 Некрополь — 93, 123.
 Образки — 276—277.
 Оклады рукописей — 275.
 Омофоръ — 274.
 Омфалъ — 160.
 Орнаментака — 7—8, 51, 83—84, 87, 89—90, 92, 94—97, 98, 102, 128—134, 260, 284.
 Орудія Страстей Господнихъ (гость, губа и копіе) — 178, 179, 184.
 Папагія — 274, 276.
 Пещера Св. Гроба — 146—148, 164—165, 167—168, 181, 195.
 Поклоненіе волхвовъ — 42.
 Престоль, «уготованный» — 43—44, 279.
 Прописи (Константиновой базилики Св. Гроба) — 197—207.
 Распятіе Христово — 40—41.
 Рельефы: восточные — 54—55, 95, 122.
 » греко-римскіе — 74, 81.
 » христіанскіе — 74, 86, 87, 94—95, 210.
 Ризница Св. Гроба — 272—276.
 Ротонда Св. Гроба — 147, 166—167, 170—172, 180, 195.
 Рукописи — 274.
 Рукописи, лѣпелныя — 275.
 Рѣки, райскія, четыре — 245—246.
 Садъ Іосифа — 186.
 Савкосъ — 274.
 Сассанидское искусство — 54—55.
 Саркофаги — 262—264.
 Сирія, ея искусство — 4—8, 16—18.
 Скала: Голгоемъ — 161—163, 300—301.
 » Іерусалимскаго храма (см. «Скала Омаровой мечети») — 241—246.
 » Омаровой («Скалы») мечети — 241—246.
 Склепъ, погребальный въ Іерусалимской Нинифоріи — 260—264.

Слава Креста — 287—300.	Церкви въ Иерусалимѣ: Св. Воскресенія —
Слова Григорія Богослова (рукопись) —	188—189, 191 —
281—283.	192.
Стеклянные издѣлія — 8—9.	» » » Св. Елены — 179,
Театръ — 108, 115, 126.	186—187, 213 —
Темница Господня — 186.	216.
Ткани фигурныя, восточныя — 14—15.	» » » Св. Марія — 183.
Фресковая роспись — 265—266.	» » » «Новая» — 232.
Храмы языческіе — 56, 59—61, 72, 79,	» » » Стефана — 255 —
81, 82—83, 87, 91—92, 94, 97, 98,	257.
103, 115.	» » » Рождества въ Виф-
Церкви: круглыя — 75—76.	леемѣ—268—270.
» купольныя — 76—78, 168 —	» » » Построенныя по
172.	плану храма Св. Гроба — 192—193.
въ Иерусалимѣ: Св. Анны—252—	Чаша Господня — 184, 186.
254.	Эмаль византийская — 276—281.

II.

Указатель рисунковъ въ текстѣ.

1. Аѣины. Акрополь. Капитель V—VII вѣка, стр. 50.
2. Ниха. Идолъ въ стѣнѣ частнаго дома, стр. 55.
3. Дамаскъ. Гробница Малекъ Дагера. Сѣверная сторона, стр. 67.
4. Монастырь Св. Ѳомы близъ Сейдна, стр. 68.
5. Санаменъ. Башня на сѣверномъ краю деревни, стр. 72.
6. Санаменъ. Храмъ Счастія, стр. 73.
7. Риме. Гробница Целестина, стр. 79.
8. Шухба. Капитель колоннады въ арабской кофейнѣ, стр. 80.
9. Шакка (Саккея). Базилика, стр. 82.
10. Шакка. Кесарія, стр. 83.
11. Шакка (Саккея). Монастырь на востокъ отъ деревни, стр. 85.
12. Кенаватъ. Простильный храмъ, стр. 91.
13. Сіахъ. Фрагментъ фриза отъ гіерона, стр. 95.
14. Суведа. Храмъ. Сѣверная сторона, стр. 99.
15. Ес-Суведа. Домъ на храмовой площади, стр. 101.
16. Босра. Колонна въ мечети (монастырь) на западъ отъ города, стр. 106.
17. Гробница по дорогѣ изъ Суфа въ Джерашъ, стр. 113.
18. Амманъ. Эль-Казръ. Видъ съ юго-запада, стр. 127.
19. Амманъ. Эль-Казръ. Западная часть, стр. 129.
20. Амманъ. Эль-Казръ. Юго-западный уголъ, стр. 130.
21. Амманъ. Эль-Казръ. Сѣверный уголъ, стр. 131.
22. Амманъ. Эль-Казръ. Сѣверо-западн. уголъ, стр. 132.
23. Амманъ. Эль-Казръ. Западная стѣна, сѣверная ниша, стр. 133.
24. Амманъ. Эль-Казръ. Южная стѣна, западная ниша, стр. 135.
25. Планъ Іерусалима на мозаикѣ Мадебы, стр. 172.
26. Храмъ Воскресенія по Аркульфу, стр. 182.
27. Планъ храма Воскресенія съ окружающею его мѣстностью, сост. архит. К. Шинкомъ въ 1897 г. для Православн. Палестинскаго Общества, стр. 194.
28. Іерусалимъ. Церковь Св. Воскресенія. Сѣверный нефъ, стр. 211.
29. Іерусалимъ. Храмъ Св. Гроба. Сѣверный нефъ, стр. 212.
30. Іерусалимъ. Храмъ Св. Гроба, стр. 213.
31. Іерусалимъ. Храмъ Св. Гроба. Церковь на-рицы Елены, стр. 214.
32. Іерусалимъ. Храмъ Св. Гроба. Церковь на-рицы Елены или Обрѣтенія Св. Креста, стр. 215.
33. Іерусалимъ. Мечеть Скалы, стр. 218.
34. Іерусалимъ. Мечеть Скалы, стр. 219.
35. Іерусалимъ. Мечеть Скалы, стр. 220.
36. Іерусалимъ. Мечеть Скалы, стр. 221.
37. Іерусалимъ. Мечеть Скалы, стр. 222.
38. Іерусалимъ. Мечеть Скалы, стр. 223.
39. Іерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 224.
40. Іерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 225.
41. Іерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 226.

42. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 227.
43. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 228.
44. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 229.
45. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 230.
46. Иерусалимъ. Мечеть Эль-Акса, стр. 231.
47. Иерусалимъ. Мечеть Давида, стр. 234.
48. Иерусалимъ. Мечеть Давида, стр. 235.
49. Иерусалимъ. Мечеть Давида, стр. 237.
50. Иерусалимъ. Мечеть Давида, стр. 238.
51. Иерусалимъ. Мечеть Давида, стр. 239.
52. Иерусалимъ. Мечеть Давида, стр. 240.
53. Иерусалимъ. «Двойныя ворота», стр. 241.
54. Иерусалимъ. Капитель въ субструкціяхъ Харама, стр. 242.
55. Иерусалимъ. Капитель аркады на верхней площадкѣ Харама, стр. 243.
56. Свинцовый отпечатокъ съ палестинской формы VI в., въ ризницѣ собора въ Монцѣ, стр. 245.
57. Рѣзной фризъ «Золотыхъ воротъ» въ Иерусалимѣ, стр. 248.
58. Иерусалимъ. «Золотыя ворота», стр. 249.
59. Иерусалимъ. «Золотыя ворота», стр. 251.
60. Иерусалимъ. Церковь Св. Анны, стр. 253.
61. Иерусалимъ. Церковь Св. Анны, стр. 254.
62. Иерусалимъ. Церковь Св. Стефана, стр. 255.
63. Иерусалимъ. Церковь Св. Стефана, стр. 256.
64. Иерусалимъ. Царскія гробницы, стр. 258.
65. Суведа. Домъ въ городѣ, стр. 259.
66. Никифорія. Крыша саркофага, стр. 263.
67. Никифорія. Бокъ саркофага, стр. 264.
68. Никифорія. Саркофагъ, стр. 264.
69. Иерусалимъ. Никифорія. Входъ въ открытую гробницу, стр. 265.
70. Вилеємъ. Базилика Рождества, стр. 267.
71. Яффа. Капитель въ домѣ русской миссіи, стр. 269.
72. Яффа. Капитель на Греческомъ подворьѣ, стр. 270.
73. Ризница Св. Гроба. Панагія патр. Авраамія, стр. 277.
74. Ампулла Монцы, стр. 291.
75. Мозаика римской ц. Св. Стефана «Круглаго», около 648 года, стр. 292.
76. Алтарная мозаика базилики Іоанна Латеранскаго, стр. 294.
77. Мозаика абсиды въ ораторіи Св. Венанція въ Латеранѣ, 640—642 гг., стр. 298.
78. Миниатюра изъ Миней грузинской XII в., въ собраніи рукописей при Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ, стр. 300.

III.

Указатель отдѣльныхъ таблицъ.

I. Ферзуль. Уади ел-Хабисъ. Сассанидскій рельефъ. II. Баальбекъ. Малый храмъ. Видъ съ В. стороны. III. Дамаскъ. Мечеть Омейядовъ. Внутренность съ В. IV. Дамаскъ. Мечеть Омейядовъ. Входный порталъ. V. Дамаскъ. Мечеть Омейядовъ. Атріумъ. З. порталъ. VI. Дамаскъ. Гробница Малекъ Дагера. Внутренность. VII. Эс-Санаменъ (Эра). Храмъ Счастія. ЮЗ. уголъ. VIII. Эзра. Церковь вм. Георгія. Алтарь. IX. Эзра (Эороа). Церковь Пророка Иліи. Алтарная часть. X. Ел-Хитъ. Входъ въ домъ рядомъ съ жилищемъ шейха. XI. Ель-Кенаватъ (Канава). Серай. Общій видъ съ З. XII. Канаватъ (Канава). Серай. Боковое зданіе съ З, В. стѣна. XIII. Кенаватъ. Серай. Атріумъ. Ю. стѣна. XIV. Кенаватъ. Серай. Дверь, ведущая въ атріумъ, съ С. XV. Сіахъ. Первый дворъ. Входъ во второй дворъ. XVI. Атиль. Малый храмъ. XVII. Босра. Монастырь на В. отъ деревни. XVIII. Босра. Триумфальная арка въ городѣ, въ СЗ. XIX. Босра. Театръ. Просценій съ С. XX. Босра (Босора). Театръ. Портикъ верхняго яруса.	XXI. Гераса. Колоннада главной улицы, Ю. конецъ. XXII. Гераса. Колоннада форума. XXIII. Гераса. Большой храмъ. Фасадъ съ В. XXIV. Гераса. Пропилеи. С. крыло, съ З. XXV. Гераса. Развалины первой базилики. XXVI. Гераса. Триумфальная арка на Ю. сторонѣ города. XXVII. Аракъ-ель-Эмиръ. Касръ-ель-Абдъ. С. часть фасада. XXVIII. Амманъ. Ель-Касръ. Ю. стѣна. XXIX. Амманъ. Ель-Касръ. Внутренность, ЮВ. уголъ. XXX. Амманъ. Ель-Касръ. Ю. стѣна. XXXI. Амманъ. Ель-Касръ. СЗ. уголъ. XXXII. Амманъ. Ель-Касръ. З. стѣна. XXXIII. Амманъ. Развалины большаго зданія надъ рѣкою. XXXIV. Амманъ. Зданіе надъ рѣкою. Видъ съ С. XXXV. Іерусалимъ. Русскій домъ. Порогъ Судныхъ вратъ и стѣна Константиновой базилики. XXXVI. Іерусалимъ. Русскій домъ. Стѣна и арка Константиновой базилики. XXXVII. Іерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Фасадъ съ ЮЗ. XXXVIII. Іерусалимъ. Храмъ Гроба Господня. Камень миропомазанія и Голгоѳа съ З. XXXIX. Іерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Колоннада С. нефа. XL. Часовня Св. Гроба. XLI. Іерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Придѣлъ Св. Елены. XLII. Іерусалимъ. Харамъ еш-Шерифъ. Двойныя ворота.

- XLIII. Иерусалимъ. Золотыя ворота. Внутренность.
- XLIV. Иерусалимъ. Харамъ еш-Шерифъ. Куполь Цѣпп.
- XLV. Иерусалимъ. Харамъ еш-Шерифъ. Куполь Скалы.
- XLVI. Куполь Скалы. Внутренность съ ЮВ.
- XLVII. Куполь Скалы. Внутренность съ СЗ.
- XLVIII. Мечеть ел-Акса. Средній нефъ.
- XLIX. Мечеть ел-Акса. Центральная часть.
- L. Иерусалимъ. Никифорія. Открытая въ 1891 году гробница.
- LI. Иерусалимъ. Дворъ Иоаннитовъ. Колонны изъ греческой церкви Б. Матери въ храмѣ Св. Гроба, VI в.
- LII. Иерусалимъ. Латинская церковь Св. Анны. Развалины церкви надъ латинскою Овчею Купелью. В. часть.
- LIII. Вифлеемъ. Монастырь и храмъ Рождества Христова. З. входъ.
- LIV. Базилика Рождества въ Вифлеемѣ. Средній нефъ, съ З.
- LV. Вифлеемъ. Храмъ Рождества. С. спускъ въ пещеру Рождества.
- LVI. Монастырь Св. Креста (дер-ел-Мусалабе). Мозаичный полъ.
- LVII. Иерусалимъ. Монастырь Св. Креста. Видъ внутренности съ З.
- LVIII. Монастырь Св. Креста. Фрески на лѣвой сторонѣ средняго нефа.
- LIX. Монастырь Креста. Фресковый образъ Одигитріи.
- LX. Монастырь Св. Креста. Образъ Спаса.
- LXI. Иерусалимъ. Церковь Вознесенія. Пріютъ. Мозаическій полъ.
- LXII. Иерусалимъ. Русское мѣсто о. Антонина. Пріютъ Мозаичный полъ.
- LXIII. Иерусалимъ. Патріарш. библиот. Армянская рукопись.
- LXIV. Ризница Св. Гроба. Хрустальная древохранительница XII вѣка.
- LXV. Иерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Икона Распятаго въ окладѣ съ византійскими эмалями.
- LXVI. Монастырь св. Креста. Мозаичный полъ.
- LXVII. Иерусалимъ. Базилика Стефана. Мозаичный полъ боковой усыпальницы.
- LXVIII. Святоградская библіотека. Евангеліе I. Матеи 1643 года.
- LXIX. Иерусалимъ. Библіотека армянск. патріархіи. Книга Іезекіиля.
- LXX. Иерусалимъ. Библіотека армянской патріархіи. Выходные листы рукописи.
- LXXI. Иерусалимъ. Библіотека армянск. патріархіи.
- LXXII. Лавра Св. Саввы.

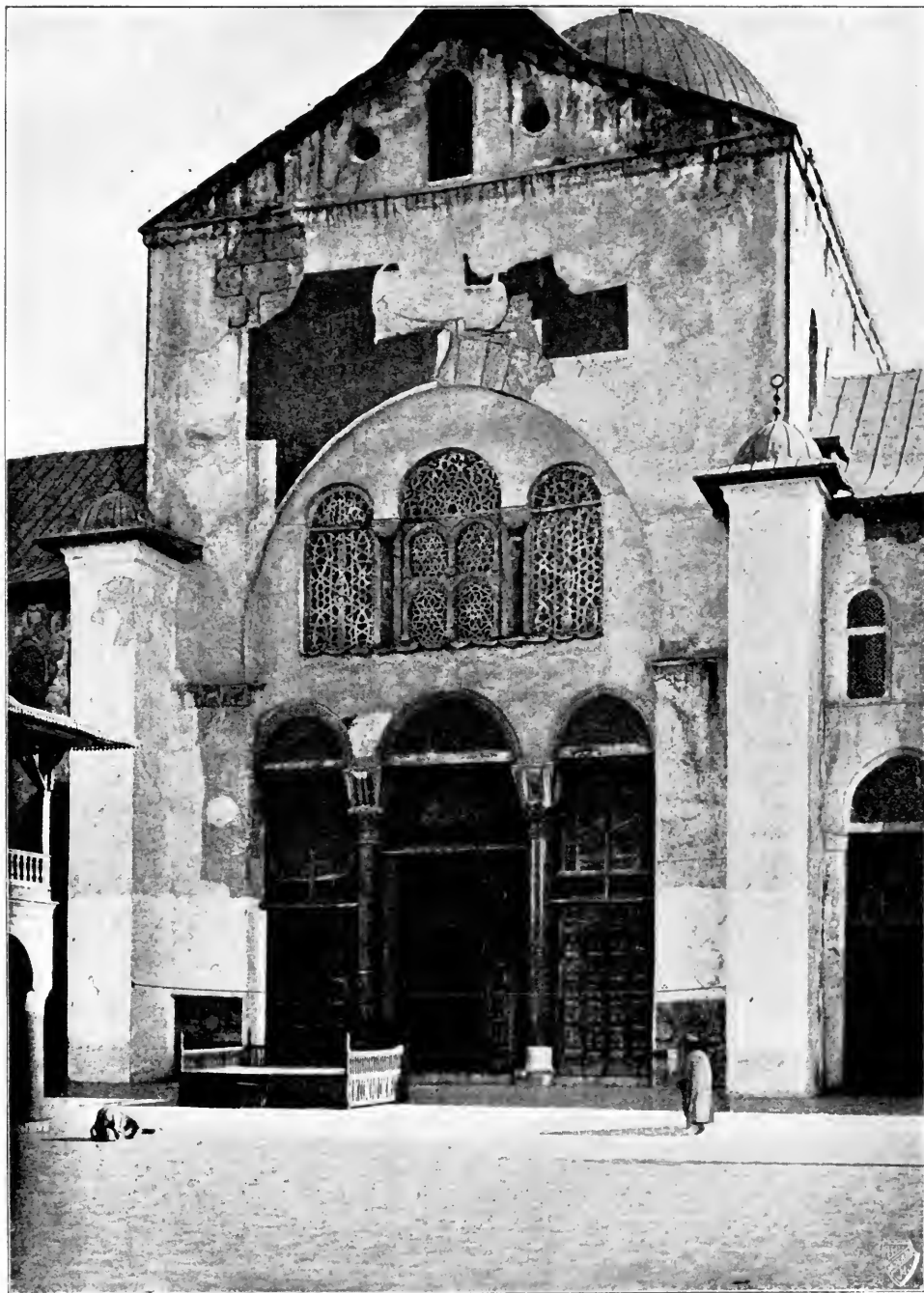
І. Ферзуль. Уаді ел-Хабіс. Сасанідський рельєф.

И. Баальбекъ. Малый храмъ. Видъ съ В. стороны.

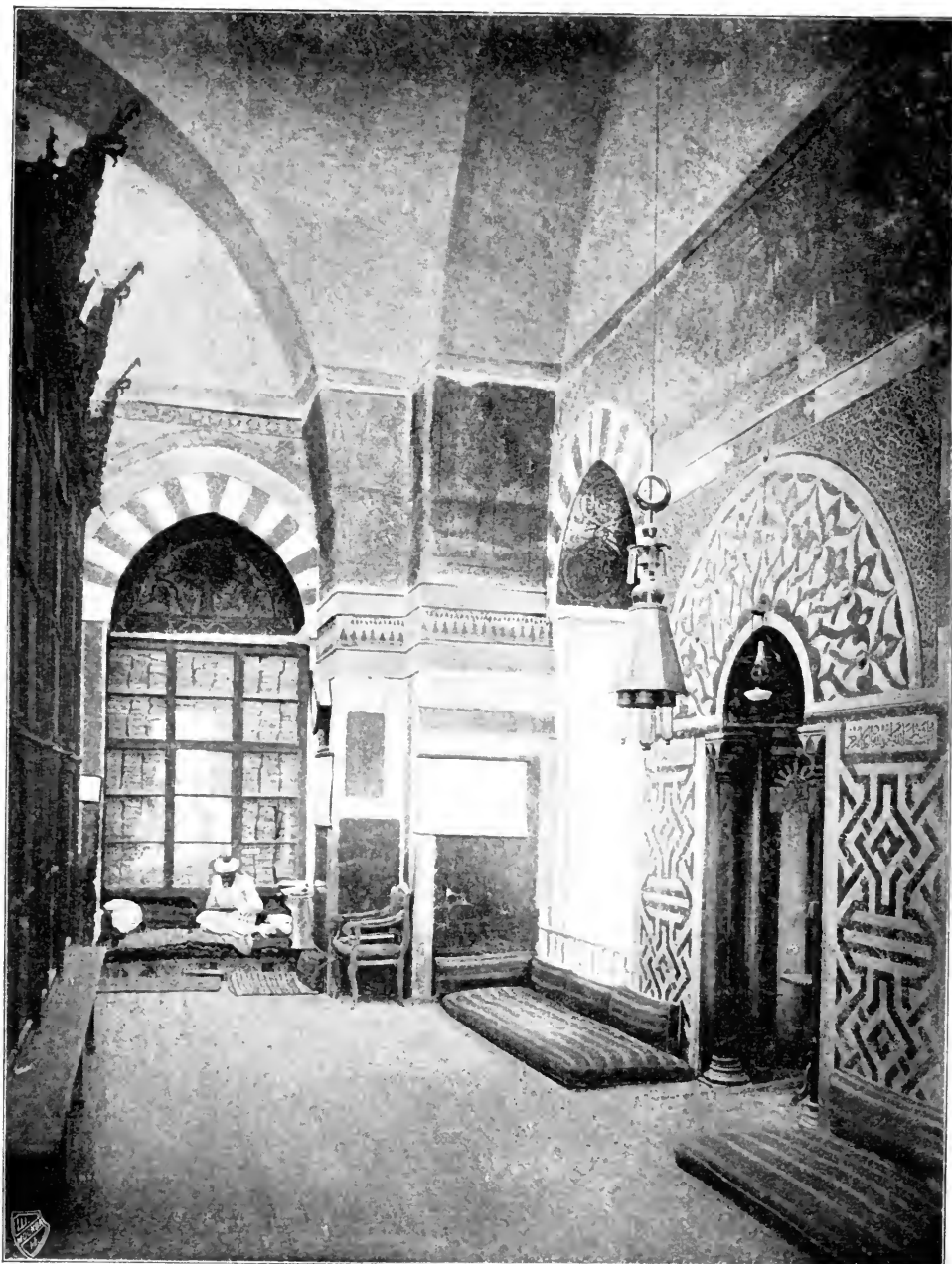
III. Дамаскъ. Мечеть Омейядовъ. Внутренность съ В.

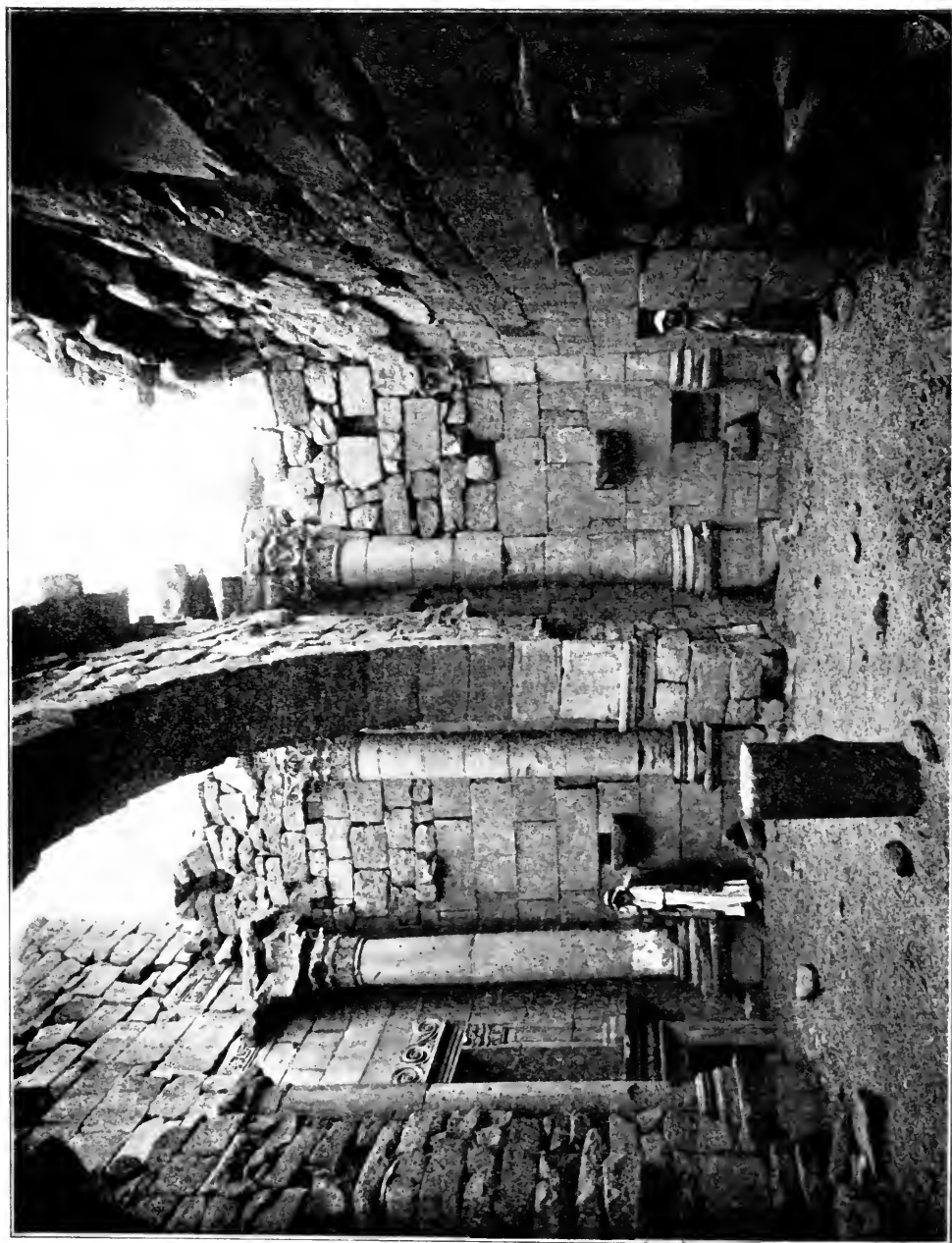
IV. Дамаскъ. Мечеть Омейядовъ. Входящій порталъ.

V. Дамаскъ. Мечеть Омейядовъ. Атріумъ. з. порталъ.

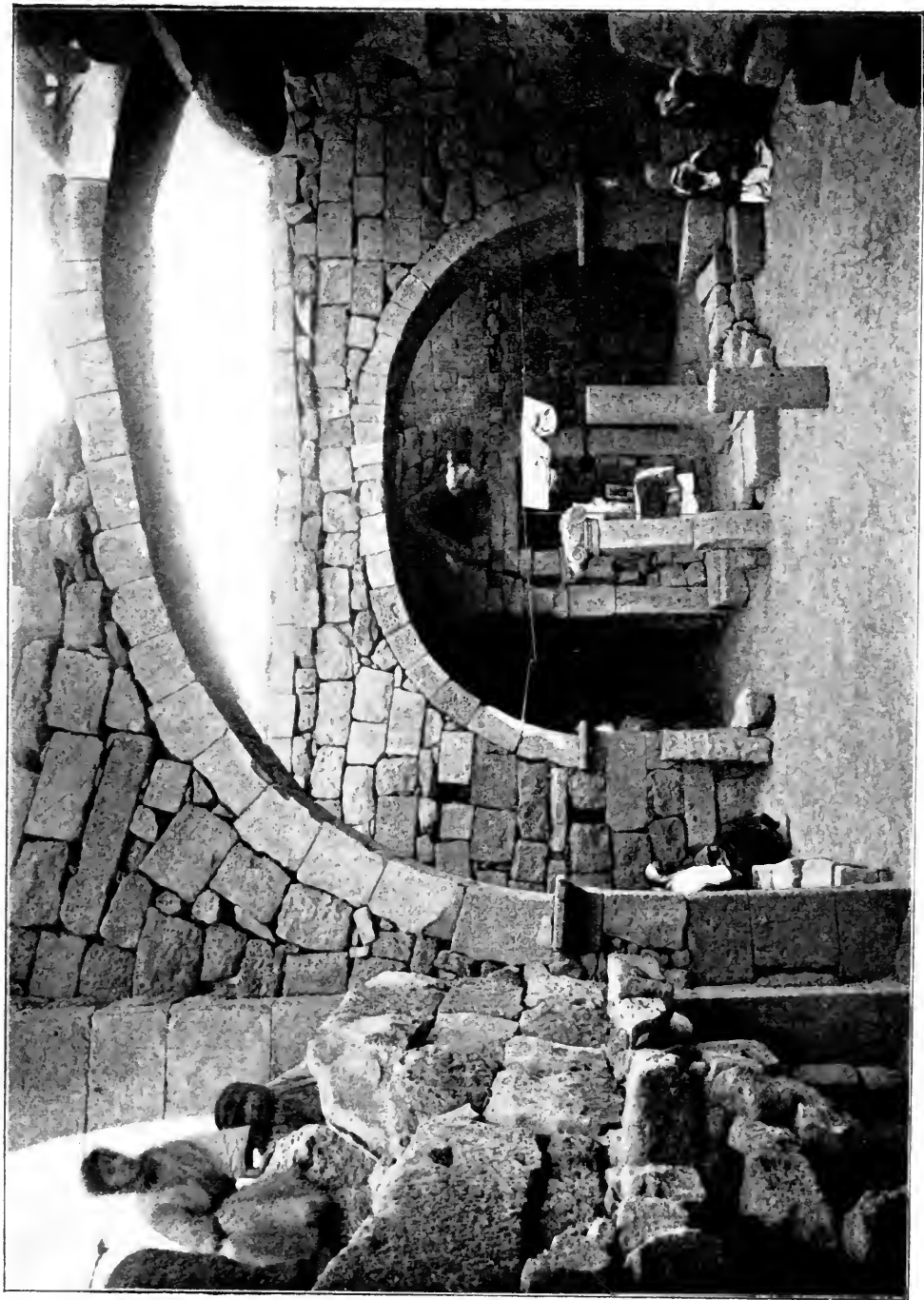
VI. Дамаскъ. Гробница Малекъ Дагера. Внутренность.

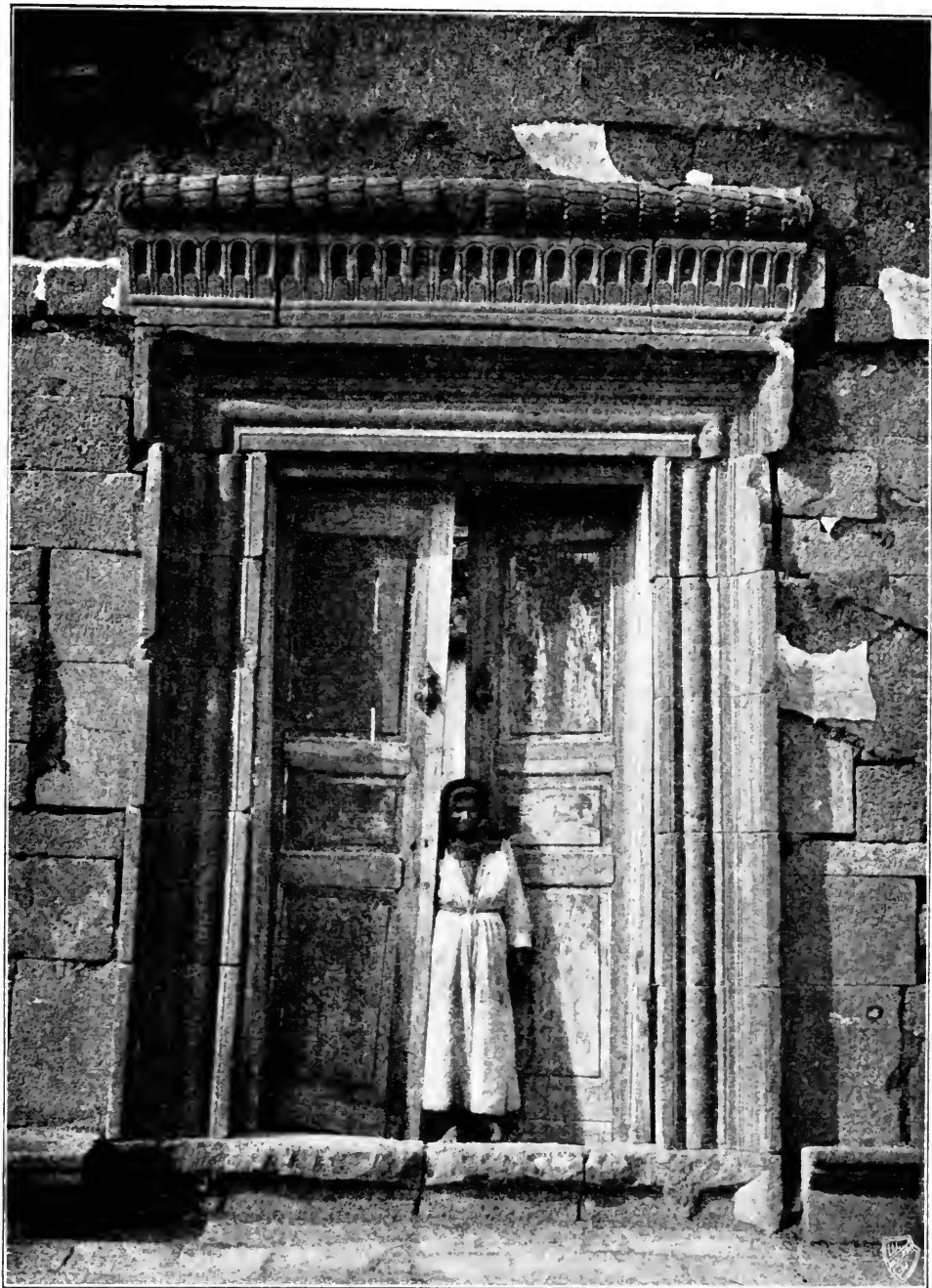
VII. Эс-Санаменъ (Эра). Храмъ Счастія. ЮЗ. уголъ.

VIII. Эзра. Церковь вм. Георгія. Алтарь.

IX. Езра (Зороа). Церковь Пророка Илии. Алтарная часть.

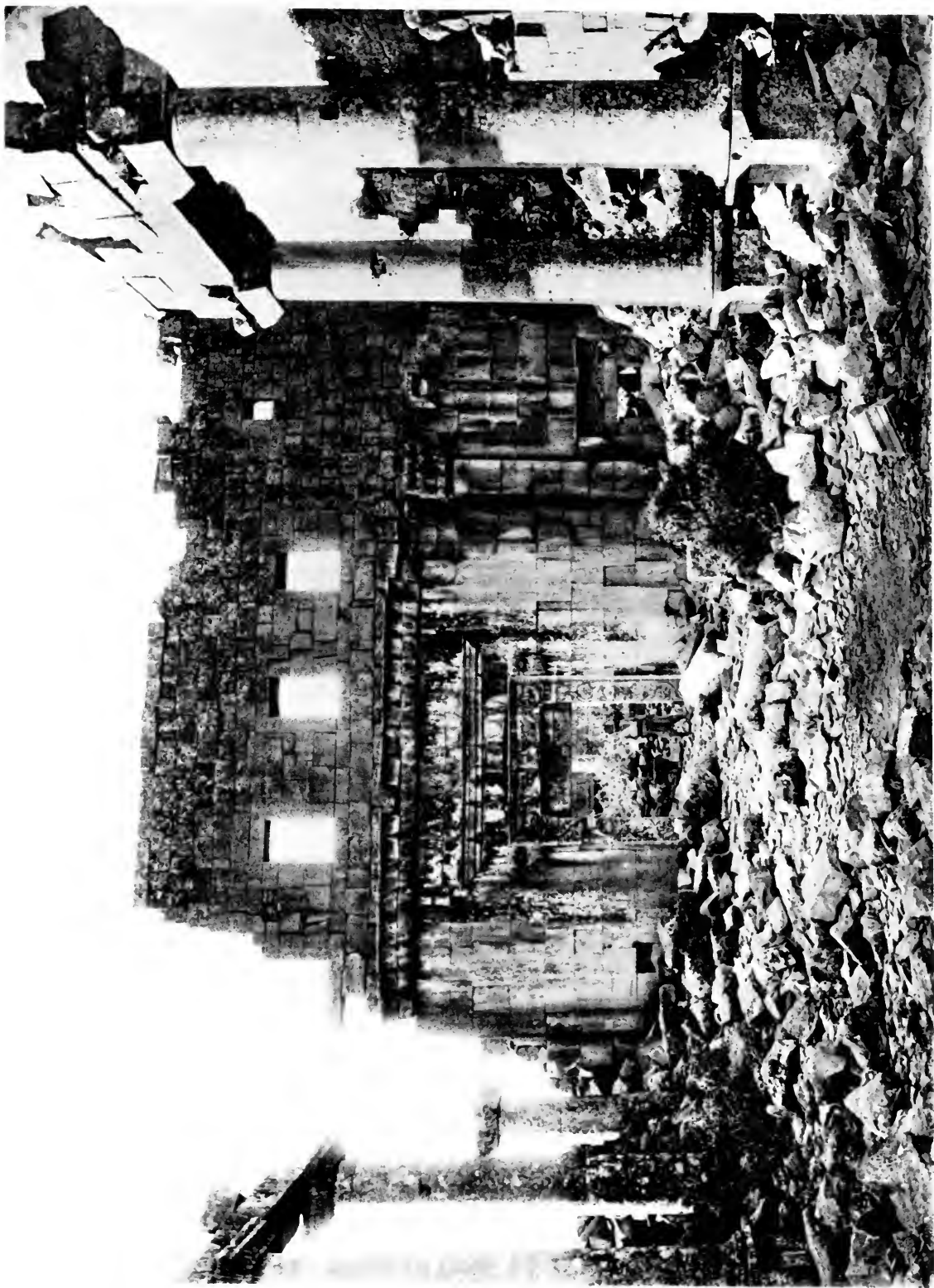
Х. Ел-Хитъ. Входъ въ домъ рядомъ съ жилищемъ шейха.

XI. Ель Канавагъ (Канаа). Серай. Общій видъ съ З.

ХII. Канаватъ. (Канаа). Серай. Боковое здание съ 3., в. стѣна.

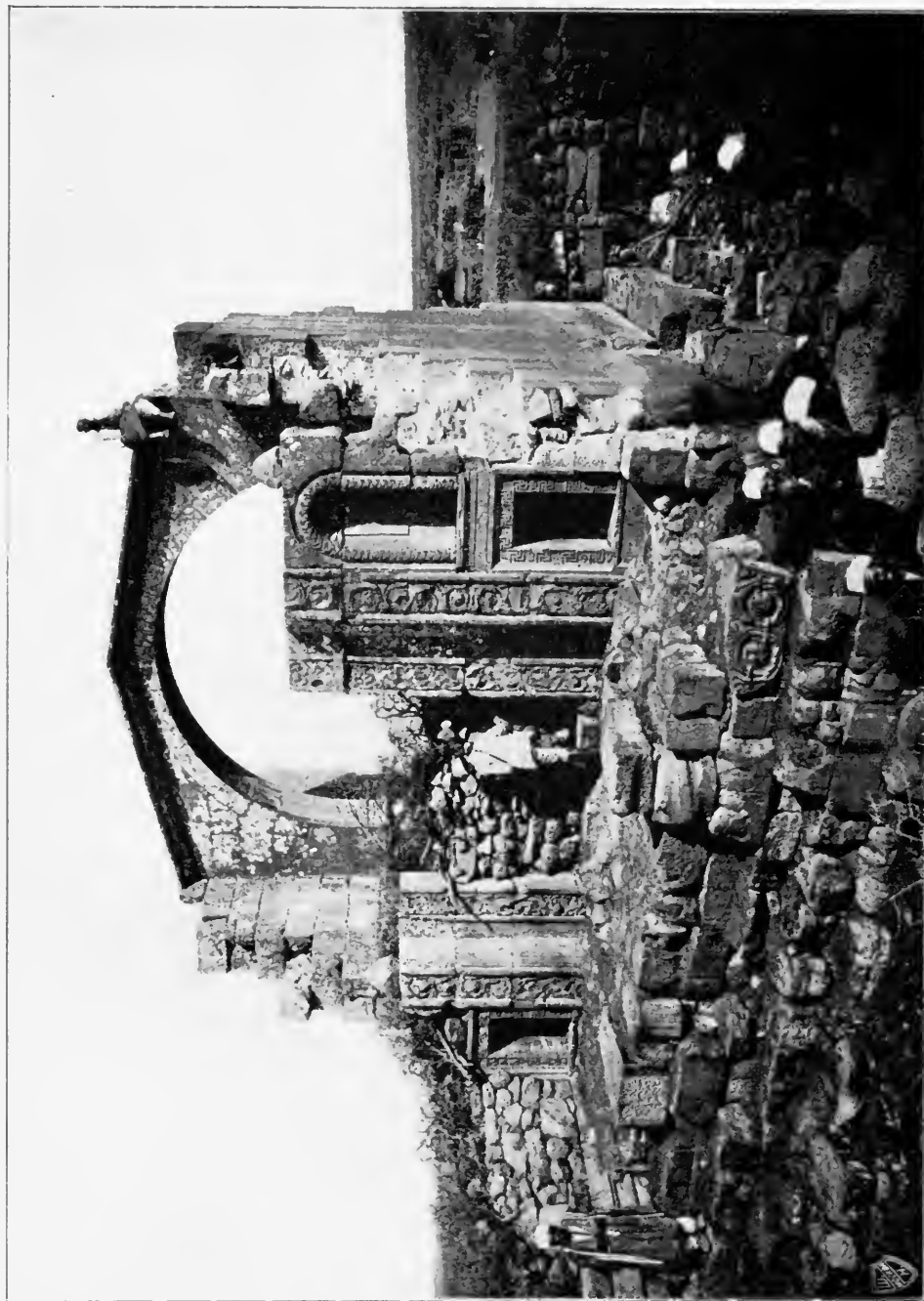
XIII. Конаватъ, Серай, Атріумъ. Ю. стѣна.

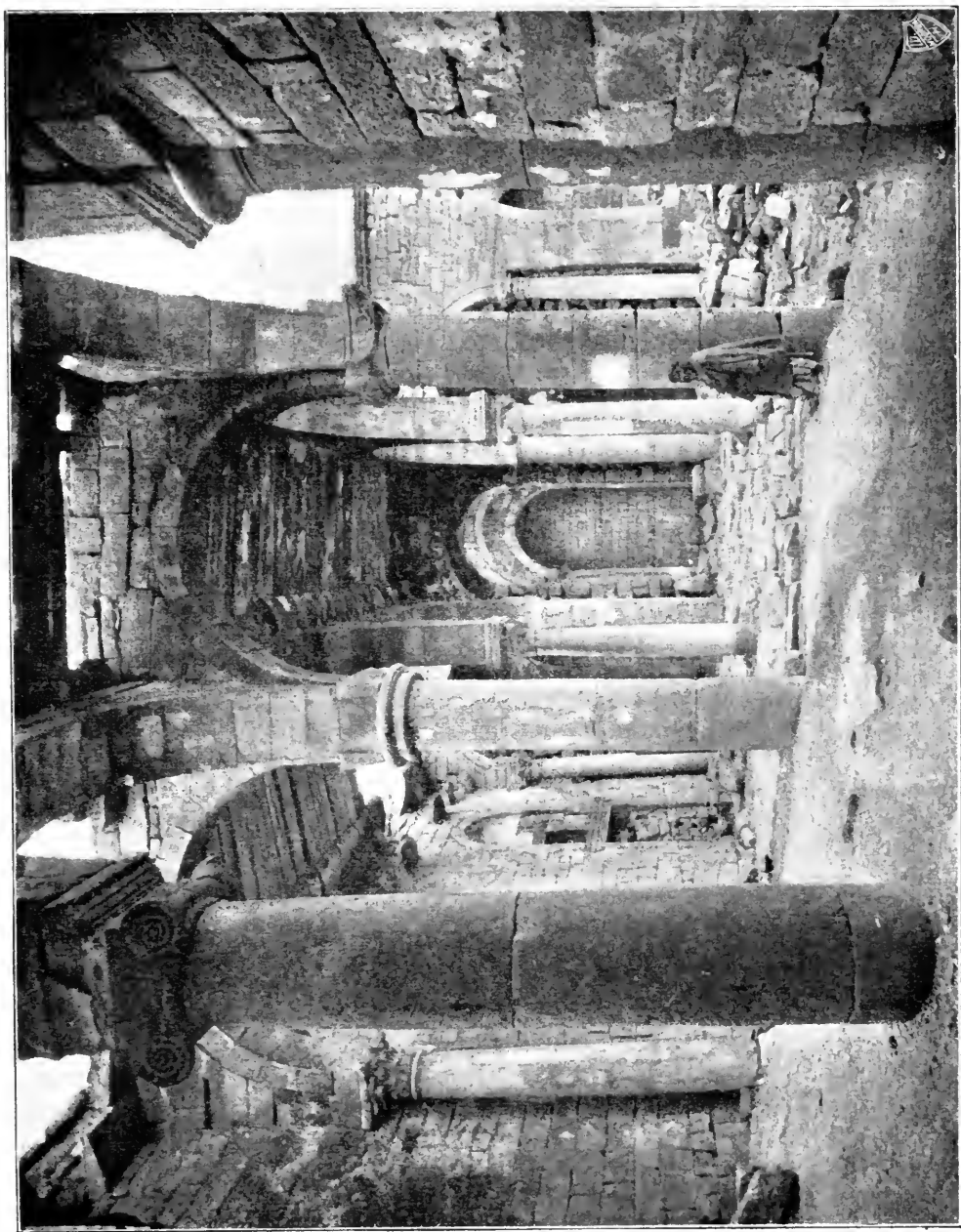
XIV. Кенаватъ. Серай. Дверь, ведущая въ атриумъ, съ С.

XV. Сіахъ. Первый дворъ. Входъ во 2-й дворъ.

ХVI. Атиль. Малый храмъ.

XVII. Босра. Монастырь на В. отъ деревни.

XVIII. Босра. Триумфальная арка въ городѣ, съ СЗ.

XIX. Босра. Театръ. Просцений съ С.

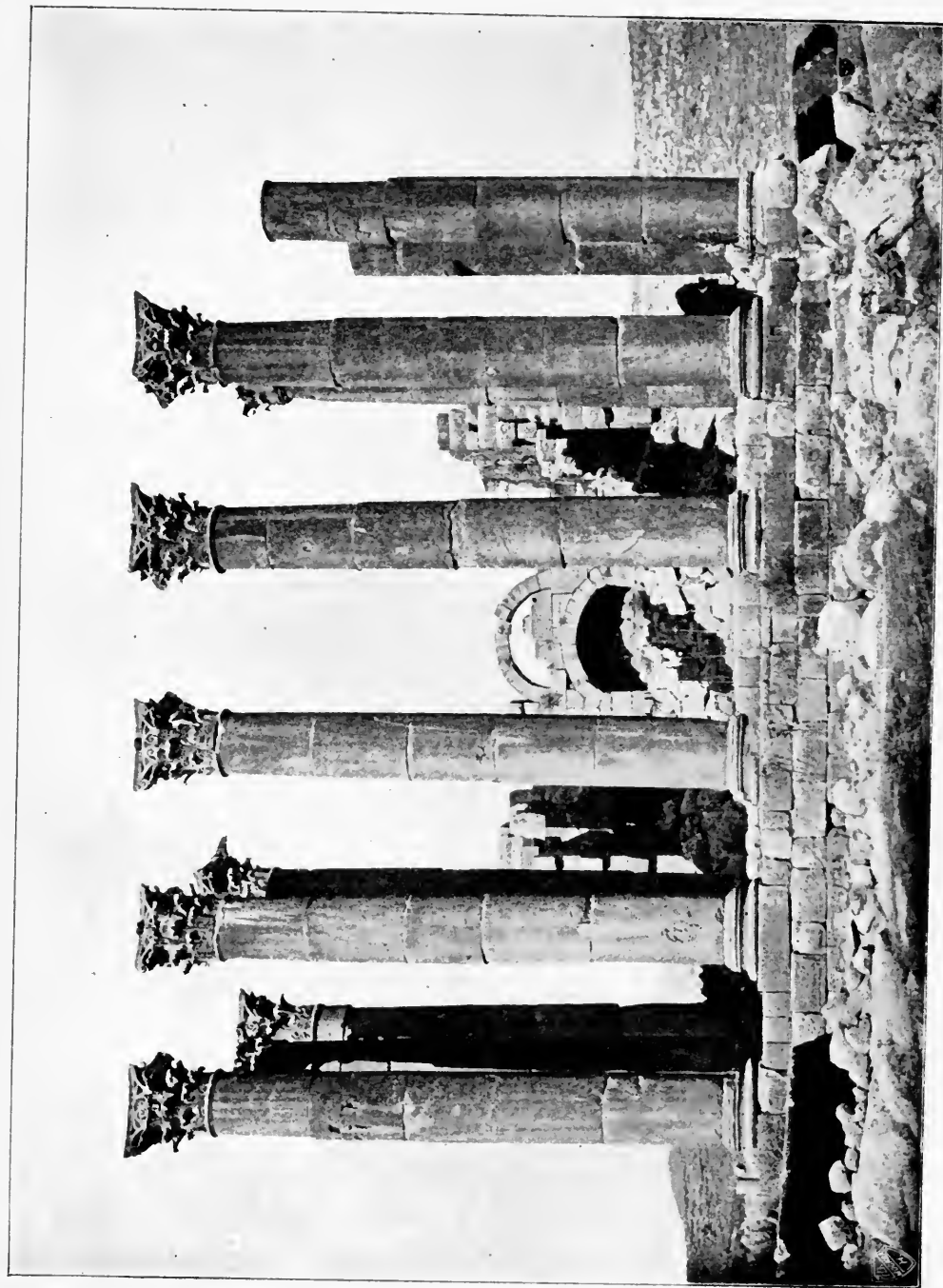
XX. Босра (Босора). Театръ. Портикъ верхняго яруса.

XXI. Гера. Колоннада главной улицы, южный конец.

XXII. Гераса. Колоннада форума.

XXIII. Гераса. Большой храмъ. Фасадъ съ В.

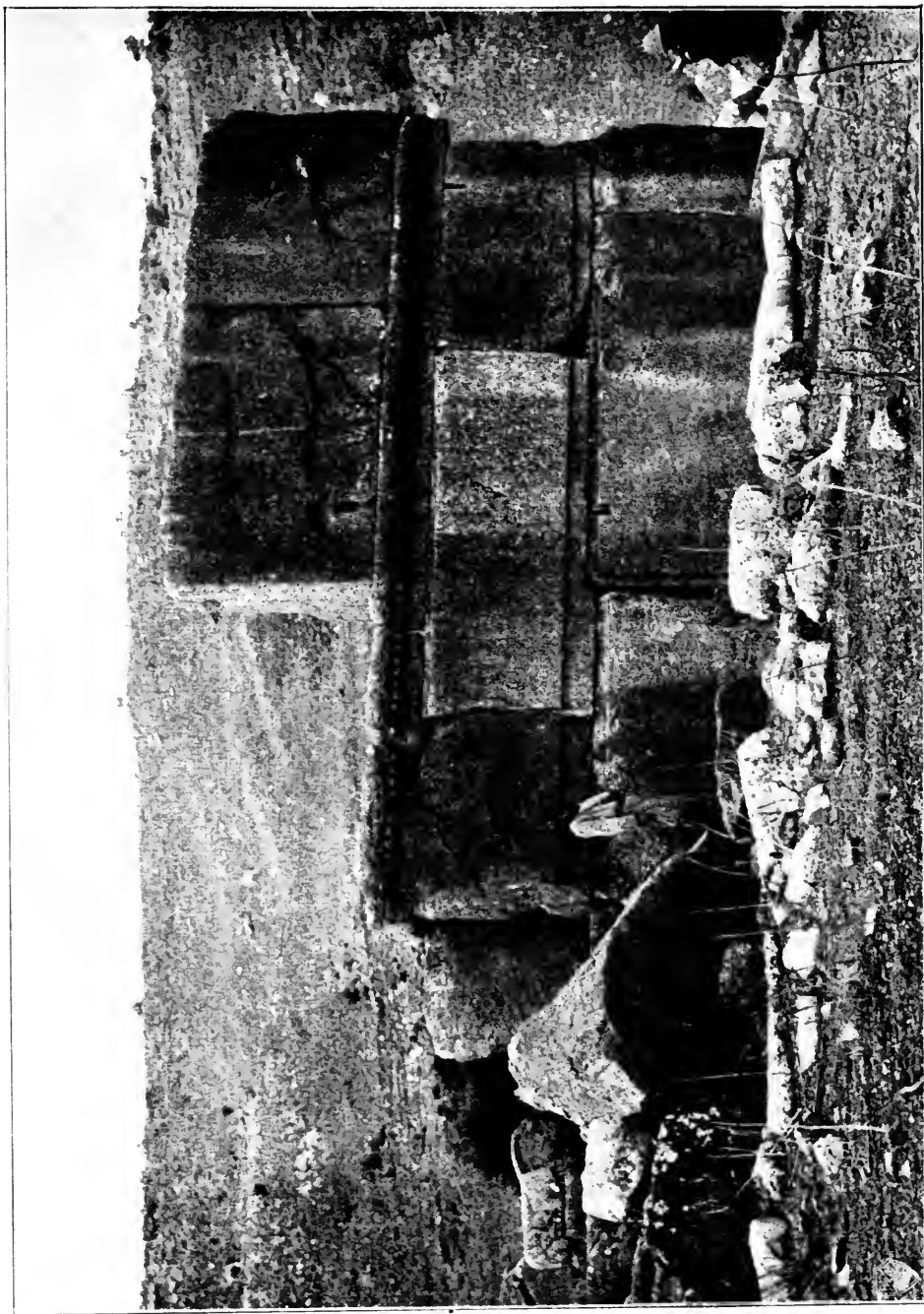
XXIV. Гераса. Пропилеи. С. крыло, съ З.

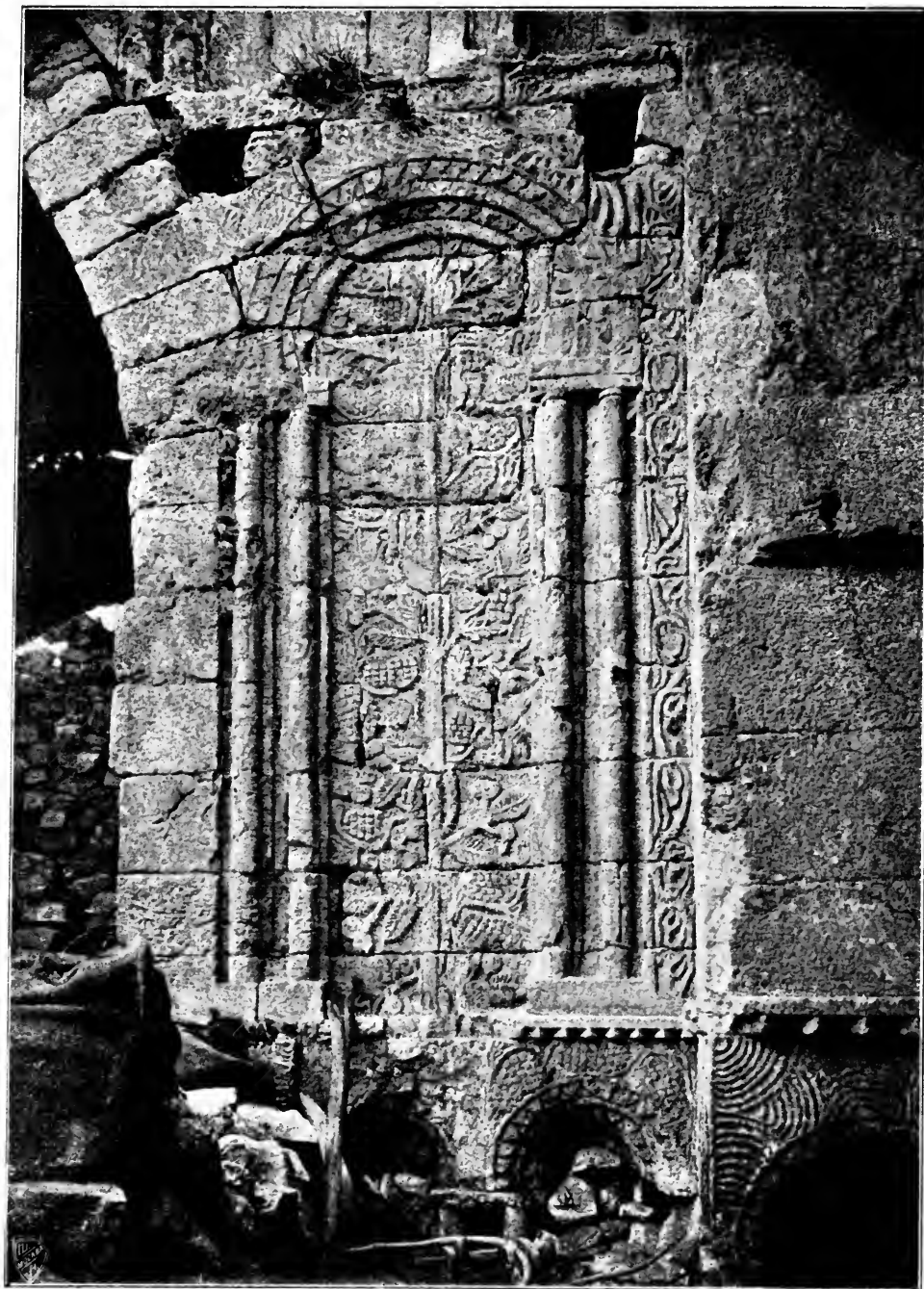
XXV. Гераса. Развалины первой базилики.

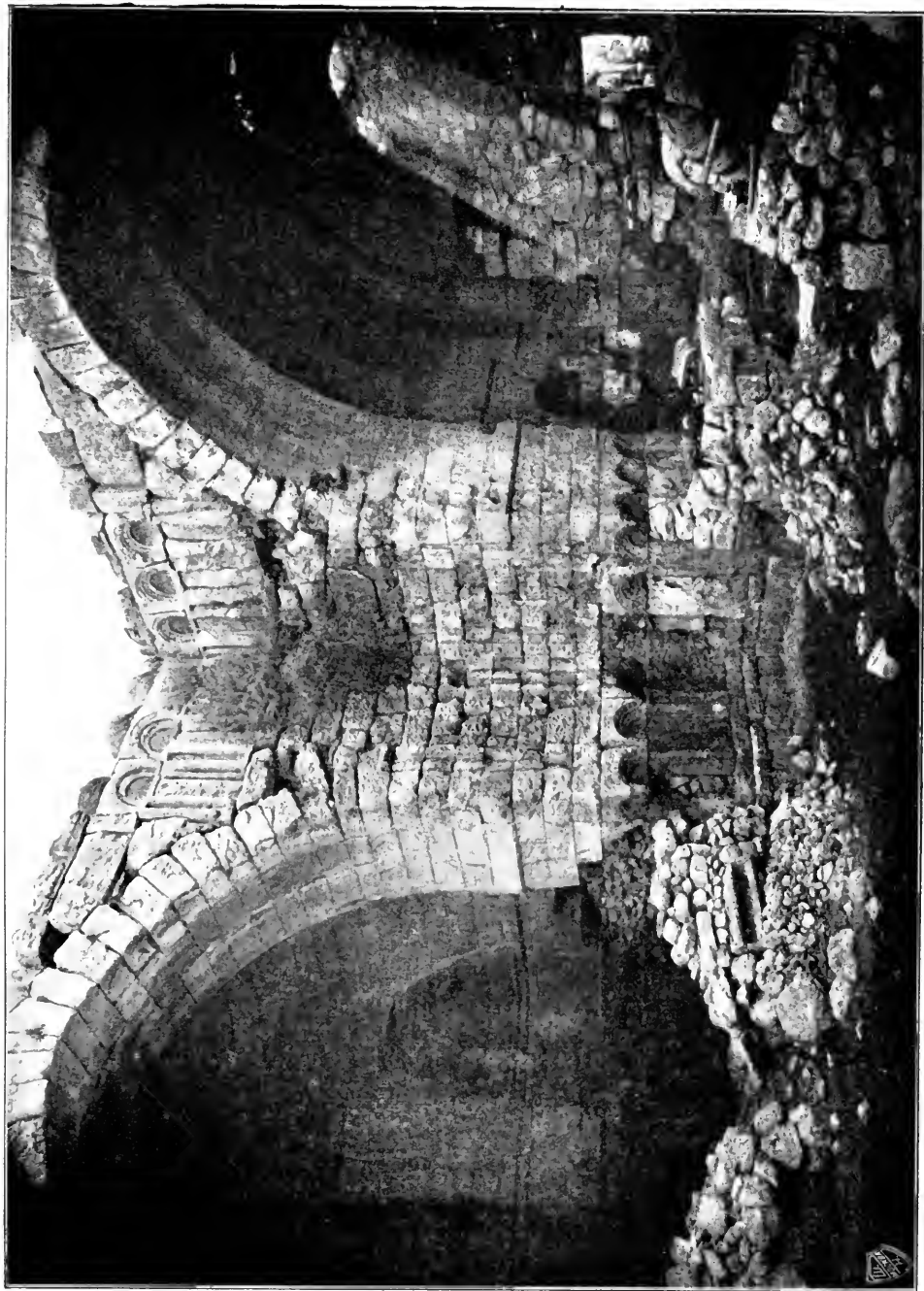
XXVI. Гераса. Триумфальная арка на Ю. сторонѣ города.

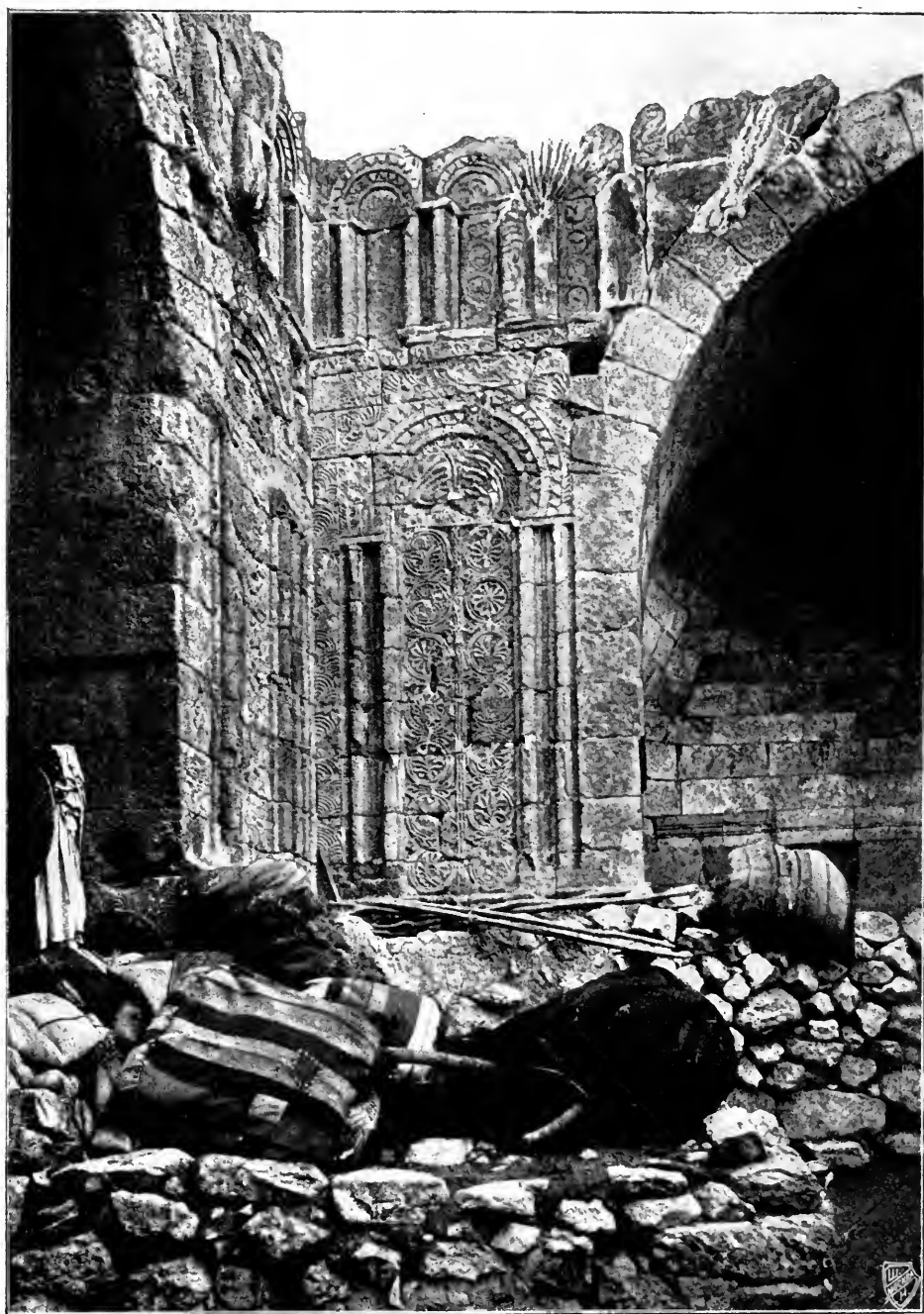
XXVII. Аракъ-ель Эмиръ. Касръ-ель Абдъ. С. часть фасада.

XXVIII. Амманъ, Ель-Касръ. Ю. стѣна.

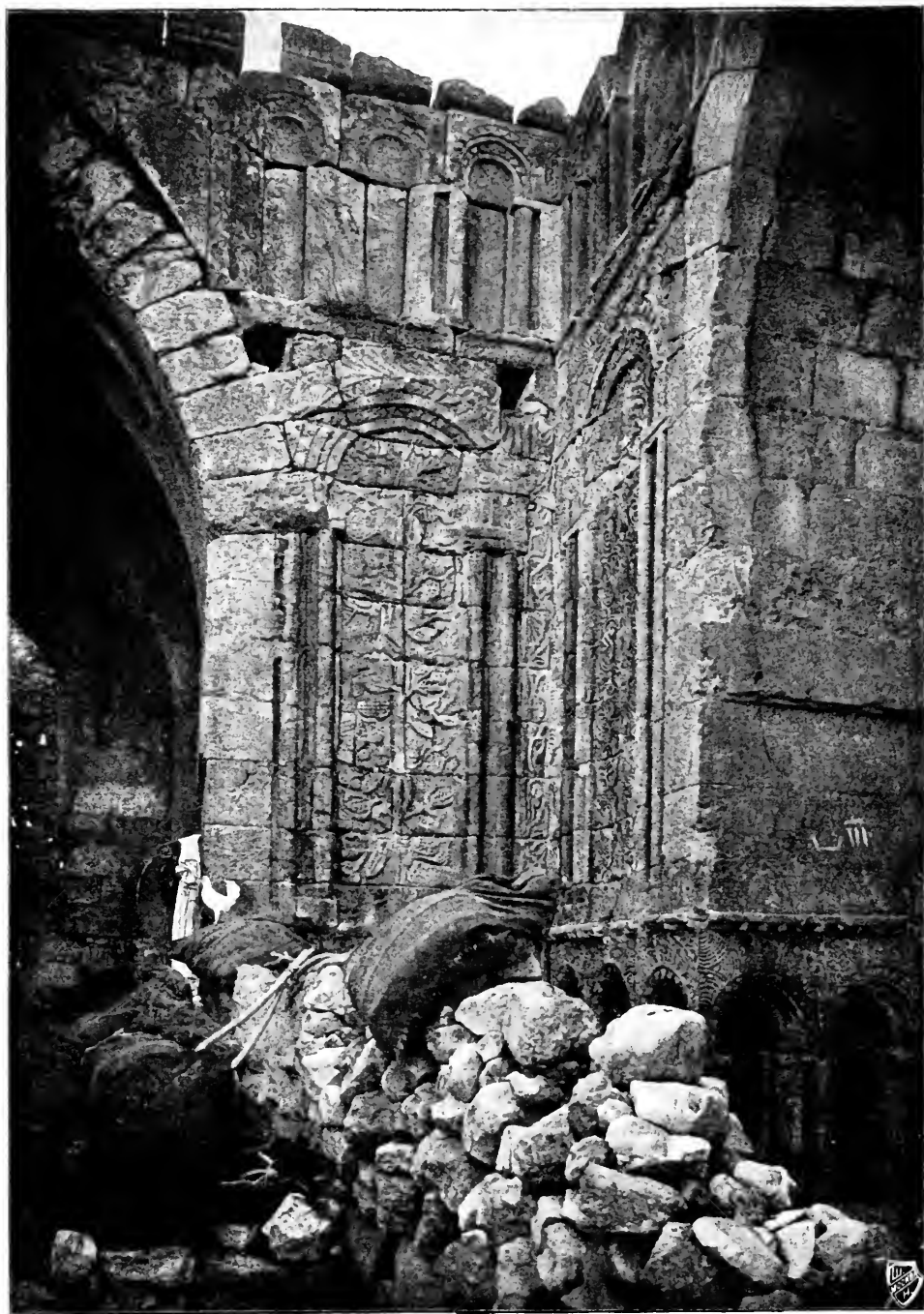
XXIX. Амманъ. Ель-Каеръ. Внутренность, ЮВ. уголъ.

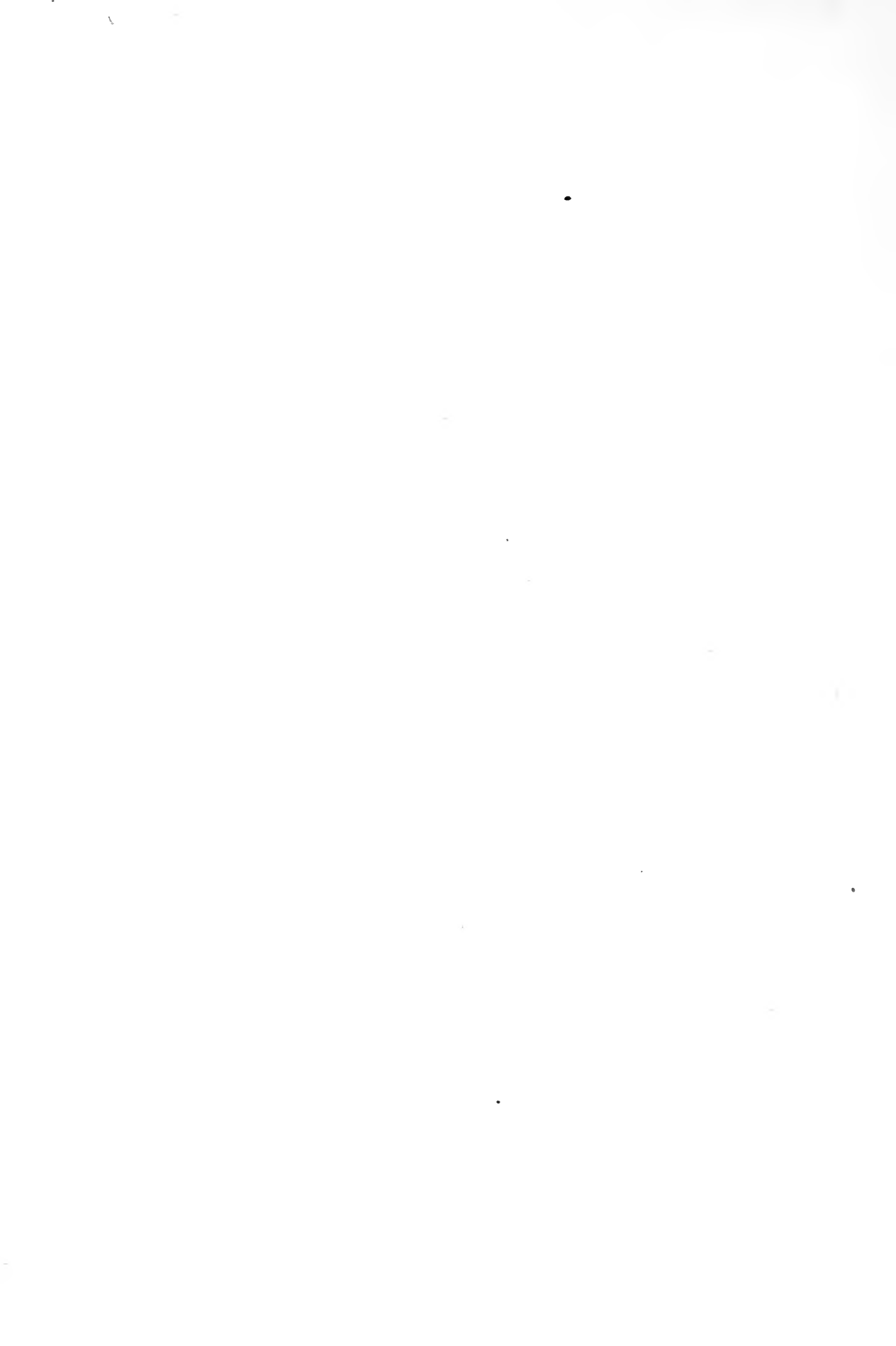
XXX. Амманъ. Ель-Касръ. Ю. стѣна.

XXXI. Амманъ. Ель-Касръ. СЗ. уголъ.

XXXII. Амманъ. Ель-Касръ. З. стѣна.

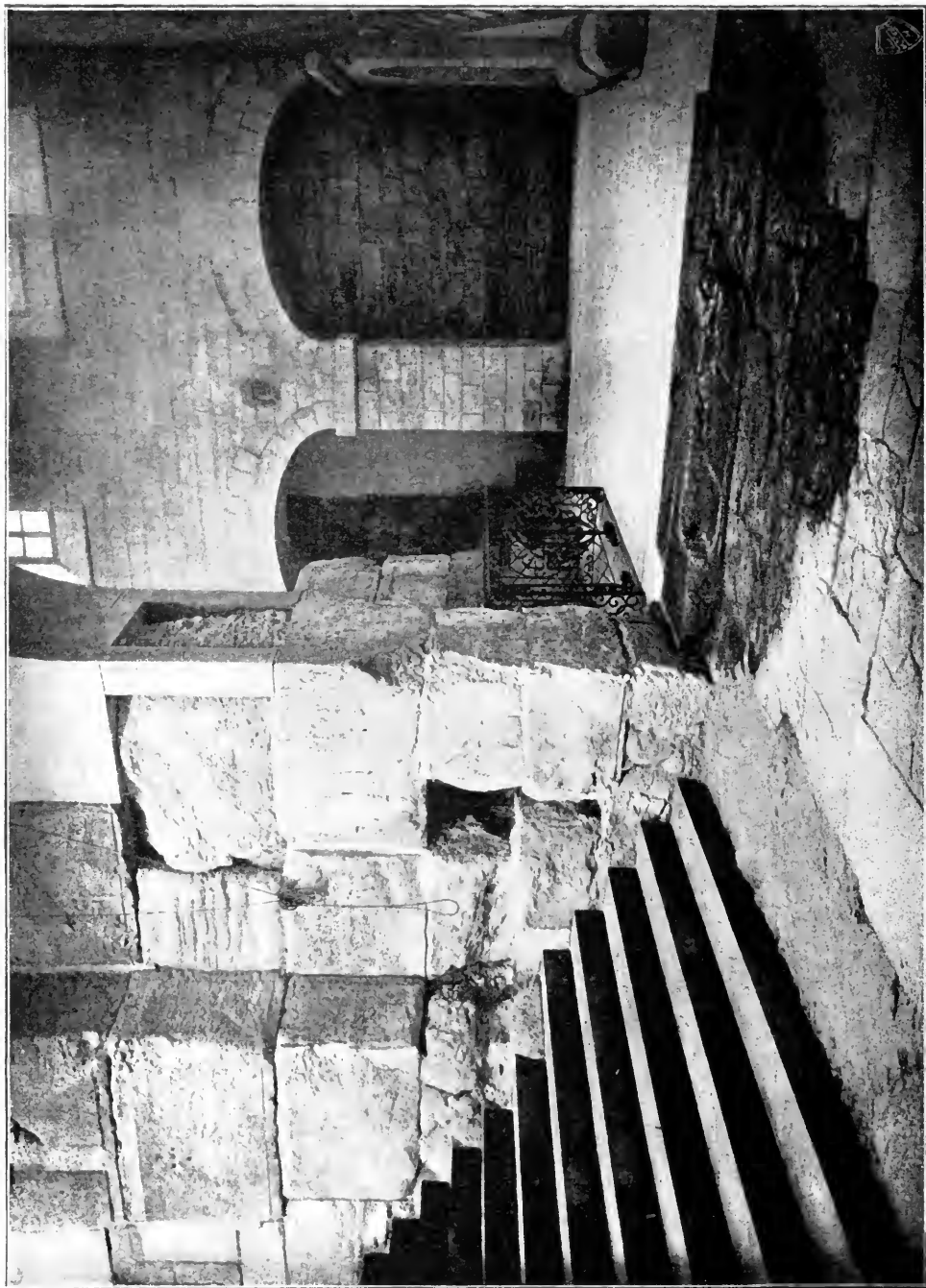

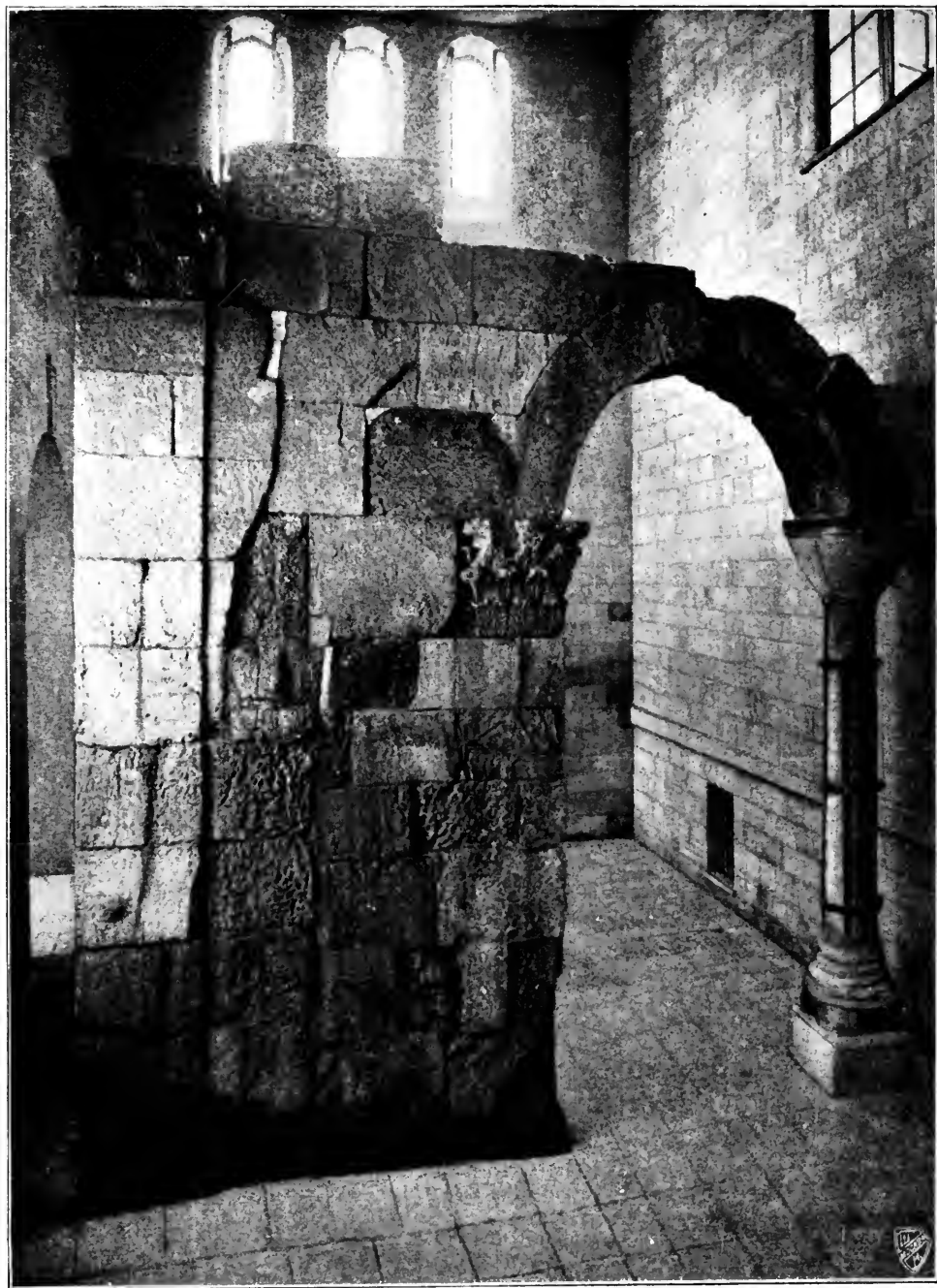
XXXIII. Амманъ. Развалины большаго зданія надъ рѣкою.

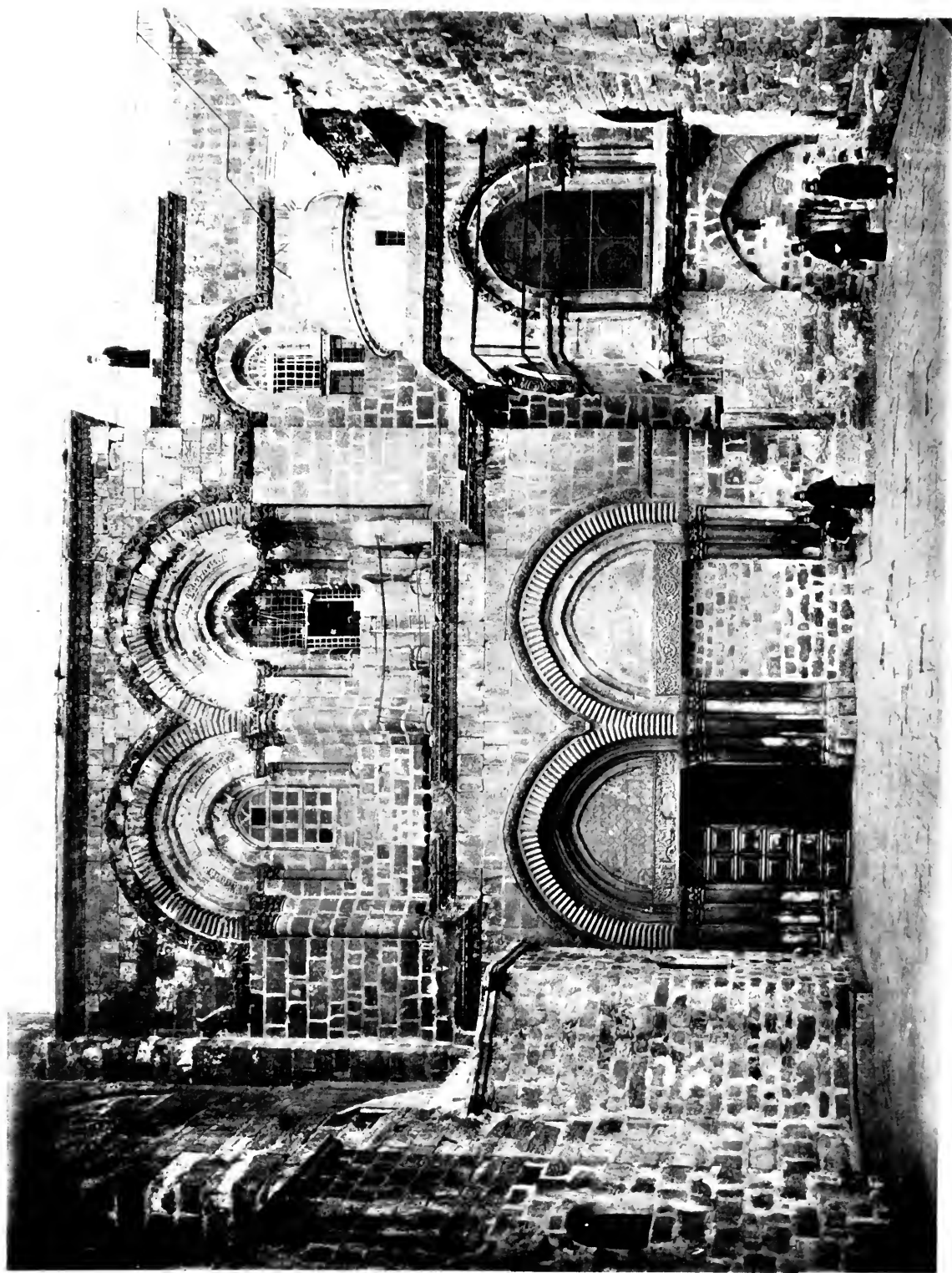
XXXIV. Амманъ. Зданіе надъ рѣкою. Видъ съ С.

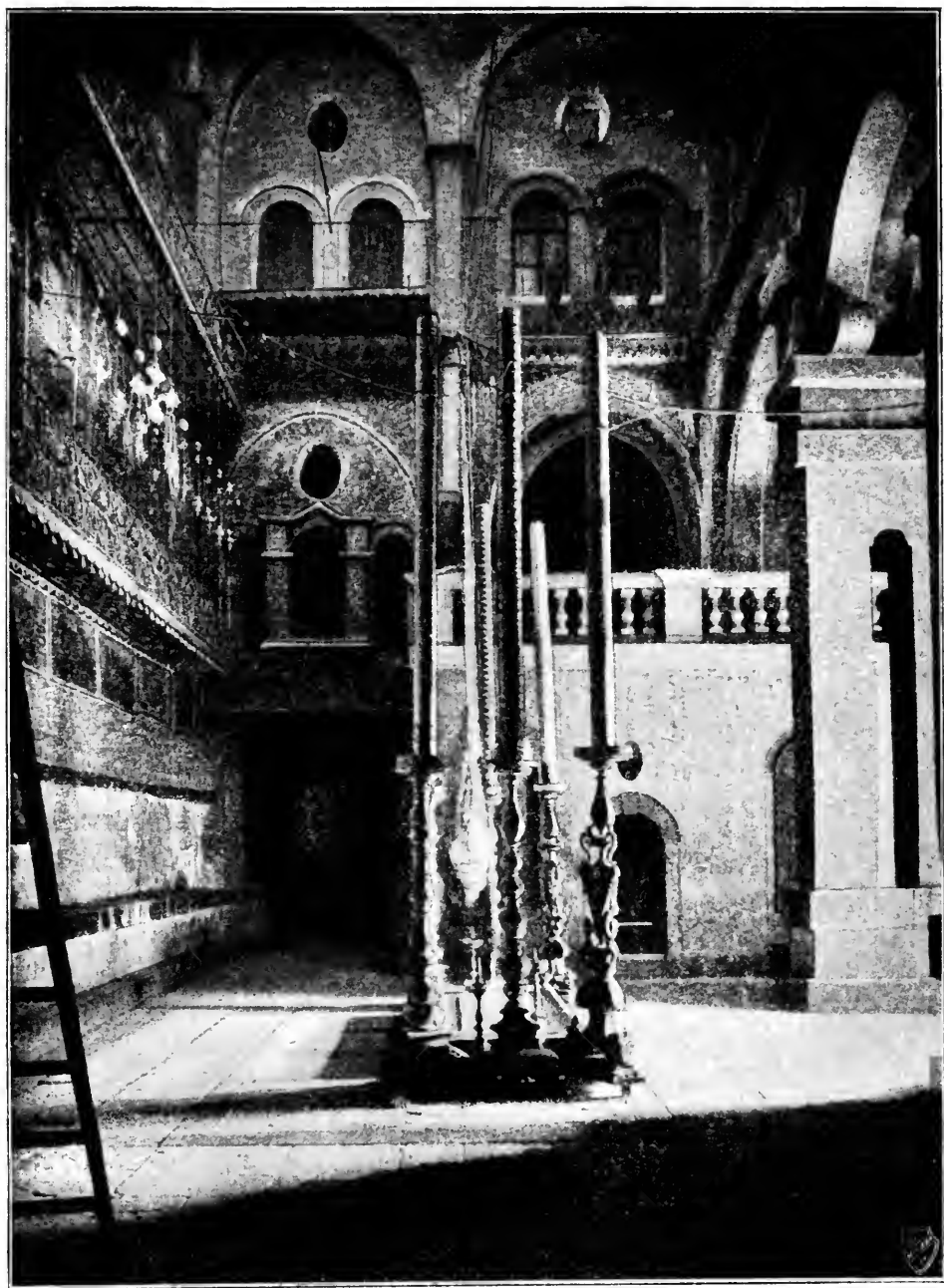
XXXV. Иерусалимъ. Русский домъ. Порогъ судныхъ вратъ и стѣна Константиновой базилики.

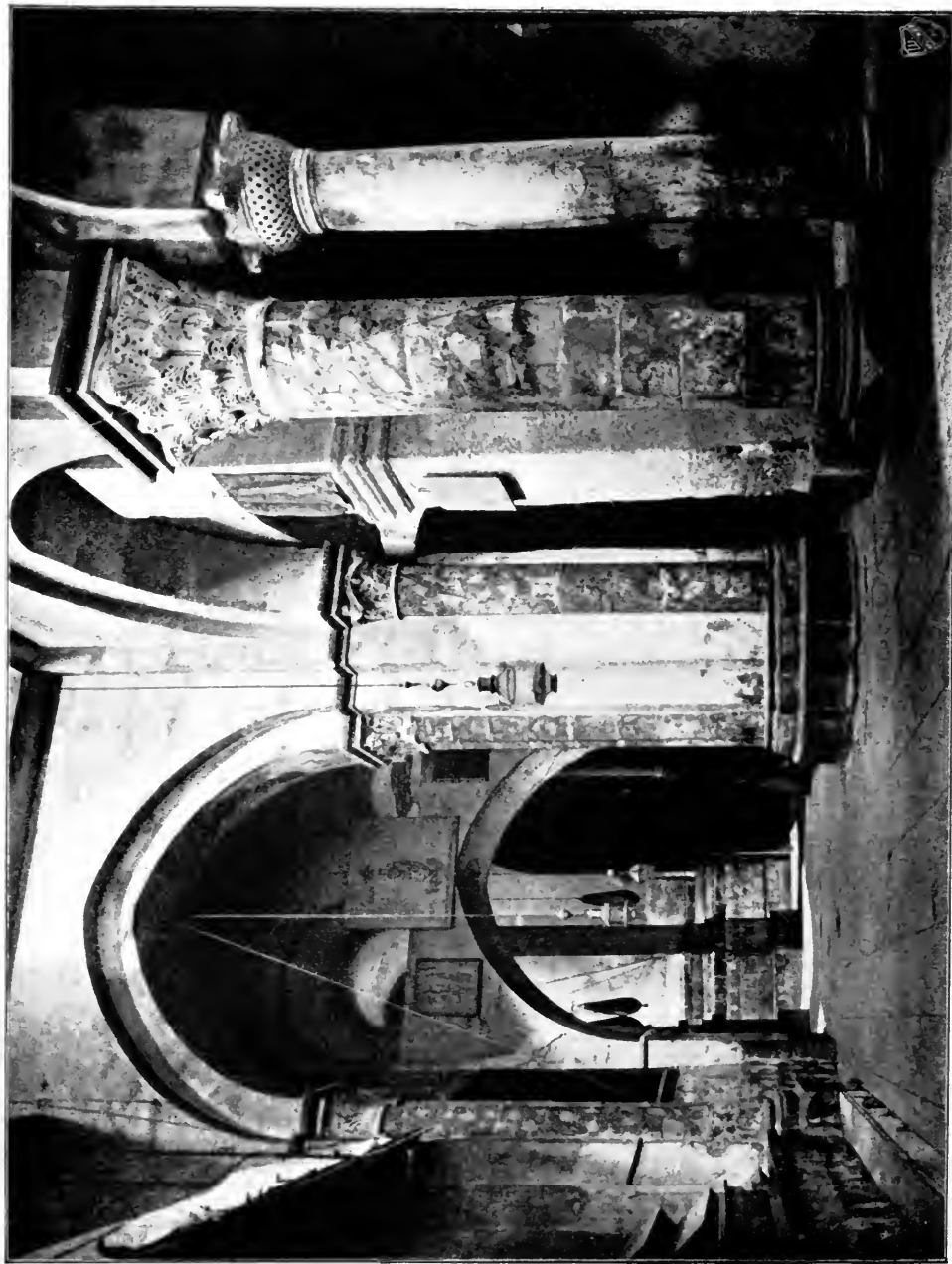
XXXVI. Іерусалимъ. Русскій домъ. Стѣна и арка Константиновой базилики.

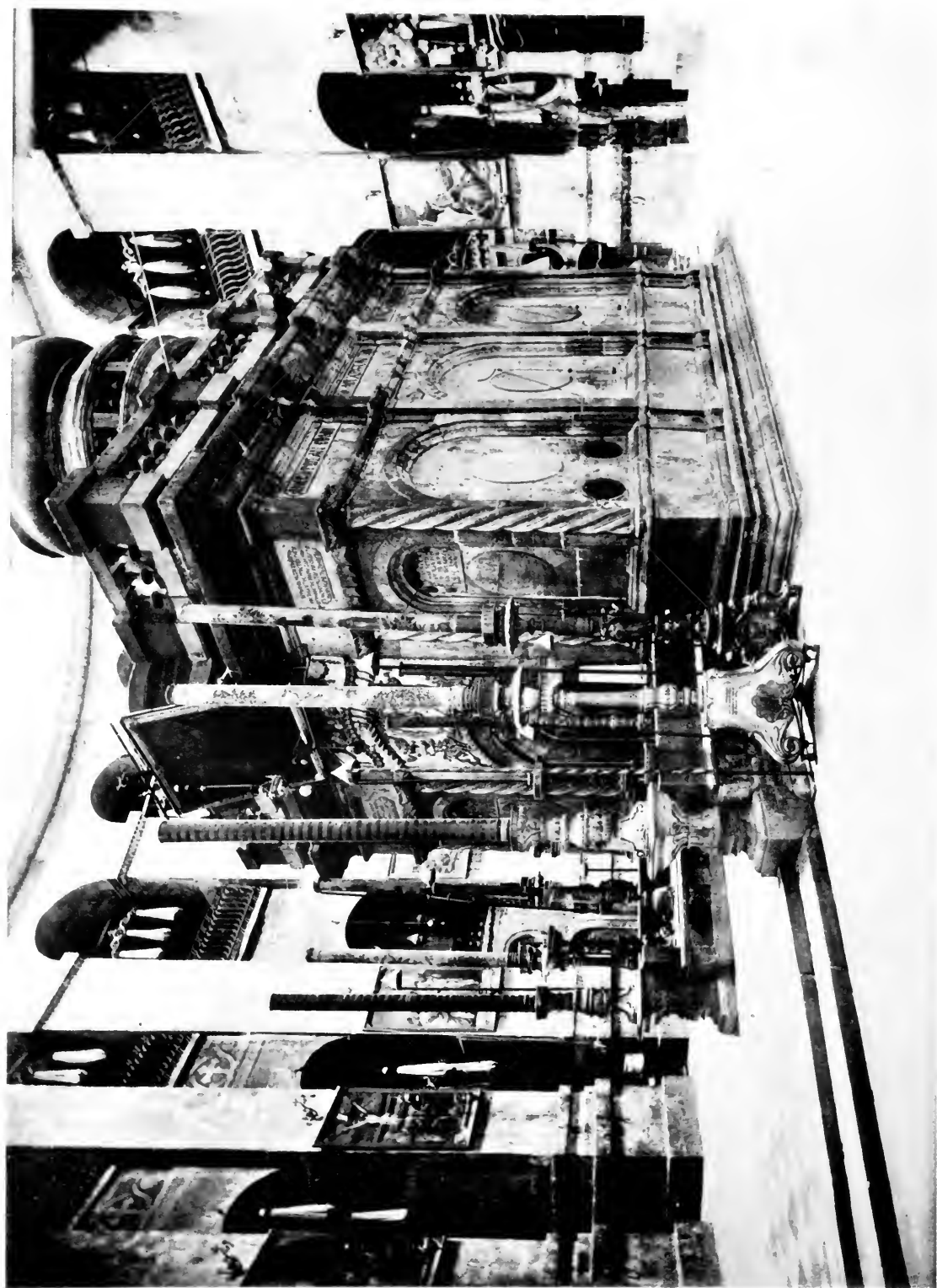
XXXVII. Иерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Фасадъ съ ЮЗ.

XXXVIII. Іерусалимъ. Храмъ Гроба Господня. Камень миропо-
мазанія и Голгоѳа съ З.

XXXIX. Іерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Колоннада сѣв. нефа.

XL. Часовня Св. Гроба.

XLII. Иерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Придѣлъ св. Елены.

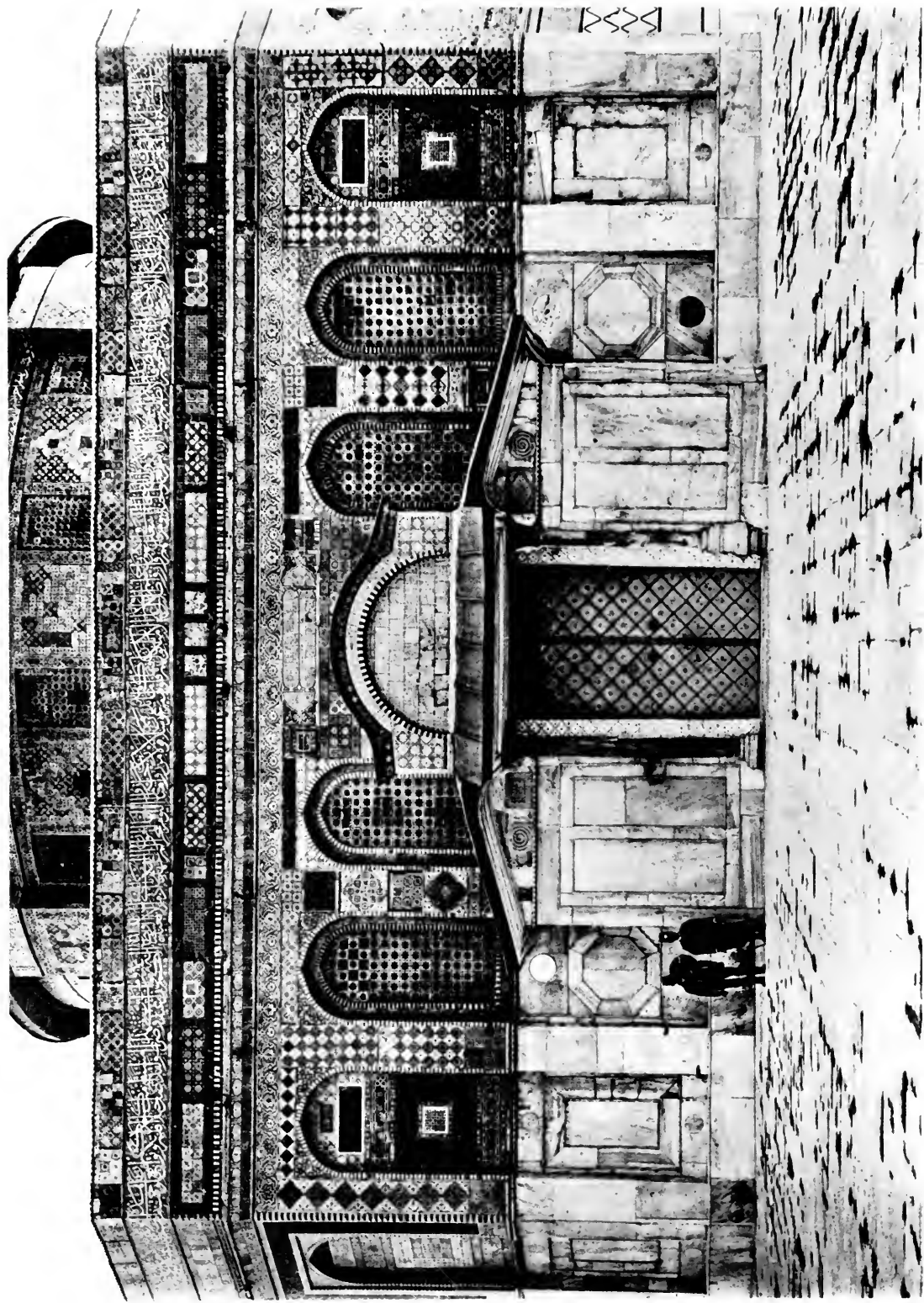
XLII. Иерусалимъ. Харам еш-Шерифъ. Двойныя ворота.

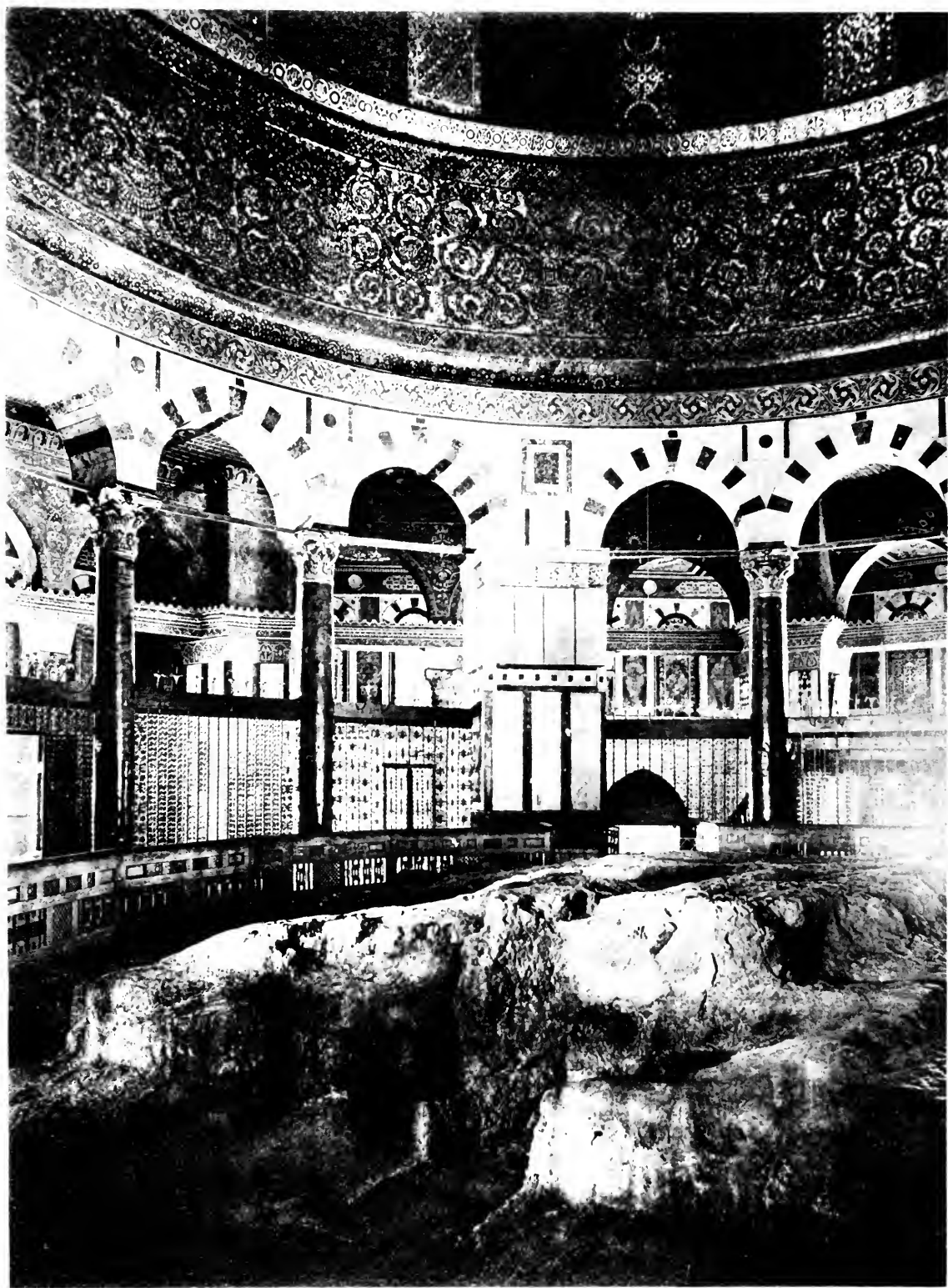
XLIII. Иерусалимъ. Золотыя ворота. Внутренность.

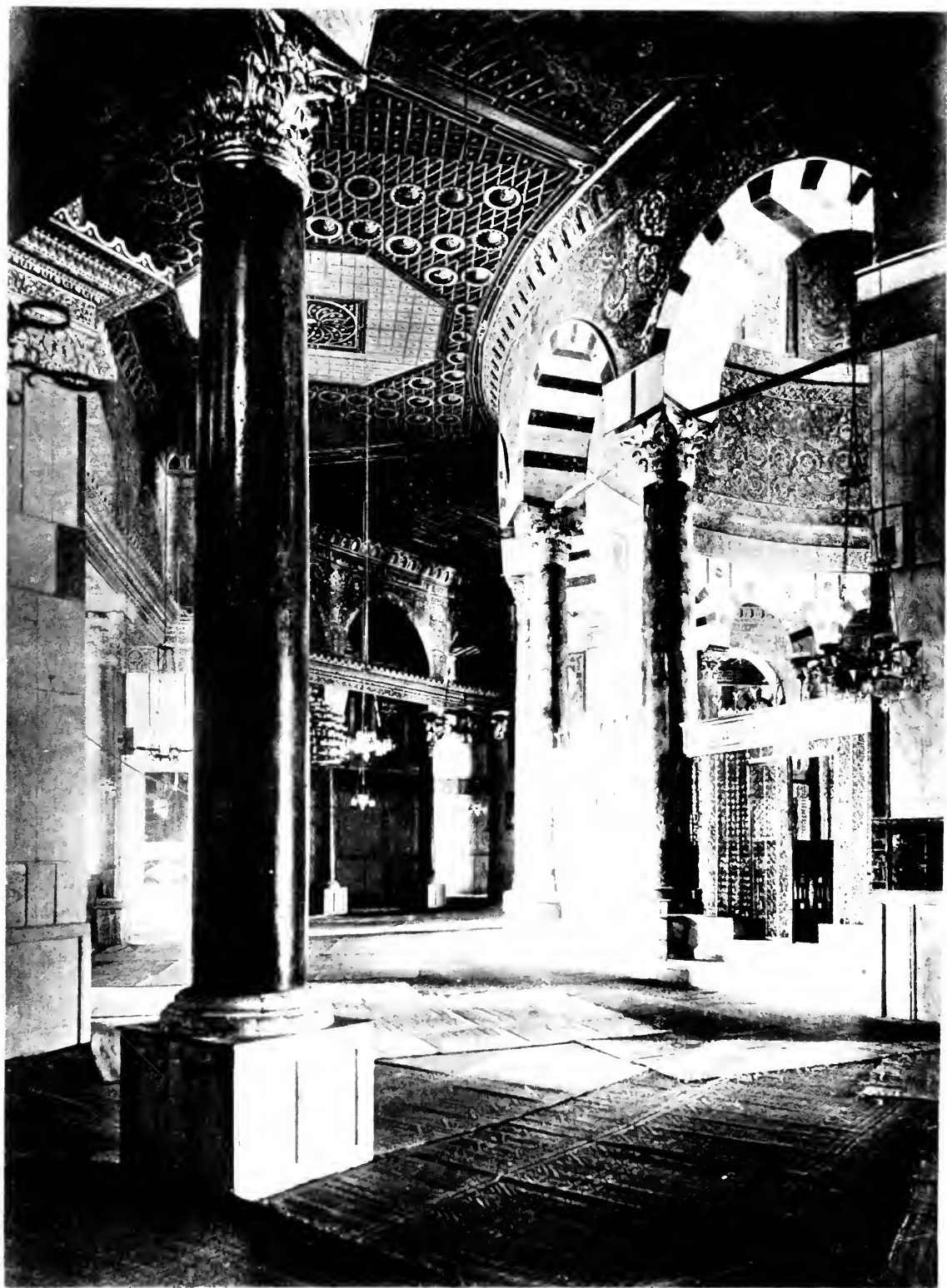
XLIV. Иерусалимъ, Харамъ еш-Шерифъ. Куполъ цѣни.

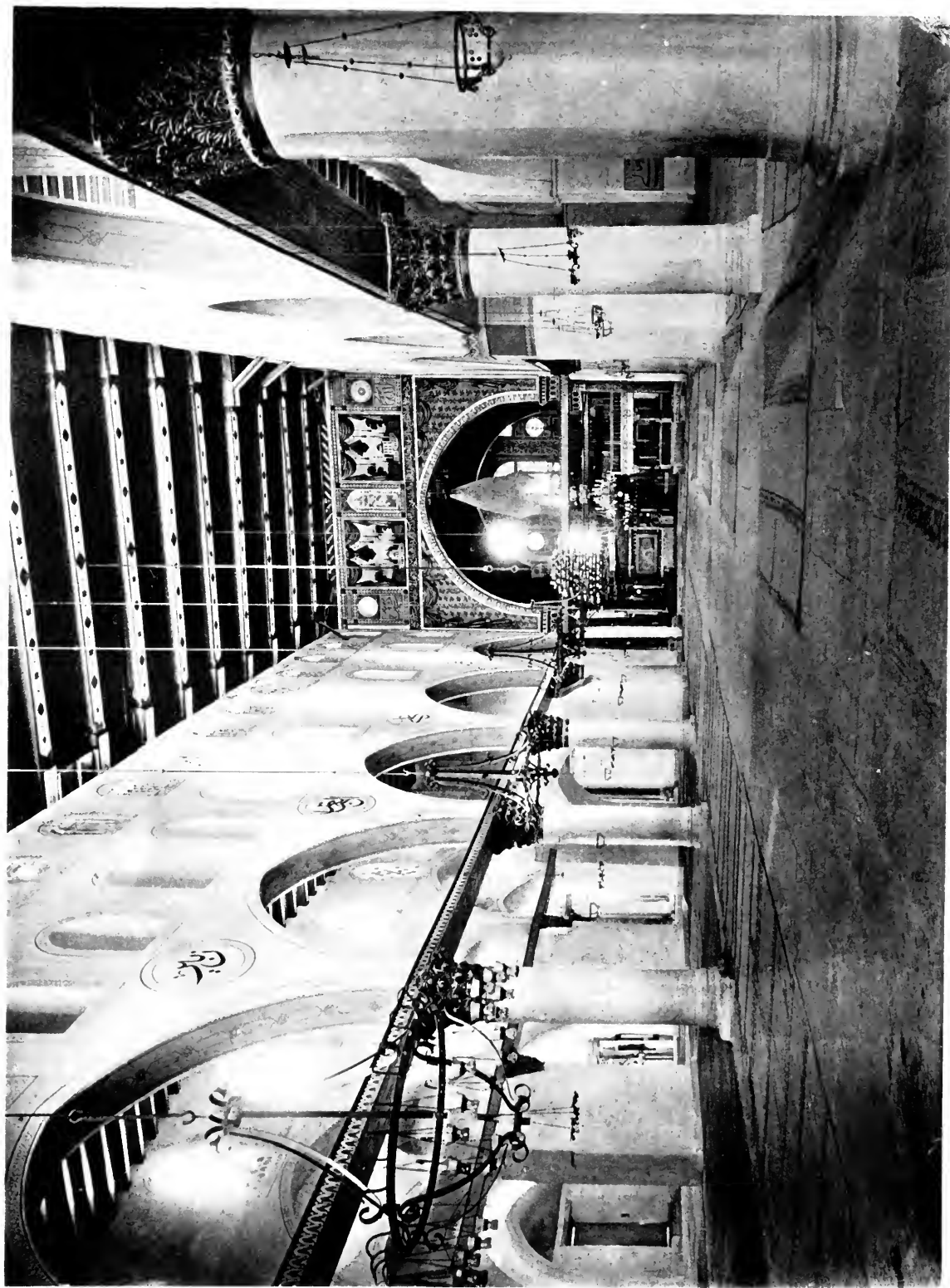
XIV. Иерусалимъ. Харамъ еш-Шерифъ. Куболь екалы.

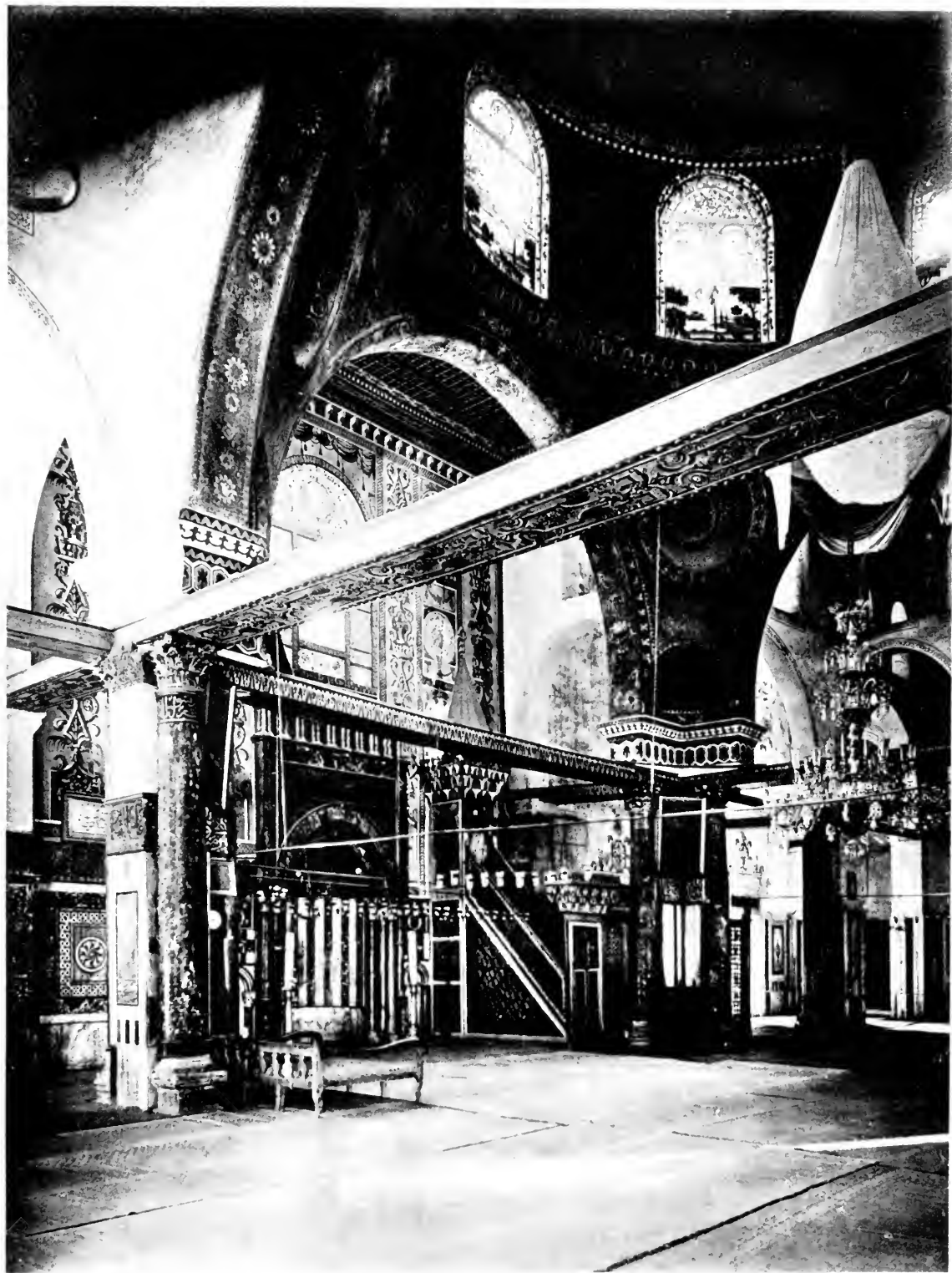
XLVI. Куполь Скалы. Внутренность съ ЮВ.

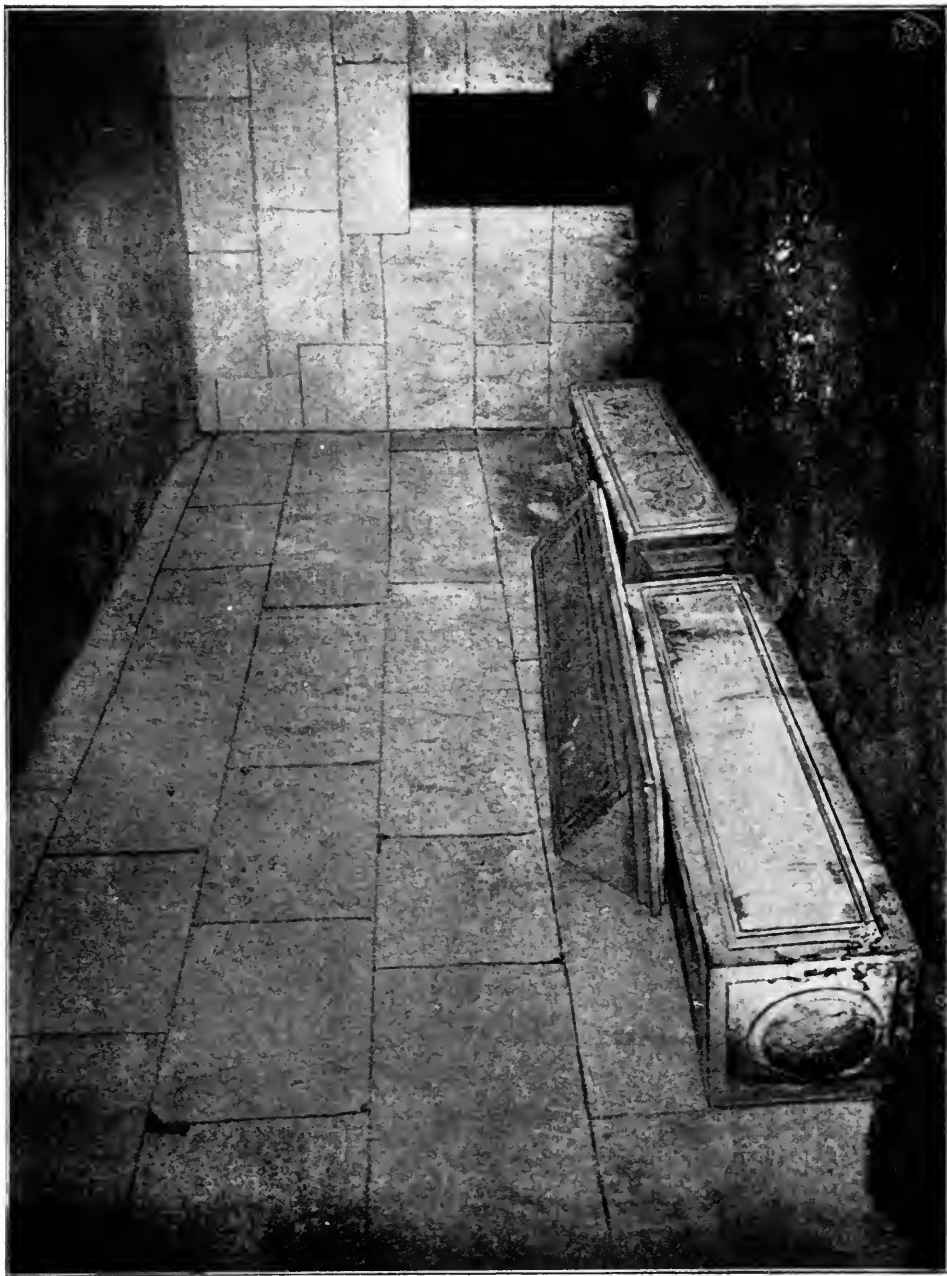
XLVII. Куполь Скалы. Внутренность съ СЗ.

XLVIII. Мечеть ел-Акса. Средний нефъ.

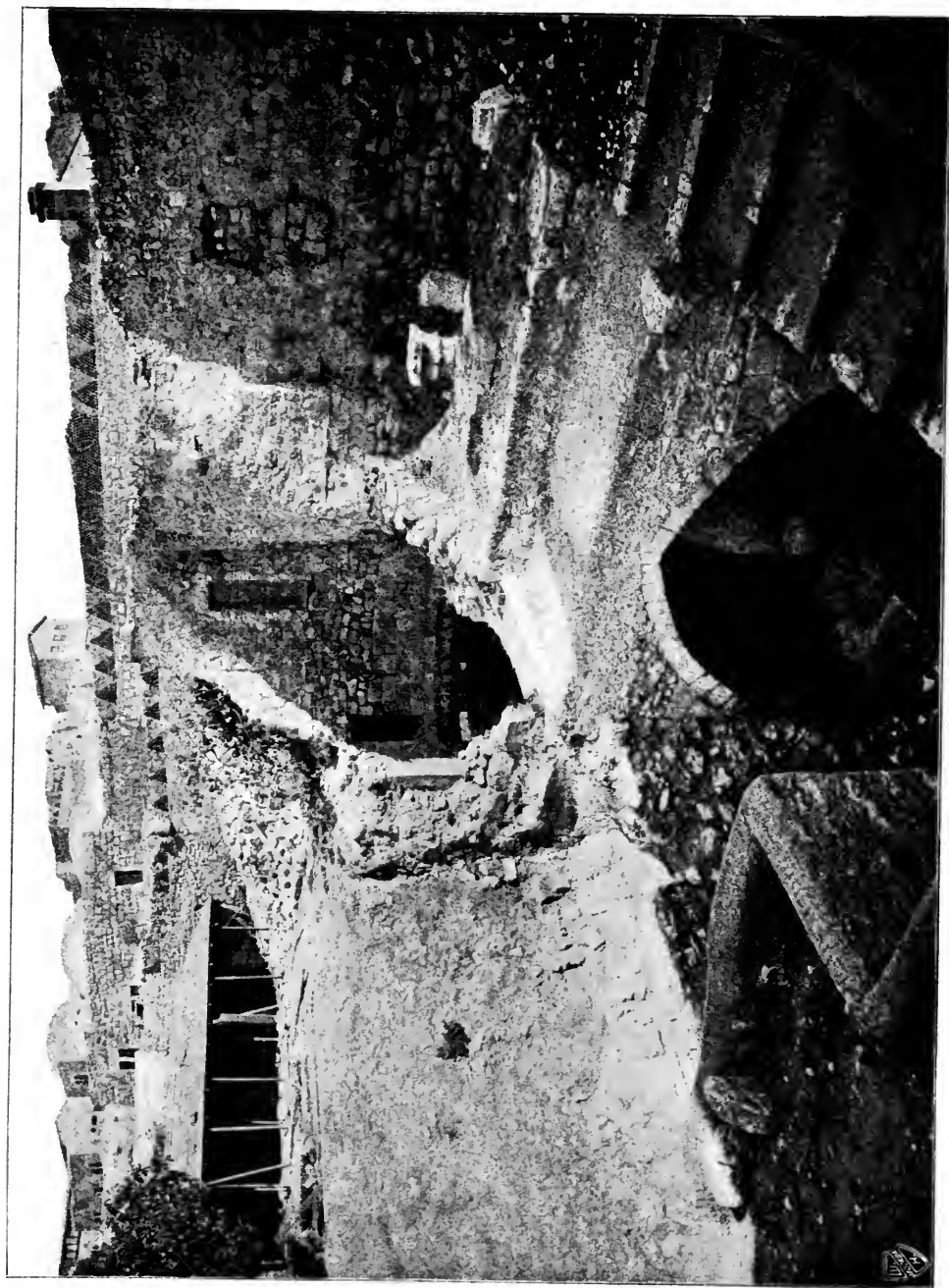
XLIX. Мечеть ел-Акса. Центральная часть.

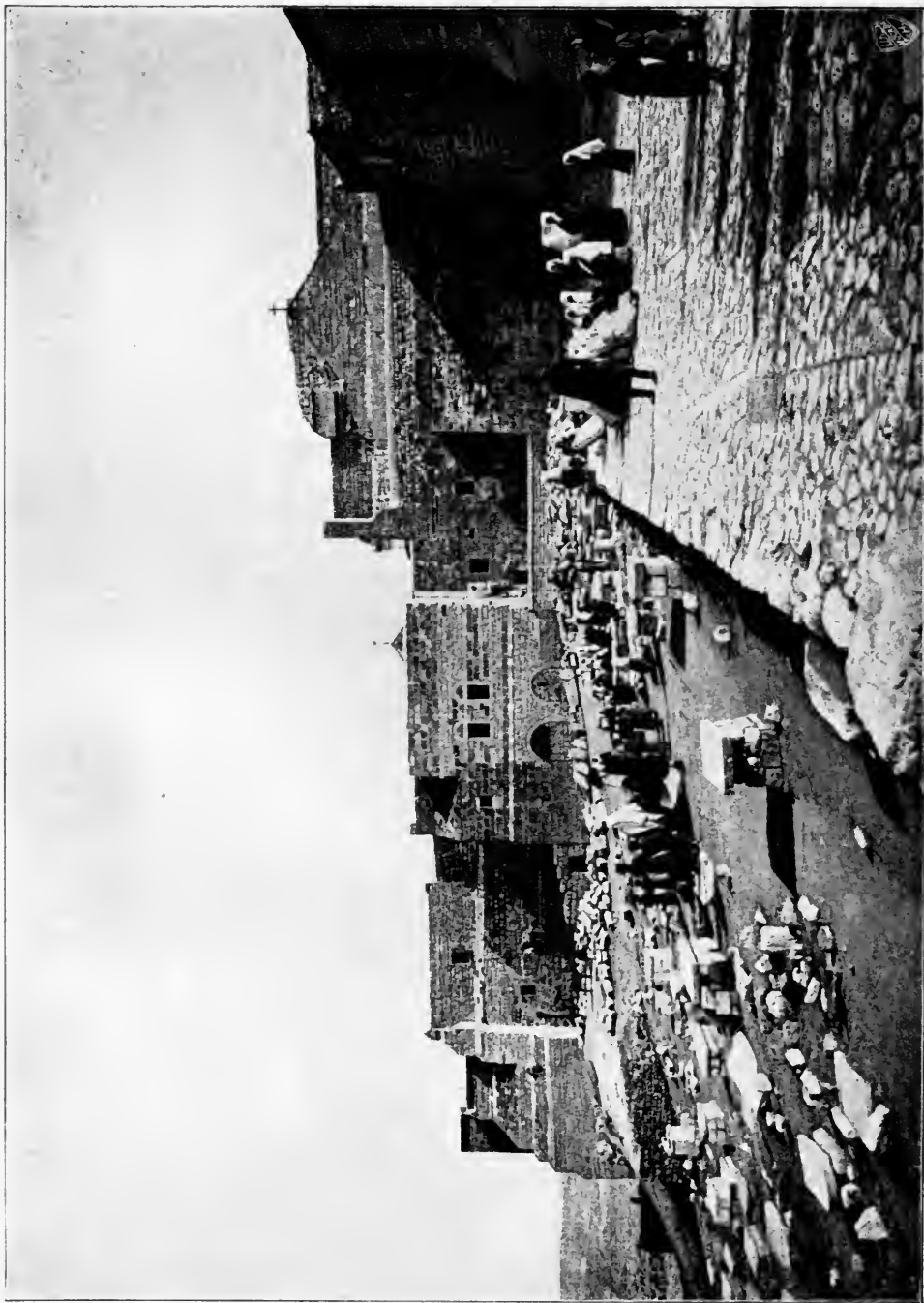
І. Іерусалимъ. Никифорія. Открытая въ 1891 г. гробница.

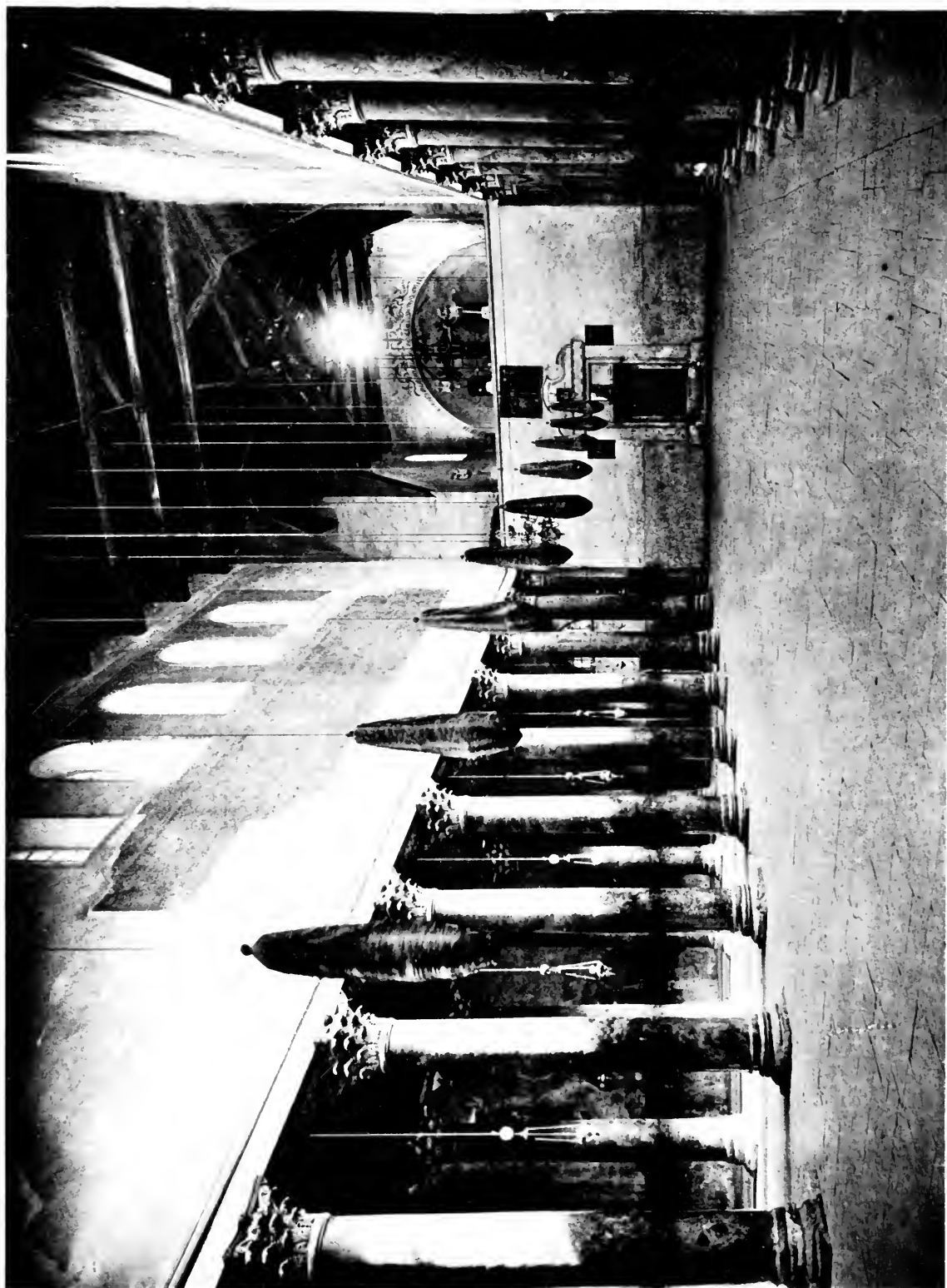
II. Иерусалимъ. Дворъ Іоаннитовъ. Колонны изъ греч. ц. Б. М. въ Храмъ Св. Гроба, VI в.

ІІІ. Іерусалимъ. Латинская ц. св. Анны. Развалины ц. надъ Лат. Овч. куп. В. ч.

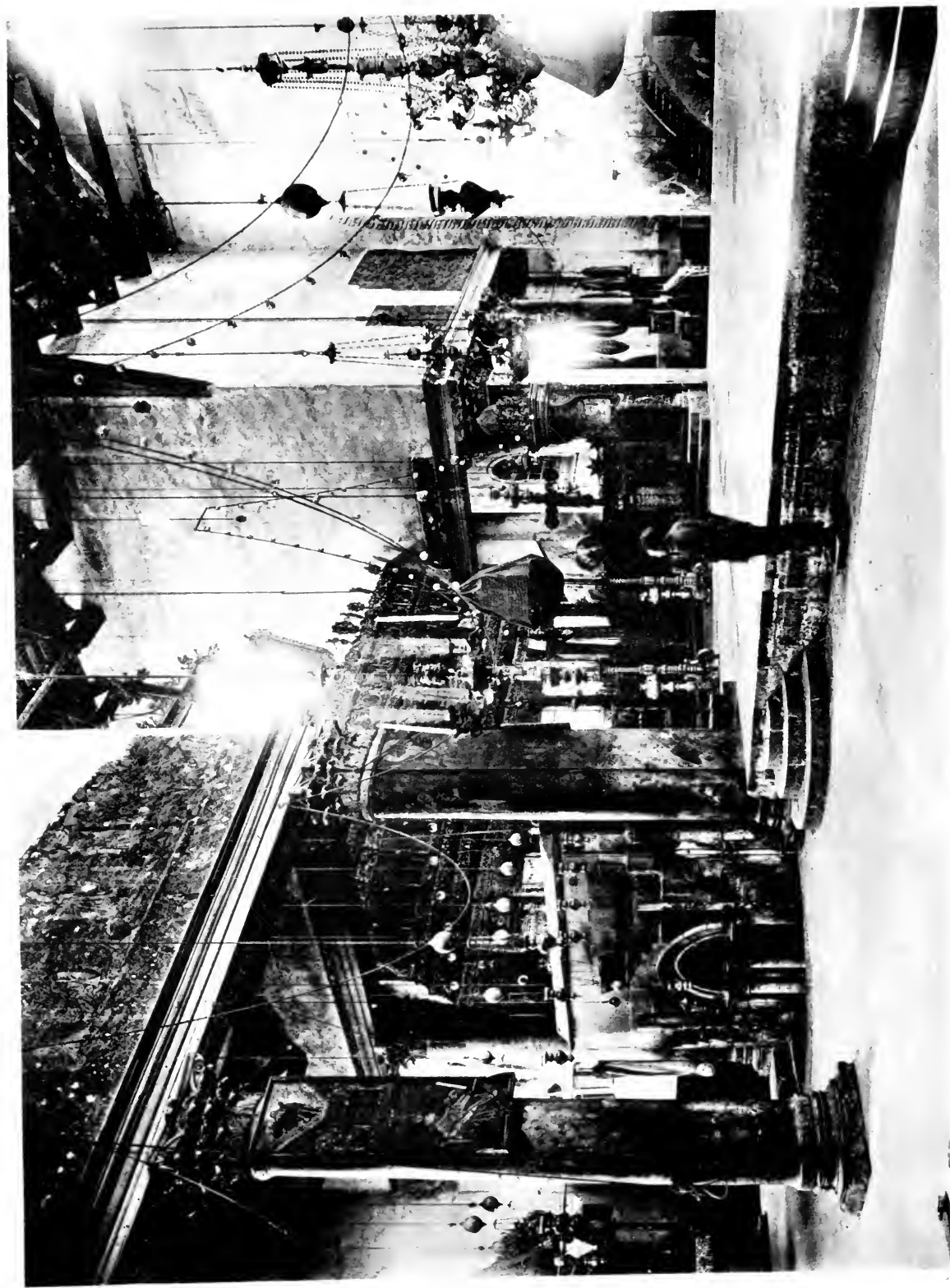

ЛIII. Вифлеемъ. Монастырь и Храмъ Рождества Христова. З. входъ.

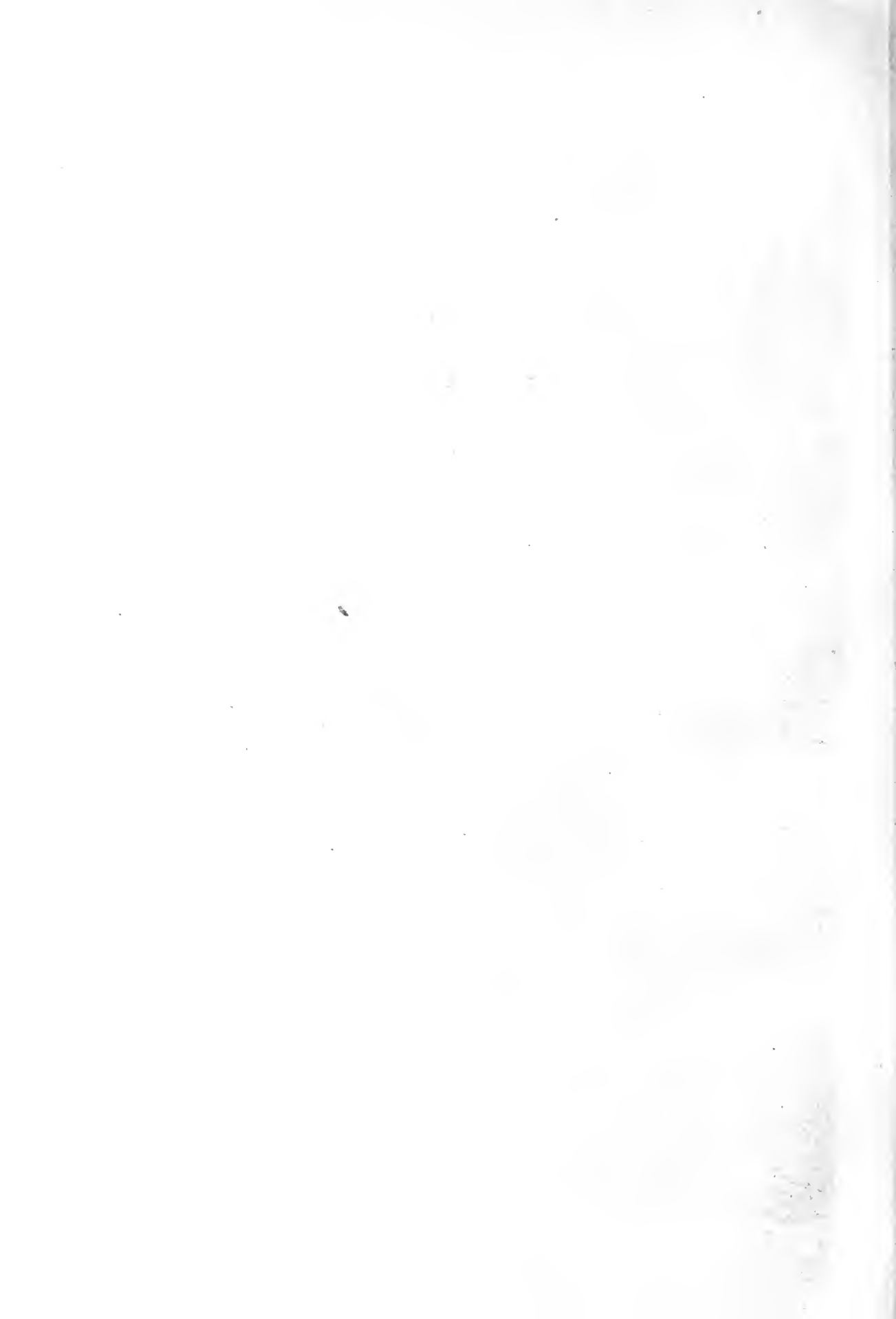

ЛIV. Базилика Рождества въ Виолемѣ. Средній нефъ, съ 3.

LV. Виолемъ. Храмъ Рождества. С. спускъ въ пещеру Рождества.

LVI. Монастырь св. Креста (дер-ел-Мусалабе). Мозаичн. полъ.

LVII. Иерусалимъ. Монастырь св. Креста. Видъ внутренности съ 3.

LVIII. Монастырь св. Креста. Фрески на л. стор. среднего нефа.

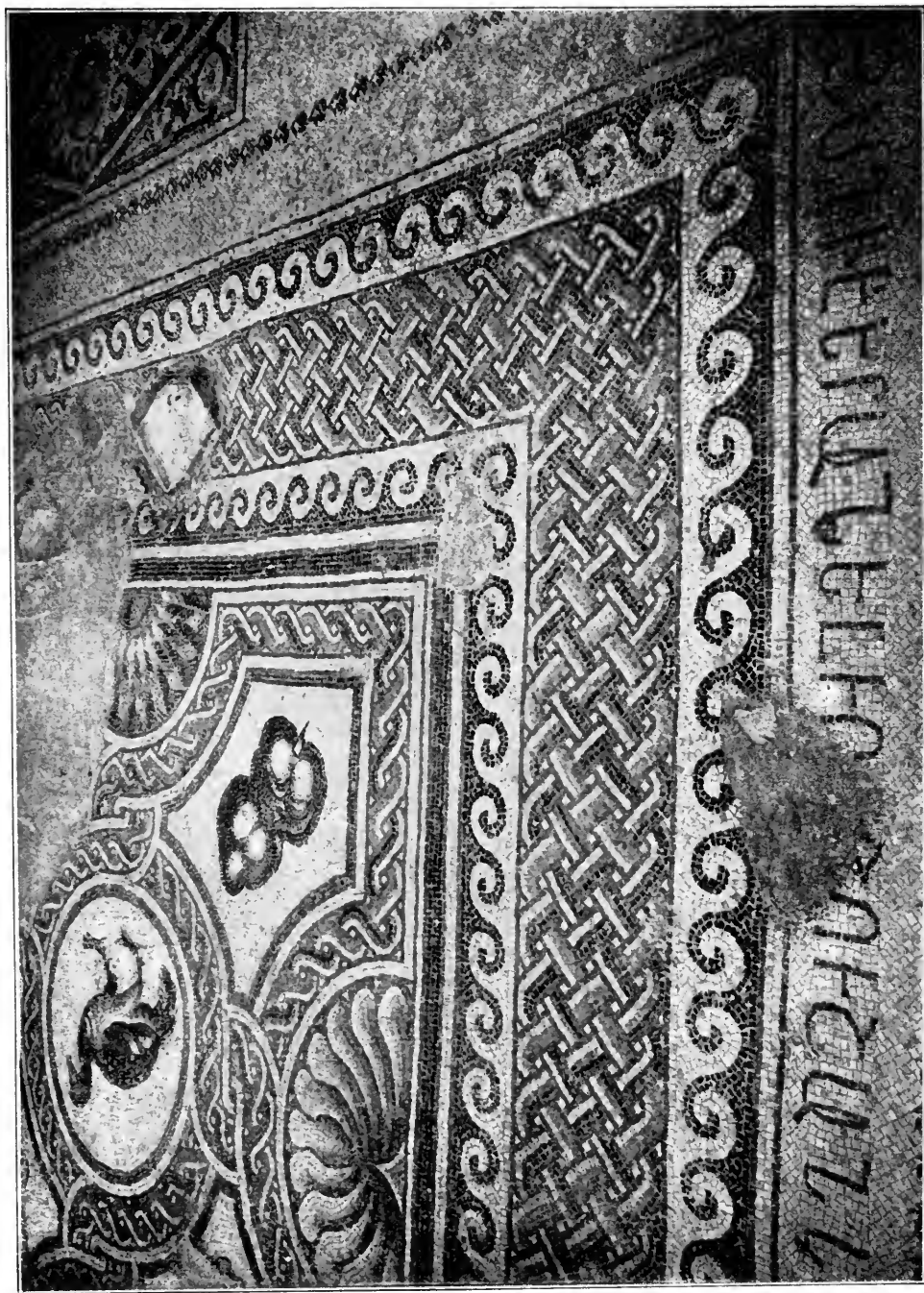
ЛІХ. Монастырь Креста. Фреск. образъ
Одигитріи.

LX. Монастырь св. Креста.
Образъ Спаса.

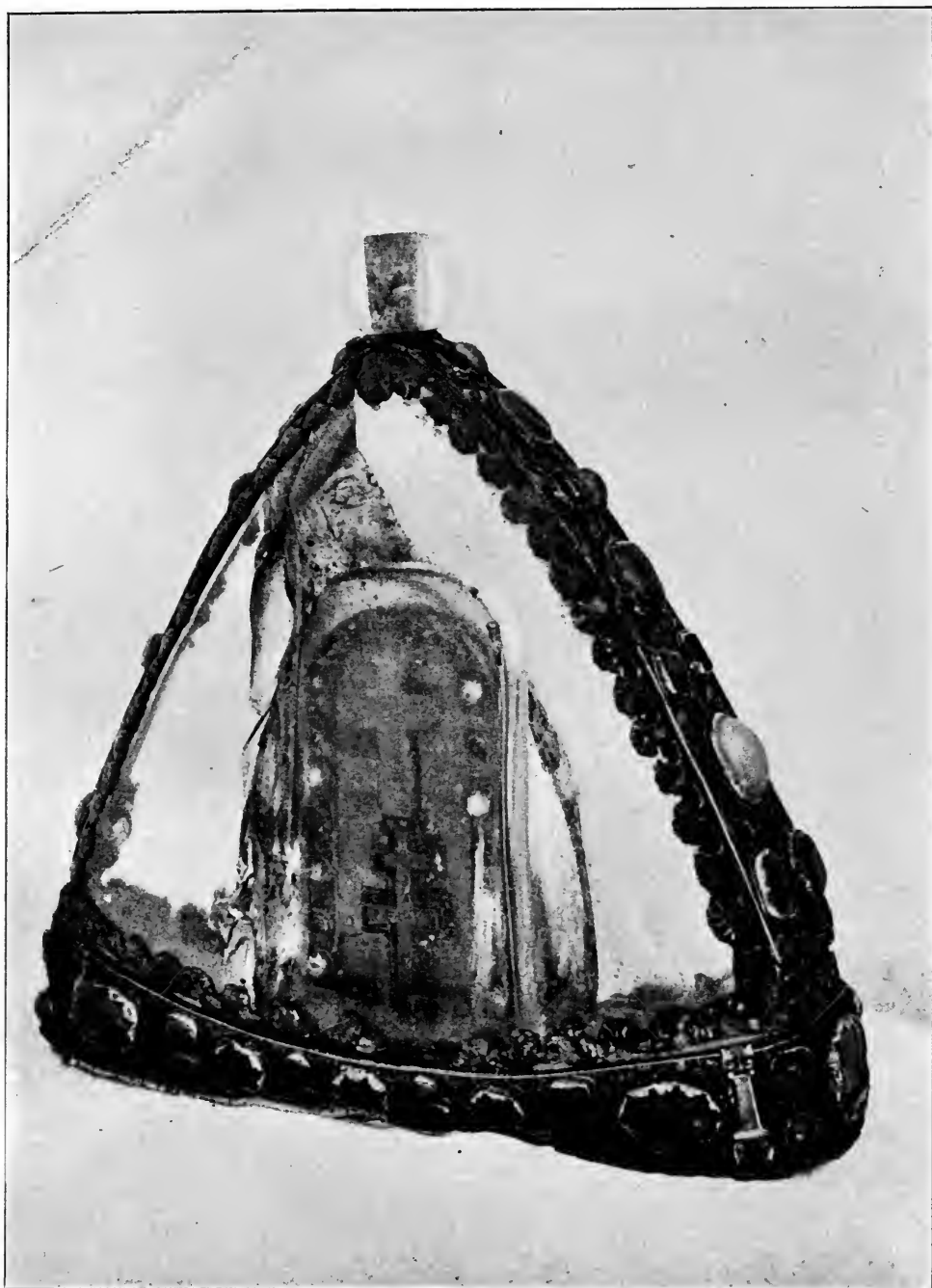
Л.ХІ. Іерусалимъ. Церковь Вознесения. Пріюгъ. Мозаическій полъ.

LXII. Иерусалимъ. Русское мѣсто о. Антонина. Пріюгъ. Мозаичный полъ.

LXIII. Иерусалимъ. Патр. библи. Армянская ркн.

LXIV. Ризница ц. Св. Гроба. Хрустальная древохранительница
XII вѣка.

LXV. Іерусалимъ. Храмъ Воскресенія. Икона Распятаго въ окладѣ съ виз.
эмальми.

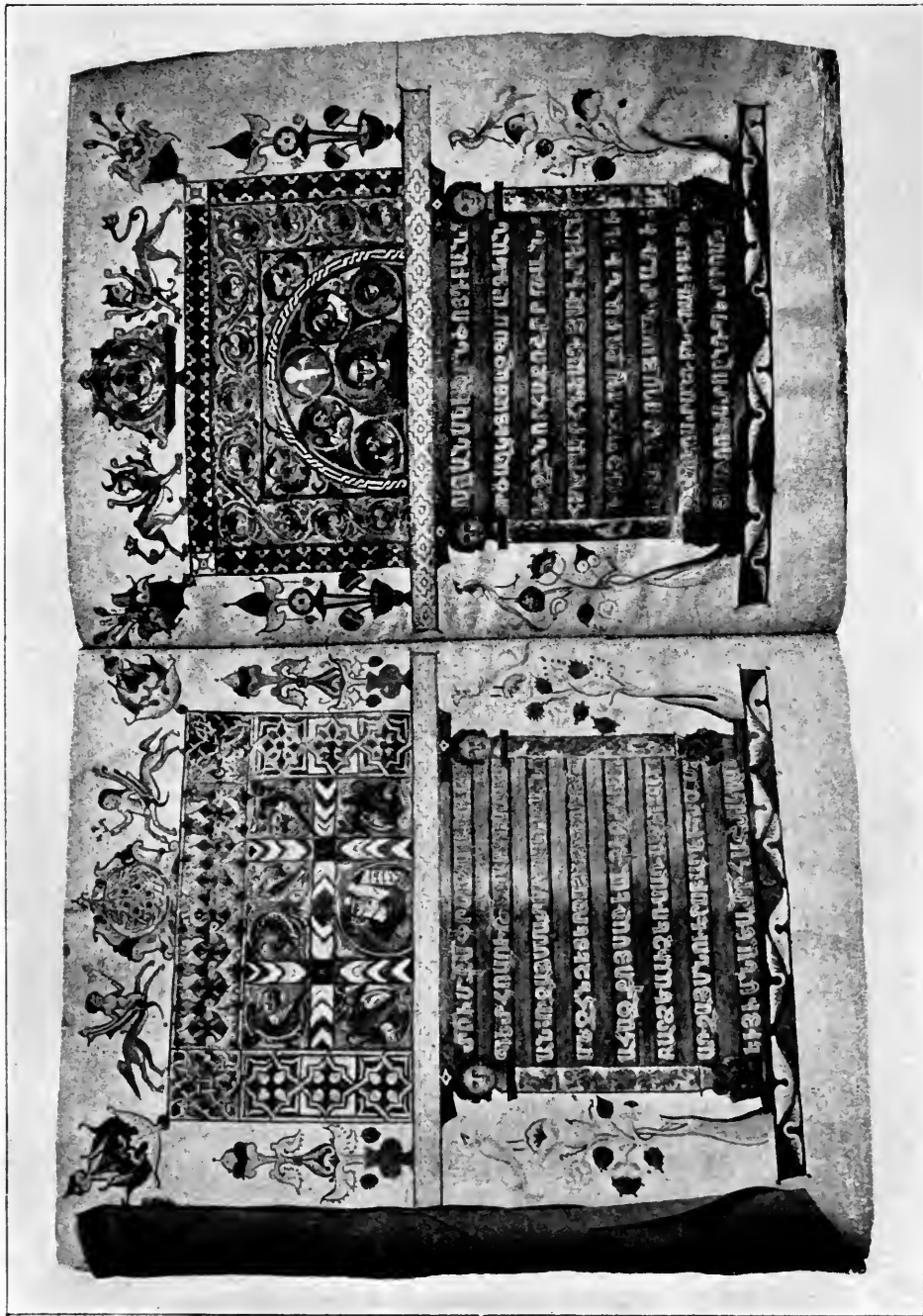
LXVI. Монастырь св. Креста. Мозаичный полъ.

LXVII. Иерусалимъ. Базилика Стефана. Мозаичн. полъ
бок. усыпальницы.

ЛХІХ. Іерусалимъ. Библ. арм. патриархіи. Книга Іезекиіля.

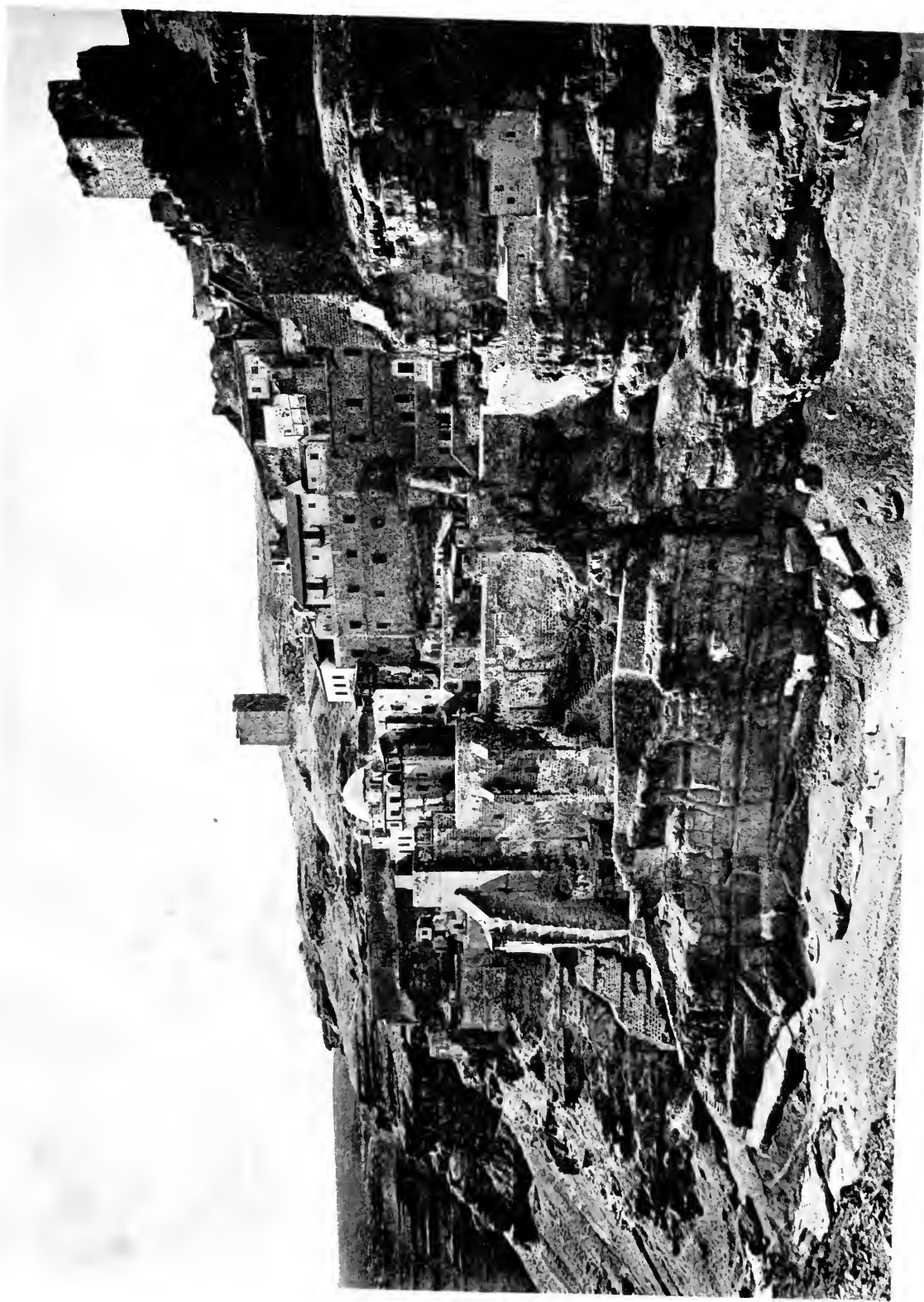

LXX. Иерусалимъ. Библ. армянской патріархіи. Выходные листы рки.

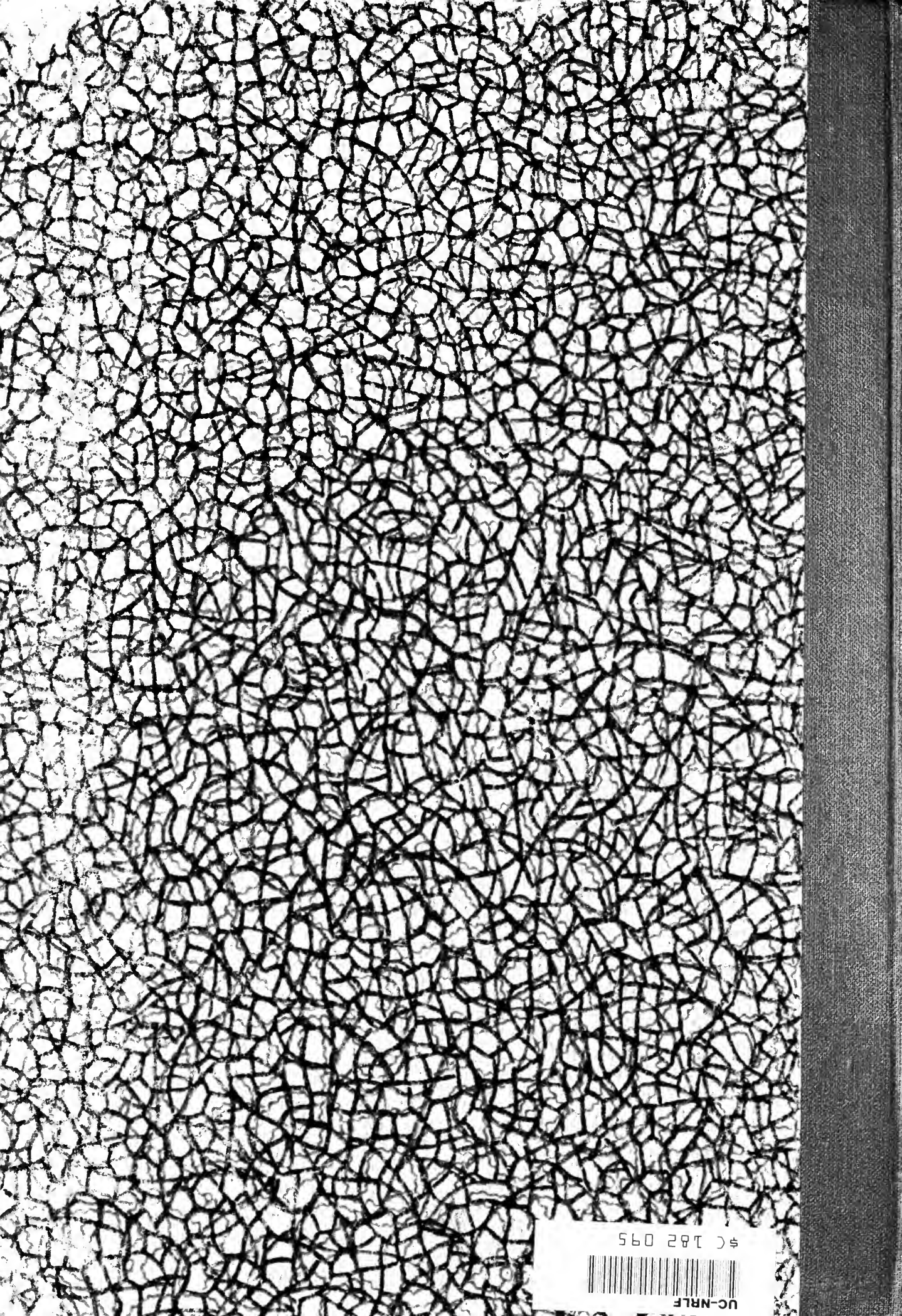
LXXI. Երուսалиմ. Բիբլ. արմ. պատրիարխի.

LXXII. Лавра св. Савы.

548

560 287 095

UC-NRLF